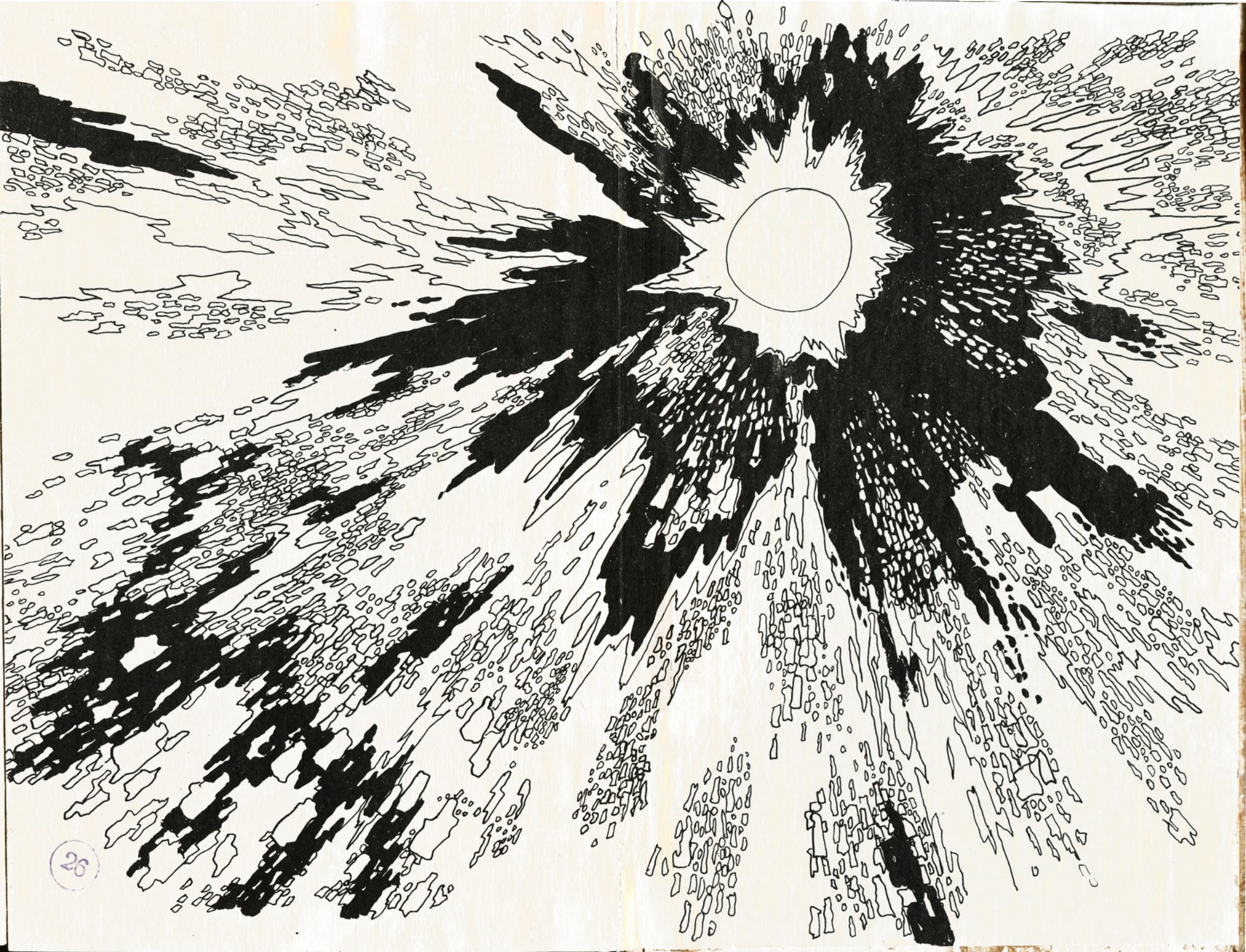
ФРАНСИС КАРСАК



ФРАНСИС КАРСАК

Серия научной фантастики

«ИКАР»

Но там действительно было нечто ужасное, может быть, самое ужасное во всей вселенной. Штука, которая предсказывала будущее... Я ее разрушил, но... слишком поздно. Теперь я знаю...

Я заранее холодел от ужаса при мысли, что мне придется высаживаться на неизвестной планете и сражаться с непостижимыми неведомыми существами. Но отступать было поздно... Кроме того, защищая Иалтар, я защищал и наше Солнце, защищал жизнь своего человечества.

О, по сравнению с вашей необъятной галактической цивилизацией мы сделали очень немного, но то, что мы сделали, — наше. Мы корчевали, строили, орошали, осушали, ровняли землю для полей, мы страдали и смеялись, мы здесь рождались и умирали. Кому же принадлежит эта земля?

Однажды около полудня я разрабатывал свою теорию о солнечных пятнах, когда вдруг обнаружил, что, если мои расчеты верны, скоро настанет конец света... Словно безумный выбежал я из лаборатории... Солнце, висевшее низко над горизонтом, пылало в небе как всегда.

ФРАНСИС КАРСАК

СБОРНИК
научно-фантастических
произведений

Кишинев

«Штиинца» 1992

УДК 840—31
К 21

Текст печатается по изданиям:

Дорога воспоминаний: Сборник научно-фантастических произведений. М.: Мир, 1981.

Пришельцы ниоткуда: Сборник научно-фантастических произведений французских писателей. М.: Мир, 1967.

Карсак Франсис. Бегство Земли: Фантастические романы. М.: Молодая гвардия, 1972.

Художник
В. СМИРНОВ

Составитель
Н. ХУРУЯНУ

4703010100—35
К ——————— Без объявл.
М755(10)—92
ISBN 5—376—01525—4

© Перевод Ф. Мендельсона
© Художественное оформление В. Смирнова
© Составление Н. Хуруяну.

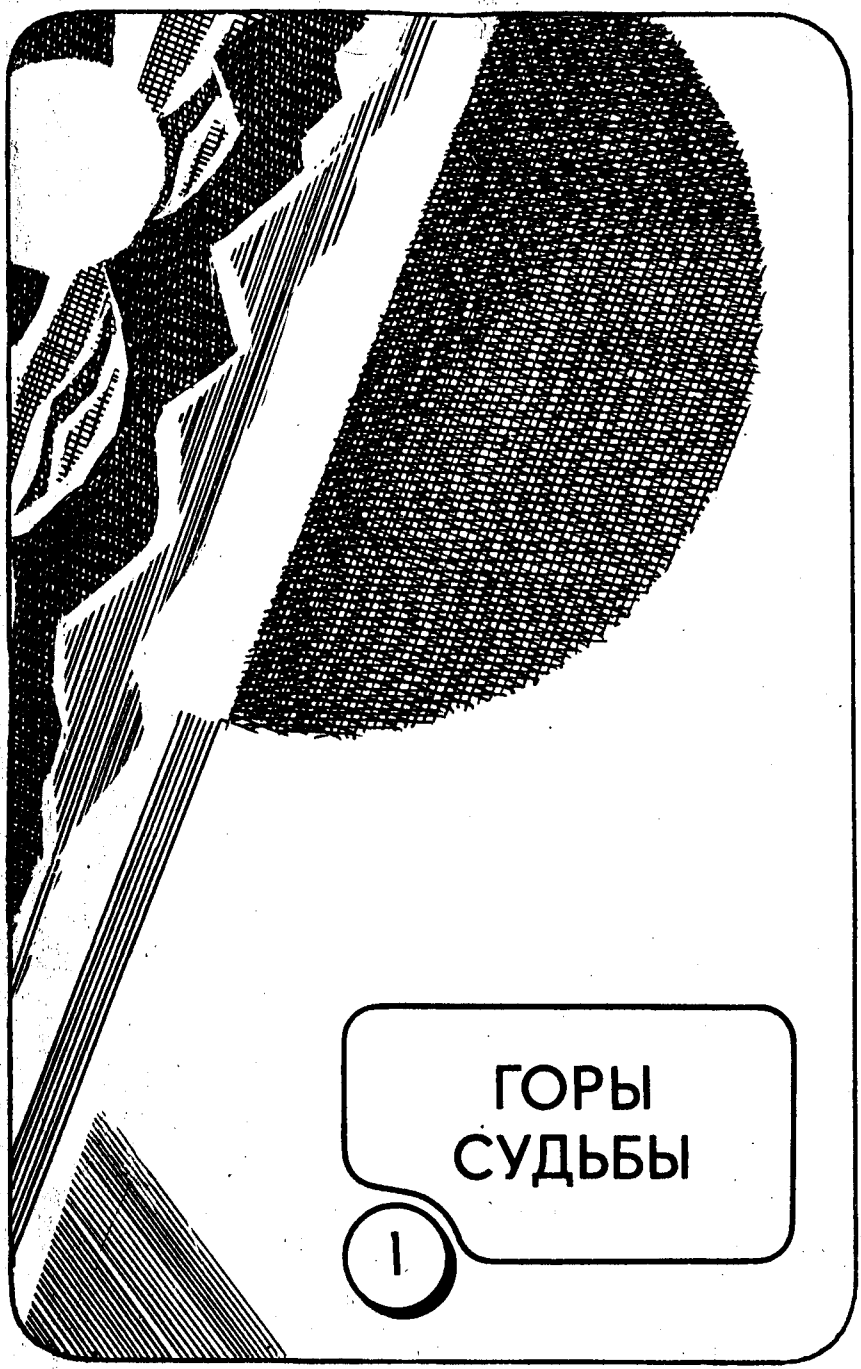
ГОРЫ СУДЬБЫ
7—35

ЛЬВЫ ЭЛЬДОРАДО
37—159

ПРИШЕЛЬЦЫ НИОТКУДА
161—271

ЭТОТ МИР — НАШ
273—401

БЕГСТВО ЗЕМЛИ
403—485



ГОРЫ СУДЬБЫ

1

В контрольной башне астропорта Джонвиль вспыхнула красная лампочка и зазвенел звонок. К Офиру II приближался звездолет. Бент Андерсон отложил книжку, которую лениво перелистывал,— торопиться было некуда — и повернулся вместе с креслом к пульту управления.

— Внимание, ребята, по местам!

Джон Кларк поднял голову от шахматной доски и ответил, не выпуская ладьи из пальцев:

— Погоди, время еще есть. Дай нам закончить.

Но Чунг уже встал и занял свое место справа от Андерсона.

— Закончим потом,— сказал он.— К тому же тебе все равно мат через три хода!

Кларк наградил маленького корейца уничтожающим взглядом, пожал плечами и тоже занял свое место у пульта. Экран осветился, на нем появилось лицо капитана звездолета.

— Вызывает «Денеб», смешанный грузовоз «Денеб» компании Межпланетных перевозок. Прошу разрешения на посадку. Должен высадить двух пассажиров. Вернее — одного с половиной.

— Что это значит?

— Увидите сами. Какой квадрат вы мне даете?

— Любой на ваш выбор. Астропорт пуст. Впрочем, какой у вас тоннаж?

— Двенадцать тысяч шестьсот тонн.

— Тогда садитесь в девятом квадрате. Мы вас поведем.

* *
*

— Успокойся, Лео! Оставайся на койке. Не очень-то я верю в надежность инертонов этой старой калоши! А я поднимусь в кабину управления. Капитан оказал мне честь: пригласил к себе перед посадкой.

Сверхлев повернул к Тераи Лапраду свою огромную голову, наполовину прикрыл желтые глаза и зевнул.

— И это все, что ты мне скажешь, Лео? Ну ладно, пока!

Тераи пришлось нагнуться и боком протиснуться сквозь узкую дверь каюты, не предусмотренную для такого гиганта, как он,— два метра десять нечасто встретишь даже среди олимпийских атлетов. Так же он вынужден был скорчиться и в лифте, поднимавшем его в кабину управления.

— А, вот и вы, Лаприд! Садитесь, чемпион. Места здесь хватает с тех пор, как господа из дирекции решили, что на этих лоханках типа «Звезда» можно обходиться без третьего пилота и навигатора. Мы прибудем через пять минут. Вон уже астропорт, и даже передатчик материи виден. Когда они лет двадцать назад изобрели эту штуку, я думал, что останусь без работы. Но, к счастью, все, что они передают, пребывает на место в виде мельчайшей пыли. Для минерального сырья это роли не играет, а вот для машин, для товаров — ха-ха! О людях или животных я уже не говорю: даже сосисочного фарша не получается. Так что пока без нас и без наших кораблей не обойтись, дружище!

И капитан Лутропп захохотал, откинувшись на спинку своего кресла.

Тераи обвел глазами остальных членов экипажа — Мак-Нейша и Ямомото. Вместе с механиком Байлом, сидевшим сейчас в машинном отделении, они были его единственными спутниками в течение трех долгих недель перелета. Конечно, гениями их не назовешь, хотя в области математики и астрономии они могли бы посоперничать со многими учеными Земли. Но зато веселые собутыльники и грозные противники за карточным столом! Скоро они исчезнут из его жизни, как исчезли уже многие другие, оставшиеся позади за миллиарды километров. Или унесенные смертью. Как его отец и мать. Снова перед глазами Тераи взметнулись языки пламени, в котором погибла лаборатория отца, подожженная бомбами фанатиков-фундаменталистов. Отчаянно и тщетно искал он тогда родителей в горящем здании; Лео, совсем еще маленький львенок, прыгнул к нему на руки; в застрявшем лифте обугливались трупы двух ассистентов; один поджигатель замешкался, и он свернул ему шею — впрочем, кому до этого дело?— крыша обрушилась, и они с Лео спаслись только чудом... Пропади она пропадом, эта Земля, со всеми ее сумасшедшими!

Ведомый направленным лучом «Денеб» плавно опустился на гравитронах и коснулся бетона.

— Ну вот, Лаприд, желаю удачи! Не представляю, чем может привлечь эта богом забытая планета такого человека, как вы... Молчу, молчу, меня это не касается! Не исключено, мы когда-нибудь еще увидимся, а? Мир тесен, это говорю вам я, капитан Лутропп, старый космический волк! Сейчас выгрузим ваш багаж и отправимся дальше. Мы и так из-за этого крюка потеряли время, а для компании время — деньги, не так ли?

Тераи пожал руку капитану, Мак-Нейшу и Ямомото.

— Спасибо, дружище, за уроки каратэ!

Механик Байл ожидал его у двери каюты, не осмеливаясь войти из-за Лео.

— Ваши вещи уже внизу. Я за всем проследил. До свидания, Лаприд! Пассажиры у нас иногда бывают, но такой, как вы,— первый. А жаль...

— Пойдем, Лео, дай я тебе надену ошейник! Ясно, ясно, ты этого не любишь, но не все же знают, что ты — сверхлев, а не зверь, сбежавший из цирка. А вдруг кто-нибудь с перепугу откроет пальбу, если увидит тебя на свободе? Я его, конечно, уложу на месте, но тебя это не воскресит.

С недовольным видом Лео позволил надеть на себя ошейник, покорно последовал за Тераи в пассажирский лифт, и они вместе вышли на трап.

В это мгновение служащий второго класса Луиджи Тачини, сидевший в башне астропорта, взглянул на экран телетайпа и невольно воскликнул:

— Вот это да! Знаешь, дядя, кто к нам прибыл на «Денебе»? Лапрад, трижды рекордсмен мира, олимпийский чемпион!

— Не болтай глупостей, малыш,— отозвался Тачини Старший, начальник астропорта.— Лапрадов в одной Франции сотни.

— Тераи Лапрадов?

— Тераи? Тогда это, наверное, в самом деле он. Но что ему здесь понадобилось?

— По документам он геолог. У него контракт с Межпланетным металлургическим бюро. И с ним еще некий Лео.

— Лео, а дальше?

— Просто Лео. Больше ничего. А вот и они!

На площадке у трапа появился высокий человек, за которым важно выступал лев.

— Подумать только, встретить его здесь, быть может, даже поговорить!

Голос Луиджи прерывался от восторга.

— Подумаешь, такой же человек, как и все.

— Такой же, как и все? Вы слышите? Три мировых рекорда за два дня последней олимпиады — такой же, как и все? Нет, дядя, ты просто ничего не понимаешь в спорте!

— Ладно, главное, не подходи близко к его приятелю Лео.

Зазвонил телефон. Тачини Старший взял трубку:

— Говорит Старжон, директор ММБ на Офире II. На «Денебе» должен прибыть один из наших геологов, господин Лапрад. Немедленно направьте его ко мне и не морочьте ему голову всякой чепухой. Понятно?

— Да, господин Старжон. Будет исполнено, господин Старжон.

Тот молча отключился.

— Луиджи, вот тебе случай познакомиться с Лапрадом. Отвезешь его в город. А сейчас я должен избавить твоего кумира от формальностей. Слышал, что сказал господин Старжон? Если хочешь здесь чего-нибудь достичь, помни, Луиджи, что вся эта планета принадлежит ММБ.

Необычные пассажиры заняли места в открытом глайдере. Луиджи ощутил на своем затылке горячее дыхание и обернулся. Огромная морда Лео была в нескольких сантиметрах.

— Месье Лапрад, скажите вашему зверю, чтобы он не дышал мне в затылок. Меня это... отвлекает.

— Ему незачем повторять. Он уже понял, месье...?

— Тачини. Луиджи Тачини.

— Так вот, Тачини, Лео не простой лев. Это паралев, или, как говорят газетчики, сверхлев. С помощью направленных мутаций удалось создать существо, равное по уму семилетнему ребенку. Он уже не зверь! Видите, какой у него мощный выпуклый лоб? Лео понимает простую речь и может по-своему отвечать.

Сверхлев испустил полувнятное ритмичное рычание.

— Он с вами поздоровался.

— Потрясающе! Кто же такое сотворил?

— Мой отец и его друзья. Они погибли. А вместе с ними моя мать.

— Что же, эти сверхлвы... взбунтовались?

— О нет. Десятки психопатов забросали лабораторию зажигательными гранатами. Только мы с Лео и остались в живых.

— Но за что?

— Кто знает, что творится в головах некоторых так называемых людей! Наверное, они просто обезумели от страха. Но Лео нервничает, Луиджи. Он не любит, когда об этом говорят. И я тоже.

— Извините меня, месье Лапрад... А скажите, какой ваш лучший результат на полторы тысячи метров?

— Три минуты пятьдесят. Для меня это трудная дистанция, как и для всех спринтеров. На более короткие я бегу быстрее, а на длинных под конец не хватает дыхания. Впрочем, вот уже четыре года я не участвую в состязаниях.

— Но почему же? Ведь вам совсем немного лет!

— Да, двадцать четыре. Но мне нужно было писать диссертацию. Научные исследования и большой спорт даже сегодня трудносовместимы. А я всего лишь олимпиец, а не сверхчеловек, Луиджи.

— Вы француз?

— Нет. Во мне течет кровь четырех рас: полинезийской, китайской, европейской и индейской. Однако похоже, мы уже на месте. Благодарю вас, Луиджи.

— До тех пор пока вы будете здесь, если вам что-нибудь понадобится, я всегда...

— Спасибо. И один совет, Луиджи: совершенствуйте свое тело, но не забывайте, что человеком быть важнее, чем чемпионом!

Тераи не понравился Старжону с первого взгляда. Высокий, атлетически сложен. Директор не любил людей выше и сильнее себя, а потому встретил геолога холодно.

— Нам рекомендовали вас университеты Парижа, Чикаго и Торонто. Кроме того, я прочел вашу диссертацию о Баффиновой Земле и других северных островах. Неплохая работа. У нас здесь немало блестящих изыскателей, но ни одного настоящего геолога. Вы нам подходите, несмотря на молодость. Для начала займитесь составлением карт. Мы предоставим в ваше распоряжение все необходимые средства, конечно в пределах возможного, однако потребуем соответствующей отдачи. И еще одно. Этот ваш зверь. Он будет вас стеснять и может оказаться опасным. Советую вам избавиться от него, пока не случилось беды.

Тераи встал.

— Лео включен в подписанный мною контракт. Он сопровождает меня повсюду. Если вы не согласны, контракт будет расторгнут, и я немедленно улечу. «Денеб» еще здесь.

— Не будьте таким вспыльчивым! Я забочусь о ваших же интересах, но если вы смотрите на это таким образом... Короче, ваш зверь целиком на вашей ответственности, понятно?

— Понятно. Вы не можете порекомендовать мне отель?

— В Джонвиле нет отелей. Мы тут все пионеры, господин Лапрад, не забывайте! Кстати, здесь немало таких молодцов, которых не испугают ни ваши мускулы, ни ваш лев. А хижина для вас еще строится. Мы думали, вы прибудете на корабле нашей компании, то есть не раньше чем через месяц. А пока — есть лишь маленькая гостиница при харчевне, может быть, там найдется для вас комната. Не знаю только, примут ли они вашего зверя...

— Попытаю счастья...

— Да, еще одно, Лапрад! Как можно меньше якшайтесь со стиками.

— Со стиками?

— Это аборигены. Так их называют изыскатели: «стики», палки.

Они похожи на палки. К счастью, стики не относятся к гуманоидам и у нас здесь нет никаких историй с их женщинами. А ведь, говорят, на других планетах мужчины... Ну ладно, грузовик доставит вас с вашим багажом до гостиницы. Завтра жду вас с докладом в дирекции ровно в восемь. Кстати, купите себе офирские часы — их продают в магазине компании. Здесь на Офире сутки составляют двадцать пять земных часов и двенадцать минут, а я привык к точности, господин Лапрад.

Харчевня-гостиница оказалась приземистым бревенчатым домом в два этажа, стоявшим в конце улочки из хижин изыскателей, рабочих и инженеров. Содержала это заведение еще молодая вдова, мадам Симпсон, с помощью своей семнадцатилетней дочери Анны. Несмотря на опасения Старжона, Лео здесь приняли хорошо. Мадам Симпсон зачитывалась журналом «Райдер дайджест», а как раз недавно там появилось сокращенное изложение книги знаменитого Джо Диксона «Создания божьи», в которой этот журналист попытался донести до широкой публики суть сложных биохимических и генетических изысканий Генри Лапрада. Тераи едва сдержался, когда любезнейшая мадам Симпсон, преисполненная гордости от того, что у нее поселится сын прославленного ученого, упомянула об этой книге. Ведь именно ее крикливое название вызвало ярость американских фундаменталистов, все еще влиятельных в отдельных штатах, и привело к трагедии. Анна же лишь молча покраснела, что очень шло к ее личику полненькой блондинки.

— Обед через два часа, месье Лапрад,— сказала мадам Симпсон.— А пока приготовят вашу комнату, можете посидеть в соседнем баре. Он тоже принадлежит нам, пиво там отменное, да и выбор напитков неплохой.

Тераи вошел в бар и уселся в углу, Лео растянулся у его ног. Бесцветная служанка спросила, что им подать.

— Для меня пиво. Для Лео кока-колу в большой миске.

— Кока... для этого зверя?

— Что поделаешь, в смысле напитков у него дурной вкус.

— Вы что, смеетесь?

— Принесите, и увидите сами!

Посетители столпились вокруг них, с любопытством ожидая продолжения. Раздосадованный Тераи встал:

— Послушайте, друзья! Я только что прибыл, а потому ставлю выпивку на всех. Вы, наверное, работаете на ММБ? Я тоже. Я хочу лишь одного: жить в мире со всеми. Но я не желаю, чтобы меня разглядывали, как какое-то чудовище, только потому, что я олимпиец и со мною Лео. Лео — паралев, его разум был искусственно развит. Вот и все. В остальном он обыкновенный лев. Он очень мирный, когда ему не досаждают и не угрожают. Но в противном случае... Вы знаете, на что способен разъяренный лев? Так вот, Лео способен на большее!

— Мы не хотели тебе мешать!— воскликнул рослый изыскатель.— Но согласись, посмотреть, как лев будет пить кока-колу, такое не каждый день случается!

— Ладно, смотрите, а потом оставьте нас в покое. Я здесь пробуду по крайней мере год, еще успеете на нас налюбоваться.

Служанка вернулась с банками пива и кока-колы, рядом на подносе стояли стакан и небольшая супница. Тераи открыл банки, вылил кока-колу в супницу, и Лео под восхищенные возгласы зрителей вылакал свой напиток до дна.

— Ну что, посмотрели? А теперь оставьте его в покое! Я уже сказал: сегодня всем по стакану за мой счет!

Так Тераи впервые встретился с теми, кому суждено было стать его товарищами по работе. Тут были самые разные люди: дипломированные геологи-разведчики и изыскатели-практики; европейцы, американцы, русские, китайцы, несколько африканцев и даже один малаец. Все они переговаривались на англо-русском жаргоне или — в зависимости от культуры говоривших — на более или менее правильном английском или русском языке, которые давно стали языками космоса.

Когда Тераи объяснял уже в десятый раз,зачем он прибыл на Офир II, в бар вошел человек, при виде которого все понизили голоса. Маленький механик-парижанин, сидевший слева от Тераи, привстал на цыпочки и шепнул ему на ухо:

— Это Голландец! Не вздумай с ним связаться...

Лапрад обернулся, окинул вошедшего оценивающим взглядом. Почти такого же роста, как он, но шире в плечах, тяжелее, с уже выступающим животом. Лет тридцати пяти. На узком лице близко к сломанному носу глубоко посаженные светло-голубые глазки. Могучая челюсть и длинный шрам на левой щеке. Он направился прямо к геологу.

— Так это вы новый босс? Сразу из детского сада? Так вот, со мною держите себя потише. Я — Ван Донган! Мне наплевать на всяких там ваших покровителей: я не позволю, чтоб мной командовал какой-то желторотый. Запомните это, повторять не стану!

Он резко повернулся и, направившись в дальний конец бара, уселся там в стороне от всех.

— Что это еще за субъект?— спросил Тераи соседа.

— Он открыл рудник Магрет, пока что самый богатый. До вашего прибытия считался большой лягушкой в нашей маленькой луже. И постарается таковой остаться.

— И может в этом преуспеть?

— Да, черт побери! К несчастью, может.

— Похоже, вы его не очень-то жалуете.

— Его никто не жалует, эту скотину. Он силен как бык, и избивает до полусмерти всех, кто ему противится. Вы тоже, видно, не из слабеньких, но вряд ли имеете такой опыт, как он. Главное, для Голландца нет запрещенных приемов. Вернее, он только и пользуется запрещенными!

Тераи пожал плечами: поживем, увидим.

В бар вошел старик с красным носом и глазами пьяницы. Его когда-то великолепный комбинезон изыскателя совершенно выгорел и был вытерт до дыр, каждая из которых свидетельствовала о нищете хозяина... или о полном безразличии ко всему и вся.

— А это кто?

— Старина Мак-Грегор. Пьет мертвую. А жаль. Ведь это он первым высадился здесь двадцать лет назад и обнаружил первые месторождения. Прекрасный инженер, первый здешний директор. И вот теперь...

Механик приумолк, затем продолжал:

— И все-таки он прекрасный человек, а когда трезв — настоящий кладезь самых разных сведений об Офире. Он единственный, кто знает язык стиков, единственный, кто может с ними свободно говорить.

— С чего же он так спился?

— Никто не знает. Одни говорят, что он не может смотреть, как компания обращается со стиками, другие — что у него своя любовная драма, третьи — что с ним в горах случилась какая-то странная история, после которой он слегка тронулся. ММБ продолжает ему выплачивать жалованье, потому что никто не знает Офир лучше, чем он. Но в последнее время он так часто напивается, что вряд ли это протянется особенно долго.

Мак-Грегор заказал еще одно виски. У него было мрачное опьянение, каждый раз он долго смотрел на свой стаканчик и потом резко подносил его ко рту и выпивал до дна большими глотками. Никто, казалось, не обращал на него внимания. Лапрад снова заговорил с соседями, пытаясь по их рассказам составить себе представление об условиях работы, об опасных животных и растениях, узнать о труднопроходимых тропах. Мак-Грегор подошел к стойке за новым стаканчиком виски. Он увидел Тераи, внимательно вгляделся в него и пробормотал:

— Ах это ты, тот самый? Значит, мне осталось уже недолго...

И он, пошатываясь, двинулся к своему столу.

— Что он хотел сказать?

— Да так, ничего,— ответил механик.— Просто он с причудами. Говорит, что точно знает день своей смерти. Особенно когда выпьет, как сегодня...

Его прервал глухой удар и последовавший за ним крик. Тераи обернулся. Мак-Грегор лежал на полу с окровавленным лицом, а над ним со сжатыми кулаками склонился Голландец.

— Что, получил, проклятый пьянчуга? Может, хочешь еще?— Голландец выпрямился с холодной усмешкой.— Пьяный боров толкнул меня, вот я и преподал ему урок. Кто-нибудь имеет что-нибудь против?

Послышались невнятные голоса, глухой ропот, который быстро стих. Лапрад пожал плечами. В конечном счете это его не касалось. Тем не менее он подошел к Мак-Грегору, чтобы помочь ему подняться.

— Эй, ты! Не трогай его!

— А если трону?

— Я тебя отучу соваться не в свои дела!

Тераи внезапно ощутил смертельную усталость. «Только из-за того что я олимпиец и на две головы выше других,— подумал он,— всякие скоты повсюду лезут со мной в драку, чтобы убедиться, что они не слабее и я не представляю для них опасности. Это было уже столько раз, что кажется, будто без конца повторяется одна и та же сцена. Ладно, быть по сему!»

— Ну что ж, попробуй, отучи. Лео, ни с места!

Удар ногой последовал с такой внезапностью, что Тераи не смог его полностью избежать. Он успел только повернуться, и удар пришелся по ребрам, а не в живот. Несмотря на боль, он смог отскочить назад и этим смягчить прямой в челюсть, который скользнул по его левой скуле. Он отступил, чтобы не споткнуться о Мак-Грегора, все еще лежавшего без сознания. Ван Донган тотчас бросился в атаку, но теперь он остановил его резким прямым в подбородок. После этого Тераи только парировал удары противника, спокойно изучая его и выжидая подходящего момента. Наконец такой случай представился и он смог провести двойной удар: левый — в печень и тотчас прямой — в солнечное сплетение. Оба удара глухо прозвучали почти одновременно. Ван Донган согнулся вдвое, рухнул на колени, а затем медленно повалился набок под восторженные крики изумленных зрителей. Один из них встал перед Тераи и воскликнул:

— Эй, парень, теперь ты можешь просить у старого Жюля, что хочешь! Этот мерзавец украл у нас две заявки, а когда мы с Дугласом попробовали поднять голос, он уложил нас обоих в больницу. Я надеялся, что когда-нибудь кто-нибудь продырявит ему шкуру, но чтобы кто-то по всем правилам набил ему морду, об этом я даже не мечтал! Где ты научился так драться?

— Так, занимался немного боксом. А потом стычки с матросами на островах...

— Немного боксом! Боже милостивый, от твоего прямого свалится и чемпион, рука так сама и бьет.

— Значит, Луиджи был прав? Ты тот самый олимпиец... Берегись!

Рыжее тело мелькнуло в воздухе и сбило его с ног. Раздался короткий вопль.

— Назад, Лео! Я тебе приказал...

— Он спас тебе жизнь, твой лев,— сказал Жюль.— Голландец едва не всадил тебе в спину нож!

Тераи вцепился в гриву льва и потянул его изо всех сил назад. Лео взревел, повернул голову с окровавленными клыками, но увидев, что это Лапрад, успокоился, мирно уселся в углу и принялся облизываться, как кошка.

— Доктора!— крикнул кто-то.

— Какого доктора? Он свое получил!

Голова Ван Донгана была странно деформирована, скальп сорван. Его правая рука все еще сжимала нож. Изыскатели, побледнев, переглядывались.

— Знаешь что, старина,— сказал один из них,— ты и твой лев... Лучше уж быть вашими друзьями!

— Я займусь Мак-Грегором. Если полиция будет меня искать...

— Полиция?— в толпе послышались иронические смешки.— Ты хочешь сказать директор? Он один здесь и суд, и полиция. Старжон, конечно, взбеленится. Голландец был его ближайшим подручным. Но ты не волнуйся. За тебя будут стоять столько свидетелей, сколько понадобится, даже те, кто ничего не видел!

Тераи нагнулся и поднял Мак-Грегора.

— Где его хижина?

— Пойдем, я тебя отведу,— предложил Жюль.— А ты, Лоуренс, беги за врачом.

От харчевни до хижины Мак-Грегора было метров двести. Уже наступала ночь, первая ночь Тераи на этой планете. Все казалось ему необычным: воздух, слегка отличавшийся от земного, запахи, крики ночных животных. Две луны преследовали друг друга в незнакомом небе. Лео, бежавший за хозяином, то и дело останавливался, принюхиваясь к ветру. Внезапно откуда-то слева раздался пронзительный яростный свист, лев ответил угрожающим рыком и присел для прыжка.

— Успокойся, приятель!— усмехнулся Жюль.— Никакой опасности! Зверь, который так громко свистит, всего лишь лягушка величиной с кулак. В окрестностях нет опасных животных. Ну, вот мы и пришли.

Лапрад вошел в комнату и опустил Мак-Грегора на неприбранную кровать. В бревенчатом доме была всего одна комната с большим почерневшим камином — очевидно, зимой здесь стояли холода. Стол, хромоногие табуретки да масса растрепанных старых книг — вот и вся обстановка. Пока Жюль смывал кровь с лица шотландца, Тераи просмотрел несколько томов — труды по практической геологии и рудному делу, романы, и все это на пяти или шести различных языках.

— Мак говорит на всех этих языках?

— Да, и еще на языке стиков. Он здесь единственный, кто хорошо знает их язык. Я вот могу связать только пару слов. Чертовски трудный язык!

Мак-Грегор, без сомнения, был культурным человеком.

— Ты говорил, что он инженер?

— Да, и он был первым директором, до Старжона, до того, как запил.

— Как он себя чувствует?

— Скоро очнется. У Ван Донгана были преподлые удары... Были, к счастью! Смотри-ка, как здорово, что можно говорить о нем в прошедшем времени!

— Неужели вы его так ненавидели?

— Он был сволочью. Мерзкой сволочью на службе у человека, который не знает жалости и думает только о прибылях. Ты сам убедишься. Зачем ты прилетел сюда, Лапрад?

— На Земле слишком много сумасшедших. Я сыт ими по горло.

— Ну, сумасшедших ты найдешь и здесь. На сколько у тебя контракт?

— На год, с правом продления.

— Всего на год? Видно, им позарез нужен хороший геолог, раз они согласились на такой короткий срок. Работать на ММБ — не орешки щелкать. Все, что они печатают в своих рекламных проспектах,— вранье! Девиз ММБ «иди или подохни», а чаще «иди и подохни».

— Что же, посмотрим!

— Похоже, ты умеешь за себя постоять, олимпиец, однако... Ага! Мак очнулся и снова с нами.

Старик попытался приподняться на кровати, но Жюль удержал его.

— Где я? Что со мной? О, моя голова!..

— Ты случайно толкнул Голландца, и он тебе врезал, разбил башку. Когда Лапрад хотел вступиться, он и ему попытался врезать. Только он малость ошибся и сам в два счета очутился на полу! Тут ему вздумалось поиграть ножом, тогда лев Лапрада его прикончил.

— Прикончил? Ах да, Лапрад. Олимпиец, Человек судьбы! Я знал, что ты должен прийти, но не знал когда. В жизни всего не запомнишь... А теперь мне осталось полгода жизни и заплатить один долг... Горы Судьбы! Пухи, или стики, как вы их называете, знают об этом. И от этого умирают. Голос мне все объяснил...

Он снова упал на постель и умолк. В хижину поспешно вошел врач.

— Что еще стряслось? Снова шуточки Ван Донгана? Когда это кончится?

— Уже кончилось, доктор. Вам больше не придется ухаживать за жертвами этого мерзавца. Познакомься, Лапрад, это доктор Вертэс, друг бедных изыскателей.

Доктор Вертэс был высок и худ, остроконечная бородка и пронзительный взгляд придавали ему почти мефистофельский вид. Он уставился на Тераи.

— Хм, великолепный образчик! Метис, да?

— Да, и тем горжусь.

— Тут нечем гордиться и нечего стыдиться. Посмотрим-ка лучше нашего пострадавшего. Если бы он не пил как свинья, прожил бы до ста лет без всяких гериатров! Ступайте, я сам им займусь.

Когда они вернулись в бар, волнение еще не улеглось. Труп Голландца убрали, однако на полу еще оставались темно-коричневые пятна. Тераи встретили криками «ура», дружескими похлопываниями по плечу, приглашениями выпить. Вызванная на подмогу Анна стояла за стойкой, не сводя с Тераи восхищенных глаз. Все это его стесняло.

— Послушайте, друзья! Я хотел бы пообедать спокойно. Я голоден и устал. Так что, будьте добры, оставьте меня. Мы еще увидимся.

Он пообедал один вместе с Лео в маленькой комнатке. Анна подавала ему, вспыхивая каждый раз, когда он к ней обращался. Потом он поднялся в отведенную ему комнату. Лео недоверчиво обследовал ее и наконец улегся поперек порога.

— Что, Лео, опасаешься? Может быть, ты и прав, хотя не думаю, что сегодня нам еще что-нибудь угрожает. Завтра или позднее — все возможно, если, конечно, то, что мне порассказали, правда.

На следующее утро Старжон принял Тераи более чем холодно.

— Итак, едва появившись, вы со своим львом убиваете одного из моих лучших людей! Да, я знаю, что он был не прав, когда помешал вам поднять этого алкоголика. И был также не прав, когда схватился за нож. Ваше счастье, что столько людей свидетельствуют в вашу пользу, Лапрад. Иначе вы бы уже сидели за решеткой, ожидая ближайшего звездолета рейсом на Землю. Впрочем, оставим это: что было, то было. А сейчас вы должны немедленно заняться картами. До сих пор из-за отсутствия настоящего геолога мы работали, полагаясь лишь на опыт изыскателей, которые обследовали только поверхностные рудные выходы вдоль сбросов плато Вира и каньона реки Бероэ. Здесь, здесь и здесь.

Он указал точки на висевшей на стене карте.

— В вашем распоряжении будет карта, составленная по данным аэрофотосъемки и докладам изыскателей. Изучите ее хорошенько, там множество данных, но их следует уточнить и дать правильное толкование. Я наметил вам в помощники Ван Донгана, но вы его убили! Вот и выпутывайтесь теперь сами, как знаете.

— Я возьму Жюля Тибо. Но какова ваша система? Я думал, что всеми изысканиями занимается только ММБ, однако вчера мне сказали о каких-то индивидуальных заявках.

— Вот как? Никаких индивидуальных заявок на самом деле нет. Если отдельные изыскатели находят по-настоящему ценное многообещающее месторождение, они ставят заявочные столбы от своего имени и после тщательной проверки получают от нас дополнительное вознаграждение, иногда довольно значительное. Это они и называют индивидуальными заявками.

— Ясно. Понял. Каким штатом я могу располагать?

— У вас будет три чертежника-картографа. Что касается изыскателей, используйте, кого хотите. Единственное, что меня интересует,— это результаты. Ваша комната номер шестнадцать, в конце коридора. Но чтобы ваш лев не путался у меня под ногами!

В течение долгих недель Тераи работал как одержимый и даже по вечерам уносил материалы к себе, в бревенчатую хижину, которая теперь была его жилищем. Жилищем простым, но вполне комфортабельным, с рабочим кабинетом, спальней, ванной и кухней, которой он, впрочем, почти не пользовался, предпочитая столоваться в харчевне. Он уже познакомился почти со всеми членами земной колонии, что было, кстати, совсем нетрудно, так как все ее население не превышало трехсот человек, в основном мужчин; помимо них было также несколько незамужних женщин и несколько супружеских пар с детьми. С юными колонистами Лео подружился очень быстро, а когда на десятый день пребывания на планете он догнал и убил спустившегося с плато «горного волка», то приобрел друзей и среди их матерей.

Этот «горный волк» был первым крупным зверем, которого Тераи увидел на Офире II. Он и в самом деле отдаленно походил на волка, хотя кожа его была совершенно голой и лишь череп венчал пучок жесткой шерсти.

— На плато их полно, особенно вблизи Гор Судьбы,— объяснил ему Жюль Тибо.— К счастью, они редко собираются в стаи, а то были бы по-настоящему опасны для изыскателей-одиночек. Малышу повезло, что твой лев подоспел вовремя.

— Как он себя чувствует?

— Укус глубокий, но доктор Вертэс говорит, что все обойдется.

— Горы Судьбы! Откуда такое странное название?

— Это Мак-Грегор их так назвал. Он утверждает, будто это точный перевод туземного названия. Признаться, я никогда не задумывался, почему их так называют. Скорее подошло бы «Мертвые горы» или «Горы отчаяния».

— Неужели там настолько худо?

— Сам увидишь, если пойдешь со мной в следующий раз. Пора заняться разведкой в новом районе. Обрывы плато Вира уже достаточно известны.

— Смотри,— сказал Жюль.— Вон там внизу деревня стиков. Я знаком с их вождем. Хочешь, навестим его?

Деревня, скорее деревушка, притаилась в узкой долине, окруженная со всех сторон бревенчатым палисадом и рвом. В ней было не более полутора десятков домов, вернее хижин из глины и камней, покрытых широкими листьями, уложенными подобно черепице. На площадке посреди деревни можно было различить несколько необычайно тонких, высоких фигур.

— Собственно говоря, Старжон запретил мне с ними общаться, но будем считать, что у меня плохая память. Спустимся к ним, Жюль!

Когда они приблизились к деревне, узкий подъемный мостик был торопливо поднят, а в землю перед ними вонзилось несколько стрел.

— А, черт побери! Это из-за твоего льва! Я совсем забыл. Подожди меня здесь.

Жюль спокойно двинулся вперед, выкрикивая какие-то слова на местном языке. Стрелы перестали свистеть, над палисадом показалась голова. Тераи взял бинокль, чтобы получше ее рассмотреть. Голова была карикатурно человеческой, с хохолком зеленоватых волос, двумя глубоко посаженными глазами, длинным узким носом, щелевидным ртом и подбородком галошей. Больше всего она походила на отражение человеческой головы в искажающем зеркале из комнаты смеха, настолько она была немыслимо узкой и вытянутой.

Жюль позвал Тераи:

— Можешь спускаться, все в порядке. Только оставь Лео снаружи, хотя бы на этот раз!

Чтобы пройти в низкие воротца, Тераи пришлось наклониться. Жюль стоял в окружении туземцев, и геолог сразу понял, почему изыскатели прозвали их стиками: они и в самом деле походили на палку или скорее на тех земных насекомых, которых называют богомолами. Прямые хрупкие ноги опирались на узкие ступни, тело сужалось к голове, подобно горлышку бутылки, тонкие руки заканчивались худыми, как у скелета, кистями с шестью длинными пальцами. Стики были одеты в короткие юбочки и вооружены луками и стрелами с искусно обработанными каменными наконечниками. Кое у кого были металлические ножи, превратившиеся от долгого употребления и многократных заточек в своего рода плоские стилеты. Тераи тотчас узнал их — такие ножи поставляли за бесценок Земля и Нью-Шеффилд, лишь бы избавиться от своих излишков. Самый высокий из туземцев был Тераи едва по грудь.

Жюль говорил, неуверенно произнося шипящие или щелкающие слова.

— Я стараюсь им втолковать, что твой лев — друг,— объяснил он,—

но, на беду, он очень похож на одного из здешних хищников. Правда, теперь в этих местах их не осталось, но изображение этого зверя есть у них в храме. Они говорят, что Лео — это шуинга-гха, и попробуй докажи им, что это не так!

К двум десяткам туземцев неуверенно присоединились женщины, а затем со всех сторон высыпали и крохотные дети, стремительные и юркие, как зеленые ящерицы, поднявшиеся на задние лапы. Один из малышей встал перед Тераи, осмотрел его с ног до головы, завертелся на месте, рассмеялся до странности человеческим смехом, а потом прокричал пронзительным голосом что-то такое, от чего развеселились все окружающие.

— Что он сказал?— спросил Тераи.

— Я не совсем понял. Я ведь знаю всего несколько их слов. Но похоже, он сказал, что ты самый большой зверь, каких он видел в жизни!

— Хм... Ты не знаешь, кто им дал эти ножи?

— Мы, изыскатели. Стики — славные ребята и порой служат нам проводниками. Они живут охотой, да еще что-то выращивают. Вымирающая раса, и на сей раз земляне тут ни при чем. Они вернулись в каменный век, и вернулись задолго до того, как мы пришли на эту планету. Их осталось немного, они совершенно безобидны, и, поскольку никто не собирается колонизировать Офир II, они потихоньку исчезнут сами, без всяких трагедий.

— Но почему они вымирают? Смотри, сколько детей и все живые, здоровые на вид!

— Они часто умирают, не достигнув зрелости. И никто не знает, почему. Этот мир принадлежит ММБ, а компания интересуется отнюдь не ксенологией. Ее волнуют только прибыли. Стиков никто никогда не изучал. Мак-Грегор говорит, что вскоре после обряда посвящения они совершают массовые самоубийства. И он сознался, что знает причину. Спроси у него сам. Если есть на этой несчастной планете специалист по стикам, так это он. Но взгляни на взрослых!

Рядом с веселыми энергичными детьми мужчины и женщины со своими вытянутыми лицами и усталыми редкими жестами казались особенно унылыми и малоподвижными.

— Болезнь?

— Неизвестно. Доктор Вертэс пытался найти возбудителя, но безуспешно. К тому же у него нет необходимых приборов, а Старжон смотрит на такие исследования косо. Лишняя трата времени, по его словам.

— Хорошо. Я спрошу у Мака. Да еще попрошу его научить меня их языку. Этот народ меня заинтересовал. Много их осталось?

— На исследованной части континента мы нашли с дюжину деревень. И гораздо больше покинутых городов. В других местах их не видели. Но когда-то это была великая раса. Вся планета покрыта развалинами. Ты сам увидишь руины огромного города на плато Вира. Мы будем там завтра.

Жюль сказал на прощание несколько слов, которые остались без ответа, и они вышли через низкие воротца из деревни. Лео встретил их недовольным широким зевком, а затем подошел к воротцам и нахально окропил столб.

— Лео!— возмущенно крикнул Жюль.

— Он обиделся, что мы его оставили снаружи,— со смехом объяснил Тераи.— Вот и поставил свою метку, чтобы знали, что теперь его охотничья территория распространяется и на эту деревню!

На следующий день с вершины холма они увидели древний город.

Он лежал в низине на восточном берегу большого синего озера. Руины тонули в зарослях, но кое-где над зеленым покровом еще возвышались отдельные башни. «По земным нормам,— подумал Тераи,— в этом мертвом городе когда-то могло проживать от трехсот до пятисот тысяч жителей».

Они спустились в низину и проникли в город, прорубая себе путь мачете. В центре, возле самого озера, мостовая оказалась сделанной так совершенно, что даже спустя века растения почти нигде не смогли пробиться сквозь кладку.

С десяток улиц сбегалось к полукруглой площади, выходившей на набережную, от которой в озеро протянулись многочисленные молы и причалы. Два маяка, почти не тронутых временем, сторожили гавань.

— Заночуем в левой башне,— сказал Жюль.— Я здесь частенько останавливался. Там есть сухие комнаты, и потолки еще прочные. Древние стики умели строить...

И на самом деле камни в стенах были так точно пригнаны, что порой невозможно было различить места соединений.

— Известно хотя бы приблизительно, сколько лет этому городу?

— Да. Будучи директором, Мак отослал образцы дерева на Землю для радиоуглеродного анализа. Город не так уж древен — ему от четырех до трех тысяч двухсот земных лет. Интересно другое: по-видимому, это был первый покинутый стиками город. Чем дальше отсюда, тем время запустения городов ближе к нашему, будто из этого места исходило какое-то смертоносное излучение. На северном материке, например, города были обитаемы еще две с половиной тысячи лет назад. Так или иначе, кончилось все быстро: на всей планете цивилизация стиков погибла за какие-нибудь шестьсот лет. Когда из Ксенологического бюро Объединенных Наций узнали об этом, сюда хотели послать научную экспедицию, но ММБ воспротивилось. У них неограниченные права, эта планета целиком в их власти еще на сорок лет!

Пока Жюль устраивался на ночлег, Тераи с Лео осматривали развалины. Лапраду хотелось определить уровень исчезнувшей цивилизации. В одном из сохранившихся домов стены украшали роспись и барельефы. На изображениях не было сложных машин, но стиков всюду окружали домашние животные, верховые или вьючные, похожие на лошадей и быков. Встречались и какие-то подобия собак в сценах охоты на шуингагха — этих хищников Тераи узнал сразу, они действительно походили на коротколапых львов. Стики были вооружены луками, копьями и своего рода арбалетами с прицельной рамкой. У некоторых были щиты или что-то вроде нагрудных панцирей.

«Непременно надо произвести раскопки,— думал Тераи.— Но готов биться об заклад, что они почти не уступали европейцам XIV века. Судя по изображенной на стене карте, они уже плавали по всем морям. Что же случилось с этой могучей цивилизацией, что ее остановило? Три тысячи лет! Они явно опережали нас. Три тысячи лет назад у нас только начинался железный век! Мои галльские предки сражались между собой, мои китайские предки лишь учились философствовать, мои предки маори еще не вышли из Азии, а что до моих индейских предков, один великий Маниту знает, что они тогда делали!»

Он вернулся в лагерь и рассказал Жюлю о своей находке.

— Да, я знаю этот дом. Там есть и другие, где уцелели даже деревянные балки и двери. Они все делали из стволов гаю, а эту древесину никакая гниль не берет. Мы ее используем для креплений в шахтах. А черепица? Ты видел, как она у них плотно пригнана? Даже ураган не

может ее сорвать. Каменщики они были отменные и работали на века, как наши египтяне или строители средневековых соборов. Но о стиках мы не знаем ничего, или почти ничего.

Ночь они провели спокойно в башне, в сухой, хорошо закрывавшейся комнате со стрельчатыми сводами, и на рассвете покинули город. И тут для Тераи началось настоящее знакомство с Офиром.

Сначала тянулся лес, затем — обширная зелено-рыжая саванна, дальше пошли глубокие каньоны, в которые река Ото-Ото низвергалась великолепными водопадами. Солнце множеством радуг расцвечивало висящую над ними водяную пыль. Кое-где вдоль древней полузаросшей дороги попадались развалины отдельных ферм или сторожевых постов. Ночи, когда луны гнались друг за другом, отбрасывая многочисленные подвижные тени, бывали так прекрасны, что порой путники не могли уснуть, несмотря на усталость. Днем часто разражались грозы, тогда взбухали — не пересечь!— реки и приходилось пережидать спада воды. А потом начался подъем через девственные леса, к подножию Гор Судьбы. Но отсюда они повернули назад по долине реки Бероэ, пересекли каньон Мертвеца (здесь когда-то нашли труп изыскателя, наполовину обглоданный хищниками). Наконец они поднялись на плато Вира, где их уже дожидался вертолет, чтобы доставить обратно в Джонвиль.

А затем потянулись долгие дни: обработка записей, уточнение карт, анализ образцов, предварительное оконтуривание месторождений и прочая лабораторная рутина. Похоже было, что Горы Судьбы богаты самыми разными рудами, и Тераи решил сосредоточить изыскания в этом районе. Но он не забыл о тайне стиков и однажды вечером отправился к Мак-Грегору. Старик читал за столом. Он теперь не пил и почти не выходил из своей хижины.

— А, вот и вы! Что ж, вам первое слово. Я уже не помню, кто кого должен был навестить, вы меня или я... Всего не упомнишь! Впрочем, неважно. Вы пришли учиться языку стиков, не правда ли?

— Как вы догадались?

— Я о многом догадываюсь, Лапрад, многое знаю, но предпочел бы этого не знать... или забыть! Нам осталось всего четыре с половиной месяца, а язык пухи труден. Однако я успею дать вам основы, и вы сможете потом заниматься им сами, когда... когда меня не станет. Где вы были последнее время?

— Ходил на разведку с Жюлем к Горам Судьбы. Похоже, там есть богатые месторождения.

— Да, весьма. Я сам бывал там и заходил еще дальше, за первую горную цепь и даже за Барьер! До безымянного притока речки Фаво, которая южнее впадает в Сарро. Лучше бы я тогда переломал себе ноги!

— Но почему же? И почему вы не оставили свои записи в конторе, если уже побывали там? Ведь никто другой еще не обследовал этот район...

— Бесполезно задавать мне вопросы на эту тему, Лапрад! Я вам не отвечу. Займемся лучше языком пухи, ради которого вы пришли. Для начала, в нем семь времен...

Это были поистине удивительные уроки! Тераи владел семью земными языками и в этом отношении был способным учеником, однако язык пухи и в самом деле оказался очень трудным. К тому же Мак-Грегор был странным учителем. Иногда он мог часами объяснять какое-нибудь сложное время, но чаще предавался воспоминаниям о своих геологических разведках на Офире II или на других планетах. Тераи не жалел об

этом, так как черпал из его рассказов массу полезнейших сведений. Не будучи силен в современных теориях, Мак-Грегор оставался непревзойденным во всем, что касалось практической геологии. Иногда он вдруг останавливался на половине фразы и долго смотрел перед собой в пустоту, затем спохватывался и продолжал рассказ, никогда не путаясь и не ошибаясь. Но однажды, очнувшись после такой паузы, он выругался и потускневшим голосом сказал:

— Видишь ли, мальчик, я знаю, что умру 17 января 2224 года ровно в восемь часов двадцать пять минут, но я не знаю, как это произойдет. И это сущий ад! Он мог бы мне рассказать, негодяй! Но может быть, он рассказал? И я просто забыл?

— Кто?— спросил Тераи.

— Этого я тебе не скажу! И ты будешь сумасшедшим, если тоже захочешь узнать. В этом есть что-то страшное, колдовское... Послушайся меня, улетай отсюда, как только закончится твой контракт. В небе тьма других планет!

Так Мак-Грегор в предпоследний раз упомянул об ожидавшей его судьбе.

Наступил день, когда Тераи почувствовал себя достаточно поднаторевшим в языке, чтобы снова посетить деревню пухи. Под предлогом какой-то проверки он отправился к ним на вертолете, оставив Лео на попечение Анны. Паралев и девушка успели очень подружиться, и Лео частенько сопровождал ее с наступлением темноты.

Вертолет не испугал пухи. Некоторым из них уже приходилось летать на винтокрылой машине в качестве проводников. Однако Тераи приняли недоверчиво. Недоверие рассеялось, когда он кое-как растолковал им, что пришел от Мак-Грегора. Тогда его пригласили войти в хижину. Пока, сидя у центрального очага, он курил свою трубку, хозяева меланхолично жевали листья «шамбалы».

Только при вторичном посещении, почувствовав, что говорит уже достаточно свободно и что туземцы относятся к нему дружелюбнее, Тераи решился задать вождю вопрос, который давно его мучил:

— Скажи, Ихен-То, если это не против ваших обычаев, почему в противоположность вашим радостным и счастливым детям вы так печальны? Это из-за болезни?

Вождь долго молчал, прежде чем ответить:

— Их судьба еще не прочитана!

— Прочитана? Кем?

Ихен-То трижды, склонив голову, коснулся груди длинным острым подбородком, отгоняя злых духов.

— Ты не нашего закона. Ты не прошел испытания. Послушай меня, не ходи больше в горы, где заходит солнце, не ходи в Горы Судьбы! Не пересекай Барьер!

Тераи было известно, что Барьером называют обрывистый хребет, откуда берет начало Бероэ,— он издали видел эту каменную стену во время своей экспедиции с Жюлем Тибо. По данным воздушной разведки, за Барьером с юга на север тянулась глубокая долина с тем самым безымянным притоком Фаво, о котором говорил Мак-Грегор. За нею была еще одна горная цепь, от которой до конца материка простиралась западная равнина. Мак-Грегор пересек Барьер и вот говорит, что знает день и час своей смерти. А теперь Ихен-То объясняет беззаботность детей племени тем, что судьба их еще не прочитана, и заклинает Тераи, который

«не прошел испытания», никогда не пересекать Барьер. В этом было что-то странное, даже зловещее. Но Тераи знал, как настораживаются люди, когда дело касается их верований, и поэтому на сей раз больше не стал задавать вопросов.

Роковая дата, 17 января 2224 года, приближалась, и Тераи ждал ее с тревогой и любопытством: осуществится ли предсказание Мак-Грегора? Он еще не раз побывал в деревне пухи, но так и не проник в их тайну. Туземцы были гостеприимны, привыкли даже к Лео, но сразу замыкались, как только речь заходила о Горах Судьбы или вообще о том, что лежало к западу от их плато. Но по обрывкам разговоров Тераи установил любопытную вещь: достигнув определенного возраста, все без исключения подростки совершали своего рода паломничество в горы, однако через несколько дней возвращалась лишь часть из них.

Шестнадцатого января, когда Тераи вернулся к себе после обеда, он услышал тихий стук в заднее окно, выходившее в заросли кустарника. К его великому удивлению, это оказался Луиджи.

— Ты что забыл, где находится дверь?

Юный Луиджи, искренний почитатель олимпийца, частенько заглядывал к нему.

— Тс-с-с! Можно я влезу в окно?

— Конечно. Но к чему такая таинственность?

Одним прыжком Луиджи очутился в комнате и, убедившись, что снаружи его не могут заметить, заговорил:

— Меня послала Анна! Она вас любит, и... Знаете, если бы это были не вы, я бы ревновал!

Анна и Луиджи недавно обручились.

— Для ревности у тебя нет никаких оснований. Но чего хочет Анна?

— Предупредить вас. Сегодня утром она подслушала разговор двух мужчин. Старжон, директор, приказал пристрелить Лео.

— Пристрелить Лео? Но почему?

— Не знаю. Может быть, для того чтобы заставить вас улететь. Или, если вы будете защищать Лео,— а вы ведь так и сделаете!— воспользоваться случаем и убить вас тоже. Люди поговаривают, что директором должны быть вы, а не он!

— Ну, это уж ты выдумываешь, Луиджи! Я не питаю к Старжону симпатий, и он платит мне тем же. Но из-за этого пойти на преступление? Ты ведь знаешь, Лео, как и человек, находится под охраной Закона о правах разумных существ от 2080 года! Правда, закон этот и нарушался: взять хотя бы Тикану — наемники ММБ убивали там безнаказанно. Но в нашем случае — я просто не вижу причины!

— Анна кое-что слышала. Похоже, это связано с вашими планами начать разведку в Горах Судьбы.

— Вот как? Интересно. И кто были эти люди?

— Она их никогда раньше не видела. Говорит, чужие.

— Откуда им взяться? Ты же сам дежуришь в астропорту и знаешь, что уже два месяца не было ни одного звездолета.

— Они могли спуститься и в другом месте и добраться сюда пешком или на вертолете. Вчера вылетали и возвратились три вертолета.

— Да, это уже серьезно, Луиджи. Может Анна показать мне их или описать? И когда они собираются нас прикончить?

— Завтра! Но она не знает точно когда и где.

— Ладно, а сейчас беги! Смотри, чтобы никто тебя не заметил.

Если все, что ты сказал, правда — ты рискуешь не меньше меня. Спасибо тебе! Сегодня уже поздно, но завтра пораньше я постараюсь увидеться с Анной наедине. Если застанешь нас в каком-нибудь укромном уголке, пожалуйста, не стреляй!

При встрече Анна подтвердила все, что говорил Луиджи, и добавила немало подробностей. Накануне в харчевне завтракали двое. Они устроились в самом дальнем углу, не подозревая, что лишь дощатая перегородка отделяет их от комнаты, где девушка писала в этот момент письмо своим австралийским родственникам. Сначала она не обращала внимания на их невнятный разговор вполголоса, но вдруг отчетливо расслышала обрывок фразы: «...прикончить этого паршивого льва». Тогда она приникла ухом к доске и совершенно ясно услышала продолжение:

— Не пойму, какого черта директору так загорелось?— удивлялся один из говоривших.

— Не нашего ума дело, Джо. Старжон платит, и хорошо платит. А на остальное мне плевать!

— Похоже, с хозяином зверя так просто не справишься. Спортсмен, олимпиец! Да и лев от него не отходит.

— Ба, нас же двое! Один займется человеком, другой — зверем. Думаю, если мы в порядке законной самозащиты прихлопнем Лаприда, директор на нас не рассердится. Будет знать, как лазать по Горам Судьбы против воли босса!

— И когда ты думаешь лучше?..

— Да завтра же днем. При первой возможности.

Тут Анна услышала стук монеты о стекло и поспешила через кухню в зал, бросив на ходу матери: «Не беспокойся, я сама получу!» Она подошла к столу, когда двое мужчин уже вставали, и, пока они расплачивались, успела хорошо разглядеть их.

— Один — высокий, не такой, правда, как вы, но в общем высокий, худой, брюнет с черными усами, в сером костюме, как у туриста. Другой — поменьше, блондин со свернутым носом, в рабочей одежде. Когда высокий клал сдачу в карман, пиджак распахнулся, и я увидела у него на ремне такой пистолет, который стреляет лучами, ну, вы понимаете...

— Лазер?

— Да-да, он самый!

— Ты уверена, Анна?

— Да. Несколько лет назад — я тогда была еще маленькой — здесь останавливался корабль Звездной стражи. Один офицер показывал, как это стреляет. Я уверена!

Тераи присвистнул: никто, кроме полицейских и военных, не имел лазеров на Земле и никто, кроме Звездной стражи,— в космосе. Остальным иметь лазерный пистолет запрещалось законом: это было тяжкое преступление, караемое пятнадцатью годами тюрьмы. Даже полиция ММБ не имела лазеров, во всяком случае официально.

— Спасибо, Анна, твое предупреждение для меня и для Лео означает жизнь. Но прошу тебя, ни с кем не говори об этом, ни с кем, и держитесь от всего этого подальше оба, и ты и Луиджи.

— Будьте осторожны, месье Лапрад. У этих людей вид настоящих убийц!

Тераи вернулся к себе сильно озабоченным. Он проверил свой револьвер, хотя и не строил особых иллюзий: пуля против луча лазера — слишком неравная партия! Он видел, что Лео тоже нервничает; лев метался по комнате, то и дело издавая глухое рычание.

— Лео, старик, плохи наши дела! Два джентльмена охотятся за твоей шкурой, наверное, для того чтобы сделать из нее ковер, за моей тоже, только не знаю уж для чего. Не думаю, чтобы Старжон был фундаменталистом, как те сволочи, которые убили наших родителей. Ты ему мешаешь, и я, видно, тоже. Но почему, в чем дело? Ладно, в общем сделаем так... Эти два мерзавца вряд ли когда-либо охотились на львов, а паральвов они наверняка и в глаза не видели, а потому не знают, на что ты способен в зарослях или в лесу. Вот там-то мы и скроемся на несколько дней. Но сначала надо снарядиться для такой прогулки и заглянуть к старине Маку. Может быть, он что-нибудь присоветует.

Было уже восемь часов, но озабоченный Тераи совершенно забыл о роковом дне и часе. Полагая, что двое негодяев не посмеют убить его первым, особенно среди бела дня,— в конце концов, приказ Старжона относился только ко льву,— он отослал Лео кружной тропой в заросли кустарника, уверенный, что там ни один земной охотник не сможет его выследить. А сам прямиком направился к Мак-Грегору.

Старик сидел за столом, перед ним стояла бутылка настоящего виски, маленький магнитофон тихонько наигрывал шотландские мелодии.

— А, вот и вы, Тераи! Сегодня не будет урока пухи: не осталось времени. Сегодня тот самый день и почти тот самый час. Я не знал, придете ли вы, голос предсказал только мою судьбу, но, кажется, в конечном счете она связана с вашей! Может быть, и вы умрете сегодня? Но раз уж вы здесь, выпейте со мной! Я вижу, вы готовы к походу. Но вы дождетесь конца? Я бы хотел, чтобы именно вы меня похоронили, а не какой-нибудь равнодушный кретин.

— По совести говоря, Мак, я забыл о ваших мрачных предсказаниях. Я не знаю, угрожает ли вам что-нибудь, но знаю, что моя жизнь в опасности. Что мне делать, по вашему мнению?

В нескольких словах он рассказал старику о наемных убийцах.

— Гм, я думаю, самое умное, скрыться на некоторое время. Убийцы, наверное, последуют за вами, но там в зарослях против вас и вашего...

Внезапно он вскочил и вытянутой рукой изо всех сил оттолкнул Тераи, а сам упал поперек стола... с черной дырой во лбу. На другом конце

комнаты вспыхнула деревянная перегородка. Тераи с револьвером в руке бросился к окну. Какой-то человек, согнувшись вдвое, бежал к зарослям кустарника. Тераи дважды выстрелил и со свирепой радостью увидел, как человек подпрыгнул и покатился в траву, словно заяц. Почти сразу же вслед за этим из кустов послышался вопль боли и ужаса и торжествующий рев Лео.

Плеснув воды из ведра, Тераи погасил пожар. Одного взгляда на Мака было достаточно, чтобы убедиться, что старый инженер может подождать — перед ним уже была вечность. Тераи выбежал наружу. Убийца не дышал: одна из пуль попала ему в спину, другая — в затылок. Это был высокий брюнет, описанный Анной. Лазерный пистолет валялся в нескольких шагах.

— Лео!— позвал Тераи.

В ответ он услышал рычание, и вскоре нашел своего друга за кустами: Лео вылизывал лапу, а перед ним валялся второй труп — блондина с лазером в правой руке. Голова его превратилась в окровавленную лепешку — последствие удара львиной лапы.

Тераи нагнулся, подобрал лазер, сунул его в карман, затем обыскал труп; он нашел запасную батарею и тоже взял ее себе. У блондина на поясе оказался и обыкновенный пистолет: вполне достаточно для «оружия, найденного на трупе».

Лео «рассказывал» тихонько порыкивая в определенном ритме.

— Значит, ты их увидел и пошел следом,— проговорил Тераи.— Тот, кто стрелял в меня, был слишком далеко, и ты начал со второго. Правильно? Ты хорошо сделал, Лео. Они убили Мака, но им нужен был я. Я и ты тоже!

Уже отовсюду сбегались люди, привлеченные выстрелами. Тераи посмотрел на часы: было восемь часов двадцать семь минут. Старый Мак умер примерно две минуты назад.

— Отнесите трупы на площадь и положите перед конторой директора,— сказал он прибежавшим изыскателям.— Они целили в меня, но убили Мака.

Ропот прокатился по толпе: все в Джонвиле любили старого Мак-Грегора.

— Идите за мной, надо поговорить с господином директором!

Старжон, уже кем-то предупрежденный, ожидал их на пороге своей конторы.

— Итак, Лапрад, вы убили еще двоих... Да вы просто-напросто убийца! Эй, люди, что вы смотрите, хватайте его!

— Извините, господин директор!— возразил ему только что прибежавший Жюль Тибо.— Вас ввели в заблуждение. Это они — убийцы! Они убили Мак-Грегора, а Лапрад только защищался.

— И это еще не все,— вмешался Тераи.— У одного из них был лазер...

— Только у одного?

— Что вы хотите этим сказать, господин директор?— иронически спросил Тераи.— Разве недостаточно, что у них был хотя бы один лазер? Должно быть, у них очень высокие покровители или же они принадлежали к очень опасной шайке. А впрочем, может быть, вы и правы. Может быть, у того, которого прикончил Лео, тоже был лазер. Не исключено, он отлетел в кусты. Пошлите кого-нибудь, пусть поищут.

— Если только вы его сами не подобрали!

— Я?— воскликнул Тераи с видом оскорбленной невинности.— А зачем он мне? Разве я не доказал сегодня, что настоящий спортсмен может обойтись и без лазера?

В толпе послышались смешки. Однако Старжон не отступал.

— Я вижу, вы снаряжены для похода. Куда вы собрались?

— На разведку. Вы сказали, что я могу вести изыскания по своему усмотрению.

— На разведку? Один?

— Вовсе не один. С Лео. Это верный друг.

— И куда?

— В Горы Судьбы.

— Я вам запрещаю!

— Почему бы это? Впрочем, мне и не нужно вашего разрешения.

— Вы не получите вертолета!

— Он мне ни к чему. Если понадобится помощь, я вызову по радио Жюля Тибо или кого-нибудь еще, кому я доверяю. А сейчас пусть никто не вздумает следовать за мной! После этой истории Лео нервничает. И я тоже. Но прежде мы похороним Мак-Грегора. Вашего предшественника, господин директор!

Уже второй день Тераи с Лео исследовали Горы Судьбы. Жюль Тибо довез их на своем вездеходе до края плато Вира. Расставшись с ним, они преодолели предгорье и сейчас находились перед Барьером. Это была горная цепь высотой не более трех тысяч метров, но чрезвычайно крутая, сложенная из сверкающих сланцев на гранитном основании. Тераи долго отыскивал в бинокль проход.

— Разгадка тайны по ту стороны Барьера, Лео. Именно там побывал старый Мак, именно туда уходят молодые пухи. Но где, черт возьми, они пробираются? Вряд ли через верховья Бероэ; мы знаем, что долина там заканчивается непроходимым тупиком. И уж, конечно, не на севере: там отвесные скалы. Остается юг. Что ж, пойдем вдоль Барьера на юг, пока не отыщем прохода!

В высоких предгорьях, где они находились, растительности почти не было, только худосочная трава между бесформенными валунами,

остатками древнего ледника. С севера на юг тянулась безводная долина; видимо, старое русло Бероэ, подумал Лаприд. Ниже она прорезала холмы и сворачивала прямо на восток. Они спустились в долину. Там кое-где росли деревца с перистой листвой, типичные для этих высот. Попадалось еще довольно много животных, травоядных — что-то на подобие земных горных баранов и серн — и хищных — вроде «горных волков». Встречались и другие звери, которых Тераи до сих пор никогда не видел, но все они не представляли опасности ни для него, ни для Лео. Мясо травоядных оказалось вкусным и вполне съедобным, его следовало только хорошенько выварить и добавить витаминизированные пилюли. Впрочем, долго питаться им не следовало — оно содержало слишком много тяжелых элементов. Но пока свежее мясо приятно разнообразило пищу из обезвоженных продуктов.

Они двигались на юг уже несколько дней, когда Лео, всегда бежавший впереди, внезапно остановился и призывно зарычал. Тераи бросился к нему и увидел отчетливо различимую тропу, которая бежала с востока и упиралась прямо в скалу. Они двинулись по ней и вскоре очутились перед входом в пещеру. В этом месте известняковый обрыв был пронизан множеством гротов. Вход в пещеру скрывал огромный выступ; на площадке перед ней сохранились следы многочисленных кострищ.

— Ну вот мы и нашли становище молодых пухи. Здесь они отдыхают во время своего таинственного паломничества. Остается лишь идти по их следам, и они приведут нас к разгадке тайны. Что скажешь, старина Лео?

Лев коротко рыкнул.

— То есть как? Что ты хочешь сказать?

Но он и сам быстро понял: только одна тропа упиралась в пещеру, второй, уходившей от нее, не было.

— Ну что ж, значит, где-то неподалеку тропа разветвляется. А сюда заходят только для того, чтобы с удобствами переночевать... Опять не то?

Лео принюхался и, не отвечая, двинулся в глубь пещеры. Тераи последовал за ним и вскоре обнаружил в темной нише целую кучу факелов и толстых свечей из растительного воска, которыми пухи в деревне освещали свои хижины.

— Все ясно! Наружного пути через Барьер нет, значит, должен быть проход сквозь гору. Надеюсь, мы по нему проберемся. Эти тонкокостные пухи — прирожденные спелеологи. Увы, в отличие от нас с тобой!

Тераи вынул из мешка атомный фонарь, и они двинулись в глубь горы. Вначале идти было легко: перед ними открывалась длинная сухая галерея с мертвыми беловатыми сталактитами. Затем начались трудности, и Тераи пришлось дважды прибегнуть к молекулярному щупу-зонду, чтобы расширить проход. Наконец они очутились в большом зале со спокойным подземным озерцом, где и заночевали.

И тут они не были первыми: мусор и сгоревшие факелы говорили о том, что паломники-пухи тоже останавливались здесь.

Дальше им уже не попадалось по-настоящему трудных проходов:

узкие щели были расширены, видимо, в незапамятные времена металлическими кирками, их следы еще проступали из-под известковых натеков; об особо опасных местах заранее, за десяток метров, предупреждали красные знаки на стенах, а там, где зияли глубокие щели, тянулись примитивные барьеры. В одном месте через пропасть был перекинут даже маленький мост, совсем недавно укрепленный стволами деревьев. Все говорило о том, что пухи регулярно проходили по этой дороге и старались содержать ее в порядке.

К вечеру второго дня они снова увидели свет. Солнце склонялось над болотистой и лесистой долиной. На противоположном берегу ленивой реки деревья карабкались на склоны третьей горной цепи, гораздо более низкой, чем Барьер.

Пещера, из которой они выбирались, была меньше первой и выходила прямо на закат. Здесь они и устроились на ночь.

Пользуясь последними отсветами дня, Тераи осмотрел ближайшие подступы к пещере. Он немного спустился по тропинке, которая была тут менее отчетливой и поросла травой. Оказалось, метрах в пятистах ниже она сливается с другой, более широкой тропой, идущей с юга. Он вернулся к пещере, убежденный, что цель близка.

Ночь была ужасной. Вскоре после заката поднялся ветер, завывая в деревьях, он со свистом гнул кусты. Затем обрушился ливень, и им пришлось спрятаться в глубь пещеры — у входа окатывало как из ведра. Завернувшись в одеяло, Тераи спал урывками, хотя Лео и согревал его своим теплом. Лев тоже волновался и время от времени глухо рычал во сне. Перед рассветом странное чувство овладело Тераи: словно что-то торопило его поскорее разжечь костер и приготовить скудный завтрак до восхода солнца. Ему казалось — он сам не знал почему,— что должен проникнуть в тайну пухи как можно скорее, непременно сегодня же. Какая-то неведомая сила заставляла его спешить, увлекая вперед, и это ощущение росло с каждой минутой. Лео, видимо, чувствовал то же самое, потому что, едва проглотив свой кусок сырого мяса, тут же двинулся к выходу из пещеры, призывно рыча.

Хорошо, Лео, в путь! Не знаю, что мы найдем — свою ли судьбу, как старый Мак, или смерть, как многие пухи,— однако уверен, что это случится сегодня. Но будь я проклят, если понимаю, откуда во мне такая уверенность!

Дождь перестал. Жалкая заря никак не могла пробиться сквозь тучи, клубившиеся над Барьером. Почва под ногами напоминала пропитанную водой губку, а деревья орошали путников, подобно душу. Лео моментально намок, шерсть его прилипла к телу, но это не мешало ему все так же упрямо идти вперед. Между тем тропа, по мере того как в нее вливались все новые тропинки, становилась все шире и шире. Тераи следовал за Лео с карабином в руках и лазером за поясом, готовый к любым неожиданностям. Так они шли несколько часов, не видя ничего, кроме тропы и мокрых кустов по сторонам. Ни одного животного, разве что жучок в трещине коры!

В полдень они остановились под выступом песчаника, чтобы наскоро перекусить. Пока они шли, гнавшая их тревога утихла, но сейчас она снова вернулась вместе с ощущением, что они теряют драгоценное время, что они должны идти, идти не останавливаясь и как можно быстрее.

К двум часам они добрались до сорокаметровой скалы, которая преграждала тропу. Вокруг нее не было никакой растительности, кроме редкой и жесткой травы. Лео без колебаний свернул налево, где виднелась вырубленная в отвесной стене по диагонали каменная лестница с высокими ступенями. Тераи остановил его.

— Подожди, Лео! Я сначала хочу взглянуть, что это!

«Это» оказалось огромной кучей тонкокостных скелетов.

— Вот, значит, какова судьба тех, кто не возвращается,— пробормотал Тераи.— Они бросаются с вершины скалы. Кончают с собой. Но почему? Или, быть может, кто-то сталкивает их вниз?

Тоненький голосок осторожности в глубине сознания взывал к нему остановиться и как можно скорее бежать прочь отсюда. Но Лео уже взбирался по лестнице. Пожав плечами, Тераи снял карабин с предохранителя и последовал за ним. Ступени были истертыми и скользкими, и, поднимаясь по ним, Тераи позавидовал уверенности Лео. Наконец они добрались до широкой, совершенно ровной площадки с навесом, вырубленной в теле скалы; в конце ее зияло отверстие пещеры. Лео ждал его, нетерпеливо похлестывая себя хвостом. Тераи сделал над собой усилие и остановился. Ни этой площадки, ни геометрически правильного входа в пещеру не могли вырубить ни современные пухи, ни их предки. Чуть поглубже, там, куда не захлестывали дожди, известняк до сих пор был как отполированный, будто его, словно масло, резали каким-то сверхмощным ножом.

— Не иначе, здесь не обошлось без молекулярной пилы,— громко сказал Тераи.— Пожалуй, нам надо быть поосторожней. Эту галерею не могли создать ни туземцы Офира, ни земляне. А до сих пор мы не находили следов других странников Вселенной. Правда, у некоторых рас есть корабли, но только межпланетные. Только мы способны преодолевать межзвездные бездны! Вернее — были только мы... Ибо те, кто создал это, опередили нас по крайней мере на тысячелетия!

Лео зарычал.

— Ты хочешь идти вперед? Я тоже. И это как раз меня беспокоит. Какая-то сила влечет нас, заставляя забыть осторожность, какой-то гипноз... Там, в глубине, есть нечто для нас неведомое и, похоже, очень опасное. Нет, Лео, мы возвращаемся! Мы вернемся с подмогой и тогда...

И тут он ощутил власть неведомого. Помимо его воли, ноги сами понесли Тераи в глубь галереи, в темноту. Напрасно он пытался остановиться: мышцы не повиновались ему. Лео уже исчез во мраке.

Так он шел несколько минут, включив фонарь — сделать это ему ничто не помешало,— по галерее, украшенной барельефами, которые он не успевал рассмотреть, но явно отличными от тех, что он видел в мертвом городе. Затем впереди забрезжил свет, и он очутился в храме.

Но был ли это храм? Правда, в глубине огромного зала, ярко освещенного невидимыми источниками, находилось нечто вроде алтаря, и лев, опустив голову, уже стоял перед ним в центре красного инкрустированного в полу круга. Тераи тоже вошел в этот круг, и ноги его остановились. Он стоял неподвижно с карабином в правой руке и с фонарем в левой. Фонарь он смог выключить, но при попытке поднять карабин рука его онемела, как парализованная.

— Еще не время, человек судьбы!— раздался бесстрастный голос, исходивший, казалось, из алтаря.

Тераи не почувствовал ни страха, ни даже удивления. Он был весь ожидание. Он ждал спокойно, и спокойствие это явно внушила ему та же сила, что и привела его сюда.

— Кто вы? Чего вы хотите?— спросил он просто.

— Кто я? Это долгая история, которая подходит к концу. Скоро ты меня уничтожишь. Ты освободишь меня от рабства, которое длится уже более трех тысяч лет! Страшно ли мне умирать? Уже более трех тысяч лет я не живу. Кто я? Мозг, биокибернетическая машина, единственное назначение которой — творить зло — так захотели ее хозяева! Хозяева, исчезнувшие давным-давно. Ты освободишь меня сегодня до заката, но прежде я должен в последний раз совершить зло, ибо нет у меня своей воли с того проклятого дня, когда акнеане появились в небе моей планеты!

— Какой планеты? Офира?

— Нет, это было не на этой планете, которую ты называешь Офиром. Моя родина — ныне ледяной мертвый шарик в глубинах Вселенной. Когда-нибудь, может быть, вы его найдете. Вы — юная раса в самом начале расцвета. Пока ты шел по галерее, я прочел все в твоем сознании, я знаю все, что знаешь ты, знаю, кто ты есть и кем ты будешь. И о том, что будет с тобою, я тебе сейчас расскажу, ибо в этом и заключается навязанная мне роль: приносить несчастье, открывая будущее!

— Открывая будущее? Значит, Мак-Грегор был здесь?

— Да. И еще один представитель твоей расы. Я не скажу тебе, кто это был, ты сам узнаешь это, и очень скоро.

— Открывать будущее? Значит, все предопределено, значит, свобода воли — пустой звук?

— Нет. Хотя туземцы Офира и называют это место Храмом Судьбы — для них я божество,— свобода существует. Твое будущее зависит от тебя, ты сам его творец, и воля твоя в достаточной мере свободна. Я не могу предопределять, могу лишь увидеть то, что произойдет. Для этого я посылаю мои сенсоры в будущее по линии твоей жизни. Представь, что ты сам можешь перенестись в будущее и прочесть свою собственную биографию, написанную после твоей смерти. Разве это ограничит свободу твоих поступков?

— Да, потому что я буду знать заранее все, что сделаю!

— Нет, ибо в твоей биографии будет написано о том, что ты сделал по собственной воле, и это путешествие во времени будет там записано тоже. Нет никакой судьбы, навязанной тебе внешними силами. Разумеется, ты станешь делать лишь то, что обусловлено твоими генами, твоим воспитанием, твоим опытом, твоими личными качествами. Ты свободен, ибо ты сам действуешь. Твои действия предопределены, ибо ты есть ты. Ты такой, каким тебя создали, и такой, каким ты стал сам. Но время бежит, и я должен открыть тебе твое будущее. Особенно твое будущее на планете Эльдорадо. Смотри на эту блестящую точку. И ты смотри тоже, несчастный зверь, который себе на беду перестал быть зверем!

Калейдоскоп образов, мелькавших с невероятной быстротой и тем не менее четких и ярких, мгновенно запечатлелся в памяти Тераи. Разговоры, путешествия, дни сражений, ночи любви, разные звезды, разные небеса, целые годы — в несколько секунд. Новая планета с бесконечными рыжеватыми джунглями, туземцы — ихамбэ, его спутники и друзья, женщина чужой расы, другая женщина, красивая, белокурая и опасная, любовь и ненависть, и Лео, умирающий у его ног, скошенный автоматной очередью, и юная блондинка поперек порога со стрелой в груди и мертвыми глазами, уже не видящими ни черного неба, ни

струй дождя, огромная волна горя и бессильной ярости, и конечная победа, бессмысленная и тоскливая. Затем — новая подруга, сильная и нежная, и снова сражения и долгая жизнь созидателя новой цивилизации, многочисленные могучие сыновья, красивые и здоровые дочери, верный друг, прилетающий время от времени, и предатели, и новые города, и опасность, грозящая с Земли, и под конец покой и ночь.

Тераи встряхнулся, удивляясь, что он все еще жив, все еще молод. У него раскалывалась голова. Лео рычал, обхватив голову лапами, словно старался вырвать засевшую в черепе стрелу.

— Не старайся зря, Лео! Нам придется научиться жить, зная свое будущее. Мы с этим справимся, Лео, потому что...

Он умолк, не договорив. Лео оставалось всего десять лет жизни. Он умрет на Эльдорадо, спасая ему жизнь.

Затем головная боль прошла. К нему вернулось спокойствие, внушенное существом, которое скрывалось за алтарем.

— Я совершил зло в последний раз,— послышался голос.— Прежде чем ты меня уничтожишь, я хочу тебе еще кое-что сказать. Ты умрешь в возрасте ста двадцати четырех лет, могучим, любимым и... одиноким, как все разумные существа. Но все-таки не таким одиноким, как я, ибо я — последний и со мной умрет моя раса.

— Кто же ты?

— Я был разумным существом на планете, которую мы называли Риа. Наша цивилизация расцветала, мы были на пороге открытия тайны межзвездных полетов, когда появились те, другие, акнеане. Они уничтожили нашу расу, планету и все наши колонии в нашей Солнечной системе. Никто не спасся! А кое-кого акнеане захватили, чтобы использовать их мозг. Я был одним из таких пленников. Меня звали Фленг-Ши... три с лишним тысячи лет назад. Меня усыпили, а когда я очнулся, то был всего лишь частью огромного компьютера. Здесь, на Офире. Скоро моя гипнотическая сила иссякнет, ты отыщешь дверь и уничтожишь меня.

— Но для чего все это делалось? С какой целью?

— Мои хозяева принадлежали к расе, умирающей от вырождения, которое все их огромные знания не могли ни замедлить, ни остановить. А ведь они властвовали над всей этой частью Галактики! И вот, осознав, что им суждено исчезнуть, они сделали так, чтобы ни одна другая раса не смогла занять их место. В бессильной ярости разыскивали они планеты с разумными существами. Одни уничтожали, а на иных устанавливали Храмы Будущего, как здесь, на Офире.

— И план их удался?

— Здесь удался. Пухи быстро развивались. Но через несколько сот лет после моего появления они были сломлены навсегда и вернулись в каменный век. Они исчезли, не правда ли?

— Да.

— Лишь немногие существа могут вынести бремя знания своего будущего.

— Но ведь никто не заставлял их приходить сюда!

— Никто, если они находились вне поля моего гипнотического действия, которое было достаточно мощным, особенно вначале. Но существует притягательная сила тайны, которой трудно противостоять. Достаточно было прийти ко мне их правителям, как все другие следовали за ними. Ну, а потом, по мере того как цивилизация рушилась, я становился все более всесильным божеством. Ко мне приходили за советом, это стало обязательным ритуалом посвящения. Наверное, так же это было и на других планетах.

— К счастью, они не нашли ни Земли, ни Тиксаны, ни...

— Скорее всего они исчезли раньше. Я, наверное, последний из Храмов Будущего. Да и мне осталось уже недолго, даже если бы ты не пришел, человек судьбы. Знания моих хозяев были огромны, однако никто не может тягаться с вечностью. Моя власть со временем ослабела. Ты ее ощущал, да и то в малой степени, только здесь, близ меня. А теперь она вовсе исчезла: ты свободен!

Тераи шагнул из круга следом за выскочившим Лео. Ничто уже не удерживало его. Он вскинул карабин и выстрелил в алтарь.

— Ты видишь, я не могу тебя больше остановить. Сейчас ты найдешь за алтарем дверь. Защитный механизм там тоже больше не действует. Ты сможешь войти.

Тераи вскарабкался на алтарь, увидел дверь и открыл ее одним толчком. Слабый луч скользнул перед ним по полу и бессильно угас — защитное поле истощилось. Он вошел в колоссальный зал, вдоль его стен тянулись ряды бесчисленных блоков, сделанных из неизвестного металла. В центре зала на усеченной пирамиде под прозрачным куполом покоился огромный мозг.

— Да, мы были великанами, землянин! Возьми свой лазер и целься лучше, прошу тебя. И не испытывай угрызений совести. Так или иначе я бы все равно скоро умер. Посылка сенсоров в будущее требует невероятного расхода энергии, а у меня ее оставалось совсем немного. Последнюю я истратил на тебя. Я знаю, ты мудр, и надеюсь, что ты разрушишь и электронную аппаратуру, чтобы никакая раса не построила подобных храмов. Но я не могу предсказывать будущее рас... Целься точнее, и... благодарю!

Тераи нажал на кнопку лазерного пистолета. Раздался глухой взрыв, и зал наполнил запах горелой плоти. Тогда он начал бешено хлестать лучом по стенам, плавя щиты, сжигая соединения, взрывая блоки, пока не иссякла последняя батарея. Но вокруг были уже бесформенные, искореженные, оплавленные груды металла — он и Лео будут последними, кто испытал этот ужас проклятого знания!

Затем они вышли наружу. Жестокая головная боль вернулась, и Тераи ускорил шаг; он машинально шел, ведомый одной лишь мыслью: бежать от этого зловещего места, где им довелось узнать свою судьбу! Лео жалобно стонал на ходу, и этот почти детский плач был настолько несвойствен ему, что в другое время Тераи не удержался бы от смеха. Но не сейчас. Он плохо помнил, как они возвращались при свете фонаря через галерею, а потом через долину, пока не добрались до входа в пещеру. С трудом собрал он немного хвороста и разжег костер. Но и тогда он не смог унять дрожь во всем теле. Похоже, Лео лучше перенес психологический шок. Тераи привлек его массивную голову к себе на колени.

— Ничего удивительного, старина, что пухи толпами кончают самоубийством! Мне предсказали много приключений, и горя, и побед. А что бы я делал, если бы впереди меня ждали одни поражения и скука? Но может быть, они кончили с собой потому, что им это предсказывали? А может быть, такова была их судьба? Насколько свободны были они в своем последнем поступке? Могли ли они, узнав свое будущее, изменить его?.. Нет, я не метафизик! Всего лишь несчастный человек, у которого раскалывается голова! Если бы они хотели жить, Фленг-Ши не смог бы предсказать им смерть. Так отчего же они кончали самоубийством? Что скажешь, Лео? Тебе это еще труднее понять, чем мне? Подожди-ка! Уж не потому ли, что, приходя в Храм Судьбы, они получили

знание, которое их толкало на смерть, не потому ли, что они были к этому предрасположены, Фленг-Ши мог им предсказать, что они умрут. О Лео, я многое бы отдал, чтобы все позабыть! Понимаю теперь, почему старый Мак пил без просыпу...

Наконец он забылся лихорадочным сном. Следующие два дня словно в кошмаре они пробирались по подземному лабиринту. От невыносимых мигреней Тераи временами бредил, вновь погружался в свои метафизические размышления и, не находя ответа, терялся, как в заколдованном кругу. Когда они выбрались на свет по другую сторону Барьера, у него достало сил послать призыв о помощи.

— Доктор, он приходит в себя!

Голос Анны вывел его из оцепенения. Он лежал в постели, вокруг него стояли Анна, Вертэс, Жюль и Луиджи.

— Где Лео?

Радостное рычание ответило ему. Оттолкнув Жюля, лев просунул к постели свою голову, и чудовищная лапища робко легла на грудь Лапрада.

— Ну, приятель, можешь гордиться: нагнал ты на нас страху,— сказал Жюль.— Восемь дней в бреду! И чего ты только не наговорил! Верить тебе, так все, кто пересечет Барьер, свихнутся, как бедняга Мак и наш директор...

— Старжон?

— Да, он к тебе заходил. Ты в этот момент рассказывал, будто разрушил какой-то Храм Судьбы. Он побелел как полотно, вернулся домой и пустил себе пулю в лоб. Если верить записям в его дневнике, он тоже побывал за Барьером. Что касается меня, то я туда не пойду ни за какие блага, клянусь!

— Теперь можешь идти. Но там действительно было нечто ужасное, может быть, самое ужасное во всей вселенной. Штука, которая предсказывала будущее... Я ее разрушил, но... слишком поздно. Теперь я знаю...

И тут он остановился. Что же он знал? В памяти остались только несвязные обрывки! Он обретет могущество, проживет очень долго. Но образы были так неясны, так расплывчаты. У него мелькнула мысль: чудовище — он уже не помнил его имени — истратило последние запасы энергии. Может быть, потому его предсказания запечатлелись так смутно? Господи, если бы он мог все забыть! Если бы это было неправдой!

— Вот видишь!— снова заговорил Жюль.— Ты просто бредил. Подхватил какую-нибудь болотную лихорадку. Как по-вашему, доктор?

— Разумное объяснение, Жюль,— ответил Вертэс.— Но в этом мире есть вещи, которые даже не снились философам всех мыслящих рас! Кто знает? Дайте ему теперь отдохнуть. Во всяком случае жизнь его вне опасности.

На следующее утро Тераи все забыл, кроме своего похода за Барьер и Храма Судьбы, но даже это казалось ему не столько явью, сколько кошмарным сном, да и то увиденным кем-то другим. Он знал только,что чудовище предсказало ему будущее — и все! Отчего директор Старжон покончил с собой? Это оставалось загадкой. Только в романах все разъясняется в последней главе.

А тут неожиданно пришло сообщение, что он временно назначается директором.

И жизнь потекла своей чередой: работа, обычные неприятности и простые радости. Он был шафером на свадьбе Анны и Луиджи, пропустил с Жюлем бог знает сколько стаканчиков и под конец устроил с молодежью соревнования по толканию ядра.

Так продолжалось до тех пор, пока не прибыл новый директор, а вместе с ним кипа научных журналов.

Однажды вечером Тераи сидел в своей хижине, листая журнал «Звезды и планеты». Внезапно его внимание привлекла коротенькая заметка:

«Планета III звезды Ван Паэпа переименована: отныне она называется Эльдорадо. Нам сообщили, что Межпланетное металлургическое бюро получило ограниченную лицензию на эксплуатацию Ван Паэпа III. Эта планета оказалась настолько богатой металлами и драгоценными камнями, что те немногие частные предприниматели, которые работали там до сих пор, окрестили ее Эльдорадо. Она населена туземцами, близкими к гуманоидам. Именно поэтому ММБ смогло получить лишь ограниченную лицензию».

Эльдорадо! «Я должен открыть тебе твое будущее... на Эльдорадо». Смутные образы замелькали в его памяти: приключения, битвы, любовь и горе...

— Лео, ты помнишь?

Лев утвердительно кивнул головой.

На следующий день Тераи пришел к новому директору.

— Срок моего контракта истекает через месяц,— сказал он.— Я не буду его возобновлять. Я улечу на «Альдебаране», который прибывает на Офир через пять недель.

— Но почему, Лапрад? Я знаю, что вы не ладили с моим предшественником, но вы работали превосходно и много сделали, поэтому, несмотря на вашу молодость, предлагаю вам пост моего заместителя.

— Благодарю вас, господин Томпсон, но я должен лететь на Эльдорадо.

— Эльдорадо? Где это?

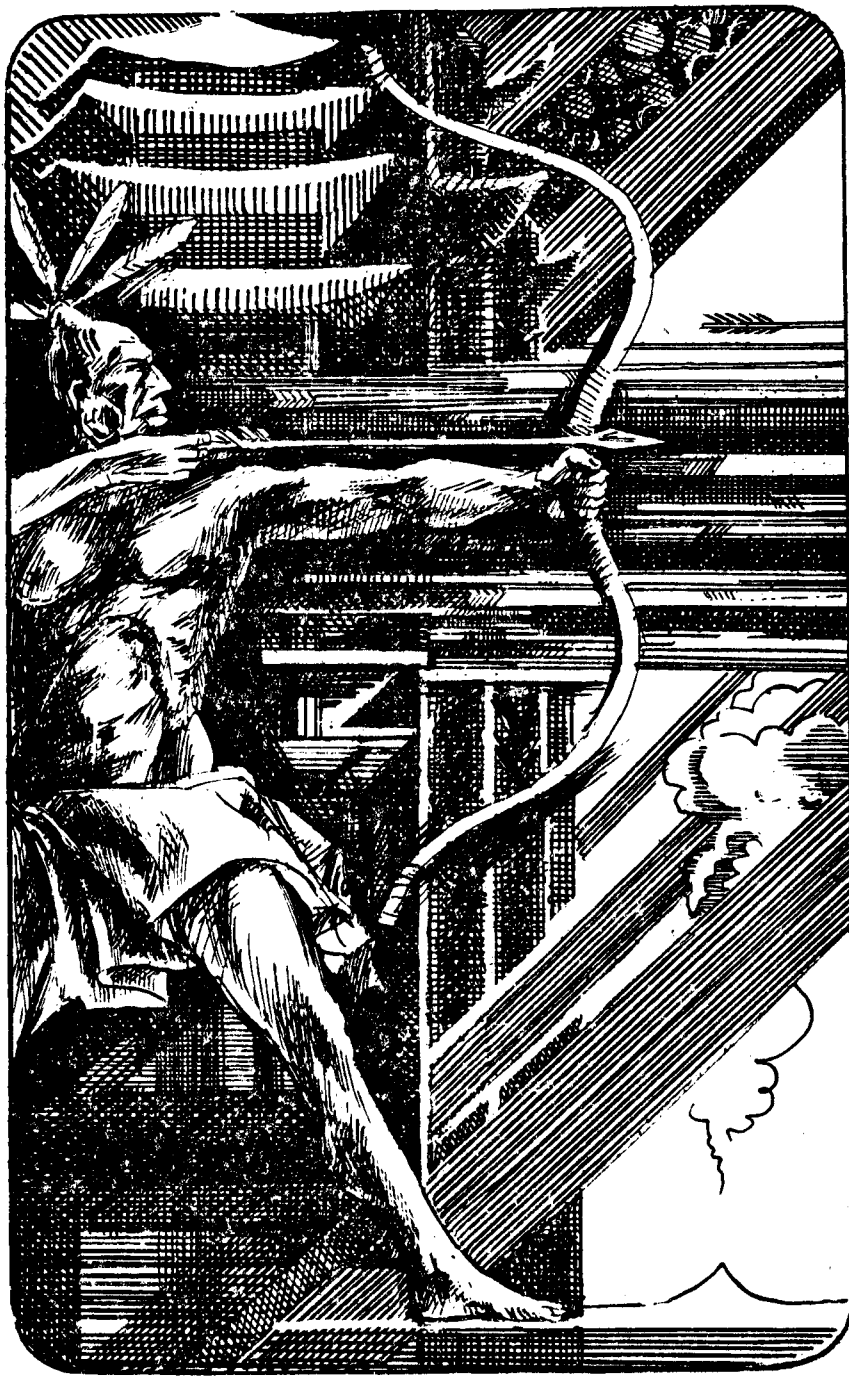
— Не знаю точно. Это планета III звезды Ван Паэпа. Новый мир. Там моя судьба!

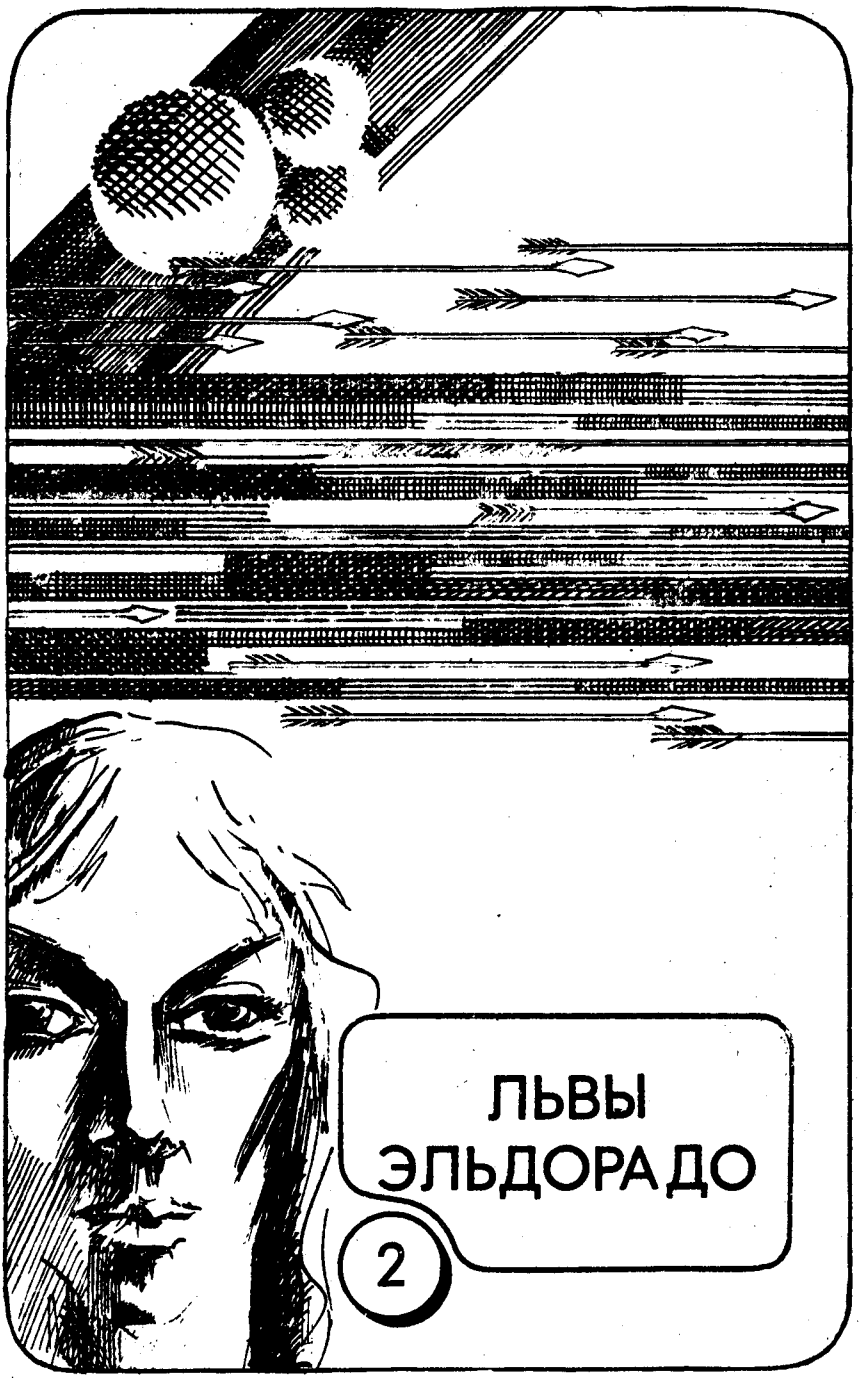
Там его судьба... Не судьба ли вложила в его руки этот номер «Звезд и планет», чтобы пробудить на миг воспоминание о будущем? А может быть, устав от Офира, он сам решил отправиться на новую планету? Кто знает? Будущее было снова скрыто от него, если не считать коротких, отрывочных картин.

Лео ждал у дверей.

— Мы летим на Эльдорадо примерно через месяц, старина! Что ты об этом думаешь?

Лев потряс головой. Он-то ничего не забыл! Он знал, что умрет в том новом мире, куда его звал Тераи. Но это случится только через десять лет! Для его детского разума десять лет были вечностью! Уверенный в своем бессмертии Лео блаженно зевнул и растянулся на солнце.





ЛЬВЫ ЭЛЬДОРАДО

2

Часть первая

Эльдорадо

ПОРТ-МЕТАЛЛ

— Ну вот, мы уже на месте, мисс Гендерсон!

— Спасибо, я и сама это почувствовала.

— Простите, мисс, мы не могли обеспечить вам комфорт, к которому вы, несомненно, привыкли, однако «Сириус» очень хороший корабль, и если гравитрон в последний миг не сработал, это не наша вина. Такое случается...

— Даже с пассажирскими звездолетами? Знаю. Но это всего-навсего означает, что и на лучших кораблях всегда найдется один скверный механик.

Офицер покраснел, лицо его вытянулось.

— Разрешите идти, мисс? Я сейчас пришлю за вашим багажом.

Оставшись одна, Стелла Гендерсон недоуменно пожала плечами. С чего это она накинулась на бедного Хопкинса? Какая муха ее укусила? Он так старался скрасить ей бесконечный сорокадневный перелет от Сеана IV до этой затерянной планеты звезды Ван Паэпа! Ведь только от нее зависело, чтобы путешествие было приятным...

Эльдорадо. Планета типа Д.С.6143. Расстояние от Солнца 22 500 световых лет. Третья планета звезды типа Д.С.6143. Масса, диаметр...— все это она позабыла. Помнила только, что планета немного крупнее Земли, с густой атмосферой, чуть более богатой кислородом. Впервые обнаружена экспедицией Ван Паэпа в 2161 году. Аборигены стоят к человеку ближе всех известных инопланетных рас. Цивилизация местами достигает уровня древних ассирийцев, но в целом не превышает стадии каменного века. О планете надолго забыли, но в 2210 году экспедиция Клемана-Когсвелла во время короткого пребывания на ней обнаружила богатейшие запасы золота, редких металлов и алмазов. Поэтому ее назвали Эльдорадо. Сначала на ней возник рудный поселок, созданный Межпланетным металлургическим бюро, директором которого был ее отец, Джон Гендерсон.

Вошел стюард, взял ее чемодан из рыжевато-коричневой кожи и саквояж. Последний раз она окинула взглядом узкую каюту, убедилась, что ничего не забыла, и последовала за ним.

На выходной площадке яркий свет дня ослепил ее. Белый от солнца бетон астропорта простирался до жалких бараков таможни и санитарного контроля, а дальше к востоку сразу начинался лес, взбегавший зелеными и пурпурными волнами по склонам высоких гор со снежными вершинами.

— Где же этот Порт-Металл? — спросила она стюарда.

— Он позади, мисс. Звездолет загораживает от нас город. Правда,

там и загораживать-то особенно нечего. Прошу вас, следуйте за мной — надо выполнить кое-какие формальности. Но у нас всего три пассажира, и это будет быстро.

— Сколько всего жителей в Порт-Металле?

— Тридцать пять тысяч, мисс. Из них двести-триста изыскателей и четыре с половиной тысячи рудокопов. А всего землян на Эльдорадо не больше сорока тысяч. Правда, я слышал, что все это скоро изменится, если ММБ получит лицензию на неограниченную эксплуатацию планеты.

— И здесь есть таможня? Ради трех пассажиров?

— Не для тех, кто прибывает, мисс. Только при отлете багаж тщательно осматривается из-за алмазов. А для вас — только санитарный контроль и полиция.

Медицинский осмотр свелся к пустой формальности. Невзрачный усталый врач бросил рассеянный взгляд на ее справки о прививках и кивком указал на дверь. Зато дежурный полицейский оказался молодым парнем, и, может быть, потому, что ему редко приходилось видеть красивых женщин, не сразу отпустил ее.

— Гендерсон Стелла Джейн, двадцать четыре года, рост сто семьдесят три, волосы золотистые, глаза синие. Так, все совпадает. Профессия — журналистка. Гм, гм! Вы случайно не родственница нашего главного босса?

— Кого это?

— Большого босса. Джона Гендерсона из ММБ?

— Неужели вы думаете, что я тогда прилетела бы сюда на такой старой развалине, как «Сириус»?

— Нет, конечно! Итак, цель вашего прибытия?..

— Репортаж об Эльдорадо для «Межпланетного обозрения».

— Эльдорадо? Ах да, это же официальное название!.. Я его почти позабыл. Мы здесь называем эту планету Хэлл, Дьябль, Тейфель, Дьявол — все зависит от национальности человека. Но в любом случае поминается дьявол. Эльдорадо! Да, видимо, это и есть Эльдорадо для тех, кто мечтает о хроме, титане, бериллии, цирконии, параседиуме, родии, тантале, самарии или просто о золоте или платине!

— Вы неплохо разбираетесь в металлах для обыкновенного полицейского!

— Здесь, мисс, все только и говорят, что о металлах. Это единственная тема всех разговоров, вы сами убедитесь... задолго до того, как окончится срок вашего контракта, и до того, как вы вернетесь в цивилизованный мир.

— То, что я видела, пока мы ожидали на орбите, наоборот, оставило хорошее впечатление. Эльдорадо — прекрасная планета. Леса, широкие равнины, реки, моря. И здесь можно дышать без масок...

— О да, разумеется... Здесь было бы прекрасно, если бы планету по-настоящему колонизировать. Но мы находимся в самом конце самой последней по значению межпланетной линии, и к нам лишь изредка приходят грузовые звездолеты в этот богом забытый уголок Галактики. И это несмотря на то, что сейчас мы можем сами производить машины для шахт и для обогатительных фабрик... Землю интересует только одно: сколько тонн металла можно выкачивать отсюда каждую неделю!

— Простите, теперь я могу идти?

— Да, у вас все в порядке. Интересно, что вы надеетесь здесь найти? Впрочем, это уже ваше дело... Вы заказали номер в гостинице?

— Да, в «Мондиаль».

— Это единственная приличная. Возможно, у ворот вы найдете

такси. Если же нет, возвращайтесь сюда. Через полчаса я поеду в город и подброшу вас в полицейской машине.

— Спасибо. Надеюсь, мне не придется вас затруднять.

— Я буду только рад, мисс.

* * *

«Мондиаль», самый большой отель Порт-Металла, где-нибудь на Земле, в Нью-Йорке, Чикаго, Лондоне, Токио или в Париже, в лучшем случае мог бы сойти за третьеразрядную гостиницу. Однако поскольку здесь останавливались инженеры или редкие представители ММБ, здание содержалось в образцовой чистоте. В холле усатый регистратор попросил ее заполнить карточку. Номер выходил окнами на главную улицу Порт-Металла и, хотя не отличался особой роскошью, имел тем не менее ванную, маленькую гостиную с радиоприемником и телефоном и широкий балкон. Отель стоял в самом конце улицы на вершине холма, и отсюда было хорошо видно беспорядочное нагромождение крыш, обрывающееся у заводов ММБ. За длинными низкими зданиями заводов, над которыми вздымался лес труб и металлических опор, соединенных паутиной проводов, смутно различались озеро и река. Еще дальше, позади квадратов возделанных полей, начинались джунгли, подымавшиеся по склонам гор. В целом Порт-Металл производил впечатление жалкого временного поселка, выстроенного кое-как и вообще существующего только благодаря массивной громаде заводов. Железнодорожная ветка, ведущая к рудникам, прорезала лес и быстро терялась среди голубоватых холмов: поезда с рудой то и дело проползали по ней, как серые гусеницы, но заметить их можно было только благодаря тому, что они двигались.

Стелла взглянула на часы: половина седьмого. До обеда, который подавали в восемь, она еще успеет побродить вокруг отеля. Ей хотелось сразу окунуться в атмосферу незнакомого города. Через несколько часов будет уже поздно, она начнет привыкать к окружающему, и впечатления утратят свежесть.

Она вынула из чемодана маленький пистолет, стреляющий иглами: на тридцать метров он бил с завидной точностью. Прежде чем вставить обойму, она поколебалась, не зная, что выбрать: красные иглы, убивающие одним уколом, или синие, только парализующие. В конце концов она выбрала синие иглы и, зарядив пистолет, опустила его в карман полотняных брюк.

В холле, когда она уже была в дверях отеля, регистратор окликнул ее:

— Мисс Гендерсон!

Она недовольно обернулась.

— Да?

— Вы хотите выйти?

— Как видите.

— И вы пойдете одна?

— Разумеется!

— Простите, может, вам покажется, что я вмешиваюсь не в свои дела, но я бы вам посоветовал в таком случае не уходить от отеля дальше чем на четыре квартала. Сегодня третье июля, день открытия планеты, праздник изыскателей. В общем-то все они неплохие ребята, но очи наверняка напьются, и встреча с ними для молодой девушки не сулит ничего хорошего, особенно если она наткнется на целую ораву.

— Вот как? А мне как раз было бы интересно с ними встретиться.

Знаете, я ведь журналистка, и это мое ремесло — рисковать, чтобы добыть для наших читателей занимательный материал.

— Как хотите, мисс, я вас предупредил.

— Благодарю.

* * *

Солнце стояло еще высоко, и до конца дня, который длился здесь почти столько же, сколько на Земле, оставалось добрых четыре часа. Людей на улицах было немного, как обычно в административных центрах маленьких промышленных городов. Вокруг отеля располагались несколько магазинов, гораздо более приличных, чем можно было ожидать, и многочисленные конторы различных компаний, покупавших у ММБ редкие металлы. У дверей контор вперемежку с вездеходами и амфибиями стояло несколько роскошных автомашин. Пешеходов почти не было видно, только дети кое-где играли на тротуарах, зато на каждом шагу попадались бродячие собаки — неизбежные спутники колонистов на чужих примитивных планетах.

Стелла спустилась по главной улице, носившей название улицы Стевенсона, в честь бывшего директора компании. Через четыре квартала улица пересекла круглую площадь, за которой лежал рабочий район с жилыми домами и довольно подозрительными харчевнями. Здесь машин почти не встречалось, зато пешеходов было гораздо больше, продовольственные лавчонки выставляли свои товары прямо на тротуарах, и вокруг толпились хозяйки с корзинами в руках.

Громкие крики привлекли ее внимание. Вверх по улице быстро шел человек, а за ним бежала толпа мальчишек: они свистели, вопили и швыряли в него камнями. Человек явно спешил от них уйти, но шагал прямо, словно не замечая преследователей.

— Эй, гляди! Эй, гляди! Обезьяна впереди! — распевали мальчишки.

Человек поравнялся со Стеллой, и она впервые увидела наяву аборигена Эльдорадо.

Он был высок ростом и широк в плечах, на нем была кожаная накидка, из-под которой высовывались очень длинные тонкие голые ноги. Стелла едва успела разглядеть костлявое лицо с узким орлиным носом и черными, глубоко посаженными глазами, тонкогубый рот до ушей, когда он свернул в боковой переулок.

— Это что, туземец? — спросила она у толстухи, которая покупала расфасованное в целлофане мясо.

— Конечно, один из них. Обезьяна, да и только!

И толстуха с презрением плюнула на тротуар.

Стелла была взволнована. Ей уже приходилось встречаться с жителями других планет. Их странные формы не смущали ее. Ей казалось естественным, что у аборигенов Вельфегора IV шесть рук и четыре ноги, а у туземцев Мероэ вместо носа хватательный хобот, как у слона. Однако этот эльдорадец казался настоящим человеком, хотя организм его до последней клетки был результатом совершенно иной эволюции, на чужой планете, под чужим солнцем. Еще до прибытия сюда она знала, что эльдорадцы внешне необычайно похожи на людей, она даже видела их в кино, однако до этой встречи не представляла, насколько велико это сходство. Стелла почувствовала, как в ней пробуждаются глухие расовые инстинкты, и поняла, почему простонародье Порт-Металла называет этих существа обезьянами.

Она вернулась в отель, наскоро пообедала и принялась расспраши-

вать старого регистратора, польщенного ее вниманием.

— Вы давно здесь?

— Двадцать лет, мисс. С 2214 года. Я был мастером на заводе, когда еще не ввели все эти автоматические штуковины. Нас было всего сто рабочих, не больше! Это еще во времена Дюлона, пока ММБ не заинтересовалось нами. А потом я вышел на пенсию. Возвращаться на Землю? Ха! Я слишком давно ее покинул, и у меня там никого не осталось.

— Вы, наверное, знаете здесь каждого?

— Почти каждого, мисс, почти каждого...

— Сегодня я встретила туземца... что, они часто бывают в городе?

— Нет, теперь реже. Никто им не запрещает приходить сюда, но им дают понять, что это нежелательно. Ни в одном баре им не подадут выпить — штраф слишком велик! Да и в магазинах их встречают неласково, даже если у них есть деньги. Туземец, которого вы видели, должно быть, проводник какого-нибудь изыскателя, который вернулся с ним в Порт-Металл. Некоторые изыскатели завязали дружбу с отдельными племенами — это, мол, облегчает им работу. Говорят, кое-кто из них даже живет с туземками...

— Фу, какая гадость!

— О, не скажите. Многие из них очень красивы, и если вы привыкнете к их запаху...

— Они дурно пахнут? — спросила она насмешливо.

— Дурно? Совсем нет. Скорее необычно, странно.

— Ну это я сама увижу, поскольку мой репортаж касается также эльдорадцев. Кстати, один знакомый там, на Земле, посоветовал мне встретиться здесь с неким Лапрадом. У него такое смешное имя... Тераи? Кажется, так?

— Лапрад? Я его знаю. Но не советовал бы вам с ним связываться.

— Кто он такой? Изыскатель? Бандит?

— Ни то и ни другое. Он геолог. Единственный, который ни в чем не зависит от ММБ. У него своя контора на улице Стевенсона, тут, недалеко от отеля, но он там бывает редко. Этот человек и впрямь знает туземцев лучше всех. Но он со странностями. Это метис — помесь француза бог знает с чем. И он обычно прогуливается вместе со львом, только с виду похожим на льва,— с эдаким огромным зверюгой, который вроде понимает человеческую речь...

— Неужели сверхлев? А я думала, они все погибли во время пожара в Торонто в 2223 году, когда фундаменталисты восстали и сожгли биологическую станцию!

— Лапрад прибыл сюда в 2225-м, девять лет назад. Сразу же ушел в глубь материка, и его не видели здесь три года. Все думали, что он погиб. И вдруг он вернулся. В то время ММБ еще не имело монополии на рудники разработки. Он им продал свою заявку, продал очень дорого — но до сих пор это самый богатый рудник — и открыл контору по геологическим консультациям. ММБ всегда обращается к нему, когда нужно произвести изыскания на равнинах за хребтом Франклина. Там туземцы не похожи на здешних — более дикие и более могущественные и не слишком жалуют землян. Но Лапрад, поговаривают, стал кровным братом многих вождей.

— Верить вам, так это потрясающий тип. Сколько ему лет? И почему вы не советуете с ним связываться?

— Как раз из-за этого многие его не любят, и еще из-за того, что он всегда стоит за туземцев.

— А где его найти? Могу я ему позвонить сегодня и договориться о встрече?

— Сегодня — ни в коем случае! Он сейчас обходит все бары подряд со своими друзьями-изыскателями. А завтра наверняка будет в своей конторе. Во всяком случае, вчера он был там. Вам повезло, потому что Лаприд появляется в Порт-Металле все реже и на все более короткий срок.

— Сейчас нет и девяти часов. Вы можете мне сказать, в каком баре он обычно бывает?

— Обычно он начинает и заканчивает свой праздник третьего июля в «Черной Лошади». Но вам там появляться нельзя! Этот притон не место для юной девушки, особенно в такую ночь!

— Где этот бар?

— Улица Кларион, пятьдесят шесть. Но послушайте меня...

— Нет, вы послушайте меня! Я подозреваю, что вы просто наводчик этого месье Лаприда. Вы пробуждаете во мне жгучее любопытство, вы делаете вид, что пытаетесь отговорить меня от встречи с ним, и в то же время даете мне все необходимые сведения и адреса. Впрочем, все равно благодарю вас!

Она щелкнула пальцами перед носом ошеломленного регистратора и вышла.

* *
*

Улица Кларион оказалась темным переулком с наспех положенной во время строительства городка мостовой, которая сейчас была вся в колдобинах и выбоинах. Ряды темных домов, на которых лишь кое-где мерцали светящиеся вывески баров или низкопробных заведений, тянулись, насколько хватал глаз. Стелла шла быстро, сжимая в кармане рукоятку пистолета: по опыту она знала, что, если будешь озираться и медлить, к тебе в таком месте наверняка пристанут. В одном из темных переходов чья-то рука схватила ее за левый локоть, но она отбила ее резким ударом каратэ.

Отыскать «Черную Лошадь» оказалось нетрудно. Под названием бара, написанным по-французски, красные люминесцентные трубки изображали лошадь, которая, оскалив зубы и запрокинув голову, жадно пила из огромной бутыли. Стелла достаточно хорошо знала французский язык, чтобы понять каламбур: по-французски «Черная Лошадь» означает «лошадь, пьяная в дым».

Двойная дверь бара отворялась в обе стороны, как в ковбойских фильмах трехсотлетней давности, все еще популярных на Земле. Она толкнула обе створки и вошла.

Бар поразил ее тишиной и благопристойностью. Зал был довольно хорошо освещен. У многочисленных игральных машин, выстроившихся вдоль дальней стены, не было никого, лишь несколько человек за столиками по двое или по трое спокойно потягивали напитки ярких цветов. Облокотившись о стойку бара, сидели и болтали четыре девицы в кричащих нарядах. За стойкой, словно на троне, восседал хозяин, могучий толстяк в засаленном костюме, с жестоким и хитрым лицом.

Стелла оперлась о стойку. Хозяин щелкнул пальцами, появилась официантка.

— Налейте чего-нибудь,— сказала Стелла.— Виски с содовой, если можно.

Хозяин наклонился к ней.

— Новенькая? Ищешь работу?

— Нет, ищу одного человека.

Хозяин присвистнул.

— Завидую ему! Кто он?

— Тераи Лапрад.

— Тогда понятно. Простите, он вам назначил свидание у меня?

— Нет, но он сказал, что здесь я смогу его найти.

Хозяин посмотрел на свои часы.

— Да, скоро он должен прибыть.

Он наклонился еще ниже и проговорил доверительно:

— Послушайте, вы, похоже, честная девушка. Уходите отсюда, пока Лапрад не явился. Когда вы прибыли в Порт-Металл?

— Сегодня после полудня.

— Значит, на «Сириусе»? Чудно, не похоже, чтобы такая красотка прилетела на этой развалине... А вот и Лапрад, легок на помине.

НОЧЬ РАЗВЕДЧИКОВ

На улице раздались грохот, вопли и громкий хохот. Дверь распахнулась, словно выбитая взрывом. На пороге, внесенный людским потоком, появился мужчина-гигант. Он остановился на секунду, придерживая руками обе створки, и глаза его мгновенно обежали зал. Яркий свет бил ему прямо в лицо, и Стелла успела разглядеть его, прежде чем он шагнул через порог.

Ростом он был не менее двух метров, плечи — такие широкие, что невольно возникал вопрос, как он ухитряется проходить в двери прямо,— казались еще шире из-за тонкой талии. На нем был туземный наряд с бахромой и жемчужным бисером вдоль швов; жилет из мягкой коричневой кожи оставлял обнаженными огромные руки и мощную колонну шеи. Но больше всего поразила девушку его голова. Смоляные, коротко подстриженные волосы не затеняли высокого смуглого лба, под которым сверкали странные глаза с косым разрезом и тяжелыми монголоподобными веками. Очень темные, почти черные, они были неподвижны и зорки, как у хищной птицы. Нос с горбинкой, тонкогубый иронический рот, выступающие скулы и подбородок с ямочкой завершали эту маску, исполненную силы и угрозы.

Гигант выпятил грудь так, что жилет едва не лопнул по швам, и двинулся к стойке.

— Хозяин, налей всем по первому кругу!

— Тебя ждут, Тераи, — проговорил хозяин бара, показывая на Стеллу.

Гигант обернулся и иронически поклонился.

— Вы хотели меня видеть, мадемуазель? Польщен,— проговорил он по-французски.— Но, может быть, вы предпочитаете говорить на английском? — добавил он.

— Мне все равно. Я хотела бы предложить вам одно дело.

— Сегодня не время для дел! Приходите завтра утром в мою контору. И послушайте моего совета: уходите отсюда! Вам здесь не место. Однако перед этим вы со мной выпьете. Хозяин, два «Тераи особых»! Это мое изобретение,— объявил он Стелле.

— Вот уже третий раз меня пытаются прогнать оттуда, где мне хотелось бы быть! Я не мокрая курица и могу сама за себя постоять...

— Как вам угодно. Попробуйте-ка эту штуку! Нектар! Но никогда

не пейте две рюмки подряд: мой коктейль никого не щадит. Это смесь вермута, туземной водки и экстракта из местных плодов. Одна рюмка ничего вам не сделает. Две — свалят с ног любого. Конечно, кроме меня,— добавил он с наивным тщеславием.— Для меня нужно не меньше четырех!

Она отхлебнула глоток. Напиток освежал рот и обжигал желудок. Стелла сразу почувствовала себя беспечной и немного навеселе.

— Только я имею право пить «Особый Тераи» в этом несчастном городишке. Я и мои друзья. Надеюсь, ты никому больше не подавал его, Жозеф? Что-то мне кажется, экстракта в бутылке поубавилось! — проворчал он, внезапно поворачиваясь к хозяину бара.

— Нет, нет, Тераи, уверяю тебя!

— Ладно, верю. Но не пробуй меня одурачить. Помнишь, что стало с Джоном Притчардом! О, конечно, несчастный случай! Меня даже не было в городе, когда это стряслось.

— Помню, Тераи, все ясно!

Гигант расхохотался.

— Бедняга Джон! Все его запасы спиртного сгорели! А это целое состояние — одна доставка сюда чего стоит! Теперь он работает на шахтах за пятьдесят долларов в день. Нищий! Ну ладно, вы свою рюмку выпили, а теперь, крошка, отправляйтесь к себе в постельку... Кларк! Эй, Кларк!

Один из геологоразведчиков встал.

— Ты проводишь мадемуазель. И чтобы с ней ничего не случилось!

— Мне не нужны провожатые. И я не хочу уходить!

— Третьего июля, когда я приказываю, мне подчиняются!

— Я не собираюсь вам подчиняться!

— В последний раз...

— Я свободна в своих поступках!

— Что ж, тем хуже для вас!

Она не успела шевельнуться, а он уже поднял ее с пола и впился в ее губы злым поцелуем. Она отбивалась, нанося удары наугад, но это было все равно, что стучать кулаками по каменной стене. Тогда она попыталась сдавить ему шею болевым приемом. Взмахом ладони он грубо отбил ее руку и поставил девушку на пол.

— Я вас предупреждал. Это ночь геологоразведчиков!

Она стояла, бледная от ярости, сжимая кулаки и не находя слов.

— Проклятый... грязный... распаленный боров! — выкрикнула она наконец.

Громовой хохот встретил это жалкое оскорбление. Разведчики корчились от смеха, склоняясь над столиками.

— Ай да крошка, за словом в карман не лезет!

— А ведь многие хотели бы быть на ее месте!

— Тераи ее укротит.

— Повтори, Тераи, она только этого и ждет!

Шуточки сыпались со всех сторон. Вне себя от злости, Стелла отступила на шаг, выхватила пистолет и навела его на Тераи.

— Вы немедленно извинитесь или я продырявлю вашу толстую шкуру!

Он насмешливо улыбнулся и провел ладонями по своим коротким волосам.

— Черт возьми, у этой пчелки, оказывается, есть жало! Однако подумайте: если вы промахнетесь, тем хуже для вас, а если вы меня убьете, за меня отомстят друзья. Так что дайте-ка мне вашу игрушку, и забудем об этом.

Он протянул к ней руку. Стелла судорожно надавила на курок. Одновременно страшный удар выбил у нее пистолет, едва не переломав ей пальцы: один из разведчиков успел выстрелить раньше. Тераи подобрал пистолет с искалеченным дулом, вытряхнул магазин себе на ладонь.

— Ха, она блефовала! У нее только синие иглы! Молодец, мадемуазель, вы мне нравитесь. Если хотите — оставайтесь. Объявляю вас моей гостьей на эту ночь, и, клянусь рогами козла, теперь вы в безопасности. Все слышали? Она под моей защитой! Однако почему вам так хочется остаться в нашей компании, черт побери?

Стелла на секунду заколебалась.

— Я... я журналистка из «Межпланетника». Мне нужно написать репортаж о Порт-Металле.

— Что же вы не сказали раньше? Тогда бы не было никаких недоразумений! Хорошо, однако с условием: никаких имен! Обо мне можете писать, что хотите, мне на это плевать. Пошли, ребята, начнем нашу ночь! И предлагаю объявить мадемуазель...

— Стелла.

— Объявить мадемуазель Стеллу королевой разведчиков! А ну, все хором, начнем вступление. Что такое Порт-Металл?

— Ад!

— Что такое ММБ?

— Каторга!

— Кто такой Гендерсон?

Хор разбился на несколько групп, каждая из которых подхватывала свою строку куплета:

Гендерсон — сукин кот!
Наш хлеб он жрет!
Но счастливый день придет!
Вспорем мы ему живот!
Да, счастливый день придет!

— Хозяин, все запиши на меня. За мной, ребята, в «Желтую Собаку»!

* *
*

Утром в одном из маленьких кабинетов полицейского участка дежурный офицер еще раз перечел сообщение:

«Моя дочь Стелла Гендерсон прибудет на Эльдорадо на грузовом звездолете «Сириус». Она должна остаться целой и невредимой, чего бы это ни стоило. Вы отвечаете за ее безопасность.

Джон Гендерсон».

Подумать только, а его дочка провела всю эту ночь с Лапрадом и дикарями! Если старик когда-нибудь узнает...

Дежурный офицер меланхолически обдумал перспективу окончания своей карьеры на какой-нибудь богом забытой планете, еще худшей, чем Эльдорадо, и горестно вздохнул.

НА ДИКИХ РАВНИНАХ

Стелла проснулась около одиннадцати, приняла холодный душ, проглотила две таблетки гиперстена (для выздоравливающих, беременных, астеников и т. д., как говорилось на этикетке), оделась и, прежде чем

спуститься к завтраку, сунула в карман другой игольный пистолет, на сей раз с красными зарядами.

Контора Лапрада находилась в двух минутах ходьбы от гостиницы, на первом этаже большого серого здания.

Табличка на двери гласила:

ЛАПРАД И ИГРИШЕВ

Геологическая консультация

Она позвонила, вошла, когда автоматическая дверь открылась, и сразу отпрянула: маленькую прихожую почти целиком занимал огромный лев. Он поднял массивную голову с куполообразным, в отличие от своих собратьев, лбом, вытянул тяжелую переднюю лапу, на которой верхний, лишенный когтя палец казался ненормально развитым и в действительности был хватательным, как большой палец на человеческой руке, и что-то прорычал. Вторая дверь в глубине прихожей распахнулась.

— Входите, мисс. Все в порядке, Лео, это друг!

Лапрад ждал ее, сидя за большим деревянным столом. На его лице не было и следа ночных похождений.

— Присаживайтесь, мисс Стелла Гендерсон!

— Вы знаете мое имя?

— Из книги регистраций в вашем отеле. Но я и без этого знаю вас, мисс Гендерсон, дочь Джона Гендерсона из ММБ.

Она вздрогнула, но тут же овладела собой.

— Да, это я. Но я рассталась с моей семьей.

— В самом деле? Значит, это случилось совсем недавно.

Он вытащил из папки старый номер «Межпланетника» и протянул его Стелле.

— Да, это случилось сразу после того приема. Мой отец настаивал, чтобы я вышла за Йохансена из Бюро пластических материалов. Я отказалась, поссорилась с ним и ушла из дома. Старые друзья по университету нашли мне место в «Межпланетнике».

— И эта газетенка сразу же заказывает вам большой репортаж, чтобы вас выдвинуть? Прекрасное начало. Хм, совсем неплохо иметь друзей по университету! Правда, они отправили вас на грузовом корабле... Кстати, полиция получила особым кодом секретное предписание охранять вас и оберегать любыми средствами! Похоже, вы еще дороги вашему отцу.

— Я его дочь.

— Правда, это предписание немного опоздало...

— А вы откуда знаете?

— У меня свои источники, хороший приемник и хороший друг, некто Сташинек — великолепный дешифровщик... Итак, какое у вас ко мне дело?

— Я хотела бы написать репортаж о туземцах этой планеты. Мне сказали, что помочь мне можете только вы.

— Да, это так. Только захочу ли я? Какая мне от этого выгода? И прежде всего, действительно ли вы журналистка, или вы явились шпионить по приказу вашего отца?

— Вот мое удостоверение.

— Хм, полагаю, даже для папаши Гендерсона с его влиянием было бы нелегко всунуть вас в лигу журналистов против их воли... к тому же после того, как вы с ним поцапались, по вашим словам. Хорошо, предположим, что вы не врете. Как вы намереваетесь осуществить свой проект?

— Не могла бы я отправиться с вами в одну из ваших экспедиций?

— А что станет с вашей репутацией после того, как вы проведете на-

едине со мной полгода в лесах и саванне?

— Может быть, взять с собой кого-нибудь еще?

— Кого? Сташинеку нужен отдых. А я отправлюсь через четыре дня... Да, вот так-то. Я, конечно, могу попросить кого-нибудь из ММБ. Они давно уже пристают, чтобы я захватил одного из их желторотиков в бассейн Ируандики. Но это меня задержит, я потеряю время, а я полагаю, что мое время стоит дорого. Какой мне от этого толк?

— Я могу заплатить...

— Сколько же даст ваша газетенка?

— Тысячу стелларов.

— Слишком мало.

— Мало? Это же двадцать пять тысяч долларов! С такой суммой я сама могу организовать экспедицию и...

— И не пройдете дальше водопадов Инанги, если вообще до них доберетесь! Там на пути есть несколько не очень-то покладистых племен, не говоря уже о зверье, растениях и климате. Полторы тысячи стелларов, и я согласен.

— А я-то думала, что вы богаты!

— Я и в самом деле богат. Разумеется, не так, как ваш папа, но достаточно. Однако у меня есть профессия. И если я начну оказывать услуги по дешевке...

— По дешевке! Тысяча стелларов!

— По дешевке для меня, мисс.

— Вы, наверное, метис, не правда ли? Какая кровь в вас течет, армянская?

— Китайская. А также полинезийская, откуда мое имя, и кровь индейцев кри. И китайцу трудно удержать индейца кри, маори и частицу француза, которые иногда рискуют своей общей драгоценной шкурой, лишь бы повеселиться. Но сегодня китаец главенствует. Поэтому — полторы тысячи стелларов, и я вас беру с собой. За ту же цену к вашим услугам будет Лео, а это одно уже многого стоит.

— Хорошо. Еще какие-нибудь условия? Надеюсь, мне не придется стряпать?

— Первое: быть как все — иди или подыхай! Второе: во всем, что касается туземцев, не рассуждая, делать только то, что скажу я, и ничего больше! Иногда они становятся недоверчивыми, и я не желаю рисковать девятью годами усилий, девятью годами, в течение которых я старался подружиться с ними, подвергаясь всевозможным опасностям, зачастую смертельным, уж поверьте мне. Вы согласны?

— Согласна.

— Хорошо. Вот список того, что вам понадобится. А я постараюсь уговорить ММБ, чтобы они одолжили мне кого-нибудь из своих будущих гениев.

* *
*

Задрав голову, Стелла следила за удаляющимся вертолетом, который высадил их на один из холмов Тиманги. Вертолет исчез в облаках. Лишь после этого она окинула взглядом бескрайний лес, окружавший холмы, и почти пожалела о своем решении.

— А ну, за дело! Пошевеливайтесь, недотепы! Через десять минут выступаем. Тиламбэ, Акоара, *Кение дато сири! Кение!*

Два туземца-носильщика покорно начали разбирать мешки и свертки, сваленные в кучу.

— Но почему мы не могли долететь на вертолете до равнины Бирема? Это нас избавило бы от сотни километров пеших переходов.

Лапрад обернулся.

— Потому что я и не собирался идти к горам Карамелоле.

— Однако представленный вами план разведки...

Молодой инженер из ММБ не закончил фразы.

— План! Всегда план! Плевать я хотел на план! Ну да, я его представил, потому что иначе ММБ не отпустило бы вас со мной, а вы мне нужны! Нет, мы пойдем в бассейн реки Ируандики, и пойдем с другой стороны. Там масса месторождений, которые я отметил. Можете их картографировать, можете брать образцы — я вам их дарю. Они на территории племен умбуру, и мне они ни к чему. После этого мы проведем месяц-другой у моих друзей ихамбэ, чтобы эта девушка могла собрать материал для своей работы. Вам самим эти месторождения не найти бы и за год, так что шесть месяцев для вас — подарок! Слышите, месье Ахилл Гропас?

Молодой инженер побледнел.

— Я достаточно хорошо знаю свое дело!

— Не сомневаюсь. Вы, должно быть, сильны в теории, но вот практики вам явно не хватает. Пора, выступаем!

— Значит, никто не знает, куда мы направляемся? А что, если мы заблудимся?

— Не заблудимся, мадемуазель. Кроме того, у меня есть передатчик. В путь, солнце не ждет!

Он нагнулся, взвалил на спину самый тяжелый рюкзак и с карабином в руках большими шагами начал спускаться с холма. Огромный лев шел за ним по пятам.

— Какой грубиян! — вздохнул молодой грек.

— Да, пожалуй. Однако поспешим, иначе мы отстанем.

Лапрад и два мрачноватых туземца ушли уже метров на сто. Стелла пристроила поудобнее свой довольно легонький рюкзачок, и они двинулись следом.

— Вы давно на этой планете? — спросила она.

— Полгода, мисс. Это моя первая серьезная полевая работа. Я знаю, что у меня нет опыта, но когда мне говорят об этом таким тоном!..

Она усмехнулась.

— Боюсь, что до возвращения мы еще не то услышим. Этот Лапрад — редкостное явление.

— Скорее — редкостный грабитель! Но вся беда в том, что ему мы обязаны нашими самыми богатыми рудниками.

— Он что, действительно такой хороший геолог?

— Увы, да! К тому же он единственный независимый изыскатель и высоко держит свою марку. Приходится платить. Вначале важные господа с Земли пытались его купить, потом — запугать, потом — изгнать с Эльдорадо. И каждый раз им приходилось бить отбой. В 2230-м Бюро, опираясь на свою лицензию, подписало приказ о его выдворении. Через двадцать четыре часа на железную дорогу в ущелье Квалар обрушился такой камнепад, что бульдозеры разгребали потом завал целую неделю, и одновременно три наши обогатительные фабрики в горах со всем персоналом были захвачены туземцами. Тогда приказ отменили, и все уладилось. Он со своим львом — живая легенда для местных племен. Без него нам пришлось бы прокладывать путь к новым месторождениям огнем и

мечом, а вы знаете, что стало бы с нашей ограниченной лицензией!

— Да, параграф четвертый декларации 2098 года. Если бы у Бюро была неограниченная лицензия...

— Об этом нечего и думать. Она выдается только на необитаемые планеты или на планеты, жители которых признаны не поддающимися цивилизации. В этом вопросе федеральное правительство непреклонно. А здесь эти пункты неприменимы. Туземцы по большей части находятся на стадии охотничьей цивилизации, но они далеко не глупы и отнюдь не кровожадны. Четыре года назад они могли истребить рабочих наших фабрик, но они только усыпили их, набросав в водоемы корней колоколо. Они старательно избегают всяких столкновений с нами. А жаль! Эксплуатация Эльдорадо станет по-настоящему рентабельной только при широких разработках недр, при массовой колонизации планеты, а ограниченная лицензия этого не позволяет. Количество землян не должно превышать здесь сорока тысяч.

— Эй, может, вы поторопитесь?

Громовой голос заставил их вздрогнуть. Сидя на обломке скалы, Лапрад смотрел на них с презрительной усмешкой.

— Не слушайте его россказней, мадемуазель! Это фанатик Бюро. Дай таким, как он, волю, они бы опустошили всю планету, как уже сделали со многими другими, лишь бы модницы и хлыщи на Земле могли менять вертолеты и машины по три раза в год!

— Однако вы помогаете таким фанатикам, отыскивая для них новые месторождения!

— Ну это не страшно! Все равно они не смогут их разрабатывать, хотя и покупают на них права на тот случай, если им когда-нибудь удастся добиться неограниченной лицензии. Ладно, оставим это. Посмотрите лучше вперед. Красиво, не правда ли?

Влажный горный луг с яркими полянами, покрытыми неведомыми пестрыми цветами, среди которых здесь и там выступали горбы поросших серым мхом валунов, мягкими волнами спускался к лесу.

— Тысячелетия назад льды наполняли эту долину. Ледник сползал с гор Тумбу, что справа от нас, поворачивал вон там, а затем растекался по равнине Киндо, налево. Льды доходили примерно до места, где мы сейчас сидим. Поэтому здесь такой сглаженный рельеф. Затем климат изменился, ледник исчез. Но его фронтальные морены, еще свежие, преграждают равнину, а за ними образовалось болото. Нижнюю часть этого болота нам предстоит завтра пересечь. Затем мы снова пройдем через лес, выйдем на большую равнину, и тогда путь будет легче.

— Есть здесь опасные звери?

— Да, но немного. Зато есть комары или их подобия, которые ничуть не лучше. Ладно, поболтали — и в путь!

В полдень они добрались почти до середины долины. Тотчас после завтрака Лапрад, сокращая привал, дал знак выступать.

— Я хочу засветло дойти до пещер Доу,— сказал он Стелле.— Это здесь лучшее место для ночлега.

Вечер застал их у подножия плато с обрывистыми склонами, изрытыми пещерами и гротами. С оружием в руках они осторожно приблизились, пустив вперед льва, но пещеры оказались пустыми, и ночью ничто не тревожило их сна.

Наутро Стелла проснулась рано. Оба носильщика уже хлопотали вокруг костра у входа в пещеру; дым лениво поднимался вдоль утеса и внезапно исчезал наверху, подхваченный ветром. Стелла поднялась, осмотрелась. Охапки хвороста в углах пещеры указывали, что Лапрад и дру-

гие люди не раз находили здесь убежище. На стенах в мягком камне были вырезаны имена: Бил Хичкок, 2212; Жан Каррер, 2217; Луи Леблан, 2217; Тед Гендерсон, 2221 (однофамилец? дальний родственник?); Ж. Клейн, 2222. Затем начиная с 2225 года почти регулярно повторялось имя Тераи Лаприда. Стелла вытащила нож и нацарапала ниже свое имя.

Мужчины еще спали. Она присела у входа, сделала несколько записей. Лаприд проснулся, одним движением вскочил на ноги.

— Лео! Где он?

— Он только что вышел.

— А вы давно проснулись?

— С час назад.

— Люблю поспать! Это моя слабость. Мне просто необходимо как следует выспаться. Эй, рудокоп! Подъем!

Он толкнул Гропаса, который застонал и перевернулся на бок, не открывая глаз.

— И подумать только, что это один из лучших образчиков, которые дает сейчас Земля. Полюбуйтесь! Его бы могли десять раз убить. А, вот и Лео! Все хорошо, старина?

Он нагнулся, обхватил огромную голову льва обеими руками.

— Лео, старый мой друг! Ты утешаешь меня, когда мне становятся противны люди. Только мы с тобой и остались во всей вселенной, ты да я, два больших дикаря, человек и лев!

Зверь ответил ему тихим прерывистым рычанием, почти членораздельным.

— Вы думаете, он вас понимает?

— Это сверхлев, мадемуазель! Чему только вас учат теперь в школах? Мой отец работал с Ланглеем в Торонто. Лео только-только родился, когда одиннадцать лет назад эти кретины фундаменталисты сожгли лабораторию под предлогом, что там издеваются над божьими созданиями! Как будто они могут знать истинные замыслы творца, как будто они проникли в тайну творения, эти жалкие недоноски, свято верящие во все, что написано в библии, и еще больше — в темные легенды жестокого народа бронзового века! Все сгорели: Ланглей, мой отец, отец и мать Лео, его братья и сестры! Мне удалось спасти львенка, но я не мог спасти отца, убитого сразу же взрывом гранаты. Я тогда работал над диссертацией. Моя мать вскоре умерла. После того как повесили нескольких убийц — как всегда, далеко не главных! — я покинул Землю. Я не хотел там больше оставаться! Год провел на Офире II, а когда самой дальней планетой стала Эльдорадо, я переселился сюда вместе с Лео. Коэффициент разума у него — 85! Чуть-чуть пониже, чем у среднего человека. Еще два поколения, и мы бы имели для освоения диких планет еще более умных помощников, чем бедный Лео! Вы представляете, что они сделали, эти сволочи? Он один, один из всего своего рода, достаточно разумный, чтобы это понимать, и недостаточно — чтобы с этим примириться. Согласились бы вы жить совсем одна, между миром богов и миром обезьян?

— Я... я не знала...

— О, простите меня, я не могу говорить об этом спокойно. К тому же, может быть, есть еще надежда. Рамакришна на Бохаре IV продолжает работу Ланглея и моего отца. Может быть, когда-нибудь у Лео будет подруга. В нормальных условиях он должен дожить лет до сорока. Ладно, перекусим и в путь!

Около десяти утра они дошли до болота. Почва стала мягкой и липкой, сапоги глубоко погружались в нее, а когда их вытаскивали — издавала противное чавканье. Лео перепрыгивал с кочки на кочку, по-коша-

чьи стряхивая лапы. Дальше идти стало еще труднее. Между стволами болотных деревьев появились озерца, подернутые ряской,— их приходилось огибать. Тучи насекомых набросились на путников, и Тераи остановился, приказав намазать лицо и все обнаженные части тела маслянистой пахучей жидкостью. Но если эта жидкость и отпугивала большинство комаров, другие, более настырные, жалили немилосердно, и Стелла вскоре почувствовала, как лицо ее опухает. Кроме того, ее мучил зуд между пальцами рук. Лапрад философски пожал плечами.

— Ничего не поделаешь! Вы привыкнете и скоро не будете так страдать. И он тоже.

Молодой инженер был неузнаваем: глаза на его вздувшемся лице казались щелками.

— У разных людей различная реакция на яды. Уверяю вас, ему приходится гораздо хуже, чем вам!

В полдень они наспех позавтракали, сидя на полусгнивших пнях. Когда Стелла вставала, она вдруг поскользнулась и во весь рост шлепнулась в глубокую лужу. Лапрад выругался.

— Встать! Скорее! Вы промокли?

— Да, немного.

— Немедленно переоденьтесь! Мы отвернемся. Не думаю, чтобы в этом болоте водились ниамбы, но кто знает?..

Когда Стелла вытерлась и переоделась, они двинулись дальше.

— Простите, что такое ниамбы?

— Это... О дьявол!

Лео взревел, замахиваясь лапой с выпущенными когтями. Перед ним из воды поднималась треугольная голова, голова рептилии. Лапрад уже вскинул карабин. Голова разлетелась от удара тяжелой пули.

— Болотный удав! Разумеется, это не настоящий удав и даже не рептилия, но ничуть не лучше. Если бы не Лео, мы прошли бы мимо, ничего не заметив, и сейчас нас было бы уже на одного меньше. Они достигают в длину пятнадцати-двадцати метров!

Лапрад обернулся к туземцам, о чем-то сурово спросил.

— К счастью, эти зверюги встречаются редко. Мои носильщики говорят, что здесь их никогда не видели. Я им верю, потому что сам двадцать раз проходил через это болото, и это первый случай. Скорее, прибавим шаг! Я буду спокойней, когда мы отсюда выберемся.

К вечеру местность начала повышаться, и они заночевали под гигантским деревом на сухой земле. На следующее утро Стелла почувствовала себя усталой, ее сильно лихорадило, но она решила, что это с непривычки, из-за трудного перехода. Весь день она еле плелась. Раза два или три она порывалась заговорить об этом с Лапрадом, но сдерживалась. Иди или подыхай, сказал он. Она не стала жаловаться и только проглотила тайком две таблетки панвакцины. В эту ночь она спала плохо и проснулась перед рассветом. Кругом было тихо. Лео сторожил, опустив голову на скрещенные лапы. Лапрад и Гропас лежали чуть поодаль, завернувшись в свои одеяла. Стелле было холодно, но она ощущала где-то в животе воспаленную жгучую точку. Она осторожно погладила живот и тихонько вскрикнула: чуть пониже пупка пальцы ее нащупали под кожей опухоль с куриное яйцо. Отойдя в сторону, она расстегнула комбинезон: да, это была опухоль, казавшаяся при свете электрического фонарика багровой. Когда Стелла возвращалась к лагерю, острая боль внезапно пронзила ее.

— Месье Лапрад!

Он вскочил и сразу вскинул карабин.

— В чем дело?

Она объяснила и увидела в неясном свете зари, как он бледнеет.

— Сколько было у вас приступов?

— Один.

— Уф, значит, еще не поздно. Гропас, вставай!

Он пнул инженера под ребра, и тот взвился вне себя от ярости.

— Аптечку, скорее! Речь идет о жизни или смерти! Ложитесь на спину, мадемуазель, я вас срочно прооперирую. Не бойтесь, я уже имел дело с подобными случаями. Эй вы, держите ее, чтобы она не дергалась! Для наркоза нет времени. Акоара! Тиламбэ! *Ота ези ран! Кила ниамба его!*

Оба туземца бросились к ней, навалились на ноги, в то время как перепуганный Гропас удерживал ее руки.

Лапрад подержал над костром скальпель и пинцеты, обнажил ей живот, затем быстрым и точным движением разрезал кожу над опухолью. Брызнула кровь, он осушил ее тампоном, осторожно раздвинул края разреза. Полумертвая от страха и боли девушка стонала, но не осмеливалась пошевельнуться. Лапрад пинцетами рылся в ране.

— Ага, вот оно! Вы спасены.

Он бросил на землю беловатый, испачканный кровью комок и влил в рану антисептическую жидкость.

— Скажи вы мне об это вчера, и можно было бы избежать операции, обойтись одним хинином. А так — еще несколько минут, и вам бы ничто не помогло. Смотрите, он как раз созрел, вот он, лопается!

Стелла повернула голову в ту сторону, куда он указывал своей гигантской рукой. Беловатый комок на земле лопнул, и из него вылилась масса мелких амебообразных шариков.

— *Акоара, сита его!*

Носильщик вылил на кишащую кучку немного спирта и поджег.

— Что это было?

— Ниамба, которую вы подцепили позавчера, когда упали в лужу. Это паразит, который внедряется под кожу на животе и очень быстро размножается в своей оболочке. Когда ниамбы созревают, они выделяют особую кислоту, разъедающую брюшную стенку, и сразу растекаются по всей полости. После этого остается только пустить себе пулю в лоб. Они пожирают человека живьем! Господи, неужели вы не почувствовали острого укола, когда упали в воду?

Не переставая говорить, он зарядил сшиватель и быстро поставил две скобки. Стелла сморщилась от боли.

— Почувствовала, но не обратила внимания. Я как раз переодевалась и подумала, что это комар.

— В этих проклятых болотах на все надо обращать внимание! А вчера вы себя чувствовали усталой, у вас был жар? Вы должны были мне сказать!

— Могли бы сами осведомиться о моем здоровье, вместо того, чтобы искать блох у вашего льва!

— Лео во многом настоящий ребенок: если я не буду следить за ним, он совсем запаршивеет. Но вы-то как будто взрослая! Мы идем в такие места, где вам придется все время быть начеку. Если вы на это не способны, вы недолго протянете. Но ведь я должен был вас предупредить... Непонятно, почему я этого не сделал?

— Когда я вас спросила, как раз появился удав...

— Ничего не значит, я все равно должен был об этом подумать. Я начальник, а значит, за всех отвечаю. Если с вами когда-нибудь еще случится такое и вы будете одна, оперируйте себя сами без колебаний! После

второго приступа еще есть надежда. После третьего... Ну вот, я наложил повязку с заживляющим бальзамом. Через два дня мы сможем двинуться дальше.

БЕГСТВО

Стелла отдыхала под навесом из ветвей, подложив под голову рюкзак. Шалаш был открыт с одной стороны, и со своего места она видела гигантские деревья с гладкими могучими стволами. На высоте двадцати метров они словно взрывались густыми кронами, образуя сплошной полог, сквозь который едва просачивался зеленоватый, как будто подводный свет. Земля под деревьями была почти голой, лишь кое-где росли хилые пучки лишенной солнца травы.

Лапрад построил это убежище, проклиная неженок, которые не могут сами о себе позаботиться, жалуясь на потерю времени и на то, что в этих местах трудно раздобыть свежее мясо. Тем не менее, не переставая ворчать, он заботливо сплел для Стеллы постель из мягких прутьев.

Сидя перед входом в шалаш, Гропас вел свой дневник. Дымок от угасающего костра поднимался вертикально в неподвижном воздухе и растекался под сводом листвы. Стелла наблюдала за инженером: мокрая от пота рубашка обтягивала его широкую спину, мускулы на правой руке мягко перекатывались, а когда он чуть поворачивал голову, она видела его классический профиль с черными завитками коротких волос надо лбом. Странно, почему он сначала показался ей заморышем? Впрочем, рядом с Тераи любой нормальный мужчина выглядел бы не лучше. Лапрада нигде не было видно, носильщики тоже исчезли.

— Месье Гропас!

Он повернул голову, встал, подошел к ней.

— Уже проснулись, мадемуазель? Как вы себя чувствуете?

— Лучше, гораздо лучше. Думаю, что смогу двинуться в путь уже завтра, на сутки раньше, чем предсказал наш друг. Может быть, это вернет ему хорошее настроение?

— Сомневаюсь. Эдакий людоед!

— Не надо судить о нем плохо. Он одинок, и ему никогда не везло. С его способностями он мог бы занять высокий пост в университете или в какой-нибудь компании. Драма 2223 года превратила его в изгнанника. Лео — его единственный друг.

— Это чудовище? Я боюсь его.

— Но почему? Лео очень добр, хотя и не обращает на нас внимания.

— Зверь... животное... не имеет права думать!

— Послушайте, месье Гропас, вы образованный инженер. Как вы можете разделять глупые предрассудки? Нет, тут я целиком на стороне Лапрада. Этот поджог зоопсихической лаборатории в Торонто был отвратительным и бессмысленным преступлением!

— Возможно...

— Во всяком случае, держите ваше мнение при себе. Лапрад может вас просто пристукнуть, если вы ему скажете что-нибудь подобное.

— Да, я это знаю! Кстати, вот и он.

Тераи появился между деревьями бесшумно как тень. Позади него друг за другом шли носильщики с длинной жердью на плечах, к которой было подвешено четвероногое рогатое животное. Лео замыкал шествие; вид у него был довольный, на морде еще виднелись капли крови.

— Ну как, после всяких консервов неплохо для разнообразия? Это лесная псевдокоза. Без моего льва она бы от нас удрала, правда, Лео?

— Что бы с нами вообще стало без Лео! — не удержался Гропас.

Лапрад обернулся, словно ужаленный змеей.

— Не знаю, что стало бы с вами, господин инженер, но знаю, что мне он уже много раз спасал жизнь. Да и вам тоже спас, когда мы не заметили болотного удава. Вас бы удав наверняка схватил первым: говорят, они обожают мясо с душком! А если вам Лео не нравится, что ж, лес велик. Мой путь лежит в ту сторону, а вы можете выбирать любую другую!

— Послушайте, месье Лапрад, Гропас вовсе не хотел вас оскорбить.

— Только этого не хватало! Как вы себя чувствуете?

— Лучше. Я думаю, завтра мы сможем выступить.

— Прекрасно. Выход завтра утром.

И он отошел к носильщикам, которые разделывали тушу.

«Мог бы, по крайней мере, похвалить меня за мужество! — подумала Стелла.— Нет, грек прав, это настоящий дикарь!»

* * *

Лес кончился внезапно. За непроглядным барьером кустов, оплетенных лианами, не было ни одного гигантского дерева. Голая степь, которая постепенно повышалась навстречу округлым холмам, уходившим волнами за горизонт. Кое-где зеленые рощицы нарушали монотонность пейзажа. Солнце ослепительно сияло над этим морем высоких рыжеватых трав, и путники после долгого пребывания в полумраке леса долго стояли, щуря глаза, прежде чем снова привыкли к яркому свету.

— Страна племени умбуру,— сказал Лапрад.— Она занимает весь левый скат бассейна Ируандики. За рекой — владения ихамбэ, моих друзей.

— А в каких отношениях вы с умбуру?

— Хм, ни в каких. Толком никогда не знаешь, как себя с ними вести. До сих пор они меня принимали хорошо, но без особого восторга. Именно в этих холмах находятся богатые рудные месторождения, о которых я вам говорил, Гропас. Если ММБ решит их разрабатывать, вы можете построить пристань на Ируандике, по ней пройдут самые большие баржи отсюда до устья. А от Порт-Металла до моря Ктот уже есть железная дорога.

— Что это за месторождения?

— О, тут всего понемножку, увидите сами: германий, хром, никель, литий, галлий, особенно галлий. Но нередок также кристаллический бериллий. Понимаете, я только бегло обследовал этот край. Определить выходы рудных жил, второстепенное месторождение и прочее — это уже ваше дело.

— И вы будете моим проводником?

— В течение месяца. Затем мы отправимся к ихамбэ, и там — никаких разведок, понятно?

— Но почему?

— Потому что ихамбэ мои друзья, и я не хочу, чтобы их тревожили.

— А если умбуру потом будут против разработок?

— Меня это не касается, выпутывайтесь сами. Но навряд ли. Они живут еще в каменном веке, и на руды им наплевать.

— Правда ли, что горы Этио сплошь состоят их редких металлов? Говорят...

— Кто это говорит?

— Мак Леод...

— Мак Леод болван. Оттого что он разбил свой самолет в горах Этио — кстати, я рисковал своей шкурой, чтобы его вызволить,— он еще не стал геологом. Что он понимает?

— Но он доставил образцы!

— На Эльдорадо всегда можно найти несколько богатых образцов. Впрочем, все равно об этом не может быть и речи. Горы Этио священны для всех племен, и даже для подданных империи Кено. Почему — я и сам до сих пор не знаю, а расспрашивать об этом не рекомендуется. Если мои друзья ихамбэ пронюхают, что я на своем вертолете побывал на их «Горе Богов», мне останется только бежать отсюда, и бежать со всех ног! Поэтому, пока мы будем гостями любого племени — ни слова о горах Этио!

К вечеру они разбили лагерь на берегу маленькой речки Мокибата, левом притоке Ируандики, и впервые за весь поход Лапрад не доверился целиком Лео: ночью каждому пришлось по очереди отдежурить свои часы. Еще днем сверхлев проявлял беспокойство и рыскал по сторонам, время от времени возвращался с какими-либо сообщениями. В одном месте Лапрад надолго задержался, изучая следы на полувысохшем иле близ источника: рядом со следами различных животных четко выделялись отпечатки двух ног, почти человеческих ног, только с более длинными пальцами.

— Это охотник. Идет быстро, налегке.

Тем не менее ночь прошла спокойно. Наутро они пересекли речку вброд и быстро углубились в монотонную саванну, где паслись стада различных животных. Они остановились в полдень лишь на несколько минут, чтобы перекусить.

— Я хочу до темноты выбраться с территории ихими,— сказал Лапрад.— Это беспокойные соседи, и, когда я их видел в последний раз три месяца тому назад, они были что-то слишком возбуждены. Их родичи михос поспокойнее.

В пять часов вечера Лео примчался длинными гибкими прыжками, взлетая над высокой травой, как рыжее пламя. У них с Лапрадом произошел короткий «разговор».

— Нас преследуют. Человек двадцать. Поспешим!

Встреча произошла незадолго до сумерек. Лео внезапно зарычал, Лапрад остановился и зарядил карабин.

— Делайте, как я, черт бы вас побрал!

Гропас, бледный, но полный решимости, встал с ним рядом. Стелла почувствовала, как дрожь пробежала у нее по спине. Равнина казалась пустынной, ни одной рощицы не было поблизости, но высокая трава под косыми лучами солнца колебалась зловеще, словно скрывая полчища врагов. Носильщики сбросили свои мешки и охраняли тыл с ружьями наизготовку. Внезапно метрах в пятидесяти из травы возникли фигуры, раскрашенные яркими полосами.

— Дьявольщина! Боевая раскраска! Не стрелять без моего приказа, молчать и, что бы ни случилось, подчиняться мне слепо. Ясно?

От группы туземцев отделился один человек и медленно пошел к ним. В десяти шагах он остановился и поднял правую руку, ладонью вперед. Лапрад не двигался, но Стелле показалось, что он немного расслабился.

Туземец молча стоял несколько секунд в той же позе, и Стелла смогла его как следует разглядеть. Он был очень высок, выше шести фу-

тов ростом, широк в плечах и худощав. В его черных волосах, связанных узлом на макушке, торчали четыре больших пера, медленно покачиваясь на ветру. Лицо было свирепым и казалось еще более диким из-за ярких полос боевой раскраски, зеленых и фиолетовых. Но кожа между полосами была просто смуглой. В руках у него был лук, за спиной — колчан, полный стрел, а за поясом — два больших кремневых ножа с рукоятками из застывшей смолы.

— *Аке, Тохира!*— сказал Лапрад.

— *Аке ету, Тохира ма!*

— Кажется, все в порядке,— шепнул Стелле Лапрад.— Он ответил на приветствие.

Лапрад обменялся еще несколькими фразами с дикарем.

— Дело дрянь. Я сказал, что мы идем к Ируандике. Он не согласен. Говорит: река принадлежит умбуру. Я сказал, что она принадлежит также ихамбэ. Он ответил, что между ними война. Из последней фразы я понял, что воюют, по правде говоря, только ихими. Они хотят, чтобы мы вернулись. Я попрошу отсрочки до завтра.

— *Эргуени ко то итира. Эгара тими.* (Он указал на Стеллу.) *Ассиноси Тохира геба.*

Воин заколебался, потом подошел к Стелле и долго ее разглядывал.

— *То итира нэ!*

Он повернулся и величественно направился к своим соплеменникам.

— Уф, я добился отсрочки!

— Что ему от меня было нужно?

— Я ему сказал, что вы измучены, что вы женщина и что такой большой вождь должен сжалиться над женщиной. Он подошел, чтобы проверить, действительно ли вы принадлежите к слабому полу. Ведь на вас мужская одежда, не забывайте!

— Что нам теперь делать?— спросил Гропас.

— Главное, добраться до территории михос. Кстати, именно там находятся ваши месторождения. Если бы я был один, я бы сделал вид, что возвращаюсь, а сам быстрыми переходами обогнул бы владения ихими с востока. Но с вами двумя вряд ли это возможно.

— А что еще нам остается?

— Ничего. Вернуться домой.

— Но их всего двадцать, не больше!

— Да, сегодня. Завтра их может быть пятьдесят или сто!

— Попытаемся обойти их владения,— сказала Стелла.

Он взглянул на нее с любопытством.

— Это будет трудно, мадемуазель. Дьявольски трудно. Придется состязаться в выносливости с охотниками, привыкшими преследовать дичь по многу дней. Думаете, это вам под силу?

— Я поднималась на Эверест!

— Это не одно и то же. Впрочем, рекомендация неплохая. Можно попробовать, если хотите. К тому же эта уступка с его стороны — оставить нас в покое до завтрашнего утра,— подозрительна. Скорее всего он ждет подкрепления. Видимо, решил, что с двадцатью воинами ему не удастся так просто нас перебить. Как-никак меня знают даже среди умбуру.

— Вы думаете, за этой уступкой кроется ловушка?

— Боюсь, что так.

— Если нам удастся отсюда выбраться, эта встреча станет гвоздем

моего фильма! Света, правда, было маловато, но зато все поймут, что сцена подлинная.

— Вы ее засняли? Каким образом?

Она подняла левую руку. На безымянном пальце у нее был перстень с огромным опалом.

— Внутри перстня микрокамера, производство фирмы Банрвельдт и де Кам, Соединенные Штаты.

— Ясно. Итак, вот что я решил. Мы устроимся вроде бы на ночлег и как следует поедим. Когда стемнеет, сделаем из травы и лишней одежды куклы и положим их вокруг костра. Все вещи бросим, кроме оружия. Лео останется сторожить у костра, словно мы еще здесь. Он нас догонит позднее. Тронемся в путь до восхода лун. Если мы сумеем опередить их на несколько часов, все будет хорошо. Ясно?

— А что, если вызвать Порт-Металл? Они пришлют за нами вертолет и...

— Я солгал, чтобы вас успокоить, мадемуазель. У меня нет передатчика. Даже самый легкий аппарат был бы слишком тяжел. К тому же на этой планете либо чувствуют себя превосходно, либо умирают внезапно, не успев вызвать помощь.

Он долго разговаривал со сверхльвом, терпеливо объясняя, что тому нужно делать.

— Главное, когда они подойдут, ты незаметно побежишь по нашим следам. Незаметно. За нами. И никого не трогать! Не убивать!

Лео был явно недоволен.

— Не злись, мы еще с ними встретимся. Ступай, проверь все вокруг.

Темнота была уже полной, непроглядной. Подул свежий ветер, пригибая травы и разгоняя дым. Лео вернулся.

— Вы готовы? Тогда пошли. Я иду первым, вы — за мной, затем Гропас и Тиламбэ. Акоара будет прикрывать нас сзади. Делать все, как я. Не шуметь и не поднимать головы. Если вас ужалит ядовитая гадина, умрите молча!

Он перекинул карабин за спину, встал на четвереньки и скользнул в траву. Стелла последовала его примеру. Довольно скоро она убедилась, что продвигаться таким образом далеко не просто. Ее ружье соскальзывало, путалось в стеблях, и приходилось все время его отбрасывать на спину движением плеча.

— Тихо, чтоб вам!..— донесся из темноты приглушенный голос.— На Оперной площади в Париже слышно, как вы копошитесь!

Она чуть не прыснула, и страх ее прошел. Но постепенно накапливалась усталость. У нее ломило поясницу, кожа на локтях и коленях была содрана. Один раз она попала рукой во что-то скользкое, копошащееся. Наконец Лапрад выпрямился.

— Можете встать.

Он долго вслушивался в ночь. Там, далеко за складкой местности, красноватый отблеск отмечал то место, где догорал их костер.

Ночь казалась нескончаемой. Луны смутно освещали саванну, однако их обманчивый зыбкий свет ничуть не помогал, а только маскировал препятствия и неровности почвы. Стелла все время спотыкалась, Гропас наталкивался на нее и тихо извинялся. Лишь Лапрад и оба носильщика шагали как ни в чем не бывало.

Наконец пришел рассвет, а вместе с ним — сырая прохлада. Стелла дрожала в своей легкой одежде, сожалея об оставленном у костра плаще. Едва взошло солнце, Лапрад остановился под первым же деревом и

ловко взобрался на него. Стелла привалилась к узловатому стволу, вытянув усталые ноги.

— Я не вижу ничего. А ведь они должны были в это время уже сообразить, что я их провел! Вперед!

Он вел их безжалостно, без передышек. У Стеллы открылось второе дыхание, и ноги ее двигались сами собой. Около девяти часов устроили короткий привал, чтобы поесть. Когда Стелла потом попыталась встать, жестокая судорога свела ей икры.

— Ну вот! А ведь это только начало!

Тем не менее он склонился над ней и своими огромными лапами начал массировать одеревеневшие мышцы с удивительной нежностью.

— Выше нос! Первый день всегда самый трудный.

— Я знаю. У меня были такие же судороги, когда мы поднимались на Эверест. Здесь хоть не так холодно!

Они шли весь день. В сумерках Лео присоединился к ним. Ритмично порыкивая, он «рассказал» Лапраду, что преследование возобновилось, но врагов осталось столько же. Они продолжали идти еще часть ночи, затем несколько часов проспали в неглубокой, закрытой со всех сторон впадине. Следующий день прошел как в кошмаре. Сначала они долго шли по дну извилистого ручья, чтобы сбить преследователей со следа, затем повернули прямо на восток. Свежая вода ручья освежила усталые ноги Стеллы, но потом идти по жесткой земле показалось ей настоящей пыткой, пока ноги снова не привыкли.

Так прошло еще два дня. Силы оставляли Стеллу. Гропас чувствовал себя не лучше: он спотыкался на каждом шагу. Лапрад, осунувшийся от бессонницы,— по ночам он часть времени, отведенного на сон, проводил в разведке, пытаясь определить, далеко ли преследователи,— попрежнему вышагивал с неутомимостью титана. На четвертый день в полдень Стелла во время короткой остановки рухнула на землю и не смогла подняться. Гропас упал рядом с ней, тяжело, прерывисто дыша. Лапрад смотрел на них с горечью.

— Выдохлись. Особенно месье. И такой еще собирался стать геологоразведчиком. Ладно, рискнем. До вечера — отдых, выступаем в сумерках.

Она погрузилась в блаженное небытие. Ей снилось, что она на корабле, что качка усиливается, и вдруг от нового толчка она ударилась о жесткий борт своей койки.

— Встать! Быстро! Нас догоняют!

Она приподнялась наполовину и вскрикнула. Все тело ее стонало от боли и усталости. Небо было ясным, без единого облачка, и лучи заходящего солнца освещали сзади гигантскую фигуру Лапрада, стоявшего с карабином в руках.

— Быстрее, черт побери! Лео их заметил.

Она медленно встала, ноги ее подгибались.

— Не знаю, смогу ли я идти...

— Еще как сможете! Знаете, что они делают с пленниками? Для начала выщипывают все волосы на голове, волосок за волоском, по одному, потом прижигают углями пальцы, потом...

— Довольно!

Этот вопль вырвался у Гропаса, все еще лежавшего на земле. Он с трудом поднялся.

— Если бы мы воспользовались вертолетом вместо того, чтобы ползти пешком, как в доисторические времена...

— Ты что, хотел найти с вертолета свои рудные жилы, кретин?—

презрительно оборвал его гигант.— Кабинетный геолог! Заткнись и шагай!

Они двинулись дальше. До самого горизонта в высоких травах никого не было видно. Стелла сказала об этом Лапраду.

— Они гораздо ближе, чем вы думаете,— ответил он.— Смотрите внимательно на вон ту возвышенность. Видели?

На какое-то мгновение между двух кустов мелькнула полусогнутая фигура воина.

— Держитесь! До границы владений михос километров десять. Если мы туда доберемся, мы спасены. Ихими не посмеют нас преследовать дальше ни за что на свете! Кланы ревниво охраняют свои охотничьи владения, и это было бы поводом для войны, хотя они и принадлежат к одному большому племени. Так что мужайтесь, Стелла!

Она взглянула на него с удивлением. Впервые за все время он назвал ее по имени. Она была смущена и обрадована.

И они продолжали уходить через холмы и впадины, пока Гропас не рухнул наземь.

— Больше не могу! Спасите ее. А я попытаюсь их задержать.

Не говоря ни слова, гигант пригнулся, схватил инженера за руки и перебросил, как мешок, через плечо.

— Вперед!

Но постепенно усталость взяла свое. Дыхание Лапрада сделалось коротким и свистящим, шаг замедлился, и наконец он опустил инженера на землю.

— Я не могу больше вас нести. Попробуйте идти за нами. Оставляю вам Лео.

Через несколько минут позади них щелкнул выстрел. Они обернулись. Гропас снова вскинул ружье. Вой раздался из высокой травы. И стрелы замелькали над головою грека. Тераи пожал плечами.

— Он пропал! А жаль — еще несколько таких походов, и он стал бы приличным разведчиком.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— О, конечно, можно! Подставить себя под стрелы вместе с ним.

Вскинув карабин, Тераи зорко огляделся и дважды выстрелил по далеким кустам. Снова послышались крики, крики боли и ярости. Гропас бежал теперь к ним шатающейся рысцой загнанного животного, и на мгновение им показалось, что он сможет спастись. Но он споткнулся о пучок травы, упал, а когда поднялся, было уже слишком поздно. Две стрелы сразу вонзились ему в спину. Он обернулся, шатаясь, выпустил последние заряды из своего карабина, и свалился навзничь. С торжествующим видом воин-ихими выскочил из высокой травы, потрясая короткой саблей.

— Не смотрите туда!

Стелла не могла шевельнуться, скованная ужасом. Сабля взлетела и опустилась три раза, и воин высоко поднял за волосы голову инженера. Рыжая масса возникла за его спиной, мелькнула, и череп ихими треснул от удара огромной лапы. А Лео уже бросился на другого врага.

— Беги, чтоб тебя!.. Граница там, за ручьем! Я догоню. Тиламбэ, Акоара! *Фага! Фага!*

Трое мужчин вскинули ружья, и выстрелы загремели над саванной, отдаваясь эхом в соседних холмах. Ихими мелькали между островками высокой травы; пригнувшись, они бежали к ним с трех сторон. То и дело кто-нибудь из воинов приостанавливался, натягивал лук, и стрела с тихим шелестом вонзалась в землю рядом с Тераи.

Лео свирепствовал за спинами ихими, появляясь то тут, то там, но воины, не замечая его, стремились вперед. Уже свалился Тиламбэ, судорожно хватаясь за оперение стрелы, пробившей ему горло. Что-то словно хлыстом обожгло плечо Стеллы — другая стрела, едва не попавшая в цель. Боль вывела ее из оцепенения, и она тоже вскинула ружье, пытаясь поймать на мушку кого-нибудь из нападающих. И вот один вдруг возник в прорези — вождь, тот самый, с кем они вели переговоры совсем недавно,— а казалось, века назад! Она плавно нажала на спуск и первый раз в своей жизни убила человека.

— Браво, Стелла, отличный выстрел! Ну все, кажется, Лео прикончил последнего...

Тишина над саванной упала внезапно, как последний выстрел. Медленно, осторожно Лапрад двинулся вперед. В траве вокруг никто не шевельнулся: да, все было кончено. Он склонился над обезглавленным трупом инженера, пошарил по карманам и достал бумажник. Из него выпала фотокарточка юной девушки с надписью на обороте по-английски: «Моему Ахиллу! Всегда с тобой. Твоя невеста, Люси».

— И у него еще была невеста, у этого дурня. Какого черта он явился сюда? Мерзавцы, одни мерзавцы сидят в этом ММБ! Посылать на дикую планету детей, у которых молоко на губах не обсохло! И теперь придется его зарыть в этой чужой для него земле. Мерзавцы и дерьмо!

Потрясенная такой грубостью, Стелла хотела уже разразиться упреками, но что-то в лице Тераи удержало ее. Раскосые глаза его под тяжелыми веками влажно блестели.

— Вот так и бывает! Юнцы вызываются добровольцами на поиски новых месторождений, надеясь поскорей получить повышение, поскорей вернуться на Землю. И подыхают как собаки от стрел дикарей, вдали от всего, что они любили. Проклятый род человеческий! Акоаро, *гади онтубе!*

Туземец подошел, неся на спине труп Тиламбэ. Он вынул из-за пояса лопатку с короткой ручкой и начал рыть могилу. Перегной был черен и горяч, и от него исходил чужой, странный запах.

— Вы знаете какую-нибудь молитву? Он, кажется, был верующим. Сам я...

— Он наверняка был православным, а я знаю только протестантскую службу,— сказала Стелла.

Тераи пожал плечами.

— Дорогая моя, если есть бог на свете, ему наплевать на все эти тонкости. Начинайте! Думаю, ему не хотелось бы покинуть сей мир без напутственной молитвы.

* *
*

Допев псалом, Стелла подняла глаза. Тераи не было рядом: он с недовольным видом рассматривал короткую саблю, которой дикарь обезглавил Гропаса.

— Интересно, откуда у этого скота мачете? Первый раз вижу такое оружие в руках умбуру. Наверное, украл у какого-нибудь геологоразведчика... Вы готовы?

Он бросил прощальный взгляд на два свежих холмика над одной могилой.

— Символ братства, последнего и, может быть, единственно возможного. Пора в путь!

Закинув ружье Гропаса за спину, с карабином в руках, он зашагал вперед. Стелла поплелась за ним. Акоара, тоже с двумя ружьями, шел позади. Лео исчез, посланный на разведку.

Они пересекли ручей, поднялись на противоположный берег. Далеко, очень далеко впереди над саванной поднимался столб дыма, позлащенный заходящим солнцем, и ветер оттуда вдруг донес до них глухой рокот барабанов. Тераи остановился так внезапно, что Стелла налетела на него сзади.

— Дело дрянь. Кажется, михос тоже вступили на тропу войны. Боюсь, что этот благородный вождь, которого вы так ловко срезали, заговаривал мне зубы. Если это так, положение наше паршивое.

— Что же нам делать?

— Пробиться во что бы то ни стало. Когда мы переправимся через Ируандику, нам ничто не будет грозить. Но до реки километров пятьдесят, и еще нужно будет пробраться ночью между двух селений.

В эту ночь их никто не потревожил. День занялся ясный, безоблачный, саванна впереди казалась рыжеватым морем с мягкими волнами холмов. Тераи, как обычно, шел впереди, за ним — Стелла, и последним — Акоара. Лео надолго исчезал, возвращался, что-то «говорил» Лапраду и снова убегал. Около полудня им пришлось задержаться, чтобы пропустить многочисленное стадо крупных рогатых животных — горбами и бородами они отдаленно напоминали бизонов.

— Плохой признак,— бросил Лапрад.— Они бегут слишком быстро. Значит, их преследуют, и охотников много. Надо спрятаться, переждать, чтобы они прошли мимо. Акоара, *этин ника тито ме?*

— *Ига ме,* Россе Муту!

— Прекрасно! Здесь поблизости есть пещера. Пошли, Акоара покажет дорогу.

Пещера оказалась всего лишь углублением в обрыве на дне сухого оврага, зато до этого убежища было недалеко. Они кое-как втиснулись в узкий грот. Тераи начертил на песчаном полу схематическую карту.

— Мы находимся здесь. В десяти километрах — деревни-близнецы Тирн и Тирно. Они охраняют проход в широкую долину реки Бозу, притока Ируандики. До самой Ируандики отсюда километров двадцать, а там уже владения ихамбэ. Если мы доберемся до них — вы будете в безопасности. Дождемся ночи и попробуем проскочить незаметно. Чего тебе, Лео? Они близко? Оставайтесь здесь и не шевелитесь!

Он согнулся, протиснулся сквозь узкий вход и исчез из виду. Время словно остановилось. Ни звука не проникало снаружи в грот. Измученная ожиданием, девушка взяла ружье и осторожно выглянула. Лапрада нигде не было видно. Она долго озиралась и наконец заметила его: гигант взобрался по крутому склону оврага и залег над обрывом, поросшим кустарником. Она бесшумно поднялась к нему. Он раздраженно махнул рукой, но тут же тихо сказал:

— Осторожно! Они метрах в ста от нас.

Она подтянулась повыше. Стадо прошло, и в поднятой им пыли отставшие животные проносились, как уродливые шумные призраки. За ними легким упругим шагом бежало около сотни туземцев с луками.

— Большая охота,— шепнул Тераи.— Эти нам не опасны, разве что они заметят наши следы. Но, думаю, они слишком заняты преследованием дичи. Переждем немного и пойдем дальше.

Преследуемые и преследователи вскоре скрылись вдали. Тераи облегченно вздохнул.

— Уф, пронесло! Сто человек — это уж слишком даже для Лео и меня!

— Смотрите, вон еще идут, справа!

Между кустами появилось несколько фигур. Геолог тихо выругался.

— Откуда взялись эти заср.. Что такое?..

Он выхватил бинокль из футляра и лихорадочно начал наводить на фокус.

— Да ведь у них ружья, черт побери! И они не охотятся, они на тропе войны! Взгляните на их прически!

Он передал ей бинокль. У всех четырех воинов над головами развевались султаны из перьев и боевая раскраска еще не высохла на их лицах.

— Что же делать?

— Подождем. В любом случае их нельзя упускать.

— Почему?

— Какой-то подлец или какие-то подлецы снова играют в старую игру: вооружают одно племя, чтобы натравить его на другие! И, конечно, они выбрали умбуру, единственное по-настоящему воинственное племя! Мне нужны эти ружья как доказательство, чтобы отослать в Бюро ксенологии!

Стелла почувствовала, как холодок пробежал у нее по спине. Неужели ММБ прибегает к таким методам, безотказным, но давно объявленным вне закона?

— А они не могли на что-нибудь выменять ружья у геологоразведчиков?

— Среди нас нет сумасшедших. Любой знает, что это оружие может повернуться против него. И каждый знает, что я доберусь до его шкуры, если только он попробует это сделать.

— Они приближаются!

— Тем лучше. Не придется за ними бегать. Когда подойдут на тридцать метров, стреляйте в двух первых. Остальных беру на себя.

— Но... ведь это же убийство! Они нам ничего не сделали!

— Не беспокойтесь, сделают, если нас обнаружат. А потом, я уже сказал: мне нужны эти ружья!

— Нет, я не смогу...

— Если вы дрогнете, нас всех перебьют. Ступайте за Лео! И принесите мой фотоаппарат! Живее!

Тон был такой, что она повиновалась.

Когда Стелла вернулась, четверо воинов стояли всего в пятидесяти метрах от оврага, внимательно осматривая землю.

— Фотоаппарат, скорей!

Тераи сделал серию снимков через телеобъектив. Туземцы снова двинулись вперед медленно и осторожно, с оружием наготове. Внезапно самый высокий из них вскинул ружье. Тераи пригнул Стеллу к земле и зажал ей огромной ладонью рот.

Фьють!

Пуля просвистела над их головами. Тераи отпустил девушку.

— Они нас заметили?

— Нет, стреляют по кустам на всякий случай. Но они напали на наш след. Вы все еще не решаетесь...

— Нет, не знаю...

— Я не хотел бы рисковать жизнью Лео, но, видно, придется. Это слишком важно! Если позволить торгашам продавать или просто раздавать оружие воинам умбуру, через пять лет вся планета умоется кровью.

— Хорошо, я с вами. В конце концов, они начали первые.

— Браво!

Четверо воинов были уже всего в тридцати метрах от оврага. Вдруг один из них указал на куст, прицелился. Два выстрела почти одновременно прозвучали над ее ухом. Стелла тоже выстрелила, и туземец упал в траву. Остальные бросились бежать, но пули Тераи догнали их.

Переждав немного — может быть, противник хитрил? — гигант осторожно выбрался из оврага и приблизился к умбуру. Лео следовал за ним по пятам. Двое были мертвы, двое тяжело ранены. Тераи наклонился к ним, вытаскивая мачете.

— Остановитесь! Неужели вы хотите их прикончить?

— Конечно.

— Я не позволю!

Он обернулся, глаза его гневно сверкнули, но он сдержался.

— Как вам будет угодно. Их сожрут хищники этой же ночью.

— Оставьте им хотя бы надежду! Может быть, их подберут охотники на обратном пути...

— Да, действительно... Но не будем терять времени!

Он подобрал одно ружье, осмотрел его.

— Негодяй, который снабдил их оружием, вытравил фабричную марку. Но есть технические особенности, которые не обманут специалиста. Это старые «мазетти» миланского производства, полуавтоматы с высокой начальной скоростью пуль. Ничего себе!

Он сфотографировал три других ружья, разрядил их, разбил приклады о камень и своим геологическим молотком сплющил затворы.

— Больше из них никто не постреляет! В путь!

Солнце стояло высоко, и они шли еще долго, пока не укрылись в ожидании ночи в зарослях кустарника.

— А где Лео? — спросила Стелла.

— Он нас догонит.

И в самом деле сверхлев скоро появился. С ужасом и отвращением Стелла увидела, что лапы его в крови.

— Вы... вы приказали вашему зверю прикончить их?

— Да, ну и что? Мы здесь не на Земле, мадемуазель. Поверьте мне, я знаю правила здешней игры!

— Вы просто дикарь!

— Разумеется! Иначе я бы недолго прожил среди дикарей этого мира. Если бы я их оставил в живых, племя решило бы, что я боюсь, и тогда конец. Тогда я недорого дал бы и за вашу жизнь, и за свою шкуру даже среди моих друзей ихамбэ.

— Я... Лучше бы я...

— Вы хотите сказать, что лучше бы вам оставаться на Земле? Совершенно справедливо! Но вы явились сюда, чтобы увидеть дикарей. Так вот, я вам их и показываю. А теперь замолчите!

Она надулась и мрачно молчала до сумерек. Они снова двинулись в путь. Ночь спустилась непроглядная, луны еще не взошли. Пришлось пробираться сквозь заросли вслед за Лео, который вел их в темноте. Справа и слева слабые красноватые зарева дрожали над большими общими кострами в селениях-близнецах, и время от времени оттуда доносился рокот барабанов. Тераи спешил. Все чувства его были напряжены. Дважды он останавливался, и, притаившись в кустах, они видели, как мимо скользили робкие тени.

— Влюбленные спешат на свидание,— объяснил он Стелле.— Оба селения экзогамные, поэтому девушки могут выходить замуж только за

юношей из другого клана.

Мало-помалу зарева костров померкли позади, и наконец они услышали плеск воды.

— Бозу! Еще несколько минут, и, надеюсь, мы выберемся!

Берег был высокий, поросший деревьями, и они укрылись в их тени от света Антии, самой большой луны Эльдорадо, которая только что взошла. Тераи показал на длинную черную полосу, перпендикулярную берегу.

— Общинный рыболовный причал. Придется украсть у них одну посудину.

Пироги не охранялись. Тераи выбрал небольшую узкую лодку, не слишком устойчивую, но, видимо, быстроходную.

— Садитесь! И ты, Лео, тоже!

Сверхлев заколебался. Ему явно не хотелось покидать надежную землю, но в конце концов он решился и улегся на дне лодки. Геолог взял одно весло, Акоара другое, и они поплыли вниз по течению. Часа три спустя Тераи указал рукой на широкую водную гладь, мерцающую впереди при свете лун.

— Ируандика! Мы спасены!

ПОД ШАТРОМ ИЗ ШКУР

Стелла проснулась сразу и отбросила меховое покрывало. Через треугольный проем она видела долину и утоптанную площадку, вокруг которой стояли шатры из выделанных шкур. Ярко раскрашенные и разрисованные, они напомнили ей картинки детства, иллюстрации из книг об американском Западе. Она вышла из шатра.

Солнце давно уже поднялось над вершиной горы, обрывистый склон которой был изрыт пещерами. Вокруг — ни души, лишь трое ребятишек играли на площади у подножия большого тотема, такие похожие на человеческих ребятишек, что ей трудно было поверить, что они не принадлежат к человеческому роду.

Земляне прибыли поздно ночью. Тераи привел лодку в потаенную бухточку, где стояли пироги ихамбэ; низко нависшие ветви скрывали их от непосвященных. Дальше они пошли по извилистой лесной тропинке, оставив позади рокочущие воды Ируандики. Шли долго. Наконец Тераи остановился и трижды переливчато свистнул. Ответный свист прозвучал как эхо, и навстречу им из темноты выступил воин. Тераи обменялся с ним несколькими фразами на туземном языке, затем они двинулись дальше и еще через полчаса достигли лагеря клана Техе из племени ихамбэ. Стелла была так измучена, что сразу же уснула.

Из соседнего шатра вышел старик и недоверчиво уставился на девушку. Желтые глаза его под морщинистым лбом были все еще зорки и жестоки. Ей стало не по себе и захотелось быть поближе к геологу.

— Где Тераи Лапрад? — спросила она, сознавая, что делает глупость. К ее величайшему удивлению, старик понял.

— Россе Муту? *Йейо!*

Сухая рука его указала на один из шатров, вход в который был тщательно завешен шкурой.

— Лапрад!

Никто не откликнулся. Она приподняла шкуру и вошла. Он еще спал под меховым покрывалом, раскинув огромные голые руки. Стелла почув-

ствовала неловкость и хотела уже выйти, когда легкий шум в другом углу шатра привлек ее внимание. Молодая туземка сидела там и шила кожаную одежду костяной иглой. Она поднялась и подошла к Стелле. Почти такого же роста, она выглядела совсем как земная женщина. Черные волосы, заплетенные в тяжелые косы, обрамляли лицо с тонкими чертами и прозрачными темными глазами. Только зубы, полуобнаженные в улыбке, были слишком мелки, и их было слишком много, да еще клыки выступали чересчур далеко, придавая ее улыбке что-то хищное. От нее исходил слабый пряный запах.

— Я Лаэле,— неуверенно проговорила она по-французски.— Ты кто?

— Стелла Гендерсон.

— Ты его жена? — она указала на Тераи.

— Нет, просто друг!

— Я его жена.

Улыбка ее стала еще шире.

— Если ты — его друг, ты — мой друг.

Стелла была потрясена. Значит, правду рассказывали в Порт-Металле, что Тераи живет с туземкой, с самкой, не принадлежащей к человеческому роду! Она смотрела на Лаэле с ужасом. Громкий зевок заставил ее обернуться: проснулся Тераи.

— Вы уже познакомились? Прекрасно. Лаэле покажет вам, как живут женщины,— для меня этот мирок закрыт.

— Как вы можете...— начала она по-английски.

Взгляд его стал жестким.

— Не здесь! — оборвал он ее на том же языке.— Она поймет. Позднее!

Он сбросил покрывало и поднялся во весь рост, обнаженный, в одних узких плавках. Он потянулся, и мускулы заиграли под его смуглой кожей, невероятно могучие и в то же время гармоничные.

— Неплохой образчик мужчины, мадемуазель? — спросил он насмешливо.— Смесь четырех рас, и от каждой я взял самое лучшее!

Он шагнул к выходу, отбросил шкуру и снова потянулся, подставляя тело ласковым лучам солнца.

— До чего же хороша жизнь! Вы, городские жители, давно об этом забыли. Вчера мы были на волосок от смерти, а сегодня... Что скажешь, Лео, я прав?

Сверхлев возник неизвестно откуда и теперь терся о бедро гиганта, хлеща его хвостом по голым ногам.

— Где же ваши друзья ихамбэ? — спросила Стелла.— Лагерь пуст!

— Одни на охоте, другие на реке или где-нибудь еще. Хотите искупаться? В это время дня вода должна быть хороша.

— Охотно, но мой купальный костюм... остался в чемодане в отеле.

Он весело рассмеялся.

— Костюм? Своей собственной кожи здесь вполне достаточно, уверяю вас! Идете с нами?

Она покраснела от смущения. Ей уже приходилось купаться голой на некоторых шикарных пляжах в Гонолулу или во Флориде, но она чувствовала себя неловко под пристальным взглядом Лапрада.

— Вы что, боитесь проиграть от сравнения с Лаэле? Здесь, мадемуазель, совсем не те обычаи и условности, что на Земле. Никто не стыдится наготы, но боже вас упаси войти без приглашения в какой-нибудь шатер во время трапезы. Это будет кровным оскорблением, и вас убьют на месте. И никогда не произносите слово «пища»! Это менее страшно, но считается крайне дурным тоном. Если вы голодны, пользуйтесь иносказаниями,

например, просите «того, что поддерживает жизнь». Ну так вы пойдете с нами на речку?

Это был маленький приток Ируандики, прозрачный и спокойный. Несколько десятков туземцев бродили по отмелям с острогами, охотясь за похожими на рыб водяными животными, другие, чуть дальше, просто купались в заводи. Стайка голых ребятишек, мальчиков и девочек, бросилась к Тераи с радостными воплями. Он схватил одного, высоко подбросил, поймал и поставил на землю. За первым последовал второй и третий, пока все ребятишки не побывали в его могучих руках. Визжа от восторга, они катались у его ног по песку.

— Это мой народ, мадемуазель. Они лучше, чем земляне, они не знают даже, что такое грех, а главное, не считают себя венцом творения. Раздевайтесь же — и в воду!

Лаэле уже отплыла от берега. Тераи бросился головой вниз, вынырнул и мощным кролем пошел к середине реки. Стелла озиралась, инстинктивно отыскивая местечко поукромнее, но такового нигде не было. Обнаженные мужчины и женщины проходили мимо нее без всякого стеснения. Она пожала плечами.

— Что ж, назвался груздем, полезай в кузов!

Свежая вода смыла пот, накопившийся за дни переходов. Она была превосходной пловчихой и вскоре, позабыв о стеснении, уже плескалась вместе с другими купальщиками. Тераи вынырнул рядом с нею, отфыркиваясь, словно морж.

— Браво, Стелла! А я уж думал, что ваши земные предрассудки окажутся сильнее и вы не пойдете с нами.

Они легли на воду и позволили течению отнести их обратно к песчаному пляжу. Здесь Стелла осталась лежать в воде, подставив спину солнцу, а Тераи сел на горячий песок.

— Полюбуйтесь на них! Какая великолепная раса, не правда ли! Жаль, что у них пятьдесят четыре хромосомы и сорок зубов! Если бы не это, я бы остался с ними навсегда!

— Что же вам мешает?

— Когда-нибудь мне придется жениться на женщине Земли, чтобы у меня были дети, чтобы мой род не угас. Впрочем, времени еще хватит!

Он нагнулся, схватил ее и перевернул на спину. В ярости она чуть не вцепилась ему в глаза!

— О черт, да не будьте вы такой недотрогой! Я хотел только посмотреть, не слишком ли я попортил вашу нежную кожу, когда вырезал ниамбу. А вы что подумали?

Он со смехом отпустил ее. Лаэле приплыла к ним и растянулась рядом с Тераи на песке.

— Видите, она уже ревнует! Женщины ихамбэ в этом смысле ничуть не лучше земных!

— Как вы подружились с этим племенем?

— О, это давняя история! Я только что прибыл на Эльдорадо вместе с Лео, который в то время был еще подростком. В ту пору от Порт-Металла до Ируандики можно было добраться без труда, умбуру еще не захватили свои теперешние владения. К тому же мне тогда было на все наплевать, жизнь я не ставил ни во что и сам лез в любую драку. Случайно мне удалось вызволить их вождя, отца Лаэле, из объятий болотного удава. Это да еще присутствие Лео помогло: племя приняло нас как своих. У меня не было, да и быть не могло никаких расовых предрассудков, и я легко с ними ужился.

Он встал.

— Пойдемте, мне надо с вами поговорить.

Она подождала, чтобы он отошел подальше, выскочила на берег и быстро оделась. Тераи насмешливо наблюдал за ней с вершины обрыва.

— Я просил вас пойти со мной, потому что не хочу, чтобы Лаэле слышала наш разговор. Она хорошо понимает французский и знает несколько английских слов. Вас, кажется, шокировало то, что я живу с туземкой. Почему?

— Но это же не люди!

— Да, это не люди. У них пятьдесят четыре хромосомы и сорок зубов, как я уже сказал. Кроме того, у них печень на месте селезенки и так далее. Но у них великолепное тело, а душа благороднее нашей, если только душа вообще существует. Почему же я не могу жить с Лаэле, если я ее люблю и ничто другое нам не мешает? Какие-то внутренние анатомические различия? На Земле попадаются люди, у которых сердце справа,— разве они от этого менее человечны? Ихамбэ не животные мадемуазель. Если бы сходная эволюция сделала еще один шаг, если бы оба человечества оказались способными к взаимному оплодотворению, антропологам пришлось бы поломать голову, чтобы определить расовую принадлежность детей! Вы знаете, они очень близки к нам. Их пища подходит нам, серологическая реакция у нас одинаковая, их болезни заразны для людей, и наоборот. К счастью, и болезни у нас почти одинаковые, иначе на Эльдорадо давно остались бы одни скелеты.

— Но как это могло произойти?

— Вы спрашиваете м е н я, когда над этой проблемой бьются ученые многих научных институтов на всех планетах! Антропологи бледнеют при одном упоминании Эльдорадо! Может быть, так случилось потому, что Эльдорадо — единственная известная нам планета, которая обращается вокруг звезды, идентичной нашему солнцу, за 362 дня, равных 25 часам 40 минутам земного времени, с наклоном планетарной оси в 24 градуса... Но все равно удивительно, до какой степени сходными оказались пути развития жизни здесь и на Земле!

— И все-таки...

— Старые земные предубеждения нордической расы против черномазых, да? Ладно, думайте, что хотите, но я должен вам кое-что сказать. Вы мне заморочили голову и упросили привести вас сюда...

— За это вам заплачено!

— Думаете, мне так нужны ваши деньги? Ладно, теперь вы здесь, чтобы писать, и пишите себе на здоровье. Но если вы скажете хоть одно слово, которое огорчит Лаэле, я вас тотчас отправлю обратно в Порт-Металл, несмотря на всех умбуру вместе взятых!

— Я вовсе не собиралась...

— А я вас ни в чем не обвиняю, просто предупреждаю. Давайте говорить серьезно. Что бы вы хотели увидеть? Думаю, ваших читателей меньше всего интересует истина. Им подавай что-нибудь экзотическое. Экзотики у вас будет вдоволь. Скоро, после большой охоты, состоится праздник Трех лун. Когда вам надоедят ихамбэ, я поведу вас в империю Кено — там у меня дела. После этого, надеюсь, вы будете удовлетворены?

— Да, пожалуй.

— Прекрасно. Я подыхаю от голода. Уже скоро полдень, а мы не ели как следует бог знает сколько времени. Пока мы здесь, вы моя гостья.

Безлюдная утром площадь теперь была заполнена мужчинами, женщинами и детьми; все посматривали на Стеллу с нескрываемым любопытством. Женщины хлопотали перед шатрами, готовя еду в глиняных горшках, поставленных прямо на угли.

Лаэле встретила их с улыбкой.

— Я не буду смущать вашу подругу? — спросила Стелла.— Вы ведь сказали, что совместные трапезы здесь табу...

— Ничуть! Поскольку вы моя гостья, это к вам не относится.

Все трое вошли в шатер, и Тераи тщательно занавесил вход шкурой. Сидя на низких табуретках у круглого столика, они позавтракали жареным мясом, кашей из зерен дикорастущих злаков и лепешками.

— Сколько человек в этом клане? — спросила Стелла.

— Чуть больше сотни.

— Почему же они так спокойны, когда на другом берегу умбуру вступили на тропу войны?

— Я мог бы ответить: потому что мы с Лео здесь, но в действительности все проще. Племя, к которому принадлежит этот клан, может выставить восемьсот воинов, а весь народ ихамбэ — двадцать тысяч, в то время как умбуру при всем старании едва ли наскребут больше семи сотен. Кланы умбуру с той стороны Ируандики — лишь незначительная часть народа умбуру, который живет за горами Кикеоро. Это маленькая группка, переселившаяся сюда в результате межплеменных раздоров. Но если весь народ умбуру поднимется, это будет другое дело. Однако, как вы уже слышали, я здесь для того, чтобы этого не допустить.

— Вы очень высокого мнения о себе!

— Не о себе, а о пулеметах, которые хранятся в моей лаборатории. Хотите взглянуть на нее?

За шатрами узкая тропа поднималась к подножию обрыва с многочисленными пещерами, выходящими на юго-запад. Тераи указал на них рукой.

— Там клан зимует. Одна из пещер была слишком большой и открытой, и никто не хотел в ней жить. Я ее оборудовал по-своему и устроил в ней лабораторию, склад и свое зимнее жилье.

Вход в пещеру преграждала стена из камней, скрепленных цементом. Тераи достал из кармана плоский ключ и открыл металлическую дверь. Он повернул выключатель, пещера осветилась. Глубиной метров в тридцать при ширине около двадцати, она была вся заставлена запертыми стальными шкафами. В промежутках по стенам тянулись стеллажи из досок, на которых лежали образцы различных минералов и ящики с провиантом. Один угол пещеры был превращен в лабораторию. В глубине за толстой стеной, не доходящей до потолка, стоял маленький атомный генератор Борелли. Вся передняя часть, отгороженная деревянной панелью, представляла собой комнату со столом, стульями и огромной кроватью, на которой сейчас не было ни матраса, ни одеял. Здесь же стояла электрическая плита. Полки у стены были заставлены книгами.

— Моя скромная обитель, мадемуазель. Без меня сюда никто не может войти. Хотите поговорить с Порт-Металлом? Послать первую статью? Мой передатчик к вашим услугам.

— Нет, благодарю. Мои статьи должны составить единую серию, я их напечатаю, когда вернусь.

— Как вам будет угодно. Садитесь, посмотрите книги, а мне нужно кое-что передать.

Он сел перед аппаратом.

— Вызывает РХ2. Вызывает РХ2. Записывайте. Алло, Сташинек? Говорит Тераи. Код номер три.

Он включил автоматическую шифровальную машину и продолжал:

— Мы только что прибыли к ихамбэ. Дело плохо. Гропас убит в стычке с ихими, которых мы уничтожили. Все здешние умбуру на тропе войны,

но я не знаю, против кого они поднялись. Кроме того, мы убили четырех михос, вооруженных ружьями. Да, ружьями. Карабины «мазетти». Ты понял? Посылаю отчет с Акоара. Таламбэ тоже убит. Посылаю также фотоснимки и ружье. Свидание как обычно. Он будет на месте через десять-двенадцать дней и подаст условленный дымовой сигнал. Мисс Гендерсон? Она здесь, жива и здорова. Конец.

— У вас прекрасная библиотека, месье Лапрад!

— Вы находите? Да, недешево обошлось мне перевезти все эти книги сюда с Земли! Здесь собраны почти все шедевры мировой литературы — во всяком случае, все, что я считаю шедеврами. Кроме того, у меня есть научная и специальная геологическая библиотека, которой позавидовали бы многие университеты, если не на Земле, то уж на новых, недавно освоенных планетах наверняка. Стараюсь тут не одичать. Обидно было бы, если бы золото нашей культуры утекло из рук как вода.

— Но я вижу, у вас очень мало современных земных писателей.

— А зачем они мне? На большинство и времени терять не стоит. Что может быть скучнее мелочного ковыряния в чувствах, а тем более в пороках городских людишек-муравьишек? Может быть, для вас и для всех, кто вырос в больших городах, в этом есть какая-то ценность. А для меня... Читать об интригах салонных хлыщей, которые и дня бы не прожили, если бы их вынуть из-под стеклянного колпака,— нет уж, увольте!

— Однако Биллингуэй...

— Самый фальшивый из всех! Терпеть не могу любителей авантюр, или вернее — авантюристов-любителей. Такие сваливаются на еще не освоенную планету, проводят там два-три месяца, «деля труды и опасности с первопроходцами», как они выражаются, потом возвращаются в свой беленький курятник на Землю и начинают нести, как курица яйца, романы, в которых кровь льется на каждой странице. И их еще принимают за настоящих мужчин!

— Но это их профессия! Что же им еще делать? Я тоже в таком же положении.

— Пусть испытают в жизни то, о чем они пишут! Может быть, им удастся создать всего одну книгу, но это будет правдивая книга. Однако вы здесь не для того, чтобы обсуждать мои взгляды на литературу. Пойдемте, я вас познакомлю с самыми интересными людьми племени.

Тераи тщательно запер за собой металлическую дверь.

— В селении поразительная чистота. Это ваше влияние?

— Да и нет. Ихамбэ очень следят за собой, но гораздо меньше заботились о том, что их окружает, до моего прихода. Теперь они подметают площадь и прибирают в шатрах и в пещерах. Тем хуже для будущих археологов!

Навстречу им шел воин с великолепной фигурой и высокой прической, украшенной перьями.

— Эенко, старший брат Лаэле,— шепнул Лапрад.

Он подозвал его движением руки; воин остановился, уперев в землю тупой конец своего длинного копья.

— *Ниэите,* Эенко!

— *Ниэите.* Россе Муту!

Лицо ихамбэ было как каменное, однако Стелла почти физически ощущала, как его черные, холодные глаза буквально ощупывают ее с головы до ног.

— Представляю вам самого великого охотника и храбрейшего воина не только в его племени, но и среди всего его народа. В этом году он возглавит большую охоту. *Оффи енко Стелла эта хоте ниэн?* — спросил он воина.

Внезапно улыбка вспыхнула на каменном лице, и оно, утратив всю свою свирепость, сразу превратилось в лицо обрадованного ребенка.

— *От эго ре, сига!*

— Он рад, что вы здесь,— перевел геолог.— *Кенто, кэ, на!*

— Что означает «Россе Муту»? Я уже несколько раз слышала, как вас так называли.

— Человек-Гора, мадемуазель. Некоторые ихамбэ, как вы уже видели, немногим ниже меня ростом, но я на три десятка килограммов тяжелее любого из них! Идемте, я хочу представить вам еще кое-кого, хотя бы старого вождя Оэми, отца Лаэле и Эенко.

Спускалась ночь. На площади горел, потрескивая, большой костер, вокруг него на звериных шкурах сидели воины, женщины, дети. Пламя освещало круг шатров, отбрасывая танцующие треугольные тени, и легкий ветер уносил искры, исчезавшие во мраке, как рой огненных пчел. Над горой поднялась бледная луна, и ее сияние разлилось там, куда не достигал свет костра. Время от времени рев хищников, вышедших на ночную охоту, нарушал торжественную тишину.

Один из воинов встал, приблизился к костру. Тихонько, не открывая рта, он затянул печальную мелодию. Он пел все громче, затем появились слова, и мелодия превратилась в песню, обращенную к звездам. Под эту песню воин начал плясать медлительно и однообразно — танец его напоминал длинный переход под проливным дождем. Голос певца был низок и звучен, и Стелла, не понимая слов, невольно поддалась очарованию грустного ритма. Певец умолк, тишина словно сгустилась.

— О чем он пел? — спросила она шепотом.

— О жизни, мадемуазель. Это ритуальная песня восьмого дня перед праздником Трех лун. Завтра пропоют песнь большой охоты, послезавтра — песнь воина.

— Могу я их записать? Мне бы хотелось иметь их в моей фонотеке.

— На следующий год, если вы еще будете здесь.

— Вы бы могли меня предупредить!

— У меня они давно записаны. Если хотите, я перепишу их для вас. А теперь смотрите!

Старый вождь поднялся, в свою очередь приблизился к костру и бросил в огонь горсть какого-то порошка. Над костром взвилось сине-зеленое пламя. Вождь пристально смотрел на него, пока пламя не опало. Затем он вернулся на свое место. Тогда встал один из юношей. Он обогнул костер, сел напротив группы девушек и запел веселую быструю песенку.

— О чем он?

— Хм, это трудно перевести. Он перечисляет достоинства красотки, в которую влюблен. В этот вечер, вечер Голубой луны, юноши сватаются к своим избранницам. Сейчас она ему ответит.

Ответ был коротким.

— Не повезло бедняге! Жалко его. Это Блеи, он выбрал Энику, самую красивую девушку, но у нее жестокое сердце.

— Что же он теперь будет делать?

— Будет ждать до следующего года... или попытает счастья с кем-нибудь еще!

Второй юноша приблизился и сел напротив другой девушки. На этот раз ответ ее был долгим и явно благоприятным, и они ушли вместе.

— С этой минуты они считаются мужем и женой.

— А если родители не согласны?

— Они бы сказали об этом юноше заранее. Но, как правило, это не удерживает влюбленных.

Одна за другой так соединилось еще пар десять.

— Смотрите-ка, Эенко! Наконец-то он решился. Интересно, кого он избрал?

Великий воин явно колебался. Наконец он обогнул костер и сел перед Стеллой.

— Дьявольщина! Только этого не хватало! — процедил сквозь зубы Тераи.

Стелла не знала, куда деваться.

— Что же делать? — прошептала она.— Что он говорит?

— Женщина издалека, твоя кожа белее перьев ики, твои глаза сияют, как Голубая река, твои волосы желты, как лепестки теке! Ты не смертная, ты, наверное, богиня Синэ, сошедшая к людям, чтобы сводить их с ума. Скажи, кто твои враги, и я принесу тебе их окровавленные головы. Скажи, куда ты хочешь пойти, и я расстелю под твоими ногами ковер из драгоценных мехов и самых прекрасных цветов. Эенко великий охотник, в шатре твоем всегда будет лучшее мясо, и зубы твои никогда не останутся праздными. О богиня, сжалься над смертным, который тебя полюбил!

— Это очень красиво, Тераи, но у меня нет ни малейшего желания выходить замуж за этого... В общем за этого человека иного мира!

— Говорите что угодно, только нараспев. Я постараюсь выпутаться.

Эенко ждал; лицо его, освещенное отблеском костра, было печально и покорно.

— Скажите ему, что я не могу стать его женой, что моя религия запрещает мне выходить замуж за человека другого народа, что я сожалею об этом, потому что он великий охотник и воин... и потому что он очень красив,— закончила она вполголоса.

Тераи перевел. Эенко молча поднялся и исчез по другую сторону костра.

— Дело плохо! — буркнул Тераи.— Надо было мне подумать об этом раньше и не приводить вас сегодня к костру. И все из-за того, что вы чертовски красивы,— вы это знаете?

Она тихо рассмеялась.

— На сегодня мне хватило бы и одного признания. Но почему вы сказали, что дело плохо? Разве мне что-нибудь угрожает?

— Нет. Но я люблю Эенко. Это на самом деле великий воин, и он уже не молод. То, что для другого было бы обычным, ничего не значащим отказом, может его глубоко ранить. Эти ихамбэ очень самолюбивы и горды!

Огонь пожирал саванну. Он шел с запада, подгоняемый ветром, и дым клубился перед ним. Огненный вал шириной в десятки километров катился к оголенной бесплодной полосе у реки, которую ихамбэ использовали для загона с незапамятных времен, каждый раз вырубая заранее редкий кустарник. И перед этой стеной огня бежали животные, хищные и травоядные вперемежку, объединенные великим братством страха.

Тераи, выпрямившись во весь свой гигантский рост, стоял рядом со Стеллой на выступе скалы. Несмотря на то что они были довольно высоко, клубы горького дыма временами поднимались и сюда, и девушка спрашивала себя, как выдерживают этот ад охотники внизу, на равнине, где можно было задохнуться. Временами она видела, как они стреляли из луков по отставшим животным и как женщины тут же разделывали туши и бегом уносили шкуры и мясо, спасаясь от наступающего огня.

— Ваших друзей не назовешь спортсменами,— заметила она.— Это не охота, а скорее бойня!

— Да, это и есть бойня. Большая осенняя охота не забава, а способ обеспечить себе пропитание. Они закоптят мясо по-своему или засолят, как я их научил, и будут есть его всю зиму. Когда начнутся большие дожди, дичь здесь практически исчезнет.

— Сколько времени длится сезон дождей?

— От двух до трех месяцев, год на год не приходится. Иногда почва настолько пропитывается влагой, что в ней тонешь по колено.

— Мне казалось, что при таком климате здесь должны были разрастись настоящие джунгли.

— Они и разрослись там, дальше, на юге, как вы сами видели. Но мы не на Земле, растительность здесь другая, а, кроме того, пожары, случайные или намеренные, держат лес в его границах.

— Погода портится.

— Да, скоро будет гроза. Поэтому ихамбэ и торопятся. Посмотрите-ка на женщин!

За оголенной для защиты от огня полосой маленькие фигурки, похожие на прямоходящих муравьев, быстро утаскивали санки, нагруженные кровавыми кусками мяса.

— А отсюда до селения пять километров! И потом они еще будут плясать всю ночь!

— Охота была удачной?

— Да, слава богу. Если бы дичи было мало, мои друзья могли бы подумать, что это вы принесли им несчастье, и я не знаю, смог ли бы я их разубедить.

— Похоже, они не любят меня. Я видела это по глазам вашей... Лаэле.

— А за что им вас любить? Вы здесь всего несколько дней...

— Однако Эенко...

— Это другое дело. Признаюсь, когда вы ему отказали, я вздохнул с облегчением. Иначе все намного бы усложнилось.

Вспыхнув, она повернулась к нему.

— Неужели вы могли подумать...

— Ба, некоторые дамы из Порт-Металла прошли через это. Любопытство!

— Нет, извращенность! И если вы считаете, что я такая...

— Уже давно я ни за что не осуждаю себе подобных,— насмешливо прервал ее Тераи.— Встречаются же волки и собаки, шакалы и гиены!

— Кто же тогда вы сами?

— Я волк, мадемуазель. И мои друзья — тоже волки.

— Значит, я, по-вашему, собака?

— Я вас слишком мало знаю, чтобы судить, но, по-моему, в вас тоже есть что-то от волчьей породы. И когда-нибудь она себя покажет!

Стелла рассмеялась.

— Вы ошибаетесь! Скорее я из породы кошачьих.

— Красивые и опасные звери! Во всяком случае, самцы. Самки хуже — они рабыни своего естества.

— Ну, это ко мне не относится! Пойдемте отсюда — противно смотреть на это побоище.

Низкие черные тучи неслись по небу, застилая свет. Стелла и Тераи спустились к подножию скалы. Когда девушка спрыгнула на траву с последнего каменного уступа, неподалеку послышалось глухое рычание.

— А, вот и Лео! Где это он бегал? — сказала Стелла.

Тераи оттолкнул ее назад так резко, что она упала.

— Вы просто... грубиян!

— Молчите! Это не Лео! Это псевдотигр! А у меня нет с собой карабина. Я думал, что перебил их всех на сто километров вокруг!

Он говорил вполголоса, всматриваясь в нагромождение глыб, казавшееся еще более хаотическим в мертвенном предгрозовом освещении.

— Что же делать?

— Затаитесь. Может быть, он пройдет мимо... Вот он!

Молния разорвала темное небо, озарив все вокруг, и Стелла увидела на миг хищника: оранжевого цвета, с редкими черными полосами, он показался ей гораздо крупнее и массивнее земного тигра. После яркой вспышки сумерки словно сгустились, и теперь она различала в темноте лишь два узких глаза, горящих зеленым огнем.

— Йох — йох-х!

Боевой клич Тераи раскатился по долине, и скалы ответили ему гулким эхом. С ножом в руке он двинулся навстречу хищнику. Хриплое рычанье послышалось сзади, и Стелла, резко обернувшись, увидела второго псевдотигра, самку, которая ползла к ним, извиваясь в высокой траве.

Стелла поняла, что это смерть. Несмотря на мужество и силу ее спутника, даже он не мог справиться с двумя хищниками. В отчаянии она оглянулась, надеясь найти какое-нибудь убежище. Но второй зверь уже отрезал их от скал, да и в любом случае она не успела бы взобраться достаточно высоко, чтобы он ее не достал. Ужас пригвоздил ее к месту. Гривастое тело обрушилось на спину тигрицы словно с неба, и два зверя сплелись в желто-оранжевый ком. Одновременно самец прыгнул на Тераи. Тот увернулся в последнее мгновение, рука его мелькнула, и нож вспорол бок хищника. Псевдотигр прыгнул снова. Сбитый массивной тушей, Тераи упал, хищник тоже по инерции покатился в траву. Но человек, оглушенный, не двигался, а зверь встал и пошел к нему, судорожно разевая клыкастую пасть. В отчаянии Стелла схватила камень и швырнула его изо всех сил.

Камень отскочил от толстого черепа, но внимание зверя было отвлечено. Неторопливо, словно насмехаясь, он двинулся к Стелле. Она со стоном упала на землю и словно в кошмарном сне смотрела, как багровая клыкастая пасть приближается и приближается. Время остановилось. Стелле казалось, что она уже целую вечность слышит рев самки в ее последней смертельной схватке и глухое рычание Лео. Псевдотигр дыхнул ей в лицо, ее обдало горячим гнилым дыханием, и она закрыла глаза. Боль... смерть...

Не было ни боли, ни смерти. Она открыла глаза и приподнялась. Тераи сидел на псевдотигре верхом и пытался двумя руками заломить ему голову вверх. Зверь отбивался, но лапы его шлепали по земле, не достигая противника. «Где нож? Где нож? — мелькнуло у нее, и вдруг она увидела: кинжал Тераи воткнулся в землю метрах в четырех от них. Она бросилась к нему, вырвала нож из земли и протянула геологу. Тот мотнул головой. Нет!.. Она не знала, что делать ей в этой схватке титанов.

— Жи... вот,— выдохнул наконец Тераи.

Невероятным усилием он перевернул зверя на спину, подставив его серебристое брюхо, испачканное грязью.

— Скорее!

Она подбежала, неловко ткнула ножом, удивленная и испуганная тем, что шкура оказалась такой упругой. Затем, стиснув зубы, надавила изо всех сил. Лезвие внезапно вошло по рукоять, кровь брызнула ей на руки, и псевдотигр взревел. В то же мгновение Тераи последним усилием вывернул набок его страшную морду.

Кости хрустнули. Он отпрыгнул, но недостаточно быстро. В своей агонии псевдотигр располосовал ему правое плечо. Тераи поднялся шатаясь и воздел руки к небу, низвергавшему на него водопады.

— Йох-йох-хооо!

Молния осветила его огромную фигуру, залитую кровью и дождем. Взгляд его упал на Стеллу. Под этим взглядом девушка сжалась в комок. Он шагнул к ней, схватил ее за плечи и грубо, жадно поцеловал. Сначала Стелла не сопротивлялась, слишком испуганная и пораженная, но потом пришла в себя и начала отчаянно отбиваться.

— Нет, Тераи, нет, не надо!

Он выпустил ее и, понурив голову, отступил на шаг.

— Простите меня,— глухо проговорил гигант.— После боя, когда приходится драться вот так врукопашную, я сам зверею...

— Ничего, я понимаю. И благодарю за то, что вы еще раз спасли мне жизнь!

— Если бы вы не запустили в этого дьявола камнем!..— сказал Тераи.— Ну ладно, пойдемте взглянем на Лео. Боюсь, что ему досталось.

Лео сидел рядом с мертвой псевдотигрицей. При виде Тераи он встал. Тот внимательно осмотрел своего друга, но не нашел ничего серьезного, кроме длинной царапины на левом боку.

— Отделался легким испугом. А вот вы... Откуда на вас кровь?

— Я не ранена, это кровь тигра. Покажите-ка лучше ваше плечо!

— Пустяки! Продезинфицирую рану, и все будет в порядке.

Трое воинов ихамбэ выступили из темноты, держа луки наготове. Они увидели мертвых хищников, не веря глазам, повернулись к Лео, к Тераи.

— Россе Муту! — пробормотал самый старший из них с благоговением, почти с ужасом.

— Шкура самца почти не пострадала,— сказал Тераи.— Я прикажу ее выделать для вас. На Земле это будет неплохим сувениром.

* *
*

«От агента 123 К, в центральный совет БКС (Бюро ксенологии), секция III, срочное сообщение.

Положение на Эльдорадо осложняется. Свободный агент Ф-127 убил в схватке четырех туземцев из особенно воинственного племени. Туземцы были вооружены карабинами «мазетти». Необходимо срочно выяснить, каким путем это оружие тайно доставлено на Эльдорадо. Подробный отчет сразу же после получения вещественных доказательств и обещанных фотоснимков. Положение угрожающее. Повторяю: положение угрожающее».

* *
*

Станислав Игрищев по прозвищу Сташинек посадил свой личный вертолет на вершину одного из холмов Мато в десяти километрах севернее Порт-Металла. Ночь была непроглядная, луны скрывались за низко бегущими тучами, холодный ветер шумел в листве деревьев внизу у подножия холма. Игрищев взглянул на часы на приборной доске вертолета.

— Полночь! Он уже должен быть здесь.

Помедлив немного, он ощупал в кармане пистолет, выбрался наружу и замер, прислонившись к кабине вертолета. Кругом только тьма да шум

ветра в листве. Подождав еще минуту, Игрищев включил свой фонарик и направился к кустам. Слабый стон привел его к Акоаре, который лежал у кустов в луже крови. Он нагнулся над ним. Какое-то движение за спиной заставило его обернуться и вскинуть руку, инстинктивно защищая голову. Тяжелое стальное лезвие мачете разрубило ему пальцы и раскроило череп.

ЗАМЕТКА ИЗ ГАЗЕТЫ «НОВОСТИ ПОРТ-МЕТАЛЛА»

Еще один геологоразведчик убит

Сегодня утром воздушный полицейский патруль обнаружил на холмах Мато чей-то вертолет. Сержанта Хауэлла это удивило, и он приземлился поблизости. В кабине вертолета никого не оказалось, но неподалеку сержант нашел труп его владельца, некоего С. Игрищева, геолога. Предпринятые тут же розыски позволили быстро найти убийцу. Им оказался туземец по имени Акоара, тяжело раненный, но вооруженный похищенным у кого-то ружьем. После короткой перестрелки победа осталась на стороне представителей закона. Этот туземец в прошлом был слугой С. Игрищева и его компаньона. Так что, по-видимому, трагедия разразилась на почве личной мести.

ПРАЗДНИК ТРЕХ ЛУН

— Не знаю, Стелла, понравится ли вам это зрелище. Там будут некоторые символические обряды, в которых символика довольно реалистична. Праздник Трех лун — это праздник плодородия.

— Я воспитывалась не в монастырской школе.

— А вообще, почему вы выбрали такую профессию?

— Какую — «такую»?

— Профессию журналистки.

— Я поссорилась с отцом, ушла из дому — нужно же мне было как-то зарабатывать на жизнь!

— Могли бы найти более достойное занятие.

— А что недостойного в нашем деле? Мы только информируем читателей...

— Вы называете это честной информацией?

— О, я допускаю, что некоторые мои коллеги обращаются с фактами слишком вольно. Но я буду писать только правду, во всяком случае, то, что считаю правдой. А большего ни от кого нельзя требовать.

Тераи иронически усмехнулся.

— Что ж, с удовольствием почитаю.

— Вы мне не верите?

— Почему же! Но все-таки, что вы расскажете вашим читателям об Эльдорадо?

— Что это прекрасный мир, к сожалению, пока еще населенный дикарями, но когда-нибудь и здесь расцветет цивилизация.

— Ваша цивилизация с ее зловонными городами, автоматами, с кока-колой и эрзац-шампанским, с трехсотэтажными небоскребами и абстрактной рекламой? С полунищим пролетариатом, отупевшим от телевизоров? С политическими клубами, спортивными клубами, собачьими клубами и тому подобным? С бесчисленными страховыми обществами, которые заботливо опекают вас от колыбели до могилы? Единственное, что они еще не умеют, эти ваши общества, так это производить детей!

— Я знаю, что в нашей цивилизации немало отрицательных черт, но в целом ее нельзя отвергать. Вы сами — плод этой цивилизации, хотите вы этого или нет.

— Я обязан ей слишком малым!

— Вы так думаете? А ваши книги, ваш атомный генератор, ваш передатчик, ваши лекарства, ваше оружие? Все это — продукты земной цивилизации.

— Послушайте, не считайте меня примитивистом. Я счастлив здесь, среди ихамбэ, я радуюсь, что могу жить их простой, здоровой жизнью, не испытывая неудобств варварства, но я не сумасшедший, мечтающий о возврате всего человечества на лоно природы. Но все это не значит, что земная цивилизация может служить образцом для остальных народов вселенной!

— В таком случае, чего бы вы пожелали народам этой планеты?

— Чтобы их оставили в покое! Чтобы здесь, на Эльдорадо, не повторялись старые ошибки, совершенные на Земле, на Теллусе, на Земле Второй и еще на десятках планет, которые ваша стадная потребительская цивилизация выхолостила, ограбила и запакостила только для того, чтобы земляне могли и впредь усложнять себе жизнь бесполезными игрушками.

— Иначе говоря, вы хотите, чтобы этих дикарей оставили прозябать в невежестве?

— Они не жалуются на свою судьбу. Но оставить все как есть тоже невозможно. Бюро ксенологии делает немало и приносит огромную пользу, когда ему не мешают корпорации вроде вашего ММБ! Да, мы можем и должны помогать отсталым планетам, при условии, что мы будем относиться с уважением к их народам, знакомить их крайне осторожно с нашими изобретениями, с нашими обычаями и нравами, стараясь по мере сил не прививать им наши пороки. По соседству с Порт-Металлом оказались стойбища двух племен. До прибытия землян они жили не очень-то сытно, однако сохраняя достоинство. Теперь мужчины готовы на все ради выпивки, женщины продаются кому попало за ввезенные с Земли безделушки, и племена вымирают от алкоголизма и тоскливого безразличия ко всему, потому что их жизнь утратила смысл. То же самое чуть не произошло с моими полинезийскими предками, когда европейцы вздумали их «цивилизовать». Виски, перно и библия едва не прикончили их! Вы видели фильмы о Таити до возрождения? Помните эти жуткие бараки из гофрированного железа, эти выродившиеся в идиотизм пляски для туристов? А эти отвратительные, безвкусные сувениры из перламутра и кокосовых орехов?.. Ужас!

— Что же, по-вашему, уступить весь космос ксенологам?

— Нет, только планеты с разумной жизнью. Ну да, к сожалению, другие планеты не столь гостеприимны, и это отражается на стоимости добычи руды или производства сырья! К тому же обитаемые планеты поставляют дешевую рабочую силу. К счастью для ихамбэ и других племен — на Эльдорадо у ММБ лишь ограниченная лицензия! Вы когда-нибудь были на Тихане? Лео, перестань чесаться и иди сюда!

Тераи погрузил пальцы в рыжую гриву и начал перебирать ее, выискивая блох.

— Кстати, вот вам яркая параллель! Разведчики, ученые и некоторые миссионеры принадлежат к цвету рода человеческого. К несчастью, следом за ними являются торговцы и солдаты, чтобы их охранять, затем прибывают дельцы и размножаются на планете, как блохи на Лео. Паразиты в гриве льва — вот что такое ваше ММБ и прочие тресты!

— Неужели вы думаете, что освоение космоса было бы возможно без участия крупных картелей, частных и государственных? Кто, по-вашему, оплачивает все эти полеты в космосе?

— О, разумеется, Земле нужен космический флот! Если мы до сих пор не столкнулись с враждебными нам разумными существами, это не значит, что такая встреча исключена!

— К тому же минеральные запасы нашей планеты истощаются, и мы...

Тераи откровенно расхохотался.

— И это вы говорите геологу? Да, да, я знаю теорию Осборна! Разграбленная планета! Этот древний классик был в какой-то степени прав. Да, кое-какие ресурсы Земли были исчерпаны. А тут как раз изобрели гиперпространственный передатчик материи, который превратил разработки сырья на других планетах из экономической бессмыслицы в весьма прибыльное дело. Стало гораздо проще добывать хром на Эльдорадо, чем закладывать у себя глубокие шахты, в которые могут спускаться лишь роботы! Вот вам и все объяснение! Когда становится невыгодным вести разработки на Земле, дельцы отправляются к соседям. Но тут есть одно неудобство. Соседа надо либо ассимилировать, либо уничтожить. К тому же, когда сосед, в свою очередь, достигает определенной стадии развития, у него остаются только глубокие месторождения, которые он с его техникой не способен использовать. Тем хуже для него, пусть выпутывается как знает! В Полинезии были запасы только одного вида сырья, представлявшие какую-то ценность,— фосфаты на Макатеа. Когда они истощились, европейцы с благородной миной ушли якобы под нажимом Объединенных Наций и бросили полинезийцев на произвол судьбы. Если бы не светлый разум моей бабки, Нохоран Оопы...

— Неужели создательница Полинезийской федерации была вашей бабушкой?

— Да. Она сумела пробудить островитян. Кроме того, великие державы оказали нам техническую помощь. Но только не тресты! Мы их больше не интересовали.

— Вы сказали «мы»?

— Я вырос на островах и считаю их своей родиной. Мы сумели справиться: помогли подводные пастбища, разведение китов, солнечная энергия и прочее. Но все это лишь потому, что мы получили передовую технологию.

— И вы боитесь, что здесь будет хуже, чем в Полинезии?

— Я уже спрашивал: вы видели Тихану? Там ваши благородные тресты ничем не были связаны и могли не стесняться. Что осталось от художников тысячеколонного города Хомары? Что осталось от Синих островов, которые первым исследователям показались раем? Что осталось от тиханцев с их тысячелетней, но не технической цивилизацией?

— В федеральном парламенте есть делегаты-тиханцы!

— Тиханцы? Скорее бледные подобия землян! Они даже говорят не на своем родном языке, а на ублюдочном английском, который стал межпланетным жаргоном. Лишь немногие филологи в их университетах могут еще оценить всю красоту «Рубаники» или «Мохантаривы».

— Да, но зато их население, не превышавшее вначале ста пятидесяти миллионов, сегодня достигло трех миллиардов!

— И когда-нибудь эти миллиарды обрушатся на нас с тыла! У них не осталось никакого стимула в жизни, ничего, кроме ненависти к нам! И я их понимаю, я им сочувствую. Одним лишь трестам на все наплевать,

они свое дело сделали — выкачали из Тиханы миллионы тонн редких и полезных металлов!

— Однако вы тоже работаете на ММБ.

— Мадемуазель, я работаю на себя самого. Как я уже говорил, ММБ никогда не сможет наладить разработку месторождений, о которых я сообщаю за хорошие деньги, ибо они никогда не получат неограниченной лицензии, а ограниченная, срок которой истекает через двадцать лет, по-видимому, не будет возобновлена.

— В общем, мне до этого мало дела. Я уже ничем не связана с ММБ. Расскажите лучше, что это за праздник Трех лун?

— Пойдемте, он скоро начнется. Я объясню по дороге.

Тераи поднялся, помог встать девушке. Стемнело, и все ихамбэ уже сидели вокруг большого костра на центральной площади, напевая с закрытыми ртами монотонную мелодию.

— У ихамбэ культ солнца и лун. Солнце — муж, три луны — его жены. Они — символ плодородия, они помогают племени восполнять потери и становиться все многочисленнее и сильнее. Примерно раз в три года все три луны восходят одновременно над Горами Предков, между вершинами Колонту и Бирэ-Отима. Они считаются священными горами племени...

— А я думала, это гора Этно!..

— О, это совсем другое дело! Эта гора — табу для всех народов северного континента, и я бы сам хотел знать почему. Значит, так: когда все три луны восходят одновременно, начинается праздник. Раньше каждой луне приносили в жертву по девушке. Но лет сто назад этот жребий пал на Энлию, невесту Тлека, самого грозного воина ихамбэ в те времена. Он похитил Энлию до начала церемонии и ушел из лагеря вместе со своими соратниками. Ихамбэ до сих пор вспоминают междоусобную войну, которая началась из-за этого. Наконец один прозорливый шаман догадался по-иному истолковать изустную легенду. С тех пор ихамбэ не приносят в жертву лунам девушек: просто три девушки в честь богинь плодородия становятся женщинами.

— Надеюсь, мне на сей раз ничто не грозит?

Тераи рассмеялся.

— Успокойтесь, вам волноваться нечего!

Они сели на указанное им место между вождем и Лаэле. Теперь все туземцы сидели в безмолвии, склонив головы на грудь, и лишь один юноша с верхней площадки очень высокой трехногой вышки что-то выкрикивал звонким голосом.

— Страж трех лун,— шепнул Тераи.— Он возвещает о восходе спутников над священными горами.

Стелла подняла голову, взглянула на восток. Ночь была ясной, звезды сверкали, и яркая полоса Млечного Пути пересекала небо по диагонали. На востоке было еще темно, однако слабое сияние уже разливалось из-за горных вершин.

— Еще несколько минут,— сказал Тераи.— Когда луны взойдут, я должен буду вас покинуть. Я член клана. Оставайтесь с Лаэле: она вам все объяснит и в случае чего защитит вас.

— Ах вот как! Значит, вы участвуете в этом обряде? — насмешливо спросила Стелла.

— Не в том, о котором вы думаете! — сухо бросил геолог.— Я не удостоился большого посвящения. Пока не удостоился!

Время шло. Темнота в восточной части неба медленно рассеивалась, и седловина между двух вершин выступала отчетливее на все более светлом фоне.

— Антия! Теана! Ноба! — прокричал вдруг юноша с вышки.

Ярко-желтый рог появился из-за гор, и Антия величественно всплыла в небо.

С долгим переливчатым воплем все ихамбэ вскочили на ноги. Тераи последовал их примеру.

— Да встаньте же, черт побери! — прорычал он.— Вы что, хотите, чтобы нас прикончили?

Десять, двадцать, сотня разноцветных ракет с шипением взвились к зениту. Стелла смотрела на них в изумлении.

— Вы им дали ракеты?!

— Нет, это изобретение кеноитов. Заряд из спор гриба Roquette Spraguei — обычное для Эльдорадо сочетание серы и селитры. Корпус ракет — из стволов легкого бамбука. А о том, что разные минералы могут придавать пламени различные цвета, туземцы сами давно знают. Ну пока!

Он присоединился к группе воинов, сбросив всю одежду и оставшись только в кожаной набедренной повязке. Один из ихамбэ подал ему длинное копье, и Тераи встал в круг рядом с великаном Эенко.

— Бом! Бом! Бо-бом!

Тамтам гремел сначала медленно, но ритм его ударов постепенно учащался, и воины, подчиняясь ему, двигались вокруг большого костра, выбрасывавшего синие языки. Все три луны теперь взошли, как тяжелая гроздь почти сливающихся ярких дисков. Воины вскрикивали, потрясая копьями, гладкие тела их лоснились от пота, гигантские тени плясали на земле и на разноцветных шатрах. Барабан выбивал лихорадочную дробь, и Стелла чувствовала, что невольно поддается его ритму, что голова у нее кружится и она всем телом отвечает на глухой пьянящий призыв, еле удерживаясь на месте.

Ффушшш!

Огромный столб пурпурного пламени взвился над костром, затопив все вокруг кровавым светом. Земля разверзлась, и из глубины ее поднялась площадка, на которой стояли, торжествуя, три юные обнаженные девушки.

— Ах, где же мой аппарат?

Стелла рывком отцепила застежку на поясе, под которой скрывалась одна из ее миниатюрных кинокамер, быстро включила автоматическую наводку.

— Россе Муту очень сердится,— услышала она рядом голос. Стелла с удивлением обернулась. Лаэле показывала пальцем на застежку.

— Но я не делаю ничего плохого!

— Этот глаз для картинка. У Россе Муту такой в пуговица.

— Ну и пусть сердится, мне-то какое дело! — огрызнулась Стелла вне себя от злости.

— Ага, ты любить его?

— Я? Конечно, нет! Только дружить!

— Ты любить его, может сама не знать. Ты здоровый, красивый, давать ему сильные дети. Я не могу,— добавила она огорченно.

— Этого еще не хватало! Он что, говорил об этом?

— Нет. Я сама видел, как он глядеть на тебя. Он, я — нет детей. Он брать свой здоровый женщина. Если нет — зачем ты отказать Эенко?

— Потому что он не моего народа. Другого! Потому что у нас не выходят замуж за незнакомцев!

— Ты, Россе Муту — дети. Луны сказали. Если Антафаруто позволит.

— Антафаруто?

— Бог смерти!

Лаэле пять раз сплюнула на землю вправо от себя.

Тамтам гремел, словно обезумев, вереница воинов извивалась змеей вокруг костра; все они побросали копья к ногам трех девушек. Подул легкий ветер, синие и красные языки пламени заколыхались, и пляшущие отблески вплелись в хоровод разгоряченных тел, убыстряя его движение. Внезапно, повинуясь резкому крику, воины повернулись лицом к шатрам и замерли.

— Теперь мы плясать,— сказала Лаэле.

— Только не я! Я здесь чужая!

Молодые женщины быстро выстраивались напротив воинов. Лаэле схватила Стеллу за руку, не грубо, но твердо.

— Ты женщина. Хочешь детей? Плясать!

— Нет!

— Ты пойдешь!

Рука Лаэле сжалась сильнее. Стелла хотела вырваться, попыталась оттолкнуть ее другой рукой и замерла: Лаэле кольнула ее острием длинного стального ножа.

Ошеломленная, Стелла позволила увлечь себя в круг. Лаэле резко отодвинула трех женщин и рывком поставила Стеллу перед Тераи. Сначала гигант ее не заметил, он тихо переговаривался о чем-то с соседом. Пот струился по его телу, и при свете костра он походил на бронзовую статую какого-то мифического бога давно забытых времен. Барабан снова глухо зазвучал. Тераи поднял глаза, увидел Стеллу, и насмешливая улыбка раздвинула его губы. На этот раз танец был медленным. Мужчины делали три шага вперед, умоляюще протягивали руки, женщины отступали. Затем все повторялось. Но вот барабан зарокотал быстрее. Воины прыгнули вперед, схватили женщин за кисти рук, и Стелла почувствовала, как огромные ладони Тераи сжались вокруг ее пальцев. Он больше не улыбался, лицо его застыло.

— Сопротивляйтесь! — шепнул он.

Она начала неловко отбиваться, не в силах отвести глаз от лица гиганта, нависшего над нею. «Уродлив и прекрасен, как фавн!» — пронеслось у нее в голове. В отблесках угасающего костра черты Тераи потеряли свою жесткость, и теперь его лицо с раскосыми глазами, выдающимися скулами, орлиным носом и мощным подбородком казалось древней маской, влекущей и пугающей.

Ритм тамтама все убыстрялся. Внезапно Стелла почувствовала, что ее подхватили и бросили на землю.

— Не бойтесь, это только пантомима! — шепнул Тераи ей на ухо.

— Даже для пантомимы это уж слишком!

— Я ничего не могу поделать! Сейчас все кончится. Зачем вы вышли в круг?

— Ваша... жена заставила меня, угрожая кинжалом. Она, видите ли, решила, что раз у нее нет от вас детей, их должна нарожать вам я!

Он вздрогнул от удивления, затем пробормотал:

— А знаете, это неплохая мысль...

— На меня не рассчитывайте!

— Поживем — увидим.

И вдруг глаза его вспыхнули, и он приник к ее губам. Стелла попыталась оттолкнуть его, но какое-то оцепенение овладело ею, и она перестала сопротивляться.

Барабан умолк. Тераи вскочил на ноги, помог Стелле подняться. Вокруг них, смеясь, вставали другие пары танцоров. Тераи стряхнул пыль

с ее одежды. Девушки, королевы празднества, исчезли, так же как и несколько молодых воинов. Умирающий костер отбрасывал зыбкие тени.

— Церемония окончена. Сейчас начнется пир, на котором вам надо быть, раз вы участвовали в ритуальном танце.

— Я... вы... вы воспользовались тем, что сильнее! Это низко!

— О, прошу вас, только без сцен! Ихамбэ сочтут это за дурное предзнаменование. Но помните: когда я подам знак, немедленно уходите! Когда мои друзья выпьют лишнего, я ни за что не отвечаю, и меньше всего за вашу добродетель. А вино «беке» у них крепкое!

ВНИЗ ПО ИРУАНДИКЕ

Тераи отложил весло, сдвинул на затылок соломенную шляпу и, схватив флягу, жадно выпил несколько глотков «беке», разбавленного водой. Солнце низвергало потоки зноя на Ируандику, далекий берег расплывался в дрожащем мареве.

Плыть по Эри тяжело,
Отложил я прочь весло —
Думал, что уже не выпью
До самого Буффало,
До самого Буффало! —

пропела насмешливо Стелла. Тераи наградил ее сердитым взглядом. Она продолжала:

Много бочек нагрузили,
Всю дорогу лихо пили,
Капитан глядел на нас,
Словно мы его топили!

Геолог расхохотался.

— Что это за песенка?

— Песня про Эри-канал. Ее пели у меня на родине в XIX веке. Хотите, спою вам все куплеты?

— С удовольствием послушаю! Но я не знал, что вы любите народные песни.

— О, я их знаю множество! Когда я была помоложе, я с группой студентов-фольклористов собирала такие песенки.

— Вы учились?.. На каком факультете?

— На физическом, как это ни странно. Но отец не дал мне его закончить. В университете я, видите ли, общалась с людьми «не нашего круга». То есть с теми, кто стоил меньше пятидесяти миллионов долларов!

— Увы, и сейчас вы общаетесь с таким же недостойным. Потому что я стою не больше тридцати миллионов.

Она взглянула на него, не веря своим ушам.

— Да, да! У меня на Земле есть высокопоставленные друзья, которые выгодно вкладывают мои скромные заработки.

— И с таким состоянием вы продолжаете рисковать жизнью на этой дикой планете?

— Вы хотите уловить связь? Хорошо. Когда я прибыл на Эльдорадо, у меня не было ничего. Я нашел главное месторождение, то самое, которое разрабатывали горняки Порт-Металла, еще до того, как ММБ получило лицензию. Но когда эти акулы захватили монополию на руд-

ные разработки, они предложили мне на выбор: либо я уступаю им свои права, либо сохраняю независимость, но теряю всякую возможность сбывать продукцию своих рудников. Я, в свою очередь, поставил условие: либо они заплатят мне, сколько я запрошу, либо будут иметь дело с туземцами. В общем, я на этом не прогадал. Я не создан для того, чтобы управлять крупным предприятием. По природе я одиночка. И кроме того, мне претит командовать своими ближними.

— Что же вас интересует в жизни?

— Поиски нового! И еще — исследования. У меня в лаборатории накопилось материалов на сотню статей о сокровищах Эльдорадо, но я опубликую их только тогда, когда ММБ уберется отсюда.

— Мне казалось, что на такой богатой планете они могли бы и не принять ваши условия.

Тераи пожал плечами.

— Да, Эльдорадо — богатая планета, богаче некуда. Однако нужно еще найти самые удобные для разработки месторождения. Я сэкономил им четыре года разведки, а главное — обеспечил мир. Вы знаете условия ограниченной лицензии: не более сорока тысяч человек и согласие туземцев. Но все это уводит нас в сторону. Где же вы изучали физику?

— В Чикагском университете, с 2228-го по 2230-й.

— И я тоже, только в Парижском университете с 2218-го по 2220-й, а потом в Торонто, до 2223-го. Но я часто приезжал в Чикаго повидаться со стариной Мак Кензи. Скажите, в ваше время еще были в парках белки? В последний свой приезд я слышал, что какие-то болваны требовали перебить их, потому что белки якобы могут стать переносчиками бешенства...

— При мне их там развелось еще больше!

— О, тем лучше! Было бы жаль, если бы этих зверьков уничтожили.

Он снова взял весло и начал мощно грести под ритм полинезийского напева. Стелла оглянулась. В ста метрах позади них шла вторая пирога, в которой сидела Лаэле со своим братом, а за ними — третья с четырьмя ихамбэ.

Тераи запротестовал, когда вождь дал ему этих телохранителей. Отношения между степными племенами с северных берегов Ируандики и империей Кено всегда были хорошими, тем более что их разделяли горы Этио. Геолог не видел никакой необходимости в вооруженном эскорте, однако Оэми был непоколебим.

— У кеноитов много перемен,— твердил он.— Старого императора убили.

За этим последовал долгий спор на туземном языке. Тераи не счел нужным переводить, но Стелла поняла, что под конец решимость его была поколеблена. Сейчас она с невольным восхищением смотрела, как он гребет. Мускулы перекатывались под его бронзовой гладкой кожей, вздуваясь при каждом взмахе весла. «Какая силища — ужас!» — подумала она.

Ей вспомнился телохранитель ее отца Джо по прозвищу Горилла. Он тоже был гигантом, но с узловатыми, уродливыми мышцами и рудиментарным мозгом. И этот Джо бахвалился, что он самый сильный человек на свете!

«Интересно, что он сделает, если встретится с Лапрадом? Наверное, попытается его убить, чтобы доказать, что перед ним никто не устоит... Но я бы поставила на Тераи! Такие, как он, рождаются раз в столетие: светлый ум, львиная сила... Как жаль, что он не с нами!»

До сих пор все шло хорошо. Ее спутник ни о чем не подозревал. Она уже засняла сотню метров микропленки, которая при умелом монтаже

покажет туземцев Эльдорадо в самом невыгодном свете и побудит Мировой Парламент проголосовать за предоставление ММБ неограниченной лицензии. Стелла представила себе ярость Тераи и содрогнулась.

Да, жаль, что он их противник! Она могла бы полюбить человека такого размаха, если бы он был настоящим реалистом, а не увлекался бредовыми идеалами этих дурачков из Бюро ксенологии. Подумать только: они хотят предоставить каждому народу равные шансы! Чтобы потом эти народы объединились против землян? Ну нет!

Стелла была представительницей белой расы, самой белой и самой чистой на протяжении многих поколений — нордической расы. Ее отец так и не примирился с унижением, которое перенес в 2210 году, когда Мировой Парламент принял закон о свободном въезде в Европу и Америку лиц любой национальности. Она помнила, как он впервые показал ей, тогда еще маленькой девочке, огромные плавильные печи ММБ на тихоокеанском побережье. Они поднялись на самый верх центрального здания, и оттуда отец широким жестом обвел бесчисленные крыши заводов, башни электрических плавилен и домен, сложную сеть подъездных путей, по которым прибывала руда, добытая на Земле, или рафинированный металл из главного приемника, возвышавшегося в двадцати километрах, куда гиперпространственные передатчики перебрасывали минеральные богатства сотен планет.

— Вот могущество ММБ и могущество Земли! Все это сделали мы, люди! Ни одна раса во вселенной на такое не способна. Помни об этом Стелла. Бог создал вселенную для человека!

Тем не менее, когда ей пошел двадцатый год, у Стеллы возникли сомнения. Одним из ее друзей по университету был молодой физик, талантливый и очаровательный юноша, влюбленный в нее безоглядно. Под его влиянием она тоже решила изучить физику.

— Для этого у нас есть инженеры,— сказал ей отец.— Впрочем, если кто-нибудь в семье будет понимать их жаргон, это может пригодиться. Твой брат, как и я, всего лишь бизнесмен.

А затем Поль разбился, глупо погиб в автомобильной катастрофе. И физика потеряла для нее всякое очарование. Вскоре умерла мать Стеллы, и старый Гендерсон вызвал дочь к себе. Ей пришлось вести дом, устраивать приемы, празднества, балы. Она сблизилась с отцом, начала интересоваться его делами — а их было множество у генерального директора ММБ,— приобрела вкус к закулисным интригам. Однажды, примерно полгода назад, отец вызвал ее в свой личный кабинет на верхнем этаже Стеллар-билдинга в Нью-Йорке.

— У меня неприятности, Стелла. Мы несем убытки. Наши печи загружены всего на семьдесят процентов. Я рассчитывал получить неограниченную лицензию на Эльдорадо, но нам крупно не везет: сенатор Дюлон погиб на охоте в Африке, сенатор Уиллис провалился на выборах, а мой старый друг Шмидт, второй секретарь президента, в длительном отпуске по болезни! Ксенологи интригуют против нас, и, боюсь, нам не продлят даже ограниченную лицензию. За моей спиной уже поговаривают, что я не способен вести дела. Представляешь? К тому же эти туземцы на Эльдорадо, кажется, почти не отличаются от людей. Хорошенькая история! В таком случае наша цивилизация подойдет им как нельзя лучше! Короче, мне нужно послать туда своего человека, абсолютно надежного, чтобы он дал мне подробный отчет обо всем. На этой проклятой планете есть некий тип по имени Лапрад, который путается у нас под ногами и от которого мы никак не можем избавиться.

— Лапрад? Я думала, он работает на нас. Кажется, наш самый бо-

гатый рудник на Эльдорадо назван его именем, не так ли?

— Да, вначале он нам помог. Но теперь столковался с туземцами и интригует против нас.

— Что он собой представляет, этот Лаприд?

— Говорят, он просто здоровенный дикарь, но я в это не верю. Слишком уж ловко он вставляет нам палки в колеса! Он метис, кажется, с примесью желтой расы. Подожди, у меня на него есть досье.

Гендерсон отдал короткий приказ по интерфону, и секретарь скоро принес досье. В нем был только один лист.

— Так, Лаприд, Тераи, родился семнадцатого февраля 2199 года в Бержераке, во Франции... Рост 209 сантиметров, волосы черные, глаза черные, чемпион Олимпийских игр по десятиборью... Это все неинтересно. Ага! Магистр геологических наук, закончил Торонтский университет. Сын Поля Лаприда, убитого во время мятежа фундаменталистов в 2223 году, и Тетуа Сонг... Постой-ка! Тетуа Сонг была дочерью Сонг Тун Фая и Нохоран Оопы, создательницы Полинезийской федерации. А его отец, Поль Лаприд, был сыном француза, Анри Лаприда, профессора Сорбонны, и Мэри Вапано из семьи Вапано, у которых хромовые рудники в Арктике... Черт возьми, в его жилах кровь четырех рас! Европеец, таитянин, китаец и в придачу — индеец кри!

— И вы хотите, чтобы я отправилась туда и соблазнила его?

— Боже упаси! Я бы никогда не поручил тебе подобную миссию. Для этого у нас есть специалистки. Но мне нужен достоверный отчет из первых рук о нем и о туземцах. И хорошая пленка, которая показала бы их дикость и жестокость. С этим материалом мы сможем повлиять на Мировой Парламент. Достаточно склонить на нашу сторону десяток депутатов.

— А Герберт не мог бы туда отправиться? Боюсь, я не сумею...

— Герберт мне нужен здесь! Ты спортсменка, ты поднималась на Гималаи ради собственного удовольствия, и потом там за тобой присмотрят.

— О, я ничего не боюсь! Хорошо, я согласна. Но я не могу явиться на Эльдорадо как представительница ММБ.

— Да, ты права. Что же делать?

— Мы с тобой поссоримся так, чтобы все это знали. Я уйду из дома и постараюсь устроиться журналисткой в Межпланетном агентстве. Редактор ухаживал за мной, когда я была еще в университете.

— Он что, так молод?

— Вовсе нет! Он читал у нас лекции по журналистике, на которые я ходила.

— Хорошо, делай, как считаешь лучше, но только не рискуй зря, Стелла!

На миг бизнесмен уступил место отцу.

— Я никогда не уделял тебе достаточно времени, дочка, но сама знаешь...

«Бедный папа!— подумала она.— Что бы он сказал, если бы увидел меня сейчас посреди реки на чужой планете в компании дикарей и своего злейшего врага! Его врага, который для меня стал почти другом...»

Всего лишь другом? Была ли она в этом так уверена? Пока что она старалась не раздражать гиганта. Часто он обращался с ней сурово, почти грубо. Несколько раз он целовал ее и тут же отпускал, словно она была ему безразлична. Стелла и не думала о близости с ним, но его равнодушие злило ее. Бывал он и предупредителен, даже галантен. Он сделал все возможное, чтобы облегчить ей отношения с ихамбэ, и если это

не всегда удавалось, то не по его вине. Стеллу привлекало и одновременно отталкивало это полудикое племя. Иногда, слушая их песни, наблюдая их повседневную жизнь, она почти забывала, что это не земляне, не люди. А затем вдруг случайное слово, интонация, жест или какой-нибудь странный обычай сразу напоминали о разделяющей их непреодолимой пропасти, и она вся ощетинивалась, как собака при встрече со своим диким родичем волком.

Стараясь быть объективной, она делала все, чтобы преодолеть это чувство. Тераи приписывал его воспитанию и бессознательному, но явно расистскому влиянию ее среды. Но порой ему казалось, что причины лежат глубже...

Стелла пыталась честно разобраться — может быть, она просто подыскивает себе оправдания? Ведь если говорить по совести, она вела себя низко, злоупотребляя доверием Тераи. Он помогал ей, защищал ее, а она копила страшный яд, чтоб погубить своего защитника и его друзей. Раз так — его друзья должны быть презренными существами, опасными хищниками, угрожающими всему, что ей близко и дорого. Иначе она потеряла бы к себе всякое уважение. Но со временем выбранная ею позиция становилась все более шаткой. Тщетно пыталась она успокоить свою совесть, повторяя про себя, что в конечном счете ихамбэ и другие племена приспособятся к земной цивилизации, что она приложит все усилия, чтобы владычество ММБ не было слишком жестоким... Это больше не помогало.

— О чем задумалась, Стелла? О будущих статьях для вашей газетенки?

Она вздрогнула и покраснела: неужели он догадался? Под грубой внешностью гиганта скрывался проницательный ум, и Тераи уже не раз приводил ее в смущение.

— Не знаю, что меня заставило стать вашим проводником,— продолжал он.— Наверное, то, что вы были готовы на все, лишь бы собрать нужный вам материал. Похоже, вы пустились бы в этот путь и без меня. А мне было бы жаль, если бы такое прелестное существо погибло от стрел умбуру или было съедено живьем ниамбами! Боюсь только, мне придется дорого заплатить за свое великодушие. С самого начала боялся...

— Зачем же вы тогда это сделали?

— На Эльдорадо есть крылатое существо, Microraptor ferox, по-местному — билрини. Это настоящий маленький демон! Величиной меньше ладони, он разрушает гнезда других псевдоптиц и своим отравленным клювом убивает животных гораздо крупнее его самого. Но если билрини попадается в клейкую ловушку хищного цветка, я всегда освобождаю его и отпускаю. Он слишком красив, чтобы погибать такой жалкой смертью!

— Значит, вы боитесь моего ядовитого клюва?

— Хм, трудно сказать! Если бы вы таили зло на людей этой планеты, вы могли бы им сильно навредить. Но даже если у вас самые лучшие намерения, любая ваша статья, переписанная так, чтобы она понравилась читателям, несомненно принесет эльдорадцам больше вреда, чем пользы.

— По-вашему, все наши читатели идиоты?

— О нет! Просто отравленные люди. Чтобы они очнулись, ваши газеты должны для начала говорить правду, на которую сейчас читателям наплевать. А затем ваши читатели должны задуматься, к чему они не приучены. Может быть, если бы взорвать все радио- и телестанции, если

закрыть все рекламные конторы, они сумеют отличить цивилизацию от кучи бесполезных машин...

— Чтобы вернуться к тому уровню, на котором стоят ваши приятели ихамбэ?

— Да нет же! Но о чем спорить с женщиной Земли? Через три дня мы доплывем до Кинтана, столицы империи Кено и ее главного порта в устье Ируандики. Там вы увидите — во всяком случае, я на это надеюсь — иную форму культуры Эльдорадо. Она на уровне нашей древней Ассирии, но основана на совсем других моральных принципах.

— Почему вы сказали: «во всяком случае, я надеюсь»?

— Так, до меня дошли странные слухи...

Он снова взялся за весло. Стеллу утомлял однообразный пейзаж: низкие берега с полосами деревьев или кустарника, которые скрывали от глаз саванну и ее животных. Время от времени черная спина вспарывала воду неподалеку от пироги, и в зависимости от того, чья эта была спина, Тераи либо продолжал спокойно грести, либо брался за карабин и выжидал, готовый ко всему. Но на них никто ни разу не напал, и геолог, отложив оружие, снова греб, поглядывая по сторонам.

— Вы не дадите мне на время весло? А то вы меня везете, как китайскую принцессу!..

— О, пожалуйста!

Время пошло вроде быстрее, но скоро руки Стеллы устали, поясницу начало ломить, и она вынуждена была остановиться. Свинцовое небо давило на реку, сливаясь вдали с ее серыми волнами. Пирога, в которой плыла Лаэле с братом, держалась чуть позади, и Стелла бездумно смотрела, как вода мягким веером взлетает из-под их легкого суденышка.

Тераи вполголоса запел печальную песню; мелодия поразила девушку своей красотой. Такое же чувство вызывали у нее на Земле грустные напевы лесорубов или первых переселенцев Запада, которые говорили о быстротечности жизни, о коротких встречах, о едва возникшей и тут же кончившейся любви, о роковой неизбежности разлуки...

— О чем вы поете?

Тераи вздрогнул, словно грубо пробужденный ото сна.

— О волнах Ируандики.

— Очень красивая песня.

— Я бы не должен ее петь, это песня женщин. Но ихамбэ привыкли к моим чудачествам. Я сделал вольный перевод на французский. Хотите послушать?

— Да, конечно!

Он положил весло поперек пироги, и мелкие капли начали падать с него.

Тераи пел:

Волны Ируандики
Несут мою пирогу,—
Итэ, Итэ, ты от меня далеко!
Ты ушел из моих объятий
На заре и пропал в тумане.

Два раза уже вставали
Три луны над горами,
Без тебя угасало дважды
Священное пламя.
Ты ушел и не обернулся
На заре, и пропал в тумане.

Говорят, красотка из Кено
Похитила твою душу!
Покарай ее, Антафаруто!
Ты уплыл от меня по реке,
На весло налегая,
И растаял в тумане.

Ты однажды вернешься, знаю,
С опустошенным сердцем,
Но меня уже не застанешь.
Я устала от ожидания,
И я скоро уйду, растаю
В вечном тумане ночи!

— Это песня ихамбэ?— спросила Стелла, когда он умолк.

— Да. У моих друзей поэтическая душа. Кстати, там, где в песне упоминается сердце, в оригинале речь идет о другом органе, скорее близком к нашей селезенке. Но кто знает, где у нас душа? Никому не известно, когда и кем придумана эта песня. Теперь ее обычно поют покинутые женщины или вдовы. Но она не старше четырехсот лет, потому что до этого ихамбэ жили не у берегов Ируандики, а в бассейне Бетсиханки. Впрочем, название реки легко заменить, и даже ритм не изменится.

— Научите меня этой песне!

— Только не здесь. Вы не имеете права ее петь. Если я, мужчина, пропел ее — это говорит только о моем дурном воспитании, не больше. Но если вы ее запоете, это уже будет святотатство! Я научу вас потом, когда мы вернемся в Порт-Металл.

— Господи, до чего же ваши ихамбэ усложняют жизнь своими обычаями!

— А чем лучше ваши, мадемуазель? Почему, например, ни на одной земной вечеринке нельзя даже заикнуться о серьезном деле? Это, видите ли, табу! Представьте себе, какой выйдет скандал, если я на приеме у вашего отца — если он меня когда-нибудь пригласит!— отведу в уголок одного из ваших инженеров и спрошу, что он думает о таком-то месторождении. Деревенщина!— зашипят все.— Разве не знает, что об этом можно говорить только в конторе!

Стелла рассмеялась.

— В ваших словах есть доля правды. Я сама порой чуть не засыпала на таких приемах.

— О, значит, для вас еще не все потеряно! Я не очень жалую вашего папеньку, но чтобы добраться до того поста, который он занимает, явно нужны были и ум, и энергия, и способность отличать самое важное от случайного. Он свил для вас теплое гнездышко, а вы его покинули. Теперь вам придется заботиться о своем гнезде...

— Что я и делаю! Вы же знаете, что после ссоры с отцом...

— По закону он в любом случае обязан оставить вам не менее четверти своего состояния. Aurea mediocritas, как сказал бы Гораций.

— Простите, я не поняла.

— Да, я забыл. Вы же не знаете латыни. А у меня она сидит как кость в горле со школьных времен — вот я иногда и выплевываю отдельные фразы. Этот древний язык еще преподают кое-где, например в лицеях на Папаете. В общем, я хотел сказать, что вам достанется кругленькая сумма!

— Я всегда могу от нее отказаться.

— А у вас хватит мужества? Впрочем, есть в вас какая-то сила. Право, жаль, что вы бесполезно прозябаете в земной сутолоке и тесноте!

— На Земле тоже можно приносить людям пользу.

— Да, но сами люди делают это все реже. Земля обречена, поверьте мне, Стелла! О, закат ее будет великолепен и наступит не скоро. Еще несколько веков Земля, несмотря на всю ее гниль, будет оставаться центром человеческой культуры. Но присмотритесь внимательнее! С каждым годом на других планетах закладываются новые колонии, и туда стремятся все сильные телом и духом!

— А я думала, вы против колонизации!

— Есть подходящие планеты, на которых не обнаружено и следа разумной жизни. Вот эти миры человек и должен завоевать.

— В таком случае, что вы сами делаете здесь, на Эльдорадо?

— Я ничего не завоевываю, я изучаю. К тому же если бы на Эльдорадо вместо коммерческого предприятия была небольшая, чисто научная станция землян, это принесло бы только пользу. Мы могли бы многому научить туземцев и избавить их от слишком дорогостоящих ошибок. Но здесь не должно быть постоянного земного населения. Поэтому я и борюсь по мере моих сил против того, чтобы ММБ предоставили неограниченную лицензию. Это означало бы конец местной культуры, конец самобытной цивилизации Эльдорадо. Что там, Эенко?

Великан ихамбэ показывал рукой на длинный береговой выступ.

— *Имбити теке!*

— Здесь мы заночуем,— объяснил Тераи.— Я всегда предоставляю Эенко выбирать место для лагеря. Это его планета, и он ее знает лучше меня.

Стелла зябко поежилась, закуталась в накидку. Спускалась ночь, с реки дул свежий сырой ветер. Ихамбэ быстро соорудили два шалаша под развесистым деревом с пышными красными цветами. Костер освещал кусты за границей площадки, которую Тераи расчистил своим мачете. Туземцы сразу уснули в своем шалаше, и только Лаэле бодрствовала вместе с землянами. Река текла почти неслышно, с легким журчанием. Антия, самая крупная из лун, зацепилась за острую вершину дерева на том берегу и отбрасывала на волны зыбкую дорожку, словно усыпанную золотистой чешуей. Тераи потянулся, вскинув над головой могучие руки.

— Вот еще одна вещь, Стелла, которую Земля уже не даст вам никогда. Вечер на берегу неведомой первозданной реки!

— Вы ошибаетесь. Я провела немало похожих вечеров на берегах американских и канадских озер. А что говорить о неосвоенных районах Амазонки или Ориноко!..

— Ну да, когда в вашем распоряжении автомобиль, вертолет, радио, а где-нибудь неподалеку — гостиница с рестораном? И вы, как только захотите, возвращаетесь к себе, воображая, что окунулись в живительную атмосферу дикой природы. Однажды, когда мне было восемнадцать лет, я вообразил, что отыскал наконец пустынный островок в архипелаге Тубуаи. Вместе со своей подружкой-одногодкой я добрался до него от Таити на пироге с противовесом. На рассвете третьего дня мы услышали на пляже вой магнитофона! Целая орава туристов — американцев, французов, шведов и уж не помню кого еще— высаживалась с гидроплана. Здесь — другое дело. Здесь мы можем исчезнуть, и никто никогда не узнает, что с нами стало. Мы еще на территории ихамбэ, границу пересечем лишь завтра, когда пройдем через ущелья у подножия хребта Этио... Эй! А это еще что такое?

Огромная черная туша появилась в освещенном кругу. Высотой около четырех метров, животное напоминало земного слона, однако у

него были маленькие настороженные уши и раздвоенный хобот, из которого вылетали звенящие звуки. Тераи схватил из костра головню и замахал ею перед чудовищем, нависшим над ним, как гора. И внезапно этот огромный зверь захныкал и с жалобным стоном ринулся в темноту, сокрушая деревца и кусты. Тераи спокойно сел на свое место.

— Неужели вы ничего не боитесь?— спросила Стелла.

— Еще как боюсь — пауков и старых дев, особенно из «Армии спасения»! Но тут не требовалось особой храбрости: биштары опасны только в период гона.

— Этот зверь называется биштар?

— Да, Bishtar gigas, кеноиты используют их, как мы — слонов. Это я дал им это название — вычитал из старого фантастического романа, купленного у одного китайца на Папаете. Там описывалось животное, удивительно похожее на то, которое вы видели. Однако надо поспать. А чтобы вы меня не опасались, Лаэле ляжет в одном шалаше с нами.

Часть вторая

ПАРАЗИТЫ В ГРИВЕ ЛЬВА

ИМПЕРИЯ КЕНО

За поворотом реки город открылся сразу: окруженное красными стенами море домов взбегало волнами к вершинам двух холмов, над которыми возвышались пирамидальные силуэты императорского дворца и храма. Уже с позавчерашнего дня им встречались на реке лодки рыбаков-кеноитов, маленьких темно-коричневых людей с черными, подстриженными щеткой волосами. Тераи несколько раз окликал гребцов, обращаясь к ним на их родном языке, но получал в ответ лишь короткие «да» или «нет». Затем по берегам вместо саванны потянулись возделанные поля.

Они причалили у деревянной пристани, привязали свои пироги. Между портом и воротами в стене, охраняемыми двумя башнями, простиралось широкое оголенное пространство, по которому от реки к городу ползли тяжелые повозки с рыбой, глиной или камнями, влекомые неуклюжими четвероногими животными. Тераи поправил лямки рюкзака, закинул за спину карабин и вместе со Стеллой и ихамбэ двинулся к городу. Рядом с местными жителями, едва доходившими ему до плеча, он казался еще огромнее. Когда они приблизились к деревянным, кованным бронзой двустворчатым воротам, навстречу им высыпали стражники в шлемах и нагрудниках. Тераи направился к ним, сделав своим спутникам знак подождать. Разговор у ворот что-то затянулся, Стелла увидела, как Эенко и его воины потихоньку вытаскивают их колчанов стрелы, и тоже незаметно сдвинула предохранитель своего карабина. Но тут геолог вернулся.

— Новые осложнения! Похоже, теперь уже нельзя просто так войти в Кинтан. Я потребовал главного стража стен, Офти-Тику,— это мой старый друг. Но все подтверждает сведения Оэми, и мне это совсем не нравится!

Пока они ждали, Стелла осматривала и тайком фотографировала городскую стену. Высотой до десяти метров, сложенная из грубо отесанных кусков красной лавы, скрепленных розоватым цементом, она опоясывала весь город. Примерно через каждые тридцать метров над ней возвышались четырехугольные башни.

— Много здесь жителей?

— Насколько я знаю, около пятисот тысяч.

— Полмиллиона!

— Империя Кено обширна, она простирается до самого моря. Но столица здесь, и эта странность объясняется только тем, что кеноитские императоры всегда хотели быть поближе к хребту Этио, к своим священным горам.

— Однако полмиллиона — это же...

— В древнем Вавилоне было еще больше. Но вот и Офти-Тика! Останьтесь здесь, я должен поговорить с ним с глазу на глаз.

Офицер стражи, для кеноитов настоящий великан, шел к ним, сияя широкой улыбкой на костлявом лице и сверкая полированной бронзой панциря. Он приветствовал Тераи взмахом меча. На сей раз разговор был коротким и дружелюбным, и вскоре они прошли под высокий свод в сопровождении отряда солдат, расчищавших перед ними дорогу в толпе.

Город начинался сразу за воротами: только кольцевая аллея шириной метров в двадцать отделяла крепостные стены от первых домов. От этой кольцевой аллеи к центру тянулось множество извилистых улочек, мощенных круглым, скользким булыжником. Двух- и трехэтажные дома из отесанных и неотесанных бревен на каменном фундаменте нависали над улочками, превращая их в узкие сумрачные туннели. Глубокий желоб посередине мостовой служил стоком для нечистот, однако отсутствие зловония удивило Стеллу. Она поняла причину этого, когда увидела, что по желобу струится быстрый поток, то взбухая, то ослабевая.

— Да, да!— заметил Тераи.— Они используют прерывистое течение — это их единственный городской мусорщик. Разумеется, бросать в желоб предметы, которые могут его засорить, строго запрещено.

В открытых сводчатых окнах сидели торговцы. На временных прилавках — откидывающихся досках, прикрепленных петлями к подоконникам,— перед ними громоздились фрукты, пряности, изделия из камня и дерева, украшения из меди или бронзы с великолепными самоцветами или грубо вырезанными геммами. В полумраке их лавчонок, при желтом свете масляных лампад, необходимых здесь даже днем, кипела своя жизнь: женщины хлопотали по хозяйству, дети плакали или смеялись, и всюду вертелись пюши — маленькие четвероногие, заменявшие на Эльдорадо собак. Торговцы зазывали клиентов, покупатели торговались, не жалея глоток, а откуда-то с верхних этажей доносились варварская музыка и визгливое пение. Солдаты шли впереди путников, беззлобно, но решительно расталкивая горожан тупыми концами своих пик. Никто не протестовал, и Стелле показалось, что этот примитивный народ, в сущности, очень добродушен. Улица шла вверх, лавки становились все крупнее, а освещение их — все ярче, и вдруг они очутились на втором, более широком бульваре, за которым было кольцо внутренних

стен, пониже внешних. За стенами зеленели кроны высоких деревьев.

— Мы прошли через квартал торговцев и ремесленников,— пояснил Тераи.— Вернее — через пояс таких кварталов. Улицы там нарочито узкие: это облегчает их оборону, если враг ворвется в город, а такое случалось уже пять раз за историю Кинтана.

— Но и поджечь такое скопище тоже, наверное, легко?

— Дома построены из стволов почти несгораемого дерева. Конечно, пожары иногда бывают, но не приносят большого ущерба: у них здесь превосходная пожарная служба!

Они проникли за вторую ограду через укрепленный вход. Эскорт остался позади, с ними вошел внутрь только капитан Офти-Тика. Стелла вскрикнула от восхищения: внутренний город был совсем иным! Широкие перпендикулярные аллеи делили его на зеленые квадраты садов, в глубине которых прятались каменные длинные низкие здания с рядами стройных колонн по фасадам. Контраст был настолько разителен, что она не удержалась от возгласа:

— Наконец-то настоящая цивилизация!

Тераи обернулся к ней с насмешливой улыбкой.

— Да, цивилизация. А вы знаете, на чем она основана? На рабстве! Подобную роскошь в этом обществе, не знающем иного источника энергии, кроме мускульной силы, может обеспечить только рабство. Впрочем, с рабами здесь обращаются сравнительно мягко. Во всяком случае, так было раньше...

— Что вы хотите этим сказать?

— Объясню потом. А сейчас попробую что-нибудь выудить у этого добряка Тики.

Он снова оживленно заговорил с капитаном стражи. Лаэле приблизилась к Стелле.

— Плохое место! Стены, стены...

— Вы никогда здесь не бывали раньше, Лаэле?

— Нет. Тераи — часто. Я — нет.

— Но почему?

— Потому что у нее не было такой возможности, мадемуазель,— вмешался геолог.— И я уже спрашиваю себя, не сглупил ли я, пригласив сюда вас обеих.

— Вы чего-то опасаетесь?

— Сам пока не знаю. Но с тех пор, как я последний раз был в Кинтане, здесь произошли странные перемены. Поговорим об этом после. Вот мой дом.

Он указал на великолепное здание из красного камня, похожее по стилю на другие дома внутреннего города. Однако оно стояло на возвышении за сплошной оградой. Проходя в парк через сводчатые ворота, Стелла удивилась высоте и толщине стен:

— Настоящая крепость!

— Вот именно, на сей раз вы не ошиблись.

По длинной аллее, затененной деревьями с широкими темно-зелеными листьями, они поднялись к дому. Группа кеноитов, мужчин и женщин, ожидала их. Завидев Тераи, они упали на колени, выражая возгласами и жестами свою радость.

— Это ваши рабы?

Он обернулся, глаза его гневно сверкнули.

— У меня нет рабов, мадемуазель! Да, они были рабами, пока я их не выкупил. Но теперь они такие же свободные люди, как вы или я!

Он поднялся по семи ступеням на террасу, повернулся к маленькой

группе и заговорил, указывая то на Лаэле, то на Стеллу, то на воинов ихамбэ. Стоя чуть поодаль, капитан стражи улыбался во весь рот молоденькой прелестной кеноитке. Когда Тераи умолк, слуги разбежались с радостными возгласами.

— Я представил вас,— объяснил Тераи.— Лаэле как хозяйку дома, вас как могущественную принцессу с далекой планеты. Тену-Шика, подойди!

Девушка, которой улыбался капитан стражи, приблизилась.

— Она будет заботиться о вас, Стелла. Тену-Шика родилась в Порт-Металле и знает немного английский. Она отведет вас в вашу комнату.

— Пожалуйста, принцесса!— проговорила девушка звонким голосом.

Стелла последовала за ней по длинному белокаменному коридору с полом из разноцветного мрамора; в стенных нишах здесь стояли удивительные статуи, изображавшие людей или животных. Высокая дверь черного дерева распахнулась перед ней, и она вошла в предназначенную для нее комнату. Это был просторный квадратный зал, сообщавшийся с внутренним двориком, посредине которого журчал фонтан. Вся меблировка состояла из низкой деревянной кровати с резными ножками в форме тигриных голов, пестрых драпировок на стенах, квадратного стола и двух стульев на толстом ковре. Но рядом находилась маленькая комнатка с бассейном в несколько квадратных метров, большим зеркалом из полированной бронзы и туалетным столиком. В углублении стены висели кеноитские одеяния.

— Господин надеется, что в этих покоях вам будет удобно. Если я вам понадоблюсь, ударьте в гонг.

— Останься, Тену-Шика!

— Как вам будет угодно, принцесса.

— Не называй меня так, мне неловко. Я хотела бы принять ванну. У вас есть мыло?

— Да, мыло с Земли. Вот в этой красной коробочке.

Стелла разделась и с наслаждением погрузилась в прохладную воду.

— Целую неделю не испытывала такого блаженства! В Ируандике нельзя купаться...

— Что вы, госпожа! Там столько милу и спируеов!

— Скажи, Тену... можно тебя называть так? Мой народ не любит слишком длинных имен...

— Тогда называйте меня Шика.

— Скажи, Шика, ты была рабыней?

— Увы, да! Когда я была совсем маленькой, меня захватили богалы, эти бандиты с холмов к западу от Порт-Металла, и продали на рынке в Тембег-Хо. К счастью, хозяин попался добрый, меня наказывали плетью всего два раза...

— Плетью?

— Да, за то, что я воровала на кухне варенье из тинды. А потом мой хозяин умер, и меня продали торговцу рабами, который привел нас всех в Кинтан. Здесь меня и выкупил Россе Муту. Я боялась, он был такой большой, такой грозный! Но едва мы пришли в его дом, он дал мне свободу.

— И ты осталась здесь?

— Мои родители умерли, их убили богалы. В Порт-Металле у меня никого не было. А здесь со мной ласковы, и платят хорошо.

— Остальные слуги так же свободны, как ты?

— Да. Господин не хочет в доме рабов. Он говорит, что продавать людей — плохо!

— А что ты сама об этом думаешь?

— Господин всегда справедлив! Разве на Земле есть рабы?

— Конечно, нет! Правда, были, но очень давно.

— Значит, Земля хорошая планета, хотя наш господин и не любит ее. Нет, он не может ошибаться! Должно быть, и на Земле немало плохого!

Стелла рассмеялась.

— Да, но есть и немало хорошего. Ты, наверное, преклоняешься перед господином Лапрадом?

— Это непростой человек, госпожа! Это почти бог. Он может убить любого воина ударом кулака! Он бегает быстрее всех, поднимает тяжести вдвое больше любого, и он знает все! Он...

— Конечно, он необычайный человек. А что вы думаете о его жене и его друзьях?

Шика замялась.

— Могу я говорить искренне? Вы не скажете господину?

— Обещаю!

— Я не знаю госпожу Лаэле. Остальные... остальные это дикари! О, я не осуждаю господина! У него надежные телохранители. Здесь все боятся ихамбэ.

— Почему? Разве они нападают на Кено?

— Нет, теперь не нападают, с тех пор, как господин подружился с нами. Раньше они жгли наши деревни, убивали мужчин, похищали женщин. Но племена кинфу на севере еще хуже! Они никогда не нападают в открытую, только если их в десять раз больше.

— А кто этот капитан, с которым ты говорила?

Юная кеноитка покраснела.

— Он хочет на мне жениться.

— А ты?

— Я бы согласилась, но я не смею.

— Почему же?

— Если я уйду от господина, придется оставить Кинтан. Здесь стало плохо, опасно. А Тика должен быть в городе, пока не станет большим начальником. Тогда его сделают наместником провинции на северной границе, и я с радостью пойду за ним.

— Несмотря на этих страшных кинфу?

— Здесь сейчас страшнее. Пока господин с нами, я ничего не боюсь. Но без него я не согласилась бы жить в Кинтане. Если господин захочет, он вам сам расскажет.

— То, что ты была рабыней, не помешает тебе выйти за офицера?

— Нет. А почему? Я родилась свободной и сейчас свободна.

— Что ж, пожелаю тебе счастья, Шика! Помоги мне вытереться.

— Вы не можете надеть ваше платье, госпожа,— оно грязное и рваное. Прикажите, и я закажу вам такое же. А пока — здесь довольно всякой одежды, если только вы согласитесь носить наши наряды.

— У меня с собой было не одно платье! Увы, наверное, в них сейчас щеголяют жены умбуру!

— Вы прошли через страну умбуру? С господином?

— Да, и потеряла там все свои вещи.

— Без него вы потеряли бы там жизнь! Вот это вам наверняка пойдет.

Она показала длинную полосу тонкой бледно-зеленой ткани, ловко

обернула ею Стеллу несколько раз и закрепила ткань бронзовыми заколками.

— Позвольте мне вас причесать! У вас волосы как красное золото! Здесь ни у кого нет подобных. Но почему они такие короткие?

— Такова наша мода.

— Какая жалость! У вас кожа белая-белая, вы такая высокая — почему только господин выбрал эту дикарку, а не вас?

Продолжая болтать, она причесала Стеллу, умастила ее лицо нежным кремом с легким запахом горького миндаля.

— Ну вот! Теперь вы прекраснее жены самого императора!

Стелла посмотрела в зеркало. Живописные складки подчеркивали стройность ее фигуры, волосы были уложены гордым венцом, и она вынуждена была признать, что в таком виде имела бы успех на любом приеме, даже в Нью-Йорке. Шика надела ей на шею ожерелье из зеленых камней, в которых Стелла с изумлением узнала грубо ограненные, но великолепные изумруды.

— Это подарок господина.

— Я не могу его принять! На Земле эти камни стоят целое состояние!

— И здесь тоже, но господин очень богат.

— Вы готовы, Стелла?— прогремел за дверью голос Тераи.

— Да, войдите!

Он восхищенно присвистнул и поклонился.

— Привет тебе, принцесса варварской страны!

— Благодарю за комплимент, но я, право же, не могу принять такой подарок.

— Не придавайте значения!— шепнул он, добавив,— У меня таких камешков десятки кило. Сумасшедшее везение, не больше. Три года назад в горах Кунава наткнулся на фантастическое гнездо! Жаль только, что у здешних мастеров нет сноровки и приспособлений, чтобы их как следует отшлифовать. Но вам это сделают в Нью-Йорке ювелиры фирмы Леви и Якобсон. Пойдемте к столу. А после обеда у нас будет серьезный разговор.

Тераи разложил на столе карту Кинтана.

— Смотрите, Стелла, город поразительно удобен для обороны! Между петлей Ируандики и рекой Камара, которая впадает в Ируандику ниже города, местность образует округлую возвышенность; на ней и стоит Кинтан. Самую высокую точку занимает императорский дворец. В узком проходе между обеими реками второй холм, вернее — гряда Храту, вытянутая с юго-юго-востока на северо-северо-запад, почти полностью преграждает подступы. Внешние укрепления идут по берегам рек и по краю этой гряды. Ее вершина выровнена и служит плацем для военных парадов. На южной стороне плаца стоит древний храм богини Беельбы. Мой дом находится здесь, у подножия западного склона гряды.

— Вы сами построили такой пышный дворец?

— Нет, я купил его у принца Софана, племянника старого императора. Как видите, Кинтан легко оборонять. Кеноиты, или кеноабы, как они сами себя называют, парадоксальный народ: у них великолепная армия, хорошо обученная, хорошо вооруженная, с прекрасными офицерами и военными инженерами, но воинственности в них ни на грош! В основном это нация торговцев, земледельцев и ремесленников.

— Какой у них общественный строй?

— Классический рабовладельческий. Во главе — император, затем знать, вернее — вожди, потому что у них нет родовой знати, далее — жрецы, торговцы, солдаты, ремесленники, земледельцы и, наконец, рабы. Я перечисляю всех по нисходящей.

— А религия?

— Умеренный политеизм. Много богов, но только два главных: небесный бог Клон, повелитель молний, ветра, дождя и тому подобное, и богиня Беельба, богиня земли, вод и плодородия животных и растений. Разумеется, жрецы обоих божеств не жалуют друг друга. Я подозреваю, что корни вражды уходят в далекое прошлое, когда происходило слияние древней туземной религии с религией воинственных завоевателей, но это было очень давно. Я в хороших отношениях, вернее — был в хороших отношениях с обеими партиями. Но, похоже, поклонники Беельбы перешли в наступление. По-видимому, это они убили старого императора, чтобы возвести на трон его племянника Ойготана, брата Софана. Я знаю Ойготана и не люблю его. Наконец, самое скверное: кажется, эти беельбаисты реформировали свою религию и возродили кровавые жертвоприношения. Это меня беспокоит. Это так не вяжется с духом теперешних кеноитов, что я почти уверен: здесь не обошлось без влияния извне!

— Что вы хотите сказать?

— В прошлом году после моего отъезда начались первые жертвоприношения, человеческие! И словно нарочно выбор пал на семьи приверженцев мирной политики старого императора. И эта реформа древнего культа сопровождалась чудесами, по словам Офти-Тики. Я не верю ни в какие чудеса, кроме тех, которые возможны благодаря высокой технике.

— И кого вы подозреваете?

Он помедлил с ответом, пристально глядя ей в глаза.

— Стелла, вы действительно та, за кого себя выдаете?— наконец спросил он.

— Не понимаю!

— Вы действительно только журналистка?

— А кто же я, по-вашему?

— Глаза и уши ММБ! — рявкнул гигант.

— Вы просто невозможны! Я уже столько раз говорила, что поссорилась с отцом, что он выгнал меня...

— О да! Это было во всех газетах. Но такой делец, как Гендерсон, может купить любую газету!

— Но как же мне вам доказать?..

Тераи иронически улыбнулся.

— Очень просто! До вашей... ссоры с отцом вы были его правой рукой. Значит, вы можете сообщить мне о его планах относительно Эльдорадо.

— Вы требуете от меня предательства?

— Но если он вас выгнал...

— Я не предаю своих друзей, даже бывших друзей, а тем более своих родных!

— А как насчет ваших теперешних друзей?

— Друзей я выбираю сама!

— Это значит, я не из их числа? Но на это мне наплевать. Зато мне далеко не наплевать на этот мир и на моих настоящих друзей! В этой внезапной религиозной реформе, в этом жутком переходе — всего за один год! — от приношений плодов к человеческим жертвоприношениям есть что-то необъяснимое. Как будто какая-то мистическая личность ради

своих темных целей стремится превратить мирную империю Кено в кровожадную, агрессивную державу. Та же самая личность, которая раздает карабины умбуру! О, не беспокойтесь, я узнаю, кто это. Вы, наверное, думаете, что ваши люди из Порт-Металла — хозяева планеты? Да они контролируют всего несколько квадратных километров! Я бы мог стереть их в порошок за несколько дней, если бы это понадобилось. Я тоже могу раздавать оружие. Но я никогда не дойду до такой низости, чтобы поддерживать фальшивыми чудесами кровавый культ, который здесь, в Кинтане, привлекает с каждым днем сотни новых приверженцев!

— Клянусь вам, я ничего об этом не знаю!

— Всей душой надеюсь, что сейчас вы не лжете! Но это не означает, что вы ничего не знаете о намерениях ММБ. Хотите, я скажу вам, что они замышляют? Вы меня поправите, если я ошибусь. Догадаться нетрудно. Вы знаете происхождение ММБ. До объединения в 2001 году Международное металлургическое бюро существовало при Организации Объединенных Наций для справедливого распределения минеральных ресурсов, точно так же как Продовольственное бюро, и тому подобное. Когда было создано всемирное правительство, ММБ, естественно, стало его горнорудным департаментом. Когда были освоены планеты Солнечной системы, ММБ и там возглавило все разработки. В 2070 году отправилась первая межзвездная экспедиция. В то время директором ММБ был Дюпон. Он внес законопроект о распространении деятельности ММБ — теперь уже Межпланетного металлургического бюро — на планеты иных солнечных систем. Все смеялись над ним! Ввозить металлы с планет других звезд! Действительно, до 2203 года это было крайне убыточно. Но тут Ларсен изобрел космический передатчик материи. Для освоения далеких планет он был бесполезен: любая организованная материя, будь то человек, животное, растение или машина, прибывала в приемник в виде аморфного порошка. Но это оказалось прекрасным орудием колонизации, ибо колонии могли по дешевой цене поставлять сырье, а все необходимое им приходилось получать втридорога только на грузовых звездолетах. Но звездолеты не могли доставлять тяжелое оборудование, и это тоже было выгодно, потому что задерживало создание в колониях своей промышленности. Вы знаете также, как ваш дед Тор Гендерсон прибрал к рукам ММБ. И как интригами и подкупом посадил на свое место своего сына. И как ММБ превратилось в могущественную державу, почти независимую от правительства Земли. И как сейчас оправдывают ограбление чужих планет, даже населенных разумными существами, рассказывая людям, будто бы земные ресурсы полностью истощены. На бумаге ММБ все еще департамент федерального правительства, а на деле в руках ММБ все шахты, все рудники, все домны и большая часть всей металлургической промышленности. А что стало с Томом Даскиным, этим химиком, который изобрел пластмассу, способную заменить легкие металлы почти во всех областях? Покончил с собой, бедняга, а главное — не забыл перед смертью сжечь все свои записи! Что скажете, ловко?

— Если бы народ считал, что ММБ приносит вред...

— Народ? Какой народ? О чем вы говорите? Об этих существах, одуревших от пропаганды, от радио, газет, стереокино, телевидения?.. А что им, собственно, беспокоиться? У них есть красивые блестящие цацки. Автомобили, облицованные хромом и никому не нужным золотом. Вертолеты. Стиральные машины, отделанные серебром! Кроме того, заводы должны работать, не так ли? И если для этого нужно опустошить еще одну планету — невелика важность! Надо же нести дикарям земную цивилизацию! К тому же они вовсе не люди!

— Но ведь есть планеты, охраняемые законом!

— Не законом, а БКС, охраняемые Бюро ксенологии. Но это удается один раз из ста! О, ксенологи делают многое, и я готов перед ними снять шляпу. Но что у них есть? Несчастные пятнадцать кораблей, и это для того, чтобы составлять звездные карты, исследовать новые планеты, устанавливать контакты с другими разумными расами и в придачу не позволять слишком рьяным дельцам бесстыдно грабить вселенную. А ваша паршивая газетенка еще смеет вякать, будто они нарочно задерживают распространение земной цивилизации только для того, чтобы сохранить объекты для опытов своих полусумасшедших ученых. О, когда-нибудь мы наверняка столкнемся с могущественной расой, у которой тоже будут межзвездные корабли! Может быть, они уже наблюдают за нами. Вселенная безгранична, и было бы слишком нелепо думать — не правда ли? — что мы единственная избранная раса, если такие вообще существуют. Хорошенький у нас будет вид в день первого контакта! Полюбуйтесь на нас, какие мы миролюбивые! Посмотрите, что мы сделали на других планетах!

— Что я могу вам ответить? Что вы правы? А откуда вы знаете, что эта раса будет миролюбивой? Может быть, в тот день мы возблагодарим судьбу за то, что за нами стоит вся мощь ММБ!

— И ни единого союзника? Что, по-вашему, сделают тиханцы? Я-то знаю: с наслаждением начнут стрелять нам в спину!

— В таком случае надо их уничтожить, пока не поздно.

— Прелестно! Как индейцев, да? Только с индейцами вы просчитались: ни в Мексике, ни в Южной Америке не осталось ни одного чистокровного белого. Но я начал с замыслов ММБ. Их главная цель — неограниченная лицензия. Они уже пытались ее получить, но в тот раз дельце сорвалось, всемирный парламент им отказал. И никаких надежд на успех не предвидится, разве что господствующая на Эльдорадо держава сама попросит принять планету в земную федерацию. Но здесь нет господствующей державы, есть только ее зародыш, империя Кено. Однако вот беда: кеноиты и не думают об экспансии. Ну ничего, мы им впрыснем свежей крови! Мы им поможем пробудиться от мирной дремоты, мы их цивилизуем наконец! И сделаем так, чтобы они были в наших руках. Что скажет, к примеру, всемирный парламент и как отреагирует драгоценное общественное мнение, когда люди узнают, что здесь приносят человеческие жертвы? Ибо на этот раз ММБ будет играть на физическом сходстве туземцев с нами. Ты проиграешь на орла, на решку выиграю я. Как ни вертись, тебе не спастись! Согласишься — мы тебя ограбим. Не согласишься — мы тебя раздавим и все равно ограбим! А если страсти разгорятся, тем хуже: мы тотчас вмешаемся, чтобы прекратить войну между ихамбэ и умбуру или между дикими охотниками и мирными крестьянами Кено! Я угадал, не правда ли, мисс Гендерсон?

— Уверяю вас, отец никогда не говорил мне о подобных замыслах! Но если даже так, чем вы можете ему помешать?

Тераи усмехнулся.

— Вот этого я вам не скажу. В одной семье и ссорятся и мирятся. Я не доверю вам своих планов!

— Послушайте, Тераи, будьте серьезны. Вы необычайный человек, я это признаю, но не можете же вы бороться с целой планетой! В ваших словах есть доля правды, я тоже сожалею об исчезновении примитивных культур, которые могли бы развиться в нечто самобытное, прекрасное и доброе... или же уродливое и злое. Возможно, Земля пошла по неверному пути — кто знает? Но вы ничего не измените. Вы сами землянин. И если

на Землю нападут пришельцы из космоса, о которых вы говорили, вы первый встанете на ее защиту!

— Наверное, так и будет. В зависимости от обстоятельств. Но оставим наши гипотезы: скажите просто вашему отцу, если вы его увидите, что я знаю или догадываюсь о его планах и что я пойду на все, чтобы их сорвать. Ладно, с этим покончено. Не знаю, на кого вы работаете, на ММБ или на свою газету, и мне это безразлично. Мне вы не сделаете ничего. Если хотите, чтобы я оставался вашим проводником на Эльдорадо, тем лучше. Не хотите — могу немедленно отправить вас в Порт-Металл. Я пошлю радиограмму, и за вами завтра же прибудет вертолет. Я сказал все.

Он откинулся на спинку деревянного кресла и с насмешливой улыбкой наблюдал за Стеллой, полуприкрыв глаза.

— У меня нет выбора! — ответила она раздраженно.— Мне платят за то, чтобы я написала репортаж.

— Хорошо. Мы приглашены на завтрак к новому императору. Ему не терпится на вас взглянуть.

Прием подходил к концу. В длинном узком зале императорского дворца золотистые лучи падали из высоких окон, и пылинки кружились в них, как микроскопические галактики. Со своего места Стелла видела узкий стол из черного мрамора, на котором стояли разноцветные корзины с плодами, и смуглые лица приглашенных, склонявшиеся друг к другу, чтобы разобрать в общем гаме слова соседа. К великому недовольству Стеллы, ее посадили очень далеко от Тераи, которого пригласили на центральный помост вместе с другими знатными людьми империи. Ее сосед слева, молодой вождь, без конца расточал ей пьяные комплименты; Шика, расположившись за спиной Стеллы, переводила, явно смягчая слишком откровенные выражения. Стелла начинала скучать. Вначале варварская церемония трапезы развлекала ее, вкус незнакомых блюд восхищал или удивлял. Но поддерживать беседу с помощью неловкой переводчицы было утомительно, да и что, в сущности, она могла сказать своим соседям?

Тераи сидел напротив императора, маленького сухого человечка с худощавым жестким лицом, и оживленно беседовал с почтенным старцем Обмии, который, как сказала Шика, был верховным жрецом Клона, бога — покровителя империи. Казалось, гиганта и старика связывала настоящая дружба. Еще довольно молодой человек аскетической наружности издали пристально наблюдал за ними. Это был Болор, верховный жрец богини Беельбы.

Император встал, и все разговоры оборвались так внезапно, что наступившая вдруг тишина оглушила Стеллу, как раскат грома. Все поднялись и склонили головы. Через минуту, когда приглашенные снова зашевелились, Стелла увидела, что император уже исчез. Тераи еще некоторое время поговорил с Обмии, затем простился и подошел к Стелле.

— Вы понравились его императорскому величеству Ойготану.

— Но ведь он меня видел только издали!

— И слава богу! Ни одна женщина не смеет к нему приближаться, кроме его фавориток. Вы все сумели заснять?

— Да. Что будем делать дальше?

— Вернемся к себе, и немедленно! У меня важные новости. Позовите Шику и следуйте за мной.

Стелла направилась к двери, где ее терпеливо дожидалась юная ке-

ноитка. Какой-то человек задел ее по дороге; она узнала Болора, хотя он стоял, склонив голову и надвинув капюшон до бровей. Он выронил свой посох, наклонился за ним, и Стелла почувствовала, как он что-то сунул ей в правую туфлю. В то же мгновение жрец выпрямился и быстро ушел. Она взглянула вниз и увидела выглядывающий из туфли белый клочок бумаги. Стелла чуть не нагнулась, чтобы тут же вытащить его, но вовремя одумалась: если Болор прибег к такому маневру, значит у него на то были серьезные причины и он хотел, чтобы она одна прочла эту записку. Умерив любопытство, Стелла позвала свою служанку, и они покинули дворец.

Тераи быстро шел впереди них, зорко и настороженно вглядываясь в лица встречных. У него не было с собой оружия — в ограде дворца носить его имела право только императорская стража,— и гигант был явно встревожен. Стелла услышала, как он облегченно вздохнул, когда офицер за воротами вернул ему пистолет и охотничий нож. Прежде чем вложить пистолет в кобуру, Тераи проверил магазин.

— Вы чего-то опасаетесь?

— Поговорим потом! Прибавьте шаг! Скорее бы добраться до дому!

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Они спустились с холма по улице принцессы Теобы, затем свернули на проспект Вечной Победы. Тераи шагал посередине мостовой и женщинам приказал идти так же, подальше от домов. Но их никто не задержал, и они благополучно дошли до своего надежного убежища. Стелла под предлогом, что ей нужно переодеться, отослала Шику. Едва оставшись одна, она скинула туфлю и вытащила записку. Это был сложенный вчетверо листок туземной бумаги из размельченной древесной коры. Она развернула его и прочла несколько слов, написанных по-английски:

«Не выходите из дома ни под каким предлогом. Г...»

За буквой «Г» стояло пять точек, две сверху, три снизу. Стелла была поражена: откуда этот жрец чужой планеты узнал тайный знак, которым они со старшим братом пользовались еще в своих детских играх? Значит, он был связан с ММБ? И что означает это предупреждение? Какие интриги плетет ее отец вместе со жрецами Беельбы? Что общего у него с этими фанатиками, приносящими человеческие жертвы? Неужели Тераи действительно разгадал замыслы ММБ? Может быть, предупредить его? Да, он противник ММБ, но Стелла чувствовала, что теперь она не в силах причинить ему зла. С другой стороны, предупредить Тераи значило бы предать отца...

— Можно к вам, Стелла?

— Да, да, входите!

— Вы еще не переоделись? Хорошо, я подожду.

— О, это не так уж срочно, если у вас важное дело.

— Да, очень важное. Пойдемте.

Она последовала за ним в комнату, которая служила геологу кабинетом. Окно выходило в великолепный сад, и Тераи на миг остановился, задумчиво глядя на гигантские деревья. Затем он обернулся, и Стеллу потрясло его искаженное тревогой лицо.

— Что случилось, Тераи? — воскликнула она, называя его по имени, а это бывало не часто.

— Что случилось? Под нашими ногами ад, и он может разверзнуться в любую минуту. Зачем только я привел сюда вас и Лаэле? Это было безумие! Оэми оказался прав. Я должен был взять с собой настоящий эскорт, а не каких-то пять воинов.

— Чего вы опасаетесь?

— Всего! Во-первых, хотя это и не главное, поклонников Беельбы в Кинтане уже тысячи! Обмии не скрыл от меня, что император подумывает сменить божество — покровителя города и переметнуться в другой лагерь. Несчастный Обмии! Он видит, как с каждым днем тает число его приверженцев. Но попробуйте бороться с соперниками, которые могут левитировать, совершают чудесные исцеления, мечут молнии в своем храме и за несколько минут выращивают сочную траву на голом месте! Что по сравнению со всем этим его собственные жалкие фокусы с зеркалами!

— Но чем все это грозит нам?

— Может быть, непосредственной опасности и нет. Но я друг ихамбэ, которые поклоняются Клону и считают Этио своей священной горой. Следовательно, я потенциальный враг богини Беельбы. Если завтра Болор натравит своих фанатиков на меня... и моих друзей, нам в Кинтане будет жарко. Значительная часть армейских офицеров уже перешла на сторону беельбаистов, я это знаю от Офти-Тики. Эта армия до сих пор была самой миролюбивой, но если заразить ее фанатизмом... Однако больше меня беспокоят эти чудеса.

— О, какие-нибудь фокусы, не больше!

— Вы так думаете?

Он начал перечислять, загибая пальцы.

— Первое — левитация: это возможно с помощью антигравитатора Леви-Томсона, модель четвертая, который есть на каждом звездолете. Его легко скрыть под широкой одеждой, например под мантией жреца. Второе — чудесные исцеления: антибиотики и биогенетическое облучение. Больных помещают под «оком богини». Третье — молнии: проще простого, генератор Ван де Граафа или любого другого типа. Четвертое — мгновенное выращивание трав: активированные стимуляторы и «Вильямсония пышная», эта сказочная трава с планеты Бехенор IV. Если сложить первое, второе, третье и четвертое, получим результат: вмешательство землян! Как видите, я был прав. И Обмии меня предупредил, что завтра что-то готовится. Поэтому категорически запрещаю выходить в город вам, Лаэле, Шике и вообще всем женщинам. Я забыл вам сказать: жертвоприношение богине Беельбе чудовищно: жрецы вспарывают женщинам животы.

Он ударил в бронзовый гонг, появилась Шика.

— Прикажи госпоже Лаэле немедленно прийти. Позови также Тонора, Кетана и Эенке.

Вскоре девушка вернулась с двумя кеноитами и ихамбэ.

— А где Лаэле?

— Ее нет в комнате, господин.

— Разыщи ее!

Он повернулся к трем мужчинам, быстро отдал несколько приказаний. Они бегом бросились их исполнять.

— Я принимаю меры предосторожности. Отныне стены будут охраняться. Пойдемте со мной.

Винтовая лестница, скрытая за колонной, вывела их на плоскую крышу — террасу, окруженную толстым зубчатым парапетом.

— Это мое добавление к архитектуре дворца.

Он направился к массивному кубическому сооружению в центре

террасы со сторонами около двух метров, вынул плоский затейливый ключ и открыл окованную металлом дверцу. Внутри на стеллаже лежали рядом пять пулеметов, стояли коробки с лентами и другие ящики, в которых, судя по надписям, хранились взрывчатка и гранаты.

— Вы умеете пользоваться этими штуками? Сделано в Чикаго на заводах Североамериканской оружейной компании, контролируемой ММБ.

— Да, я изучила пулемет, когда была на двухмесячной службе в межпланетной милиции.

— Идиотизм, но хоть на сей раз от него какая-то польза! Стелла, со мной может произойти что угодно. На всякий случай вот вам дубликат ключа. Мои люди будут вам подчиняться.

— Но как я смогу им приказывать, не зная языка?

— Все знают несколько английских или французских слов. Этого достаточно.

Он вытащил из своего арсенала ящик гранат и запер дверцу.

— Я прикажу моим парням спустить это вниз.

Внизу его ожидала Шика, дрожа от страха.

— Господин, Лаэле пошла на базар за тканями!

Тераи побледнел.

— Скорее отправь за ней пять человек!

— Это уже сделано, господин.

— Молодец, Шика. Спасибо. Тонор, там, наверху, ящик с гранатами. Снеси его вниз, вставь взрыватели и раздай гранаты часовым. По три штуки каждому!

Почва под ногами вздрогнула.

— Что это, сейсм? — недоверчиво воскликнул Тераи.— Идемте!

Он устремился бегом к маленькой низкой постройке в парке, где был установлен его сейсмограф. На бумажной ленте тянулась ровная, чуть волнистая линия, затем следовали два резких зигзага. Тераи сверялся с другими приборами, когда послышался глухой подземный гул. Стрелка сейсмографа заплясала. Тераи не отводил глаз от интегратора.

— Эпицентр в тридцати километрах к северу... Постойте, как раз в тридцати километрах есть два вулкана-близнеца, Кембо и Окембо. Но они же давно погасли! Возможность внезапного пробуждения практически равна нулю. И ни одного предупреждающего признака!

Они вышли наружу. Далеко на севере в ярких лучах пышного заката вздымался черный, с золотыми отсветами столб дыма.

— Еще одно чудо! — саркастически усмехнулся Тераи.— Но на сей раз чудо обошлось дорогонько! Две водородные бомбы, чтобы торпедировать кратеры до слоя магмы. И, как на грех, древний храм Клона стоит — то есть стоял! — точно между двумя вулканами. Нетрудно объяснить народу, что это гнев богини земли поразил храм ложного бога. Обмии может подсчитывать свои потери!

Почва снова задрожала, на этот раз так сильно, что им пришлось ухватиться за ствол дерева, чтобы устоять на ногах. Деревья трещали, раскачиваясь, сухие ветки сыпались им на головы. Из-за стены парка слышался грохот обвалов и крики ужаса. Опять прокатился подземный гул и постепенно утих. Стелла, бледная от страха, смотрела на Тераи.

— От семи до восьми баллов,— сказал он спокойно.— Наверное, нижнему городу порядком досталось. Этого и следовало ожидать. Какой-то болван вздумал разыгрывать из себя ученика чародея!

— Вы думаете, толчки еще повторятся?

— Не знаю. Вряд ли. Зона, в которой расположен Кинтан, достаточ-

но устойчива, то есть землетрясения здесь редко превышают по силе три балла. Но после того как вулканы были разбужены водородными бомбами, все могло измениться. О дьявольщина, хоть бы Лаэле вернулась!

— Вы не пойдете за ней?

— Нет. Я не могу оставить дом, пока не узнаю, что все это значит. У меня здесь больше ста человек мужчин, женщин, детей, и они на меня рассчитывают. Я обязан их защитить.

— Вы боитесь, что с Лаэле что-нибудь случилось?

— Да. Если она не погибла во время землетрясения, которое наверняка унесло немало жизней, ее могли похитить эти мерзавцы беельбаисты!

— Может быть, стоит вызвать на помощь вашего компаньона из Порт-Металла?

— Я пробовал с ним связаться утром, перед тем как идти в императорский дворец. Никто не отвечает! И уж конечно, я не стану обращаться за помощью к лакеям ММБ. Один бог знает, что стряслось с Игрищевым! В общем, все дурно пахнет. Пойдемте посмотрим, уцелел ли дом.

Массивное здание отделалось только трещинами. Они поднялись на террасу. В сгущающихся сумерках гигантские пожары на юге, в нижнем городе, вздымали к небу вихри пламени.

— В обычное спокойное время я повел бы вас посмотреть, как работают пожарники. Это очень интересно. Кеноиты и здесь проявили свой организаторский талант. Помогите-ка мне вынести два пулемета — боюсь, что они нам скоро понадобятся.

С наступлением ночи пятеро посланцев вернулись без Лаэле. Они обошли все рынки, все торговые улочки. Город словно оцепенел от ужаса еще до начала землетрясения, и никто ничего не хотел им говорить. То и дело навстречу попадались зловещие, высокомерные жрецы Беельбы. Но ни одной женщины, ни одной девушки нигде не было видно. Весь Кинтан замер в ожидании катастрофы. Затем, после первого толчка, все высыпали из домов, и началась паника, мешавшая солдатам и пожарным гасить огонь и расчищать развалины.

— Ходят всякие слухи, господин,— пробормотал один из кеноитов, явно не решаясь говорить.

— В самом деле? Какие?

— Будто бы ты навлек гнев богини, приведя в город дикарей.

— Что ж, все проясняется. Все это направлено против меня, против ихамбэ, против сторонников мира. Я слишком долго отсутствовал, и меня захватили врасплох. Если бы только Лаэле была здесь! Я могу месяц держаться против всего города. А за это время, когда они убедятся, что покровительство Беельбы не спасает от моих пуль... Ладно, будем ждать, ничего другого не остается.

Стелла вышла под колоннаду. По парку скользили группами патрули ихамбэ, вооруженные луками, или слуги Тераи с автоматами в руках и гранатами на поясе. Ни одного звука не доносилось из города, и эта тишина при свете рыжеватой луны, название которой она позабыла, казалась Стелле особенно зловещей. Внезапно перед ней выросла чья-то тень. Стелла выхватила пистолет, но тут же успокоилась: это был Эенко. Он наклонился к ней и тихо проговорил на ломаном французском языке:

— Ты плохой женщина. Если не ты, Лаэле не выходить одна. Она умереть, ты тоже умереть!

И он исчез так же бесшумно, как появился.

— Это я, Стелла, не стреляйте!

Тераи прислонился к колонне рядом с ней.

— Не знаю, что делать! Я с ума схожу от беспокойства. Разумеется,

для вас Лаэле всего лишь туземка, даже не человек. Но для меня, после смерти моих родителей, она воплотила в себе всю нежность, всю любовь! У меня есть только она да Лео. Игрищев... Игрищев, наверное, тоже погиб, иначе бы он ответил на мой вызов. А Лео остался в селении ихамбэ.

— Может быть, ваш компаньон просто отсутствовал, когда вы его вызывали?

— Нет, это невозможно. Где бы он ни был, ему передали бы мое послание. Наверное, его убили. Сейчас решается все, а я не готов к большой игре... Что случилось, Керон?

— Господин, у ворот солдаты.

Стелла последовала за Тераи, но он этого, казалось, не заметил. Ворота в парк были полуоткрыты, снаружи освещенный красным пламенем факелов ожидал Офти-Тика во главе десятка солдат. Его присутствие, видимо, успокоило Тераи. Разговор их был короток. Капитан отсалютовал мечом и подал Тераи пергаментный свиток. Тот развернул его, приблизился к факелу и быстро прочел. Ни одна черточка его лица не дрогнула.

— Плохие новости? — спросила Стелла.

— Хм, повеление императора. Ихамбэ должны покинуть город завтра на заре. Меня он не осмелился выставить. Я бы повиновался ему с радостью, чтобы выбраться из этой ловушки, в которую так глупо попался, но за стенами города нас окружат и перебьют. Если бы я догадался взять с собой Лео! Я бы отправил с ним послание Оэми, и через десять дней армия всех племен ихамбэ была бы под стенами Кинтана. И тогда бы мы поговорили! А сейчас я могу лишь ответить отказом, то есть объявить войну всей империи Кено. Хоть бы Лаэле вернулась, тогда бы и это меня не страшило!

Он вернулся к офицеру, сказал ему несколько слов по-кеноитски. Тика отрицательно покачал головой и с силой швырнул свой короткий дротик, который вонзился, дрожа, в ворота. Затем он отдал приказ и быстро ушел во главе своих солдат.

Едва они скрылись за поворотом улицы, Тераи вырвал дротик и внимательно его осмотрел.

— Так я и думал! Официально такой жест означает: отныне мы можем встретиться лишь с оружием в руках. Но смотрите!

Своим ножом он разрезал бечевку, накрученную плотной спиралью на древко в месте захвата. Под бечевкой оказался листок бумаги с кеноитскими письменами, похожими на птичьи следы. Тераи нетерпеливо пробежал их и до крови закусил губу.

— Сведения о Лаэле. Самые худшие. Ее схватили жрецы Беельбы и завтра принесут в жертву богине вместе с другими шестью молодыми женщинами. Это будет утром в двойном красном храме на плацдарме. Сейчас она заперта в подземельях храма.

— Боже мой! Неужели для нее ничего нельзя сделать?

— Можно! Во всяком случае, я попытаюсь. До рассвета у нас еще есть несколько часов.

* *
*

Тераи в последний раз проверил, надежно ли подвешены гранаты к поясу, удобно ли прилажены пистолеты, внимательно осмотрел карабин.

— Ну вот. Здесь я вам все показал. Если я не вернусь, принимайте командование. Постарайтесь еще раз связаться с Порт-Металлом. Скажите им, что дочь Гендерсона в опасности. Если это не заставит их поспе-

шить, я уже не знаю, на что надеяться. Но главное — не выходите из дому!

Эта фраза напомнила Стелле о полученном ею предупреждении, и внезапно она решилась.

— Подождите! Я должна вам что-то сказать.

Она быстро рассказала о сцене во дворце и записке с тайной опознавательной подписью. Тераи нахмурился.

— Могли бы сообщить об этом и раньше! Впрочем, это ничего бы не изменило. До свидания, мисс Гендерсон!

— До свидания, Тераи, желаю вам удачи!

Он повернулся и во главе пятнадцати кеноитов и ихамбэ исчез в глубине парка, где они должны были перебраться через стену. Стелла одна поднялась на террасу. Все было погружено в темноту, но она слышала на улице шаги солдат, патрулировавших по трое, и глухой гул, поднимавшийся со стороны нижнего города,— гул приближающейся толпы.

Стелла выжидала. Тену-Шика не отходила от нее ни на шаг.

— Думаешь, он сумеет ее освободить? — спросила Стелла.

— Господин может все! И он будет не одинок. Многие отвергают человеческие жертвоприношения, госпожа. Тика — я хотела сказать, капитан Офти-Тика — говорил мне, что большая часть армии ненавидит жрецов Беельбы.

— Ты сообщила об этом господину Лапраду?

— Конечно! Мой долг — передавать ему все, что может его касаться.

— Ты любишь своего господина, Шика?

— Он не просто господин, он Повелитель! Все склоняются перед ним, когда он этого хочет. Но он добрый. За него любой из нас отдаст жизнь, если нужно.

Небо на востоке уже светлело. С холма докатились глухая барабанная дробь, затем рев труб. Протяжный вопль бесчисленной толпы фанатиков раздался на плацу, и Стелла поняла, что они приветствуют появление жрецов, а может быть, и жертв.

Затем все стихло. Даже печальный гул бронзового гонга, доносившийся из храма Клона в нижнем городе, где всю ночь продолжались очистительные моленья, казалось, лишь усугублял эту зловещую тишину.

Внезапно Стелла насторожилась. Что это — выстрел? За ним последовали другие, целые очереди, прерываемые сухими взрывами гранат, затем все на миг заглушил дикий рев толпы, в котором смешались ярость и ужас. Она бросилась к восточной части террасы, пытаясь что-нибудь рассмотреть. Но дом стоял у самого подножия холма, и Стелла видела отсюда только верхнюю площадку храма. Черные фигурки, еле различимые в бинокль, беспорядочно метались по ней. Теперь выстрелы трещали беспрерывно. Вместе с Тераи ушли десять кеноитов, обученных стрельбе из автоматов, и она содрогнулась при мысли о том, сколько жертв этот град пуль вырывал из густой толпы. Новая серия взрывов, затем над ревом толпы взвился далекий боевой клич Тераи.

— Йох-йох-хооо!

Поток людей стремглав катился по улице с вершины холма. Иногда она различала отдельные фигуры, потом они снова исчезали за вершинами деревьев. Стрельба усиливалась, приближалась.

— Господин!— крикнула Шика.

Стелла тоже увидела на миг высокий мощный силуэт Тераи: он приостановился, чтобы скосить первые ряды преследователей. Затем деревья снова скрыли его.

— Шика, переводи! Десять человек на вылазку, навстречу господину! Всем остальным — на стены, на свои посты.

Она вставила ленту в пулемет.

— Прраааа!

Очередь хлестнула совсем близко. Из глубины парка доносился шум схватки. Вооруженный кеноит, задыхаясь, взбежал по лестнице на террасу, что-то крикнул и снова исчез.

— Господин ранен,— перевела Шика.

— Я спускаюсь!

Но когда Стелла добежала до колоннады, четверо мужчин уже вносили Тераи в дом. Остальные шли следом, снимая оружие: сражение на стенах, по-видимому, кончилось. Стелла склонилась над геологом. Глубокая царапина пересекла его правую щеку, а вся макушка превратилась в кровавую волосяную губку.

— Камень из пращи, когда господин перелезал через стену,— пояснил кеноит, немного говоривший по-английски.

— Шика, скорее аптечку!

Череп, очевидно, не был проломлен, но Стелла слишком плохо разбиралась в таких вещах. А что, если у него сильное сотрясение мозга? Шика прибежала с санитарной сумкой. Стелла промыла раны, остригла слипшиеся волосы и с облегчением убедилась, что камень из пращи только скользнул по черепу, содрав несколько сантиметров скальпа. От ожога дезинфицирующей жидкости Тераи застонал, затем открыл глаза и попытался сесть.

— Не двигайтесь! Как вы себя чувствуете?

— О моя голова! Этот гад не промахнулся! Что вы здесь собрались? Все к оружию, на стены!

— Успокойтесь! Нападение отбито.

— Помогите мне встать.

Он поднялся, шатаясь, поддерживаемый двумя кеноитами.

— Я потерял всех ихамбэ. Не мог их удержать. Когда Эенко увидел сестру на алтаре, он обезумел! И я тоже.

Морщась от боли, он с усилием выпрямился во весь рост.

— Где Лаэле?

— Мертва. Я застрелил ее. Это единственное, что я мог для нее сделать!

Он погрозил огромным кулаком в сторону холма.

— Война, теперь война, всеобщая и беспощадная! Я сожгу Кинтан, а если надо — все города Кено! Разве что мне отдадут на расправу всех жрецов Беельбы, чтобы я бросил их Лео! Помогите мне дойти до моей комнаты. Стелла, займитесь обороной, у меня трещит голова, ничего не соображаю. Через час-другой мне станет лучше.

Он исчез в глубине дома, тяжело опираясь на слуг. Между деревьями появилась шатающаяся фигура, залитая кровью. Стелла едва узнала Эенко. Великий воин спотыкался, кровь лилась из его бесчисленных ран. Он медленно приблизился, взглянул на Стеллу глазами, полными ненависти, и рухнул на каменные ступени.

— Позаботься о нем, Шика, я пойду взглянуть, как себя чувствует господин Лапрад.

Он сидел на постели, сжав голову руками, не обращая внимания на кровь, пропитавшую повязку. Заслышав шаги Стеллы, он поднял на нее глаза.

— Вы хотите знать, как это было, да? Я вам расскажу. Прекрасная получится статья для вашего грязного листка!

— Не надо ничего говорить!

— Нет, я должен все сказать, иначе я задохнусь! Через парки и по

окольным переулкам мы без труда добрались до плаца. Там уже собралась огромная толпа, и ближе нам подойти не удалось. Мы затаились в кустах метрах в пятидесяти справа от храма. Тройной ряд солдат отделял толпу от их проклятого алтаря. В бинокль я видел даже ножи для жертвоприношений. Потом появились жрецы под рев труб, и толпа завопила. Привели первую девушку, распяли на алтаре и — раз!— это было быстро сделано, ей живой вспороли живот. За ней последовала вторая, третья... Я не мог вмешаться, не смел рисковать единственным и без того ничтожным шансом спасти Лаэле! Наконец появилась она. Лаэле не была, как другие, отрешенной или одуревшей от страха. Она боролась до конца, и, наверное, у этих вонючих беельбаистов навеки останутся следы ее зубов и ногтей. Когда ее хотели бросить на алтарь, я начал стрелять, уложил всех жрецов с жертвенными ножами, и мы ринулись вперед. Но между нею и нами было слишком много народа! Я видел, что нам не пробиться. Другие жрецы с ножами схватили Лаэле. И тогда я разметал гранатами всех и бросил свой боевой клич, чтобы Лаэле знала, что я здесь. Я прицелился ей в голову, и она упала замертво. Теперь оставалось только выбраться оттуда живым, выбраться любой ценой, чтобы отомстить за нее! Вот так это было. Мы вырвались.

Он замолк, потом продолжал:

— Это фанатики, Стелла! Самое отвратительное, самое страшное и самое опасное на свете — фанатики. Они убили моего отца и мать, убили Лаэле и пытались убить меня. Но меня они упустили, сволочи! И я рассчитаюсь с ними хотя бы на этой планете. Фундаменталисты, эти жалкие недоумки, живущие легендами бронзового века! Беельбаисты, воображающие, что урожай будет богаче, если они принесут в жертву девушек! Но самые худшие из всех — это ваши фанатики, Стелла! Они слепо верят, будто технический прогресс — это все, они путают науку и технику с блестящими побрякушками, они уверены, что, если земляне благодаря удаче или случаю оказались первыми в этом жалком уголке вселенной, им позволено грабить соседей и навязывать свою так называемую человеческую цивилизацию. Ради этого они готовы воспользоваться даже фанатизмом полудикарей. И они еще говорят о науке и прогрессе! Будь они трижды прокляты! В тысячу раз достойнее тот, кто придумал колесо, чем все ваши инженеры, проституирующие свой мозг, изобретая бесполезные машины или новые изощренные утехи для стареющего человечества...

Тераи с отвращением плюнул на пол.

— Они еще услышат обо мне, ваши приятели из ММБ! Они не получат эту планету... Если надо, я добьюсь объявления карантина...

Тераи заснул. Стелла тихонько вышла из комнаты. Снаружи ярко светило солнце, и парк казался таким мирным, пока между деревьями не появлялись фигуры вооруженных кеноитов. К ней подошел управляющий Мелик.

— Госпожа, как он себя чувствует?— спросил он по-французски.

— Не беспокойтесь, ему ничто не грозит. Как дела в городе?

— Там сражаются! Солдаты, верные Клону, отбиваются от сторонников Беельбы. Народ тоже разделился, и кровь льется повсюду.

— Ну что ж, пока они сводят счеты, им не до нас!

День тянулся бесконечно. Время от времени из нижних кварталов доносился яростный вой толпы. Пожары бушевали в южной и западной частях города. Лазутчики, высланные Меликом, возвращались с противоречивыми сведениями. Сторонники Клона берут верх. Нет, они разбиты. Императора убили. Нет, его видели на террасе дворца. Обмии

заключил союз с Болором, подкупил его, нет, убил... Короче, все слухи, типичные для гражданской войны.

Шика сходила с ума от беспокойства: никто не знал, что стало с Офти-Тикой. Его нигде не видели с тех пор, как он вручил Тераи повеление императора. Он словно испарился.

Он появился совершенно неожиданно около пяти часов вечера. Большой отряд солдат поднимался по улице, и Стелла приказала бить тревогу. Но солдаты, не приближаясь к парку, заняли оборону, словно для отражения атаки из города. Когда все улицы были перекрыты, к воротам в стене подошел офицер, и она узнала Офти-Тику. Он принес первые достоверные сведения.

В городе царило смятение. Император приказал арестовать и немедленно казнить Обмии и Тераи. Часть армии отказалась повиноваться. Но на стороне беельбаистов было численное преимущество и исступленный фанатизм. Солдаты Офти-Тики отступали, осыпаемые камнями с крыш, и теперь они были окружены у дома Тераи.

— А ты, где ты был все это время?— спросил его гигант.

— С самого начала я понял, что дело плохо. Я вскочил на бирака, доскакал по северной дороге до первого поста связи и передал срочное сообщение генералу Ситен-Кану, который командует гарнизоном Юкупа. Я объяснил ему положение и просил немедля двинуться на столицу. Кан ярый приверженец бога Клона, и он будет здесь через два дня.

— Хорошо. Мои люди помогут твоим, и это время мы продержимся. Но даже с подкреплением Кана нас будет слишком мало, в конце концов нас перебьют. Если бы я мог дать весть ихамбэ...

Лицо капитана окаменело.

— Нет! Я твой друг, тебе это известно, но я не хочу видеть здесь ихамбэ!

— В таком случае мы погибли! Ты не хуже меня знаешь, что большинство губернаторов других городов империи будет выжидать и примкнет к тем, кто останется победителем. Не забывай также, что император — приверженец Беельбы!

— А что делать? Отдать город на милость дикарей? Нет, я не могу согласиться!

Тераи, склонившись, навис над кеноитом.

— В этом деле есть две стороны. Прежде всего — твоя. Тебе ненавистны жрецы Беельбы с их бессмысленной жестокостью. С другой стороны, у меня с ними свои счеты. Я предлагаю тебе союз, Тика. Если ты примешь его, ты взойдешь на императорский трон Кено.

Капитан едва не подскочил от изумления.

— Ты ведь из рода Офти-Траин, не так ли? Значит, ты прямой потомок императора Тибор-Тука. А следовательно, после исчезновения Ойготана и Софана ты имеешь такое же право на трон, как любой другой из твоей семьи.

— Да, пожалуй, это так. Но эти фанатики беельбаисты свели народ с ума! Он ни за что не согласится...

— Обезумела только часть народа, здесь, в Кинтане. Новый культ еще не распространился на остальные города империи. Те, кто готовил этот кровавый фарс, слишком поторопились или их поторопили. Кроме того, у Беельбы сразу поуменьшится приверженцев, когда они увидят, что богиня со всеми ее чудесами не способна защитить даже своих жрецов. А уж об этом позабочусь я сам!

— Чего ты просишь взамен?

Тераи не сдержал усмешку.

— *Кеноаба — обоаба!* Раз кеноит — значит торговец! Старая поговорка не лжет. Я прошу немногого: права преследовать на территории всей империи жрецов Беельбы, а особенно тех, кто скрывается за их спинами, и права решать их участь, как я пожелаю.

— Прольется много крови, Тераи!

— Если мы их не раздавим сейчас, крови прольется гораздо больше. Так или иначе я жажду их крови, и они от меня не уйдут.

— А если я не соглашусь?

— В таком случае, Тика, ты отправишься к своим солдатам, а я со своими людьми останусь здесь. Каждый будет сражаться за себя. И если я выберусь отсюда, я вернусь за кровью жрецов Беельбы во главе всех племен ихамбэ!

Капитан скорчил гримасу.

— Россе Муту, да? Человек-Гора? Знаю, ты это сделаешь. Я согласен! Но это нас не спасет. Ты сам сказал, что даже подкрепления, которое приведет Кан, будет недостаточно.

— Да, недостаточно. Но я сделаю то, чего предпочел бы не делать. Тика, я раздам твоим людям земное оружие и научу им пользоваться, если хватит времени. Впрочем, если не ошибаюсь, такое оружие через несколько лет все равно будет здесь у всех на этой планете. Готов прозакладывать голову против макового зерна, что если сейчас это оружие не раздают в храме Беельбы, то ждать осталось недолго. «Мазетти» миланского производства,— с кривой усмешкой бросил он Стелле.— Еще два условия, Тика! Первое: ты возьмешь в жены Тену-Шику, когда станешь императором.

— Это не условие, а дар!

— Тем лучше. Второе: ты не допустишь в свои владения ни одного человека с Земли без моего согласия.

— Мы всегда рады видеть в Кено тебя и твоих друзей, Тераи. Другие нам ни к чему!

— Хорошо. Прикажи своим людям входить в ограду по десяткам. Они получат оружие и первый урок, как цивилизованно убивать своих ближних.

Когда капитан удалился, Стелла не выдержала:

— Неужели вы надеетесь не только выбраться отсюда живым, но еще совершить этот переворот?

— Все может быть. И все зависит от этой ночи. Правда, шансов у нас немного, и даже две тысячи солдат Тики нас не спасут. Но у меня есть еще кое-что про запас. Главное же наше преимущество в том, что противник явно смущен и колеблется. Кто-то наверняка не ожидал, что буря разразится именно сейчас. Для него все началось слишком рано. Моя попытка спасти Лаэле ускорила ход событий. Я землянин, вы тоже с Земли, и мы оба здесь. Какое бы чудовище ни скрывалось за этим маскарадом беельбаистов, ему, видимо, не очень хочется наглядно демонстрировать, что убить землянина так же просто, как кеноита. Пример может быть заразительным! И еще меньше этому чудовищу хочется, чтобы мисс Гендерсон исчезла в кровавой свалке. Нет, похищение и жертвоприношение Лаэле было грубым просчетом какого-нибудь подручного жрецов, увлеченного своим фанатизмом и ненавистью к ихамбэ. А может быть, этот подручный попытался вести свою игру, и этим перевернул все их планы.

— Но почему эта ночь решающая?

— Вам так хочется это знать?

— Разумеется! Опасность грозит и мне!

— Может быть, и не стоит вам говорить, а впрочем!.. Вряд ли вы сумеете меня предать, даже если бы захотели. Главари заговора укрылись в храме Беельбы, рядом с императорским дворцом. Это двойной храм: на одной половине владычествует богиня Беельба, на другой — бог Клон. Покойный император решил таким милым способом примирить оба культа, не оказывая ни одному из них предпочтения. С согласия Обмии мои люди прорыли подземный ход от нашего дома до половины храма, посвященной Клону. Да, да, как в драме Виктора Гюго! Ночью я воспользуюсь этим ходом.

— Но для чего он вам был нужен? Ведь это огромная работа!

— Для дела, в котором меня опередили. Я сам хотел поддержать старика Обмии, устроив для Клона несколько невинных чудес. Кто-то оказался проворнее меня!

— А у вас хватит сил для этой ночной вылазки? Ваша голова...

— Пустяки. Я выспался. Если рана в голову не смертельна, значит это царапина. Меня она беспокоит даже меньше, чем пластырь на щеке. Однако я отдохну, пока все тихо. Прошу вас, проследите за раздачей оружия. У меня в ангаре шестьсот винтовок. Разбудите меня, когда стемнеет.

— Вы действительно хотите истребить всех жрецов Беельбы?

— Еще как хочу! Я бы передушил все их семя, если бы у меня хватило мужества...

СТРАШНАЯ НОЧЬ

— Вы поняли, Стелла? Если мы не вернемся через три часа, взрывайте этот подземный ход!

Он уже спустился в подземелье, и сейчас она видела при свете факела только его усталое лицо и голову в повязке.

— Вы больше не боитесь, что я вас предам?

Он горько усмехнулся.

— Не боюсь, хотя и сам не знаю, почему. Ну, пора. Эй, пошевеливайтесь!

Один за другим десять кеноитов, вооруженных автоматами, пистолетами и дротиками, спустились в подземный ход. За ними, как жуткий призрак, проскользнул Эенко, весь покрытый запекшейся кровью, которую он поклялся не смывать, пока его сестра не будет отомщена. Тераи замешкался.

— Желаю удачи!— проговорила наконец Стелла.

— Благодарю, сейчас мне удача нужна, как никогда!

И он исчез следом за своими соратниками.

Вскоре все они очутились в небольшой круглой пещере.

— Эенко, Гидон, Текер, Тохи, вы пойдете со мной. Остальные на десять шагов сзади. Не уроните взрывчатку!

Они продвигались по узкому неправильному туннелю, прорубленному в мягком известняке; следы от ударов кирки отчетливо виднелись на стенах. Местами со свода звонко шлепалась в лужи капель, местами стены, наоборот, были сухими и пыльными. Пройдя метров триста, Тераи остановился.

— Мы почти у цели. Следуйте за мной без малейшего звука. Стреляйте только в случае крайней необходимости. Мне они нужны живыми!

Еще через несколько метров туннель пошел вверх, и вскоре они уперлись в прикрывавшую его каменную плиту. Тераи нащупал в углу рычаг, и плита с легким скрежетом повернулась. Тераи бросился вперед, сжимая пистолет. В низком квадратном зале сидели пять кеноитов; ужас отразился на их лицах, но тут же уступил место облегчению, когда они узнали гиганта.

— Обмии, что ты тут делаешь?

Старый жрец поднялся.

— Прячусь, Россе Муту! Мы спаслись только потому, что были здесь, внизу, когда началось побоище.

— А входная дверь?

— Если бы они ее нашли, нас бы не было в живых.

— Как это произошло?

Обмии пожал плечами.

— Очень быстро. Мы услышали выстрелы на плацу. Я знал, что они захватили твою жену, и подумал, что ты попытаешься ее отбить. Тебе это удалось?

— Нет!

— Мне жаль Болора,— проговорил старик с улыбкой, в которой не было и тени сожаления.— Вскоре целая толпа хлынула к храму, прося убежища. Мы открыли двери. А через несколько минут нас осталось в живых только пятеро!

— Они еще в храме?

— Не думаю. Мы смотрели через «божье око». Они разграбили и сокрушили, что могли, осквернили алтари и удалились.

— Почему ты не пришел по туннелю в мой дом?

— Я не знал, кто в нем хозяйничает.

* *
*

Теперь подземный ход поднимался все круче, и постепенно пол его превратился в ступени, вырубленные в скале. Наконец они остановились в тупике под горизонтальной плитой, но сбоку открывался колодец, из которого свисала веревочная лестница. Тераи вскарабкался по ней до узкой и низкой галереи. Дальше он полз вверх еще осторожнее, стараясь не шуметь. Он остановился над небольшим отверстием в потолке верхнего храма. Оно было проделано как раз на месте зрачка бога Клона, чье изображение парило под сводом центрального зала.

Храм, едва освещенный жалкими огоньками уцелевших лампад, казался безлюдным. Тераи долго вглядывался в темные углы, потом достал из кармана монету и бросил ее сквозь «божье око». Монета зазвенела, отскакивая от каменных плит,— до них было метров двадцать... Никакого движения, тишина. Тераи повернулся к своим спутникам.

— Никого нет. За мной!

В храме было тихо и пусто, и лишь темные пятна на каменном полу тут и там отмечали места, где погибли под ножами фанатиков жрецы Клона. Центральная дверь из черного дерева с золотыми скрепами была полураспахнута; прячась за нею, Тераи выглянул наружу. Храмовая площадь, залитая бледным светом одинокой луны, сверкала всеми своими беломраморными плитами, отполированными босыми ногами верующих. Метрах в ста справа за живой изгородью возвышалась черным силуэтом зубчатая стена императорского дворца. По стене медленно прохаживался часовой, то появляясь между зубцами, то исчезая.

— Черт бы его побрал!— проворчал Тераи.— До теневой стороны отсюда метров двадцать. Он нас увидит...

Он было пожалел, что не захватил с собой лук, но потом подумал, что даже Эенко на таком расстоянии и при таком неверном свете не смог бы наверняка поразить цель. Тераи взглянул на небо. Гряда облаков медленно приближалась и через некоторое время должна была заслонить луну.

— Подождем!— приказал он.

Когда луна скрылась за облаками, они выскользнули из двери, обогнули угол и затаились в тени контрфорса второй половины храма, посвященного богине Беельбе. Главный вход наверняка охранялся, и поскольку их успех целиком зависел от внезапности, о штурме нечего было и думать. Тераи припомнил, как выглядел фасад, ощупал стену и скоро нашел ногу статуи Белини, сподвижницы Беельбы. Он подтянулся, вскарабкался на плечи статуи, затем на ее голову и одним рывком поднялся на широкий карниз. Отсюда он скинул вниз конец веревки. Через несколько минут все его спутники были рядом с ним.

Они осторожно прошли по карнизу, скользкому от плесени и помета священных птиц, и взобрались по контрфорсу на плоскую крышу. Никто ее не охранял. Отсюда был виден весь город: пожары все еще бушевали, багровые столбы пламени подсвечивали снизу черные полосы дыма, который стлался над крышами, как низкие грозовые тучи. Тераи пригляделся, определяя очаги пожаров. Дворец принца Иксчи, самого верного сторонника Клона в придворных кругах. Казарма стражи внешних стен. Лабазы купца К'Гонды и рядом пять зарев на месте домов его друзей. И еще множество далеких пожаров в разных частях города. Поджоги? Следствие землетрясения? Тераи долго хмуро смотрел на эти зловещие костры.

— Ничего, они заплатят за все сразу,— наконец проворчал он.

Большая башня в форме головы богини Беельбы возвышалась на северной стороне крыши. Они осторожно приблизились, но входную дверь никто не охранял, и им удалось незаметно спуститься по винтовой лестнице в храм. Тераи здесь никогда не бывал, но Обмии знал каждый уголок благодаря своим осведомителям и давно уже дал геологу точный план. Минуя галереи, отряд Тераи продвигался по темным проходам в толще стен, где не было ни души. Но вот откуда-то сбоку до них донеслись голоса. Тераи жестом остановил своих спутников, подкрался к массивной деревянной двери и припал к скважине. Семь мужчин сидели в низком зале вокруг стола. Тераи сразу узнал Болора и его наперсников, Икто и Килси, узнал купца из Кинтана и двух честолюбивых аристократов; только одно лицо было ему незнакомо, лицо кеноита необычайно высокого роста, который сейчас говорил, еле сдерживая злость:

— Слишком рано! Мы еще не готовы, положение неопределенное. Вы, Болор, поддались инстинктам дикаря! Вы решили принести в жертву эту девку, и теперь все племена ихамбэ выступят против нас. Как будто нам не хватало этого землянина! Такой промах может вам дорого обойтись...

— Мы уже захватили город!— отрезал Болор.— Кто владеет Кинтаном, тот владеет империей Кено!

Остальные одобрительно закивали.

— Я бы вам поверил, если бы этот проклятый офицер не сумел улизнуть и предупредить Ситен-Кана! Если бы город действительно был целиком в ваших руках,— а это не так, и вы это знаете. И главное — если бы этот чертов Лаприд... Слишком много «если»!

Болор встал, морща тонкие губы.

— Завтра я брошу народ на штурм виллы землянина!

— И он начнет вас косить своими пулеметами!

— У нас они тоже есть!

— Да, благодаря мне. Впрочем, другого выхода нет. Но помните: та девушка с Земли — табу! Если с ней хоть что-нибудь случится, я превращу Кинтан в прах! А что с Обмии? Вы уверены, что он...

— Он мертв!

— Вы опознали труп? Нет? Я так и думал.

Он встал.

— Хорошо, посмотрим, что принесет нам завтрашний день. Я сам раздам оружие и взрывчатку. Дайте мне ключ от склепа.

Болор ощетинился:

— Только верховный жрец может войти в священный склеп!

— Будь по-вашему! Но не шутите с тем, что там лежит,— это опасные игрушки.

Он направился к двери. Тераи шепотом подозвал своих людей. Едва высокий кеноит шагнул через порог, он оглушил его ударом кулака и бросил на пол.

— Связать!

Затем он ворвался в зал с пистолетами наготове, и остальные за ним. Сидящие за столом были настолько ошеломлены, что никто не двинулся. Они смотрели на Тераи с ужасом.

— Подходите по одному! Ты, Болор, первым! Считаю до трех, потом — смерть! Раз, два...

Словно завороженный, жрец повиновался. Тераи разорвал его тунику, нашел связку ключей и оглушил ударом по затылку.

— Следующий! Теперь ты, жирный торгаш!

Семь человек лежали рядом на полу, связанные, как бараны. Тераи смотрел на них с отвращением.

— Эенко, Тохи, оставайтесь здесь и следите за ними. Если их попытаются освободить, убейте их! Гидон, Тольбор, Гду, Пика, охраняйте с двух сторон подходы. Остальные — за мной!

Он свернул налево, спустился по лестнице, затем по узкой галерее дошел до погребального зала, где стояли на страже двое часовых. Тераи уложил их двумя выстрелами из пистолета с глушителем.

Деревянная дверь склепа, окованная бронзой, открылась со скрежетом. Огромный сводчатый подвал был забит ружьями, ящиками с патронами, с гранатами и взрывчаткой. Посередине стояло несколько десятков минометов и пулеметов. Тераи присвистнул.

— Матерь божья! По сравнению с этим мой арсенал — детские игрушки. Знай об этом Бюро ксенологии... Ну ничего, мы сейчас наведем здесь порядок! Клафо, давай заряды и детонаторы!

Кеноит осторожно снял рюкзак, Тераи вынул взрывчатку и детонатор замедленного действия.

— Сейчас ровно два часа. В три часа утра — фейерверк, какого здесь еще не видали! Все это прямо под башней, а рядом кельи жрецов. Выметать, так дочиста!

Бормоча эти слова, он раскладывал взрывчатку по склепу.

— Ну все, пошли!

— Господин не страшится гнева богини?

Тераи улыбнулся и мягко ответил:

— Нет, Клафо, бог Клон сохранит и помилует нас.

Он тщательно запер дверь склепа, сунул в замочную скважину бронзовый кинжал, сломал его и расплющил выступавший наружу обломок.

— Если даже у них есть второй ключ, пусть повозятся!

По лестнице они поднялись бегом.

— Эенко, развяжите ноги пленникам, пора уходить. По крышам мы с ними не пройдем, но теперь нам нечего скрываться. Тохи, Толбор, свяжите всех одной веревкой, чтобы никто не ушел. Остальные с гранатами за мной!

За маленькой дверью перед ними открылся центральный зал храма, и Тераи замер как вкопанный.

— Об этом я забыл,— пробормотал он.

Перед статуей богини Беельбы на плитах из черного камня лежали тела юных женщин, принесенных ей в жертву. Здесь они должны были оставаться всю ночь, прежде чем превратиться в мумии, которые будут погребены в подземной усыпальнице храма. Вокруг каждой погребальной плиты сидели на полу, склонив головы в священном экстазе, неофиты. Ослепляющая, дикая ярость захлестнула Тераи. Он поставил собачку карабина на непрерывную стрельбу и нажал на спуск.

— Получайте, гады! И ты, и ты, и ты!..

Пули прошивали ряды будущих жрецов кровавой богини. Неофиты в ужасе разбегались. Тераи настигал их всюду, и за ним его люди очищали храм, не щадя никого.

— Скорее к дверям!

Тераи искал среди тел, распростертых на каменных плитах, Лаэле, но ее там не было.

— Ну да, ведь они не смогли принести ее в жертву!

Наконец он нашел ее: они бросили Лаэле в темный угол, как голую куклу,— только волна черных волос покрывала ее застывшее лицо. Тераи вскинул на плечо окоченевшее тело и бросился к дверям, где уже началась стрельба. Вне себя он пнул одного из пленных.

— Вперед!

Около полусотни лучников и копейщиков преграждали выход из храма, и Клафо уже корчился на каменных плитах с длинной стрелой в боку.

— Гранатами! Не щадить этих сучьих детей!

Он опустил Лаэле на пол, выхватил из подсумка гранату и швырнул ее в толпу храмовой стражи, затем вторую, третью... Короткие вспышки взрывов освещали падающие тела. Мимо его головы прожужжала стрела и сломалась о каменную стену. Тераи заметил лучника и снял его одним выстрелом.

— Путь свободен! Вперед! Заберите Клафо.

Он снова вскинул Лаэле на плечо и побежал. Врата храма Клона поглотили их, и через минуту они исчезли в подземелье.

* *
*

Стелла все чаще посматривала на часы. Через двадцать минут истечет срок, назначенный Тераи. Внезапно стрельба разорвала ночную тишину. За выстрелами со стороны дворца докатились разрывы гранат. Стелла приказала Шике вызвать десять человек и направить их в подземный ход. Но не успели они туда спуститься, как из черного провала

возникла мощная фигура Тераи с телом Лаэле на плече. Он приблизился к Стелле и осторожно опустил свою ношу на каменный пол.

— Да, это она. Я нашел ее... там.

Ночной ветер откинул мягкие волосы Лаэле. Казалось, она спит, но на виске чернела дыра, откуда вытекла и засохла струйка крови.

— Всем спрятаться в доме!— приказал гигант.— Сейчас храм взлетит на воздух, а у них в склепе столько взрывчатки, что я не удивлюсь, если обломки долетят и сюда. Пленников сюда, у меня с ними разговор!

Он направился к низкой пристройке из толстых каменных плит. Стелла пошла за ним. Перед входом Тераи остановился так резко, что она налетела на его широкую спину. Он обернулся к ней со зловещей усмешкой.

— Вам действительно хочется это видеть? Не советую. Это будет не слишком весело.

— Неужели вы так и оставите Лаэле на полу? Вы же говорили, что любите ее!

Лицо его потемнело, и он вдруг показался Стелле бесконечно усталым.

— Да, вы правы. Но не судите меня слишком строго. У меня другие представления о человеческих ценностях. Я дикарь, и для меня есть вещи более важные, чем мертвая женщина, даже если это моя жена. Займитесь ею, Стелла, прошу вас. Завтра... завтра будет время ее оплакать. Но не сейчас...

Он шагнул в темноту, чиркнул спичку и зажег масляную лампаду; колеблющийся огонек ее отбросил на стену его тень. Стелла постояла немного, глядя сквозь открытую дверь, как движется эта огромная зловещая тень, затем мимо нее под усиленной охраной провели пленных. Один из них пристально посмотрел на Стеллу, и глаза его сверкнули. Он потянулся к ней, но один из кеноитов грубо ударил его по руке.

Стелла вернулась в дом, позвала Шику и служанок. Они перенесли Лаэле в комнату Тераи, уложили ее на постель и занялись погребальным туалетом.

— Шика, какие обычаи у ее племени?

— Я точно не знаю, госпожа. Если бы господин пришел... Кажется, они зажигают три факела и устанавливают их треугольником.

— Ты не можешь спросить у ее брата?

— Я плохо знаю язык, и я боюсь его. А потом он сейчас с господином, и наверное...

Долгий крик прозвучал в ночи, крик, исполненный такого ужаса, что у Стеллы мурашки побежали по коже. Это доносилось из пристройки. Стелла бросилась к окну, но отсюда сквозь незапертую дверь были видны только спины плотно сгрудившихся кеноитов.

Шика заперла дверь и невозмутимо зажигала факелы.

— Не ходи туда, госпожа. Это дела мужчин.

— Выпусти меня! Сейчас же выпусти! Что они делают, правый боже, что они делают?

— Не ходи туда! Ты не знаешь господина. У него было лицо, как у мертвого. Он тебя...

Тишина наступила внезапно, затем через несколько мгновений послышался влажный удар, и на каменных плитах двора распростерлось неподвижное тело.

Дверь в пристройку заслонила черная фигура. Тераи направился к дому, вошел в комнату. Несколько секунд он стоял без движений, гля-

дя на мертвую Лаэле, на факелы, на бледную Стеллу и невозмутимую Шику.

— Спасибо, Стелла,— проговорил он наконец.

— Что там происходит? Что вы делаете?

— Ничего. Я позволил Эенко позабавиться с толстым купцом. Сейчас все кончено. Для остальных это был хороший пример: теперь они заговорят.

— Вы... вы бессердечный, безжалостный человек!

Тераи взорвался:

— Жалеть эту падаль? Речь идет о судьбе этого мира, мисс! Не только о тех, кто живет сейчас, но о тех, кто еще не родился, об их потомках!

— Неужели вы не можете просто убить этих несчастных?

— Я должен знать, что они замышляли, и знать немедленно! О, если бы у меня были все эти аппараты, все эти наркотики, к которым прибегает следствие на Земле! Но у меня нет ни того, ни другого, а главное — нет времени! Кстати, уже без пяти минут три. Пойдемте, на такой фейерверк стоит полюбоваться.

Он увлек Стеллу на террасу. Башня храма четко выделялась на фоне луны чуть выше колоннады императорского дворца, скрытого купами деревьев.

— Стойте здесь, в дверях. Через несколько минут, наверное, пойдет каменный град.

Они ждали молча. Большие пожары в нижнем городе уже догорали, и только красноватые отблески указывали места, где недавно бушевал огонь. Дул свежий ветер, шелестя в листве. Над самой террасой низко и тяжело пролетела ночная птица, и ее печальный крик прозвучал зловеще в безмолвном парке.

— Три часа! Смотрите внимательно!

Время словно замедлило свой бег. Внезапно башня храма дрогнула и вся целиком поднялась к небу на столбе красного пламени. Второй взрыв бросил обломки храма навстречу падающей башне, затем все смешалось в чудовищном огненном смерче. Императорский дворец осветило, как в праздник, деревья от взрывной волны согнулись черными тенями. Затем до них докатился грохот и беспрерывный треск.

— Скорее в дом!

Тераи увлек Стеллу в дом. Град обломков сыпался с неба на плац, но некоторые долетали и сюда, и сухой удар или влажный шлепок раздавались то здесь, то там. Затем все стихло. На месте храма в кольце ярко горящих деревьев и кустов медленно, тяжело вздымались гигантские рыжие клубы дыма, уносимые ночным ветром.

— Там было, наверное, тонн пятьдесят взрывчатых веществ,— пробормотал Тераи.— Однако пора идти, дело еще не закончено..

Она удержала его за руку.

— Вы будете их пытать?

— Да, если понадобится.

— Я не вынесу этих криков, Тераи! У меня не такие стальные нервы, как у вас...

— Шика постелит вам в подвальной комнате в другом крыле дома. Там вы ничего не услышите!

— Но я все равно буду знать, что в это время...

Он оборвал ее яростным взмахом руки.

— Думаете, мне это приятно? Надо было вас захватить с собой для наглядного урока. Вы бы тогда увидели, что скрывается за пышными

декорациями в доме вашего папеньки, за всеми этими приемами и балами, на которых вы танцевали, расточая улыбки, за всей вашей роскошной и безмятежной жизнью! О, наверное, испытываешь сладостное чувство могущества, когда одним росчерком пера определяешь судьбу планеты, решаешь отдать на разграбление целый мир, и тем хуже для обитателей, если таковые на нем существуют! Но сейчас вы не в Нью-Йорке и не в Сан-Франциско, в одном из кабинетов всемогущего Гендерсона. Вы на Эльдорадо в доме Тераи-дикаря, там, где истекают кровью, страдают, умирают, пытают! Как хотел бы я, чтобы на вашем месте был ваш отец, мисс Гендерсон! А поэтому оставайтесь здесь или убирайтесь в подвал — мне сейчас не до вас!

* *
*

Масляная лампа слабо освещала сводчатую комнату. Стелла сидела на деревянном ложе, и ей казалось, что она вернулась в далекое прошлое Земли, в одну из тех жестоких и трагичных эпох, о которых рассказывают древние варварские предания. Колеблющийся свет выделял неровности на каменных стенах, оставляя дальние углы в густой тени. Тонкое лицо Шики казалось бронзовой скульптурой. Стелла напряженно прислушивалась, но сюда не доносилось ни звука.

— Поспите, госпожа, вы устали!

— Не могу, Шика. Там пытают людей.

Девушка искренне удивилась:

— А разве на Земле этого не делают? Как же вы узнаете замыслы врагов?

— У нас есть другие способы, которые не причиняют боли. Поэтому мы считаем дикарями тех, кто способен мучить других людей.

Шика задумалась.

— Значит, вам неприятно, что господин, по-вашему, ведет себя, словно дикарь? — наконец спросила она тихонько.

— Да, пожалуй.

— Вы любите господина?

— Что ты выдумываешь! Просто он тоже землянин, и меня касается все, что он делает.

— А почему?

— Потому что... Не знаю, только лучше бы Тераи обошелся без этого!

— Вы его любите, госпожа, и стараетесь оправдать. Но он в этом не нуждается. Он делает то, что нужно для блага нас всех.

— Да, может быть... Я совсем запуталась! Может быть, ты права...

Дверь распахнулась, вошел Тераи. Лицо его было свирепо.

— Идемте, Стелла! Вы мне нужны, вы будете свидетельницей. Среди пленников, как я и думал, оказался землянин, скорее всего агент ММБ.

— И вы хотите, чтобы я присутствовала, когда вы будете его допрашивать вашими способами? Я отказываюсь! Запишите его показания на пленку, если хотите, да не забудьте крики и стоны! Перед земным судом они прозвучат особенно убедительно...

Он пожал плечами.

— Магнитофонная запись ничего не даст. Ее слишком просто подделать. И прежде чем жалеть этого типа, послушайте, что он скажет! Может быть, вы измените свое мнение. А не пойдете по доброй воле, я поведу вас силой!

Тераи подхватил ее на руки. Стелла тщетно вырывалась, наугад хлеща его по лицу. Один удар пришелся прямо по повязке. Тераи вскрикнул, поставил ее на пол и повернул к себе за плечи. Взгляд его был жесток.

— Значит, мадемуазель боится крови? Той крови, которая течет из-за моих дикарских методов? Она не хочет ее видеть! Но ее не смущает кровь вчерашних и сегодняшних жертв, сотен людей, погибших в городе, детей, раздавленных под обломками домов из-за искусственного землетрясения, молодых женщин, зарезанных на алтаре,— эта кровь не в счет, потому что она ее не видела? Идемте, черт побери, пока я не разозлился! Может быть, я узнал бы и о вас кое-что интересное, если бы раньше допросил вас по-своему! Вперед!

Он развернул ее и грубо толкнул в спину.

— Господин! Не трогайте ее — она вас любит!

— Не суйся не в свое дело, Шика! Ты сама не знаешь, что говоришь.

В пристройке осталось только два пленника: смертельно бледные, они сидели привязанные к тяжелым креслам с высокими спинками. Три кеноита, среди которых выделялся своим мундиром Офти-Тика, и великан ихамбэ стояли прислонившись к стенам. Четыре масляные лампады освещали комнату, кроме того, прямо в лица пленников бил слепящий белый свет глухо гудевшего бензинового фонаря с отражателем.

— Садитесь вот сюда, не двигайтесь и молчите,— приказал Тераи.

Сам он сел справа от Стеллы. По легкому шелесту платья она поняла, что Шика последовала за ними и теперь притаилась сзади.

— Ну, с кого начнем? Вот что, Эенко, займись-ка вот этим господином. Нажми на ту самую точку, которую ты знаешь.

Высокий ихамбэ приблизился со свирепой улыбкой, долго смотрел на пленника, затем положил указательный палец в ложбинку на затылке у основания черепа и резко нажал. Человек побледнел и сжался, ожидая мучительной боли, но потом лицо выразило искреннее изумление.

— Довольно, Эенко! Я узнал то, что хотел узнать,— сказал Тераи и продолжал по-английски:— Итак, я не ошибся. Ты землянин!

— Не понимаю,— проговорил пленник на кеноитском языке.

— Довольно разыгрывать комедию, это тебе не поможет! Будь ты туземцем, ты бы завыл от боли, когда Эенко нажал на затылочный нервный узел. Ты не знал об этом анатомическом различии между нами и эльдорадцами? Весьма скверно... для тебя! А сейчас ты мне скажешь, что ты здесь делал и кто тебя сюда прислал.

— Я не скажу ничего!

— Ты так думаешь? Другие тоже не хотели, но заговорили. И если Эенко не знает чувствительных точек человеческого тела, то мне они хорошо известны!

Он поднялся, навис как скала над пленным, взял в свою лапу одну из его рук и начал сжимать.

— Твое имя!

— Карл Боммер. И больше я не скажу ни слова.

Тераи продолжал сжимать его кисть. На лбу немца выступил крупный пот, но он молчал. Тогда, не ослабляя хватки, Тераи вытащил левой рукой свой охотничий нож. Стелла закрыла глаза. Несколько секунд она слышала только учащенное дыхание пленного, затем короткий смешок кого-то из кеноитов и страшный крик:

— Нет, нет! Только не это! Я буду говорить...

— Я знал, что ты образумишься. Кто тебя нанял?

— Гендерсон.

— Директор ММБ?

— Да.

— Что тебе поручили?

— Я должен был помочь жрецам Беельбы захватить власть. Для чего — я не знаю, клянусь!

— Зато я знаю! А что тебе было приказано относительно меня?

— Постараться захватить вас и отправить в Порт-Металл, если удастся...

— Кто твой шеф в Порт-Металле?

— Джон Диксон.

— И этот мерзавец еще выдавал себя за моего друга! Ну ничего, придет и его черед.

Он повернулся к Стелле.

— Вы знаете Диксона?

— Нет,— прошептала она, не открывая глаз.

— Это инженер... А если бы меня не удалось захватить живым, что тогда?

— Мне было приказано убить вас.

— Прелестно! Вы слышите, Стелла? Папаша Гендерсон решил добраться до моей шкуры! А какую роль играл ты во всех этих махинациях? Говори, свинья! И что ты знаешь о роли мисс Гендерсон?

— Ничего, клянусь вам! Я должен был только оберегать ее, что бы ни произошло.

— Хм, может быть, ты и не врешь. А что вы об этом скажете, Стелла? Не пора ли нам выяснить отношения? Смотрите на меня!

Она открыла глаза, ожидая увидеть на полу лужу крови, но пленник был явно невредим, только смертельно бледен.

— Я уже вам все рассказала, Тераи! Почему вы не хотите мне верить? Я ничего не знала о подобных планах моего отца, а если бы узнала, то воспротивилась бы им всеми силами! Но можно ли верить этому человеку? Под угрозой пыток я бы на его месте сказала все что угодно!

Тераи почесал затылок.

— Да, пожалуй. Но сознайтесь, его показания слишком точно совпадают с моими догадками, а он их не знал.

— Вы очень умны, Тераи, но вы зря считаете, что все остальные глупее вас! Разве этот человек не мог, в свою очередь, предположить, что...

— Нет! Я слышал его разговор с Болором там, в храме, за час до фейерверка! Нет, он не солгал и ничего не выдумал. Я понимаю, вам тяжело было слышать о том, какую низкую роль сыграл во всем этом ваш отец, но мне было необходимо, чтобы вы присутствовали на допросе. Теперь вы кое-что знаете о ММБ и его методах.

— Что будет с этим человеком?

— Если кобра не смогла вас ужалить, она остается коброй! Он умрет быстро и без мучений, потому что дал показания.

— Но это убийство!

— Нет, законная самозащита. Он сам вступил в игру, сам проиграл и сам должен расплачиваться. Никто его не принуждал браться за это дело!

— Умоляю, пощадите его!

— Сожалею, но не могу.

— А что будет с другими?

— С Болором? Увидите завтра, вернее — сегодня утром.

Зловещая заря разгоралась в сером небе, по которому все еще тянулись полосы дыма от пожарищ, гонимые с запада на восток низовым ветром, в то время как облако легчайшего пепла, выбрасываемого вулканами, медленно смещалось на большой высоте с севера на юг, расплываясь грязными пятнами. Стелла проснулась: Шика осторожно трясла ее за плечо.

— Вставайте, господин вас зовет.

— Зачем?

— На похороны госпожи Лаэле.

Она поспала всего часа три и теперь поднялась с трудом. Холодная вода освежила ее и вернула немного бодрости. Стелла надела свой земной костюм, выстиранный и отглаженный. Тераи ждал ее под колоннадой. Он был выбрит, умыт, на голове белела свежая повязка, и, казалось, он снова стал самим собой, Россе Муту, Человеком-Горой, которого ничто не может сломить. Но у губ его залегли горькие складки.

— Я просил позвать вас, Стелла. Я знаю, что для вас Лаэле не была человеком, но Эенко никогда не простил бы вам, если бы вы не пришли на погребальный обряд. А у меня и без того хватает дел, поэтому оберегать вас от моих друзей...

— Я не одобряла вашей связи с Лаэле, но это не значит, что ее смерть меня не трогает,— ответила она довольно сухо.

— Простите меня, Стелла. Может быть, я вас не понял. Хотите ее видеть?

Не ожидая ответа, он направился к погребальной комнате, и Стелла пошла за ним. При свете трех факелов Лаэле покоилась на ложе в той же самой позе, но сейчас она была облачена в тунику из великолепного мягчайшего шелка.

Высокая фигура как тень отделилась от стены, и мимо Стеллы прошел Эенко, окинув ее ледяным взглядом.

— Я боюсь его,— прошептала Стелла.

— Да, он вас не любит. Он считает, что, не будь вас здесь, я уделял бы его сестре больше внимания и она была бы сейчас жива. Вам нужно выбраться отсюда как можно скорее. Не знаю, смогу ли я разубедить Эенко, объяснить ему, что вы здесь ни при чем, что только роковая случайность...

— А я себя спрашиваю: нет ли в этом и моей вины? Если бы не я, вы бы поплыли в Кинтан?

— Не знаю. Должно быть, так было предначертано. Я приношу несчастье всем, кого люблю.

Он устало провел по лицу ладонью.

— Все потому, что нет удачи, как говаривал мой французский дедушка. Как только мы выберемся отсюда, как только подойдет армия Кана и мы раздавим беельбаистов, я сразу же отправлю вас в Порт-Металл. Вскоре прибудет звездолет. Вы вернетесь на Землю с богатым материалом и напишите репортаж, в котором будет столько крови, что, надеюсь, даже самые кровожадные ваши читатели останутся довольны!

— А что будете делать вы?

— Я? Продолжать борьбу! Растолкуйте вашему отцу, что он эту планету не получит! Идемте! Пора!

Он склонился над Лаэле, тихонько дотронулся до ее холодной щеки и выпрямился с застывшим суровым лицом.

— Выносите!

Вошли четыре женщины с носилками, положили на них покойницу. Уже окончательно рассвело, и свет казался даже слишком резким: утрен-

нее солнце поднималось над холмами, четко обрисовывая силуэт восточного храма. Погребальная процессия вышла из дома: впереди четыре плакальщицы с носилками, за ними в одиночестве Тераи, и на два шага сзади Эенко, свирепый и безмолвный. Стелла намеренно отстала и тоже шла одна перед торжественным караулом из тридцати солдат под командованием Офти-Тики. Слуги Тераи замыкали шествие, все вооруженные, даже женщины. По центральной аллее процессия приблизилась к погребальному костру. С ужасом Стелла увидела, что Болор привязан к толстым поленьям.

Плакальщицы поднялись по дощатому помосту, осторожно опустили носилки на вершину костра. Солдаты выстроились вокруг и замерли с оружием на караул. Один из слуг облил поленья бензином. Тераи и Эенко одновременно подожгли костер факелами с двух сторон. Пламя вспыхнуло, повалил черный дым и скрыл Лаэле и жреца. Затем все потонуло в ярких пляшущих языках, и протяжный вопль вырвался из огня.

— Зачем вы это сделали? Зачем?

— Болор возродил древний обычай своих предков. Я позволил Эенко возродить древний обычай ихамбэ.

— Но это же настоящее варварство!

— А разве я когда-нибудь пытался разыгрывать цивилизованного человека? Замолчите лучше и вспомните Беленкор! Вспомните, как вы, цивилизованные земляне, подавили там восстание!

Пламя теперь полыхало так жарко, что всем пришлось отступить. Крики жреца давно смолкли.

— Болор помучился всего минуту, а сколько дней продолжалась агония тиханцев, взрослых и детей, облитых препаратом С-123? А ведь они не совершили никаких преступлений...

— Те, кто допустил это побоище, были наказаны!

— Вы так думаете? Почему же тогда года три назад я встретил на Экино II бывшего капитана Горона? Он живет, и здравствует, и служит в полиции ММБ! Для виду над ним устроили процесс, чтобы успокоить публику, а когда шум поутих, перевели его подальше на тепленькое местечко с прежним званием. Вот и вся кара. Просто ММБ переместило его из своего космического флота в свою полицию.

— Я не могу в это поверить!

— И не верьте на здоровье!

Он в сердцах махнул рукой, отошел и долго молча смотрел на угасающее пламя. Затем, не поднимая головы, Тераи ушел к себе.

Стелла сидела на террасе одна и смотрела на город. Пожары утихли. На дворцовом холме лишь почерневшие руины еще дымились там, где был храм Беельбы. Башня смежного храма Клона тоже наполовину обрушилась, да и сам императорский дворец пострадал. Стелла чувствовала себя измученной и растерянной в этом чужом мире среди чужого народа. Даже Тераи казался ей непостижимым и отвратительным: ее отталкивала эта смесь высокой культуры и варварства. И одновременно Стелла его жалела. Невезенье преследовало гиганта. В то же время Стелла не могла не восхищаться мужеством человека, который в одиночку или почти в одиночку боролся с самой могучей организацией землян.

Она была в смятении. С раннего детства она жила с мыслью, что ММБ под руководством ее деда, а потом отца делает нужное для всего человечества дело и что деятельность эта благородна, если не считать не-

скольких печальных эпизодов вроде жестокой бойни на Беленкоре. Разумеется, она знала, что ММБ безжалостно расправляется с конкурентами. Но, как говаривал Гендерсон, в джунглях надо быть тигром или по крайней мере волком.

Тераи куда-то скрылся. Только что он прошел по главной аллее, беседуя с Офти-Тикой, и исчез. Наверняка он уточнял свой замысел, как сделать из капитана нового преданного ему императора, который сможет сорвать планы землян. Стелла поймала себя на мысли, что желает ему удачи.

Какой-то шум привлек ее внимание — низкий гул доносился с неба. К городу с юго-востока приближался электрический вертолет. Он летел зигзагами на небольшой высоте. На фюзеляже четко вырисовывалась эмблема ММБ: две перекрещенные кирки на фоне спиральной звездной туманности. Над парком аппарат завис, потом плавно опустился на главную аллею. Кустарник и цветы вокруг пригнулись от вихря, поднятого его роторами. Но вот лопасти замерли, и вертолет мгновенно окружили солдаты. Пилот соскочил на землю, остановился как вкопанный перед остриями пик.

— Эй, кто-нибудь! Что здесь творится?— громко спросил он по-английски.

Стелла бросилась к нему, перепрыгивая через две ступеньки, но Тераи опередил ее и уже отодвинул солдат.

— Зачем вы здесь? Хотите узнать, почему ваши агенты не отвечают?

Пилот был искренне удивлен.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы сами прекрасно знаете!

— Что случилось с городом?

— О, пустяки: искусственное землетрясение, пожары, человеческие жертвоприношения, убийства, погромы, мятеж и гражданская война. Не говоря уже о взрывах.

— Я ничего не знал...

— Так чего же вы явились сюда?

— Мы потеряли связь с одним из наших служащих. Может быть, вы о нем что-нибудь слышали? Его зовут Боммер, Карл Боммер.

Тераи зловеще усмехнулся.

— Могу дать вам самые точные сведения. Этой ночью его расстреляли по моему приказу.

— Но это убийство!

— Вы так считаете? Ну либо вы наглец, каких свет не видел, либо один из тех простаков, которых использует и эксплуатирует ММБ. Я его уничтожил, потому что именно он, повинуясь приказам свыше, натворил здесь все эти дела. Результаты вы видели с воздуха. Он во всем признался, у меня есть запись допроса.

— Подделка!

— И есть свидетель.

— Testis unus...

Тераи усмехнулся.

— Смотрите-ка, вас тоже пичкали латынью? Значит, свидетель, не внушающий доверия, даже если это мисс Гендерсон, дочь вашего главного патрона?

Он показал рукой на Стеллу. Молодой человек повернулся к ней.

— Это правда, мисс?

— Увы, по-видимому, да!

Пилот заколебался, но потом снова обратился к Тераи:

— А кто мне докажет, что это действительно мисс Гендерсон?

— Стелла, у вас есть документы? Покажите их этому юному скептику. А он мне покажет свои, потому что я хочу знать, кому я доверю вашу драгоценную особу.

— То есть как это?

— Очень просто. На вертолете вы доберетесь до Порт-Металла за несколько часов. Иначе я боюсь, что не успею доставить вас в город до отправления звездолета. Через месяц вы будете на Земле.

— А вы избавитесь от меня на месяц раньше, не так ли?

Тераи грустно улыбнулся.

— Поверьте, я предпочел бы... Но здесь все неустойчиво, и продлится это долго, и мне будет не до вас... Раз уж подвернулась такая возможность... Полно, Стелла, расстанемся друзьями... если вы не против.

— Хорошо! Я с удовольствием вернусь на Землю.

— Позднее я тоже прилечу туда. Я зайду за вами в вашу газетенку, и мы вместе позавтракаем. На юго-западе Франции я знаю один ресторанчик, где до сих пор готовят, как в двадцатом веке, и подают настоящее доброе вино. Итак, мы друзья?

Она протянула ему руку, и он осторожно сжал ее.

— Мне, наверное, надо собрать пожитки. Отдайте мою руку, иначе я подумаю, что вам не хочется меня отпускать!

Она исчезла в доме. Тераи снова перенес свое внимание на пилота, оценивающе окинул его взглядом. Молодой, высокий, неуклюжий, он вызывал симпатию.

— Как вас зовут?

— Джон Мак-Лин.

— Шотландец?

— Нет, канадец. Геолог-разведчик.

— Давно здесь?

— С месяц.

— Работаете на ММБ?

— Да. Вот уже третий год. До Эльдорадо работал на Офире II. А вы — Тераи Лапрад?

— Неужели меня можно с кем-то спутать?

— Да, это нелегко. Мне поручено передать вам привет от Лоуренса Дугласа и Жюля Тибо. Мы с ними работали на Офире II. Семь месяцев в одной экспедиции.

— Где?

— В Горах Судьбы.

— Паршивое место. Составляли карту?

— Да.

— Когда-то я начинал там съемку,— мечтательно проговорил Тераи.— Давно это было... Ну вот и мисс Гендерсон! Доставьте ее в целости и сохранности в Порт-Металл и послушайте доброго совета: не застревайте на Эльдорадо! Скоро здесь будет сущий ад. Где вы сейчас ведете разведку?

— На восточном склоне Карамелоле.

— На земле бихутов? Если вам будет что-нибудь угрожать и вы успеете вступить в переговоры, скажите, что вы со мной знакомы, и потребуйте отвести вас к вождю Обото. Кто знает, может быть, это даст вам шанс уцелеть.

— Но что мне доложить о положении в Кинтане?

— Что я расстрелял Боммера, что у меня в руках все доказатель-

ства и что я разделаюсь так же с другими их агентами, если они сюда явятся. До свидания, Мак-Лин, и желаю удачи!

Тераи помог Стелле подняться в кабину вертолета. Дверца скользнула в пазах и скрыла ее. Он видел только ее лицо, губы девушки шевелились, словно она пыталась что-то сказать, но шум мотора заглушил ее голос. Вертолет легко поднялся, набрал высоту и растаял в небесной синеве. И Тераи вдруг почувствовал себя смертельно одиноким.

ЗЕМЛЯ — АНГЛИЯ

Тераи с грустью пересмотрел немногие фотоснимки, оставшиеся в столе Игрищева, спрятал их в конверт, запечатал и написал адрес. Из всей родни у Станислава осталась где-то на Украине только сестра, инженер-металлург. Она все еще была не замужем, это в сорок-то пять лет!.. Эта ветвь рода Игрищевых угасала. А жаль, Станислав был человек, настоящий мужчина, каких становится все меньше.

В дверях конторы прозвенел звонок. Тераи вынул из кобуры пистолет, положил его на стол за книги. Со дня возвращения в Порт-Металл он все время был настороже. Его друзья-геологи разъехались и вели разведку где-то в отрогах гор Франклина или Карамелоле, а городская полиция, полиция ММБ даже пальцем не шевельнут, если его прикончат, наоборот, только обрадуются. Счастье еще, что они сами не проявляли инициативы!

— Лео, взгляни, кто там!

Лев поднял рыжую голову, посмотрел на хозяина, лениво зевнул и, потянувшись, направился к двери. Тераи нажал кнопку механизма, отпиравшего замок. Молодой человек в синей форме космонавта отшатнулся, увидев огромного зверя.

— Спокойно, Лео! Входите, не бойтесь.

— Месье Лапрад? У меня официальное письмо, приказано вручить вам лично. Я воспользовался случаем и захватил всю вашу почту. Разрешите представиться. Луи Баррьер, капенармус с «Юлия Цезаря».

— Вы уже прибыли? Но ведь «Цезаря» ждали только послезавтра!

— Мы не останавливались на Тинхо. Там идет драка между туземцами и шахтерами. Три корабля ММБ подбрасывают подкрепления. Планета временно закрыта.

— А что предпринимает Бюро ксенологии? — живо спросил Тераи.

— Что они могут сделать? Как всегда, их предупредили слишком поздно. Когда они доберутся до Тинхо, там все уже кончится и «порядок будет восстановлен», как у нас официально выражаются.

— Да, разумеется!

Тераи взял из рук юноши конверты и толстую кипу газет.

— Что ж, спасибо. Куда вы теперь путь держите?

— На Субур V, а оттуда прямо на Землю.

— В таком случае возьмите это письмо и сдайте в первую же контору Бюро ксенологии — они перешлют его дальше.

— Письмо официальное?

— Да, бумаги одного из их агентов, которого здесь убили. Он был моим другом.

Посыльный ушел, и Тераи принялся за почту. Несколько писем из Полинезии напомнили ему о друзьях детства, одно из Канады, два из Франции и еще одно от Рамакришны с радостным известием, что вскоре, видимо, удастся возродить породу сверхльвов.

— Потерпи, Лео! Через три-четыре года у тебя, глядишь, появится подруга!

Наконец он взял запечатанный пакет с грифом Бюро ксенологии, сунул его в щель дезактиватора и включил аппарат. Через десять минут можно будет вскрыть пакет, и он не вспыхнет у него руках. А пока Тераи принялся за газеты.

Тераи взял комплект «Нью-Йорк геральд» месячной давности, просмотрел все номера один за другим. О Стелле и ее путешествии на Эльдорадо ни единой строки.

Он взял вторую пачку, комплект «Межпланетника». На эту газету он подписался перед тем, как отправился со Стеллой в поход, рассчитывая по возвращении повеселиться, перечитывая рассказы об их приключениях.

Но тщетно искал он обещанные статьи. Лишь в последнем номере, вышедшем накануне отлета «Юлия Цезаря», в глаза ему бросился кричащий заголовок: «Правда об Эльдорадо». Тераи жадно погрузился в чтение.

«Наши читатели знают, что специальный корреспондент «Межпланетника» мисс Стелла Гендерсон недавно провела три месяца на Эльдорадо.

Измученная трудностями и опасностями путешествия, мисс Гендерсон сейчас проходит курс лечения сном. Однако верная духу истинной журналистики, который делает ей честь, она предварительно написала эту статью. Вот правда об Эльдорадо из первых рук свидетельницы, которая знает, о чем говорит, потому что сама только что вернулась с мест событий».

Тераи продолжал читать. Сначала он хмурился, потом разразился проклятиями, отбросил газету, но все же успокоился и дочитал до конца. Статья была превосходной. Разумеется, писала ее не Стелла,— в этом он не сомневался ни секунды. При всем ее уме, при всей образованности это было ей не под силу. За каждой фразой статьи чувствовались годы профессионального мастерства. Ни один факт не был перевран, однако... однако они были поданы так, что Эльдорадо выглядело сущим адом, где горняки ММБ ценой неслыханных жертв вели героическую борьбу, чтобы обеспечить Землю редкими металлами.

В статье подробно рассказывалось о путешествии Стеллы и вскользь упоминалось о «мужественном геологе-разведчике», который служил ей проводником и даже спас ей жизнь, но имя его не было ни разу названо. Читатель мог с полным основанием заключить, что речь идет об одном из верных служащих ММБ. Рассказ о пребывании у ихамба был скомкан, зато гражданскую войну в Кено статья описывала с самыми жестокими подробностями, представляя как столкновение поклонников двух соперничающих богов, одинаково свирепых и кровожадных. Все завершалось призывом ко Всемирному правительству послать на Эльдорадо свой могучий флот, дабы защитить горняков. «Иначе Межпланетное металлургическое бюро вынуждено будет действовать собственными силами, как ему уже пришлось недавно действовать на Тинхо из-за косности и бюрократизма государственного аппарата».

Тераи даже присвистнул. Значит, вот до чего дошло! Значит, ММБ уже противопоставляет себя правительству! Дело скверно, хуже не при-

думаешь. Когда Стелла попросила его стать ее проводником, Тераи думал, что она напишет классический репортаж, полный всяческой экзотики. В таком виде он не принес бы, конечно, особой пользы... Но теперь сомнений не оставалось: она его провела, обманула! Как он и подозревал, она была агентом ММБ. «И я еще оберегал ее, хотя мог бы...» Но что сделано, то сделано, и теперь надо было думать, как исправить причиненное зло, как отразить удар. После убийства Игрищева он остался без связи с Бюро ксенологии. Тут Тераи вспомнил о письме: дезактиватор выбросил его, и оно валялось на полу.

Тераи поднял конверт, вскрыл, бросил взгляд на подпись: Жан Нокомбэ, сам главный шеф! Письмо требовало немедленного подробного отчета о ситуации на Эльдорадо и предлагало Лапраду перейти с положения независимого агента на должность штатного агента, ответственного за всю планету. Ввиду срочности дела ему сообщали имена оперативных работников БКС, не дожидаясь его ответа. Все они оказались геологами-разведчиками, и лишь трое работали заводскими инженерами.

Тераи встал, задумчиво прошелся по кабинету, заложив руки за спину.

— Делать нечего, Лео!— проговорил он наконец.— Придется нам еще раз расстаться. Пора пустить в ход наше первое секретное оружие. Они ждут отчета? Ладно, я им доставлю его сам!

* *
*

«Таароа» вынырнул из гиперпространства близ орбиты Марса. Рассчитывая такой скачок, Тераи шел на известный риск, но зато выигрывал время. Однако отсюда Земля все еще казалась маленькой зеленой звездочкой, сверкавшей слева от Солнца. Тераи устремился к ней полным ходом.

У него не было определенного плана. Гибель Игрищева застала его врасплох. Во всех делах, связанных с БКС, он целиком полагался на него; сам он слишком дорожил своей независимостью, чтобы завербоваться в штат даже такой благородной организации, и предпочитал действовать самостоятельно, ни перед кем не отчитываясь. Поэтому, когда он помог Офти-Тике укрепиться на троне и вернулся в Порт-Металл, Тераи оказался отрезанным от центра. Он был уверен, что БКС так и не получило ни вещественных доказательств, ни даже его рапорта. Письмо Нокомбэ подсказало ему, что делать. Он на вертолете переправил Лео к ихамбэ, оставил его на попечение Эенко, а сам полетел прямо на запад, к горам Этио, где в обширном гроте был укрыт его частный звездолет, надежно защищенный от всех суеверным страхом туземцев перед духами священных гор.

Очень мало людей имели собственные звездолеты. «Таароа» был совсем маленьким кораблем, рассчитанным максимум на трех человек, но зато новейшей конструкции. Однотипные корабли составляли эскадру разведчиков БКС. Официально «Таароа» был построен для Объединенной Океанической республики и крейсировал под ее флагом, поскольку Тераи был офицером запаса космического флота Океании. Но в действительности он сам покрыл больше половины расходов, ибо республика была для этого недостаточно богата.

Выйдя на расстояние прямой связи с Землей, Тераи послал радиозапрос на посадку на космодроме Астра в Техасе, где была главная база

Бюро ксенологии. Там его корабль будет в безопасности. Он без труда получил разрешение, час спустя приземлился и на рейсовом стратоплане полетел в Нью-Йорк, резиденцию Всемирного правительства.

За время его отсутствия город еще больше разросся и простирался теперь от Харфорта на севере до Филадельфии на юге. Это был настоящий мегалополис, город-гигант с населением до пятидесяти миллионов человек! Лишь Токио и Москва могли с ним сравниться.

Из аэропорта такси-вертолет доставил Тераи на крышу Джонсон-Билдинга, где располагалось Бюро ксенологии. Это был один из последних небоскребов, ибо позднее началось увлечение более низкими, наполовину подземными зданиями. Сто двадцать этажей гордо возносили к облакам деловые кабинеты, лаборатории, залы заседаний, рестораны, комнаты отдыха. Вертолет опустился на посадочную площадку. К нему тотчас приблизились два вооруженных охранника в серых мундирах.

— По какому делу?— спросил более высокий.

— По вызову шефа.

— Вам назначен прием?

— Нет. Скажите просто, что Тераи Лапрад здесь.

Охранник нажал кнопку радиофона, сказал несколько слов, выслушал ответ.

— Хорошо. Пройдите для опознания на третий пост по коридору номер два. Вот туда!

Тераи спустился на несколько ступенек, нашел указанную ему комнату. Ожидавший его чиновник внимательно сравнил Тераи с фотографией из досье.

— Кажется, все без обмана. К тому же трудно найти второго человека, который мог бы выдать себя за вас. Однако все же положите ладони вот на эту пластину. А теперь загляните в этот объектив. Хорошо, все совпадает. Последняя формальность: пройдите перед этим экраном. О, вам придется оставить здесь нож!

Тераи пожал плечами, вынул из кармана складной нож и положил его на стол.

— Что теперь делать?

— Наш служащий ждет за дверью, он вас проводит.

Проводник оказался здоровенным верзилой, вооруженным до зубов. И он был не один: его сопровождали трое астронавтов из флота БКС.

— Черт побери, я вижу, тут царит полное доверие!— не удержался Тераи.

Командир эскорта повернулся к нему.

— Только вчера на патрона снова было совершено покушение!

— Неужели дела так плохи?

— Увы, да. Следуйте за мной!

В лифте они спустились на сотый этаж. У кабинета Нокомбэ тоже стояла охрана, и три пулемета держали коридор под прицелом.

Нокомбэ поднялся навстречу гостю. Это был африканец великолепного черного цвета, почти такой же высокий, как Тераи, но тоньше, худощавее. Курчавые седые волосы топорщились на его голове, как гребень какаду. Он улыбнулся, указал на кресло.

— Счастлив вас видеть, Лапрад,— приговорил он гулким басом.— Надеюсь, отсюда вы выйдете уже полномочным агентом нашей организации. Нам отчаянно нужны люди вашего размаха!

— Вы знаете мою точку зрения, господин директор, и она не...

— Никаких «господ директоров» между нами, Лапрад. Здесь это не принято. Перед тем как сесть в это кресло, я сам был агентом, и мне

тоже довелось повидать всякого!

Он жестом остановил Тераи.

— Знаю, знаю, что вы хотите сказать! Не будем терять на это время. Я прочел ваш рапорт, последний, пересланный Игрищевым, но с тех пор у вас наверняка произошло немало нового. Рассказывайте!

Тераи говорил долго, отвечая на точные вопросы африканца.

— Итак, вы считаете обстановку на Эльдорадо крайне напряженной?

— Напряженной — не то слово, Нокомбэ! Эльдорадо — это бочка с порохом и подожженным фитилем, и до взрыва осталось совсем немного!

— Да, пожалуй, но что мы можем сделать? Мы еще не готовы к открытой борьбе с ММБ. Боюсь, нам придется временно пожертвовать этой планетой.

— Ну да, что такое одна планета? Пустяк! В Галактике их тысячи! Но дело в том, Нокомбэ, что мне эта планета дорога. И ее можно спасти!

— Вы давно не бывали на Земле и не в курсе дела. Постараюсь все объяснить в немногих словах: сегодня настоящее правительство, располагающее реальной силой,— это ММБ! Да, сила на их стороне. Единственное, что мы можем сейчас сделать,— это тайно подрывать их могущество и создавать свое. Вот взгляните!

Он протянул Тераи металлический ящичек, в котором лежали два сильно изъеденных ржавчиной, но явно идентичных предмета. Тераи прочел прикрепленные к ним этикетки. На одной было написано: «ГС 18-765-IV», на другой — «ГС 21-203-VIII».

— Два одинаковых предмета с двух планет из различных галактических секторов? Но ведь это означает...

— Что, кроме землян, есть другая разумная раса, блуждающая во вселенной? Да и нет. Это подделки, Тераи! Подделки, сфабрикованные нами, плод бессоных ночей наших экспертов по ксенологии. Они были оставлены нашими разведчиками на двух неизвестных и необитаемых планетах. Мы соорудили там довольно убедительные руины. Самое трудное было воссоздать другие предметы из органической материи, чтобы анализ на радиоактивный уголь показал их древний возраст, около полутора тысяч лет. Это была изумительная работа по разделению изотопов и управляемому синтезу. Тюро, Гробер и Сугикара провозились два года, играя с атомами, прежде чем добились своего.

— Но для чего все это?

— Один из этих предметов был... найден одной из наших экспедиций. Второй обнаружили приручeнные археологи из ММБ. Вы знаете, они могут позволить себе такую роскошь — финасировать свои научные институты. Вы спрашиваете, для чего все это? Так вот, с такими «доказательствами» в руках я добился от правительства кредитов на постройку мощного космического флота без участия ММБ! Но вся беда в том, что этот флот будет готов не ранее, как через год...

— И никто не проговорился?

— Никто. Я умею выбирать людей! И если я рассказал это сейчас, то лишь потому, что доверяю вам... до известных пределов.

— Но меня могут похитить, накачать наркотиками...

— Перед тем как выйти отсюда, вы подвергнетесь психической обработке. Ничто на свете не сможет преодолеть умственную блокаду, которую мы создадим в вашем мозгу! Даже если ваша воля случайно пошатнется,— хлоп,— и конец, ничего не останется!

Тераи вскочил, как подброшенный.

— Вы нарочно заманили меня в эту ловушку! Вы...

— Садитесь! У вас есть выбор — пройти сквозь стиратель памяти.

— Ну да, и вы воображаете, что я отдамся в руки ваших гипнотизеров, чтобы очнуться покорным штатным агентом, до конца своих дней рабски преданным БКС и к тому же счастливым своей долей! Нет, я предпочитаю риск умственной блокады!

— Она тоже создается психотехническими методами. Но даю вам слово, что блокада нисколько не повлияет на свободу вашего выбора.

— Ваше слово! После такой западни!

Лицо старого африканца как-то сразу осунулось.

— Послушайте меня, Тераи! На карту поставлено все, понимаете? Все! Будущее Земли, будущее ее союзников, будущее новых, еще не открытых миров. Много ли значит по сравнению с этим то, что может произойти за год на Эльдорадо, тем более что планета все равно не избежит общей участи! Послушайте, если вы согласитесь сотрудничать с нами, я дам вам «карт бланш» на Эльдорадо, столь дорогое вашему сердцу. Если вы сумеете остановить ММБ, не вызвав преждевременного взрыва, даю вам мое благословение! Но это будет нелегко. Народ относится к таким вещам болезненно. Но с другой стороны — хорошо, если он наконец очнется от сытой спячки на своих хромированных и позолоченных ложах! Это нам пригодится позднее. Но пока благодаря статьям и фильмам мисс Гендерсон Эльдорадо и его обитатели пользуются здесь скверной репутацией, и тут я ничего не могу изменить. Путешествие этой девчонки было великолепным ходом! Парламент наверняка выдаст ММБ неограниченную лицензию на планету.

— Маленькая дрянь! Как она меня околпачила! Но ведь можно бороться, восстановить истину...

— Попробуйте, а потом расскажете, что у вас получилось. А что до того, как она вас околпачила... В этой истории Стеллы Гендерсон есть одна странность. После приема, который отец устроил в честь ее приезда, она как в воду канула. У нас есть в ММБ агенты, но даже они ничего не могли узнать. Официально она лечится и отдыхает в каком-то санатории. Официально...

— Что вы хотите этим сказать?

— Может быть, ее самою одурачили? А может быть, она изменила на обратном пути свои взгляды и в конце концов отказалась помогать ММБ?

— Ага, понимаю. И они использовали добытые ею документы без ее согласия. Что ж, вполне возможно. Действительно, странно, что Стеллу больше никто не видел... Неужели они ее...

При мысли, что она мертва, Тераи побледнел.

— Нет, не думаю!— поспешил успокоить его Нокомбэ.— Об этом мы бы узнали. Скорее всего она заперта в какой-нибудь позолоченной клетке, а может, просто хочет сама забыть о весьма незавидной роли, которую, по вашим словам, она сыграла. Но это нас не интересует, во всяком случае, не интересует Бюро ксенологии. Пусть ММБ действует своими методами, пока мы не станем сильнее, чем они. Год, нам нужен всего один год!

— Но вы представляете, сколько зла они могут натворить за этот год? Если они получат неограниченную лицензию, они станут полновластными хозяевами Эльдорадо. А у меня там друзья, мои друзья!

Нокомбэ бессильно развел руками.

— Что же вы предлагаете?

— Драться! Если возможно — на Земле. Если невозможно — на Эльдорадо. Я могу держаться против них более года.

— Против их космического флота?

— Есть седьмой параграф межзвездного кодекса. Если на планете разразилась открытая война между туземцами и земной частной или правительственной организацией, такая планета переводится на карантин, и все инопланетяне должны покинуть ее до завершения расследования и умиротворения. Тот факт, что ММБ соперничает с правительством, ничего в данном случае не меняет.

— Этот параграф не был применен для других планет, таких как...

— Там все было по-другому, и вы это знаете! Тихана более шестидесяти лет состояла в федерации. Поэтому там мы восстанавливали порядок и законность, как у нас говорят, не больше! Несчастные тиханцы!

— А сколько жизней будет стоить ваш план, Тераи? В десять раз больше, чем наш!

— Может быть. Я в этом не уверен. Вы не знаете эльдорадцев. ММБ никогда не согнет ихамбэ, ни тем более кеноитов! Они могут их только уничтожить. Но это не так просто. Я раздал им оружие.

Африканец вскочил.

— Вы дали им наше оружие? За одно это я должен вас немедленно арестовать!

— Почему же вы не арестовали тех, кто раздает оружие племенам умбуру и поклонникам Беельбы? Этого уже не поправишь. Я не мог оставить своих друзей беззащитными.

Нокомбэ сел, пальцы его забарабанили по столу, инстинктивно находя ритм забытых древних тамтамов.

— Да, вы не могли поступить иначе. Но мы надеялись отсрочить кризис.

— Пожертвовав еще одной планетой?

— Да, еще одной, чтобы спасти все остальные! Но теперь это уже невозможно. Возвращайтесь на Эльдорадо, Тераи! И постарайтесь, чтобы не было слишком много жертв. Обещаю: через три месяца к вам прибудет наш крейсер.

Гигант жестко усмехнулся.

— Один крейсер через три месяца! Как всегда, слишком мало и слишком поздно.

— Если на Эльдорадо действительно придется объявить карантин, даже ММБ ничего не сможет поделать. Общественное мнение обернется против него. Земляне, как вы знаете, решительно настроены против любой колониальной войны, хотя и допускают некие «полицейские акции». Но это опасная игра, Тераи! Никто не поручится, что карантин будет вскоре снят. И вы знаете, что это означает для вас: если вы останетесь на Эльдорадо, вы не сможете его покинуть. Вокруг планеты будет установлено поле космических мин.

— Я люблю Эльдорадо. А карантин, по закону, не может продолжаться более десяти лет. Я подожду...

— Будь по-вашему! Я мог бы вас арестовать, и, наверное, так и нужно было бы сделать. Ваш план слишком рискован, но, черт меня побери, я начинаю думать, что это единственно возможный выход. Когда вы улетаете?

Тераи на мгновение задумался.

— Через три дня. Сначала я попытаюсь повидаться с мисс Гендерсон.

— Желаю удачи. Держите нас в курсе дела. Но прежде всего зайдите к нашим психотехникам. Вас проводят.

* *
*

Секретарша в ММБ попалась хорошенькая.

— Я хотел бы видеть господина Гендерсона.

— Вам назначен прием? Нет? В таком случае это невозможно. Совершенно невозможно! Господин Гендерсон очень занят.

— Ничего, для меня он найдет время. Извольте сообщить, что Тераи Лапрад хочет срочно его видеть.

Секретарша отпрянула. Тераи усмехнулся.

— Хм, понятно! Я здесь людоед. Ну полно, будьте любезны, позвоните!

С неуверенным видом она взяла микрофон, прошептала несколько слов и была поражена, услышав ответ.

— Подождите минуту! За вами сейчас придут.

Он подождал, смеха ради разглядывая красотку так пристально и откровенно, что та покраснела от смущения.

Тераи никогда не видел человека, который пришел за ним, но узнал его сразу. Затянутый в черный мундир — почему это все диктаторы или кандидаты в диктаторы, провались они все в преисподнюю, так любят мрачные цвета?— он был немного ниже геолога, но, пожалуй, шире в плечах, с бочкообразной грудью и свисающими до коленей узловатыми руками: Горилла Джо, любимый телохранитель Гендерсона, точно такой, каким его не раз описывала Стелла.

— Лапрад?

— Да.

— Идите за мной!

Его ввели в маленькую комнату, где за столом, положив перед собой пистолет, сидел второй охранник в черном мундире.

— Мы должны вас обыскать.

— Пожалуйста! У меня нет с собой оружия.

Кабина лифта, в которую они затем вошли, была слишком мала для двух великанов. Горилла Джо воспользовался теснотой, чтобы шепнуть Тераи:

— Слушай ты, смотри, без фокусов, иначе я тебя пристрелю. Откровенно говоря, я давно об этом мечтаю!

— В самом деле? Но почему?

Горилла Джо не ответил.

Двое вооруженных охранников дежурили у кабинета Гендерсона. Сам он стоял спиной к двери и задумчиво смотрел в окно.

— Спасибо, Джо,— сказал он, оборачиваясь.— Оставь нас одних.

— Но, шеф...

— С каких пор я должен повторять приказы?

Горилла Джо поник и вышел.

Гендерсону было за пятьдесят, волосы его поседели, голубые глаза смотрели жестко и холодно. Высокий и худощавый, он уже начинал слегка сутулиться. Внезапно черты его лица смягчились, и он улыбнулся широко и открыто: эта улыбка сразу напомнила Тераи Стеллу.

— Присаживайтесь, месье Лапрад. Я как раз собирался послать в отель записку и пригласить вас сюда. Курите? Вот сигара, настоящий гаванский табак, а не водоросли с гидропонных плантаций!

Тераи погрузился в кожаное кресло, закинул ногу на ногу.

— Мы с вами враги, Лапрад, точнее — вы мой враг, потому что вы

первый объявили мне войну. Это печально, а главное, бессмысленно. Чем обязан удовольствию видеть вас?

— Вы знаете, что я был проводником вашей дочери на Эльдорадо, не так ли?

— Да, и я вам за это благодарен. Без вас она не сумела бы собрать такой ценный материал, да и сама могла погибнуть. Я ведь даже и не подозревал истинного положения вещей, когда посылал ее на Эльдорадо.

— Значит, вы признаете, что это вы послали ее?

Гендерсон снисходительно улыбнулся.

— Послушайте, Лаприд, какой смысл нам с вами лгать друг другу?

— Я хотел бы знать, что со Стеллой, и, если можно, повидать ее.

Гендерсон резко наклонился к нему.

— Вы любите ее?

— Я? Помилуй бог! Мы были только добрыми друзьями, и я беспокоюсь за ее здоровье...

— Она себя чувствует хорошо, вернее — будет чувствовать себя вполне здоровой, когда закончит курс лечения сном. Я совершил настоящее преступление, когда доверил ей эту миссию, но я уже сказал, что даже не подозревал... Все эти убийства в Кинтане довели ее до нервного шока, и она вернулась еле живая...

Тераи вспомнил, с каким хладнокровием держалась Стелла в ту страшную ночь. Нокомбэ прав. Ее упрятали подальше и использовали собранный ею материал без ее согласия.

— Стелла выйдет из клиники через неделю. А сейчас, я надеюсь, вы доставите мне удовольствие и позавтракаете со мной.

— Я не могу ждать неделю! Дайте мне адрес клиники, я пошлю ей хотя бы цветы.

Гендерсон замялся всего на секунду.

— Это клиника доктора Юкевы. Да, конечно, прекрасная идея, цветы ей доставят большое удовольствие. Но до конца лечения к ней не допускают посетителей, даже меня!

Тераи про себя усмехнулся. Настаивать бесполезно. Клиника ММБ была настоящей крепостью.

— Очень жаль, что вы не можете задержаться на Земле подольше. А что, если мы попробуем найти выход? У меня к вам предложение. Я уже сказал, что вы мой враг, но я не испытываю вражды к вам лично. Я убежден, что все началось с печального недоразумения и что мы оба выиграем, если заключим почетный мир. Вы нанесли мне немало жестоких ударов, но я, со своей стороны, до сих пор вас щадил. Вы сорвали мои планы, вы убили одного из моих лучших агентов...

— Карла Воммера?

— Да.

— А вы приказали убить моего лучшего друга.

— К убийству Игрищева я не причастен! Один из наших людей перестарался... Он был за это сурово наказан.

— Да? Наверное, как Горон?

— Смотрите-ка, вы и это знаете? Нет, на сей раз его действительно наказали. Ваш компаньон мог бы мне пригодиться так же, как и вы. О, разумеется, я обойдусь без вашей помощи, а если нужно, просто уничтожу вас, но я предпочитаю с вами договориться. Что вы скажете, если я предложу вам пост генерального директора ММБ на Эльдорадо? Геологоразведчики вас уважают, мои люди боятся, вы подружились с вождями многих племен, и новый император Кено, насколько я понимаю, тоже ваш ставленник.

— Мой друг, мистер Гендерсон.

— Тем лучше! Вы принимаете мое предложение?

— А какую политику я должен буду проводить?

— Разумеется, нашу. Но благодаря вам она будет более гибкой и мягкой.

— Но во имя чего я должен предавать своих друзей? Ради денег? У меня их столько, что мне вовек не истратить!

— Поэтому я и не упомянул о деньгах. Послушайте, Лапрад! Вы человек, вы землянин. Земле нужны металлы. Когда-нибудь мы наверняка встретимся в космосе с другими. И может быть, это произойдет гораздо скорее, чем вы полагаете!

— О, значит, вы тоже задумывались о будущем контакте?

— Я только об этом и думаю! К тому времени мы должны быть сильны как никогда, независимо от того, какой будет встреча, мирной или нет. Особенно если она не будет мирной!

— С этой земной империей, какой вы ее создаете, не может быть мирных контактов. «Покорись, или мы тебя уничтожим» — вот ваш девиз!

— А хотя бы и так! «Выживает сильнейший». Кто может поручиться, что у тех, других, не такой же девиз?

— Предположим. Но зачем из-за этого разорять беззащитные планеты? Зачем пробуждать к себе ненависть туземцев? Что мешает вам разрабатывать глубокие месторождения на Земле? Ведь это технически вполне возможно!

Гендерсон воздел руки к небу.

— Типичная точка зрения простого технаря. Сразу видно, что вы не представляете всей сложности проблемы. С помощью передатчиков материи доставлять металлы с планет за сотни световых лет в три раза выгоднее, чем добывать их здесь на глубине в три или четыре километра. Для этого пришлось бы пойти на затраты, понизить уровень жизни землян. И хотя, по совести говоря, они уже достаточно обленились и отупели, попробуйте-ка покуситься на их жизненный уровень, на их комфорт. Начнутся бунты и даже революции!

— «Выживает сильнейший»,— сказали вы? Надеюсь, что встреча с теми, другими, в космосе будет мирной. Иначе, если Земля настолько деградировала, нас проглотят одним глотком!

— У нас есть колонии, Лапрад. Они поставят армию, Земля всего лишь арсенал империи, хотя и на ней еще достаточно настоящих людей, наверное, гораздо больше, чем я думаю. Однако даже их не хватит, чтобы осуществить ваш проект глубоких разработок.

Тераи почесал затылок. Гендерсон решил, что геолог заколебался.

— Итак, вы согласны?

— Нет. Меня враждебно встретят ваши люди и будут презирать мои друзья. Предоставьте это ксенологам и...

— Этому сборищу мечтателей-идеалистов?

— ...И через три-пять поколений Земля превратится в центр великой федерации свободных и равных народов, настолько мощной, что нам не будет страшна никакая встреча в космосе. А пока почему бы не ограничиться эксплуатацией безлюдных планет, таких как Хелл или Густавия?

— Потому что там нет рабочих рук, вы это прекрасно знаете! И туда нельзя доставить на звездолетах тяжелое оборудование — слишком дорого. И наконец, Лапрад, эти свободные и равные народы скоро станут сильнее нас. Вспомните Рим!

Тераи поднялся.

— Мне очень жаль, Гендерсон, но нам больше не о чем говорить.

Рука Гендерсона опустилась на красную кнопку на углу стола.

— Стоит мне позвонить, сюда войдут пять вооруженных охранников, и Тераи Лаприда долго никто не увидит!

— Звоните! Перед тем как идти сюда, я зашел в БКС. Они знают, где я, и если я не сообщу им,— он взглянул на свои часы,— через десять минут, что я жив и здоров, вам придется несладко! Вы еще не свергли земное правительство.

— Хорошо, Лаприд, расстанемся по-хорошему, без взаимных угроз. У нас разные взгляды на будущее человечества, но это не значит, что мы не можем относиться друг к другу с уважением.

— Послушайте, Гендерсон, какой смысл нам с вами лгать? Берегись, а я себя поберегу, как говорили когда-то корсиканцы.

Гендерсон потемнел.

— Будь по-вашему! Вы об этом пожалеете!

Горилла Джо ожидал в коридоре с угрожающим видом. Он повел Тераи к лифту, держа руку на пистолете в расстегнутой кобуре. За поворотом на них буквально налетел какой-то человек.

— Что с тобой, Тэд?— рявкнул Джо, останавливая его за рукав.

— Девчонка патрона! Она сбежала!

— Заткнись!

— Но патрон должен узнать немедленно...

— А этот тоже должен все знать, дубина?— оборвал его Джо, кивнув на геолога.— Убирайся!— И, выхватив пистолет, добавил с кривой усмешкой:— Боюсь, как бы с вами не произошел несчастный случай, любезный. Теперь вы слишком много знаете!

— Даже если я ничего не понимал, последние ваши слова все объяснили,— спокойно ответил Лаприд.— Значит, мисс Гендерсон держали в заключении? Я это подозревал, а теперь знаю точно.

— Тебе от этого мало пользы, потому что...

Ребром левой ладони Тераи ударил его по руке, сжимавшей пистолет. Раздался выстрел, пуля с визгом запрыгала, отскакивая от металлических стен. В то же мгновение правый кулак Тераи со всего размаха въехал Джо в солнечное сплетение. Охранник согнулся пополам и рухнул на пол. Тераи подобрал пистолет, оглушил Гориллу Джо рукояткой, прислушался. Все было тихо. Ни торопливых шагов, ни звонков сигнализации.

— Прекрасная вещь эти звуконепроницаемые перегородки!— усмехнулся Тераи.

Он выбрался знакомым путем из здания, и никто его не остановил.

На улице Тераи поймал такси, доехал до своего отеля. Что делать дальше, он не знал. Созвать журналистов и восстановить истину об Эльдорадо? Теперь, когда Стелла сбежала, он мог бросить Гендерсону вызов. Пусть он покажет ее представителям прессы!... Однако нет. Единственное, чего он добьется,— это начала открытой войны на территории врага. Ни БКС, ни его союзники в правительстве к этому еще не готовы. Он приказал отвезти себя в аэропорт и первым же самолетом вылетел в Астру. На него никто не попытался напасть, и это его удивило.

«Таароа» стоял на взлетной площадке. Оформив документы, Тераи направился к своему кораблю. У входного трапа стоял человек в форме капитана космического флота Конфедерации и с любопытством разглядывал изображенную на корпусе эмблему: атолл с пальмами, герб Океанической республики. Заслышав шаги, он обернулся.

— Тераи Лапрад! А я-то ломал голову, что здесь понадобилось кораблю Океании! У вас что, мало своих космодромов и теперь вы загромождаете наши?

Лукавая улыбка противоречила его агрессивному тону.

— Джек Сильвер! Сколько же времени мы не виделись?

— Десять лет? Двенадцать? Последний раз это было у тебя, в Торонто, еще до того...

— До того, как эти свиньи сожгли все и всех! Да, двенадцать лет назад...

— И что ты делал с тех пор?

— Вел разведку. Случайно сколотил состояние, как у вас говорится.

— Где именно?

— На Эльдорадо.

— Ты работаешь на ММБ?

— Нет.

— И ты смог сколотить состояние на Эльдорадо, не работая на ММБ? Ну знаешь, старина, это потрясающе! Ты возвращаешься туда?

— Да, но не сразу.

— В таком случае мы там, наверное, встретимся. Я получил приказ. Через три месяца, после исследований в том секторе, мы остановимся на Эльдорадо. Что это за планета? Красивая? А как туземцы?

— Очень красивая. Туземцы почти такие же люди, как мы. У тебя есть несколько минут? Поднимемся на борт!

В каюте Сильвер восхищенно присвистнул.

— Неплохо вы устраиваетесь у себя в Океании! Последняя модель, насколько я понимаю.

— Скажи, что ты думаешь об ММБ?

Сильвер кисло усмехнулся.

— Ты действительно не работаешь у них?

— Я уже сказал, что нет!

— Верно. Ты не из тех, кто способен сыграть злую шутку со старым другом. Что я думаю об ММБ? Что его давно пора раздавить, пока они не изгадили весь мир! Тебе известно, что один из их политиканов год назад едва не протащил в парламенте закон о роспуске флота Конфедерации? Он застал всех врасплох. Ему не хватило всего трех голосов! Но фокус не удался, и теперь мы начеку. С тех пор как мы узнали, что где-то в космосе есть другая империя, или федерация, называй ее как хочешь...

— Я веду войну с ММБ, Джек! Когда через три месяца твой крейсер опустится на Эльдорадо, будьте во всеоружии и удвойте караулы!

— Что ты хочешь сказать?

— У меня нет времени объяснять. Через три месяца увидишь сам, но не принимай решений, пока не встретишься со мной.

— Это серьезно?

— Очень серьезно.

Сильвер приподнял фуражку, взъерошил волосы.

— Хорошо, буду об этом помнить. Что касается оружия, то с тех пор, как мы знаем о существовании тех, других, оно у нас всегда наготове.

Тераи протянул Сильверу руку.

— До свидания, Джек. Мне повезло, что я тебя встретил.

* *
*

Англия была одной из редких планет земного типа, где не оказалось разумных существ. И осталась также одной из редких планет, богатых металлами, которая не попала в лапы ММБ. Около ста лет назад она была заселена колонистами преимущественно англосаксонского происхождения. Пользуясь близостью других земных колоний, жители Англии создали свой собственный торговый флот и специализировались на экспорте машин и на производстве оружия. Тераи провел там несколько месяцев после того, как покинул Землю. Это был еще не обжитой суровый мир, хотя население его и перевалило в последнее время за двести миллионов. Колонисты Англии славились во всей Галактике свирепым духом независимости, и ММБ оставило их в покое, слишком поздно осознав могущество планеты и не рискуя затевать войну между землянами. Народ инженеров, горняков и скотоводов, разводивших стада на обширных равнинах северного континента, они всегда были готовы в случае необходимости взяться за оружие. Тераи надеялся найти там союзников.

Он опустился ранним утром на космодроме Нью-Шеффилда, столицы планеты. Город состоял из двух частей. На севере на склонах холмов и в зелени парков белели здания жилого массива; на юге прижимался к земле комплекс металлургических заводов, мастерских и складов, уродливый и мрачный. Между двумя частями города зеленую полосу шириной в сорок километров пересекала сложная сеть железных дорог и шоссе, по которой ежедневно доставляли к месту работы и обратно потоки людей. Как и на всех недавно освоенных планетах, промышленность на Англии была высоко автоматизирована, потому что колонистов было мало и каждый ценился на вес золота. Однако промышленный комплекс Нью-Шеффилда был так велик и сложен, что его обслуживало до пятидесяти тысяч человек.

«Теперь я понимаю, почему ММБ делает все возможное, чтобы задержать их развитие,— подумал Тераи.— Если я потерплю неудачу, если план Нокомбэ провалится, этот свободный мир останется, наверное, единственной надеждой рода человеческого!»

Он договорился о встрече с Т. Г. Рамстедом, президентом «Оружейной корпорации Нью-Шеффилда», аскетическим старцем с горящими глазами. Тот, не моргнув, выслушал заказ Тераи: десять тысяч автоматов, пулеметы, противовоздушные и наземные ракеты, тонны боеприпасов. Он только спросил:

— Для чего вам все это? Количество оружия немного превышает нужды корсара, даже если предположить, что космическое пиратство выгодное дело.

— Для защиты планеты!

Рамстед улыбнулся.

— Эльдорадо?

— Значит, вы уже знаете?

— Да, мы получили от ММБ послание. Нас просят не продавать вам оружие ни за какие деньги.

— И... вы... подчинитесь?— спросил Тераи, выделяя каждое слово.

— Не старайтесь меня оскорбить, это ни к чему. Нам никто не смеет приказывать, и меньше всех — ММБ. Вы получите ваше оружие по заводской цене. И дай вам бог свернуть им шею! Верьте, у нас нет вражды

к Земле, нашей родине, но если земляне позволят и дальше расползаться по Галактике раку ММБ, однажды мы встанем у них на пути с оружием в руках, если нужно.

— Мне кажется, я могу вам сказать, не выдавая никаких секретов, что эту же точку зрения разделяет БКС.

— Которое ничего не делает, чтобы их остановить!

— Которое долго ничего не могло сделать. Но если вы действительно думаете так же, как люди из БКС, вам надо с ними связаться.

— Мы это обсудим. Оружие будет передано вам через два дня.

— Так быстро?

— Я поговорю с моим другом Диком Кристофером, президентом республики, и мы возьмем все, что нужно, из наших арсеналов. Но тут одна сложность. Мы не сможем обеспечить доставку. Это было бы открытым объявлением войны, а мы хотели бы этого избежать. Во всяком случае, сейчас.

— Благодарю. Доставку я обеспечу сам.

Тераи встал, простился. Рамстед проводил его до двери, протянул ему сухую холодную руку и сказал:

— Если вы потерпите поражение, Англия будет для вас надежным убежищем. Помните об этом. Нам нужны такие люди, как вы.

О том, чтобы переправить все оружие на «Таарое», нечего было и думать,— даже многочисленные рейсы не помогли бы. Значит, оставалось одно: найти независимого капитана, собрата по духу, которого не испугала бы доставка такого груза на Эльдорадо. Тераи полагал, что знает, где его искать. Он направился к кварталу, прилегающему к аэропорту, зашел в таверну, которую когда-то посещал. Здесь ничего не изменилось. Зал был длинным и низким, с почерневшими балками потолка, под которыми два ряда столиков тянулись до маленькой танцевальной площадки перед сценой, закрытой занавесом. В этот час таверна была почти пуста. Тераи облокотился о стойку, к нему обернулся незнакомый официант с тупым лицом.

— Виски.

— Местного или импортного?

— Я сказал виски, а не ослиной мочи с купоросом, которую вы тут гоните.

— Десять долларов — и плата вперед. Здесь не верят в кредит невесть кому даже на две минуты!

Тераи через стойку схватил официанта за отворот куртки, притянул к себе. Тот забился, норовя ударить Тераи по лицу. Взмахом другой руки гигант отшвырнул его к стене. Официант выхватил из-под стойки дубинку и замер, глядя в дула двух пистолетов.

— Ну что, ты нальешь мне или нет?

— Это что тут такое?— раздался сзади голос.— А, ясно. Все в порядке, Том! Опусти свои пушки, Тераи, здесь они ни к чему!

Гигант повернулся.

— Я знал, что ты явишься, если я затею маленькую потасовку. Как дела, Тейлор?

— Да так, ни шатко ни валко. Каким добрым ветром занесло тебя к нам после стольких лет?

— Понадобилось кое-что закупить.

— Шахтное оборудование?

— Хм. Где бы нам поговорить спокойно?

— У меня в кабинете.

Тейлор направился к двери в другом конце бара, открыл ее, пома-

нив за собой Тераи. Комната была без окон, но уютная.

— С чего ты поднял такой шум? Это на тебя не похоже, или ты сильно изменился. Виски? Это настоящий, шотландский.

— С удовольствием. Да, я изменился, Жак. Я постарел. Мне нужно было тебя видеть, а я не знал нового пароля.

— Я тебе нужен?

— И очень.

— Старина Жак всегда платил свои долги. Особенно такие, как долг тебе.

Тераи отмахнулся от этого напоминания о прошлом. Одиннадцать лет назад его показания вытащили Тейлора из грязной истории, подстроенной главарем банды рэкетиров. Он не испугался тогда угроз и выступил на суде. После оправдания Тейлора все завершилось десятиминутным сведением счетов, после которого осталось семь трупов.

— Так вот, мне нужен не слишком щепетильный, но достаточно храбрый капитан, чтобы переправить оружие на Эльдорадо.

Тейлор тихо свистнул.

— Черт возьми! Значит, здесь замешано ММБ?

— Да.

— Не думай, что я сам не хотел бы утереть им нос. Но у них свои патрульные крейсера, и если этого человека захватят... Снабжение оружием планеты типа Б... Это пахнет виселицей или, в лучшем случае, стиранием памяти!

— У меня свой вооруженный разведчик, я буду сопровождать грузовоз.

— Независимый капитан, не слишком щепетильный, но храбрый? Такого здесь можно, конечно, найти, но это обойдется недешево.

— Мне на цену плевать. У меня есть деньги.

— Достаточно?

— В десять раз более, чем достаточно!

— В таком случае возражений нет. Я ничего не знаю, и если тебе вздумалось устроить там большую охоту на крупного зверя — это твое личное дело. Подумаем... Ред Джонс? Нет, он сейчас у черта на куличках. Тед Ларкинс? Его лоханка недостаточно быстроходна. Казимир Круковский? По последним сведениям, он влип на Логало. Надеюсь, это ложные слухи... Ага, Дом Фландри. Его «Молния» когда-то оправдывала свое название, и я знаю, что он ее держит в полном порядке. Он здесь не так давно, но, думаю, на него можно положиться.

— Француз?

— Да. Или, может быть, канадец. А какая разница?

— В самом деле никакой. Когда я могу с ним встретиться?

Тейлор посмотрел на свои часы.

— Сейчас половина девятого. Он будет в баре около половины одиннадцатого. Пока мы пообедаем. У нас сейчас неплохая эстрадная программа, Фландри придет на нее. Разумеется, обед и напитки — за мой счет!

После обеда Тераи прошел в отдельный кабинет, и вскоре Тейлор ввел туда высокого элегантного брюнета в вечернем костюме. Его тонкое, пожалуй, слишком правильное лицо сохраняло рассеянно-мечтательное выражение, с которым никак не вязался холодный блеск проницательных серых глаз.

— Тераи, это капитан Фландри. Думаю, он подойдет для вашего дела лучше всех.

Тейлор вышел. Несколько секунд Тераи и Фландри приглядывались друг к другу.

— У вас есть звездолет? Какого класса?

— Типа Альтаир.

— Такое старье?

— Вы будете поражены его скоростью. Никто не запрещает ставить новые двигатели на старый корпус... Кроме того, если модель и устарела, корпус в прекрасном состоянии. «Молния» была последним кораблем этого типа, и до того, как я ее купил, она успела сделать всего два рейса. В нашем деле иногда полезно иметь невинный с виду грузовоз, который развивает скорость крейсера.

— Команда надежная?

Фландри хитро улыбнулся.

— Банкиру или девице из церковного хора было бы опасно путешествовать на нашем корабле. Но для ваших целей, насколько я понимаю, команда подойдет.

— Вы готовы рискнуть, зная, что за это вас ждет стирание памяти или виселица?

— Все зависит от цены.

— Триста тысяч долларов.

— Скажем — четыреста тысяч!

Тераи пожал плечами.

— Пусть будет четыреста, за ценой я не стою. Договорились!

— Надо было просить полмиллиона! Ва, деньги всего лишь символ богатства.

— Вы сможете купить другой звездолет или уйти на покой.

— Как тут недавно пела одна певичка: «Когда забурлит кровь бродяги и ветер странствий подует...»

— Искатель приключений?

— Да, мы братья по духу!

— Возможно. Итак, будьте готовы начать погрузку послезавтра на рассвете. Взлетный квадрат № 41.

— Не беспокойтесь, мы будем на месте.

«Таароа» снова парил в пространстве. Впереди, еще довольно далеко величественно вращался гигантский голубоватый диск Эльдорадо в белых полосах и пятнах облаков. Немного правее по направлению к нему двигалась маленькая звездочка, грузовоз «Молния». Тераи замер перед экраном радара. Другая сверкающая точка приближалась к первой с большой скоростью.

— Что ж, придется принять бой.

Он методично привел «Таароа» в полную боевую готовность, проверил торпедные аппараты, затем настроил приемник на нужную волну.

— Алло, неизвестный корабль! Алло, неизвестный корабль! Говорит патрульный корвет «Сэмюель Лимэн», капитан Джонсон. Остановитесь для досмотра!

Тераи придвинул к себе справочник космических флотов. «Сэмюель Лимэн», корвет новейшей постройки, 300 тонн, экипаж — пять человек, вооружение — два атомных орудия, магнитные захваты. Частный флот ММБ.

— Если они ударят по «Молнии», это будет просто убийство!— проворчал Тераи.

«Таароа» приближался со стороны солнца, и благодаря антирадарному покрытию, предназначенному только для кораблей государствен-

ного флота, на корвете его не замечали. Тераи увеличил скорость, прицелился.

— Алло, неизвестный корабль! Остановитесь, или мы откроем огонь!

«Молния» продолжала идти своим курсом. Первый выстрел, разрыв вспыхнул за километр впереди нее.

— Последнее предупреждение!

Тераи проверил прицел, выпустил две торпеды и стал ждать. За мгновение до взрыва на корвете заметили опасность и попытались отвернуть, но было уже поздно. Ослепительная точка вспыхнула в небе.

— Ну вот, война началась. Пять несчастных олухов и, наверное, неплохих парней. Семьи, куда уже не вернутся отцы и мужья...

Тераи выругался. «Молния» вошла в верхние слои атмосферы и тормозила. Он немного поотстал, осматривая небо, затем, в свою очередь, ринулся вниз.

«КАК ЛОМАЕТСЯ ЭТО КОПЬЕ...»

— Все, мы закончили разгрузку. У вас тут хватит оружия, чтобы завоевать планету. Вы этого хотите?

Тераи сердито обернулся.

— Нет. И вообще, то, чего я хочу...

— Меня не касается?

Тераи передернул плечами.

— О, я могу сказать вам! ММБ наверняка предупреждено о гибели своего корвета. У них достаточно умных людей, чтобы догадаться, что я вернулся, и не с пустыми руками. Моя цель — помешать им опустошить этот мир, как они уже опустошили десятки других планет.

— И для этого вы начнете с ними войну. Знаете, войны тоже иногда неплохо опустошают планеты.

— Да, знаю, черт меня побери! Знаю, что будут жертвы и сам, возможно, погибну. Но при явном конфликте между ММБ и туземцами федеральное правительство вынуждено будет применить закон о карантине. Планета будет спасена на десять лет. А за десять лет многое может случиться!

— Но почему вы хотите защищать именно Эльдорадо?

Тераи устало прикрыл ладонью глаза.

— Это трудно объяснить. Наверное, потому, что я потомок колонизированных народов. Я не верю, что человек достаточно мудр и бескорыстен, чтобы не претендовать на ведущую роль в космосе. На Эльдорадо у меня друзья, а ММБ представляет здесь то, что мне ненавистнее всего на свете... И наконец, просто потому, что такой уж я есть и не могу поступать по-другому! Почему вы сами-то ушли из Звездной гвардии, капитан Фландри?

— Смотрите-ка, да вы все знаете!

— Я всегда навожу справки о тех, кого нанимаю. У меня есть друзья на Англии.

— В общем, от скуки. Звездная гвардия — это вовсе не то, что думают простаки. Никаких тебе космических пиратов, это себя не оправдывает. Только в фантастических романах можно взять на абордаж звездолет, когда он в движении. Что остается? Патрулирование, картография, а это однообразно. Я просил перевести меня в исследовательский отряд разведчиков, мне отказали, и пять лет назад я подал в отставку. С тех пор веду исследования на свой страх и риск. А для денег перебрасываю иногда грузы, законные или незаконные, как на сей раз.

Он помолчал.

— Вы мне нравитесь, Лапрад. Я думаю, ваш замысел удастся, но помощь вам не помешает. Что вы скажете, если я предложу вам союз? Не исключено, что и у меня есть с ММБ свои счеты...

— А ваша «Молния»?

— Мой помощник справится с делом сам в течение нескольких месяцев.

— Если мы проиграем, на Земле вас объявят вне закона.

— Я уже вне закона.

Тераи долго смотрел на него.

— Простите мою подозрительность, но я недавно обжегся. Кто мне докажет, что вы не шпик Гендерсона?

Фландри откровенно расхохотался.

— Неужели агент Гендерсона доставил бы вам целый арсенал, с помощью которого вы собираетесь свернуть ему шею?

— Гендерсон способен на крупный риск, лишь бы узнать и сорвать мои планы. Нет, если вы хотите остаться со мной, вы должны представить веское доказательство — только тогда я приму вас в союзники.

— Я уже сказал: у меня с ММБ свои счеты...

— Слишком туманно!

Фландри глубоко вздохнул.

— Ладно. Я вам расскажу, хотя это может показаться вам самой нелепой мелодрамой. Вы служили мисс Гендерсон проводником, не так ли? В каких вы были отношениях?

— Я думал, что мы друзья. Она меня обманула.

— Возможно. Она вам рассказывала о своих студенческих годах?

— Да.

— О своей первой любви?

— Да.

— Она назвала вам имя?

— Нет.

— Поль был моим младшим братом, Лапрад. Молодой физик с блестящим будущим, как принято выражаться. Но будущее оказалось коротким и закончилось в груде железа: его машина сорвалась с шоссе на скорости в сто восемьдесят километров в час. Меня не было на Земле, когда это произошло, но потом я отыскал его разбитую машину на свалке металлолома — ее еще не успели отправить под пресс. Так вот, рулевое управление оказалось намеренно поврежденным. У меня нет доказательств, но нетрудно представить, что идиллия между нищим Полем Фландри и Стеллой Гендерсон далеко не всем нравилась. Разумеется, следствие провели лишь для вида. Еще один сумасшедший юнец разбился — эка важность! Теперь вы понимаете, почему я ненавижу ММБ и его хозяина? И знаете, Лапрад, я не думаю, что мисс Гендерсон вас предала. Поль был воплощением честности и никогда бы не полюбил девушку, которая не была бы в этом похожа на него. Очевидно, ее обманули так же, как и вас.

— Она могла за несколько лет измениться. Богатство растлевает души.

— Вы сами богаты и даже слишком.

— У меня есть только деньги, но нет «священной собственности». Меня это не интересует, я предоставляю возможность другим умножать мой капитал и до этого года не тратил на себя и двадцатой части даже процентов.

— Ну так как, вы принимаете мое предложение?

— Я всегда готов принять искреннюю помощь, Фландри!

* *
*

Солнце золотило саванну, и красные палатки второй армии Кено ярко горели в его лучах позади кожаных шатров лагеря ихамбэ. Тераи потянулся. Вдали на травяной равнине маршировали черные фигурки — смешанные отряды ихамбэ и кеноитов под командованием Фландри.

— Наконец-то я применил знания,— говорил он,— которые считал совершенно бесполезными: мне их вдолбили еще в кадетской школе. Продвижение под огнем врага перебежками, маневр сближения, расстановка пулеметов и так далее, и тому подобное!

Справа ветер доносил трескотню выстрелов: там тренировались отборные солдаты. Клон-Сифо, кеноитский генерал, подошел к Тераи.

— Скоро, господин Лапрад, мы будем готовы.

— Да, для того чтобы разгромить несколько отрядов горожан. Если бы пришлось иметь дело с регулярной армией... В общем, постараемся справиться и будем надеяться, что нам не придется сражаться по-настоящему.

Он поднялся с кресла и пошел к штабной палатке. Навстречу ему гигантскими прыжками бросился Лео и упал у его ног с тяжелой грацией хищника, радостно хлеща траву хвостом.

— Да, я вернулся, старый мой друг! Нет, я больше тебя не покину, никогда не покину, обещаю. Ты единственный, кто у меня остался.

Родители... Лаэле... Стелла...

Вспоминая события последних месяцев, он все чаще и упорнее подыскивал Стелле оправдания. Она, несомненно, слепо верила пропаганде ММБ, когда прибыла на Эльдорадо. Затем ее гордость была уязвлена его связью с Лаэле. Стелле было трудно избавиться от старых земных предрассудков, и тем не менее она могла бы перейти на его сторону, прояви он больше терпения и будь хоть немного помягче. Перед отлетом она согласилась встретиться с ним, и может быть... Нет, их все разделяло — убеждения, раса, среда! И, в сущности, это было к лучшему.

Задумавшись, Тераи незаметно дошел до стрельбища. Офицеры-инструкторы, три бывших геологоразведчика, отобранных им среди наиболее преданных друзей, окружили гиганта.

— До совершенства им далеко, но стреляют они неплохо и уже прилично знают свое оружие,— доложил самый старший, Нед Соммерсфильд, который был когда-то капралом.— Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Тераи. Если когда-нибудь они повернут это оружие против нас...

— Это нам не грозит, Нед. Сейчас уже семь часов. Как только части вернутся с маневров, скажи Фландри, чтобы собрал командиров отделений. Я хочу с ними поговорить. Что с тобой, Лео?

Сверхлев обеспокоенно поглядывал на запад, ритмично тихо рыча.

— Самолет? Там? Всем рассыпаться по саванне!

Он прислушался. С запада доносился глухой гул, который усиливался с каждой секундой, пока не превратился в пронзительный вой.

— Нет, это не самолет. Это космический корабль. Но только сумасшедший может входить на такой скорости в атмосферу! Сумасшедший или тот, кто спасается от погони...

В высоте над грядой облаков появилась сверкающая точка. Она росла на глазах, приближаясь к земле. Внезапно впереди нее возникло сияние, характерное для антигравитационного поля.

— Слишком поздно! Он свернет себе шею! И совсем близко отсюда!

Тераи уже бежал к возможному месту падения корабля. Фландри за ним. Миниатюрный корабль ударился о поверхность по касательной, взрыл почву, брызнувшую из-под его носа двумя волнами, и замер под скрежет рвущегося металла.

— Космическая яхта! Нашли время для прогулок, идиоты!

Корпус был сильно помят, но уцелел, только в середине зияло отверстие с неровными оплавленными краями. Неудачная посадка тут была ни при чем.

— Термическая торпеда,— бросил Фландри.— По ним стреляли.

Тераи напрягся, пытаясь открыть смятую дверцу шлюза, но даже его титанической силы было для этого недостаточно. Он выстукал по корпусу морзянкой: «Ждите, иду за помощью», приложил ухо к металлу, прислушался. Ничего. Тишина.

— Наверное, их оглушило,— сказал Фландри.— У вас есть газовый резак?

— Да, в моей пещере. Роберт, Нед, бегите за резаком. Вы все отойдите подальше! — добавил он на языке ихамбэ, обращаясь к сбежавшимся воинам.— Эта штука может взорваться в любой момент! Вы тоже, Фландри.

Капитан спокойно закурил сигару.

— Я останусь. Звездолеты — это моя специальность.

— Как хотите. Голова тоже ваша, и она у вас одна.

В ожидании резака они обошли аппарат кругом. Возле носа, там, где должны были находиться название и порт приписки, металл был свежезачищен.

— Корсар? — удивился Тераи.

— Вряд ли! Никакого вооружения. А вот и ваши люди!

Они вырезали во внешней дверце шлюза отверстие, только чтобы проползти, и охладили раскаленные края водой. Внутренняя дверца оказалась открытой, за ней начинался узкий коридор. Тераи и Фландри прошли через помещение, опустошенное взрывом торпеды, открывая уцелевшие герметические двери и срезая петли на поврежденных. Нигде не было ни души. Наконец они добрались до штурманской рубки. Она тоже показалась им пустой, но потом Тераи разглядел при красном тревожном свете сигнальной лампочки какую-то темную массу, зажатую между креслом пилота и пультом управления. Он приблизился, включил свой фонарик.

— Стелла!

— Фландри, к машинам! Выключи все, что еще не выключено! Нед, помоги мне.

Потихоньку, боясь внутренних кровоизлияний, он уложил Стеллу на металлический пол и осмотрел.

Она казалась невредимой, лишь тонкая струйка крови текла из ноздри. Что это, простой разрыв сосуда от удара или перелом носовой кости

черепа? Вошел Роберт в сопровождении двух кеноитов с носилками.

— Подсунь руку под ноги и поднимай, я буду поддерживать спину и голову. Осторожно, черт бы тебя побрал! В мою пещеру! Быстрее!

Тераи взялся за задние ручки носилок.

— Будь трижды проклято все на свете! Как она очутилась здесь? И они стреляли в нее, сволочи!

Голова Стеллы тихонько покачивалась из стороны в сторону; при закатном свете она казалась смертельно бледной.

— Они стреляли в нее! В дочь своего главного шефа! Что происходит в мире? Революция? А эти слюнтяи из БКС поручают мне самую грязную работу и молчат, как утопленники!

— Она вам сама все расскажет,— проговорил наконец Фландри.— Не думаю, что она серьезно пострадала. Просто шок...

— Не знаю, я ничего не знаю.

Он больше не мог притворяться перед самим собой. Да, он ее любил, несмотря ни на что! И если она умрет... Стелла умрет, он отправится на Землю на своем «Таароа» и выжжет ядерными бомбами гадючье гнездо ММБ! Но почему они в нее стреляли?

— Тлонг, подержи носилки, пока я открою дверь! Положите ее на постель, осторожнее. А теперь уйдите все, кроме Фландри.

Он включил переносной радиоскоп, осмотрел ее руки и ноги, косточку за косточкой. Переломов не было. Спинной хребет — тоже все в порядке. С бьющимся сердцем он направил лучи на голову и шумно с облегчением вздохнул. Ни переломов, ни трещин!

— О черт, куда делась эта проклятая сумка с медикаментами?

— Вот она, Тераи.

— Вы сможете сделать укол? Стимулол двенадцать. У меня дрожат руки...

Он рухнул без сил в кресло и закрыл лицо руками. Послышался слабый стон, Тераи бросился к Стелле. Она открыла глаза.

— О, как мне больно! Где я? Тераи, вы здесь! Будьте осторожны, они хотят вас убить. Скоро придут войска... И кофе, кофе! главное, пусть они не пьют кофе! О, как больно! Тераи, неужели я умру?

— Нет, нет, все в порядке! Не шевелитесь! Завтра вам станет лучше. Вы только вся в синяках. Вот, проглотите это и спите!

Он осторожно приподнял ее голову, вложил в рот таблетку и поднес к ее губам стакан воды. Она пила медленно, с трудом, наконец откинулась на подушку и заснула.

Тераи долго смотрел на нее, затем сделал знак Фландри, и они вышли.

— Не волнуйтесь,— сказал ему капитан.— Через несколько дней от этих ушибов не останется и следа. Красивая девушка. Вы счастливчик, Тераи.

— Это дочь Гендерсона, Фландри.

— Однако что она хотела сказать? Прибудут войска, это я понимаю. Но что за история с кофе?

— Может быть, она бредила?

— У нее нет жара. Ладно, завтра утром узнаем.

Тераи проснулся на своей походной кровати как от толчка, прислушался. Заря уже занялась, и сквозь зарешеченное оконце бронированной двери в пещеру просачивался розовый свет.

— Тераи!

— Я здесь. Как себя чувствуете?

— Лучше. Ощущение такое, будто меня измолотили дубинкой!

Она попробовала усмехнуться, но тут же сморщилась от боли.

— Подойдите ближе. Мне трудно говорить громко, а я должна вам рассказать. Это очень срочно! Последние новости с Земли я получила неделю назад, на Клобо. ММБ собирается прислать сюда свои части, скоро они будут здесь. Они решили избавиться от вас любой ценой. А потом у них страшный план...

— У нас еще будет время. Спите, вам нужно набраться сил.

— Нет, я не хочу больше спать. Я должна рассказать вам все.

— Хорошо, говорите.

— Их план ужасен, Тераи! Вы были правы. Их надо остановить во что бы то ни стало. Моего отца и моего брата. Как они могли до этого дойти? До геноцида! И я, я сыграла им на руку, как последняя дура, и они воспользовались мною против вас! Никогда не прощу себе этого! В общем, вот о чем речь. Вы знаете, что такое гипнон восемь?

— Слышал. Успокаивающий препарат для нервных людей, так?

— Да, для людей. Но их биологи обнаружили, что у эльдорадцев гипнон восемь не только убивает дух инициативы; для них он быстро становится привычным и необходимым наркотиком, как для нас морфий. А главное — он делает их бесплодными в девяноста случаях из ста. Они провели опыты на нескольких десятках туземцев, перевезенных на Тихану в обход всех законов.

— Что ж, на этом их можно поймать, и тогда...

— Все туземцы умерли, это же ясно! Не осталось никаких следов!

— Значит, ММБ надеется превратить в наркоманов население целой планеты? Не знаю, как им это удастся. Чего ради туземцам глотать гипнон восемь?

— Им его и не будут давать в чистом виде. Но эльдорадцы обожают кофе, не так ли?

— Совершенно верно! Это единственное, что у меня здесь когда-либо крали, будь то у ихамбэ или в Кено.

— Так вот, избавившись от вас тем или иным способом, ММБ объявит крутую перемену курса, и чтобы подчеркнуть свою благожелательность к туземцам, начнет щедро раздавать кофе во всех доступных уголках планеты. Так они убьют одним выстрелом двух зайцев: туземцы для того, чтобы заполучить кофе с добавкой гипнона восемь, пойдут на все, на любые унижения, и в то же время население начнет резко сокращаться в результате «неизвестной эпидемии», освобождая место для земных колонистов.

— Но общественное мнение на Земле никогда не допустит такого преступления!

— Вы наивный простак, Тераи! Откуда люди узнают об этом? Кто им скажет? БКС будет по горло занято своими делами, защищаясь от тщательно подготовленных и, конечно, ложных обвинений, поддержанных вескими доказательствами, разумеется, тоже фальшивыми. А для нескольких инспекторов, которые сюда доберутся, всегда будут приготовлены мешки с великолепным чистым кофе.

— Да-а-а, этот дьявольский план удался бы, если бы вы меня не предупредили или если бы я исчез. Но как вы узнали об этом?

— Это длинная история, Тераи, я расскажу ее вам вкратце. Когда я прибыла на Эльдорадо, я вас ненавидела и презирала. Вы были помехой на пути грандиозной мечты моего отца — подарить вселенную человечеству! Из глупого идеализма вы вставляли палки в колеса ММБ, которое трудилось на благо всех землян...

— А вы никогда не задумывались о благе обитателей других планет, которые эксплуатировало ММБ?

— Я верила, Тераи, что все грехи колонизации в конечном счете будут покрыты, когда остальные народы приобщатся к нашей культуре. Я прилетела на Эльдорадо предубежденной против вас. Первая встреча не изменила моего мнения: грубый, наглый, надменный, тщеславный и смертельно опасный...

— Короче — настоящий метис, не так ли?

— Дайте мне закончить, Тераи. Но в то же время храбрый, отзывчивый и великодушный...

— И вы подумали, что эти положительные черты дала мне четверть европейской крови...

— Замолчите! Вы совершенно невыносимы. Нет, я не подумала этого. Я была сбита с толку. Мне не удавалось подогнать вас ни под какую категорию. Затем мы отправились к ихамбэ, и по дороге вы не раз спасали мне жизнь, хотя и подозревали, что я пришла к вам с недобрыми намерениями.

— Вы были слишком красивы, я не мог допустить вашей смерти.

— Мало-помалу мое мнение о вас изменилось. Я пыталась вас понять. Мне все труднее становилось бороться с растущей симпатией к вам. Решающей деталью была слеза, пролитая тайком над могилой Гропаса. Кстати, это вы послали его матери тридцать тысяч долларов, чтобы она могла поставить на ноги братьев и сестер?

Тераи кивнул.

— Я долго думала, что это сделало ММБ, но потом убедилась в обратном: они выплатили семье только его жалованье за полгода... Затем мы прибыли к ихамбэ. Была схватка с тигром, был праздник Трех лун. Я уже не знала, что думать. Чего вы хотели? Какие чувства питали ко мне? Порой я ощущала только ваше бесконечное презрение, но иногда мне казалось, что вы... относитесь ко мне по-дружески.

— Я и сам не разбирался тогда в своих чувствах, Стелла.

— И все это время я колебалась. Мне казалось тогда, что ММБ, которым управляет мой отец, не может быть таким отвратительным чудовищем, каким вы мне его представили. Но с другой стороны — я чувствовала вашу правоту и краснела каждый раз, когда вела тайком съемку кадров, которые могли стать оружием против вас и ваших друзей. И еще была Лаэле...

— Не говорите о ней, Стелла, прошу вас. Этого вам никогда не понять!

— Я уже почти перешла на вашу сторону, но потом, когда увидела, как вы пытаете пленных...

— А что бы вы от меня хотели? Может быть, я был не прав, но я один, один, совсем один против всей мощи ММБ! Один против всей Земли, вернее — почти всей, потому что БКС пока бессильно, а правительство не вмешивается в такие дела. О, я знаю, я совершил немало тактических ошибок. Но я не генерал, Стелла, и не политик. В этой коварной войне я всего лишь дилетант, который отражает удары как может и наносит их как умеет, даже ниже пояса! Я не бог и не политический гений. Я часто ошибался и, может быть, сейчас ошибаюсь. Если это так, я заплачу за свою ошибку дорогой ценой, и мои друзья тоже, но я не вижу другого выхода...

— Как бы там ни было, возвращаясь на Землю, я решила выполнить план, ради которого была послана сюда под видом журналистки. У меня были кадры микрофильмов, выставлявшие туземцев в довольно невыгодном свете,— нужно было только их отобрать и смонтировать. Однако я

поклялась использовать все свое влияние на отца, чтобы после получения неограниченной лицензии он гуманно отнесся к туземцам. Я хотела убедить его назначить вас нашим резидентом на Эльдорадо, если вы согласитесь проводить нашу политику. А если откажетесь — ни в коем случае вас не трогать.

— Значит, вот почему он мне это предложил... Да, да, в тот самый день, когда вы сбежали! Но почему они вас заперли, если вы решили им помогать?

— По чистой случайности через три дня после возвращения я заметила, что отец не запер свой секретный сейф. Сам он был в Австралии. В сейфе я нашла неопровержимые доказательства. Там был план свержения правительства, отчеты об экспериментах над эльдорадцами и страшный приговор всей их расе. Потрясенная, я все сфотографировала и положила на место. Мой старший брат едва не застал меня врасплох — он-то был в курсе всех этих замыслов! Я нашла там еще кое-что: доказательство, что несчастный случай с Полем, молодым физиком, который любил меня, когда мне было девятнадцать лет, был совсем не случайной аварией. У отца относительно меня были другие намерения!

— Мир тесен, Стелла. Знаете, кто доставил мне оружие на Эльдорадо? Брат Поля, бывший капитан Звездной гвардии Доминик Фландри!

— Бывший капитан? Непонятно. Два года назад он командовал целой флотилией!

— Смотри-ка! А он мне сказал, что вышел в отставку пять лет назад! Придется поговорить с ним на эту тему. Но что вы сделали с документами, Стелла?

— Я могла бы переслать их правительству, но это было опасно. У ММБ всюду свои люди, и я их не знаю. Поэтому я отправила фотопленку заказным письмом моей старой подруге, которая живет на Клобо. Я просила ее сохранить запечатанный пакет, пока я не прилечу за ним лично. Сейчас документы здесь, в сейфе моей яхты. Короче, обеспечив, как мне казалось, свои позиции, я дождалась возвращения отца, и у нас произошел крупный разговор. Отец пришел в такую ярость, что приказал своим телохранителям немедленно арестовать меня и держать под замком.

— В клинике?

— В какой клинике? Ничего подобного! На нашей вилле в Колорадо. О, это была золотая клетка! У меня были книги, телевизор, все что угодно, кроме права выходить или разговаривать с кем-либо по телефону. Так я увидела телепрограмму с моими фильмами, очень ловко смонтированными, так я узнала из последних новостей, что вы прибыли на Землю. И тогда я решила бежать, чтобы найти вас и предупредить.

— Как же вам удалось?

Она устало улыбнулась.

— Самым простым и древним способом. Я соблазнила моего тюремщика! На это ушло всего четыре дня. На пятый день он потерял голову и всякую осторожность, подошел ко мне слишком близко, и я оглушила его вазой для цветов. Остальное было легко. Я взяла у него ключи, добежала до ангара, где стояла моя космическая яхта,— у меня уже давно диплом космонавта,— и поскольку я знала, что вы улетели, я устремилась к Эльдорадо, завернув по пути только на Клобо, чтобы взять документы. Там я узнала, что всемирное правительство выдало на Эльдорадо неограниченную лицензию, утвердив ее простым большинством голосов, потому что с двумя самыми ярыми противниками ММБ накануне заседания произошел «несчастный случай». Одновременно я узнала, что меня разыскивает полиция, как сбежавшую из дому «в результате временного помешатель-

ства». Тогда я решила замаскировать свою яхту, но успела только счистить старое название и номер: пришлось срочно улетать. На орбите Эльдорадо патрульный корвет хотел остановить меня для досмотра. Я не ответила. Тогда они выпустили термическую торпеду. Остальное вы знаете.

Некоторое время Тераи молчал и думал.

— У вас сложное положение, Стелла. Благодарю от души за все, что вы сделали, это с лихвой окупает тот вред, который причинили ваши фильмы. Я сейчас возьму документы из вашего сейфа и постараюсь переправить их в БКС. Как это сделать, пока не знаю. Я бы, конечно, мог доставить их сам, но теперь, когда ММБ получило неограниченную лицензию, одна из их флотилий наверняка уже движется к Эльдорадо. Поэтому я не могу покинуть планету. А, вспомнил, выход есть! Через несколько дней сюда прибудет крейсер БКС. Я передам документы капитану, это один из моих старых друзей. Какая комбинация у вашего сейфа?

Стелла покраснела.

— Там звуковой замок. Произнесите отчетливо: Стелла и Тераи. Да, я подумала, что никто... Но я пойду с вами!

— Нет. Прежде всего вам надо еще отдохнуть. А главное, я не знаю, что вас ждет снаружи. Выходить вам небезопасно. После возвращения с Земли я имел глупость рассказать, кто вы такая. Большинство ихамбэ поверят мне, когда я признаюсь, что ошибся, что на самом деле вы с нами, но остальные, например Эенко... Он ненавидит вас как личного врага, потому что считает, будто вы виноваты в гибели Лаэле.

— Вы думаете, что он...

— А я ничего не знаю! Мне кажется, я понимаю ихамбэ лучше всех, насколько вообще можно понимать представителей другой разумной расы. Лаэле я понимал до конца. Но ее брата? Иногда мне удавалось проникнуть сквозь панцирь его гордой невозмутимости, а иной раз... Лишь в романах автор, сам создающий своих героев, может заглядывать к ним в душу, когда захочет. В жизни мы знаем людей только снаружи. Даже ваш отец и ваш брат годами скрывали от вас свою истинную сущность, а ведь вы достаточно проницательны. В общем, ждите меня здесь, я запру дверь снаружи, и вы будете в безопасности. На всякий случай вот вам пистолет, держите его под рукой.

Эенко ожидал его, сидя на уступе скалы в окружении пяти молодых воинов. Когда появился Тераи, он встал и торжественно приветствовал его поднятием руки.

— Мне сказали, что плохая женщина здесь, Россе Муту.

— Да, Эенко Тене. Но она не плохая.

— Должно быть, велика власть женщин твоего народа, Россе Муту, если ты так быстро изменил о ней мнение.

— Мудрый человек меняет свое мнение, когда видит, что ошибся, только глупец упрямится. Вечером на большом совете я объясню, почему отношусь к ней теперь по-другому, и расскажу о новой опасности, которая нам угрожает. Эта женщина прилетела предупредить нас о ней, рискуя жизнью!

Эенко злобно усмехнулся.

— Плохая женщина всегда находит слова, которые превращают черное в белое, но только безумец им верит.

— У меня есть доказательства, воин!

— Доказательства для тебя и для твоих людей. Но много ли стоят они для ихамбэ?

— Я представлю их сегодня вечером. Совет решит.

— Прогони эту женщину, Россе Муту! Вспомни, мы были братьями.

Мы долго шли по одной тропе, но мы разойдемся, если ты пойдешь по этой лунной дорожке. Она заведет тебя в болото, в зыбучие пески, и ты будешь тонуть, и никто не протянет тебе руку, и ты погибнешь. Прогони эту плохую женщину, иначе она умрет!

— Ты угрожаешь мне. Эенко?

— Предупреждаю, Россе Муту!

Тераи почувствовал, как в нем закипает страшная ярость человека, все планы которого рушатся из-за тупого фанатизма.

— Обдумай хорошенько свои слова, Эенко! Стелла под моей защитой. Кто покушается на нее, покушается на меня!

— Ты потерял разум, Россе Муту! Она опоила тебя зельем из волшебных трав. Ты встал на сторону злой колдуньи, которая погубила твою жену, мою сестру! На сторону дочери проклятого народа, прилетевшего с неба!

— Я тоже сын этого народа, не напоминай мне об этом слишком часто. Но я все же уверен, что совет выслушает меня и поймет, и ты сам поймешь...

— Никогда! И раз ты упорствуешь, да переломится наша дружба, как ломается это копье!

Он схватил тонкое древко, сломал его посередине и бросил обломки к ногам Тераи.

— *Око Сакуру!* Именами Тинан, Тана и Антафаруто я, Эенко Тене, клянусь, что отныне между нами разрублена связь крови и охотничьей тропы!

С бесконечной печалью Тераи нагнулся, подобрал обломок с наконечником и воткнул его перед собой в землю.

— Да будет так. *Око Сакуру!* Да падет кровь тех, кто погибнет, на твою голову, о безумец, внимающий только своей ненависти! Когда война кончится,и если мы будем живы, то сразимся с тобой перед старейшинами! Но пусть твои боги задушат тебя, если ты тронешь Стеллу. Если хоть волос упадет с ее головы, я прикажу воинам взять хлысты и гнать тебя, как собаку, пока ты не издохнешь! А теперь прочь отсюда. И если ты подойдешь к этой двери ближе, чем на сто шагов, я спущу на тебя Лео!

Завернувшись в одеяла, Тераи спал перед входом в грот, где отдыхала Стелла. Лео тихонько заворчал. В тот же миг Тераи был на ногах с пистолетом в руке.

— А, это ты, Фландри? Что случилось?

— Ничего, просто проходил мимо. Ночь слишком хороша, чтобы спать.

Он указал рукой на долину, где по морю трав при свете трех лун перекатывались волны зыбких теней.

— Раз уж вы здесь, садитесь поближе. Нам надо поговорить.

— Что сегодня случилось? Похоже, вы крупно поспорили с тем высоким дикарем.

— Он был моим шурином, Фландри, а теперь он мой враг.

Тераи объяснил, что произошло.

— Дело скверно. Он, кажется, вождь?

— Да, но это не имеет значения. У нас с ним личные счеты, которые мы сведем позднее. Скажите, Фландри, почему вы мне солгали? Какую игру вы ведете?

— Я? Солгал?

— Да, вы сказали, что ушли из Звездной гварди пять лет назад и что

вы объявлены на Земле вне закона, а Стелла видела вас всего два года назад в чине коммодора флотилии.

Фландри скорчил гримасу, затем расхохотался.

— Ай-яй-яй! А я так старательно заметал следы на Англии! Откуда я знал, что сюда явится какой-нибудь землянин, который меня знает, и тем более — мисс Гендерсон? Ладно, карты на стол!

Он порылся в кармане, вытащил жетон.

— Вот. Полковник Фландри, Секретная служба Звездного флота. Нас тоже давно беспокоят непомерные претензии ММБ. Надо было как-то задержать рост их могущества. Поэтому два года назад — на сей раз действительно два года, а не пять, Тераи!— меня объявили вне закона «за дезертирство с кассой флотилии». Звездная гвардия ничего не могла делать, а пираты могли хотя бы время от времени уничтожать автоматические грузовые корабли ММБ. Правда, на свой страх и риск. Но, признаюсь, ваш план мне нравится больше.

— И наверное, вам очень нравится роль эдакого конспиратора?

— Это не совсем так. Видите ли, Тераи, кто-нибудь из Фландри всегда служил в армии. Это у нас в крови. И я думаю, в будущем, когда Земля создаст наконец свою галактическую федерацию, в космическом флоте всегда будут Фландри, и готов побиться об заклад, что среди них найдется хоть один Доминик. Мы никогда не отличались фантазией при выборе имен для своих потомков! И все они были циниками, драчунами, бабниками и чертовски сентиментальными романтиками. Такими же, как вы!

Тераи рассмеялся.

— Ну а теперь какова ваша цель?

— Я уже сказал: помогать вам. Из личных соображений, чтобы отомстить за брата, или в качестве полковника Секретной службы, вам-то какая разница? Но позвольте один вопрос. Кажется, вы не собираетесь использовать в этой войне свой звездолет. Почему?

— С «Таароа» я, конечно, мог бы разрушить Порт-Металл за десять минут. Но на Земле это сочли бы обыкновенным пиратским нападением, и никто бы не поверил, что меня поддерживают туземцы. Поэтому предпочитаю оставить «Таароа» про запас. Если уж дело будет совсем плохо, тогда...

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ

Армия гигантской змеей ползла по саванне. Далеко впереди ныряли в травах разведчики ихамбэ с длинными луками и автоматами, за ними двигались кеноиты, вооруженные скорострельными карабинами. Позади домашние биштары Кено, трубя, тащили повозки с тяжелым оружием. Каждая десятая была превращена в платформу противовоздушной обороны: на них щетинились дула зенитных пулеметов, острые морды ракет и горбы аппаратов радионаведения, за пультами которых сидели геологоразведчики. Наконец, в арьергарде двигались вся масса воинов ихамбэ и обоз с продовольствием.

С вершины холма Тераи, Фландри и Стелла, окруженные десятью телохранителями-кеноитами, смотрели, как проходят войска.

— Мы пересечем саванну по стране михосов, они нам не станут чинить препятствий. Затем пройдем восточнее гор Томбу и спустимся в долину Нианги, которая выведет нас прямиком на Порт-Металл. Я предпочел бы оставить вас в лагере, Стелла, но я боюсь. Эенко с двумя десятками воинов исчез. Первый раз вижу, чтобы ихамбэ нарушал закон *Око Сакуру!* Мне это не нравится. Когда все наши десять тысяч воинов дойдут до пещер Боро-Орок, я один с маленькой группой пойду вперед на разведку.

— Но почему? Разве это не опасно?

— Мне надо узнать, прибыл ли крейсер БКС. Если да, то все может обойтись без кровопролития. Я приведу капитана в пещеры, покажу ему, что мы готовы к настоящей войне, и тогда — ограниченная лицензия или неограниченная — он объявит планету на карантине. И ММБ ничего не сможет поделать, потому что земляне решительно против колониальных войн! Мы будем отрезаны от мира самое большее на десять лет. А за это время БКС... в общем, за это время может случиться многое.

— А если крейсера еще нет?

— В таком случае мне надо будет самому разведать оборону противника, узнать, прибыли их транспорты с войсками или нет. Кроме того, у меня друзья в городе и даже на заводе, среди специалистов. Они могут нам помочь, но для этого мне надо установить с ними связь. Все это импровизация, Стелла. Я уже говорил, я не Наполеон, и к тому же все мои планы нарушены. Мне отчаянно не хватает хорошей разведки! Я не знаю, что они там замышляют в Порт-Металле. К счастью, они, кажется, осведомлены не лучше нас и, возможно, даже не подозревают, что у меня есть армия и что она уже выступила!

— Но... если вас арестуют?

Тераи презрительно махнул рукой.

— Не полезу же я туда в одиночку!

* *
*

Тераи раздвинул кустарник, оглядел город в бинокль. Порт-Металл лежал у подножия холмов, и сверху казалось, что там все спокойно. Дымили трубы заводов, по мосту через Нианту с грохотом проходил состав, по улицам катили автомашины, и было их не больше и не меньше, чем в обычные дни. Но в астропорту возвышалась громада «Германа Швабе», крейсера БКС, а на другом краю поля стояли два больших транспорта ММБ, из чрева которых потоком шли люди и грузы.

— Мы прибыли вовремя! Роберт, возвращайся и прикажи армии обложить Порт-Металл, но не ближе чем в километре от городской черты. Сразу же поставь на этом холме две ракетные установки и держи астропорт под прицелом. Но, смотри, без фокусов! Когда получишь приказ, не вздумай стрелять по крейсеру. Жди около батареи. Если услышишь в городе стрельбу — это сигнал, открывай огонь и на штурм! Ты понял?

— Да, Тераи. Но скажи, неужели придется стрелять в товарищей? Ведь они там ничего не знают!

— Для этого я туда и иду. Чтобы их предупредить.

Роберт исчез в густых зарослях.

— Так! Стелла, ждите меня здесь вместе с охраной. Если все будет

хорошо, я вернусь через три часа. Пойдем, Лео! И вы, остальные, за мной!

Он спустился по склону в сопровождении десяти отборных стрелков — пяти геологоразведчиков и пяти кеноитов, прошел сквозь заросли кустарника и выбрался на шоссе, идущее параллельно железной дороге к ущелью Кхабер. Мимо проскочила машина с вооруженными людьми, которые не обратили на них внимания.

Они дошли до первых домов: ставни опущены, двери закрыты. По-видимому, все отсюда ушли.

По мере приближения к центру улицы становилось оживленнее: с озабоченным видом проходили мужчины, проехало несколько автомашин, кое-где в маленьких садах перед домами сидели женщины и играли дети. Затем они натолкнулись на импровизированную баррикаду: два грузовика, поставленных впритык, загораживали улицу, а за ними стояло шесть человек с ружьями.

Тераи подошел к ним один.

— Стой!

— Что происходит? Уже нельзя пройти к себе домой!

— А, это вы, Лапрад! Что вам здесь нужно?

Тераи узнал мастера с завода.

— Хочу вернуться к себе, это мое право.

— С оружием?

— А почему бы нет? Я всегда хожу с оружием.

— В городе осадное положение.

— Хорошая новость! Но почему?

— Опасаются нападения враждебных племен. Да вы должны знать об этом в десять раз больше меня!

— Я? Там, где я был, все спокойно. Впрочем, мне на все наплевать, я хочу вернуться домой, и вы не имеете права меня задерживать, это незаконно. Вы не полиция...

— Согласно статье четвертой неограниченной лицензии...

Тераи прикинулся изумленным.

— Ого, значит, вы получили неограниченную лицензию? Черт возьми! Будут неприятности! Тем более я должен поскорее добраться до дому, чтобы уложить чемоданы. Так что не задерживайте нас!

Пока он говорил, его люди приблизились.

— А это кто?— спросил другой горожанин, показывая на кеноитов.

— Наши слуги! Они имеют право три дня оставаться с нами.

— Ладно, проходите.

Командир заградительного отряда задумчиво почесал в затылке.

— Послушайте-ка, Лапрад! На вашем месте я не подходил бы близко к заводу. Там на постах только что прибывшие новички, говорят, за вами охотятся. То же самое на подступах к астропорту.

— Спасибо, Джонс, я этого не забуду. А на вашем месте я бы перестал играть в солдатиков. Это опасно! Иногда карабины стреляют сами по себе...

Они прошли через центр города и направились к астропорту. Перед большими воротами стояла цепь солдат в черных мундирах, частная полиция ММБ. Два пулемета в гнездах из мешков с песком держали под прицелом всю площадь. Тераи резко остановился и нырнул в ближайший подъезд. Отсюда он внимательно оглядел в бинокль вражеские позиции. Сто человек. Позади них в одном из пулеметных гнезд торчала нелепая высокая фигура: он узнал Гориллу Джо. Но по бокам, у входа для пассажиров, так же как у более широких ворот для автомашин, виднелись другие фигуры в синем, в мундирах космического флота БКС.

— Оставайтесь все здесь! Я пойду один. Они не имеют права меня арестовать. Но если, не дай бог, дело обернется плохо, забросайте гранатами пулеметы. Том, поручаю это тебе. Все ясно?

Отмахнувшись от возражений, Тераи двинулся к воротам астропорта. Лео следовал по пятам, стелясь по земле, как перед прыжком.

Увидев Тераи, Горилла Джо наклонился и сказал одному из своих лейтенантов:

— Прекрасно! Недоумок сам лезет в волчью пасть! Предоставьте его мне, я с ним разделаюсь.

— Но, шеф, а как же звездники из Космического флота?

— Как обычно, никак. К тому же будет уже поздно. И наконец, я здесь личный представитель Гендерсона!

Он лениво зашагал навстречу Тераи и остановился на полпути от ворот.

— Что вам здесь понадобилось, Лапрад? Ваша карта бита, мы получили неограниченную лицензию. Убирайтесь отсюда, и поживее! Вместе со своим вшивым львом!

Тераи продолжал медленно идти и остановился только в двух метрах от него.

— Плевать мне на вашу лицензию! Вы не имеете права запретить мне говорить с капитаном крейсера БКС, который стоит здесь, и вы это знаете. Прикажите вашим людям пропустить меня.

— А если не прикажу?

— Вы в этом раскаетесь. Всемирный кодекс от 2077 года предписывает каждому капитану космического флота поддерживать закон и порядок, где бы он ни находился. Ваши транспорты ничто по сравнению с боевым кораблем.

— А кто вам сказал, что звездники встанут на вашу сторону?

— Я требую только того, что мне положено по закону: возможности переговорить с капитаном и изложить ему нашу точку зрения. Пропустите меня!

В дверях астропорта появился человек в синем мундире и широкими шагами направился к ним. Тераи узнал Джека Сильвера, Горилла Джо тоже его увидел. Он пожал плечами, сделал безразличный вид.

— Будь по-вашему. Эй, пропустите его!

Стволы автоматов опустились. Тераи двинулся навстречу офицеру, прошел мимо Джо. С обезьяньей ловкостью тот выхватил пистолет из-за пояса. Но недостаточно быстро. Огромная лапа с острыми когтями упала ему на руку, вырвав оружие и мышцы предплечья. Одновременно вторая лапа сломала ему шею.

Настала мертвая тишина. Охранники ММБ, оцепенев, смотрели на своего поверженного начальника. Тераи стоял с пистолетами в обеих руках, Лео прижался к земле, готовый к новому прыжку, Джек Сильвер, бледный как смерть, держал фульгуратор наизготовку. Затем почти одновременно раздалась короткая пулеметная очередь и глухой взрыв гранаты. Тераи бросился на землю, увидел, что Сильвер упал как подкошенный, услышал рядом захлебывающийся львиный рев и начал стрелять по цепи черных фигур, бегущих от бледных лучей фульгураторов. Легкий танк прорвал заграждение, ударил по охранникам ММБ с фланга, и в то же время оглушительно заревел мегафон:

— Прекратить огонь! Прекратить огонь, иначе пустим газ!

Стрельба прекратилась.

Тераи встал. Двое в синих мундирах поднимали Сильвера, раненного

в обе ноги. Трупы в черном валялись у развороченных мешков с песком и искореженных пулеметов.

Тут Тераи вспомнил о Лео. Он лежал, уронив голову на вытянутые передние лапы, и кровь растекалась из-под его живота. Тераи бросился к нему.

— Лео, дружище, они убили тебя!

Он наклонился. Лев еще дышал, но по всему его правому боку шел ряд кровавых отверстий от пулеметной очереди.

— Лео! Они мне за это заплатят, проклятые!

Он присел, подсунул руку под морду льва. Большие желтые глаза с трудом открылись, уже стекленея, и закрылись навсегда. Тераи осторожно опустил тяжелую голову и в прощальной ласке запустил пальцы в жесткую гриву.

— Спи, Лео, мой старый друг! Мы вместе славно сражались... Спи с миром, старина, ты будешь отомщен. Джон, Патрик, возвращайтесь к армии. Приказ: атаковать! Впрочем, они и без того слышали выстрелы и, наверное, уже идут на город. Я сейчас, только сведу один маленький счет. Дай мне твой автомат!

У ворот космонавты разоружили наемников ММБ и сгоняли их в кучу под охрану двух солдат. Тераи двинулся к ним с остановившимися, мертвыми глазами.

— Тераи! Куда ты?

Сильвер сидел на стуле, обе ноги его были перевязаны.

— Заплатить им за Лео.

— По безоружным не стреляют, Тераи! У нас и так на сегодня довольно жертв.

— Когда давишь гнид — это не преступление!

— Ты не вправе судить и казнить. Если здесь есть гниды, я раздавлю их сам! Не усложняй мне задачу, не заставляй считать тебя тоже врагом закона!

— Угрозы, Джек?

— Нет, Тераи. Никаких угроз между нами, ты это знаешь.

— Тебе бы вмешаться раньше!

— А почему ты сам со мной не связался? Два дня я вызывал тебя по радио.

Тераи развел руками.

— Я был в пути. Они получили неограниченную лицензию. Что мне оставалось делать, чтобы вырвать эту планету из их когтей? Единственное — доказать, что неограниченная лицензия означает войну!

— Нет! Довольно крови! Через год мы будем достаточно сильны и сами расправимся с ММБ. Тебе это известно.

— О, ты знаешь этот великий план? А что останется через год от Эльдорадо? К сожалению, ты не знаешь их плана. Он очень прост — геноцид! Как всегда, вы прибываете слишком поздно.

— Откуда у тебя эти сведения?

— От Стеллы Гендерсон, дочери генерального директора ММБ, да, да, от нее! Она раскрыла мне их замыслы и привезла доказательства. Она там, с моей армией. Ты можешь взять ее под свою защиту до конца сражения?

— Да, конечно. Но если то, что ты мне сказал, правда, мы можем немедленно отобрать у них неограниченную лицензию и...

Оглушительный взрыв оборвал его. Осколки бетона брызнули к небу из-под танка. Затем над астропортом взлетели дымные гейзеры.

— Можете? Вот тебе их ответ, Джек! Беги, спрячься за статьями законов и уложений. До свидания, Джек, или прощай,— кто знает! Эй, все за мной!

* *
*

Они встретились на перекрестке улиц после короткой, но яростной схватки разведчиков и кеноитов с защитниками очередной баррикады. У Тераи было лицо, как в самые тяжкие дни, замкнутое и жестокое.

— Они убили Лео, Стелла. Я потерял своего лучшего друга! Он умер, защищая меня. Но я отомщу за него, клянусь!

— Тераи!

— Что?

Она заговорила по-французски.

— Не будьте слишком жестоки! Многие из них совсем не плохие люди, они только подчиняются приказу...

Он горько усмехнулся.

— Постараюсь об этом не забыть. Перед тем как штурмовать заводы, я пошлю к ним парламентера. А сейчас я вам дам охрану, и, как только мы очистим путь, вас проводят к крейсеру. Там вы будете в безопасности, сможете улететь вместе с ними и вернуться на Землю. Я не знаю, чем все это кончится, меня могут убить, мы можем потерпеть поражение...

— Но зачем продолжать кровопролитие? Капитан крейсера...

— Прежде всего думает о безопасности своего корабля, и дел у него хватает! Он не может сейчас вмешаться. И люди ММБ не пойдут на перемирие!

— Я не хочу возвращаться на Землю, Тераи! Я хочу быть здесь, с вами!

— Вы сошли с ума! Эльдорадо будет объявлено на карантине, отрезано от всего вашего цивилизованного мира, может быть, на десять лет!

— Какое мне до этого дело! Я хочу остаться с вами, потому что я вас люблю.

— Стелла!

Он схватил ее на руки и поднял как игрушку.

— Стелла! Вы останетесь со мной? Ну тогда я выиграю эту битву! Вдвоем мы поведем эльдорадцев по пути настоящей цивилизации. Мы превратим эту планету в райский сад, и когда несчастные земляне вернутся, мы посмеемся над ними, мы с вами, Стелла, и наши дети! И дети разведчиков, которые останутся с нами!

Внезапно он поставил ее на землю.

— Иено! Патрик!— загремел его голос.— *Афорате кна!* Вперед! Стелла, где бы вас укрыть? В моем доме есть бронированный подвал. Там вы будете в безопасности. Только никуда не выходите. Жозеф, отведи мисс Гендерсон ко мне. Вот ключ. Стелла, там есть на всякий случай оружие. Ну до скорой встречи!

Он схватил ее, крепко поцеловал.

— Бегите, сейчас пойдет дождь, и вы промокнете. Я буду звонить время от времени.

И он исчез за углом, прежде чем она успела произнести хоть слово.

Сражение продолжалось уже пятый час с неослабевающей яростью. В стене вокруг заводов зияли широкие бреши, пробитые орудиями Тераи, но защитники держались упорно, и на соседних улицах лежало уже немало трупов людей — кеноитов и ихамбэ. Густая колонна дыма поднималась над горящими цехами, где разлился расплавленный металл из поврежденных домен. Над астропортом на небольшой высоте парил крейсер. Внизу розовели наполовину расплавленные остовы транспортов ММБ. Тераи, сидя на террасе астропорта, где он устроил свой командный пункт, отрывался от бинокля только для того, чтобы отдать приказание.

— Оокну!— обратился он к офицеру-кеноиту, который стоял рядом.— Подкрепление на левый фланг! Там наша линия слишком слаба, ночью враг может сделать вылазку, прорвать ее и сокрушить весь фронт. Ах, если бы у меня был хоть один танк! Что там случилось?

Прибыл посыльный-кеноит.

— Командир крейсера хочет с тобой говорить, господин! И еще — в городе видели Эенко с несколькими его воинами.

Тераи нахмурился. Что понадобилось здесь мстительному ихамбэ?

— Хорошо, передай капитану, что я спущусь к нему. И пошли патруль следить за Эенко.

Сильвер ждал его на первом этаже, на носилках, которые внесли четыре астронавта. Двенадцать человек вооруженного эскорта сопровождали его. Он приподнялся на локте.

— Ты выиграл, Тераи. Я обязан объявить карантин! Для ММБ Эльдорадо потеряно. Надеюсь, планета не будет потеряна для Федерации Человечеств.

— Федерации Человечеств?

— Мы надеемся, что через несколько лет она придет на смену Земной Империи. Возможно, ты был прав, возможно, необходим был такой жестокий конфликт. Фландри, которого я только что видел, уверяет, что это было единственным выходом. Я тоже думаю, что на Земле у многих откроются глаза, когда там узнают правду об Эльдорадо! А сейчас прекрати это сражение, оно больше ни к чему. У нас достаточно доказательств, что туземцы на твоей стороне. И дай мне документы, о которых ты говорил. Благодаря им карантин, может быть, и не продлится все десять лет.

— Подлинные микрофильмы хранятся в моей пещере в селении ихамбэ, но копии со мной. Вот они! Что касается Федерации Человечеств, ...возможно, это выход. Но как остановить сражение? Я бы с удовольствием, но нужно еще, чтобы другие согласились!

— Они согласятся, если ты обещаешь сохранить им жизнь и если я им это гарантирую.

— Хорошо. Я отдам приказ прекратить огонь. До свидания, Джек, и спасибо за все!

Он поднялся на верхний этаж, и вскоре к нему присоединился Фландри. Постепенно сектор за сектором стрельба утихала. Спустилась ночь, пламя пожаров освещало снизу дымные тучи, стлавшиеся над городом. Сильвер на машине с включенными фарами под белым флагом исчез в уцелевших заводских воротах.

— Ну что, Тераи-победитель?— обратился к нему Фландри.— Что испытывает человек, изменивший судьбу планеты? И что он собирается делать дальше?

— Ничего, кроме усталости! А что делать дальше?— Тераи горько усмехнулся.— Постараемся избежать ошибок, совершенных на Земле, хотя это будет нелегко. На Эльдорадо множество разных племен и зачаточных империй, которые никогда не соприкасались с землянами. Они дорожат своей независимостью, люто ненавидят друг друга, прозябают в варварстве. Я попытаюсь объединить их до того, как они приобщатся к техническому прогрессу, иначе войны их станут по-настоящему кровопролитными. К счастью, здесь уже есть ядро — сильная и миролюбивая империя Кено.

— И для начала вы поможете кеноитам завоевать весь континент?

— Боже упаси! Никаких завоеваний! Медленное культурное проникновение. Но это будет нелегко!

Он вздохнул.

— На это понадобится не десять лет карантина, а двести или триста! Если бы только нас оставили в покое! Но едва снимут карантин... В общем, посмотрим. А вы что думаете делать?

— Очевидно, вернусь в Звездную гвардию. Не очень увлекательно, но, как говорят американцы, стреляя друг в друга,— это единственное развлечение в городе. Буду вас навещать время от времени, и если вам понадобится помощь...

— Спасибо, я не забуду. Пойду позвоню сейчас Стелле, сообщу ей добрую весть. А вы займитесь, пожалуйста, электроцентралью: надо осветить хотя бы улицы.

Он попробовал связаться со Стеллой, но на другом конце никто не отвечал. Охваченный страшной тревогой, Тераи бросился к своему дому под проливным дождем.

Стелла нетерпеливо ждала, сидя в бронированном подвале. Жозеф, которому Тераи поручил ее охранять, расположился у выхода. Время от времени он окликал пробегавших мимо людей, расспрашивал и сообщал Стелле, как идет бой. Но он решительно, хотя и вежливо, не позволял ей самой подниматься наверх.

— Подождите здесь, мисс. Наверху слишком опасно, и если с вами что-нибудь случится, Тераи освежует меня живьем! Снаряды вокруг так и рвутся...

Дважды звонил Тераи, ободрял ее и вешал трубку. Затем телефон умолк на несколько часов. Она потеряла терпение и попыталась дозвониться до Тераи сама. Тщетно. Он сменил командный пункт, и дежурный у телефона не знал, где его искать. Она взяла книгу, другую, перелистала их, но читать не смогла. Особенно сильный взрыв потряс дом, и она услышала над головой шум обвала. Стелла бросилась к лестнице, позвала Жозефа. Ей никто не ответил.

Снаряд разорвался на втором этаже, и обломки загромождали коридор. Жозеф лежал на пороге, голова его была проломлена осколком. Стелла на мгновение заколебалась, прислушиваясь: все было тихо, стрельба прекратилась. Она сбежала в подвал, попыталась еще раз дозвониться до Тераи. Теперь на том конце провода вообще никого не было. И тогда, потеряв голову от беспокойства, она взяла с оружейной полки автомат, проверила магазин и вышла.

Удар отбросил ее назад. Стелла, ничего не понимая, посмотрела на длинную оперенную стрелу, вонзившуюся ей под левую грудь, и рухнула на ступени. Она еще успела увидеть жестокую усмешку склонившегося над ней Эенко, затем погрузилась во мрак.

Здесь, на пороге своего дома, и нашел ее Тераи через несколько минут. Она лежала, скорчившись, лицом к небу, и редкие капли дождя медленно текли по ее щекам, как слезы.

ЭПИЛОГ

Армия возвращалась в страну ихамбэ, длинная вереница людей и повозок с оружием, припасами и добычей, с женщинами и детьми геологоразведчиков, рабочих и нескольких инженеров, которые предпочли остаться на Эльдорадо на время карантина. Бесконечной лентой тянулось это шествие, огибая рощицы и холмы. Временами оно исчезало в высокой траве, и тогда над саванной возвышались неровной цепью только навьюченные, недовольно трубящие биштары. Тераи шагал впереди, ничего не замечая, в суровом молчании; лишь временами он прерывал молчание, чтобы отдать короткий резкий приказ. Он шел, но внутренне был недвижим: все в нем оцепенело с тех пор, как Стеллу зарыли на вершине холма над Порт-Металлом рядом с могилой Лео. Много дней работали люди и машины, приносили и привозили камни и глыбы, бульдозеры сдвигали и трамбовали землю, и теперь они оба покоились под огромным курганом, неизмеримо выше тех, которые во тьме забытых времен варварские племена насыпали над погребениями своих вождей.

Он шел, глухой ко всему, что его окружало. Сильвер и Фландри навестили его перед отлетом, о чем-то говорили, но он не помнил о чем. Карантин был объявлен, ММБ проиграло войну... Ему все было безразлично. Даже о мести сейчас он не думал.

Армия пересекла лес и углубилась в саванну. Надвинулись тучи, и хлынул дождь. Он не видел туч, не чувствовал холодных струй, хлеставших его по лицу. Он шел.

Лаэле... Лео... Стелла... Что ему до всего остального? Лаэле, дикарка чужого мира, была для него воплощением нежности. Лео — неподкупный, надежный друг. И Стелла, обретенная слишком поздно и слишком быстро утраченная. Стелла была одной с ним крови и могла бы стать матерью его детей. Все погибли, всех унесла кровавая буря, которую он сам вызвал... Был ли он прав? Стоило ли Эльдорадо такой цены? Он не знал. Он вспоминал все свои ошибки, все просчеты. Он должен был лучше охранять Стеллу, должен был считаться с фанатической ненавистью Эенко. Должен был... К чему теперь это? И теперь он шел один в окружении своих спутников, хранивших глубокое молчание,— из уважения к его скорби и из страха перед его неистовыми вспышками гнева. Один. И так, наверное, до самой смерти.

Однажды вечером его потряс неожиданный удар. Армия случайно остановилась на ночлег в том месте, где они бросили свои вещи, уходя от умбуру. Затоптанные копытами животных, мокрые, грязные и уже наполовину истлевшие клочки одежды Стеллы валялись на земле. Он нагнулся, благоговейно собрал их, развел большой костер и все сжег. И ему показалось, словно что-то оборвалось в нем, словно он второй раз и навсегда похоронил Стеллу и свое прошлое.

Дни текли. Боль не утихала, но становилась все глуше. Он постепенно начал воспринимать окружающее. И когда они дошли до берегов Ируандики, пока собирали лодки и строили плоты, чтобы спуститься до Кинтана, он заметил однажды девушку с тяжелыми русыми косами, которая полоскала в реке белье.

— Как тебя зовут?

— Сиград Нильсен, месье Лапрад.

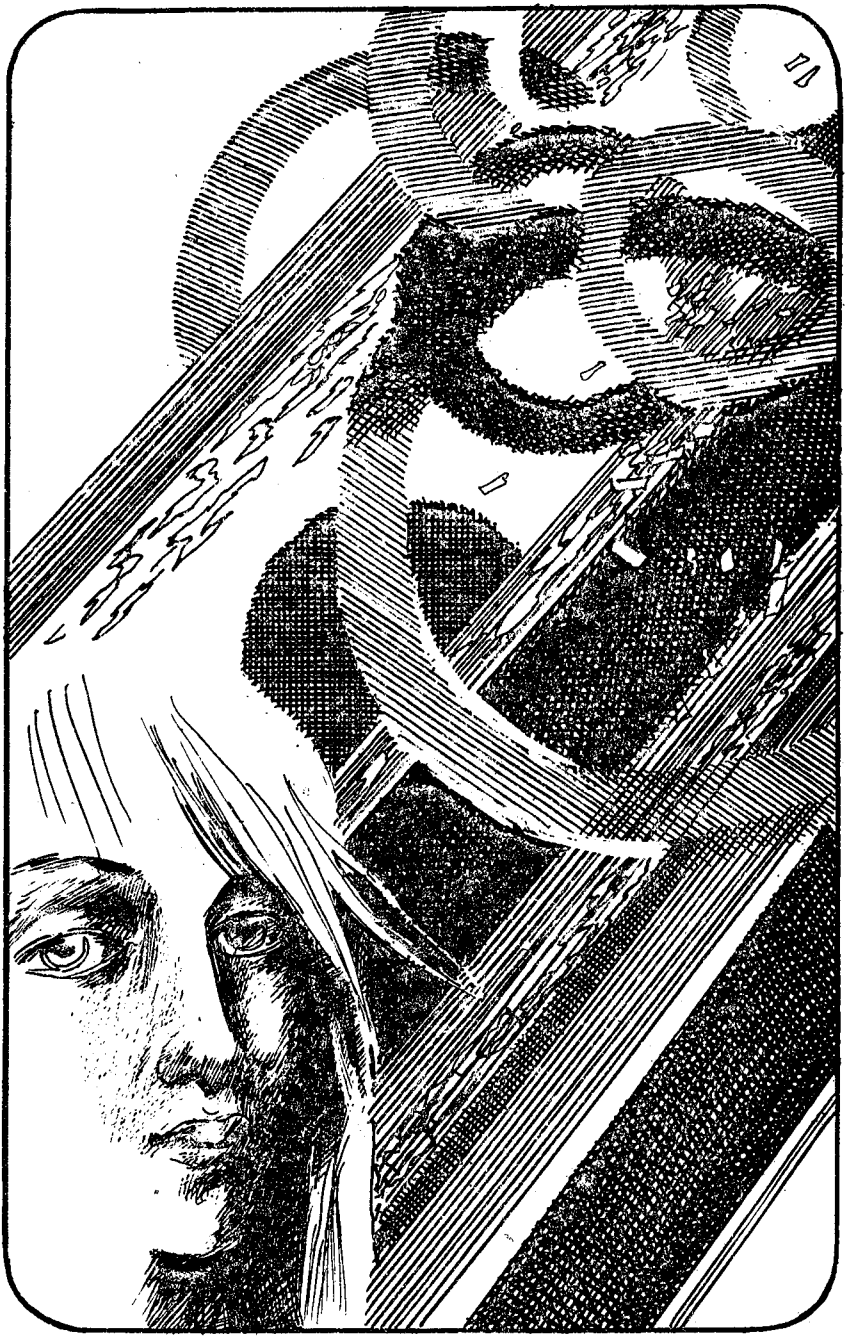
— Замужем?

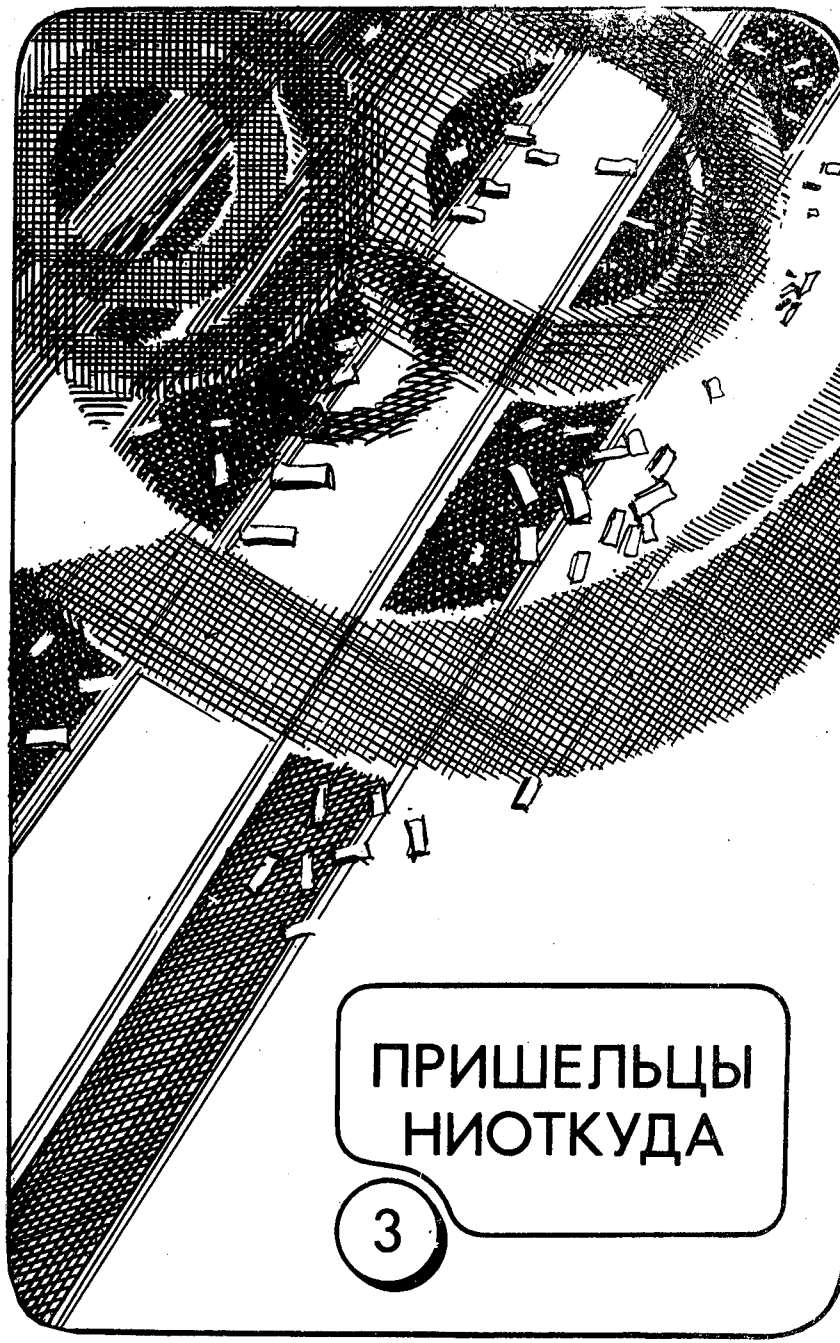
— Нет.

— Хорошо. Ты будешь моей женой.

Отец, старый геологоразведчик, хотел было запротестовать, но умолк под тяжелым взглядом гиганта, а потом махнул рукой. В конечном счете с Тераи его дочь не будет несчастлива. А время сглаживает и меняет многое...

Тераи взошел на баркас последним и остановился на носу. После дождя Ируандика сверкала и улыбалась всеми своими волнами. И в омытом небе над страной ихамбэ сияла и переливалась радуга. Всей силой, всей страстью души Тераи пожелал, чтобы это было счастливым предзнаменованием.





ПРИШЕЛЬЦЫ НИОТКУДА

3

Непревзойденным мастерам
Рони-старшему
и Герберту Уэллсу
и тем, кто когда-нибудь
придет им на смену

Часть I

ПРИШЕЛЬЦЫ

ПРОЛОГ

В то мартовское утро я звонил у дверей моего старого друга доктора Клэра, даже не подозревая, что вскоре услышу самый невероятный, самый фантастический рассказ. Я сказал «старого», хотя нам обоим недавно минуло тридцать, но мы дружим с детства и только года четыре назад как-то потеряли друг друга из виду.

Дверь открыла, вернее, чуть приоткрыла, старуха в черном платье, какие носят все пожилые женщины в этих краях.

— Если вы на прием,— проворчала она,— то доктор сегодня не принимает, возится со своими опытами!

Клэр — превосходный врач, но он не практикует. Довольно приличное состояние позволяет ему почти все свое время посвящать сложным биологическим изысканиям. В отцовском доме близ Руффиньяка он оборудовал лабораторию, которая, даже по отзывам иностранных ученых, была одной из лучших в мире. Отличаясь большой скромностью, Клэр в редких письмах ко мне лишь вскользь упоминал о своих исследованиях, но, судя по слухам, ходившим среди медиков, я догадывался, что он был одним из тех рассеянных по всему миру энтузиастов, которые подходят к разрешению проблемы рака.

Старуха недоверчиво рассматривала меня.

— Нет, мне врачебная помощь не нужна,— ответил я.— Просто скажите доктору, что его хотел бы видеть Франк Бори.

— Ах, значит, вы и будете месье Бори? Тогда другое дело. Он вас ждет.

В это время из коридора послышался глубокий, низкий голос:

— Что случилось, Мадлена? Кто там?

— Это я, Сева!

— Черт побери! Входи же!

От своей русской родни по матери Клэр унаследовал шаляпинский бас, статную фигуру сибирского казака и имя Всеволод; от отца, чистокровного француза-южанина, ему достались смуглая кожа и такие темные волосы, что мы в своей студенческой компании прозвали его Черный Свет (Клэр означает «свет»).

Он приблизился ко мне, сделав два широченных шага, едва не вывихнул мне кисть могучим рукопожатием, заставил присесть добродушным шлепком по плечу — это меня-то, игравшего форвардом в регби! — и, вместо того чтобы, как обычно, сразу пригласить к себе в кабинет, почему-то потащил обратно к двери.

— Какой прекрасный день! — торжественно провозгласил он.— Ты приехал — и солнце сияет! Правда, я ждал тебя только к вечеру с автобусом...

— Я приехал на своей машине. Но прости, может, я некстати?..

— Что ты, совсем нет! Я чертовски рад тебя видеть. Как твои дела? Что с вашей новой батареей?

— Тсс.., не спрашивай. Ты ведь знаешь, я не могу об этом рассказывать.

— Ладно, ладно, таинственный атомщик! Кстати, спасибо за посылку с радиоактивными изотопами. Они мне сослужили добрую службу. Но больше я не стану морочить вам голову подобными просьбами. У меня есть кое-что получше.

— Получше? — удивился я.— Что же это?

— Тсс.., не спрашивай,— передразнил он меня.— Я не могу об этом рассказывать!

В коридоре позади нас послышались легкие шаги, и мне показалось, что за полуотворенной дверью мелькнул тонкий женский силуэт. Но, видимо, только показалось: насколько я знал, Клэр был холост и женщинами не увлекался.

Он наверняка уловил мой взгляд, потому что тут же обхватил меня руками за плечи и повернул спиной к двери.

— Дай-ка я на тебя посмотрю! Ты все такой же, совсем не изменился. Ну что ж, пойдем в дом.

— А вот про тебя этого не скажешь. Хоть это и не комплимент, ты что-то постарел!

— Возможно, возможно... Прошу, входи!

Я хорошо знал кабинет Клэра со шкафами, полными книг, из которых лишь немногие имели отношение к медицине. Здесь никого не было, но в воздухе чувствовался слабый тонкий аромат. Невольно я потянул носом, вдыхая приятный запах. Клэр это заметил и объяснил, чтобы предупредить вопросы:

— Ах да, несколько дней назад у меня тут была одна знаменитая актриса — пришла на прием,— и вот запах ее духов все держится. Просто удивительно, до чего дошла химия!

Завязался беспорядочный, как бывает в таких случаях, разговор. Я рассказал Клэру о смерти моей матери и был поражен, когда услышал в ответ:

— Вот как? Очень хорошо!

— Как это «очень хорошо»? — воскликнул я, возмущенный и огорченный.

— Нет, я хотел сказать, что теперь понимаю, почему ты столько времени не появлялся. Значит, ты остался совсем один?

— Да.

— Ну что ж, может быть, я смогу тебе предложить кое-что интересное. Но пока это еще только проект. Я расскажу о нем вечером.

— А как поживает твоя лаборатория? Есть что-нибудь новое?

— Хочешь взглянуть? Идем!

Лаборатория, оборудованная уже после того, как я здесь побывал четыре года назад, располагалась в большой светлой комнате, чуть вытянутой в длину, и занимала всю заднюю половину дома. Бегло осмотревшись, я даже присвистнул от восхищения. Уже с порога я заметил микроманипулятор, искусственное сердце. В прилегающей темной комнате высился огромный рентгеновский аппарат. На столе посреди лаборатории под легким чехлом стоял еще какой-то прибор.

— А это что? — спросил я.

— Так, пустяки. Это еще не готово. Просто модель...

— Вот не знал, что ты сам конструируешь для себя новые приборы. Хочешь, я тебе помогу? Я как-никак физик.

— Посмотрим. Во всяком случае, не сейчас. Пока я предпочитаю об этом не говорить.

— Как знаешь,— сказал я обиженно.— Но если эта штука взорвется у тебя под носом...

Звонок у входной двери помешал мне договорить.

— Вот черт! Мадлена вышла, придется пойти открыть.

Оставшись один, я приблизился к таинственному прибору, довольно бесцеремонно приподнял чехол и... замер с открытым ртом. Я ожидал увидеть примитивную схему, а вместо этого передо мной была великолепная конструкция из металлических и стеклянных трубок, прозрачных и матовых ламп, туго натянутых проводов. На многочисленных циферблатах странные двойные стрелки указывали деления непонятных для меня величин. Я привык ко всяким приборам — в нашей лаборатории их немало, и довольно сложных,— но ничего похожего на этот я в жизни не видел.

Заслышав в коридоре быстрые шаги моего друга, я поспешно опустил край чехла и с равнодушным видом отвернулся к окну, за которым зеленел сад.

— Дифтерит у ребенка,— объяснил Клэр.— Мой коллега куда-то уехал. Придется пойти мне. Выбери себе книгу в кабинете, посиди почитай.

— Хочешь я тебя подвезу? Моя машина у дверей.

— Прекрасно! А то мою еще надо выводить из гаража.

По дороге, сидя за рулем, я продолжал раздумывать обо всех замеченных мною странностях. Клэр ожидал меня только к вечеру и явно смутился, когда я приехал раньше. Несколько минут он продержал меня на пороге дома, хотя снаружи было свежо, чтобы не сказать больше. Я заметил женский силуэт, мелькнувший в коридоре, и сразу после этого Клэр позвал меня в дом. Когда он узнал, что моя мать умерла и я теперь один на всем белом свете, у него почему-то был весьма довольный вид. И, наконец, этот странный прибор... Черт побери, я совершенно не понимал его назначения! Да еще в лаборатории биолога! И кто его изобрел? Клэр? Возможно. Но кто собрал? При одном воспоминании о схемах, которые он монтировал и паял в институте, я не смог удержаться от улыбки.

Мы остановились перед одинокой фермой. Клэр отсутствовал всего четверть часа.

— Пустяки. Захватили вовремя. Мой коллега проследит за дальнейшим лечением.

— Ты теперь совсем не практикуешь?

— Совсем. Нет времени. Только если доктор Готье в отъезде и если он сам зовет меня для консилиума,— иной раз приходится.

По возвращении Клэр заставил меня загнать машину в гараж и помог внести чемоданы в комнату, где я обычно останавливался. Она расположена рядом с его собственной спальней, и, когда я проходил мимо, мне послышалось за дверью какое-то движение.

Полдник, приготовленный старой кормилицей Клэра Мадленой, оказался, как и следовало ожидать, превосходным. Но Клэр был молчалив. Видно, что-то его заботило и тревожило. Когда я объявил, что собираюсь

съездить в Эйзис навестить кое-кого из друзей, он вздохнул с явным облегчением и сказал, что будет ждать меня к семи часам.

В Эйзисе я встретился с палеонтологом Бушаром, который рассказал мне удивительную историю. Полгода назад вся округа была взбудоражена «чертями», появившимися в лесу под Руффиньяком. Прошел даже слух, что черти унесли с собой доктора Клэра, но это было уже явной басней, потому что через несколько дней после того, как черти исчезли «в столбе зеленого пламени», доктор объявился живой и невредимый. Он просто сидел эти дни в своей лаборатории, проводя очередной опыт.

Самое любопытное во всей этой истории, что по крайней мере полтора десятка крестьян клялись, будто видели чертей собственными глазами: они походили на людей, но обладали сверхъестественной способностью одним взглядом пригвождать человека к месту. Префект, а также епископ Перигорийский распорядились, каждый по своей линии, произвести расследование... Но перед официальными следователями крестьяне держались далеко не так уверенно. И в конце концов дело заглохло.

— Но все-таки,— добавил Бушар,— я должен вам сказать, что в ту ночь, когда пресловутые черти, как говорят, исчезли, я сам видел в небе над Руффиньяком яркую вспышку пламени.

Сама по себе эта история ничем не примечательна. Таких рассказов можно услышать сколько угодно и где угодно. Но я почему-то обратил на нее внимание и даже мысленно связал со странностями Клэра.

Когда я вернулся, Клэр выглядел гораздо спокойнее, словно после долгих колебаний принял наконец определенное решение. В столовой нас ожидал стол, накрытый на троих.

— Смотри-ка, у тебя еще один гость,— заметил я.

— Нет, но я тебя представлю моей жене.

— Жене? Ты женился?

А про себя подумал: «Силуэт!»

— Официально мы еще не женаты. Но это дело ближайших дней. Как только получим документы. Ульна иностранка.

На мгновение он замялся.

— Она из Скандинавии. Финка. По-французски говорит еще очень плохо, так что ты не удивляйся.

— Значит, ты говоришь по-фински? Вот так новость!

— Я выучил финский в прошлом году во время путешествия по Финляндии. Пробыл там десять месяцев. По-моему, я тебе писал.

— Ничего подобного. А я-то думал, что финский язык очень труден!

— Так оно и есть. Но ты же знаешь мои способности — славянская кровь...

И, оборвав разговор, Клэр громко позвал:

— Ульна!

На пороге появилась странная девушка, высокая и тонкая, с бледно-золотыми волосами, глазами неопределенного цвета — то ли серыми, то ли зеленовато-голубыми — и правильными чертами лица. Она была очень красива. Но что-то в ней было необычно, хотя я и не мог понять, что именно. Может быть, золотистая кожа, так резко контрастирующая с очень светлыми волосами? Или слишком маленький рот? Или немыслимо огромные глаза? Или все это вместе взятое?

Она гибко поклонилась, протянула руку, показавшуюся мне удивительно длинной, и негромко проговорила певучим голосом несколько слов.

За столом я сидел напротив Ульны. Чем дольше я за ней наблюдал, тем больше мне становилось не по себе. Она довольно ловко управлялась

с вилкой и ножом, однако в ее движениях не было бессознательного автоматизма, выработанного многолетней привычкой.

В течение всего обеда я не сказал и двух слов. Зато Клэр болтал за двоих. Старушка Мадлена была редкостной поварихой даже для этих краев, где все хозяйки славятся отменной стряпней. Мой друг произвел настоящее опустошение в своем винном погребе. Но я заметил, что Ульна ела очень мало и совсем не пила в отличие от доктора, да и от меня самого, если говорить начистоту. К концу обеда я все же справился со смущением и вновь обрел способность двигаться и говорить. Ульна все время молчала и лишь иногда смотрела Клэру прямо в глаза. У меня было странное впечатление, что они не просто передают свои чувства взглядами, а обмениваются мыслями.

После десерта Клэр тщательно сложил салфетку, оттолкнул стул и расположился в низком кресле перед зажженным камином. Знаком предложив мне занять место напротив, он позвонил служанке, чтобы подали кофе. Ульна вышла. Вскоре она вернулась, держа в руках сложенную вчетверо газету. Клэр взял ее и протянул мне. Бросив взгляд на заголовки, я увидел, что это газета полугодовой давности, и уже собирался вернуть ее Клэру, как вдруг заметил внизу страницы заметку, обведенную красным карандашом:

Опять летающие тарелки!

Канзас-Сити, 2 октября.

Лейтенант Джордж К. Симпсон старший, возвращаясь вчера в сумерках с тренировочного полета на истребителе Ф-109, заметил на высоте около 25 000 футов дисковидное пятно, которое перемещалось с большой скоростью. Он начал преследовать неизвестный предмет и сумел его догнать. Вблизи пятно оказалось гигантским диском с острыми краями, диаметром на глаз до девяноста футов при толщине в центре около пятнадцати футов. Судя по приборам истребителя лейтенанта Симпсона, диск летел со скоростью, превышавшей тысячу миль в час.

Преследование продолжалось минут двенадцать, как вдруг пилот понял, что таинственный предмет сейчас пролетит над лагерем, над которым строжайше запрещено появляться любым летательным аппаратам иностранного происхождения. Инструкция не допускала сомнений, и лейтенант Симпсон атаковал летающий диск. В момент атаки он находился примерно в двух милях от диска и немного выше его. Пикируя на предельной скорости, пилот дал залп боевыми ракетами.

«Я увидел,— рассказывает он,— как мои ракеты взорвались ударившись о металлическую броню. В следующее мгновение мой самолет разлетелся на куски и я полетел вниз в своей герметической кабине. К счастью, парашют сработал!»

Эту сцену наблюдали с земли многочисленные свидетели. В настоящее время эксперты изучают обломки самолета лейтенанта Симпсона. Что же касается таинственного диска, то он на огромной скорости вертикально взмыл в небо и исчез.

Я вернул газету Клэру, скептически заметив:

— Мне помнится, официальный отчет американцев давно подрезал крылья этой газетной утке. Поистине сложная ситуация. Ты не находишь?

Мой друг не ответил. Он покачал головой, нагнулся, взял щипцами уголек из камина и тщательно раскурил свою трубку. Потом, сделав не-

сколько затяжек, знаком попросил служанку налить кофе. Ульна от кофе отказалась. Мы с Клэром выпили свой молча.

Клэр колебался. Я знал его давно и понимал, что в этот момент он еще раз спрашивает себя, как ему поступить. Наконец он разлил по рюмкам коньяк, взглянул мне в глаза и заговорил:

— Ты знаешь, что я не такой уж профан в физике. Тебе известно и то, что я сугубый реалист, «человек фактов», как говорят англичане. Так вот, об этой «летающей тарелке» я могу тебе немало порассказать. И не смотри, пожалуйста, на все эти бутылки на столе. Правда, их там выстроилось немало, но, уверяю тебя, они не имеют никакого отношения к тому, что ты сейчас услышишь. Не думай также, что это вино повлияло на меня. Уже давно я решил рассказать тебе все при первой же встрече. А теперь слушай мою историю. Устраивайся в кресле получше, потому что рассказ будет длинным.

Я прервал его:

— У меня в чемодане портативный магнитофон. Ты позволишь, я сделаю запись?

— Как хочешь. Это будет даже полезно.

Едва я установил магнитофон, Клэр заговорил. Когда он произнес первые слова, мой взгляд упал на руку Ульны, лежавшую на подлокотнике кресла. И я понял, почему эта рука показалась мне такой узкой и длинной: у нее было только четыре пальца!

Глава I

РАССКАЗ ДОКТОРА КЛЭРА

— Как тебе известно,— начал Клэр,— я неплохой охотник. Или, во всяком случае, считаюсь таковым, хотя и нечасто беру в руки ружье. Кое-какие природные данные, а главное — большое везенье, и в результате я никогда не возвращаюсь домой с пустым ягдташем. Так вот, первого октября прошлого года — хорошенько запомни дату! — уже смеркалось, а я еще ничего не подстрелил. В другое время меня бы это нисколько не огорчило: я предпочитаю наблюдать за живыми животными, а не убивать их, потому что и так убиваю, к сожалению, слишком многих для своих опытов. Но через день я пригласил к себе мэра Руффиньяка, чтобы он помог мне в одном деле. А этот человек любит дичь. И вот я решил немного побраконьерствовать с фонарем.

Солнце только село, когда я шел через поляну Манью, что посредине леса. Да ты ее знаешь так же хорошо, как и я: она вся заросла вереском и утесником, а вокруг стоят дубы и каштаны. Днем эта поляна довольно живописна, но в сумерках производит зловещее впечатление. Я не из слабонервных, однако и мне захотелось поскорее выбраться из лесу. Уже на краю поляны я запнулся о корень, с размаху ударился головой о ствол дуба и тут же потерял сознание.

Очнувшись, я не стал произносить классических слов вроде «где я?». Голова раскалывалась, в ушах гудело, и сначала я боялся, что проломил себе череп. К счастью, страхи мои оказались напрасными. Часы на руке

показывали час, ночь была непроглядной, ветер крепчал, ломая ветки деревьев. Потом над поляной показалась луна, вынырнув из-за темного облака; края его были похожи на волшебные светящиеся кружева.

Я сел и начал искать свое ружье, которое, по счастью, незадолго до этого разрядил. Некоторое время я шарил руками среди мокрой травы и гнилых сучьев, пока не нащупал приклада. Опираясь на ружье, как на палку, я начал медленно подниматься. Лицо мое было обращено в сторону поляны. По мере того как я поднимался, в поле моего зрения попадали все новые и новые предметы, и наконец я увидел эту штуку.

Сначала она показалась мне черной массой, чем-то вроде купола, возвышавшегося над кустами вереска и почти неразличимого в темноте. Но вот луна на мгновение вынырнула из-за туч, и тогда, словно при вспышке молнии, я увидел выпуклый панцирь, сверкающий, как металл. Признаться, мне стало страшно. От поляны Манью до ближайшей дороги прямиком через лес добрых полчаса ходьбы, а с тех пор, как умер старый оригинал, подаривший этому месту свое имя, здесь иной раз по неделям не бывает ни души. Я потихоньку двинулся вперед, добрался до края лесной чащи и, притаившись за стволом каштана, начал осматривать поляну. Там все было неподвижно. Ни проблеска, ни огонька. Только эта неясная масса — еще более плотная тьма на фоне черного леса.

Затем ветер сразу стих. В тишине, едва нарушаемой потрескиванием сухих сучьев — верно, кабан шел по тропе,— я вдруг услышал слабый стон.

Ты знаешь, я врач. Поэтому, еще толком не придя в себя, я решил прежде всего оказать помощь существу, которое так стонало; это явно были стоны не зверя, а человека. Отыскав фонарь, я включил его, направив луч света прямо перед собой. Он отразился от огромного металлического панциря чечевицеобразной формы. Я приблизился к нему с бьющимся сердцем. Жалобные стоны доносились с противоположной стороны. Я обогнул этот панцирь, застревая в кустах, натыкаясь на колючки утесника, бормоча проклятия и спотыкаясь на каждом шагу; ноги меня еще плохо держали. Внезапно пробудившееся жгучее любопытство заставило меня позабыть о страхе. Стоны слышались теперь отчетливее; я стоял перед металлической дверцей — открытым люком, который вел внутрь аппарата.

Мой фонарь осветил совершенно пустую входную камеру и уперся в заднюю дверцу из белого металла. На металлическом полу лежал человек,— во всяком случае, сначала я принял его за человека. У него были длинные седые волосы, одежда его состояла, как мне показалось, из облегающего зеленого трико, блестящего, словно шелк. Из раны на голове по каплям сочилась темная кровь. Когда я нагнулся над ним, стоны смолкли, он содрогнулся и умер.

Тогда я подошел к задней дверце. Она была пригнана так плотно, словно хода дальше не существовало, но я заметил на уровне груди красноватую выпуклость и нажал на нее. Перегородка разошлась посредине, яркий голубоватый свет ослепил меня. Ощупью я сделал два шага вперед и услышал, как створки перегородки сомкнулись за моей спиной.

Защитившись рукой от света, я медленно открыл глаза: передо мной была шестигранная комната диаметром около пяти метров, высотой метра два. В стены ее было вмонтировано множество непонятных приборов, а посредине на низких креслах лежали три существа, мертвые или без сознания. Теперь я смог разглядеть их как следует.

Прежде всего я убедился, что все-таки это не люди. В общих чертах они похожи на нас: удлиненное тело с двумя руками и двумя ногами,

круглая голова на пропорциональной шее. Но зато какое различие в деталях! Несмотря на высокий рост, телосложение у них гораздо более хрупкое, чем у нас, ноги тонкие и очень длинные, руки тоже значительно длиннее наших, кисти широкие с семью пальцами разной длины; позднее я узнал, что два из них противостоят другим, как наш большой палец. Лоб высокий, но узкий, глаза огромные, уши крохотные, рот с тонкими губами, а волосы, придающие им такой странный вид, почти белые с платиновым отливом. Но самое удивительное то, что их шелковистая кожа была нежно-зеленого оттенка. Вся их одежда состояла из плотно облегающего трико тоже зеленого цвета, под которым ясно вырисовывались длинные гибкие мышцы. У одного из этих трех существ был открытый перелом руки и кровь сочилась из раны, образуя на полу темно-зеленое пятно.

Какую-то долю секунды я колебался, затем подошел к тому, кто лежал ближе всех к двери, и притронулся к его щеке: она была теплой и упругой на ощупь. Отвинтив крышку своей охотничьей фляги, я попробовал влить ему в рот глоток белого вина. Результат сказался мгновенно. Он открыл глаза бледно-зеленого цвета, пристально посмотрел на меня одну-две секунды, затем вскочил и бросился к приборам в стене.

В свое время я играл в регби, но, наверное, никогда в жизни мне не удавалось сблокировать противника с такой быстротой, как в тот раз. Молнией в голове у меня сверкнула мысль, что он бежит за оружием, а этого я не мог допустить. Он отбивался энергично, но недолго,— я оказался сильнее. Когда он перестал вырываться, я сам его отпустил и помог ему встать. И тогда произошло самое поразительное: странное существо посмотрело мне в глаза, и я почувствовал, как в голове у меня возникают чужие, но ясные мысли-образы.

Ты знаешь, я сыграл известную роль в споре, разгоревшемся между врачами нашего департамента и одним шарлатаном, который утверждал, что может лечить умалишенных, формируя заново всю их психику путем передачи своих мыслей. Тогда я написал две или три статьи, ясно доказывающие, что все это беспочвенные бредни, и считал вопрос окончательно решенным. Все это я говорю лишь к тому, чтобы ты понял, почему в тот момент я был одновременно потрясен, раздосадован и мысленно посылал ко всем чертям это существо, стоявшее передо мной, как живое доказательство моей неправоты. Видимо, он это понял, потому что на его подвижном лице отразилось нечто вроде испуга. Я поторопился его успокоить, громко уверяя, что в моих намерениях нет ничего дурного.

Повернув голову, он увидел своего раненого товарища, подбежал к нему, сделал бессильный жест и, вернувшись ко мне, спросил, не могу ли я чем-нибудь помочь. Он не произнес ни слова, но мысленно я услышал голос без всякого тембра и без акцента. Я приблизился к раненому, вынул из кармана кусок веревки, чистый носовой платок и наложил жгут. Зеленая кровь перестала сочиться. Затем я попытался узнать, нет ли среди них врача. Он понял меня только тогда, когда я мысленно заменил слово «врач» словом «исцелитель».

— Боюсь, что он погиб,— ответило мне существо с зеленой кожей.

Он пошел было за врачом, но вскоре вернулся один и дал мне понять, что в других помещениях лежит много раненых. Пока я колебался, не зная, что делать, тот, кого я перевязал, тоже пришел в себя, за ним другой, и я очутился в обществе трех существ не нашего мира.

Они не выказывали враждебности: первый быстро объяснил им, что произошло. При этом я понял, что, когда они не смотрят друг другу в лицо или немного удаляются один от другого, обмен мыслями прерывается

и они вынуждены говорить. Их речь представляла собой чередование быстрых сюсюкающих звуков разной тональности.

Тот, кого я привел в чувство,— его имя можно передать на нашем языке как Суилик — исчез в выходной камере и принес оттуда труп врача.

Странную ночь я провел среди них! До самой зари мне пришлось делать перевязки неведомым существам. Их было десять, не считая двоих убитых, и среди них — четыре женщины. Как описать тебе красоту этих созданий? Глаз быстро привыкает к необычному цвету кожи, и тогда видишь только изящество форм и гибкость движений. Рядом с ними наш самый лучший гимнаст выглядел бы неуклюжим, самая красивая девушка — грубой и неловкой.

Кроме двух переломов и всяких ушибов, у некоторых были ранения, как мне показалось, осколками снаряда. Я ухаживал за ними, как мог; две их женщины мне помогали. В ту ночь я кое-что узнал об этих существах, но сейчас не стоит отвлекаться; ведь со временем мне довелось узнать куда больше!

Наступило утро, сырое и пасмурное. Все небо было в тучах, и вскоре дождь забарабанил по выпуклой обшивке. В минуту затишья я выбрался наружу и обошел корабль. Он был похож на совершенно гладкую, монолитную чечевицу из неокрашенного полированного металла чуть голубоватого цвета. На противоположной от входа стороне зияли две рваные дыры диаметром до тридцати сантиметров. Заслышав легкие шаги, я обернулся: это были Суилик и два его товарища. Они несли несколько плит обшивки и желтую металлическую трубку.

Ремонт занял немного времени: Суилик несколько раз провел желтой трубкой по краям разрывов. Я не заметил даже искры, однако металл быстро плавился. Когда отверстия приняли нужную форму, сверху положили плиты и начали водить по их краям той же желтой трубкой, изменив только регулировку. Плиты размякли и слились с броней так плотно, что невозможно было отыскать швов.

Вместе с Суиликом я осмотрел весь корабль. Мы дошли до помещения, расположенного под поврежденной частью купола. Внутренний слой двойной брони уже восстановили, но все оборудование было в плачевном состоянии. Здесь, видимо, располагалась лаборатория; посредине стоял длинный стол, весь заваленный осколками стекла, спутанными проводами и сложными приборами,— почти все было разбито и раздавлено. Существо высокого роста, склонившись над одним из приборов, пыталось восстановить соединения.

Суилик повернулся ко мне, и я почувствовал, как его мысли захлестывают меня.

— Почему обитатели этой планеты напали на нас? Мы не причинили им зла, мы хотели только установить с ними контакт, как делали это на множестве других планет. Только в проклятых галактиках мы встречали подобную враждебность. Двое наших были убиты, и нам пришлось разрушить аппарат, который на нас напал. Наш ксилл был поврежден, это заставило нас спуститься, почти упасть, что вызвало новые повреждения и новые раны. А теперь мы даже не знаем, сможем ли вообще отсюда улететь!

— Верьте мне, я глубоко сожалею обо всем этом. Но дело в том, что Земля сейчас разделена на два соперничающих лагеря, и всякий неизвестный аппарат нетрудно принять за вражеский. Где на вас напали? Восточнее или западнее этой страны?

— На западе. Но неужели вы все еще живете в эпоху междоусобных войн?

— Увы, да. Не так давно война залила кровью весь или почти весь наш мир.

«Человек» высокого роста произнес короткую фразу. Суилик мысленно передал мне:

— Мы сможем улететь не раньше чем через два дня. А сейчас уходите и сообщите обитателям вашей планеты, что, несмотря на все наше миролюбие, у нас есть средства защиты.

— Я и в самом деле сейчас пойду,— ответил я.— Но мне кажется, что в этих краях вам нечего опасаться. В такое время года здесь никого не бывает целыми неделями. Тем не менее, чтобы не рисковать, я о вас никому не расскажу. И, если позволите, вернусь к вам вечером.

Я шел, спотыкаясь, под проливным дождем. Ноги мои вязли на заболоченных лесных полянах, мокрые ветки хлестали по лицу, а я все шел и раздумывал о своем невероятном приключении. Но про себя я уже решил: вернусь, как только стемнеет.

Отыскав свою автомашину, я добрался до деревни. Старая кормилица, завидев меня, подняла громкий крик: кожа у меня на голове была глубоко рассечена и волосы почернели от запекшейся крови. Я придумал какую-то чепуху про несчастный случай на охоте, сам промыл рану, переоделся и позавтракал с отменным аппетитом. День показался мне мучительно длинным, и едва начало смеркаться, я вывел и подготовил машину. Однако выехал я лишь с наступлением полной темноты, выбрав самый безлюдный окольный путь.

Чтобы оставленная на дороге машина не привлекала внимания, я загнал ее в лес и пошел сквозь чащу по направлению к поляне Манью. Отойдя от дороги на достаточное расстояние, я включил электрический фонарь: продираться в темноте сквозь колючие кусты было слишком рискованно. Так без помех добрался я почти до самой поляны. От нее распространялось слабое зеленоватое сияние, словно от циферблата светящихся часов. Я сделал еще несколько шагов, споткнулся о корень и с шумом упал, растянувшись во весь рост. В то же мгновение деревья и кусты наклонились мне навстречу, и когда я поднялся, то обнаружил, что больше не могу сделать ни шага вперед.

Это вовсе не значит, что я чувствовал перед собой стену. Ничего подобного! Просто существовала какая-то граница, круг, отмеченный рядом наклоненных в мою сторону кустов и деревьев. По мере приближения к ним воздух становился вязким, потом быстро уплотнялся, но в остальном граница эта не была такой уж четкой или постоянной. Порой мне удавалось продвинуться на шаг-полтора, но затем меня мягко отбрасывало назад. Кстати, никакого затруднения в дыхании я не испытывал. Казалось, что из центра поляны, где лежала эта «летающая тарелка», исходили какие-то отталкивающие волны. Минут десять я бился, пытаясь войти в заколдованный круг, но все было тщетно. Зато позднее я прекрасно понял, какого страха натерпелся здесь на следующий день бедняга Буске. О нем я тебе еще расскажу.

В конце концов я стал кричать, впрочем не слишком громко. Яркий луч из темного купола прорвался сквозь ветви деревьев и осветил меня. Одновременно эластичная стена передо мной как будто подалась, я сделал несколько шагов вперед, но тут же она снова отвердела, и я очутился внутри нее, не в силах двинуться ни вперед, ни назад. Сноп света ударил мне в лицо. Ослепленный, я отвернулся и от удивления раскрыл рот: в метре позади меня свет обрывался, как отрезанный! За моей спиной сомкнулась темнота, и я уверен, что, если бы кто-нибудь стоял в этом же луче, но на несколько сантиметров дальше определенной черты, он вообще ничего бы

не заметил. Позднее на Элле я видел и не такие чудеса, но в тот миг все это показалось мне совершенно неправдоподобным и несовместимым со здравым смыслом.

Кто-то тронул меня за плечо, и я снова повернулся лицом к поляне. Передо мной стояла одна из женщин. У меня не было ощущения передачи мысли, но почему-то я сразу понял, что ее зовут Эссина и что она пришла за мной. К моему удивлению, мы без труда двинулись вперед и через несколько секунд я был внутри корабля.

Встретили меня сердечно, без всякого видимого недоверия. Вместо объяснений Суилик просто передал мне:

— Я тебе говорил, что у нас есть средства защиты!

Все раненые чувствовали себя значительно лучше. После потрясения и сумятицы, вызванных вынужденной посадкой, иссы — я сказал, что они называли себя иссами? — очень быстро пришли в себя и пустили в ход свой чудесный генератор биологических лучей, о котором я скажу позднее. Это было совсем не лишним дополнением к оказанной мною первой помощи, тем более что в то время я ничего не знал об их анатомии и физиологии.

Внутри корабля все было приведено в порядок, но многие приборы лаборатории еще представляли собой груды обломков. Высокий исс, которого звали Аасс, лихорадочно работал там вместе с двумя другими мужчинами и одной женщиной. Я заметил на его зеленом лице точно такое же выражение озабоченности, какое бывало у моего отца, когда его расчеты не сходились. Внезапно он повернулся ко мне и передал:

— Можно ли на Земле найти два килограмма вольфрама?

Разумеется — он не передал мне слов «Земля», «килограмм» или «вольфрам», но тем не менее я безошибочно понял смысл его вопроса.

— Пожалуй, это будет трудновато,— подумал я вслух.

Он сделал короткое движение рукой и передал:

— В таком случае мы обречены жить на вашей планете!

И одновременно с этой мыслью я воспринял волну охватившего его отчаяния.

— Нет,— сказал я,— вы меня не так поняли.

Одним из моих пациентов был владелец замка Ла Рош, бывший директор сталеплавильного завода. Он не раз показывал мне свою коллекцию специальных сталей и редких металлов, среди которых был и вольфрам. Этот металл очень тяжел, и вполне возможно, что маленький слиток в его коллекции весил два килограмма. Самое трудное — уговорить его, чтобы он уступил слиток. Но даже в худшем случае вольфрам можно будет найти где-нибудь в другом месте, хотя это и займет гораздо больше времени.

По мере того как я передавал им свои соображения, лица хозяев корабля прояснились. Я пообещал заняться этим делом с утра и, чувствуя, что мешаю им работать, простился. Я покинул поляну без всяких затруднений, если не считать постепенно возраставшего давления на спину при пересечении «заколдованного круга».

В девять утра я уже был в замке Ла Рош. Моего клиента не оказалось дома. С замирающим сердцем я объяснил его жене цель своего приезда, сославшись на важный и срочный лабораторный опыт.

Увы, слиток на витрине не весит двух килограммов. Но в шкафчике под витриной, кажется, есть другой, даже более тяжелый. Да, она согласна одолжить его мне с условием, что я его верну не позже чем через месяц.

В действительности, как ты сам увидишь, я вернул этот слиток через

восемь дней, или, вернее, другой слиток, точно такой же.

Полагая, что мои таинственные друзья ждут меня с нетерпением, я прямо из замка помчался к поляне Манью. Отталкивающего круга на сей раз не было. Меня встретил Суилик, я передал ему слиток и сразу отправился к себе, потому что в полдень у меня было назначено свидание с мэром. Но сначала мы договорились, что весь следующий день, последний день их пребывания на Земле, как они думали, я проведу в корабле; иссы слишком мало знали о нашей планете и хотели расспросить меня поподробнее. Я же со своей стороны намеревался пригласить их еще раз к нам на Землю, выбрав для этого безопасное место где-нибудь в Сахаре или в другом безлюдном районе.

За столом я был крайне рассеян. Один из фермеров в конце концов раздобыл мне зайца к обеду, и мэр сиял от восторга. Однако я даже не подумал этим воспользоваться. Лишь когда подали кофе с ликерами, мне удалось до какой-то степени взять себя в руки.

В четвертом часу, когда мы уже выходили из-за стола, у дверей раздался звонок. Не знаю почему, но я почувствовал, что сейчас произойдет нечто весьма неприятное. Оказалось, что это стрелочник Буске, тип довольно подозрительный, пьяница и браконьер. Он хотел видеть господина мэра.

Этот неожиданный посетитель развеселил моего гостя: обычно Буске старательно избегал всех, кто имел хотя бы малейшее отношение к местным властям. Мэр попросил разрешения принять Буске.

Разумеется, я согласился, и служанка впустила Буске. Мы с ним были уже знакомы: раза два мне приходилось оказывать ему врачебную помощь, конечно бесплатную. В благодарность за это Буске показал мне множество мест, где водилась дичь.

Буске не стал терять времени на извинения.

— Месье мэр, на поляне Манью черти!

Должно быть, я побледнел. Итак, мои друзья обнаружены!

— Черти? О чем ты болтаешь? — возмутился мэр; он был жизнерадостным весельчаком и не верил ни в чох, ни в сон.

— Да, месье мэр! Черти. Я их видел.

— В самом деле? И на кого они похожи, твои черти?

— На людей. На людей, только зеленых. И там еще есть зеленые ведьмы!

— Подожди, говори яснее. Как ты их увидел?

— Значит, иду я, месье мэр, по лесу, прогуливаюсь недалеко от поляны. Вдруг слышу — ветка треснула! Думаю — кабан. Снимаю свое ружьишко...

— Ага, ты прогуливался с ружьишком? Но ведь у тебя, кажется, нет разрешения!

— Нет, то есть...

— Ладно, об этом после. Так что твои черти?

— Значит, снял я это ружье, оборачиваюсь, гляжу — ведьма! Чуть не столкнулся с ней нос к носу!

— Черт возьми! Она хоть была хорошенькая?

— Да ничего, только кожа зеленая. С перепугу я дернул курок...

Я выругался про себя.

— Я в нее не попал — ружье было опущено,— но она струсила, взмахнула рукой, и я полетел вверх тормашками, словно мне закатили здоровенную оплеуху. А она повернулась — и бежать! Я обозлился, погнался за ней. Только она бежала быстрее, так что я ее потерял из виду, а когда добежал до края поляны, то едва не разбил себе нос о стену.

— Какую стену? Нет там никакой стены! Я эту поляну знаю как свои пять пальцев!

— Я не так сказал, месье мэр. Я и сам знаю, что там нет стены, но это было вроде стены. Метрах в двадцати от края поляны. Дальше я не смог пройти. И деревья в том месте были согнуты, словно от сильного ветра, хотя никакого ветра не было!

Я вспомнил о моем собственном приключении и легко представил себе ужас и недоумение Буске.

— Значит, застрял я. Гляжу между деревьями, а на поляне целая дюжина чертей возится вокруг какой-то блестящей штуковины, вроде здоровенной крышки от стиральной машины. Они входили в нее и выходили через дверцу. Смотрю, моя ведьма говорит что-то одному черту, а что говорит — не слышно, очень я далеко. Потом все черти уставились на меня — и смеются! Вдруг что-то свалилось сверху, а что — не видно, и покатило меня через кусты. Только метров за сто от поляны вскочил я на ноги и бегом на дорогу, а по дороге — прямо сюда.

Мэр смотрел на Буске весьма недоверчиво.

— А ты не хватил сегодня чего-нибудь лишнего, а? — спросил он.— Скажем, водки или рома?

— Нет, месье мэр. Не больше двух бутылок красного винца за столом, как все люди.

— Гм, что вы скажете, доктор?

Чтобы выиграть время, я решился на беззастенчивую ложь:

— Что скажу? Знаете, когда у человека больная печень, с него и двух бутылок красного довольно. А Буске, говорят, попивает. Правда, при белой горячке обычно видят розовых слонов, а не зеленых чертей, но кто знает...

— Понятно! Зайди ко мне через часок в мэрию. Сейчас у меня дело поважнее твоих чертей.

Буске вышел, покачивая головой. Проводив его взглядом, мэр сказал:

— Конечно, он пьян, хоть и держится на ногах. Зеленые черти! Вы слышали что-нибудь подобное? А все-таки, как же быть? Впрочем, это дело кюре, а не мое!

Я рассеянно кивнул. Потом мне пришлось во всех подробностях обсуждать с ним уже не интересовавшее меня дело, и лишь около шести часов мэр наконец уехал.

Сразу вслед за ним я направился в Руффиньяк. На площади стояли кучки бездельников. Буске растрезвонил обо всем, и положение осложнялось с каждой минутой. Уже ходили слухи о двухстах дьяволах, изрыгающих огонь. Впрочем, все это меня не беспокоило, поскольку никто, по-видимому, не намеревался проверять эти россказни. На западе догорала зловещая полоска заката, ветер крепчал, и собирался дождь.

За Руффиньяком я выехал на дорогу, ведущую к лесу, но, едва проехав с километр, вынужден был затормозить: в свете фар показалась группа крестьян, в которых я узнал своих обычных компаньонов по охоте. Их было человек двенадцать, и все с ружьями. Я остановил машину.

— Куда это вы собрались все вместе? На охоту или на войну?

— На охоту, месье Клэр, идем охотиться на чертей!

— Как, вы тоже поверили этому старому болтуну Буске? Да ведь у него что ни слово, то вранье! К тому же, когда Буске рассказывал эту чепуху, он был пьян в дым. Спросите хоть у мэра!

— Может, Буске и был пьян, но только не прачка Мария. А она их тоже видела и едва не рехнулась от страха. Сейчас ее ваш приятель доктор выхаживает.

— Какая чушь! Что, она их тоже видела на поляне Манью?

— Да. Потому мы туда и идем. Поглядим, устоят ли эти черти против картечи!

— Не советую. Вы можете наделать глупостей. Ведь это не ваше дело, пусть им занимается полиция. И в конечном счете эти черти, кажется, никому не сделали ничего дурного.

— А тогда зачем они прячутся? Может, это переодетые шпионы?— добавил мастер с каолинового карьера, которого я узнал по голосу.

— Тем более вас это не касается. Это дело Службы безопасности!

— Как же! Пока они там раскачаются, чертей и след простынет. Мы лучше сами поглядим!

Я быстро принял решение. О том, чтобы объяснить им истинное положение, нечего было и думать. Оставалось только как можно скорее предупредить иссов.

— Хорошо. В таком случае я с вами. Я поеду вперед!

И прежде чем кто-либо успел произнести хоть слово, машина рванулась с места. Долго собиравшийся дождь наконец разразился; его струи, как жидкие стрелы, пронзали лучи фар. Я услышал позади крики, но, вместо того чтобы остановиться, лишь прибавил газу.

Крики позади смолкли, поглощенные шумом дождя. Проехав тропу, которая ведет к поляне, я спрятал машину под ветвями каштанов, в начале другой узкой тропы. Потом я побежал через лес, путаясь в своем плаще и стараясь как можно реже включать электрический фонарик. Дождь барабанил по оголенным сучьям, стволы деревьев были скользкими от лишайников, пропитанный водой мох чавкал под ногами, обдавая меня холодными брызгами. Я бежал слишком быстро, и вскоре у меня закололо в боку. Далеко позади по дороге проехало несколько автомашин.

Вот наконец и поляна. Она была залита зеленоватым светом от мерцающего гигантского купола, возникшего на том месте, где был корабль иссов. Что здесь произошло? Яростно пробираясь сквозь кусты, я выскочил наконец на открытое пространство, где дождь лил с удвоенной силой. Приблизившись к основанию купола, я коснулся его рукой и понял: это была дождевая вода, стекавшая с незримой отталкивающей поверхности. Оригинальный зонтик соорудили себе мои друзья иссы!

Я начал их звать, не решаясь особенно повысить голос, чтобы не привлечь внимания «охотников за чертями», которые теперь, должно быть, уже шли лесом. Через несколько минут в завесе дождя появилась щель, я прошел в нее и очутился в сухом месте лицом к лицу с Суиликом.

— Что случилось?— передал он мне.

— Сейчас на вас нападут. Мои соотечественники принимают вас за вредоносных злых существ. Улетайте немедленно!

— До утра это невозможно. Но за нашим эссомом мы ничего не боимся, во всяком случае, твои соотечественники нам ничего не сделают.

Я понял, что слово «эссом» означает отталкивающую завесу.

— Вы действительно не можете улететь?— спросил я, предчувствуя всяческие неприятные осложнения.

— Нет. Двигатели еще не налажены, а уходить сразу в ахун, не удалившись от планеты на достаточное расстояние, было бы слишком опасно.

— Что такое ахун?

Суилик не ответил.

Подошла Эссина и передала мне:

— Пойдем в ксилл.

Мы последовали за ней. Меня встретил Аасс, тот самый исс очень

высокого роста, которого я уже видел в разгромленной лаборатории. Он спросил, о чем мы говорили, потом обратился ко мне:

— Какое оружие у вашего народа?

— О, чего у нас только нет! Есть очень мощное,— я подумал об атомной бомбе,— но те, кто вам угрожает, вооружены плохо.

Я дал мысленное описание охотничьего ружья. Аасс облегченно вздохнул:

— В таком случае опасности нет ни для нас, ни для них.

Снаружи прогремело несколько выстрелов, затем послышались возгласы разочарования. Аасс повернул ручку регулятора. Свет погас, и целая стена кабины словно растаяла. Я увидел поляну, как будто стоял на ней снаружи при ярком свете дня. Дождь поутих. На краю поляны, там, где кончалась тропа, виднелись два человеческих силуэта со вскинутыми ружьями. Четверо иссов невозмутимо наблюдали за ними. Прозвучали выстрелы, а за ними — тот же хор разочарованных голосов: картечь опять наткнулась на незримую преграду. Видно было, как чернели скопления отдельных картечин, которые неподвижно висели в воздухе.

Аасс просюсюкал что-то Эссине. Та улыбнулась, и вскоре все иссы занялись своими делами, не обращая внимания на бесцельные усилия людей.

Иссы проработали всю ночь, не думая больше о нападающих. От меня они ничего не скрывали, и я видел, как иссы восстанавливали один за другим сложные приборы, назначение и принцип действия которых мне были совершенно непонятны.

Глава II

ПУТЕШЕСТВИЕ В НИЧТО

Когда над черной полосой деревьев забрезжил пасмурный рассвет, все было готово к отлету, но осаждающие по-прежнему не уходили. То здесь, то там за мокрыми стволами шевелились фигуры крестьян, которые, должно быть, провели под дождем весьма неуютную и беспокойную ночь. Я тоже был обеспокоен, утомлен и не знал, что делать. Выйти из ксилла незамеченным я не мог, а если меня увидят, начнутся бесконечные допросы, расспросы, интервью и прочие неприятности.

С такими невеселыми мыслями сидел я в кресле в том зале, где впервые увидел живого иссa, как вдруг Аасс тронул меня за плечо.

— Что случилось? Ты уже давно излучаешь волну сильного беспокойства.

Я коротко объяснил ему свое положение.

— Это не беда. Сейчас мы поднимемся, а потом высадим тебя на другой поляне, чуть подальше. Мы тебе благодарны за предупреждение, а главное за то, что ты помог нашим раненым сразу после аварии.

Несколько мгновений он раздумывал, потом снова начал передавать:

— Мы не можем и думать о том, чтобы взять тебя с собой на Эллу. Закон непреложен: никаких сношений с планетами, где еще существуют войны. Очень сожалею. Мне кажется, в твоем мире одновременно с высо-

кой цивилизацией еще уживается варварство. Мы вернемся позднее, когда ваши люди поумнеют. А может быть, и раньше, если угроза со стороны мисликов будет так велика, что нам придется нарушить Закон. Если только к тому времени ваше человечество не уничтожит само себя, как это случилось на планетах Аур и Жен звезды Эп-Хан. Как вы называете вашу планету?

— Земля,— ответил я.— Во всяком случае, так ее называют в моей стране. В других странах «Эрс»...

— Тсемля,— повторил он вслух.— Любопытно! На нашем языке это означает насилие и в то же время — силу. А «Эрс»— это гордость. Ну хорошо, пойдем!

Он провел меня в помещение с множеством сложнейших приборов. Там уже были Суилик, Эссина и еще одна женщина.

— Сейчас мы взлетим. Но сначала надо «отодвинуть» твоих соотечественников. Когда ксилл взлетает, опасно стоять слишком близко.

Суилик взялся за миниатюрные рукоятки, Эссина погасила свет, и я снова увидел поляну. Крестьяне все так же упрямо выжидали, прячась за деревьями. Аасс издал негромкий прерывистый свист, заменяющий иссам смех.

— Смотри хорошенько!— передал он мне.

За узловатым стволом, так отчетливо, словно я стоял в трех шагах, я увидел край шляпы, ствол ружья и кошачий ус: папаша Каррэр! Внезапно он вылетел из-за своего укрытия и, потеряв ружье, кувырком покатился через кусты, размахивая руками, пока не исчез в чаще молодых каштанов. Звукоусилитель отчетливо передал доносившийся оттуда поток отборнейших цветистых ругательств. Та же участь постигла и остальных его «соратников».

Аасс отдал какое-то приказание.

— Теперь они достаточно далеко,— объяснил он мне.— Мы поднимаемся.

Я не услышал шума, не почувствовал ни малейшей вибрации и, что самое удивительное, не ощутил никакого ускорения. Земля быстро убегала вниз. На мгновение я увидел всю поляну с примятым вереском на том месте, где стоял ксилл, но она быстро скрылась из глаз.

Теперь, когда иссы вот-вот должны были навсегда уйти из моей жизни, любопытство мое достигло предела. Я сгорал от желания отправиться вместе с ними и просто с ума сходил от ярости, что из-за глупейшего стечения обстоятельств так ничего толком и не узнал. Внизу уже показалась другая прогалина, не столь обширная, как поляна Манью, но вполне подходящая для посадки. Мы быстро снижались.

В это мгновение я случайно взглянул на верхний экран. Слева от нас в небе появились три черные, стремительно выраставшие точки, образующие тесный треугольник. Я сразу понял, что это такое: с аэродрома Периго к нам шло звено новейших стратореактивных истребителей, способных развивать скорость свыше 2000 километров в час.

— Внимание, тревога!— закричал я, забыв, что иссы не воспринимают нашу речь на слух.

Однако Аасс их тоже увидел. Вместо того чтобы продолжать спуск, мы теперь поднимались. Истребители неслись за нами. Один из них проскочил так близко, что я отчетливо разглядел в кабине голову пилота в шлеме и высотной маске.

Суилик лихорадочно щелкал рычажками на пульте управления. Истребители остались далеко позади — три черные маленькие точки, уходившие все дальше, все ниже и наконец совсем пропавшие из виду.

С каждым мгновением видимое пространство Земли становилось все шире: горизонт раздвигался. Небо постепенно стало темно-синим, потом фиолетовым, потом черным, и звезды засверкали на нем среди бела дня. Я понял, что мы вышли за пределы атмосферы.

После отлета прошло менее получаса, а Землю уже можно было окинуть одним взглядом: отсюда она казалась большим зеленоватым шаром с белыми полосками.

Мы висели в пространстве все время, пока шел «военный совет», на котором присутствовал и я. Мои хозяева ничего не собирались от меня скрывать, напротив, Эссина старательно передавала мне все существенные подробности разгоревшегося спора. Аасс в общем был за то, чтобы дождаться ночи и высадить меня. Суилик, которого поддерживали Эссина и два других исса, хотел взять меня с собой на планету Элла. Основными их доводами были, во-первых, то, что я представляю самую дальнюю из известных им «человеческих» планет, а во-вторых, то, что Закон, запрещающий устанавливать связи с мирами, где еще свирепствуют войны, относится только к их галактике и неприменим к внегалактическим планетам.

— Совершенно очевидно,— говорил Суилик,— что это человечество не имеет ни малейшего понятия о пути через ахун. Следовательно, никакая опасность Элле не угрожает. Доставить его обратно мы всегда успеем. Но как можно пренебрегать какой бы то ни было помощью, когда мислики наступают и находятся уже на расстоянии менее одного миллиона световых лет? И кто осмелится пренебречь помощью человечества с красной кровью?

Последние слова он особо подчеркнул.

Наконец Аасс повернулся ко мне и передал:

— Если хочешь, мы возьмем тебя на нашу планету, при условии что тебе подойдет наша пища, потому что полет будет долгим. Попробуй! Если все сойдет хорошо, полетим на Эллу. А обратно мы доставим тебя позднее.

Так я впервые принял участие во внеземной трапезе, за которой, впрочем, последовало немало других. В это время корабль, или ксилл, как я отныне буду его называть, неподвижно висел в пространстве примерно в 25 000 километров от Земли.

Во всех случаях, кроме торжественных банкетов, иссы едят стоя. Мы поели в той же комнате. Завтрак состоял из розового, очень вкусного желе и печенья, которое, как мне показалось, было сделано из пшеничной муки, замешанной на какой-то душистой жидкости. Тарелки и ложки были прозрачно-синие, очень красивые и совершенно небьющиеся, в чем я сразу убедился, выронив свою тарелку. К счастью, я быстро насытился и переварил этот завтрак без всяких осложнений.

Всю вторую половину дня я не отрываясь смотрел на Землю, ту самую Землю, которую собирался покинуть, чтобы отправиться неведомо куда. Вечером после почти такого же ужина мне показали низкое ложе, и, несмотря на возбуждение, я быстро заснул, сморенный усталостью.

Когда я проснулся, в комнате никого не было. За стеной слышалось легкое жужжание. Я встал, открыл дверь и столкнулся с Аассом.

— А я шел тебя будить,— передал мне Аасс.— Вы, земляне, слишком долго спите.

Аасс пригласил меня в лабораторию.

Однако, прежде чем продолжать, я полагаю, пора дать тебе представление о том, как располагаются все эти комнаты-каюты. Ксиллы, как правило, строят по одному образцу. Они имеют форму диска, диаметр

их колеблется от 15 до 150 метров, а толщина в середине — от 2 до 18 метров. В нашем ксилле — средней величины, диаметром 30 метров при толщине в центре до трех с половиной метров — в середине был шестиугольный зал, где сосредоточены все приборы управления, главный пульт. Вокруг расположены еще шесть комнат приблизительно такого же размера: спальни, лаборатория, машинные отделения — их на ксилле три — и прочее. Вокруг этих комнат, быстро уменьшаясь в высоту по мере удаления от центра, находились всевозможные кладовые с продуктами, аккумуляторами энергии, запасами воздуха и тому подобным. Экипаж ксилла такого типа обычно состоит из двенадцати иссов.

В лаборатории нас уже поджидали уцелевшие члены экипажа — с Аассом их было десять. Впервые я увидел их всех вместе: шестерых мужчин и четырех женщин. Обычно, когда сталкиваешься с людьми иной расы, их трудно отличить друг от друга, но здесь я этой трудности не испытывал. Аасс возвышался над остальными и даже был на несколько сантиметров выше меня. Остальные казались много ниже ростом. Из женщин ни одна не достигала 165 сантиметров. С двумя иссами я уже сталкивался, не говоря о Суилике, Аассе и Эссине.

Аасс представил меня и познакомил со всеми, как в светском салоне. Насколько я понял, сам он был физиком, или, как он мне передал, «изучающим силы». Кроме того, он возглавлял экспедицию. Суилик был штурманом и командиром ксилла. Два исса считались матросами, если можно так выразиться. Двое других занимались изучением планет,— про себя я назвал их астрономами. Как я уже говорил, врач экспедиции погиб при внезапной посадке. Еще один, специалист по звездной астрономии, был убит ракетой американского самолета. Из женщин две занимались ботаникой, одна — психологией, а Эссина — сравнительной антропологией.

Меня спросили, что я делал на Земле. Я ответил, что раньше изучал медицину, но последнее время изучаю саму жизнь. Такой ответ их, видимо, вполне удовлетворил.

Завязалась оживленная беседа, которую иссы не сочли нужным мне переводить. Потом все разошлись и я остался в лаборатории с Аассом и Суиликом. Аасс усадил меня в кресло и передал:

— Мы решили взять тебя на нашу планету. Не спрашивай, как далеко она от Земли. Я этого не знаю, и скоро ты поймешь почему. Она в той же самой Вселенной в широком смысле слова, потому что иначе мы не смогли бы к вам прилететь. Теперь нам предстоит обратный путь. Когда мы прибудем на Эллу, мудрецы решат твою участь. В худшем случае тебя просто вернут на Землю. Мы исследуем космос всего двести сорок эмисов (эмис равен двум с половиной земным годам) и уже открыли сотни миров, населенных существами, более или менее похожими на нас. Но мы впервые видим планету, где кровь у людей красная. Ты представляешь особый интерес для изучения, и именно потому мы берем тебя на Эллу в обход Закона. Мы сейчас достаточно далеко от Земли и можем перейти в ахун. Ничего не бойся, но главное — не прикасайся ни к одному прибору. Судя по той машине, которая на нас напала, вы еще пользуетесь химическими двигателями. Значит, принцип действия наших двигателей ты все равно не поймешь.

— У нас есть и иные типы двигателей,— возразил я.— Но что такое ахун?

— Это Не-Пространство, которое окружает наше Пространство и отделяет его от антимиров. И это также Не-Время. В ахуне нет ни продолжительности, ни расстояний. Поэтому я и не могу тебе сказать, как далеко от твоей планеты до Эллы, хотя мы и полагаем, что расстояние это превышает миллион световых лет.

— Но ведь Суилик мне говорил, что Земля — самая отдаленная из всех известных вам планет!

Аасс сморщил губы, что было у него, как я узнал позднее, признаком крайнего затруднения.

— Как тебе объяснить? По совести говоря, мы и сами не все понимаем. Мы просто пользуемся этим. Ну, ладно. Пространство и Время взаимосвязаны, ты это знаешь?

— Да, один наш гениальный физик установил это не так давно.

— Хорошо. Так вот, Пространство-Время, Вселенная как бы плавают в ахуне. Пространство замкнуто в самом себе, но Время открыто: прошедшее не возвращается. В ахуне, где нет Пространства, ничто не может существовать. Поэтому мы отделяем небольшую часть Пространства, которая замыкается вокруг ксилла, и оказываемся в ахуне как бы рядом с Большим Пространством, если только можно так выразиться. Мы как бы дрейфуем по отношению к Большому Пространству, не смешиваясь с ним. Через определенный отрезок времени, местного времени нашего ксилла, мы совершаем обратный маневр и снова оказываемся в Пространстве-Времени нашей Вселенной. Проделав все это, мы «вынырнем» в наш мир в какой-нибудь точке, которая, как показал опыт, будет удалена от Эллы не более чем на несколько миллионов километров. Сейчас, чтобы вернуться, мы уйдем в ахун на внешнюю сторону нашего Пространства-Времени. Отправляясь к вам, мы вышли на внутреннюю сторону. Возможно, что одновременно с перемещением в Пространстве на миллиарды и миллиарды километров мы также совершаем путешествие и во Времени, но этого я утверждать не стану: физические свойства ахуна для нас еще новы и слишком мало изучены. Кто знает, может быть, мы, иссы, по отношению к вам вообще еще не существуем?! Или, наоборот, исчезли миллионы лет назад! Но я этого не думаю, потому что за миллионы лет мислики уже добрались бы до вас, несмотря на все расстояния. Как бы то ни было, вы для нас, как и мы для вас, пришельцы ниоткуда и из никогда. И тем не менее мы существуем в том же Пространстве-Времени, хотя никто пока не может сказать, какое расстояние и за сколько времени нужно преодолеть, чтобы добраться от Земли до Эллы и наоборот, потому что для этого необходимо уйти в ахун, где нет ни Времени, ни Пространства. Ты меня понимаешь?

— По совести говоря, не очень. Сюда бы кого-нибудь из наших физиков!

— Самая главная опасность — это окружающие нас антимиры. Теория утверждает, что каждая положительная Вселенная окружена двумя отрицательными и наоборот. В этих антимирах материя противоположна нашей: атомные ядра несут отрицательный заряд. На слишком большом удалении от нашей Вселенной мы рискуем попасть в один из антимиров, и тогда вся наша материя аннигилируется, исчезнет в чудовищной вспышке света. Наверное, так и было вначале с некоторыми ксиллами, которые не вернулись. Но с тех пор мы научились более точно управлять переходом в ахун. Прости, мне надо самому совершить этот маневр. Хочешь посмотреть? Идем!

Мы прошли к пульту, в зал управления. Склонившись над приборной доской, Суилик заканчивал настройку аппаратуры. Аасс указал мне на кресло, предупредив:

— Что бы ни случилось, молчи!

И вот он с Суиликом начал контрольную проверку приборов, нечто вроде долгой переклички-опроса, как у пилотов тяжелого бомбардировщика. После каждого ответа Суилик щелкал тумблером, поворачивал

рукоятку или опускал рычажок. Когда все было сделано, Аасс повернулся ко мне, приподняв верхнюю губу над острыми зубами, что у иссов означает улыбку.

— Ахеш!— крикнул он.

Прошло секунд десять, но ничего не изменилось. Я ждал, затаив дыхание. Внезапно ксилл резко наклонился вперед, и мне пришлось вцепиться в ручки кресла, чтобы не полететь на пол. Странный звук, в котором смешивались грохот и свист, нарастал — и вдруг оборвался. Это было все. Наступила полная тишина, ксилл выровнялся. Аасс встал:

— Теперь подождем сто один базик.

Я спросил, что такое базик. Мне объяснили, что это единица времени, и показали маленькие часы. Один базик соответствует одному часу одиннадцати минутам двенадцати секундам.

Я не стану останавливаться на этом отрезке в сто один базик. Жизнь в ксилле была однообразна, как в подводной лодке, лежащей на грунте. Не нужно было совершать никаких маневров. Все иссы, кроме одного дежурного в кабине управления, отдыхали. Они проводили время за игрой, отдаленно напоминающей шахматы, читали толстые книги с темно-синим шрифтом на гибкой и прочной «бумаге», разговаривали между собой. Я скоро заметил, когда попытался установить с ними мысленную связь, что мне отвечали только Аасс, Суилик и Эссина. Остальные лишь улыбались и продолжали заниматься своими делами.

Аасс большую часть времени пропадал у себя в лаборатории. Зато Эссина и Суилик держались очень дружелюбно, задавали мне бесчисленные вопросы о Земле, о нашем образе жизни, об истории человечества. Но когда спрашивал я, они ловко избегали прямых ответов, откладывая всякие уточнения на будущее. Однако я находил в них много общего с собой; мне они казались даже ближе, чем некоторые люди, с которыми я сталкивался.

Под конец мне надоело все время рассказывать им о Земле, ничего не получая взамен; я отправился к Аассу, чтобы выразить ему свое недовольство. Он долго смотрел на меня, потом ответил:

— Они повинуются моему приказу. Если мудрецы оставят тебя на Элле, у тебя будет достаточно времени узнать все, что ты пожелаешь. Но пока мы хотим, чтобы ты знал о нас как можно меньше.

— Вы думаете, меня отошлют назад? Неужели присутствие одного человека может чем-то угрожать вашей планете?

Но едва произнеся эти слова, я побледнел. Да, угроза была! И не только для них! Для меня тоже, особенно для меня. Как врач я должен был сразу это сообразить: микробы! Во мне были миллиарды зародышей; мой организм, защищенный постепенно выработавшимся природным иммунитетом, на них не реагировал, но они могли быть смертельны для иссов. А иссы в свою очередь наверняка были носителями микробов, смертельных для меня!

В ужасе и отчаянии я передал свою мысль Аассу. Тот улыбнулся.

— Мы уже давно занимаемся этим вопросом. С того самого времени, когда иссы покинули свою родную планету Эллу-Вен звезды Ориабор и начали переселяться на Эллу-Тан звезды Иалтар. В тебе больше нет чужеродных живых организмов. В первую ночь после отлета, пока ты спал, мы подвергли тебя обработке лучами ассрн.

— Что такое ассрн?

— Ты узнаешь об этом позднее, если все будет хорошо. Мы также взяли у тебя немного крови, чтобы восстановить твой прежний иммунитет, когда тебе придет время вернуться домой. Что касается нас, то, нахо-

дясь на чужой планете, мы всех членов экипажа обрабатываем этими лучами через день. На Элле мы сделаем все необходимое, чтобы предохранить тебя от наших микробов. Если это нам не удастся, ты тоже будешь через день получать облучение ассрн. Кстати, насчет твоей крови! Скажи, неужели у всех существ на Земле в крови так много железа?

— Да, у всех, кроме нескольких беспозвоночных, у которых дыхательный пигмент содержит медь.

— В таком случае вы родственники мисликов!

— Что это за мислики, о которых вы все время говорите?

— Скоро узнаешь. Вы все это скоро узнаете!

И он склонил голову, как всегда, когда хотел закончить разговор.

Часы — базики — проходили один за другим. Когда настало время вернуться в Большое Пространство, Аасс позвал меня в зал управления. Началась та же самая церемония вопросов и ответов, последовали такие же толчки. Затем Суилик включил обзорный экран: со всех сторон нас окружали бесчисленные звезды. Одна из них была заметно ближе других — отсюда она казалась всего раза в три меньше нашей Луны.

Аасс указал на нее пальцем.

— Иалтар, наше солнце. Через несколько базиков мы будем на Элле.

Они показались мне бесконечными, эти последние базики! Как зачарованный, смотрел я на приближающуюся звезду, к которой мы летели. Но скоро ее чуть голубоватый свет начал слепить мне глаза и я стал разглядывать планеты Иалтара. Суилик показал мне, как пользоваться перископом ксилла, который по желанию может играть роль телескопа.

Вокруг Иалтара вращается двенадцать планет; они называются — начиная от самой удаленной — Афен, Сетор, Сигон, Херан, Тан, Софир, Рессан, Марс (да, Марс, как это ни странно!), Элла, Сонг, Эиклэ, Рони. У Сигона и Тана такие же кольца, как у нашего Сатурна. Самая большая планета — Херан, самые маленькие — Афен и Рони. Марс и Элла примерно одинаковой величины, чуть побольше нашей Земли, а Рессан — немного поменьше. Эти три планеты — Марс, Рессан и, разумеется, Элла — обитаемы. На большей части остальных планет иссы ведут научные исследования или промышленные разработки, преодолевая порой невероятные трудности.

Почти у всех планет есть спутники; в их расположении существует довольно любопытная закономерность: у Рони спутника нет; у Эиклэ — тоже; у Сонга — один; у Эллы — два, Ари и Арци; у Марса — три, Сен, Сании, Сун; у Рессана — четыре, Атуа, Атеа, Асуа и Азеа; у Софира — пять; у Тана — шесть. Далее число спутников уменьшается в таком же порядке: у Сетора их три и, наконец, у Афена их вовсе нет. Один из спутников Херана, планеты, превосходящей размерами наш Юпитер, достигает величины Земли. Афен вращается на орбите, удаленной от Иалтара на одиннадцать миллиардов километров! Разумеется, все это, особенно цифры, я узнал лишь впоследствии.

Мы вынырнули из ахуна между орбитами Софира и Рессана, довольно близко от последнего, так что я смог отчетливо разглядеть в телескоп контуры побережья, мелькнувшие в просвете облаков. Марс был в это время слишком далеко, по ту сторону Иалтара. Наконец Элла перестала казаться крохотной искоркой в черном небе и превратилась в сияющий шар, который рос, приближаясь с каждой минутой.

Часть II

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МИР

Глава I

НА ПЛАНЕТЕ ЭЛЛА

К моему величайшему сожалению, посадка произошла ночью. Когда мы вошли в атмосферу Эллы, мои часы показывали 7.20, но я так и не знаю чего — утра или вечера по земному времени. Облачность была настолько густой, что за короткий промежуток — пока мы не вошли в тень планеты — я почти ничего не смог различить внизу: лишь какие-то мерцающие поверхности в разрывах между тучами, видимо моря. Приземлились мы совершенно бесшумно, без всяких толчков. Ксилл опустился среди голой темной равнины. Вдалеке едва виднелось несколько слабых огоньков.

— Нас никто не встречает? — наивно спросил я Суилика.

— А зачем? Кто же знает, когда ксилл вернется? Их сейчас сотни во всей Вселенной! Зачем же их ждать и встречать? Завтра ты всех увидишь. А сейчас пойдем со мной!

Мы вышли из ксилла. Темнота была полная. Суилик включил маленький фонарик, укрепленный у него на лбу широкой лентой, и мы двинулись в путь. Под ногами я чувствовал упругий ковер густой короткой травы. Шагов через сто луч фонарика осветил низкое белое здание без окон и дверей. Мы обошли его. Суилик приблизился к стене, и в ней вдруг открылась дверь, хотя он ни к чему не прикасался. Мы оказались в коротком коридоре, пол которого был выложен ослепительно белыми плитками. В глубине направо и налево виднелись два входа без дверей. Суилик показал мне на левый проем:

— Ты будешь спать здесь.

Комната была освещена мягким голубым светом. В ней стояло очень низкое, чуть вогнутое ложе, покрытое простым белым одеялом; простыней на нем не было. Рядом, на маленьком столике, неясно мерцали какие-то сложные аппараты. Суилик указал на один из них.

— «Тот, кто дает сон»,— объяснил он.— Если ты не сможешь заснуть, нажми эту кнопку. Раз тебе подходит наша пища, это на тебя тоже должно подействовать.

Суилик ушел. Некоторое время я сидел неподвижно на краю ложа. Мне казалось, что я все еще на Земле, в какой-нибудь цивилизованной стране с очень хорошим сервисом, скажем в США или Швеции, но только

не на неведомой планете бог знает за сколько миллиардов километров от дома! Под легким и мягким на ощупь одеялом лежало нечто вроде ночной пижамы, скроенной как комбинезон, из одного куска еще более легкой ткани. Я переоделся и лег. Ложе было в меру упругим и в то же время прекрасно облегало тело. Тоненькое одеяло оказалось таким жарким, что скоро я его сбросил: в комнате было достаточно тепло. Некоторое время я ворочался, не в силах заснуть, потом вспомнил совет Суилика и нажал указанную им кнопку. Я успел услышать очень слабое жужжание и погрузился в сон...

Пробуждался я медленно, с трудом. Странный сон снился мне — будто я говорил о чем-то с зеленолицыми людьми. Где я? Сначала мне показалось, что в Скандинавии, по которой я в свое время путешествовал. Но я отчетливо помнил, что вернулся оттуда. Во всяком случае, это был не мой дом и не моя постель. У меня кровать чертовски жесткая, я все время собираюсь ее сменить, но каждый раз забываю. Бог мой! Ведь это же Элла!

Я вскочил, повернул регулятор освещения. Стена напротив растаяла, сделалась прозрачной, и за ней открылась бескрайняя желтая степь, замкнутая на горизонте синеватой линией далеких гор. Слева на желтой траве темнела чечевица ксилла. Небо имело странный светло-голубой оттенок; высоко-высоко по нему плыли редкие белые облака. Видимо, было еще очень рано.

С легким жужжанием в комнату въехал низенький столик на колесах. Он медленно развернулся и замер возле ложа. Из глубины его тихонько поднялся поднос с чашкой золотисто-желтой жидкости и тарелкой розового желе. Судя по всему, иссы привыкли завтракать в постели!

Я поел с большим удовольствием; и желе и золотистый напиток были очень вкусны, хотя определить, на что они походили, я просто не мог. Едва я положил пустой поднос на стол, автомат выкатился из комнаты.

Я оделся и вышел. Наружная дверь была открыта, как и все двери в доме. Сам домик показался мне тесным: я думал, что в нем всего три выходящие в коридор комнаты, и лишь позднее узнал, что в домах иссов обычно бывает еще два-три подземных этажа.

Я обошел вокруг дома. Воздух был свежий, но не холодный, солнце — мысленно я никогда не мог называть его Иалтар!— стояло еще низко. Кругом не было ни души. В некотором отдалении виднелись три здания, такие же простые, как дом Суилика. Еще дальше к востоку можно было различить другие дома, разбросанные по степи. На западе, там, где высились горы, равнина была совершенно голой до самого горизонта. Зато на юге, востоке и севере ее оживляли густые рощицы. Я не спеша дошел до ближайшей из них. Деревья возносили к небу прямые гладкие стволы, расцвеченные зелеными и розовыми пятнами и прожилками; листья были такого же темно-желтого цвета, как трава под ногами. В этой рощице росли деревья трех различных пород.

Все кругом дышало сказочным, безмятежным покоем. Самые отвратительные черты нашей цивилизации — шум, вонь, теснота, беспорядочное нагромождение городов,— казалось, были навсегда изгнаны с этой планеты. Здесь царила умиротворяющая необъятная тишина. Невольно я вспомнил об Утопии, описанной в романе Уэллса «Люди как боги».

Я медленно вернулся к дому. Казалось, он вымер. В комнате напротив спальни я нашел низкое, очень легкое кресло, вынес его наружу, сел перед дверью и стал ждать. Минут через десять из-за ближней рощицы появилась тонкая фигура юной женщины этого нового для меня мира. Она прошла невдалеке танцующей походкой иссов, взглянув на меня с любопытством, но без особого удивления. Мне показалось, что кожа у нее бо-

лее светлая, чем у моих товарищей по путешествию. Я ей улыбнулся. Она ответила коротким кивком и пошла дальше.

Наконец появился Суилик. Он вынырнул откуда-то из-за моей спины, сморщился в типичной для иссов улыбке и передал мне:

— Скоро я представлю тебя мудрецам. А пока давай осмотрим мой дом.

Кроме спальни, одна стена которой могла по желанию становиться прозрачной, и комнаты напротив, где я взял кресло, на «первом» этаже была еще третья комната, передняя, куда выходили лифты для спуска в подземные этажи. Суилик извинился за скромность своего жилища, подходящего разве только для молодого одинокого офицера. В его доме было всего два подземных этажа. В верхнем располагались два жилых помещения и рабочий кабинет — круглая комната со стенами, сплошь занятыми книжными полками, и столом посередине, на котором стояли изящные аппараты и тонкие приборы. Нижний этаж занимали «кухня», кладовая для продуктов и великолепная ванная комната с так называемыми «удобствами». У иссов это единственное место, где можно увидеть зеркало. Я взглянул на себя и отшатнулся: щетина почти недельной давности отнюдь не украшала мою физиономию! Я спросил Суилика, существует ли на Элле что-нибудь похожее на бритву.

— Нет,— ответил он.— У иссов не растет шерсть на лице. Если что и найдется, то, может быть, только на Рессане, где живут представители других человечеств: некоторые из них тоже волосатые. Но объясни мне подробно, что такое бритва, и я тебе закажу эту штуку. А пока мудрецы хотят тебя видеть таким, как есть.

Я запротестовал:

— Ни в коем случае! Не могу же я показаться им в таком виде, словно дикарь! Я ведь представляю свою планету!

Суилик улыбнулся.

— Ты будешь представлять восемьсот шестьдесят вторую известную нам человеческую планету. Мудрецы видели людей и пострашнее!

Несмотря на столь обнадеживающее заверение, я все-таки воспользовался ванной, чтобы хоть немного привести себя в порядок. Ее сверхусовершенствованное оборудование в общем ничем не отличалось от аналогичных земных устройств.

Когда я поднялся на верхний этаж, Суилик был уже готов отправиться в путь. Выйдя из дому, я спокойно повернул в сторону ксилла. На сей раз Суилик, вообще отличающийся веселым нравом, откровенно расхохотался, то есть залился прерывистым свистом, означающим у иссов громкий смех.

— Нет, нет, ксилл нам не нужен! Не такие уж мы важные особы, чтобы расходовать кси-ильту, когда надо пролететь всего несколько сот брунов. Иди сюда!

Обойдя дом, Суилик нагнулся и сильно потянул за рычаг, торчавший из земли. Раскрылось отверстие, из которого поднялся на площадке миниатюрный самолет без пропеллера и без дюз реактивных двигателей. У него были тонкие крылья размахом около четырех метров и короткий округленный фюзеляж длиной не более двух с половиной метров. Вместо колес он опирался на два длинных полоза с загнутыми носами.

— Это реоб,— объяснил Суилик.— Надеюсь, у тебя скоро будет такой же.

Внутри оказалось два кресла, одно позади другого. Само собой разумеется, я сел на заднее, а Суилик занял место пилота. Мы взлетели почти сразу, проскользив по траве метров двадцать. Бесшумный реоб, видимо,

был удивительно послушен и надежен. Быстро набрав большую высоту, мы полетели на запад, к горам. Вспомнив свои полеты на дальнорейсовых лайнерах, я определил нашу скорость — примерно 600 километров в час. Позднее мне не раз приходилось самому управлять реобом, и я знаю, что в случае необходимости, когда очень торопишься, на нем можно легко развить сверхзвуковую скорость.

С жадностью вглядывался я в расстилавшийся внизу пейзаж. Детали были неразличимы, потому что мы летели слишком высоко, но меня сразу поразило одно — отсутствие городов. Я поделился своим недоумением с Суиликом.

— На Элле,— ответил мне он,— в круге диаметром в километр (я перевожу на наши земные меры) запрещено строить более трех домов.

— Каково же население Эллы?

— Семьсот миллионов. Но, послушай, чтобы передавать тебе мысли, мне приходится оборачиваться, потому что разговорного языка ты еще не понимаешь. Я так не могу, мне надо смотреть вперед.

Больше я его не отвлекал. Мы пролетели над лесом удивительного молочно-желтого цвета, потом над маленькими речками, которые сливались в одну большую реку, впадающую в море. Горная цепь вдавалась в него гигантским полуостровом. Скоро навстречу начали попадаться другие воздушные корабли, такие же легкие, как наш, или, наоборот, огромные и могучие. Обогнув над морем крайнюю вершину, Суилик быстро повел реоб вниз. Обернувшись, он передал:

— Слева, между двумя горными пиками, Дом мудрецов!

Долина, спускавшаяся между двумя склонами к широкому белому пляжу, была перегорожена гигантской стеной, на которую опиралась огромная искусственная терраса. На ней среди зеленых, фиолетовых и желтых крон деревьев виднелись длинные и низкие белые здания. В глубине вторая стена подпирала верхнюю, меньшую террасу, где возвышалось только одно сооружение на редкость благородных пропорций, отдаленно напоминавшее Парфенон.

Мы сели на нижнюю террасу возле густой рощицы с зеленой листвой, которая показалась мне такой родной и близкой в этом чужом мире. Отсюда к верхней террасе вела величественная лестница. Суилик сказал, что она называется Лестницей человечеств. В ней было сто одиннадцать низких широких ступеней, и на каждой с обеих сторон, группами по три-четыре возвышались золотые статуи человекоподобных существ. Подавая друг другу руки, они как бы шли вверх по лестнице, туда, где на самой вершине стоял отлитый из зеленоватого металла исс, встречающий их дружеским гостеприимным жестом. Здесь были удивительные создания! Я видел лица без носов или без ушей; у одних было три глаза, у других четыре; встречались фигуры с шестью конечностями, невообразимо уродливые, словно раздавленные, или божественно стройные, голые или поросшие шерстью, сказочно прекрасные и такие, что при взгляде на них бросало в дрожь. Но все до последнего более или менее походили на людей, хотя сходство заключалось порой только в вертикальном положении тела или в посадке головы. Я разглядывал их, по мере того как мы поднимались все выше, и безотчетный ужас охватывал меня при мысли, что это не бред, не фантазия скульптора, а самое что ни на есть правдивое изображение представителей восьмисот шестидесяти одного человечества, известного иссам. Последние ступени были еще пусты. Суилик указал на одну из них во главе фантастического шествия:

— Вот место для тебя. Здесь поставят ваше человечество. Поскольку ты его первый представитель, прибывший на Эллу, ты и послужишь об-

разцом. Не знаю только, с какой стороны тебя поместят. В принципе ты должен стоять справа, вместе с другими расами, которые еще не покончили с войнами на своих планетах!

Слева, на последней ступени, занятой могучим гигантом с выпученными глазами и лысым черепом, стояла стройная фигура, показавшаяся мне совершенно человеческой: лишь потом я заметил, что на руках у нее было всего по четыре пальца.

В этом месте я не удержался и посмотрел на руку Ульны; Клэр только улыбнулся, не прерывая рассказа.

Миновав статую иссa, мы поднялись на вторую террасу. Здесь я обернулся, чтобы окинуть взглядом открывшийся перед нами вид. Отсюда казалось, что нижняя терраса висит прямо над синим морем, по которому медленно перекатывались длинные валы с белыми гребнями. Рядом с зеленолистой рощей наш реоб выглядел как маленькая стрекоза. Поблизости опустилось еще несколько реобов, и целая группа иссов поднималась по лестнице. Я еще раз взглянул на последнюю статую слева.

— Кто эти существа?

— Они прилетели издалека, почти оттуда же, что и ты. Кроме нас, они единственные, кто знает дорогу через ахун. Мы их не открыли, скорее это они открыли иссов. Они очень похожи на вас, землян. Но до сих пор только мудрецы видели их вблизи. Поэтому подробностей о них я не знаю. Если мудрецы захотят, они расскажут тебе больше.

— Кто такие мудрецы? Это ваше правительство?

— Нет, они выше правительства. Это те, кто знает и кто может.

— Они очень старые?

— Не все. Некоторые довольно молоды. Я, как и ты, сегодня увижу их в первый раз. Меня удостоили этой чести за то, что я привез тебя сюда, несмотря на протесты Аасса.

— А сам Аасс? Какое положение он занимает?

— Возможно, позднее он тоже станет мудрецом. Но нам пора, пойдем!

Мы двинулись дальше к исскому Парфенону. Вблизи он оказался значительно больше, чем я полагал. Массивная двустворчатая металлическая дверь была открыта настежь, но, прежде чем войти в нее, Суилику пришлось вступить в переговоры со стражей, вооруженной легкими палочками из белого металла.

Нас пропустили, и мы очутились в галерее, украшенной фресками, изображавшими пейзажи неведомых планет. Разглядеть их на ходу мне не удалось. Через коричневую деревянную дверь в глубине галереи мы вошли в небольшой зал. Здесь нам пришлось подождать, пока исс, выполнявший обязанности распорядителя, ходил о нас докладывать. Впрочем, он скоро вернулся и сделал нам знак следовать за ним.

Зал, куда нас ввели, представлял собой амфитеатр. Примерно сорок иссов сидели в креслах на его ступенях, и трое — внизу, на центральном возвышении. Многие были явно преклонного возраста: кожа их побледнела, белые волосы поредели и потускнели, но ни у кого не было на лицах ни единой морщинки.

Меня усадили в кресло в нижнем ряду амфитеатра. И тут со мной произошел казус, сам по себе незначительный, но в тот момент раздосадовавший меня до крайности. Совершенно бессознательно я нажал кнопку на правом подлокотнике; в то же мгновение кресло опрокинулось, превратившись в ложе, а я чуть не полетел вверх тормашками. Иссы по натуре народ веселый, смешливый, и это маленькое происшествие вызвало взрыв хохота. Потом лишь я узнал, что потолок амфитеатра служит одновременно экраном и что кресла специально опрокидываются, чтобы было удобнее смотреть вверх.

Обращаясь к трем иссам на возвышении, Суилик доложил об экспедиции. Он говорил, а не передавал мысли, так что я ничего не мог понять. Впрочем, доклад его был предельно коротким. Меня поразило, что, хотя Суилик относился к собравшимся с явным уважением, он не сделал ни одного почтительного жеста: условная вежливость среди иссов не в чести.

Как только он кончил, средний из троих мудрецов на возвышении — его звали Аззлем — повернулся ко мне, и я почувствовал, как между его мыслями и моими сразу установилась связь без всяких предварительных попыток, которые порой так затрудняли мои «разговоры» с Суиликом.

— Я уже знаю от Аасса, как немыслимо далека от нас твоя планета. Я также знаю, что в твоем мире еще существуют войны. Следовательно, тебе здесь не место. Но ты оказал услугу нашим исследователям, после того как их ксилл был атакован одним из ваших летательных аппаратов. Так или иначе, ты уже здесь. Суилик и Аасс все же решились взять тебя на Эллу, и мы их не порицаем за это. Пока мы не хотим отправлять тебя на Рессан, где находятся все чужестранцы. Если не возражаешь, поживи у Суилика. Каждый второй день ты будешь приходить сюда и рассказывать нашим ученым о своей планете. Аасс мне сказал, что ты один из тех, кто изучает жизнь, и тебе было бы, несомненно, полезно сравнить свои знания со знаниями иссов, занимающихся этим вопросом. Мысль развивается поразному в разных мирах, и, возможно, ты знаешь то, что позволит нам лучше понять мисликов.

— Я буду счастлив сравнить мои познания с вашими,— ответил я.— Но когда я очутился, в сущности не совсем добровольно, на вашем ксилле, Аасс обещал доставить меня обратно. Могу ли я рассчитывать на возвращение на мою планету?

— Разумеется, насколько это от нас зависит. Но ведь ты только что прибыл!

— О, я не собираюсь покидать вас так скоро! Мне так же хочется побольше узнать о вашей планете и о других мирах, как и вам о нашей Земле.

— Мы предоставим тебе все сведения, если только ты выдержишь экзамен. А теперь расскажи нам что-нибудь о твоем мире. Но сначала надень этот усилитель, чтобы твои мысли могли слышать все.

Один из служителей подал мне легкий шлем из металла и кварца с дюжиной коротких антенн, делавших его похожим на половинку неочищенного каштана.

Более часа я мысленно описывал Землю, ее положение в пространстве, перечислял ее характеристики, вспоминал, что мог, из геологической истории. Время от времени кто-нибудь из присутствующих, чаще всего один гигант, превосходивший ростом даже Аасса, задавал мне вопросы или просил уточнить какую-нибудь подробность. Шлем усиливал эти вопросы так же, как и мои мысли, поэтому они отдавались в моей голове болезненными громовыми раскатами, словно кто-то выкрикивал их мне прямо в ухо. Я сказал об этом Аззлему, и он тотчас велел отрегулировать усилитель.

Наконец он меня прервал:

— На сегодня достаточно. Все, что ты рассказал, мы записали, и все это мы рассмотрим. Будь здесь послезавтра.

Тогда я в свою очередь задал ему вопрос:

— Скажите, есть ли в ваших продуктах железо? Моему организму железо необходимо.

— В нашей пище железа, как правило, очень мало. Мы распорядимся кормить тебя продуктами, приготовленными для синзунов,— в их крови тоже много железа. Сейчас это просто, а несколько месяцев назад твоя

просьба поставила бы нас в затруднительное положение.

— Еще один вопрос: кто такие мислики? Аасс не захотел мне объяснить.

— Ты скоро узнаешь. Это гасители звезд.

И он склонил голову, как делают иссы в знак того, что разговор окончен. Настаивать в таких случаях невежливо и бесполезно.

Глава II

СОЮЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ МИРОВ

На обратном пути, когда Суилик повел реоб прямо на восток, я попросил его, если можно, сначала покружить немного над этой частью планеты, спустившись пониже.

— Конечно, можно! — ответил он.— До тех пор пока мудрецы не примут о тебе окончательного решения, я освобожден от всех дел, кроме ухода за моим ксиллом. Куда ты хочешь слетать?

— Право, не знаю. Может быть, навестим Аасса?

— Нет, Аасс уже улетел на Марс, он там живет, а я не имею права выпускать тебя с Эллы. Кроме того, эта прогулка займет слишком много времени, а тебе послезавтра надо снова быть у мудрецов. Но, если хочешь, можем слетать к Эссине.

— Хорошо,— согласился я, улыбаясь.

От меня не укрылось, что Суилик питал к Эссине живейшую симпатию. Но говорить об этом я не стал, боясь, что даже самый невинный намек может быть сочтен за смертельное оскорбление или в лучшем случае за бестактность. Кто их знает, этих иссов!

Эссина жила в 1600 бруннах от дома Суилика, то есть примерно в 800 километрах. По моей просьбе мы снизили скорость и шли не по прямой, а длинными зигзагами. Из-за этого полет продолжался два наших часа. Сначала мы летели над открытой равниной, которую сменила дикая лесистая местность, пересеченная глубокими ущельями, затем прошли над цепью потухших вулканов и, наконец, над узкой полосой побережья, зажатой между горами и морем. Над той полосой мы пролетели километров сто и опустились на большой, возвышавшийся над морем остров. Эссина жила почти в таком же доме, как и Суилик, только более просторном и выкрашенном в красный цвет.

— Эссина из расы сиуков, а я — из эссоков,— объяснил мне Суилик.— Поэтому у меня дом белый, а у нее — красный. Это все, что осталось от старых расовых различий. Да, пожалуй, еще кое-какие характерные обычаи. Например, у них — предупреждаю тебя заранее — отказываться от угощения крайне неприлично, даже если ты совсем не голоден, а у нас ты можешь поступать, как хочешь.

Невольно мне вспомнились наши крестьяне, для которых нет ничего обиднее отказа попробовать вино их собственного виноградника. Я рассмеялся. Пришлось объяснить Суилику, что меня так развеселило.

— Честное слово, между самыми разными планетами слишком много сходства! — заявил он.— Твои крестьяне совсем как крены с планеты Мара звезды Стор из Четвертой галактики. У них есть напиток абен-тори.

Для нас, иссов, это настоящее рвотное. А мне пришлось его пить три раза! Надеюсь, ваше вино хоть приличное?

— Иногда бывает приличное. Но попадается и очень скверное.

Теперь уж рассмеялись мы оба.

Так за разговором мы незаметно дошли до дома. Хрупкая девочка встретила нас на пороге, и вот я впервые оказался в семье иссов.

Забегая вперед, хочу сразу сказать несколько слов об общественном устройстве Эллы. Как и у нас, основной ячейкой общества здесь остается семья, но, хотя законы дают свободу, она гораздо более прочная. Брак может быть расторгнут просто по взаимному желанию супругов, что, впрочем, случается весьма редко. Иссы по натуре своей ярко выраженные однолюбы. Женятся они обычно смолоду, когда их возраст примерно соответствует нашим двадцати пяти годам. У супругов редко бывает больше трех детей и еще реже — один ребенок: два — это норма. До брака, насколько я понял, нравы у них довольно свободные, однако после становятся необычайно строгими.

Все иссы обязаны учиться в школах, пока им не исполнится восемнадцати лет,— я перевожу на наши земные цифры. Затем они выбирают профессию и поступают в специальные училища; эти люди с развитой технической культурой давно позабыли о том, что такое неквалифицированный труд. Наиболее одаренные учатся в заведениях, соответствующих нашим университетам. И, наконец, самые талантливые становятся исследователями космоса.

Хотя Эссина была молода и еще продолжала учебу, она уже трижды участвовала в космических экспедициях на ксилле Суилика. Но две первые экспедиции обнаружили только безлюдные пустые планеты, а третья едва не закончилась катастрофой на Земле.

Дома сиуков отличаются от домов эссоков тем, что сразу за входной дверью в них располагается приемный зал с низкими креслами.

Эссина ожидала нас в окружении своей матери, брата и младшей сестренки.

Ее отец в этот день отсутствовал. Он был «распорядителем мистических церемоний» — во всяком случае, я именно так мысленно воспринял его титул — и пользовался на Элле большим уважением.

Вначале я был крайне смущен. Суилик вступил с хозяевами дома в оживленную беседу на разговорном языке, а я сидел в кресле и разглядывал комнату, стараясь освоиться. Приемный зал казался пустым: иссы не любят никчемных безделушек. Лишь по голубым стенам бежали геометрические узоры.

Через некоторое время мать Эссины вышла; в зале осталась, так сказать, одна молодежь. Сестра Эссины уселась напротив меня и без всяких церемоний принялась обстреливать меня вопросами. Откуда я? Как меня зовут? Сколько мне лет? Какая у меня специальность? Как выглядят женщины на Земле? Что я думаю об их планете? И так далее и тому подобное! Невольно вспомнилось мне, как несколько лет назад я читал лекцию в одном американском университете и как студентки осаждали меня точно такими же или, во всяком случае, очень похожими вопросами.

Эссина и Суилик вмешались в разговор, и через несколько минут я совершенно забыл, что нахожусь в чужом мире. Все казалось таким знакомым! И я почти сожалел об этом, говоря самому себе, что, по сути-то дела, мое фантастическое путешествие ни к чему не привело, что все человечества похожи друг на друга и вообще вряд ли стоило покидать Землю, чтобы найти здесь так мало нового. Нового? Черт бы меня побрал! Позднее я вдоволь нагляделся на новое, так что был им сыт по горло! Достаточно

вспомнить только ужасы планеты Сифан! Но в тот момент я еще ничего не знал, и мне казалось, что, несмотря на белые волосы и зеленую кожу, иссы очень близки к землянам и физически, и духовно.

Я поделился своим впечатлением с Суиликом. Он хотел было мне ответить, но его опередила Эссен-Иза, младшая сестра Эссины:

— Ну, конечно! Мне тоже кажется, что ты просто исс, вымазанный розовой краской!

Суилик загадочно улыбнулся. Подумав, он сказал:

— В сущности, вы оба ничего об этом не знаете. А я видел уже пять человечеств на их планетах. Например, крены внешне настолько похожи на нас, что их почти невозможно отличить от иссов. Прежде всего поражает сходство обычаев. Но потом... Когда поживешь на Элле подольше, ты, может быть, начнешь относиться к нам так же, как фрооны с планеты Сик звезды Венкор из Шестой галактики. Они нас терпеть не могут, хотя и поддерживают с нами связь из деловых соображений.

Вскоре мы начали прощаться. Эссен-Иза и ее брат Арс церемонно пожелали «доброго полета» своему другу Суилику и «сренну Севолду Слэру», то бишь господину Всеволоду Клэру. Эссина полетела вместе с нами на своем реобе.

Час спустя мы были у Суилика. Эссина побыла с нами недолго, а потом мы остались одни. Уже не помню толком, чем закончился этот мой первый день жизни на Элле. Мне кажется, что я начал учиться писать и говорить по-иссски лишь позднее. Возможно, Суилик обучал меня любопытной «звездной игре», в которую играют на круглой разграфленной доске. Она состоит в том, чтобы добиться определенного расположения фишек, представляющих звезды, планеты и ксиллы, которое позволяет ввести в игру мислика; достигнув этого, можно считать партию выигранной, так как мислик начинает «гасить звезды» противника, а защищаться от него чрезвычайно трудно. Впрочем, вероятнее, что в тот вечер мы в «звездную игру» не играли, потому что я не преминул бы расспросить своего хозяина о мисликах поподробнее, а я узнал о них кое-что много позднее. Как бы там ни было, «звездная игра» — увлекательнейшая штука, гораздо интереснее шахмат, и я, может быть, обучу тебя, если будет время.

Итак, вечер мы провели вдвоем с Суиликом. Уже тогда я начал испытывать искреннюю симпатию к этому молодому иссу, которому суждено было стать моим лучшим другом на планете Элла. Суилик — прекрасный товарищ, веселый и умный, подобно всем его соотечественникам, но, кроме того, наделенный отзывчивостью и душевной добротой, что среди иссов встречается довольно редко. Как правило, иссы весьма любезны, доброжелательны, но в высшей степени равнодушны.

Спустилась ночь, моя первая полная ночь на чужой планете. После короткого ужина, за которым я впервые попробовал пищу синзунов, присланную для меня Советом мудрецов и имеющую отчетливый привкус мяса, мы вышли посидеть перед домом. Я взглянул вверх и замер, потрясенный: все небо было сплошь усеяно звездами, миллионами чужих звезд! Одна сверкала совсем близко, словно крохотное солнце. Через весь небосклон тянулся млечный путь необычайной густоты.

Несмотря на свой юный возраст — Суилику было, по-нашему, около тридцати лет,— он уже давно странствовал по Вселенной и теперь уверенно называл мне звезды: Эссалан, Эриантэ, Кальвенольт, Бероэ, Аслюр, Эссемон, Сиалкор, Сюдема, Фенган-Теор, Шессин-Сиафан, Астар-Роэлэ... Назвал он и совсем близкую звезду — Ориабор, которая была солнцем первой родины иссов,— вскоре я узнал, при каких обстоятельствах им пришлось ее покинуть.

Небо было средней яркости, местами ярче нашего Млечного Пути. Суилик объяснил мне причину: их звезда, Иалтар, находится близ центра галактики, а не на краю, как наше Солнце. В этом районе звезды располагаются особенно тесно, и до ближайшей — Ориабора — от Эллы всего четверть светового года — нашего светового года. Это значительно облегчало иссам первые межзвездные перелеты, но, с другой стороны, мешало освоению большого космоса, особенно внешних галактик, которыми они занялись лишь тогда, когда первые попытки использовать путь через ахун вывели иссов к границам их собственной Вселенной.

Я расспрашивал Суилика о его космических экспедициях. Он повидал пять «человеческих» планет и множество других, просто необитаемых или населенных лишь низшими существами. Некоторые из этих миров, например планета Биран звезды Фзиен Первой галактики, галактики иссов, так прекрасны, что дух захватывает, другие, наоборот, унылы и пустынны. Суилик посетил также две планеты звезды Эп-Хан Первой галактики — Аур и Жен, обитатели которых уничтожили самих себя в чудовищных войнах. Он показал мне цветные снимки этих миров, снимки такого качества, о каком мы на Земле не можем пока и мечтать. Некоторые из них здесь, со мной. Кроме того, он показал мне статуэтку, найденную среди руин одного из городов на Ауре. Чудом уцелевшая хрупкая вещица, несмотря на странность изображения — это фигурка крылатого человекообразного существа с остроконечной головой,— бесспорно, свидетельствовала о высоком мастерстве. Если согреть фигурку в руках, стекловидная материя, из которой она сделана, издает жалобный стон, словно плач по истребленному народу. Видимо, иссы встретили во Вселенной несколько таких некогда обитаемых, а ныне мертвых миров и именно потому приняли Закон исключения, чтобы избежать заразы, смертоносного безумия войн.

Когда я в тот вечер наконец улегся, голова моя гудела от множества новых впечатлений и все эти близкие звезды — Эссалан, Ориабор, Эриантэ и прочие — кружились у меня перед глазами. Мне пришлось снова прибегнуть к помощи «того, кто дает сон».

От следующего дня у меня не сохранилось никаких особых воспоминаний, вернее, они потом слились с воспоминаниями множества других дней. Зато я прекрасно помню день, когда вторично посетил Дом мудрецов.

Я отправился туда вместе с Суиликом на реобе. Перелет длился недолго. Суилик сразу удалился, а меня ввели в кабинет Аззлема. Пять стен этой комнаты оказались пятью большими прямоугольными экранами из чего-то напоминающего по виду матовое стекло. Посредине кабинета стоял стол из зеленоватого с синими крапинками материала, на столе — несколько миниатюрных аппаратов и сложная приборная доска. Аззлем указал мне место напротив себя. Я испытывал знакомое ощущение, словно я все еще врач-практикант и меня вызвал к себе мой профессор.

Аззлем был явно немолод: цвет его кожи поблек так сильно, что казался мертвенно-зеленым, как у тяжело больного человека. Но тело, вырисовывающееся под тугим серым трико, могло бы вызвать зависть некоторых наших гимнастов. Хотя физически иссы слабее нас, мускулатура у них превосходная и очень пропорционально развитая. Что же до бледно-зеленых глаз Аззлема, огромных, как у всех его соплеменников, то в них, уверяю тебя, не было ничего старческого!

Долгое время он рассматривал меня, ничего не передавая. Я понял, что он сравнивает меня с многочисленными представителями иных миров, которые уже побывали в этой комнате. Затем начался наш безмолвный разговор.

— Очень жаль,— сказал он,— что твои соотечественники вздумали напасть на наш ксилл и убили двух иссов. Кое в чем тут виноват сам Аасс. Он не должен был входить в атмосферу, не приняв мер предосторожности. Но, пока ксилл не снизился, никто не видел над Землей никаких летательных аппаратов, поэтому Аасс решил, что вы еще не умеете летать.

— Мы научились летать не так давно,— ответил я.— Но так или иначе Аасс мог об этом узнать, лишь войдя в земную атмосферу. Ни один наш летательный аппарат, за исключением ракет-спутников, еще не выходил в пустоту межпланетного пространства.

— Как! Вы умеете летать и не можете выйти за пределы атмосферы? Какому же аппарату удалось это сделать? Одна из твоих мыслей мне непонятна.

— Ракеты! — сказал я вслух. И начал мысленно описывать принцип их действия. На лице Аззлема отразилось удивление.

— Теперь я понял. Разумеется, теоретически мы знаем ракеты. Но мы их не используем. Слишком низкий коэффициент полезного действия!

— У нас тоже долгое время смотрели на ракеты как на забаву. Только за последнее время они получили практическое применение.

— Значит, ваши летающие машины движутся с помощью ракет?

— Не все. На других стоят двигатели внутреннего сгорания.

Мне пришлось мысленно объяснить и этот термин. К тому же я был удивлен не меньше Аззлема и решил в свою очередь задать вопрос.

— Какое отношение,— спросил я,— имеют полеты в атмосфере к возможности выйти в межпланетное пространство? Я не вижу связи!

— А между тем это очевидно! Как только стало возможным использовать для полетов отрицательное поле тяготения, выход в межпланетное пространство стал вопросом чисто техническим, вопросом плотности такого поля. Но вы-то пользуетесь гравитационными полями?

— Нет. И я это знаю наверняка, хотя и не очень понимаю, о чем вы говорите.

Долгое время Аззлем пытался растолковать мне суть дела. Увы! Зачастую я не только его не понимал, но даже и «не слышал». Аззлем обращался к понятиям, которые были мне совершенно чужды, и тотчас всякая мысленная связь между нами прерывалась. Я горько сожалел, почему я не физик или почему со мной не было тебя! А еще лучше было бы посадить на мое место Эйнштейна — в таких делах он был самый компетентный из всех землян!

Наконец Аззлем отчаялся меня просветить и вернулся к вещам более понятным.

— Каковы бы ни были ваши двигатели, одна из земных летающих машин довольно удачно атаковала наш ксилл. Ты объяснил Суилику, что это произошло в результате ошибки. Я тебе верю.

— Можно задать вам один вопрос? — спросил я.— Это был первый ксилл, отправленный на Землю?

— Да. За это я ручаюсь. Все приказы об исследованиях космоса исходят от меня. Я отправил Аасса и Суилика выяснить, есть ли еще обитаемые галактики после Шестнадцатой. Вы в двадцать раз дальше Шестнадцатой галактики, то есть, чтобы добраться до вас, нужно пробыть в ахуне в двадцать раз дольше. Поэтому, хотя Аасс и обещал, я не могу гарантировать, что мы сумеем доставить тебя обратно. Мы пока не уверены, можно ли распространять правила прохождения через ахун на такие расстояния. Но вскоре мы это узнаем. Мой сын Ассерок должен вернуться из Семнадцатой галактики, открытой нами за время отсутствия Аасса. Она расположена почти так же далеко и в том же направлении, что и ваша.

Впрочем, когда я говорю «открытой нами», это не точно: синзуны сами открыли нас. У них тоже красная кровь, они знают путь через ахун и очень походят на тебя.

— Поживем — увидим,— сказал я беззаботно.— На Земле меня никто не ждет, я человек одинокий. Но все-таки, если ваш ксилл был действительно первым, значит, все россказни о летающих тарелках вызваны оптическим обманом или галлюцинациями! Значит, официальный отчет одного из наших правительств справедливо разоблачал эти бредни!

И я рассказал Аззлему всю историю про летающие тарелки и про вызванную ими фантастическую сумятицу. Он веселился от души.

— Ну что ж, у нас тоже некоторые смелые умы иной раз приходили к правильным выводам, отталкиваясь от ложных данных. А теперь за работу! Я передам тебя нашим ученым, которые хотят получить более точные сведения о Земле. Потом мы кратко расскажем тебе об истории иссов.

Большую часть этого дня мне действительно пришлось отвечать на всевозможные вопросы, зачастую совершенно нелепые. Но именно необычность вопросов позволила мне впервые уловить, насколько иссы в некоторых вещах отличаются от нас. Мои ответы иногда действовали на них ошеломляюще, чтобы не сказать больше. Например, когда речь зашла о наших болезнях и санитарном состоянии Земли, я рассказал, какие бедствия приносит нам алкоголизм. Иссы знакомы с алкоголем, и на них он оказывает такое же действие. Меня спросили, почему мы не уничтожаем алкоголиков или не отправляем их осваивать какую-нибудь пустынную планету, «что зачастую приводит к тем же результатам»,— добавили они цинично. Когда в ответ я начал объяснять, что мы на Земле всеми силами, хотя и без особого успеха, пытаемся внушить уважение к священной человеческой жизни, все возмутились:

— Но ведь эти алкоголики больше не люди! Они нарушили божественный закон разума!

Много позднее я узнал, в чем заключается этот божественный закон.

К вечеру за мной прилетел Суилик и объявил, что рассказать мне о прошлом Эллы поручили именно ему. Выяснилось, что у него, как у большинства иссов, две профессии: общественная, когда он выступает в качестве командира ксилла, и личная, когда он занимается «всемирной археологией».

Выполняя обязанности капитана космического корабля, во время экспедиций он подчиняется строжайшей дисциплине. Но как только его обязанности офицера заканчиваются, он превращается в одного из лучших, по словам Эссины, «всемирных археологов». При желании, отслужив свой срок, он мог бы вообще освободиться от всяких обязанностей, но Суилик предпочел остаться в рядах командиров ксиллов: среди них у него было немало друзей и к тому же его положение автоматически обеспечивало ему право участия в новых экспедициях.

Таким образом, когда мы вернулись домой, я в тот же вечер прослушал первую лекцию по истории иссов. Она состоялась в кабинете Суилика, где я заметил два таких же экрана из матового стекла, как в кабинете Аззлема.

— Судя по тому,— начал Суилик,— что ты рассказывал сегодня в Доме мудрецов,— я все знаю, хотя там и не был,— человечество появилось на вашей планете в результате очень долгого периода развития низших форм жизни. То же самое было и у нас на Элле звезды Ориабор. Там наши предки тоже начали с использования каменных орудий и оружия. Благодаря тому что камень сохраняется почти вечно, мы знаем об этом пе-

риоде на заре нашего человечества гораздо больше, чем о последующих.

Суилик набрал на циферблате серию знаков, словно номер телефона, только более сложный. Один из матовых экранов осветился. На нем возникли изображения каменных орудий, почти таких же, какие находят у нас при раскопках пещер.

— Я сейчас набрал шифр,— объяснил Суилик,— и мне передали эти документы из археологической библиотеки.

Позднее на планете иссов расцвела цивилизация. Так же как на Земле, империи возвышались и приходили в упадок, войны разрушали то, что создавалось веками, уменьшая население планеты, уничтожая целые расы. Эти расы на Элле-Вен, на Элле Старой, никогда не отличались так сильно одна от другой, как у нас: различия были только в оттенках кожи того же зеленого цвета. Возникали и распространялись религии, некоторые становились господствующими почти на всей планете, затем угасали одна за другой. Лишь единственная из них упорно держалась, несмотря на все преследования сторонников временно торжествующей веры. Это была самая древняя религия, возникшая на заре истории.

Иссы, видимо, не знали периодов относительного технического застоя, какими отмечены у нас времена Рима и средневековья. Поэтому их войны быстро стали опустошительными. Последняя, Шестимесячная, разразившаяся примерно 2300 наших лет назад, закончилась на почти мертвой планете, изуродованной ужасным оружием, о котором мы, к счастью, пока не имеем представления. Последовал довольно длительный период, когда цивилизация едва не угасла: слишком мало иссов осталось в живых, чтобы ее поддерживать. Но все же она сохранилась благодаря мужеству и упорству нескольких ученых, а также благодаря тому, что в этот период грабежей и мелких междоусобных войн наука нашла прибежище в подземных святилищах той самой преследуемой и неистребимой веры, о которой я только что говорил.

И вот спустя пять столетий цивилизация снова начала завоевывать планету. Победа далась без особого труда, так как основная масса населения практически находилась в том же состоянии, что и мы в железном веке. Этой новой цивилизацией заправляла научная теократия. Правда, «монахи» располагали оружием гораздо менее мощным, чем их предки, но и этого было вполне достаточно, чтобы подчинить своей власти разрозненные племена.

Гораздо труднее оказалось возродить почву. Целые районы были превращены в пустыни, выжжены, оплавлены и отравлены навсегда стойкой радиацией. Очень долгое время численность населения приходилось резко ограничивать: Элла-Вен могла прокормить не более ста миллионов, хотя до страшной Шестимесячной войны на ней обитали семь миллиардов.

Выход был найден за тысячу лет до моего прибытия на Эллу — эмиграция! Иссы уже давно знали, что в отличие от Ориабора, вокруг которого вращалась одна Элла-Вен, у Иалтара было несколько пригодных для жизни спутников. Как раз накануне Шестимесячной войны иссы нашли способ управлять гравитационными полями, но это открытие было немедленно объявлено государственной тайной различных правительств и послужило только для военных целей. Затем долгое время секрет гравитационных полей считался утерянным, пока его вновь не открыли совершенно случайно. В течение Сумеречных столетий, когда не было достаточно мощных источников энергии, в монастырях занимались в основном проблемами биологии, а не физики.

Но как только гравитационные поля были снова покорены, тотчас пришло и решение: переселиться на планету звезды Иалтар. Она нахо-

дилась, как я уже говорил, на расстоянии примерно четверти светового года от Ориабора. Гравитационные поля позволяли развить скорость немного выше половины скорости света. Таким образом, путешествие было сравнительно недолгим.

Оно было совершено за девятьсот шестьдесят лет до моего прибытия. Более двух тысяч звездолетов, в каждом из которых находилось по триста иссов, снаряжение, машины, а также домашние и дикие животные, устремились в пространство. Предварительная экспедиция установила, что Элла-Тан, то есть Элла Новая, вполне пригодна для жизни, так же как Марс и даже более холодный Рессан. И вот около шестисот тысяч иссов высадились в один прекрасный день на планете, где до сих пор существовали только низшие формы жизни.

Эта первая попытка закончилась страшной катастрофой. Колонисты только-только приступили к постройке временных поселений, как на них обрушились ужасные неведомые болезни. Летописи утверждают, что эпидемии уничтожили более ста двадцати тысяч иссов всего за восемь дней! Ассри с его дифференцированными антибиотическими лучами тогда еще не был изобретен. Многие иссы, обезумев, бросились к звездолетам и, несмотря на запрет, вернулись на Эллу-Вен, куда вместе с ними пришла и неведомая зараза. Цивилизация снова оказалась на краю гибели.

Оставшиеся в живых колонисты постепенно приобрели иммунитет против микробов своей новой планеты; население Эллы-Тан начало увеличиваться. За семьсот лет до моего появления на ней был изобретен ассри, и эта проблема больше не возникала. Теперь иссы смогли колонизировать Марс и Рессан. Еще сто лет спустя — я все время имею в виду наши земные годы, потому что система летосчисления иссов слишком сложна для такого рассказа,— один из физиков, кстати предок Аасса, открыл существование ахуна и установил теоретическую возможность использовать его для полетов к самым далеким звездам. Это открытие было для иссов чрезвычайно важным в религиозном отношении,— я сейчас объясню, почему. Расстояния между звездами, хотя и не столь значительные, как в нашей части Вселенной, скоро оказались для иссов непреодолимыми. Самая близкая после Ориабора звезда — Судема — отстоит от Иалтара на половину светового года; это означает, что для полета туда и обратно требуется четыре года. До следующей звезды, Эриантэ,— два с половиной световых года, то есть около десяти лет полета. На более далекие путешествия в космосе иссы не были способны; в этом случае уже приходилось прибегать к анабиозу, чтобы замедлить жизнь исследователей.

Зато путь через ахун сразу открывал совершенно новые перспективы. Исследователи космоса обретали возможности поистине безграничные! А кроме того, для иссов это было как бы осуществлением Древнего пророчества.

Для того чтобы разобраться в дальнейших событиях и немного понять самих иссов, необходимо познакомиться хотя бы с основами их религии. Я уже говорил тебе о древнем, вечно гонимом, но вечно живом и в конце концов восторжествовавшем культе. Он стал... я не скажу религией официальной — это было бы слишком неточно и слабо,— а скорее всеобъемлющей верой иссов. Впрочем, не слишком многочисленные атеисты, которых я встречал на Элле,— кстати, Суилик один из них — не вызывают здесь ни удивления, ни возмущения. Но их влияние невелико, да и скептицизм их относится главным образом к догмам. В практической жизни они мало чем отличаются от верующих.

По верованиям иссов, мир был создан Богом Добра, вечно борющимся

с Богом Зла. Впрочем, нет! Я искажаю их мысль. В действительности речь идет не о Добре и Зле в нашем понимании, а о Свете и Мраке. Бог Света, считают они, создал Пространство, Время, Светила. Другой пытается все это уничтожить и вернуть мир к первоначальному нераздельному хаосу. Иссы и, что особенно важно, другие человечества из плоти — это дети Бога Света. Тот, другой, создал мисликов.

Я не очень-то разбираюсь в метафизике и в мистических тонкостях. Поэтому не ручаюсь, что понял их мысль правильно. Все это на самом деле гораздо сложнее, чем я тебе объясняю. Даже я, старый скептик, не раз бывал смущен, когда читал их священные книги, где немало любопытных аналогий с нашей библией или с индейскими религиозными текстами и где встречаются странные пророчества, дошедшие из тьмы доисторических времен, когда иссы никак не могли знать о том, что творится за пределами их планеты.

Клэр вынул из кармана и протянул мне маленький томик с тонкими, как бы пергаментными страницами, заполненными рядами крохотных синих значков.

— Это «Пророчества» Сиан-Тхома,— сказал он.— Они возникли более девяти тысяч лет назад. Сейчас я тебе переведу несколько отрывков.

Полистав томик, он начал читать:

«И тогда сыновья Света, каждые на своей звезде, начнут бороться с желанием истреблять, и победы будут сменяться поражениями в этой борьбе, и так пробегут века. Но самое тяжкое испытание придет в тот день, когда сыновья Света отыщут Путь единства, ибо тогда сыновья Холода и Ночи захотят отнять у них Свет».

— Слушай дальше:

«Иссы! Иссы! Вам предназначено возглавить сыновей Света в их борьбе с мисликами, сыновьями вечного Холода. Но ни один вождь не может победить без своих воинов, не все воины одинаково хорошо владеют любым оружием, и никто не знает, какое оружие принесет победу. Не отвергайте, иссы, помощи других сынов Света!»

— И еще:

«Не презирайте, иссы, тех, кто не похож на вас! Может быть, они тоже сыновья Света, может быть,— здесь Клэр повысил голос, отчеканивая слова,— может быть, в их жилах течет красная кровь, которую не в силах заморозить сыновья вечного Холода».

Когда ты узнаешь, что со мной произошло потом, ты согласишься, что все это по меньшей мере удивительно! И, наконец, вот само Древнее пророчество:

«По путям Времен я, Сиан-Тхом, Провидец, мыслью проник в Грядущее. Не старайтесь, иссы, узнать, близко оно или далеко, как убегающий от путника горизонт пустыни Сианкор. И увидел я, как избранный народ иссов принимает послов от всех сынов Света и как союз их в решительной битве побеждает сынов Ночи и вечного Холода. Говорю вам, иссы, мир будет принадлежать вам без края, без предела, дальше самых далеких звезд, но не вам одним. Он будет принадлежать всем существам из плоти, всем сынам Света, которые гибнут не погибая. Все вместе, иссы, все вместе победят они порождения Мрака и Холода и низвергнут в небытие, за пределы мира врагов своих — сыновей Ночи и Холода, тех, у кого нет плоти, тех, кто не ведает ни Добра, ни Зла».

Ну, так вот. Хочешь верь, хочешь смейся — на этом Древнем пророчестве зиждется величайшая цивилизация, может быть, самая могущественная из всех, какие когда-либо существовали.

Поэтому, как только путь через ахун был открыт, иссы начали осваи-

вать космос. Тогда они еще не знали мисликов. Одна из первых экспедиций привела их на неведомую планету. Это была Ассента звезды Суин, расположенной на краю их Вселенной. Там они оборудовали обсерваторию, чтобы вести счет галактикам. И тогда было сделано странное открытие: в одной из галактик, удаленной примерно на пятнадцать миллионов световых лет, звезды гасли чрезвычайно быстро, вопреки всем известным физическим законам. За полтораста лет померкла целая галактика небольшого размера.

Теперь я буду рассказывать обо всем, что узнал тогда от Суилика и — гораздо позднее — от Аззлема или других иссов. К этой угасшей галактике одна за другой отправились через ахун три экспедиции. Ни одна не вернулась. Затем начали гаснуть другие звезды, на сей раз в галактике, удаленной всего на семь миллионов световых лет, причем последовательность была примерно такая же: вначале менялся спектр, металлические тона становились интенсивнее, затем звезда краснела и, наконец, угасала. Через несколько месяцев ее можно было обнаружить лишь с помощью инфракрасных телескопов. А еще некоторое время спустя замирали последние излучения такого светила. И тогда иссы, верившие в Древнее пророчество, решили, что все эти странные явления объясняются действиями того, другого,— отца Ночи и Холода. Тем более что к тому времени они открыли несколько человечеств, которые не походили на них!

Разумеется, процесс угасания звезд начался задолго до того, как сами иссы появились на планете Элла-Вен, поскольку вся их история с предысторией насчитывает, самое большее, два миллиона лет. Так что я просто не знаю, как они увязывают существование мисликов, появившихся задолго до них самих, с древними пророчествами и всей этой метафизикой.

И, наконец, пришел час, когда иссы встретились с мисликами. Одна экспедиция отправилась черех ахун к галактике, расположенной всего в миллионе световых лет от Иалтара. Она состояла из трех ксиллов; возглавлял ее астроном Оссентур. Они «вынырнули» в Пространстве неподалеку от угасающей звезды — должен тебе сказать, что они всегда могут это сделать довольно близко от материального тела со значительной массой. Звезда показалась им малоинтересной, несмотря на множество планет, и они уже собирались снова уйти в ахун, когда Оссентур заметил в ее спектре оттенки, которые напоминали спектр столь необычно угасающих галактик. Тогда они решили опуститься на одну из планет. Перед ними открылся умирающий мир, где все живое уже погибло. Там никогда не было людей, только несколько видов высших животных, уже превратившихся в замороженные трупы. На этой планете иссы пробыли три месяца. Наблюдения накапливались, и с каждым днем все более тусклое солнце озаряло все более красный небосклон. Наконец, когда температура упала настолько, что азот начал превращаться в жидкость, появились мислики. Это произошло за триста лет до моего прибытия на Эллу.

Откуда пришли мислики? Иссы этого не знают. Их появление на умирающей планете до сих пор остается тайной. Известно только одно: они являются лишь тогда, когда азот из-за холода переходит в жидкое состояние.

Два ксилла были захвачены мисликами врасплох. Третий, которым командовал Оссентур, находился тогда в полете на высоте ста километров. Первый ксилл успел только сообщить, что его окружили сверкающие и движущиеся предметы. И больше ни звука. Второй ксилл был поражен при попытке взлететь. Зато он успел передать изображение: на обледенелой почве кишели непонятные предметы величиной примерно с человека,

кристаллической формы, с металлическим блеском. Передача прервалась внезапно, как будто ксилл врезался в поверхность планеты.

Оссентур продолжал наблюдения еще восемь дней. Наконец, убедившись, что вокруг первого ксилла нет никакого движения, он молниеносно спикировал и сел рядом, заливая все вокруг антибиотическими лучами. Внутри ксилла все оставалось на своих местах, но иссы были мертвы. Оссентур приказал забрать трупы, взорвать двигатели и лететь к Элле, оставив аппарат мисликам,— он был первый, кто дал этим страшным созданиям имя, упоминаемое в Древнем пророчестве. Биологи исследовали трупы. Весь экипаж ксилла погиб от удушья: легочный пигмент оказался разрушенным!

Именно тогда очертя голову иссы бросились на поиски других человечеств, чтобы найти такое, «чью красную кровь нельзя заморозить». Но на всех открытых ими планетах жили «люди» с желтой, синей или зеленой кровью. Только тогда я понял, почему, несмотря на Закон исключения, меня все же доставили на Эллу и чего ожидали от меня, вернее, от всех нас, землян.

К тому времени, как я говорил, иссы уже связались с разумными обитателями многих планет, представители которых постоянно жили на Рессане, где была резиденция Совета союза человеческих миров.

Глава III

МИСЛИКИ

Итак, мислики были обнаружены менее чем в миллионе световых лет от Эллы. В то время иссы еще не понимали, какая связь существует между этими металлическими созданиями и угасанием звезд, но они уже видели в мисликах своего исконного, «метафизического» врага, сыновей Холода и Тьмы. Поэтому иссы старались их уничтожить. Но все средства были бессильны, кроме одного. Тщетно ученые иссов испытывали вновь открытые самые страшные способы уничтожения, известные их предкам; мислики казались неуязвимыми. Их не могли убить ни антибиотические лучи, ни облучения нейтронами, протонами, электронами и даже инфрануклеонами. Единственное, что на них действовало,— это теплота. Как-то раз один ксилл, пораженный излучением мисликов, против которого иссы до сих пор не могут найти иной защиты, кроме достаточно большого расстояния, упал на поверхность планеты и загорелся. Находившийся поблизости мислик замер, потом сморщился. Ценой больших потерь другие ксиллы смогли снизиться и захватить труп мислика в свои отрицательные поля тяготения, чтобы доставить его на Эллу. Анализ обескуражил всех: это оказался обычный железо-никелевый слиток! Если прежде он и имел какое-то внутреннее строение, то теперь все расплавилось под действием высокой температуры.

Борьба продолжалась триста лет, не принося никаких результатов. Теперь иссы умели уничтожать мисликов: достаточно было подвергнуть их облучению, которое хотя бы на десять секунд поднимало окружающую температуру до —73°С. Но и мислики защищались. Дальность их антибиотического излучения возрастала: уже в двадцати километрах от по-

верхности захваченной ими планеты оно становилось смертельно опасным. Не известно, как они узнавали о приближении ксиллов и умерщвляли в них все живое, прежде чем иссы успевали сбросить термические бомбы. Кроме того, они научились — или впервые на памяти иссов начали — проникать в космос без всяких летательных аппаратов. Теперь мислики, тесными группами по девять штук, постоянно кружили над захваченными планетами. Заодно выяснилось, что сила излучения мисликов возрастает прямо пропорционально их количеству, поэтому, когда они действуют девяткой, излучение особенно опасно. Тогда иссы применили новую тактику: они выходили из ахуна над самой поверхностью планет, бросали бомбы и снова исчезали в ахуне. Подобная тактика оказалась весьма эффективной, но чрезвычайно рискованной. Иногда из-за малейшей неточности ксилл возникал из ахуна под поверхностью планеты. Атомы ксилла и атомы планеты оказывались в одном и том же месте в одно и то же время — в результате происходил чудовищный атомный взрыв.

Царство мисликов в несчастной галактике, где звезды угасали одна за другой, продолжало расширяться. И тем, кто видел эти звезды уже погасшими, странно и дико было наблюдать с Эллы, как они сияют на небосводе: свет от них мог идти еще целый миллион лет!

Всего лет за двадцать до моего появления на Элле иссы поняли, что мислики не просто захватывают планеты вокруг угасших звезд, а гасят сами звезды. Такую гипотезу выдвигал уже Оссентур триста лет назад, но она показалась настолько фантастичной, что на нее не обратили внимания.

В галактике, подвергшейся нападению,— Второй галактике по счету иссов — была человеческая планета, обитатели которой весьма походили на иссов и имели с ними превосходные отношения. Эта планета Хассни звезды Склин служила как бы форпостом в борьбе с мисликами. И вот однажды было обнаружено, что мислики появились на обледенелой поверхности Аффра — самой дальней планеты этой солнечной системы. Одновременно ученые Хассни заметили, что интенсивность излучения их солнца резко уменьшилась. Три ксилла с хассниянами отправились в опасную разведку и впервые за всю историю войны обнаружили, что мислики соорудили на Аффре огромные металлические пилоны — сужающиеся кверху башни. А когда планета Аффр некоторое время спустя оказалась на одной линии с Хассни и ее солнцем, хасснияне с ужасом увидели, что на эти несколько дней все процессы, связанные с распадом атома, в лабораториях и на атомных энергетических станциях прекратились. Самое невероятное стало очевидным: мислики умели прекращать атомные процессы внутри звезд!

Хассниян пришлось эвакуировать: иного выхода не было. Их переправили на одну из планет Первой галактики, галактики иссов.

И наконец, за два года до моего прибытия, иссам удалось захватить одного мислика живым. Этого мислика я видел и даже трогал!

Мало-помалу я прижился на Элле. По-прежнему я оставался у Суилика, но мне уже дали свой реоб. Управлять им я научился довольно быстро. Эти маленькие самолеты настолько совершенны, что разбиться на них практически невозможно. Управление полностью автоматизировано, пилоту остается только выбрать направление, скорость и высоту. Разумеется, автомат можно в любое время выключить. Большинство иссов вообще пользуются им весьма редко. Эта раса нашла единственно

правильное решение проблемы: они пользуются машинами, не боятся их и никогда не становятся их рабами. Тот же самый иссе, который, спокойно садясь в ксилл, уходит, как они говорят, «за Пространство» и преодолевает таким образом бог знает сколько миллиардов километров, может так же спокойно, когда ему заблагорассудится, пуститься в самый дальний путь пешком. Что же до меня, то я несколько месяцев не решался выключить автопилот. Но когда я наконец осмелел, то получил такое огромное удовольствие от управления своей чудесной маленькой машиной, что потом включал автомат лишь во время особо длительных перелетов. К слову сказать, вначале, пока иссы окончательно не приняли меня в свое общество — это случилось позднее, когда я стал одним из трех «иностранцев», удостоенных подобной чести,— мне разрешалось пользоваться реобом только для полетов от дома Суилика до Дома мудрецов и обратно.

Одновременно я осваивал разговорный язык иссов, чрезвычайно трудный для нас, землян. Он почти весь состоит из сюсюкающих звуков, и самые частые согласные в нем — «з» и «с»; ты это, наверное, и сам заметил по их именам. Настоящим проклятием для меня были ударения, которые меняются в зависимости от того, к кому ты обращаешься, от времени глагола и тому подобного. Например, моего хозяина звали Суилик. Но его дом — это уже «Суил'к сиан». А «я выхожу из дома Суилика» звучит как «стан Суил'к са'н». Ты понимаешь теперь, как трудно построить на их языке сложную фразу! Я так и не выучился как следует говорить по-иссски. Впрочем, меня это особо не трогало, главное было понимать. А когда приходилось говорить самому, я всегда мог в случае необходимости перейти на прямую «передачу мыслей» какому-нибудь иссу, который переводил их в слова.

Регулярно через день я отправлялся в Дом мудрецов, где читал нечто вроде курса лекций по земной цивилизации. Взамен меня обучали языку полугипнотическим способом. Одновременно я по мере возможности знакомился с наукой и культурой иссов. Вместе с двумя иссами я занимался исследованиями в области сравнительной биологии. Они самым тщательным образом изучали мою кровь и бесконечное количество раз подвергали меня просвечиванию. Понимая мое любопытство, оба исса охотно давали мне возможность изучать и исследовать их самих. По своему строению они весьма сходны с землянами, но я подозреваю, что их далекие предки были ближе к нашим земноводным, чем к нашим млекопитающим.

Кстати, скажу несколько слов о животном мире Эллы. Более крупные виды фауны имеют здесь как бы двойное происхождение. Со своей первой планеты Эллы-Вен иссы привезли некоторых домашних животных, в частности нечто вроде большой кошки на очень длинных ногах, с зеленоватой шерстью. По сообразительности эти миссдольсы не уступают нашим обезьянам. Иссы по ним с ума сходят, и по крайней мере один миссдольс есть в каждом доме. Когда-то, в доисторические времена, на Элле-Вен миссдольсов использовали для охоты, но теперь их ужасные когти и саблеобразные клыки угрожают только обивке кресел в домах хозяев.

Кроме миссдольсов, иссы разводят крупных животных, дающих золотисто-желтое молоко. Естественная фауна Эллы-Тан сохранилась в обширных заповедниках, где еще водятся опасные хищники. Молодые иссы иногда устраивают на них охоту с луками и сворами миссдольсов.

На Элле нет никаких крылатых существ, ни птиц, ни насекомых, но зато есть нечто вроде наших муравьев — хотя сравнение и неверно. Это маленькие ядовитые создания, справиться с которыми иссы не в

силах, несмотря на все достижения своей науки. На Элле-Вен было еще одно животное величиной с нашего слона, однако иссы не сочли нужным переправлять этот вид на свою новую планету.

Через два месяца я держал экзамен «на совершеннолетие», который должен пройти каждый исс, то есть психометрический экзамен. Он не имеет ничего общего с нашими тестами, да и сами иссы не пытаются определять этим экзаменом талантливость или ум. Их задача проще: выяснить пригодность испытуемого к той или иной работе, а также уровень его развития.

К слову сказать, я прошел через психометр по своей доброй воле. Интереснейшая штука! Представь себе нечто вроде шезлонга, на который меня уложили посреди зала с полированными стенами, шлем с множеством антенн у меня на голове, свет единственной синей лампы во тьме, странное лицо исса, склонившегося над приборами-регистраторами. Я почувствовал слабый электрический удар и с этого момента как бы раздвоился. Я знал, что мне задают вопросы, знал, что я на них отвечаю, но черт бы меня побрал, если я помню эти вопросы и ответы! Я видел, как исс постепенно меняет регулировку, голова у меня легко, приятно кружилась, я больше не ощущал под собой ложа и, казалось, парил в воздухе. Это продолжалось что-то около двух базиков, но мне они показались короче двух минут. Свет снова зажегся, с меня сняли шлем, и я встал, чувствуя в голове странную легкость и пустоту. Анализ записей занял дней десять. Потом я был вызван к Аззлему, который ожидал меня вместе с двумя психометристами.

Результаты экзаменов, по его словам, были поразительными. Мои умственные способности оказались много выше средней для иссов нормы: они равнялись 88 единицам, в то время как даже у мудрецов средний показатель — 87. Но гораздо больше их встревожили мои психические качества: судя по записям, я был опасным индивидуумом, ярко выраженным борцом, одинаково необузданным и в ненависти и в любви, со склонностью к одиночеству, переходящей иногда в неприязнь к обществу. И, наоборот, моя восприимчивость к отвлеченным мистическим понятиям оказалась незначительной, весьма незначительной, почти несуществующей, и это их, видимо, огорчило. Но больше всего иссов заинтересовало то, что я излучал определенный тип волн, который был им совершенно непонятен и в то же время очень походил на волны, излучаемые мисликами.

Практическим следствием экзамена было то, что мудрецы не отослали меня на Рессан, к представителям других человечеств, а предпочли оставить на Элле.

Итак, я продолжал жить у Суилика. Сам он, правда, вскоре отправился в экспедицию через ахун, и я остался один. Но к тому времени у меня уже было много знакомых среди соседей, не говоря об Эссине и ее родных, которые навещали меня при первой возможности. Освоив разговорный язык, я одновременно научился читать и теперь пользовался обширной библиотекой Суилика. Большая часть его книг была посвящена слишком сложным для меня физическим проблемам, но здесь же были труды по биологии и археологии, которыми я зачитывался.

Однажды я лениво просматривал краткую историю планеты Сзен звезды Флух Одиннадцатой галактики, как вдруг прямо перед домом опустился синий реоб. Из него вышел исс гигантского роста, один из членов Совета мудрецов. Я уже знал, что его зовут Ассза, но до сих пор не имел с ним никаких дел: Ассза был физиком, а мои знания в этой области оказались настолько скудными, что иссы сочли бесполезным прикреплять ко мне специалиста. Так или иначе — визит Ассзы меня удивил. Со свой-

ственной иссам прямотой он сразу приступил к делу:

— Собирайся, ты нам нужен!

— Для чего?— спросил я.

— Для того чтобы узнать, действительно ли ты один из сыновей Света с красной кровью, кому не страшны мислики. Пойдем. И не бойся, тебе ничто не грозит.

Разумеется, я мог отказаться, но у меня и мысли такой не возникло. Мне уже давно хотелось наконец узнать, что собой представляют эти мислики. Я встал и последовал за Ассзой к реобу.

Мы поднялись очень высоко и развили предельную скорость. Реоб прошел над двумя морями, над горной цепью и лишь к концу третьего часа круто спикировал к скалистому пустынному островку посредине океана. За три часа мы пролетели более девяти тысяч километров. Солнце уже склонялось к горизонту. Я заметил в океане плавучие льдины: видимо, мы были недалеко от полярного круга.

Ассза посадил реоб на маленькую площадку, нависшую над самой водой. Мы приблизились к массивной металлической двери в скале; мой проводник, проделав сложную манипуляцию, открыл глазок и сказал несколько слов. Только тогда дверь приоткрылась и мы вошли. Двенадцать молодых иссов, вооруженных тепловыми излучателями, встретили меня настороженными взглядами. Миновав это караульное помещение, мы проникли в восьмиугольный зал, одна из стен которого имела характерную для экранов матовую поверхность. Ассза жестом пригласил меня сесть.

— Мой кабинет,— объяснил он.— Мне поручили следить за мисликом.

Далее он коротко рассказал мне следующее.

Немногим более двух лет назад патрульному ксиллу удалось обнаружить в космосе одного мислика и захватить его. Это было невероятно трудно, и весь экипаж, подвергшийся продолжительному воздействию лучей мислика, долгое время страдал анемией. Но еще сложнее оказалось пронести мислика сквозь теплую атмосферу Эллы таким образом, чтобы он все-таки не погиб. Наконец и это удалось, и с тех пор мислика держат в искусственной подземной пещере, где температура никогда не превышает двенадцати градусов от абсолютного нуля. Представители всех человечеств, за исключением последнего,— того, что знает путь через ахун,— а также меня, добровольно подверглись действию лучей мислика, разумеется, со всеми предосторожностями, исключающими смертельный исход. И ни один не выдержал испытания. Но, с другой стороны, ни у одного из них не было красной крови, о которой говорило Древнее пророчество. Моя кровь была красной!

— Взгляни на мислика,— сказал Ассза.

Зал погрузился в темноту. На экране возникло изображение при странном синем свете.

— Холодный свет. Всякое другое освещение убило бы мислика!

Я увидел обширную пещеру с голым каменным полом. Посредине лежало какое-то многогранное вытянутое тело длиной метра два при ширине метр и почти такой же высоты; сначала я принял его за металлическое сооружение из выпуклых, сочлененных пластинок. Оно было совершенно неподвижно и светилось ярким серебряным блеском.

Ассза подвел меня к аппарату, напоминающему психометр. Светящиеся стрелки медленно колебались на циферблатах, по флуоресцирующим трубкам пробегали ритмичные длинные волны.

— Жизнь мислика,— сказал исс.— В нем беспрестанно возникают

электромагнитные колебания, которые вы, земляне, кажется, используете как источник энергии. Сейчас мислик в состоянии покоя.

Ассза повернул рукоятку регулятора. Приборы показали, что температура в пещере поднялась с —260° до —243°. Стрелки на циферблатах сделали скачок, разноцветное свечение в трубках усилилось, ритм участился. Ассза указал на одну из трубок, где свет вибрировал особенно учащенно.

— Волны фен. Насколько мы знаем, их способны излучать только мислики да еще ты.

Я поднял глаза и увидел наше отражение в зеркальном стекле. Странное и жуткое это было зрелище — наши лица, освещенные мигающими зеленоватыми отсветами трубок и мертвенно синим свечением экрана. Никогда еще на Элле я не чувствовал такого одиночества, такой затерянности в этом бесконечно далеком чуждом мире! И мне стало страшно.

Мислик зашевелился. Его сочлененные пластинки как бы надвигались одна на другую. Он полз со скоростью человека, идущего шагом. Ассза постепенно опять снизил температуру до —260°.

— Ну вот,— сказал он.— Мы хотели бы, чтобы ты спустился в пещеру и испытал на себе излучение мислика. Никакой опасности нет, то есть никакой серьезной опасности. Все другие уже побывали там, к сожалению, безуспешно. В космосе, когда мы скрыты за броней ксилла, смертельным бывает лишь сконцентрированное излучение по крайней мере девяти мисликов. Здесь, на таком близком расстоянии и без прикрытия, достаточно одного. В пещере очень низкая температура и почти полный вакуум, поэтому ты наденешь специальный скафандр. Я буду наблюдать отсюда. Тебя будут сопровождать два робота, чтобы вынести из пещеры, если ты потеряешь сознание. Согласен?

Какое-то мгновение я колебался, глядя на бредовое существо, ползущее по камням. Мне казалось, что под его непроницаемым геометрическим панцирем таится беспощадный ум, холодный, чистый разум без всякой примеси чувства, более страшный, чем любая сознательная жестокость. Да, это был постине сын Мрака и вечного Холода!

— Хорошо,— сказал я, бросив на экран последний взгляд.

— В случае необходимости,— добавил Ассза,— я могу повысить температуру и убить его. Надеюсь, что такой необходимости не возникнет. Однако риск все-таки есть. Один мислик может убить одного исса только очень длительным излучением. Но ведь ты не исс! Он еще не убил ни одного из тех, кто к нему спускался. Но у тебя другая кровь!

— Ко всем чертям!— выругался я по-французски, а по-исски прибавил:— Не будем терять времени. Рано или поздно все равно пришлось бы попробовать!

— Раньше мы не могли этого сделать потому, что ты не знал нашего языка. А передавать тебе мысли, когда ты будешь в пещере, я бы не смог: слишком далеко.

Он снова включил свет. В дверях появился исс и знаком пригласил меня следовать за ним. Мы спустились в зал, находящийся на уровне пещеры; в нем в особых нишах висели скафандры с прозрачными шлемами. Исс помог мне одеться. Скафандр оказался мне как раз впору, что впрочем, не удивительно, так как его изготовили специально для меня. Висевшие рядом чудовищные доспехи предназначались, видимо, тому самому коренастому гиганту с выпученными глазами, статую которого я видел на Лестнице человечеств. Дверь зала еще раз открылась, пропустив двух роботов с могучими металлическими руками; они беззвучно вкатились на шестиколесных платформах. Исс вышел, и дверь захлопнулась.

— Ты меня слышишь?— прозвучал в моем шлеме голос Ассэы.

— Да, очень хорошо.

— Пока излучение мислика тебе не угрожает. Оно не может проникнуть сквозь четырехметровую толщу железо-никелевой брони. Такая броня — единственно действенная защита, но в бою она неприменима из-за слишком большой тяжести. Сейчас я открою вход в пещеру. Отойди назад и, что бы ни случилось, не снимай шлема, пока я тебе не скажу.

Огромный металлический блок медленно выдвинулся из четырехметрового проема и откатился в сторону. Я не ощутил холода, только мой скафандр слегка раздулся, так что я стал похож на гигантскую надувную куклу. Я прошел через открывшийся ход и очутился в пещере. Мислик лежал у противоположной стены. Синий свет показался мне здесь еще тусклее, чем на экране.

Я потихоньку двинулся вперед, ступая по монолитному каменному полу. Кругом все было неподвижность и тишина. Я слышал в шлеме только затрудненное дыхание Ассэы. Мислик по-прежнему не шевелился.

Внезапно он заскользил ко мне. Спереди он казался приплюснутым слитком высотой около полуметра.

— Что я должен делать?— спросил я.

— Он еще не излучает. Он тебя не тронет. Однажды он взлетел и раздавил одного исса. За это мы его продержали двенадцать базиков при самой высокой температуре, какую он только может выдержать. Надеюсь, это было для него уроком и он больше ни на кого не бросится. А если бросится — у тебя на поясе есть тепловой пистолет. Но прибереги его на самый крайний случай.

Мислик кружился вокруг меня, все убыстряя движение.

— Он все еще не излучает. Что ты чувствуешь?

— Ничего. Совершенно ничего. Просто мне как-то не по себе.

— Осторожно! Он излучает! Он излучает!

На передней части металлического чудища появился маленький фиолетовый язычок. Я по-прежнему ничего не ощущал и сообщил об этом Ассэе.

— Ты не чувствуешь покалывания во всем теле? Голова не кружится?

— Да нет, ничего не чувствую!

Излучение мислика становилось все яростнее. Фиолетовый язык достигал уже целого метра в длину!

— Все еще ничего?

— Нет.

— При такой интенсивности любой исс давно бы уже потерял сознание. Я думаю, что вы, земляне, поистине те самые существа, о которых говорило Пророчество!

Мислик был явно сбит с толку. Во всяком случае, я именно так понял его поведение. Он отступал, приближался, излучал, прерывал излучение, снова отступал. Я пошел за ним. Он попятился, затем остановился. И тогда, вообразив себя неуязвимым, а может быть, просто из бравады я сделал несколько быстрых шагов и уселся на мислика! До меня донесся вопль ужаса, потом взрыв свистящего смеха Ассэы, когда он увидел, как мислик стряхнул меня резким толчком и удрал в дальный угол пещеры. Я был первым существом из плоти и крови, которое прикоснулось к живому мислику!

— Довольно!— сказал Ассэа.— Возвращайся во входную камеру.

Металлический блок закрыл отверстие, воздух со свистом ворвался в зал, и с помощью появившегося исса я освободился от скафандра. Лифт

поднял меня наверх к дверям кабинета Ассзы. Я вошел. Бессильно поникнув в своем кресле, он плакал от радости.

Глава IV

ПЕСНЯ ИНОГО МИРА

В тот раз я провел на острове Санссин три дня. Ассза немедленно сообщил Совету мудрецов о положительных результатах испытания, и уже через несколько часов весь совет в полном составе собрался в большом зале рядом с кабинетом Ассзы. Однако, когда меня снова попросили спуститься в пещеру к мислику, я отказался наотрез. Если излучения мислика и не подействовали на мой организм, то нервы мои сдали окончательно. До тех пор пока я находился лицом к лицу с этой одушевленной металлической глыбой, мне еще удавалось сохранять спокойствие, но теперь силы меня оставили и я безумно хотел спать. Мудрецы это поняли. Решено было все отложить до следующего дня. Мне предоставили удобную комнату, и с помощью «того, кто дает сон» я выспался в ту ночь на славу.

Не без колебаний решился я на повторение опыта. В самом деле, откуда я знал, долго ли продержится мой чудесный иммунитет и что будет со мной, если он вдруг кончится? Поэтому я попросил вызвать на остров одного из будущих мудрецов, Сззана, которому передал в свое время немало познаний из нашей земной медицины. На сей раз подготовка заняла гораздо больше времени. У меня взяли кровь, сделали количественный и качественный анализ, подвергли меня самому тщательному и всестороннему осмотру. Кроме того, вместе со мной в пещеру должен был спуститься один исс, чтобы проверить на себе действительно ли мислик испускает при мне то самое излучение, которое для иссов смертельно. Особая честь была оказана экипажу ксилла, который достиг Земли, и все они явились во главе с Аассом, все кроме Суилика, странствовавшего в то время где-то в космосе. Я был рад их видеть, но радость моя померкла, когда я узнал, что вместе со мной в пещеру добровольно пойдет Эссина.

Отговорить ее я не пытался. Я уже знал, что на Элле мужчины и женщины абсолютно равны перед лицом опасности и что всякие условности относительно слабого пола здесь осмеяны и преданы забвению тысячелетия назад. Эссина вызвалась добровольно, мудрецы согласились, и если бы я вздумал ее отвергнуть, это было бы для нее неслыханным оскорблением. Но в глубине души я был искренне огорчен: видимо, во мне слишком сильны наши старые земные предрассудки.

Мне вручили специальный пистолет «холодного пламени», который позволял в случае необходимости парализовать мислика, не убивая его, то есть поднять вокруг него температуру с —261° до примерно —100°.

Итак, в сопровождении четырех роботов мы спустились в шлюзовую камеру. Там нас ожидали два иссa, чтобы помочь нам облачиться в скафандры. Пока на меня натягивали специальный космический комбинезон, я видел, как бледнеет лицо Эссины,— у иссов кожа в таких случаях становится зеленовато-серой — и слышал, как она бормочет что-то похожее на молитву. Ей было страшно, и я ее понимал, потому что если у меня были все шансы пройти через это испытание благополучно, то она с такой же уверенностью знала, что подвергается смертельной опасности. Поэтому

когда мы уже входили в пещеру, я положил ей руку на плечо и сказал в микрофон:

— Держись позади меня.

— Не могу,— ответила она.— Нам надо знать, насколько интенсивно излучение.

Я обернулся. Роботы катились за нами, уже наполовину распрямив свои огромные металлические руки.

Мислик, замерев, ожидал нас. Я говорю «ожидал», потому что уверен: он ощутил наше приближение, хотя никто до сих пор так и не смог обнаружить у мисликов ничего похожего на органы чувств. Внезапно мислик скользнул нам навстречу.

— Не отходите далеко от двери!— услышали мы голос Аззлема.

Эссина отступила на шаг, потом решительно встала со мною рядом. Мислик остановился от нас в трех шагах. Он не излучал.

— Наверное, он меня узнал,— начал я.— Он не будет излучать, пока...

Все остальное произошло невероятно быстро. Мислик начал излучать сразу на полную мощность. Фиолетовое жало вспыхнуло метровым языком. Затем, не прекращая излучения, он закружился вокруг нас с бешеной скоростью и обрушился на первого робота. Через секунду от чудесной машины осталась только куча сплющенных стальных листов и смятых колес. Одно маленькое зубчатое колесико катилось вокруг нас, и я в каком-то отупении внимательно смотрел, как оно все сужает круги у самых моих ног.

— Осторожно!— крикнул Аззлем.

Этот возглас вывел меня из оцепенения. Обернувшись, я увидел, что Эссина рухнула на пол рядом с останками робота. Мислик устремился на второго, который спешил к нам. Я выстрелил два раза подряд. Мислик замер. Я поднял безжизненное тело Эссины, обмякшее внутри скафандра. Робот уже протягивал к ней руки.

— На, держи ее!— приказал я ему, как живому существу.— Я буду прикрывать отход.

Ответа, разумеется, не последовало: с Эссиной в руках робот на предельной скорости катился к выходу. Мислик ринулся за ним. Я снова выстрелил и остановил его. С пистолетом в руке я тоже начал отступать вместе с двумя уцелевшими роботами. И тогда мислик взлетел.

Я слышал крики мудрецов там наверху, в контрольном зале. Металлическое чудовище поднялось под самый свод и ринулось вниз на меня. Я выстрелил пять раз подряд — тщетно! В последний момент я упал ничком, и мислик промахнулся. До меня донесся голос Ассы:

— Тем хуже — крайнее средство!

Режущий ярко-белый свет залил всю пещеру в то мгновение, когда мислик взлетал второй раз. Тотчас он рухнул вниз и начал выписывать зигзаги, словно обезумев от невыносимой боли.

— Скорее выходи, иначе придется его убить!— крикнул Ассэа.

Я бросился к выходу, вбежал в шлюзовую камеру. Яркий свет позади погас, массивная дверь закрылась, воздух вошел в камеру. Затем вбежали четыре исса, одним из них был Сзан. С Эссины сняли скафандр. Она была мертвенно-серой, но дышала.

Я поднялся в кабинет Ассы вне себя от злости.

— Ну что, теперь вы удовлетворены?— спросил я Аззлема.— Я-то жив, но Эссина может умереть!

— Вряд ли. Один мислик не может убить исса за такое малое время.

Но если бы даже и так? Когда на карту поставлено все мироздание, что стоит одна жизнь, к тому же отданная добровольно?

Ответить на это, разумеется, было нечего. У меня еще раз взяли кровь, снова сделали все анализы. Заключение было безоговорочным: лучи мислика не оказывают на меня никакого действия.

Я задержался на острове еще два дня, пока не убедился, что Эссине не угрожает непосредственная опасность. Она быстро пришла в себя, но была еще очень слаба, несмотря на переливания крови и облучение биогенными лучами. Однако Ссзан меня успокоил: он лечил и вылечивал иссов, пораженных гораздо больше.

После моего возвращения в дом Суилика все вошло в нормальную колею. Через день я посещал Дом мудрецов, читал и слушал лекции. Особенно близко мы сошлись с Ассзой, физиком-гигантом, сторожем мислика,— кстати, мислик, видимо, не очень пострадал от жестокого наказания,— а также с молодым биологом Ссзаном. И вот однажды, когда мы все трое беседовали об излучениях человеческого мозга, у меня вдруг мелькнула мысль: что, если попробовать «поговорить» с мисликом с помощью этих волн фен, которые почти одинаковы у него и у меня?

Подумав, Ссзан ответил:

— Вряд ли это удастся. Мы улавливаем волны фен, но мы совершенно не знаем чему они соответствуют. Исследовать их нам не удавалось. Потому что приблизиться к мислику для нас, а тем более понять его — почти то же самое, что пролететь сквозь звезду, ты сам это видел на примере Эссины! Но ты излучаешь такие же волны или очень похожие, и с тобой мы можем попробовать. Однако я думаю, что волны фен не имеют ничего общего с твоей психикой. Скорее они связаны с удивительным строением землян, в организме которых столько железа!

— Тем хуже,— сказал я.— Мне бы все-таки хотелось установить с ним связь.

— Может быть, это и удастся,— неожиданно поддержал меня Ассза.— Но для этого тебе понадобится все твое мужество. Тебе придется снова спуститься в пещеру в шлеме — усилителе мыслей. Психические волны — наши психические волны — распространяются на гораздо меньшее расстояние, чем излучения мисликов, поэтому нам никогда не удавалось «услышать» ни одного из них. А как только расстояние уменьшалось, кто-нибудь из двоих погибал — либо мислик, либо исс. Ты другое дело: ты можешь к нему приблизиться. Однако надо будет войти в пещеру, потому что железо никелевая броня останавливает не только смертоносное излучение, но также и волны мыслей,— если только мислик излучает что-либо сходное с нашими волнами.

— Согласен,— сказал я.— Но что, если он снова взлетит?

— Оставайся у двери. Если он взлетит, ты укроешься в шлюзовой камере.

— Хорошо. Когда проведем опыт?

Я чувствовал, что им не терпелось больше, чем мне.

— У меня тут большой реоб на четверых,— начал Ассза.

— У меня есть свой,— перебил я.— Летим?

— Летим!— решительно сказал Ссзан, самый молодой из нас троих.

— Придется переделать шлем-усилитель. Но все необходимое есть у меня на острове,— закончил разговор Ассза.

Мы сели в реоб, и Ассза сразу развил наивысшую скорость. Он вел машину мастерски, но, пожалуй, слишком рискованно, едва не касаясь горных вершин. Когда мы были уже над морем, я заметил не похожий на дискообразные ксиллы гигантский вытянутый корабль, который быстро спускался к Горам мудрецов.

— Звездолет синзунов,— сказал Сзан.— Они вернулись, значит, скоро соберется Совет.

— Разве тебе не надо присутствовать?— спросил я Ассзу.— Может быть, отложим опыт?

— Незачем. Совет соберется лишь к вечеру. У нас есть время. Мы пойдем туда вместе, чтобы ты посмотрел на своих братьев по красной крови.

Далеко внизу среди синих волн появился остров. Сразу же после посадки мы все трое направились в лабораторию. Там сидел, наблюдая за приборами, Сианси, первый ассистент Ассзы.

— Он спит,— сказал Сианси.— Но после посещения тсемлянина к нему не подступиться. Он смял еще одного робота.

Впервые я услышал, а не прочитал мысленно имя, которое нам дали иссы,—«тсемляне» вместо «земляне».

— Надо срочно переделать усилитель мыслей, чтобы тсемлянин мог надеть его под шлем скафандра. Он сейчас спустится еще раз. Может быть, ему удастся установить связь с мисликом.

Молодой исс на несколько мгновений задержался в дверях, глядя на меня. Наверное, я ему казался почти таким же чудовищем, как мислик.

Мы включили экран. Мислик не шевелился и сейчас особенно походил на мертвый слиток металла. И тем не менее перед нами было могущественное создание, наделенное невероятной способностью гасить звезды!

— Когда будешь в пещере, следи за ним внимательно,— сказал мне Ассза.— Прежде чем взлететь, он всегда чуть-чуть приподнимает переднюю часть тела. С этого момента до взлета в твоем распоряжении будет около одной тысячной базика. Немедленно отступай!

Переделка шлема длилась целый базик— о, черт, я все еще воображаю, что я на Элле!— значит, переделка длилась около часа с четвертью.

Облачившись в скафандр, с усилителем на голове, я потихоньку вошел в пещеру. Мислик лежал ко мне «спиной». Не отходя далеко от двери, я включил усилитель.

В то же мгновение меня захлестнула волна отчаяния, идущего извне,— отчаяния мислика: такое страшное ощущение затерянности и одиночества, что я едва не закричал! Значит, это существо, не имеющее ни чувств, ни разума в нашем смысле слова, способно страдать! Но, как ни парадоксально, существо это, столь отличное от нас, показалось мне еще ужаснее именно этой своей близостью. Не в силах более выдержать, я отключил усилитель.

— Ну, что?— спросил Ассза.

— Он страдает,— ответил я, потрясенный.

— Внимание! Мислик пробуждается!

Да, мислик задвигался. Как в прошлый раз, он медленно полз прямо на меня. Я опять включил усилитель. Но теперь вместо страдания навстречу мне струился поток ненависти, холодной, дьявольской, всепоглощающей ненависти! Мислик был уже близко. Я схватился за тепловой пистолет. Он замер, и поток ненависти стал еще яростнее: я ощущал его почти физически, как леденящую вязкую струю. Тогда в свою очередь я начал передавать.

«Металлический мой собрат!— думал я.— Я не желаю тебе зла. Зачем вы и иссы уничтожаете друг друга? Почему уничтожение должно быть законом Вселенной? Почему один род должен истреблять другой род, почему господство одних несет смерть другим? У меня нет к тебе ненависти, странное существо. Видишь? Я прячу оружие в кобуру!»

Вряд ли он меня понял. Но по мере того как я передавал, ненависть

его уменьшалась, отходила на задний план, уступая место удивлению, но не угасала. Мислик не шевелился.

Вспомнив утверждения философов о том, что законы математики должны быть едины для всей Вселенной,— кстати, иссы, насколько мне помнится, говорят то же самое,— я начал думать о квадратах, прямоугольниках, треугольниках, кругах. Сначала я ощутил еще более сильную волну удивления, затем на меня хлынул поток образов: мислик отвечал! Увы, вскоре я убедился, что между нами нет и не может быть ничего общего, что никакое взаимопонимание невозможно. Образы были расплывчаты, как ускользающие сны. Порой мне казалось, что я улавливаю странные фигуры иного мира, где существует более трех измерений, или мира совсем не понятных для нас измерений. Но едва я начинал их осмысливать, как они исчезали, оставалось только горькое сожаление о том, что я не в силах преодолеть незримую преграду, отделяющую меня от этих построений, совершенно чуждых нашему разуму. Я сделал последнюю попытку и начал думать о числах. Результат был тот же. В ответ я уловил нечто абсолютно непередаваемое, непостижимое, разделенное провалами, когда всякая связь прерывалась. Я попробовал общие образы, но ни один не вызвал ответа, даже образ звезды, сияющей в черном небе. Видимо, свет в нашем понимании был ему чужд и недоступен. Тогда я прекратил свои тщетные попытки. Наверное, мислик уловил мою печаль, потому что в ответ опять послал волну отчаяния и ужасающего бессилия, которое полностью заглушило ненависть. Он уполз к дальней стене, так и не испустив своего смертоносного излучения.

Теперь, что бы ни говорили иные философы, я знаю: только страх и печаль одинаковы во всей Вселенной, и, наоборот, дважды два — далеко не всегда четыре. Было что-то трагическое в этой невозможности обменяться самыми простыми мыслями, в то время как самые сложные чувства сразу становились понятными.

Я поднялся в лабораторию и сообщил о своих мизерных успехах. Иссов это особенно не огорчило. Для них мислик — порождение Ночи, существо ненавистное, исконный враг, и весь опыт интересовал их с чисто научной точки зрения. Другое дело я: до сих пор жалею, что не смог не то чтобы понять, но хотя бы отдаленно уловить, для чего и чем живут эти странные создания.

Мы покинули остров уже в сумерках. Два спутника сияли в небе, усыпанном звездами: Арци, такой же золотистый, как наша Луна, и Ари, мрачного красноватого цвета, который всегда напоминал мне о зловещих знамениях. При свете лун и звезд мы опустились на большую нижнюю террасу у подножия Лестницы человечеств. На другом краю террасы смутно вырисовывалась огромная вытянутая масса звездолета синзунов, чуть мерцающего во мраке. К моему большому огорчению, мне не позволили пройти в зал совета. Пришлось нам с Сзаном отправиться в Дом чужестранцев, нечто вроде гостиницы, расположенной в одной из рощ на нижней террасе.

Мы поужинали вместе и вышли погулять перед сном. Вскоре мы оказались неподалеку от звездолета, но здесь, на повороте аллеи, нас остановила небольшая группа иссов.

— Дальше ходить нельзя,— сказал один из них.— Синзуны охраняют свой аппарат и никого не подпускают без особого разрешения. Но кто это с тобой, Сзан?

— Обитатель планеты Тсемля звезды Солнце Восемнадцатой галактики. Он у нас один. Он прилетел с Аассом и Суиликом. У него красная кровь, и мислики ему не страшны.

— Постой! Неужели это сын Света из Древнего пророчества? Говорят, у синзунов тоже красная кровь, но они еще не встречались с мисликами!

— Землянин сегодня еще раз спускался в пещеру на острове Санссин и, как видишь, цел и невредим.

— Позволь мне взглянуть на тебя!— обратился ко мне тот же исс.

Мягкий свет фонарика на его легком шлеме осветил нас. Я заметил у него на поясе два небольших излучателя. Видимо, охрана звездолета была делом нешуточным! Кстати, первый раз я увидел на Элле нечто напоминающее вооруженные силы.

— Ты похож на синзунов,— проговорил исс.— Я видел троих, когда они высаживались сегодня после полудня. Но ты выше, массивнее и у тебя пять пальцев на руках. Ах, как бы мне хотелось поскорее попасть на ксилл в экспедицию! Я ведь еще учусь.

Я вспомнил, что на Элле каждый имел две профессии, как Суилик, который был командиром ксилла и одновременно археологом.

Долгий переливчатый крик нарушил тишину звездной ночи.

— Часовой синзунов,— пояснил исс.— Так они перекликаются каждые полбазика. Но, простите, я должен попросить вас вернуться.

Делать нечего, мы вернулись в Дом чужестранцев. Он представлял собой множество маленьких коттеджей, разбросанных по всей роще; здесь останавливались те, кто был вызван на совет и жил слишком далеко, чтобы каждый день возвращаться к себе. Рядом с моей комнатой, помимо ванной, оказалась небольшая библиотека, но я чересчур устал и не мог читать. Возбужденный событиями этого необычного дня, самого необычного из всех, проведенных мною на Элле, я вынужден был снова прибегнуть к помощи «того, кто дает сон».

Проснулся я очень рано. Морской воздух был остер и свеж, и я заметил, что здесь в отличие от дома Суилика окна были настоящие да к тому же раскрытые настежь. В комнату проникал шум прибоя и шелест бриза в листве. Несколько минут я нежился в постели с открытыми глазами, наслаждаясь прелестью этого тихого утра.

И вдруг величавая песня нарушила тишину.

Я уже не раз слышал музыку иссов. Нельзя сказать, чтобы она была неприятна, однако для нас она слишком умственная, слишком головная. Эта песнь не была песней иссов! В ней звучала тоска по родине, в ней была мелодичность полинезийских напевов и в то же время сила, размах и затаенная страсть, какая встречается лишь в русских народных песнях. И голос, этот голос, так легко переходивший от низких грудных нот к высоким горловым, тоже не был голосом исса! Песня накатывалась, как волна на берег, с мелодичными повторами, быстрыми взлетами и медленными, усталыми спадами. Тот, кто пел ее, находился слишком далеко, чтобы можно было разобрать слова, да и вряд ли это были исские слова. Но я знал, что говорили они о весне, о планетах, раскаленных солнцем или окутанных туманами, о мужестве людей, которые их открывают, о морях и ветре, о звездах и любви, о борьбе, о непостижимых тайнах и ужасе смерти. Вся юность мира была в этой песне!

С бьющимся сердцем я второпях оделся и выпрыгнул через окно. Песня доносилась слева, со стороны моря. Пробежав между группами деревьев, я увидел лестницу, спускающуюся к волнам. Там, у самой воды, лицом к морю стояла юная девушка и пела, и солнце зажигало золотые отблески на ее голове. Значит, это не иска! Правда, я не различил цвета кожи — я видел только стройный силуэт в короткой голубой тунике.

Прыгая через три ступеньки, я спешил вниз, взволнованный, точно

юнец-студент, увидевший красавицу подругу возле института. На последней ступеньке я поскользнулся и растянулся во весь рост прямо у ее ног. Она вскрикнула — песнь замерла на полуслове,— потом расхохоталась. Должно быть, я и в самом деле был смешон — на четвереньках, растрепанный, весь в песке. Потом смех ее оборвался, и она сердито спросила:

— Асна эни этоэ тан?

В изумлении я обернулся, потому что последние слова произнес не Клэр, а его жена Ульна.

— Да,— помолчав, сказал Клэр,— это была Ульна.

Часть III

НА КАРТУ ПОСТАВЛЕНА ВСЯ ВСЕЛЕННАЯ

Глава I

УЛЬНА-АНДРОМЕДЯНКА

Я медленно поднялся на ноги, не спуская с девушки глаз. Сначала у меня мелькнула мысль, что, может быть, иссы совершили еще один полет на Землю и привезли оттуда моих соотечественников. Потом я вспомнил огромный звездолет, золотую статую на верхних ступенях Лестницы человечеств и заметил слишком узкую руку девушки. Одновременно в моей памяти всплыли рассказы Суилика о крэнах с планеты Мара, почти неотличимых от иссов. Если у иссов были двойники, почему бы и землянам их не иметь?

Девушка по-прежнему стояла передо мной, настороженно выпрямившись. Я все еще не мог вымолвить ни слова.

— Асна эни этоэ тан, санен, тар тэоэ сен Телем!— гневно проговорила она наконец. Но голос ее оставался таким же напевным и мелодичным.

Я ответил ей по-французски.

— Прошу прощения, мадемуазель, за столь внезапное приземление у ваших ног!

И только тогда сообразил, что эти слова для нее так же непонятны, как ее вопрос для меня. Я попытался «передавать», глядя ей прямо в глаза. Но тщетно. Теперь она смотрела на меня с откровенной опаской. Рука ее опустилась на выпуклую пряжку пояса.

Наконец я попытался заговорить с ней по-исски, надеясь, что она меня все-таки поймет.

— Простите, я вам помешал,— сказал я.

Она узнала язык и ответила тоже по-исски, путая ударения точно так же, как путал я в самом начале:

— Ссин тсехе х'он? (Кто вы?) А надо было сказать «Ссин тсехе хион». В действительности получилось так, что она спросила: «Которая луна?»

— Первой сегодня вечером взойдет Ари,— ответил я смеясь.

Она поняла свою ошибку и тоже рассмеялась. Несколько минут мы оба дружно путались в исских фразах, не очень-то понимая друг друга. Потом она сделала приглашающий жест, и мы поднялись по лестнице на террасу. Когда мы вступили под кров деревьев, неподалеку послышались три переливчатых свистка — сигнал Суилика, а затем показался и он сам в сопровождении Эссины.

— Ого, ты уже договорился с синзунами! — заметил он.

— Договорился? Я бы этого не сказал. И как вы только ухитряетесь общаться с обитателями незнакомых планет, которые не воспринимают мысленных сигналов и не знают вашего языка?

— Это действительно прискорбно,— ответила Эссина,— особенно когда чужеземцы столь же очаровательны, как эта синзунка. Я вижу, ты покорен. Но успокойся: скоро вы найдете общий язык.

— Да, этот вопрос давно уже решен,— подтвердил Суилик.— Однако ты не особенно воображай и не гордись: передавать и воспринимать мысли умеем только мы. На твоей планете с твоими соотечественниками ты сможешь только говорить. Наши дети примерно в таком же положении. Искусству приема и передачи мыслей надо учиться. Научитесь и вы с синзункой. А пока достаточно надеть легкий шлем-усилитель. Впрочем, все это пустяки. Но вот новость поважнее: этой ночью я вернулся из галактики, расположенной еще дальше, чем твоя. Стало быть, когда придет время, ты сможешь вернуться к себе. Я познакомился там с еще одним человечеством. Похоже, в вашем углу Великой Вселенной у всех существ красная кровь. Взять хотя бы синзунов, вас, землян, или зомбов, которых я открыл во время этой экспедиции.

— Как они выглядят, эти зомбы? Ты привез хоть одного?

Прищурив один глаз, Суилик оценивающе посмотрел на меня:

— Пожалуй, они на тебя немного похожи. Только раза в два выше. Но пока это совершенные дикари, не имеющие даже каменных орудий. Так что привозить зомба было бы незачем и даже опасно для него самого. Разве что через двести — триста тысяч лет...

Мы приблизились к подножию Лестницы человечеств. Наверху несколько иссов что-то сооружали с помощью роботов.

— Какого черта колдуют там твои сородичи? — спросил я Суилика.

По-исски «какого черта» звучит как «тэи мислик».

— Именно мислика! — ответил он, смеясь.— Сейчас увидишь.

И, повернувшись к юной синзунке, он что-то передал ей, но что именно, я не мог уловить: передавая мысли, иссы могут вести частные разговоры даже в толпе. Но, видимо, это было забавно, потому что девушка улыбнулась.

Мы быстро поднимались по ступеням. Группа иссов наверху уже разошлась. Справа, на том месте, где они работали, возвышалась новая статуя. С удивлением я узнал в ней себя; скульптор изобразил меня очень реалистично и в самой лестной позе: я стоял, попирая ногой мислика!

— Твои встречи с мисликом были засняты,— сказала Эссина.— Наш лучший скульптор Ссилб сразу принялся за работу над этой статуей. Ему передали все твои размеры, снятые с тебя во время осмотров в Доме

мудрецов, а также массу твоих объемных снимков, так что для него это не составило труда. Ты доволен статуей?

— Замечательная работа! — ответил я искренне.— Но только мне будет неудобно проходить каждый день перед самим собой.

Вот уже несколько минут между синзункой и Суиликом шел какой-то разговор, и по выражению лица иссa я догадался, что случилось нечто весьма неприятное. Он быстро сказал несколько слов Эссине, слишком быстро, чтобы я мог понять. Я уловил только одно слово «оскорбление». Юная синзунка, резко повернувшись, пошла вниз навстречу группе своих соотечественников. У Суилика был озабоченный вид.

— Скорее, надо предупредить Ассзу и даже Аззлема, если удастся.

— Что случилось?

— Пока ничего страшного. Во всяком случае, я надеюсь, что обойдется. Но эти синзуны непомерно горды, и мы, пожалуй, зря поместили их с левой стороны лестницы!

Нас сразу же провели в кабинет Аззлема. Вместе с ним там были его молодой сын Ассерок, только что вернувшийся из галактики синзунов, а также Ассза.

— Положение угрожающее,— коротко объявил Суилик.— В мое отсутствие землянин спустился в пещеру на острове Санссин и победил мислика!

— Да, победил, ну и что же? — спросил Ассза.— Я взял ответственность на себя, и совет одобрил мое решение.

— Так вот, судя по словам синзунки Ульны, им обещали, что именно они будут первыми людьми с красной кровью, которые встретятся лицом к лицу с мисликом. Синзуны горды и тщеславны. Боюсь, что они этого так не оставят.

— Их звездолет прекрасно вооружен,— поддержал его Ассерок.— И они знают путь через ахун.

— На своей планете хозяева мы,— ответил ему отец.— Когда синзуны прилетели в первый раз, они отказались встретиться с мисликом. Они заявили, что им-де надо подготовиться. Землянин оказался решительнее. Тем хуже для них. В конечном счете Пророчество обращено к нам, к иссам, а не к синзунам! Мы не должны отвергать ничьей помощи, но возглавить борьбу суждено только нам. И если у синзунов есть оружие, у нас оно тоже имеется!

Аззлем нажал на кнопку на своем столе. Вспыхнул стенной экран, и мы увидели Лестницу человечеств. Перед моей статуей о чем-то спорили Ульна и трое синзунов. Остальные бегом направлялись к своему звездолету.

И тогда Аззлем произнес слова, которых никто не слышал на Элле в течение десятков столетий:

— Боевая готовность номер один! — приказал он в микрофон.— Немедленно собрать Совет девятнадцати! Запрещаю взлет любому чужестранному летательному аппарату!

Этот эвфемизм заставил всех улыбнуться, поскольку единственным чужестранным аппаратом на Элле был звездолет синзунов.

— Посмотрим, смогут ли они преодолеть силу концентрированных гравитационных полей! — добавил, обращаясь к нам, Аззлем.

В это время синзуны уже входили в Дом мудрецов.

— Пойдемте, встретим их,— сказал Аззлем.— Идите все, Суилик и Эссина тоже: вместе с моим сыном вы здесь единственные иссы, побывавшие дальше Шестнадцатой галактики.

Мы спустились в тот самый зал, где я впервые увидел Совет мудре-

цов. Я без стеснения уселся в заднем ряду между Эссиной и Суиликом. Все члены Малого совета, Совета девятнадцати, заняли свои места. Затем впустили синзунов.

Их было четверо — трое мужчин и девушка. Все они были красивы, стройны, светловолосы и довольно высоки ростом; на Земле их можно было бы принять за шведов. Держались они холодно и высокомерно. На них сразу надели шлемы-усилители.

Старший синзун повернулся к Аззлему и начал свою речь.

Синзунов позвали сюда с их далекой планеты, чтобы сразиться с легендарными мисликами. Они явились с самым страшным и совершенным оружием, какое только могли изобрести их ученые, а теперь им говорят, что какое-то низшее существо с полудикой планеты уже восторжествовало над грозным врагом. Это неслыханное оскорбление для планеты Арбор, и синзуны немедленно улетают, если только их вожди, шемоны, не сочтут оскорбление слишком серьезным, чтобы его можно было просто забыть. В таком случае... А пока он требует извинения и немедленного уничтожения статуи, установленной на одной ступени со статуей синзуна.

Пока он говорил, я наблюдал за лицами мудрецов. Они были непроницаемы. Ни малейшего признака недовольства! Зато рядом со мной Суилик что-то злобно цедил сквозь зубы.

— Вы, синзуны, странные люди. Мы никогда вам не обещали, что именно вы будете первыми существами с красной кровью, которые сразятся с мисликами. В то время мы просто не знали, что есть еще другие человечества с красной кровью. И мы до сих пор не знаем, все ли человечества с красной кровью выдерживают излучения мисликов. Кстати, мы не придаем никакого значения первенству. Какая разница, кто будет первым? Этот предрассудок исчез на Элле вместе с последними военачальниками и последними политиканами. К тому же вы, кажется, не понимаете, что для победы над мисликами нужно объединить силы всех человечеств мироздания, всех до единого! А пока мы боремся с ними в одиночку или почти в одиночку и каждый год теряем в этой страшной борьбе более ста тысяч иссов. Землянин имел мужество сразу спуститься к мислику, без всякой подготовки. Сделайте то же самое, и мы прибавим мислика к вашей статуе, а если мало, прибавим двух или трех!

По рядам собравшихся прокатилась волна сдержанного смеха. Аззлем продолжал:

— Ваша помощь будет, разумеется, полезна, однако она вовсе не необходима. Земляне обладают нужной сопротивляемостью. У нас есть техника, да и у них тоже, пусть не столь развитая, но тем не менее достойная внимания. Во Вселенной достаточно и других человечеств с зеленой или синей кровью, которые тоже владеют могучим оружием. Но никто не знает, где в следующий раз появятся мислики. Может быть, они уже на пути к вашей галактике. Поэтому я прошу вас отказаться от неразумной гордыни, удивляющей меня у такой высокоразвитой расы, как ваша. Я заклинаю вас войти в Великое содружество, в Союз человеческих миров. Наш единственный враг — мислик! Он угрожает всем человечествам с зеленой, синей или красной кровью. Даже если вы нечувствительны к излучениям мисликов, вы все равно не сможете жить около погасшего солнца! Подумайте и возвращайтесь со словами дружбы, а не гнева. Это планета Элла, а не Арбор, и здесь хозяева мы. Мы вас примем сегодня вечером.

Синзун хотел возразить.

— Нет! — прервал его Аззлем.— Настаивать бесполезно. Подумайте. До вечера.

Девятнадцать мудрецов удалились, оставив синзунов со мной, Эссиной и Суиликом.

Синзуны, видимо, только сейчас заметили меня. Трое мужчин двинулись ко мне с угрожающим видом. Девушка пыталась удержать самого старшего, но тщетно. Я встал. Суилик медленно сжал руку на прикладе маленького излучателя; он имел право носить его на поясе, как и все командиры ксиллов. Заметив этот жест, синзуны остановились.

— А я-то думал,— начал один из них,— что иссы, мудрые иссы, отказались от войн столетия назад...

— От войн — да, но не от защиты своих гостей,— ответил Суилик.— Если вы не таите зла, зачем прятать оружие под туниками? Неужели вы думали, что какая-то тряпка помешает нам разглядеть металл?

Положение обострялось. Напрасно Эссина и я, с одной стороны, Ульна и старший синзун — с другой, пытались вмешаться. Суиликом овладела ужасная холодная ярость иссов, а молодых синзунов обуревала необъяснимая ненависть. Они явно напрашивались на столкновение.

Появился офицер охраны в сопровождении четырех иссов.

— Совет девятнадцати просит своих гостей синзунов вернуться к себе на корабль. Совет напоминает, что на Элле никто, кроме дежурных офицеров-иссов, не имеет права носить оружие.

У него был мощный шлем-усилитель, поэтому каждое слово звучало в моей голове отчетливо и сухо, как ультиматум. Наверное, синзуны так его и поняли, потому что, побледнев, они тотчас ушли. В дверях Ульна обернулась, остановив на мне долгий взгляд.

— Что касается землянина,— продолжал офицер,— то его и его друзей ждет Аззлем.

Когда мы вошли в кабинет, Аззлем, Ассза и Ассерок ожесточенно спорили.

— Мы в них не нуждаемся,— говорил Ассза.— Хватит одних землян.

— Они могучи,— возражал Ассерок.— Они почти так же сильны, как мы. Поверьте мне, я видел их планету Арбор. Их там больше, чем нас на Трех Мирах. Кроме того, у них есть слуги тельмы, которые...

Он умолк на половине фразы, озаренный внезапной мыслью.

— Понял! Они приняли землянина за тельма! Он такой же сильный и темноволосый!

И Ассерок объяснил нам, что на Арборе в отличие от Земли или Эллы существует не одно человечество, а два: тонкие светловолосые синзуны и массивные темноволосые тельмы. В доисторические времена, впрочем, как и у нас, природа создала несколько прототипов человека. Но если у нас, на Земле, выжил только один тип — остальные были уничтожены или поглощены,— то на Арборе долгое время развивались две разные ветви, населявшие два континента, удаленные друг от друга на огромное расстояние. Когда синзуны открыли второй материк, они уже были слишком цивилизованны, чтобы уничтожать тельмов. Попробуй представить, что Америка населена близкими родственниками неандертальцев! Европейцы, безусловно, уничтожили бы их. Более высокоразвитые, более гуманные, а может быть, и просто более практичные синзуны приручили тельмов и полностью взяли их под свою опеку. Со временем, мало-помалу положение тельмов улучшилось, но до сих пор они выполняют лишь простейшие работы. Однако следует подчеркнуть, что это объясняется прежде всего их абсолютной неспособностью к самостоятельной деятельности. Обращаются с тельмами хорошо, однако ни о каком равенстве, а тем более смешении рас не может быть и речи: синзуны и тельмы отно-

сятся к двум слишком далеким видам со слишком большими физиологическими различиями.

Так вот, оказалось, что своей массивной фигурой, цветом волос и кожи я отдаленно напоминаю тельма! Теперь, чтобы понять реакцию синзунов, представь себе какого-нибудь гордого властелина, призванного для сражения с драконом. Он является во всеоружии. И вдруг ему говорят: ты нам не нужен, орангутанг уже справился не хуже тебя!

Слушая объяснения Ассерока, оба мудреца все больше успокаивались. Все уже поняли: синзунов удастся успокоить, если растолковать им, что, несмотря на цвет кожи и волос, я вовсе не тельм. Ассерок сам взялся выполнить эту миссию и отправился к звездолету.

Вскоре он прислал за мной. Суилик пошел меня провожать. Когда мы были уже почти на виду у часовых-синзунов, он остановился и хотел вручить мне свой лучевой пистолет. Я поблагодарил его, однако отказался, так как был уверен, что бояться нечего. Один из синзунов встретил меня у входа и повел за собой. Звездолет был огромен — более 180 метров в длину! — и нам пришлось долго идти по бесконечным переходам, прежде чем мы добрались до зала, где меня ожидали пять синзунов и Ассерок, все в шлемах-усилителях. В углу у стены в таком же шлеме, из-под которого выбивались длинные золотистые волосы, прислонившись спиной к переборке, стояла Ульна.

Едва я вошел, самый старший синзун передал мне: расскажи о своей планете!

Я не торопясь опустился на сиденье из белого металла, заложил ногу за ногу и начал:

— То, что меня приняли за низшее существо, мне так же оскорбительно, как и вам мысль, будто вас опередил какой-то тельм. Но все же я отвечу вам из уважения к иссам. Знайте же, что на моей планете есть только один род человечества, хотя одни земляне светловолосы, как вы, а другие — черноволосы, как я. У некоторых — таких немало — даже кожа черного или желтого цвета. У нас долго спорили, какая раса высшая, и пришли к убеждению, что все люди равны. И все-таки нам пришлось не столь давно воевать против некоторых землян, которые объявили себя расой господ. И мы их разгромили, доказав еще раз, что никаких высших рас у нас нет.

Так я передавал более часа, широкими мазками набрасывая картину нашей цивилизации, нашего общественного устройства, наших науки и искусства. В научном отношении синзуны, разумеется, превосходили нас неизмеримо — в некоторых областях они продвинулись даже дальше иссов. Но наши успехи в области использования атомной энергии произвели на синзунов впечатление: у них эта проблема была разрешена сравнительно недавно.

Мне стали задавать вопросы, постепенно их усложняя. И пришли к выводу, что я никак не могу быть тельмом, несмотря на некоторое внешнее сходство. С этого момента отношение ко мне резко изменилось. Недавняя враждебность сменилась искренним радушием. Ульна сияла: ведь только она одна встала на мою защиту. Ассерок условился со старшим синзуном Хелоном, отцом Ульны и начальником экспедиции, что этим вечером тот явится на Совет девятнадцати.

Когда мы уходили, Ульна и ее брат Акейон пошли нас проводить. Неподалеку от звездолета мы встретили Эссину и Суилика. Ассерок ушел известить Аззлема, и мы остались впятером: двое иссов, двое синзунов и один землянин.

Настроение у нас было приподнятое. Все радовались, что угроза кон-

фликта полностью устранена. Суилик шепнул мне, что сто ксиллов уже были наготове, чтобы в случае опасности сразу уничтожить звездолет. Мы дошли до лестницы, спускавшейся к морю, и уселись на ступеньках. Разговор шел о наших планетах. Мне пришлось обещать, что я побываю на Арборе перед возвращением на Землю, когда мислики будут побеждены. Об этой победе мы говорили как о чем-то близком и уже решенном. В действительности ко дню победы от нас не останется даже праха, потому что эта борьба, по-видимому, будет длиться тысячелетия.

Ульна и Акейон подробно расспрашивали меня о мислике. Они решили сами спуститься в пещеру, чтобы узнать, обладают ли синзуны таким же иммунитетом, как я. Мы договорились, что я еще раз выйду к мислику вместе с ними.

В тот же вечер, как и было условлено, состоялось второе свидание синзунов и Совета девятнадцати. Было заключено окончательное соглашение независимо от исхода опыта на острове Санссине, назначенного на послезавтра. Держать связь с синзунами поручили Ассзе и Суилику, которые своими космическими исследованиями заслужили право считаться кандидатами в Совет мудрецов. По их просьбе им в помощь назначили Эссину и меня. Со стороны синзунов Хелон назначил своего сына Акейона, дочь Ульну и молодого физика Этохана.

Само собой разумеется, у меня был в делегации иссов только совещательный голос. Я ведь не мог официально представлять нашу Землю, потому что меня оттуда чуть ли не похитили — хотя и не без моего согласия, но все-таки довольно неожиданно. Тем не менее я был рад своему назначению, сближавшему меня с Эссиной и Суиликом, с которыми я подружился, с гигантом Ассзой, к которому испытывал искреннюю симпатию, и, наконец, с синзунами, возбудившими во мне живейший интерес. Тогда это был еще только интерес, не более.

Я бы не стал рассказывать о своем четвертом спуске в пещеру, если бы он едва не кончился моей гибелью. В то же время этот случай положил начало совершенно иному отношению со стороны синзунов, окончательно признавших во мне человека. До этого все они, за исключением Акейона и Ульны, испытывали ко мне тайное отвращение. Я на них тоже был в обиде, потому что видел на борту звездолета нескольких тельмов и, клянусь тебе, не нашел между ними и собой ни малейшего сходства, за исключением разве что роста да цвета волос. Они скорее походят на воображаемую помесь гориллы с питекантропом.

Мы прибыли на остров Санссин на борту звездолета. Огромный корабль показался мне почти таким же послушным, как ксилл. Правда, кабины управления я не видел: в тот раз меня туда не пустили. Более крупный ксилл под управлением Суилика доставил к острову Совет девятнадцати.

Для таких больших аппаратов посадочная площадка острова была слишком мала; поэтому ксилл и звездолет сели на воду и к берегу нас доставили на катерах. Этим видом транспорта я воспользовался на Элле всего один раз.

В пещеру я вошел первым, за мной последовали Акейон, Ульна и для контроля один молодой исс, имя которого я позабыл. На голове у меня был тот же самый усовершенствованный шлем с усилителем.

Пока я был один, мислик никак не реагировал. Видимо, он меня узнал и вспомнил, что излучение против меня бессильно. Я не ощутил волны его ненависти, только смутное любопытство. Он даже не шевельнулся.

Затем вошли остальные в сопровождении десяти роботов. Я уже спрашивал Ассзу, почему они не могут защитить всех нас отталкивающими волнами, но оказалось, что в замкнутом пространстве эти волны быстро поднимают температуру. Единственным нашим оружием был вручeнный мне пистолет «холодного пламени».

Итак, все вошли в пещеру. Но едва мы переступили порог, как мислик заскользил к нам навстречу, излучая на полную мощность. Исс бросился бежать и упал. Синзуны остались неуязвимы, так же как и я, но, вместо того чтобы немедленно отступить, они бросились ко мне и на какое-то мгновение закрыли от меня мислика. Воспользовавшись этим мгновением, тот учинил среди роботов настоящее побоище. Когда я получил наконец возможность стрелять, из десяти остался только один. А мислик неторопливо направился к туннелю, вполз в него и закрыл своим телом выход. Теперь мы были его пленниками.

Меня это не особенно встревожило: я знал, что в случае необходимости на помощь нам придет вся невероятная техника иссов. Меня беспокоил только молодой исс, потому что мислик продолжал излучать и смертельная угроза для жизни юноши возрастала с каждой секундой. Предупредив по микрофону, что я попытаюсь сам освободить выход, я сделал синзунам знак отойти и двинулся прямо на мислика с пистолетом в руке.

Тело мислика слабо мерцало в полутьме. Приготовившись отпрыгнуть в сторону, я выстрелил. Мислик попятился. Я выстрелил еще раз. Продолжая отступать, мислик проник в шлюзовую камеру. Я поспешил за ним, и это едва не стоило мне жизни. Внезапно мислик кинулся на меня, стараясь раздавить. Лишь с огромным трудом удалось мне ускользнуть от него в тесной камере. К счастью, мой усилитель был включен, так что я узнавал заранее, когда он бросится, по усиливавшимся волнам ненависти. Добрых пять минут продолжалась эта дикая коррида. Наконец мислик скользнул через туннель в пещеру и я последовал за ним.

В туннеле я столкнулся с роботом, выносившим безжизненное тело иссa, и потерял секунд десять. Этих секунд оказалось достаточно. Когда я проник в пещеру, жуткое зрелище предстало передо мной: Ульна стояла, прижавшись к стене, Акейон заслонял ее своим телом, а в нескольких метрах от них мислик уже приподнимался, чтобы взлететь и раздавить обоих. Я выстрелил шесть раз подряд. Мгновенно повернувшись, мислик ринулся на меня. Я еще успел увидеть ослепительную вспышку, потом почувствовал страшный удар и словно провалился во тьму.

Мне придется пропустить в своем рассказе тридцать дней по той простой причине, что все это время я не приходил в сознание и не мог знать, что происходит вокруг меня. Лишь потом мне сказали, что мислик едва не расплющил меня, сломав десяток костей, и разорвал скафандр, из-за чего у меня была обморожена почти половина тела.

Очнулся я на постели в незнакомой комнате с металлическими стенами. Я лежал на спине, а сверху огромный квадратный отражатель с легким гудением изливал на меня потоки лиловатого света. Я ощущал страшную слабость, но никакой боли не чувствовал. Попробовав пошевельнуться, я заметил, что руки и ноги у меня в лубках. Тогда я позвал по-иссски:

— Есть здесь кто-нибудь?

Но вместо иссa вошел незнакомый синзун. Правда, волосы у него были тоже белые, но не с платиновым отливом, как у иссов, а скорее седые. Он склонился надо мной, взглянул на что-то невидимое для меня, улыбнулся и произнес несколько слов. Гудение стало выше тоном, свет приобрел ярко-фиолетовый оттенок. Я почувствовал покалывание во всем

теле. Казалось, силы медленно возвращаются ко мне. Синзун вышел, и я остался один. Догадаться о том, что со мной произошло, было нетрудно: меня тяжело ранило, и я находился в госпитале синзунов, скорее всего на борту звездолета.

Я снова впал в приятную полудрему. Прошло какое-то время — не знаю сколько минут или часов. Синзун появился опять, на сей раз в сопровождении Сзана. Исс объяснил мне, как все произошло: едва мислик коснулся меня, «горячий свет», который вспыхнул не до удара, как мне показалось, а после, мгновенно усмирил металлическое чудовище. Ульна и ее брат с трудом вытащили меня в шлюзовую камеру.

Состояние мое было отчаянным. Я едва дышал, когда меня доставили на звездолет. Синзуны заявили, что позаботятся обо мне сами, во-первых, потому, что я, по сути дела, спас сына и дочь их начальника, и, наконец, потому, что с точки зрения физиологии я, видимо, был гораздо ближе к ним, чем к иссам. Степень этой близости была сразу установлена химико-биолого-гистологическим экспресс-анализом, пока аппараты, превосходившие по совершенству даже то, что я видел на Элле, искусственно поддерживали во мне жизнь. Оказалось, что у меня точно такая же протоплазма, настолько сходная, что синзуны без колебаний прибегли к пересадке кожи, мышц, костей и внутренней пластике, о чем мы на Земле можем пока лишь мечтать. Но они в этом деле мастера и всегда имеют наготове «живое сырье», если можно так выразиться. В сущности, все различие между нами и синзунами заключается в том, что у них четыре пальца, а не пять.

Короче говоря, я выжил и совершенно поправился благодаря их знаменитому хирургу Виседому и его консультанту Сзану, которому я в свое время передал немало ценного из опыта земной медицины. Но не следует забывать и про Ульну: долгие дни и ночи она сама дежурила у изобретенного еще на Арборе чудесного искусственного сердца.

После того как ко мне вернулось сознание, я очень быстро пошел на поправку. Через три дня я уже мог вставать. Надев шлем-усилитель, я вел долгие беседы с Ульной, ее братом и отцом и даже начал изучать их язык. В те дни мне удалось многое узнать о планете Арбор и о самих синзунах.

Несмотря на необычайные успехи науки и техники, у синзунов сохранилась любопытная структура общества, унаследованная от предков. Постепенно избавившись от всякой физической работы, синзуны посвятили свою жизнь главным образом искусству, путешествиям и войнам. Но последняя война отгремела на их планете семь с лишним столетий назад, и с тех пор энергия синзунов направлена в русло научных изысканий и исследований космоса. То, что Землю открыли иссы, а не синзуны, можно объяснить лишь парадоксальной случайностью. Выяснилось, что их галактика является нашей ближайшей соседкой: это не что иное, как туманность Андромеды. Впрочем, у них было немного шансов попасть именно в Солнечную систему, затерянную среди миллионов звезд нашей собственной галактики.

Сейчас синзунов насчитывается около двух миллиардов на самом Арборе и примерно триста пятьдесят миллионов на других планетах их галактики. Их общественная организация сохранила аристократический характер. Хелон, например, был братом шемона — титул, приблизительно соответствующий нашему князю. На Арборе всего четыре шемона. Все они главы четырех родов, восходящих к последним синзунским царям. Политическая структура напоминает пирамиду. На вершине ее находятся четыре шемона — должность наполовину наследственная в том смысле,

что шемоны всегда избираются из той же семьи, но не обязательно бывают сыновьями предыдущих шемонов. Лишь позднее Ульна объяснила мне всю эту сложную организацию.

На восьмой день после того, как я очнулся, Виседом разрешил мне выходить. Я с наслаждением прошелся по звездолету вместе с Ульной и Суиликом, потом мы потихоньку поднялись по Лестнице человечеств и я увидел, что иссы действительно положили у ног статуи синзуна одного мислика. То и дело поглядывая на свои крохотные часики, Суилик чему-то посмеивался про себя; Ульна тоже загадочно улыбалась. Я устал и хотел вернуться, но они дружно принялись меня отговаривать, уверяя, что сейчас для меня всего полезнее свежий воздух. Мы сели на каменную скамью, обращенную к морю. К нам подошел Ассза, посидел немного, поболтал о том, о сем и, покинув нас, направился к звездолету. Примерно базик спустя Суилик снова взглянул на часы и, сморщив зеленое лицо в хитрую гримасу, проговорил:

— Теперь можно возвращаться.

Когда мы поднимались по лесенке к люку звездолета, двое синзунов, стоящих на часах, приветствовали меня. Я удивился: до сих пор часовые так приветствовали только своих офицеров и членов Совета девятнадцати. Ульна и Суилик куда-то исчезли, оставив меня одного в коридоре. Но тут же передо мной предстал Акейон, облаченный в великолепную пурпурную тунику и длинный пурпурный плащ, накинутый на плечи; тонкий платиновый обруч сверкал у него на голове.

— Идем! — сказал он по-иссски.— Сейчас состоится торжественная церемония в твою честь. Надень праздничные одежды.

Он увлек меня в боковую кабину и помог облачиться в наряд синзунов. Для меня приготовили длинную белоснежную тунику, в которой я казался еще темнее, чем на самом деле, такой же белый плащ и золотой обруч для волос.

Следом за Акейоном я прошел в самый передний зал, расположенный прямо за кабиной управления. В конце этого вытянутого зала был возведен помост. На нем восседали Хелон и Ульна. На Хелоне была малиновая туника, на Ульне — бледно-зеленая. Все офицеры звездолета в черном и весь экипаж в сером выстроились вдоль переборок. Среди этих свободных туник с длинными складками облегающие костюмы Ассзы, сидевшего справа от помоста, и Суилика, расположившегося слева, казались почти непристойными.

Пораженный этим зрелищем, я остановился в нескольких метрах от помоста. Царила полная тишина. Акейон неподвижно стоял чуть позади меня.

Хелон медленно поднялся и заговорил:

— Кто стоит здесь перед Ур-шемоном?

Акейон ответил за меня:

— Благородный вольный синзун.

— Какой подвиг дал ему право на белое одеяние?

— Он спас сына и дочь Ур-шемона.

— Какой награды просит благородный вольный синзун?

— Он просит Ахен-ретон.

— Что скажут сын и дочь Ур-шемона?

— Они согласны! — хором ответили Ульна и Акейон.

— Что скажут благородные вольные спутники Ур-шемона?

— Они согласны! — в один голос отозвались офицеры и экипаж.

— Я, Хелон, Ур-шемон, командир звездолета «Тсалан», находящегося на дружественной планете Элла, от имени всех шемонов Арбора,

шемонов Тирана, Стора, Сертина, Арбора-Тиана и Синафа, от имени всех синзунов на Шести Планетах, от имени живых, мертвых, и тех, кто родится, торжественно награждаю синзуна с планеты Земля, который стоит перед нами, и даю ему за верность и мужество звание Синзуна-тхена и Ахен-ретон седьмой степени.

Ропот удивления пробежал по рядам. Ульна улыбалась.

— Иди вперед,— сказал мне Акейон.

Должно быть, я выглядел довольно комично: смуглый и черноволосый, в белом плаще, на голове — золотой обруч и шлем-усилитель с тонкими дрожащими усиками антенн. Я пошел вперед, еще не понимая как следует, что происходит. У помоста я остановился.

И тогда зазвучал хор — странный и прекрасный гимн заполнил весь зал. Эта была та самая песня, которую пела Ульна на заре, когда я ее увидел впервые, песня покорителей космоса. Дрожь пробежала по мне, дрожь восторга, близкого к благоговению. Я почувствовал, как с меня снимают белый плащ и надевают другой. Гимн отзвучал. Теперь на моих плечах был розовый плащ с золотой каймой.

— С этого мгновения,— продолжал Хелон,— ты, человек с планеты Земля, стал синзуном, как мы. Вот ключи от «Тсалана» и вот оружие, на которое ты отныне имеешь право, если только наши хозяева иссы позволят тебе его носить,— добавил он, обращаясь с улыбкой к Ассэе.

Хелон протянул мне два символических ключа — в действительности синзуны, как и иссы, давно уже не пользуются этими примитивными способами открывать двери — и короткую сверкающую трубку.

— Церемония окончена,— обратился ко мне Хелон.— Мы надеемся, что сонг Всеволод Клэр согласится разделить с нами трапезу.

— Сонг — это твой титул,— объяснил мне Акейон.— Это самый высокий титул после шемона, Ур-шемона и Витхиана. Он дает тебе право взять в жены любую девушку на Арборе, даже дочь Ур-шемона,— прибавил он, лукаво взглянув на Ульну, которая неожиданно залилась румянцем.

Глава II

КАЛЬВЕНОЛЬТ ГАСНЕТ!

Вскоре после этой церемонии, когда синзуны как бы усыновили меня, я отправился вместе с ними на Рессан, где заседал Совет союза человеческих миров. Собственно говоря, в совет входило всего по одному представителю от каждой планеты, но, помимо этого, на Рессане существовали целые колонии различных человечеств союза, которые насчитывали от пяти до двадцати тысяч обитателей каждая. Основное население Рессана — примерно сто семьдесят миллионов — составляли иссы.

Пять тысяч ксиллов поддерживали постоянную связь между колониями на Рессане и их родными планетами. Однако с теми планетами, где еще свирепствовали войны, иссы общались лишь в крайних случаях, и человечества этих планет не входили в союз, подчиняясь неумолимому Закону исключения.

На Рессане находились самые совершенные лаборатории. В течение столетий слияние разных цивилизаций порождало необычайные успехи

в области науки и искусства. Почти все мудрецы Эллы проходили на Рессане длительную стажировку.

Совет межпланетного союза собирался каждые пять эллийских месяцев. Председателем по уставу назначался представитель Эллы; теперь им был Аазлем. На сей раз заседание совпало с прибытием представителей двух человечеств с красной кровью и должно было быть особенно торжественным, так как эти два новых человечества оказались неуязвимыми для смертоносных излучений мисликов. По совести говоря, как житель планеты, где все еще продолжались войны, я в принципе не имел права на нем присутствовать.

Отлет был назначен на раннее утро. Вот уже три дня, как в той части Эллы, где я жил, начался сезон дождей, и наш реоб поднялся сквозь сплошную завесу ливня. Я должен был лететь с синзунами, а не в большом ксилле Суилика. В ксиллах мне уже приходилось летать, и к тому же я не без удовольствия думал о том, что теперь полечу вместе с Ульной.

Ты, конечно, уже понял, что я с первого взгляда проникся к ней живейшей симпатией. Судя по некоторым признакам, в частности по шуткам ее брата, она, видимо, отвечала мне взаимностью. К тому же, несмотря на дружбу с Суиликом, Эссиной и другими иссами, я все-таки чувствовал себя чужим среди этих зеленокожих существ. А с синзунами я был словно со своими земляками.

Звездолет начал набирать высоту все еще под проливным дождем, но через несколько секунд мы прорезали слой туч и устремились вертикально вверх. Я сидел в кабине управления вместе с Ульной, Акейоном и их двоюродным братом Реном, капитаном звездолета, или «арном» по-синзунски. В одном отношении техника синзунов все же уступает исской: хотя действие ускорения в звездолете значительно уменьшено, устранить его полностью, как в ксиллах, синзунам еще не удалось. Зато сохранилось ощущение колоссальной мощи, совершенно отсутствующее при взлете ксилла.

Путешествие протекало спокойно. Мы прошли вдалеке от Марса и взяли курс прямо на Рессан. Эта планета меньше Эллы и холоднее, потому что расположена гораздо дальше от Иалтара. Вскоре мы заметили ее на переднем экране: зеленоватый шар, выраставший на глазах.

Звездолет совершил посадку в северном полушарии, недалеко от Дворца миров. Он стоит на высоком плато, окаймленном снежными хребтами, дикими и обрывистыми. Внизу их склоны покрыты темной зеленью. Вся растительность Рессана зеленая, но не такая, как на Земле, а гораздо темнее, скорее зелено-синяя. Вокруг самого дворца иссы посеяли свою желтую траву, и сверху это ярко-желтое пятно представляло забавное зрелище — словно клумба золотых шаров где-то среди прерии.

Синзунов было мало для организации самостоятельной колонии — всего двести семь, поэтому нас поместили в Доме чужестранцев близ дворца, который в промежутках между сессиями обычно пустует. Первое заседание должно было состояться только через неделю,— разумеется, эллийскую неделю, из восьми дней,— таким образом, временно мы были здесь полными хозяевами.

Эти восемь дней, примерно таких же, как на Элле, то есть по двадцать семь земных часов каждый, оказались одними из лучших в моей жизни. К нам присоединились Эссина и Суилик. Вместе с ними, Ульной и Акейоном я совершал восхитительные прогулки по диким и прекрасным окрестностям. Надо было только возвращаться засветло, потому что если днем на Рессане температура вполне умеренная, то ночью мороз достигает —10°. Но мне после изнеживающего климата Эллы холод до-

ставлял одно удовольствие! Синзуны тоже переносили его хорошо, зато иссы оказались ужасными мерзляками! Если они засиживались у нас до темноты, то потом, чтобы пройти по плато до своего ксилла, обязательно надевали скафандры.

Я нашел неподалеку снежный склон и с помощью механиков звездолета соорудил себе металлические лыжи. О, если бы ты видел ошеломленные лица иссов и синзунов, когда я мчался вниз по склону, вздымая снежную пыль! Впрочем, синзуны скоро последовали моему примеру, и я получил звание лыжного тренера планет Иалтара! Соблазнить иссов оказалось куда труднее. Ко дню заседания Эссина и Суилик едва-едва научились делать первые шаги.

Аззлем прибыл накануне вместе со всем персоналом иссов, который обеспечивал освещение и отопление дворца. На следующий день с рассвета начали прибывать ксиллы и реобы. К десяти часам утра все плато, насколько хватало глаз, было покрыто сверкающими чечевицами и металлическими стрекозами. Двери открылись, процессия делегатов направилась к дворцу.

Мы наблюдали за ней, взобравшись на ксилл Суилика. Впереди шествовал Аззлем, за ним — Хелон. Перед нами проходили представители всех миров, которых я уже видел на левой стороне Лестницы человечеств, но на сей раз во плоти и крови. Господи, какое это было зрелище! Здесь были создания с желтой, зеленой или синей кожей, большие и маленькие, прекрасные, уродливые и ужасающие, как гигант кайен с глазами омара, прибывший из галактики, расположенной еще дальше нашей, но в другом направлении. Некоторые необыкновенно походили на иссов, и Суилик лукаво подтолкнул меня, когда мимо прошествовал тот самый крен с планеты Мара, где производят тошнотворный напиток абенторн и гостеприимно угощают им всех чужеземцев. В конце процессии шли существа, в которых не было почти ничего человеческого, кроме разума. Некоторые даже походили на гигантских насекомых. Я был буквально раздавлен этим парадом бесконечного разнообразия природы.

— Да, да,— меланхолично заметил Суилик,— все человеческие планеты не сможет увидеть никто: их слишком много.

Пропустив делегатов, мы в свою очередь вошли во дворец. Если снаружи он представлял собой массивный голый монолит, то внутри все помещения были украшены фресками и скульптурами, созданными художниками различных планет, а в стены внешней галереи были встроены панорамы столиц всех человеческих миров. Мы прошли через зимний сад с удивительными растениями. Суилик показал мне пышный, словно сделанный из золота цветок, заключенный в прозрачный герметический шар. Это был знаменитый стенет с планеты Ссин Первой галактики. Из-за него там нет ни зверей, ни птиц, потому что стенет источает ядовитый аромат, смертельный для всего живого даже в ничтожных дозах.

По лестнице из полупрозрачного зеленоватого камня, похожего на обсидиан, мы поднялись к маленькой ложе, нависшей над залом заседаний. Справа от меня оказалась Ульна, слева — женственное хрупкое создание с голубовато-светло-серой кожей, иссиня черными волосами и огромными фиолетовыми глазами, р'бенка с планеты Фарен звезды Вессар из Одиннадцатой галактики.

Внизу, в амфитеатре, делегаты союза занимали места. Перед каждым был маленький пюпитр с блестящими сложными приборами. Стояла удивительная для такой большой аудитории тишина.

У иссов очень развито искусство режиссерской постановки. Свет по-

гас, узкий луч прожектора осветил сначала пустое возвышение, затем поднявшуюся из люка площадку, на которой в сверкающих металлических креслах сидели Аззлем и еще четыре представителя других планет, в том числе и Хелон. Никто не шевельнулся, не издал ни звука. Аззлем встал и заговорил. Он говорил по-исски, но благодаря мощным усилителям мысли каждый слышал его на своем родном языке. Он сообщил о решениях, принятых между сессиями, рассказал о моем прибытии, о синзунах и о нашей чудесной неуязвимости перед излучениями мисликa. Отныне благодаря нам борьба с мисликами вступает в новую фазу: из оборотительной она превратится в наступательную, и первым ее этапом будет глубокая разведка в тылу врага, в самом сердце одной из проклятых галактик. Возможно, пролетят века, прежде чем враг будет отброшен. Но время отступления прошло! Оружия для уничтожения мисликов вполне достаточно: все что дает тепло, уже есть оружие! Только до сих пор им трудно было пользоваться, потому что излучения мисликов убивали слишком многих.

Аззлем говорил долго. Он доложил собранию, представлявшему собой цвет человечеств Вселенной, об особенностях наших организмов. По-видимому, иммунитет землян объясняется тем, что в наших телах, как и у самих мисликов, огромное количество железа. Несмотря на это сходство с порождениями Мрака, мы были признаны людьми без всяких оговорок. Синзуны могли сразу вступить в Содружество планет, поскольку они уже давно покончили с войнами. Землян, к сожалению, пока можно было считать лишь союзниками, но их цивилизация еще молода, и надо надеяться, что скоро они с полным правом займут свое место в Союзе человеческих миров.

— Вступительная речь,— без всякого почтения к оратору шепнул мне Суилик.— Обычное торжественное суесловие. Настоящая работа начнется в комитетах. Закон исключения не позволяет принять тебя в союз, но ты включен в исскую группу.

— Почему в исскую?— спросил я.

— Потому что, хотя синзуны тебя и усыновили, открыли тебя мы, не забывай об этом!

Аззлем сел. Несколько минут царила тишина. Затем раскатами загремел гимн иссов. Не скажу, чтобы он меня тронул. Я уже говорил, что их музыка слишком сложна для нас: она включает в себя такие высокие и такие низкие звуки, что мы уже не в состоянии их воспринимать. Но, повернувшись к Эссине и Суилику, я был потрясен выражением их лиц. На них отражался мистический экстаз, полное единение со всеми существами зеленой или синей крови. Внизу под нами на всех лицах, освещенных желтоватым светом, было такое же выражение отрешенности и покоя. Моя соседка с голубовато-серой кожей также подпала под очарование этого гимна. Казалось, он не увлек только синзунов да меня. И вдруг забытый образ всплыл в моей памяти: когда-то я видел в кинохронике толпу фанатиков Лурда, ожидающих чуда. Такие же лица были у собравшихся здесь представителей всех человечеств Вселенной. Гимн звучал не смолкая: это было восхваление изначального творца, животворящего, всепобеждающего Света.

Потом снова воцарилась тишина. Все существа иных миров долго еще сидели неподвижно в глубокой задумчивости. Наконец Аззлем подал знак, и собрание начало расходиться.

— А я не знал,— сказал я Суилику,— что иссы обратили все человечества в свою веру!

— Мы их не обращали! К тому же ты знаешь, что я сам неверую-

щий. Слова гимна тут ни при чем. Но музыку написал много веков назад Риенсс, величайший композитор Эллы-Вен, и она до сих пор приводит нас в экстаз. Видимо, она точно так же действует и на другие человечества. А поскольку у всех религий в глубине глубин есть нечто общее... Но неужели ты сам ничего не почувствовал?

— Нет. Думаю, что и на синзунов ваш гимн не произвел впечатления.

— Молчи! Не говори так! Хотя бы до поры до времени. Мои соотечественники в этом смысле суеверны. Люди-насекомые тоже ничего не чувствуют, и это вызывало вначале немало трудностей. Поговаривали даже об их исключении из союза. Правда, вас-то не исключат! В борьбе с мисликами вы наша единственная надежда.

Сессия совета продолжалась одиннадцать дней. Второе пленарное заседание состоялось только в день закрытия. Вся работа велась в технических комитетах, и я в ней участвовал как член иссской делегации. После торжественного закрытия сессии мы возвратились на Эллу. Синзуны, к моему великому огорчению, остались на Рессане.

Я скоро вернулся к привычной жизни. Жил я по-прежнему у Суилика и почти ежедневно бывал в Доме мудрецов, где вместе с Ассзой и Сззаном занимался исследованиями в области сравнительной биологии. Ассзе удалось искусственно воспроизвести излучение мислика. Я так и не смог понять всех его особенностей — знаю только, что это направленная радиация, не имеющая ничего общего с электромагнитными излучениями. Иссы, синзуны, да и некоторые другие человечества уже вступили в область, о которой наши земные ученые даже не подозревают.

Теперь я чувствовал себя на Элле почти как дома. По-иссски я говорил если не вполне правильно, то достаточно и уже не нуждался в шлеме-усилителе. Эллийцы считали меня своим, у меня были друзья, знакомые, работа. Совершенно официально я, биолог-землянин, в качестве «иностранного специалиста» был включен в Биологическую секцию по борьбе с мисликами, где сотрудничал с Рассеноком и Сззаном и сам руководил группой из десяти молодых биологов-иссов. Я настолько сроднился с Эллой, что однажды в разговоре с Ассзой вполне серьезно провозгласил: «Мы, иссы...», вызвав вполне естественный взрыв смеха. Поистине иссы прекрасный народ, веселый и доброжелательный, несмотря на некоторую душевную холодность; во всяком случае, с ними легче ладить, чем с чрезмерно щепетильными синзунами.

Через месяц звездолет вернулся с Рессана и я с радостью включил в свою группу Акейона и Ульну.

Обычно мои дни протекали так: я вставал на рассвете, завтракал вместе с Суиликом и улетал в лабораторию. Опустившись на террасу, я заходил за Ульной и ее братом. Потом мы работали до полудня. В полдень я обедал в Доме чужестранцев, но чаще в звездолете. Затем мы возвращались в лабораторию и выходили оттуда часа за два до заката. Если погода была хорошая, мы купались в заливе. Заплывать далеко было опасно, потому что море кишело «всиивзами», куда более хищными, чем наши акулы, но поперек залива стояла волновая завеса ассрна, отгонявшего их своими антибиотическими излучениями. Кроме наших сотрудников по лаборатории к нам часто присоединялись Эссина и Суилик. Иссы — непревзойденные пловцы! Суилик не раз проплывал у меня на глазах стометровку за сорок семь секунд, играючи превышая наш мировой рекорд.

Иссы, как и синзуны, увлекаются физическими упражнениями. Они гораздо слабее землян, однако намного превосходят нас в гибкости. Мне

надоело, что меня все время оставляют позади и в плавании, и в прыжках, и в беге, и я ввел на Элле состязания по метанию ядра и копья, вернее, не ввел, а возродил, так как когда-то у иссов существовали похожие виды спорта.

Уже в темноте мы с Суиликом возвращались домой на реобе. По дороге Суилик учил меня распознавать созвездия их небосклона. Иногда мы, уже дома, засиживались допоздна, просто глядя на звезды или наблюдая за ними в маленький телескоп. Иссы — космический народ: у них даже дети знают наизусть все созвездия. Это с них спрашивают на экзаменах. Иногда на маленьком, похожем на торпеду аппарате, гораздо более быстром, чем реоб, но менее устойчивом, к нам прилетала по вечерам Ульна с братом.

Пока я со своей группой работал в лаборатории, пытаясь найти для иссов действенную защиту от излучений мисликов,— кое-каких результатов мы все же добились — Суилик и сотни других командиров ксиллов усиленно тренировались, овладевая оружием, которое должно было сыграть решающую роль в предстоящей борьбе. Посреди Зеленого моря был эвакуирован остров, превращенный в учебную мишень. На него обрушили сотни бомб, начиная с атомной, похожей на нашу, и кончая страшными разрушительными снарядами, о которых мы на Земле, к счастью, не имеем представления,— о них я тебе еще расскажу.

Но вот однажды я получил приказ освоить управление ксиллом. Задача оказалась не из легких, и прошло три месяца, прежде чем я с ней справился. В пространстве управлять таким аппаратом не труднее, чем реобом. Самое сложное — это проходить через ахун, и, несмотря на все мои старания, я получил на экзамене только свидетельство второго класса, что примерно соответствует званию капитана каботажного плавания. Тем не менее я научился уходить в ахун и выходить из него более или менее точно, действуя зачастую по интуиции. Но я никогда не залетал дальше Четвертой галактики. Для того чтобы сразу преодолеть по-настоящему большое расстояние, а главное — вернуться, требуются такие математические способности, каких у меня не оказалось. В сущности говоря, я так ничего и не понял в теории ахуна и пользовался ксиллом, подобно многим земным женщинам, которые довольно прилично водят автомашины, абсолютно ничего не понимая в двигателях внутреннего сгорания.

Как ни странно, потом мне было гораздо легче управлять звездолетом синзунов. По словам иссов, да и самих синзунов, звездолет уходит в ахун — по-синзунски «рр'оор» — совершенно по-другому. Иссы даже не уверены, что это тот же самый ахун! Как выяснилось, если ксилл и звездолет вместе уходят в ахун и проводят там одинаковое время, они никогда не «выныривают» в одном и том же районе Вселенной. Расстояние между ними иной раз достигает четверти светового года!

Из этого периода жизни на Элле мне особенно запомнился один вечер. В виде исключения Суилик, Эссина и я остались ночевать в Доме чужестранцев. Мы сидели на пляже, поджидая Ульну и Акейона. Суилик только что официально объявил мне о том, что у них с Эссиной скоро свадьба, на которой я должен буду играть роль «защитника невесты» стеенсетана. Ульна почему-то пришла одна и села рядом со мной. Небо в ту ночь было удивительно ясное, и частые звезды блистали ярче обычного. Суилик вздумал меня экзаменовать, и мне пришлось показать ему красновато-желтый Ориабор, красный Шессин-Сиафан и голубоватую Бероэ из созвездия Сиссантор.

— А ну-ка, скажи, не глядя, какая звезда сейчас сияет ярко-синим

светом позади тебя примерно на тридцать градусов над горизонтом? — спросил Суилик.

— Кальвенольт!— ответил я с торжеством и обернулся, чтобы проверить свой ответ.

— По правде говоря,— прибавил я,— этот Кальвенольт не такой уж яркий и не такой уж синий.

— О, это зависит от его высоты над горизонтом,— отозвался Суилик, не поворачивая головы.— Однажды я был на одной из его планет. Она прекрасна, но, увы, необитаема.

Тут подошел Акейон с синзунами, и мы заговорили о другом.

С тех пор я часто думал о том, что, в сущности, я был первым, кто заметил изменения в спектре Кальвенольта. Для иссов это была давно знакомая звезда, расположенная в каких-нибудь шести световых годах от Эллы, поэтому астрономы, а тем более простые граждане не слишком жаловали ее вниманием.

Свадьба Суилика состоялась примерно через два эллийских месяца после этого вечера. На Элле существует два типа свадебных церемоний. Самый простой заключается в том, что жених и невеста приходят к официальному лицу и объявляют о вступлении в брак. Другой, гораздо более сложный, совершается по древним обычаям. Суилику пришлось избрать второй вариант, потому что он женился на дочери Великого распорядителя мистических церемоний, иными словами, главного жреца.

Так как мне предстояло играть роль стеен-сетана, двое молодых жрецов явились ко мне за неделю до церемонии, чтобы научить меня всем обрядам. Некогда, в эпоху доисторических войн, нередко бывало, что свадебные торжества между молодыми людьми из разных кланов прерывались нападением юношей из клана невесты, не желавших ее отпускать. Поэтому жених выбирал из родни невесты или из какого-нибудь другого рода, но только не из своего, защитника, стеен-сетана, который должен был охранять молодоженов три дня, пока не завершится свадебная церемония. Этот стеен-сетан чаще всего был прославленным воином, или влиятельным вождем, или жрецом. Разумеется, сейчас не могло быть и речи о вооруженном нападении, но все же веселящие свадебные напитки оказывали свое действие и свадьбы иной раз заканчивались потасовкой. Кроме того, похищение невесты хотя бы на одну минуту как бы аннулировало весь обряд, и тогда свадьбу приходилось начинать сначала. Суилик выбрал меня, как друга, и в то же время надеялся на мою физическую силу землянина. Делать было нечего — я начал набирать среди родственников Эссины одиннадцать помощников, на которых имел право. Можешь быть уверен, я подобрал молодца к молодцу!

Первая церемония, сугубо частная, состоялась в доме Эссины. На ней присутствовали только члены семьи, жрецы, да я в качестве стеен-сетана. Обряд был прост: длинные молитвы, во время которых Суилик откровенно скучал, хотя Эссина и все остальные были по-настоящему серьезны, несколько древних гимнов без резких падений и взлетов, типичных для современной музыки иссов,— и все. Потом в чаще зажгли зеленый огонь — огонь цвета исской крови!— который должен был гореть все три дня.

На второй день жених и невеста поклялись малой клятвой: они обещали друг другу защиту и помощь — о верности не было речи, потому что это разумелось само собой. Потом состоялся малый банкет только для близких друзей. Лишь на третий день мне пришлось отрешиться от благодушной роли праздного наблюдателя.

Этот день начался с клятвы звездам: супруги поклялись воспитать своих детей в любви к Свету и в ненависти к порождению Ночи и Холода. Затем последовали пятичасовой перерыв для молитвы и, наконец, большой пир.

Столы были накрыты в местном Свадебном доме. Собралось более четырехсот человек. Пришли все сотрудники научных лабораторий и даже несколько мудрецов — великая честь, оказанная Суилику за его заслуги и за то, что он открыл человечество с красной кровью. Среди них был и Ассза; мимоходом он сказал мне, что мислик погиб. Пришла целая делегация от капитанов ксиллов во главе с помощником «адмирала», двадцать семь синзунов, среди которых, разумеется, были Ульна и ее брат, и еще множество иссов, знакомых и незнакомых. С удивлением я увидел слева от Эссины молодую р'бенку с голубовато-серой кожей. Оказалось, что она родилась на Рессане, была университетской подругой Эссины и носила нежное имя Бейшитинсианторепансерозет. Уф!

Меня с моими одиннадцатью помощниками поместили за отдельным столом возле единственного входа в зал. Воспользовавшись своей привилегией, я пригласил к нам Ульну и ее брата.

Блюда следовали одно за другим, все в виде желе разных цветов и далеко не одинакового качества: одни были восхитительны, другие — терпимы, а третьи — откровенно невкусны. Напитков тоже было много, все с небольшим содержанием алкоголя и, на мой вкус, довольно посредственные. К концу ужина Церан, капитан-лейтенант флота ксиллов, преподнес Суилику знаменитый абен-торн кренов с планеты Мара. О, если бы ты видел лицо Суилика! И тем не менее ему пришлось выпить этот напиток, от которого его мутило. Из любопытства я тоже его попробовал и был приятно удивлен: этот абен-торн похож на старое виски самого лучшего качества! Ульне и ее брату он тоже пришелся по вкусу, и мы втроем прикончили бутылку на глазах ошеломленных иссов.

Как бывает на всех эллийских вечерах, в зале царило самое непринужденное веселье. В качестве стеен-сетана мне просто нечего было делать, и я уже думал, что моя миссия окончена, когда послышался какой-то шум. Ассза, у которого было срочное дело в Доме мудрецов, ушел раньше, дверь оставалась неприкрытой, и снаружи отчетливо доносились нестройные выкрики. Я сразу поднялся, построил своих соратников. Десятка три молодых иссов подходили к дверям, распевая древнюю боевую песню. Согласно обычаю, они хотели силой ворваться в зал и похитить невесту. Моя задача заключалась в том, чтобы любой ценой задержать их на полбазика.

Схватка была жаркой! Нападающие ринулись на нас очертя голову. Мы встретили их градом тумаков, и тут я показал, на что способны земляне! Давненько я не участвовал в таких свалках, еще со студенческих времен, когда играл в регби. «Битва» продолжалась уже четверть базика с переменным успехом, однако «противнику» никак не удавалось проникнуть в зал. И вдруг над головами нападающих я увидел реоб, пикирующий со страшной скоростью. Из кабины выскочил исс, которого я сразу узнал по гигантскому росту: это был Ассза. Он бежал к нам и что-то кричал, но из-за общего шума ничего не было слышно, а передавать мысли он не мог, потому что был слишком далеко. Расшвыривая всех, я бросился к нему навстречу, повторяя: «Да замолчите же, замолчите!» На секунду крики стихли, и я услышал:

— Кальвенольт гаснет! Кальвенольт гаснет!

Глава III

НЕ ВЕРНЕТСЯ ПОЧТИ НИКТО

Мертвая тишина внезапно обрушилась на нас. Все сразу поняли смысл этих слов. Со времен Валтасара, узревшего на стене огненную надпись «мене, текел, фарес», которая пророчила ему гибель, более страшные слова еще не поражали пирующих.

Ассза наскоро объяснил: на банкете ему передали записку от Аззлема с просьбой немедленно явиться в Дом мудрецов. Там Аззлем показал ему спектрограммы, полученные из центральной обсерватории на горе Арана. Для астрофизика картина была совершенно ясна: спектр Кальвенольта приближался к зловещему спектру проклятых галактик. Так как со Свадебным домом не было телевизионной связи, Ассза тотчас сел в свой реоб и поспешил к нам.

Суилик встал. Он медленно приблизился к нам.

— Насколько я понимаю, мислики уже на планетах Кальвенольта,— сказал он. Потом сморщился и пробормотал:— Пять световых лет. Всего пять!

— Да будет немеркнущий Первозданный Свет защитой Иалтару!— добавила Эссина.

Все молчали. Я видел вокруг бледные лица гостей.

— Но, должно быть, они там появились недавно,— сказал я.— Всего три года назад Суилик был на Риссмане и ничего не заметил.

— Я был только на Риссмане,— возразил он,— а не на Эрфене и Снопе, не на Шестой и Седьмой планетах. А мислики наверняка на Шестой и Седьмой. Остальные для них слишком горячи, по крайней мере сейчас...

Снова воцарилась тишина, затем заговорил Ассза:

— Как бы там ни было, обсуждать это здесь не место. Пусть землянин пойдет со мной. Остальные, те, кто занимает официальные посты, должны быть на местах этим же вечером. Однако непосредственная опасность Иалтару еще не угрожает. У нас есть колонии на всех наших планетах, даже на самых холодных, а воздействовать на наше солнце с Кальвенольта мислики не могут. Суилик и Эссина, пусть эта ночь останется вашей ночью. Вы присоединитесь к нам завтра в полдень.

Мы вышли вместе с синзунами. В реобе Ассза заговорил откровеннее: не только Кальвенольт поражен насмерть — угрожающие признаки замечены также в спектрах Эл-Тоэа и Асселора. Завтра мудрецы с согласия административных правительств Марса, Рессана и Совета союза человеческих миров объявят военное положение. Ситуация ясна: мислики вторглись в Первую галактику.

Когда мы уже приближались к Дому мудрецов, над полуостровом Эссантем нам встретилась целая эскадра ксиллов: сто аппаратов в плотном строю быстро набирали высоту. Странно было смотреть, как эти сверкающие чечевицы, один десяток за другим, взмывают ввысь, исчезая в синеве неба.

— Разведка на Кальвенольт,— объяснил Ассза.— Первый отряд. А сколько их возвратится? Мы не знаем, где мислики, на планетах или в межпланетном пространстве. Из тех, кто их обнаружит, не вернется почти никто.

Помолчав, он добавил:

— Суилик разгневается. Этой эскадрой должен был командовать он.

— А что мне делать?— спросил я.

— Ты полетишь со второй эскадрой в ксилле со смешанным экипажем из синзунов и иссов.

Когда мы опустились рядом со звездолетом, я увидел, что входная лестница поднята, все знамена убраны, люки задраены: чудовищный корабль изготовился к бою.

Мы прошли прямо в зал Совета. Пленарное заседание уже началось. Девятнадцать мудрецов сидели в первом ряду, остальные — позади них в амфитеатре. Мне указали место во втором ряду возле представителей синзунов. Говорить, в сущности, было не о чем: вопрос о войне или мире был уже решен. У иссов не оставалось выбора, они должны были изгнать мисликов любой ценой. Потом они сделают попытку перейти в наступление и на проклятые галактики. Использовать звездолет синзунов было пока невозможно: Кальвенольт находился слишком далеко, чтобы лететь к нему сквозь Пространство, и слишком близко, чтобы синзуны с их техникой рискнули устремиться черех ахун. Решено было, что часть синзунов займет место в ксиллах, а остальные вернутся на Арбор за подкреплением.

Звездолет улетел на заре, оставив на Элле пятьдесят синзунов, в том числе Ульну и Акейона. В полдень прибыли Эссина и Суилик, и мы все вместе полетели на остров Аниасц, где сосредоточивалась вторая эскадра. Лететь до него пришлось девять часов: Аниасц находился в другом полушарии Эллы.

Вторая эскадра состояла из ста семидесяти двух ксиллов разных типов, от легких, вроде того, что доставил меня с Земли, до громадных тяжелых, диаметром более ста пятидесяти метров, с экипажем в шестьдесят иссов и могучим вооружением. Некоторое время мы бродили среди всех этих аппаратов, пока Суилик не указал на ксилл средних размеров.

— А вот и наш флагманский корабль!— произнес он шутливо, но не без гордости.

Это был странный корабль со странным экипажем, состоявшим из Суилика, командира эскадры, Снезина, штурмана, и еще десяти иссов; кроме того, была «десантная группа»: Ульна, Акейон, молодой физик-синзун Херанг и я сам. И, наконец, к моему удивлению, два р'бена, которые должны были испытать разработанное ими в лабораториях Рессана нетермическое оружие: уже знакомая мне Бейшитинсианторепансерозет и ее друг Сеферантозинансерозет. С общего согласия мы решительно усекли эти слишком длинные имена и в дальнейшем звали их просто Бейшит и Сефер.

Шли дни. Под руководством иссов мы тренировались, осваивая их оружие и управление ксиллами. Херанг, Ульна и Акейон, уже знакомые с прохождением через ахун по методу синзунов, довольно быстро освоили ксиллы и перегнали меня. Точно так же, естественно, они много лучше меня знали синзунское вооружение, но зато я в совершенстве знал оружие иссов. Что касается нового оружия, изобретенного р'бенами, мы не имели возможности его испытать, потому что оно оказывало действие только на мисликов.

На шестой день нас всех вызвали в Дом мудрецов. Мы прибыли туда на ксилле почти мгновенно. Разведчики вернулись: сорок два ксилла из ста двух. Ассза оказался прав: потери были огромные. Кальвенольт почти угас, но сияние его еще доходило до Эллы и казалось таким же ярким, с чуть заметной краснинкой, хотя звезда умерла пять лет назад. Суилик содрогнулся, узнав, что мислики уже два года делали свое страшное дело на Седьмой и Шестой планетах, когда он беспечно высадился на Риссмане. Теперь эти замороженные планеты кишели мисликами. И точно так

же как на планетах звезды Склин, они воздвигали там чудовищные металлические пилоны. Застать их врасплох было невозможно, потому что мислики, разбившись на девятки, патрулировали в межпланетном пространстве. Ксиллам разведывательного отряда удалось разбомбить пилоны на Шестой планете, но подойти к Седьмой они не смогли. Итак, в нашу задачу входило: достичь Седьмой планеты, высадиться — это относилось к синзунам и ко мне, землянину,— постараться разрушить таинственные пилоны и, если удастся, возвратиться на Эллу. Чтобы хоть в какой-то мере уберечь нас от ударов пикирующих мисликов, иссы соорудили для нас бронированные машины.

Я бы покривил душой, сказав, что подобная программа привела меня в восторг. Я заранее холодел от ужаса при мысли, что мне придется высаживаться на неизвестной планете и сражаться с непостижимыми неведомыми существами. Но отступать было поздно. Я был гостем иссов, они меня считали своим и открыли мне немало секретов. И, наконец, я был нечувствителен к излучениям мисликов. Не мог же я стоять в стороне, когда Эссина и Суилик согласились без колебаний, хотя им те же самые излучения несли смерть! Кроме того, защищая Иалтар, я защищал и наше Солнце, защищал жизнь своего человечества. Поэтому я согласился.

Мы вылетели утром на следующий день. Переход через ахун был предельно коротким; почти сразу мы вынырнули в Пространство близ орбиты Риссмана, третьей планеты Кальвенольта.

Пожалуйста, не думай, что планеты есть у каждой звезды. В действительности звезды со спутниками встречаются довольно редко. Если верить иссам, планеты имеются лишь у одной звезды из ста девяноста. И лишь две такие планеты из десяти — если брать среднее число — пригодны для жизни. Наконец, всего одна из тысячи планет, опять же в среднем, населена существами, которые могут быть названы людьми. Риссман относился к разряду планет, пригодных для жизни, но необитаемых: фауна его соответствовала примерно кембрийскому периоду в истории Земли.

Все силы ударной эскадры сосредоточивались на Риссмане. По величине эта планета занимала среднее место между Землей и нашим Марсом. До нашествия мисликов ее озаряло ослепительное синее солнце, по словам Суилика, одно из самых прекрасных в Первой галактике. Но теперь Кальвенольт поднимался над горизонтом, как зловещий, окровавленный глаз. Почва была покрыта снегом и «сухим» льдом. Температура снизилась до минус ста градусов. Все живое погибло, может быть за исключением глубоководных, укрывшихся на дне замерзших океанов.

Наш лагерь был таким страшным и неприветливым, что я не берусь его описать. Но все же попробуй представить себе бескрайнюю угрюмую равнину, сумеречное красно-лиловое небо, мягкие, смутные сугробы на холмах, а между ними утонувшие в снегу чечевицы ксиллов, темные и сверкающие, и крохотные фигурки в скафандрах, с трудом передвигающиеся от аппарата к аппарату. Кальвенольт устало опускался за плоский горизонт, и свет его тянулся к нам по ледяному полю, как окровавленные пальцы. Жалкое, беспомощное создание, затерянное в безграничной Вселенной, я почувствовал, как далеко от меня Земля, я ощутил вдруг все миллиарды и миллиарды километров, отделявшие меня от родной планеты. Мне показалось, что время остановилось, что настал конец света. Даже иссы были для меня в тот момент чужими, существами иного мира, ничем не связанного с нашим. Наверное, Ульна чувствовала то же самое: я видел, как она побледнела и задрожала. Акейон и другие синзуны с непроницаемыми лицами, неподвижно, молча сидели перед экраном.

Я слышал, как Суилик в кабине управления, в сеалле, отдает приказы. Голос его был спокоен и холоден, но чуть-чуть дрожал, что у иссов служит признаком крайнего волнения. Еще бы! Такую важную миссию ему доверили впервые. Он знал, что вряд ли вернется на Эллу, но все равно был рад, что именно ему поручили возглавить ударную группу, ему, молодому открывателю планет.

Я уселся в кресло, перебирая в памяти все, что знал об оружии, которое мне вскоре предстояло пустить в ход против мисликов, и об управлении сахьенами, бронированными машинами, которые должны были защитить нас от мисликов. Ульна тронула меня за плечо.

— Ты не хочешь погулять по Риссману?— спросила она по-исски.— Суилик сказал, что мы здесь пробудем целый базик.

Ее певучее произношение даже исские слова делало необыкновенно мелодичными. Она склонилась ко мне, и смугло-золотистое лицо ее со спадающими по сторонам белокурыми волосами показалось мне таким земным среди зеленых лиц иссов, что я был потрясен. Почувствовав мою растерянность, Ульна улыбнулась чудесной улыбкой синзунок, которую ты сейчас видишь на ее губах.

— Хорошо,— сказал я.— Пойдем.

— Смотри не задерживайся!— крикнул мне Суилик.— Скоро полетим. Ах, если бы ты мог видеть Риссман раньше!.. Но теперь все кончено. Таким ты его уже не увидишь,— добавил он тише.

Мы немногое успели сказать друг другу во время той прогулки между ксиллами по обледеневшей почве Риссмана. И все-таки именно с этого момента между мной и Ульной возникло чувство близости. А сблизиться с синзунами совсем не просто. Их гордая сдержанность не имеет ничего общего с довольно равнодушной любезностью большинства иссов. Но если уж они дарят кому-нибудь свое сердце, то это навсегда. На обратном пути Ульна поскользнулась и упала. Я бросился к ней, поднял ее и почувствовал под скафандром сильное гибкое тело, увидел ее глаза, устремленные прямо в мои глаза. В то мгновение я впервые понял, что, несмотря на миллионы световых лет, разделяющих наши планеты, Ульна мне ближе и дороже всех дочерей человеческих, которых я встречал на Земле.

Во входном отсеке, когда мы сняли скафандры, Ульна быстро и легко провела рукой по моей щеке и ускользнула за дверь.

Я пошел в кабину управления, сеалл. Там сидел Суилик в окружении Эссины, Акейона, Бейшит и Снезина.

— Задача такова,— заговорил Суилик.— Мы уйдем в ахун и вынырнем над самой поверхностью Седьмой. Нас будут сопровождать двадцать пять ксиллов со смешанной командой. Остальные атакуют мисликов и создадут на планете теплую зону, где мы сможем опуститься. Семь больших ксиллов доставят сахьены, на которых пойдут синзуны и землянин. Мы сразу же взлетим, потому что не можем долго выносить излучения мисликов и поддерживать высокую температуру в этой зоне. Постараемся оказать вам помощь сверху массированной бомбардировкой. Вы в это время попытайтесь добраться до пилонов и разрушить их, предварительно разведав, что это такое. Всего у вас будет двенадцать сахьенов. Командиром назначен ты, Акейон. Потом мы спустимся за вами во второй теплой зоне.

Резким движением Суилик отключил связь с остальными ксиллами.

— Ваш сахьен — единственный выкрашенный в красный цвет. У меня есть строжайший приказ Совета во что бы то ни стало доставить

вас целыми и невредимыми обратно на Эллу. Что касается остальных — сделаем, что сможем.

Снова включив общую связь, Суилик начал отдавать приказания эскадре. Первое звено ксиллов взлетело в сумеречное красноватое небо. Мы последовали за ним десять минут спустя.

Суилик тщательно регулировал сложный аппарат.

— Наш переход через ахун на этот раз будет таким кратким, что я просто не успею совершить маневр: у нас недостаточно быстрая реакция. Эта сделает за меня автомат. Надеюсь, он сработает точно, иначе, если мы вынырнем под поверхностью планеты... Держитесь крепче. Включаю!

Далеко внизу под нами я видел на нижнем экране мертвую, голую равнину Риссмана. Вошла Ульна и села рядом со мной. Я вцепился в ручки кресла. На мгновение экран померк, потом снова осветился, и мы увидели самую фантастическую картину, какую только можно вообразить.

Мы летели над плоскогорьем, окруженным черными хребтами. Была почти непроницаемая темнота: лишь над самым горизонтом горел темный рубин — Кальвенольт. Примерно каждые десять секунд внизу возникали ослепительные вспышки и резкие черные тени ложились на местность: термические бомбы сыпались градом, создавая теплую зону. Суилик отдавал в микрофон короткие приказы. Новые чудовищные взрывы далеко за горизонтом озарили небо, на фоне которого проступили дрожащие силуэты неведомых гор. Идиотская фраза назойливо вертелась у меня в голове: «Наш специальный корреспондент сообщает с космического фронта...»

Суилик обернулся:

— Слэр, скорее в скафандр! Синзуны тоже! Мы садимся!

Когда я проходил мимо него, он вскочил и, в редком для иссов порыве, коротко поцеловал меня в висок.

— Бейся храбро за наш Иалтар и за свое Солнце!

Эссина махнула мне рукой. Через минуту я был в выходном отсеке, где уже облачались в скафандры Ульна, Акейон и Херанг.

— Мы на поверхности!— прозвучал в моем шлеме голос Суилика.— Выходите. Ваш сахьен стоит слева.

С тепловыми пистолетами в руках мы вышли из ксилла. Вся поверхность вокруг была усеяна телами мисликов, расплющенными и оплавленными. Похожий на огромный танк сахьен ожидал нас. Незнакомый исс открыл нам дверцу, мы сели в машину, однако из предосторожности остались в скафандрах. Наш позывной был «арта»— слово, которого нет в исском языке, чтобы его не спутали с другими позывными.

— Арта, арта, арта!— загремел голос Суилика.— Освободите зону! Мы должны взлететь! Вокруг самое малое на четыре брунна нет ни одного живого мислика. Пилоны находятся в двадцати пяти брунах к западу — северо-западу от вас. Мы вас будем наводить. Говорит «Париж». Прием.

Шутки ради я попросил Суилика сделать своим позывным сигналом «Париж».

— Говорит «Арта». Вас поняли. Отправляемся,— ответил Акейон.

Затем он быстро отдал по-синзунски приказ экипажам остальных сахьенов. Я включил мотор, и мы тронулись.

Управлять сахьеном было проще простого: повороты осуществлялись с помощью обычного руля, скорость регулировалась одной педалью, рычаг реверса позволял давать задний ход. Ульна сидела рядом со мной, положив руки на клавиатуру, управляющую передними орудиями. На экране перед нами отражалось все, что возникало впереди, угол обзора

охватывал 180°. Сидя к нам спиной, Херанг на таком же экране видел все, что происходило сзади. В середине со своего командного пункта Акейон следил за обоими экранами и в любой момент мог связаться с остальными сахьенами или ксиллами. Кроме того, он управлял оружием р'бенов, действия которого мы еще не знали.

Минут пять мы ехали довольно быстро без всяких происшествий. Гусеницы сахьена дробили замороженную почву безымянной планеты, иногда проскальзывая по отвердевшему воздуху. Горизонт впереди попрежнему озарялся вспышками взрывов, совершенно бесшумных в этом мире, лишенном атмосферы. Лишь иногда мы ощущали их как легкие подземные толчки. Время от времени по небу словно тени скользили ксиллы, похожие то на вытянутый овал, то на круг в зависимости от их положения. Ксиллы мчались совсем низко и с чудовищной скоростью.

Затем появились мислики. Сначала мы заметили в черной трещине неясный металлический блеск. Сахьен слева от нас выстрелил, и вспышка теплового снаряда озарила панцири, скользившие нам навстречу. Ни один мислик даже не попытался взлететь. Мы обогнули стороной глыбы оплавленного металла, окруженные фиолетовыми язычками: немногие уцелевшие мислики излучали, но без всяких результатов.

Мы пересекли равнину, беспрестанно расчищая себе дорогу, и преодолели узкий каньон, истратив дюжину снарядов. Остальные сахьены защищали нам тыл и фланги, уничтожая мисликов, затаившихся во всех щелях. Лишь когда мы оказались посреди обширного цирка, окруженного черными скалами, мислики изменили тактику. Теперь они обрушивались на машины с утесов. Два сахьена были продавлены и расплющены за три минуты, прежде чем мы нашли способ отражать атаку сверху при помощи термических лучей в комбинации с мощными гравитационными полями. Лучи убивали мисликов на лету, а утроенная сила притяжения заставляла их падать на то же место, откуда они взлетели. Одновременно все сахьены засыпали термическими снарядами гребни скал.

Через второй каньон мы снова выскочили на равнину. Вдали на фоне пылающего неба вырисовывались резкие силуэты пилонов. Они вздымались на невероятную высоту: взрывы освещали только их подножие! Постепенно мы приближались, но это был страшный путь: мы потеряли еще три сахьена, уничтожив по крайней мере пять тысяч мисликов. Чем ближе мы подходили к пилонам, тем фантастичнее становилось зрелище: ксиллы сбрасывали бомбу за бомбой, вспышки следовали за вспышками почти непрерывно, вокруг было светло, как днем. Из-за выделившегося тепла замерзшие газы начали испаряться, и временами казалось, что вокруг мертвой планеты снова возникает нечто вроде атмосферы. Этот туман из газов настолько искажал перспективу, что определить расстояние порой было почти невозможно. Мы проехали мимо обломков большого ксилла, раздавленного и развороченного; мертвый исс висел на искореженной переборке.

Дальше живые мислики перестали встречаться. Внешний термометр показывал всего минус десять градусов, что намного превосходило сопротивляемость мисликов. Акейон сообщил об этом Суилику. С радостью услышал я, как тот ответил:

— Хорошо. Мы прекращаем бомбардировку вокруг пилонов. Пусть ваши люди выйдут из машин и постараются разобраться в сооружениях мисликов. Мы сможем прикрывать вас еще базик. После этого вы должны сосредоточиться восточнее пилонов. Мы за вами спустимся.

— Спроси его, как там дела наверху,— сказал я Акейону..

— Неплохо,— ответил Суилик.— Но у нас более сорока процентов потерь. До скорого свидания.

Я остановил сахьен у подножия пилона. Вскоре подошли остальные шесть машин. Металлическое кружево пилона вздымалось на невероятную высоту, исчезая в бездне черного неба. Херанг и остальные синзуны вышли из сахьенов. Я тоже сошел, приказав Ульне и ее брату оставаться в машине. Сжимая пистолет, я двинулся было к пилону — и остановился: мертвый исс лежал здесь, все еще сжимая оружие, в кольце застывших навсегда мисликов. Я приблизился. Из прозрачного шлема на меня смотрело знакомое лицо: это был тот самый начальник стражи, студент, остановивший меня и Ссзана возле звездолета в тот вечер, когда синзуны только что прилетели. Его первое космическое путешествие стало последним. Чуть поодаль, у холма, почти на ребре стоял помятый ксилл с продырявленной броней.

Кроме пилонов, вокруг не было ничего: ни дорог, ни построек, ни малейших признаков разумной жизни. Я приблизился к подножию пилона: оно состояло из тысяч метровых мисликов, сплавленных в единую массу. И все это гигантское сооружение, насколько доставал луч моей лампы, оказалось скопищем мисликов. Я отчетливо различал геометрически строгие формы их панцирей. Значит, никакой «Машины, гасящей звезды» вообще не было! Или, вернее, она представляла собой все тех же проклятых мисликов, чья таинственная энергия, сконцентрированная в один пучок, была способна замедлять атомные процессы звезд. Физикам синзунов здесь нечего было делать, да и всем нам, всем существам из плоти и крови, тоже.

Вокруг в радиусе нескольких километров бомбы продолжали сыпаться градом, отодвигая тьму. Временно возникшая разрежённая атмосфера передавала глухой рокот взрывов, и почва вздрагивала под моими металлическими подошвами. Время истекало. Я приказал синзунам вернуться в сахьены и сам пошел к своей машине. Не знаю, что заставило меня поднять по дороге и взять с собой труп молодого исса. Наверное, мне была просто невыносима мысль, что этот юноша, с которым я недавно говорил, навсегда останется здесь, на неведомой, чужой планете, среди порождений Холода и Мрака.

Нам нужно было проехать всего с километр. К востоку от последнего, третьего пилона мы остановились и образовали тесный круг, готовые отразить мисликов, если те вернутся. Но они не вернулись. Несколько мгновений спустя неподалеку опустился первый большой ксилл, за ним другие и, наконец, наш флагман. Суилик ожидал нас вместе с двумя р'бенами. Увидев Бейшит, я почувствовал смущение: ведь мы так и не использовали новое оружие! Бейшит рассмеялась,— ее смех был гораздо больше похож на человеческий, чем посвистывание иссов.

— Зато мы его использовали!— объяснила она.— И, кажется, удачно. Вы попробуйте в следующий раз, когда...

— Готово?— прервал ее Суилик.— Взлетаем!

Планета, черная масса, где все еще мерцали синие или красные точки последних взрывов, словно провалилась вниз. Время от времени наш ксилл окутывался фиолетовым сиянием термических лучей: то и дело попадались рои мисликов, похожих на пчел из растревоженного улья, но они не представляли опасности, потому что их было сравнительно немного. Суилик вызывал поочередно всех капитанов уцелевших ксиллов: всего их осталось девяносто два из ста семидесяти двух. Сосредоточившись, эскадра иссов повисла на высоте ста километров.

Херанг доложил о результатах осмотра пилонов.

— Не думаю, чтобы теперь имело смысл разрушать эти пилоны,— проговорил Суилик.— Очевидно, они опасны только до тех пор, пока составляющие их мислики живы. Но кто знает? Смотрите хорошенько! Сейчас вы увидите зрелище, какого не видел никто со времен последней войны на Элле-Вен,— взрыв инфраатомной бомбы. Включай, Эссина!

Она нажала кнопку. Прошло несколько секунд. Далеко под нами быстро падала светящаяся точка, пока не растаяла в темноте. И вдруг над безымянной планетой загорелась звезда. Мгновенно превратилась она в чудовищную вспышку нестерпимого ярко-фиолетового пламени, которое все росло, ширилось, становилось синим, зеленым, желтым и, наконец, разразилось багровым ураганом. Вспышка озарила пространство километров на двести во все стороны от центра взрыва. Стали отчетливо видны равнины, горы и ущелья, черные трещины на серебристой замороженной почве. Потом все исчезло. Еще некоторое время было видно светящееся газовое облако, но скоро и оно рассеялось в пустоте.

— Можно уходить в ахун,— сказал Суилик.

Часть IV

ЦАРСТВО МРАКА

Глава I

ПРОКЛЯТАЯ ГАЛАКТИКА

Мы вернулись благополучно. Уже вечерело, когда Суилик посадил свой ксилл на нижней террасе Дома мудрецов. Далеко в небе растаяли темные пятна остальных ксиллов, направлявшихся к острову Аниасц. Мы вышли. Внезапно я почувствовал, что у меня не осталось ни сил, ни воли, ничего, кроме непреодолимого желания лечь и уснуть. Да и товарищам моим было не лучше. Прислонившись спиной к лиловому стволу дерева, я рассеянно блуждал взглядом по сумеречным окрестностям, слишком измученный, чтобы о чем-то говорить. Я не испытывал даже радости!

— Эссина, отведи Ульну в Дом чужестранцев и ложитесь обе спать,— приказал Суилик.— Слэр, Акейон и Херанг, вы пойдете со мной. Мы должны дать отчет мудрецам.

— Неужели нельзя подождать до завтра?— взмолился я.

— Нет. Каждая потерянная минута может означать гибель еще одного солнца. Успеешь отдохнуть потом.

По Лестнице человечеств я поднимался как во сне и даже не взглянул на собственную статую. Затем я, видимо, впал в полуобморочное состояние. Я только чувствовал, как меня несут, и пришел в себя от сияния фиолетовых ламп. Рядом со мной, на том же возвышении, лежали два синзуна и сам Суилик. Наши нервы сдали, и мы потеряли сознание один за другим, когда находились уже в вестибюле.

Силы возвращались ко мне вначале медленно, потом все быстрее и быстрее. Вскоре мы смогли подняться и рассказать Аззлему и Ассэе о ходе сражения. Но я испытал огромное облегчение, когда смог наконец вытянуться на своей постели в Доме чужестранцев. Разумеется, в эту ночь «тот, кто дает сон» мне не понадобился.

Иалтар стоял уже высоко в небе, когда я проснулся. Окно было раскрыто настежь, день сиял, и мне даже показалось, что я слышу, как поет птица, хотя на Элле вообще нет птиц. Но пение становилось все громче, все ближе! Я вскочил, подбежал к окну: внизу стояла Ульна и посвистывала, подражая щебету экантона, чудесной летающей ящерки с Арбора. Рядом стояла Эссина.

— Мы пришли тебя будить,— сказала она.— Тебя ждет Аззлем.

Я нашел его в лаборатории: вместе с Ассэой они стояли у аппарата, воспроизводящего излучения мисликов. Напротив в металлическом кресле сидела юная стройная исска, вызвавшаяся добровольно подвергнуться ослабленному облучению.

— Мы приближаемся к цели,— сказал Аззлем.— Может быть, скоро и мы, иссы, будем так же неуязвимы, как вы, земляне и синзуны. После инъекции бсина, твоего бсина, Слэр, моя дочь Сенати два базика выдерживает излучение, которое прежде было для нее почти смертельно. К сожалению, стоит дать тройную дозу излучения, как защитный иммунитет перестает действовать. Однако я звал тебя не для того, чтобы это сообщить. Ты спас тело Миссана, единственное привезенное на Эллу. Остальные будут лежать непогребенными на проклятой планете, до тех пор пока мы не сможем прогнать оттуда мисликов. Миссан был сыном моего друга Стенсасса, погибшего где-то в Пространстве вместе со своим ксиллом еще до твоего появления. По нашим древним обычаям, тот, кто вынес тело исса, павшего в бою, становится сыном родителей убитого и братом его братьев. Отныне ты можешь по праву говорить: «Мы, иссы...» — и никто не будет над тобой смеяться. У тебя необычная судьба, землянин! Теперь ты одновременно землянин, синзун и исс, сын трех планет. Иди, тебе надо присутствовать на похоронах твоего брата и войти в дом, который отныне твой. Эссина тебя проводит.

— А где Суилик?— спросил я.

— Он улетел к Кальвенольту во главе тысячи ксиллов. Высаживаться они не будут, поэтому синзуны ему не понадобятся. Не беспокойся, они только сбросят бомбы с большой высоты.

Я полетел на реобе вместе с Эссиной и Ульной. По пути я узнал, что Миссан был необычайно способным молодым студентом, которого Аззлем старался держать вдали от всех превратностей войны. Но закон иссов непреложен: в случае опасности никто не имеет права отвергать добровольца, а Миссан пошел добровольно. У него не было ни отца, ни матери, одна только старшая сестра Ассила, инженер на крупной продовольственной фабрике.

Ассила жила на острове Брессие, в шестистах бруннах от Дома мудрецов,— кстати, я забыл тебе сказать, что на Элле нет материков, только многочисленные острова, от крошечных до огромных, величиной чуть ли не с Австралию. Небольшой красный дом Ассилы стоял на холме, фасадом к морю.

Эссина представила мне мою «сестру», юную девушку со светло-зеленой кожей и необычными глазами, не серыми, как у большинства иссов, а буквально изумрудными. Встретила она меня, словно я действительно был ее братом, сложив ладони чашей на уровне рта; это приветствие употребляется только среди членов одной семьи.

Похороны иссов поражают простотой. Тело Миссана положили на металлическую платформу перед домом под открытым небом. Жрец прочел короткую молитву. Затем, по подсказке Эссины, я взял Ассилу за руку, мы подошли к платформе и вместе нажали на маленький рычажок. Все отступили. Последовала сверкающая вспышка. Платформа была пуста.

— Где Миссан?— спросил жрец, обращаясь к собравшимся.

— Ушел к Свету,— ответили они.

И это было все.

Согласно обычаям, я провел в доме Миссана пять дней: Ульна и Эссина улетели в тот же вечер, и я остался один с Ассилой. Хотя она и сохраняла присущую иссам невозмутимость, я чувствовал, что она страдает, но ничем не мог ее утешить: слишком плохо я знал историю, обряды и внутреннюю жизнь иссов! Только тогда я понял, как поверхностна была моя ассимиляция. Печально бродил я по незнакомому дому, злился на все обычаи мира и чувствовал себя до крайности смущенным и несчастным. Проходили часы, а я все никак не мог решиться пойти спать в отведенную мне комнату, которая отныне по полному праву была моей. В доме царила тишина. Ассила молча сидела в общей зале. Я сел рядом, и так, в безмолвии, мы провели всю ночь. Мне редко приходилось испытывать столь же горькое чувство изолированности и одиночества, как в ту ночь бесконечного бдения на чужой планете рядом с незнакомой девушкой-исской.

Лишь когда рассвело, она заговорила. Без слез, без рыданий, рассказывала она о жизни своего младшего брата, такого талантливого, такого юного — и убитого в первом же бою, когда перед ним открывалось будущее! В борьбе с мисликами уже погибли одиннадцать членов их семьи. Она горько упрекала себя за то, что не полетела с братом, не умерла вместе с ним. Она любила его всей силой души, видела в нем будущего мудреца, одного из тех, кто составляет гордость расы. Она вспомнила о его детских играх, о его успехах в университете, о первой любви, когда он открылся ей, старшей сестре. И от всего этого не осталось ничего, ничего кроме ритуальной фразы: «Ушел к Свету».

Я слушал ее, и все преграды, отделявшие меня от иссов, падали одна за другой. Так могла говорить любая земная женщина. И снова, как тогда, в пещере мислика на острове Санссин, я понял, что боль и страдания одинаковы во всей Вселенной. Я нашел слова утешения, забыв о том, что между Ассилой и мной пролегала пропасть в миллионы световых лет. И это было для меня не последним откровением.

Потом с самообладанием, присущим иссам, она занялась приготовлением завтрака.

Я пробыл с Ассилой еще четыре дня, затем вернулся в Дом чужестранцев на полуострове Эссантем. Но каждый восьмой день я теперь бывал у Ассилы. И постепенно я действительно привык смотреть на ее дом как на родной, а на его хозяйку как на близкую родственницу. До сих пор там, в моей комнате, ждут меня мои книги, заметки и всякая мелочь, которую я накопил на Элле. И я уверен, что время от времени моя сестра Ассила осведомляется у мудрецов, скоро ли я вернусь.

Между тем Седьмая и Шестая планеты были очищены от мисликов. К сожалению, для Кальвенольта это случилось слишком поздно: он продолжал медленно угасать. Первые мислики, появившиеся на ледяной поверхности Эль-Тоэа, были уничтожены вовремя, и этому солнцу ничто не угрожало. Что касается звезды Асселор, то у нее вообще не было планет и спектр ее сам по себе снова стал нормальным, поставив мудрецов еще перед одной загадкой природы.

Наше счастье, что мислики должны для поддержания жизни часто опускаться на какую-нибудь планету. Они неплохо себя чувствуют и в межпланетом пространстве, но могут существовать там всего несколько часов. Каким же образом перелетают они от звезды к звезде, а тем более от галактики к галактике? До сих пор это остается неразгаданной тайной. Все попытки обнаружить их в ахуне оказались тщетными. Некоторые ученые иссов думают, что существует несколько ахунов: иссы пользуются одним, синзуны — другим, мислики — третьим. Я в этом не слишком разбираюсь, но, по-моему, не может быть нескольких «ничто». Мне это кажется бессмыслицей.

Среди мудрецов пошли слухи о каком-то большом начинании. Долгое время я не мог даже узнать, о чем идет речь. Ни Суилик, ни Сзан не были к этому причастны. Из Ассзы нельзя было вытянуть ни слова. Ульна знала не больше меня. Звездолет синзунов вернулся в сопровождении двадцати девяти таких же кораблей; все они базировались на острове Иносс, расположенном довольно близко от Дома мудрецов. На Элле они пробыли недолго и вскоре отправились на Рессан, чтобы высадить там пять тысяч синзунов, ядро новой колонии «Элла-Арбор». На Элле остались только Хелон, Акейон, Ульна и команда «Тсалана». По Закону на Элле могут жить только иссы, поэтому исключение, сделанное для Ульны и ее семьи, было редчайшим. Что касается меня, то подобный вопрос даже не возникал: я считался иссом.

В конце концов тайну открыл сам Аззлем. Речь шла о том, чтобы отправить экспедицию в проклятую галактику, то есть в галактику, полностью захваченную мисликами. Для первого раза была выбрана самая близкая галактика, та, что соседствовала с галактикой кайенов, коренастых гигантов с выпученными глазами.

Я был потрясен. Экспедиция на Седьмую планету казалась мне пределом риска. Но атаковать мисликов в их собственных владениях! Это представлялось чистейшим безумием, особенно после того как Аззлем сказал, что считает целесообразным послать в разведку меня и нескольких синзунов. Несмотря на мой опыт, я все еще боялся ахуна. Правда, с этой точки зрения перелет от галактики кайенов до проклятой галактики был ничуть не сложнее и не опаснее перелета до Седьмой планеты Кальвенольта.

Затем этот проект был, видимо, отвергнут. Во всяком случае, разговоров о нем я больше не слышал. Моя жизнь вернулась в привычное русло: днем я работал в биологической лаборатории, ночевал то у Суилика, то в Доме чужестранцев, а иногда и «у себя». Суилик только что вернулся из новой экспедиции через ахун, но не говорил о ней ни слова. От Эссины я узнал, что он побывал у кайенов, но сам Суилик уверил меня, что эта экспедиция не имеет ничего общего с проектом нападения на мисликов. Долгое время я его видел лишь изредка и с большими перерывами. Он странствовал от одной галактики к другой, но цель его перелетов была окутана тайной. «Тсалан» тоже улетел на Рессан; на Элле из синзунов остались только Ульна и Акейон, которые работали в моей лаборатории.

В «выходные дни» — на Элле обязательны дни отдыха, три раза в эллийский месяц,— я вместе с Ульной и Эссиной знакомился с планетой Элла. Таким образом мне удалось кое-что узнать о сельском хозяйстве и промышленности иссов; до тех пор это как-то ускользало от моего внимания. На полосе шириной до нескольких сот километров по ту и другую сторону от экватора иссы вырастили на островах пояс кустарниковых многолетних растений, достигающих двенадцати метров в высоту. Эти

растения, их семена и стволы, идут на изготовление муки, из которой иссы готовят все свои блюда. Севернее и южнее этой полосы посажены самые разнообразные растения продуктово-промышленного назначения, поставляющие сырье, которое, по мнению иссов, проще брать из естественных источников, чем воспроизводить синтетически. Остальная часть планеты превращена в полудикий заповедник, среди которого расположены заселенные зоны. Большинство промышленных предприятий, за исключением шахт и рудников, сосредоточено в полярных районах. Кроме того, иссы интенсивно используют свои океаны, покрывающие семь десятых планеты. Однажды, во время подводного путешествия, я повидал их водорослевые луга, плантации морских культур и подводные рыбные промыслы.

Они получают энергию главным образом при расщеплении материи. В этом процессе используются даже не частицы атомных ядер, которые мы только сейчас начинаем изучать, а составляющие этих частиц, так называемые инфрануклеоны. Важно отметить, что основным видом энергии является у них отнюдь не электричество, однако определить природу этой энергии мне так же трудно, как нашему дикарю определить природу электричества. А ведь я не раз видел их генераторы и ежедневно пользовался этой энергией во всех видах! Могу только сказать, что генераторы иссов необычайно сложны и довольно громоздки. Вообще иссы — несравненные физики. Даже Берантон, великий ученый синзунов, побывавший на Элле, вынужден был признать, что многие изобретения иссов ему просто непонятны!

К чести иссов следует сказать, что они ни от кого не скрывают своих знаний. Наоборот, для более интенсивного обмена идеями они открыли на Рессане ряд университетов для всех членов Союза человеческих миров. Во время недолгого пребывания на Рессане я сам прослушал лекцию по астрономии, которую читал человек-насекомое из Двенадцатой галактики; многое осталось для меня неясным, но я до сих пор помню превосходные снимки звездного неба и неведомых планет. Лектор, похожий на гигантского жука-богомола, сопровождал свою речь движениями безмерно длинных многосуставчатых рук. Среди его слушателей были почти все типы «людей», представленные на Рессане.

Суилик прекратил наконец свои таинственные путешествия в космос, но мы по-прежнему видели его крайне редко: он целыми днями сидел на закрытых совещаниях Совета. Даже Эссина встречалась с ним не чаще, чем я. Поэтому почти все время я проводил в обществе Ульны и ее брата. Но вот однажды, когда мы работали в лаборатории сравнительной биологии, нас всех троих вызвал Ассэа. Он протянул нам три коротких металлических цилиндра с толстыми рукоятками и сказал:

— Это ваше оружие, усовершенствованные термические пистолеты. По договоренности с Ур-шемоном Совет избрал вас для глубокой разведки в одной из проклятых галактик. Вам дадут специальный ксилл. Суилик проводит вас до планеты Ссвфт звезды Гренсс галактики кайенов. Ему приказано остаться там и ждать вашего возвращения. При случае напомните ему этот приказ. Отлет через восемь дней.

О, эти восемь дней! Они показались мне безмерно длинными и в то же время короткими. Акейон и Ульна приняли как должное, что их, детей Ур-шемона, первыми бросали в бой. Если бы решили по-иному, они сами потребовали бы для себя этой чести. Но при чем тут я, черт возьми! Напрасно я уверял себя, что излучения мисликов для меня практически безвредны, что броня нашего ксилла специально усилена и пробить ее невозможно, что у меня будет самое совершенное оружие и, наконец, что

нас посылают не сражаться, а только на разведку,— все было тщетно: при одной мысли об этом рейде у меня мучительно сжималось сердце. Смутное предчувствие неминуемой катастрофы не оставляло меня. И предчувствие не обмануло. До сих пор не знаю, как я остался жив.

Несмотря на то что я потом подвергался еще большему риску, торпедируя звезды, этот рейд я не согласился бы повторить, даже если бы мне заранее обещали и жизнь, и власть, и славу, и всех самых прекрасных девушек любых планет! Ни за что!

Отлет прошел благополучно. Суилик вместе с Эссиной, еще двумя иссами и р'бенкой Бейшит сопровождал нас на своем старом ксилле «Сессон-Эссин», что означает «Прекрасная Эссина». На куполе нашего ксилла тоже стояла исская надпись, но когда Ульна попросила меня прочитать ее — теперь она довольно бегло говорила по-исски и даже немного по-французски, но читать ни на том, ни на другом языке не могла,— я смутился. Эта надпись была выдумкой Суилика. Обычно ксиллам дают лишь номера, если только капитан сам не захочет присвоить имя своему аппарату. Так вот, Суилик назвал мой ксилл «Ульна-тен Силлон», что означает «Ульна, моя мечта». Выручил меня Акейон, который достаточно хорошо знал исскую письменность. Лукаво улыбаясь, он перевел: «Союз планет».

«Ульна-тен-Силлон» был маленьким трехместным ксиллом, прототипом боевых ксиллов, которые потом пошли в серийное производство. В нем все было сурово, рационально, ничего лишнего — минимум удобств, максимум эффективности. Центральная кабина была заставлена различными пультами управления, связанными с двигателями, оружием и приборами. Во второй кабине висели одна над другой три койки. Остальное пространство внутри аппарата было занято двигателями, запасами продовольствия, воздуха, боеприпасами и выходной камерой. Броня из сверхтвердого сплава, толщиной одиннадцать сантиметров, по словам Суилика, выдерживала удар мислика, развившего скорость до 8000 бруннов в базик, то есть около 4000 километров в час, хотя до сих пор подобной скорости мислики не развивали. Но даже в том случае, если броня не выдержит, оставался еще второй, внутренний слой толщиной семь сантиметров. Учитывая наш иммунитет к излучениям мисликов, мы могли считать себя неуязвимыми.

Оба ксилла одновременно ушли в ахун, чтобы оказаться в одном «пузыре» Пространства, и одновременно вынырнули примерно в миллионе километров от планеты Ссвфт. Это довольно приятная планета средней величины, немного побольше Земли, населенная сотнями миллионов кайенов. Мы опустились в северном ее полушарии, недалеко от города Брбор.

Удивительные существа эти кайены! У них рост до двух с четвертью метров, зеленоватая кожа, лысые круглые черепа, тусклые рачьи глаза, дырка вместо носа и широкий рот, усаженный множеством необычайно мелких зубов. Несмотря на длинные тонкие руки и ноги, кайены кажутся очень массивными, почти одинаковыми в высоту и в ширину. С первого же раза я почувствовал к ним необъяснимое отвращение, которого так и не смог преодолеть. То же самое чувствовали Ульна, Акейон и даже Эссина. Что касается Суилика, то он уже бывал здесь во время своих таинственных путешествий и с некоторыми кайенами даже подружился.

У них необычная цивилизация: кайены довольно скверные астрономы и посредственные физики, но зато непревзойденные химики. Их промышленность почти не использует металла; она целиком основана на искусственно синтезированных пластмассах. В духовном отношении,

по словам Суилика, кайены высокоразвиты: у них есть замечательные поэты, выдающиеся философы, гениальные скульпторы и художники. Но я об этом судить не берусь, потому что ни разу не оставался на планете Ссвфт более нескольких часов.

Мы не отходили далеко от своего ксилла. Он лежал посреди обширной голой степи, на которую то и дело садились аппараты, похожие на пластмассовые геликоптеры, совершенно прозрачные, вплоть до моторов. В легком, воздушном здании, напоминающем бар при аэродроме, нам подали вкусный напиток зеленого цвета. Суилик о чем-то поговорил с тремя кайенами, потом они вышли, и мы остались одни. Целая толпа, сдерживаемая вооруженной стражей, глазела издали на нас и наши ксиллы. Порывы ветра доносили оттуда специфический пряный запах.

Мы долго молчали. Все было уже сказано. Суилик вместе с Акейоном пошел в последний раз проверить «Ульну-тен-Силлон». Я машинально взводил и опускал предохранитель термического пистолета. Взглянув на меня, Эссина что-то шепнула Ульне и Бейшит, и все трое прыснули.

Суилик вернулся.

— Брат,— сказал он мне,— пора! Помни: Совету нужны точные сведения, а не подвиги. Возвращайся. Будь осторожен.

И, склонившись ко мне, добавил шепотом:

— Синзуны слишком опрометчивы. Следи за Акейоном!

Мы подошли к нашему ксиллу. Суилик последний раз похлопал меня по плечу и отбежал подальше. Эссина и Бейшит издалека посылали нам прощальный привет. Ульна была уже в ксилле. Нагнув голову, я последовал за ней, чувствуя, как бешено колотится мое сердце.

Мы взлетели сразу, едва захлопнулась дверца. С Суиликом было условлено, что мы пробудем в ахуне ровно два с половиной базика и ни за что не изменим направления, чтобы в случае катастрофы иссы знали, где нас искать. Вернуться мы должны были не позднее чем через двадцать эллийских дней.

В нужный момент ксилл вынырнул из ахуна. На всех экранах зияла чернота с редкими бледными пятнами далеких живых галактик. Акейон показал на ближайшее овальное пятно размером с половину луны:

— Наверное, галактика кайенов. Вон оттуда мы прилетели!

Если бы у нас был какой-нибудь волшебный телескоп сказочной мощности, мы бы увидели отсюда эту галактику не такой, какой ее знали, а какой она была пятьсот с лишним миллионов лет назад! Я включил специальный экран, действующий по принципу радара на волнах снесс, распространяющихся быстрее света. На экране возникло тусклое пятно — планета.

— Суилик говорил: «Выбирайте ближайшую планету подходящих размеров»,— напомнила Ульна.— Эта как будто подходит.

— Спускаемся,— решил Акейон.— Занять места! Оружие к бою!

Я сел к пульту управления оружием. Ульна вела наблюдения. На экране передо мной было развернуто все окружающее пространство в шести плоскостях: четыре горизонтальных направления, верх и низ. Перед Ульной был более чувствительный экран, позволявший при желании увеличивать тот или иной обозреваемый участок. Но пока мы не видели ничего, кроме неясного круглого пятна.

— Надо снизиться. Клэр, зону тепла!

Я опустил соответствующий рычажок. Тотчас же ксилл окутался тепловой зоной с температурой $+27°$, или, вернее, зоной, где любой предмет мгновенно нагрелся бы до такой температуры. Ни один мислик те-

перь не мог к нам приблизиться, и в то же время температура оставалась достаточно низкой, чтобы можно было выйти из ксилла в скафандрах.

Теперь планета заполнила почти весь нижний экран и мы начали различать детали: горные хребты, замерзшие реки, обширные гладкие пространства, видимо, океаны. Ксилл продолжал снижаться.

На берегу одного мертвого океана я заметил пирамидальное возвышение удивительно правильной формы и указал на него Ульне. Она быстро изменила регулировку экрана, изображение сразу приблизилось, и я услышал, как Ульна шепчет:

— Мой бог Этахан! На этой планете жили люди!

И действительно, то был город, вернее, его развалины. Он вырастал на глазах, и по мере приближения общая пирамидальная масса распадалась на башни и обелиски, в каком-то яростном порыве устремленные в черное небо. Чем ближе к центру города, тем чаще и выше становились сооружения. Они занимали площадь в несколько тысяч гектаров, а самая высокая башня вздымалась более чем на тысячу метров.

Я был потрясен. Какая фантастическая цивилизация, угасшая миллионы лет назад, воздвигла этот город? Ты знаешь, я всегда увлекался археологией, и в тот момент мной овладело непреодолимое желание высадиться именно здесь. Я сказал об этом Акейону.

— Сначала облетим вокруг планеты,— возразил он.— Если не увидим мисликов, тогда высадимся.

В течение долгих часов один за другим под нами проплывали скованные холодом океаны и материки. Во многих местах мы видели разрушенные города, но все они были гораздо меньше первого. То и дело ксилл снижался до самой поверхности, однако нам так и не удалось заметить ни одного мислика. Тогда мы вернулись к фантастическому мертвому городу, нашарив его лучом прожектора. В ярком свете на зданиях сверкал иней — это был застывший воздух.

Мы сели на большой площади у подножия башни; вершина ее исчезала в темноте. Было решено, что на разведку пойдем мы с Ульной, а Акейон на всякий случай останется в ксилле. Мы облачились в скафандры, взяли запас воздуха на двенадцать часов, питательные таблетки, оружие и достаточное количество боеприпасов. Затем мы вышли наружу.

Несколько секунд я колебался, не зная, куда идти. Ксилл лежал на почти круглой площади, замкнутой со всех сторон гигантскими сооружениями. От соприкосновения с теплой зоной твердый воздух разжижался, испарялся, и скоро густой туман скрыл от нас «Ульну-тен-Силлон». Впрочем, это нас не беспокоило. Мы пошли прямо вперед.

Перед нами открылся сводчатый туннель, ведущий в крытую улицу. Все двери из зеленого металла были заперты. Они показались мне чересчур низкими по сравнению с высотой самих зданий. Так мы прошли с километр, никуда не сворачивая, чтобы не заблудиться. Фасады домов были удивительно голые — ни надписи, ни статуи, ничего, что могло бы рассказать об этом исчезнувшем человечестве. Я уже собирался высадить одну менее прочную дверь, как вдруг почва задрожала у нас под ногами. Предчувствуя нечто ужасное, я схватил Ульну за руку и мы побежали назад, к площади. Там, где недавно стоял наш ксилл, теперь громоздилась гора из камней, металла и прочих материалов. Видимо, под действием тепла башня, стоявшая слева, обрушилась прямо на «Ульну-тен-Силлон». В полной тишине все новые обломки нагромождались на эту пирамиду. Чтобы не упасть, Ульна прислонилась спиной к стене. Я слышал, как она пробормотала:

— Хэн, Акейон, Акейон сетан сон!

Все замерло. Потом огромная конструкция бесшумно заколыхалась во тьме и медленно обрушилась. Мы были одни на неведомой планете, за миллионы километров от наших друзей, с запасом воздуха на одиннадцать часов.

И тогда, отразив всем своим панцирем свет моего фонаря, появился первый мислик.

Глава II

ПЛЕННИКИ МИСЛИКОВ

Человек — а я включаю в это понятие иссов, синзунов и всех им подобных — все-таки удивительнейшее создание!

Мы были обречены, надежды не оставалось никакой, но нам даже в голову не пришло сложить оружие. Едва показался панцирь первого мислика, я немедленно выстрелил. Он погиб, даже не успев начать излучение. С бьющимися сердцами мы выжидали; больше никто не появлялся.

Оставаться на площади было вдвойне опасно: во-первых, здания продолжали рушиться, а во-вторых, мислики здесь легко могли взлететь и раздавить нас. Мы отступили по уже разведанной крытой улице, бросив последний взгляд на гору обломков, под которой были погребены наш ксилл и Акейон. Здесь, в узком проходе, нам нужно было следить только за тем, что происходило впереди и сзади. Миновав дом, возле которого я останавливался, мы вышли на вторую площадь. Она кишела мисликами, встретившими нас яростным излучением. Но их попытки были тщетны. Нам пришлось буквально перескакивать через тела мисликов, и тут я убедился, что мы встретились с другой породой, отличной от мисликов с Седьмой планеты Кальвенольта: эти были шире, короче, иной формы, и излучение их имело не фиолетовый цвет, а скорее индиговый.

Несколько часов мы шли по улицам мертвого города, не встречая ни одной открытой двери или хотя бы такой, которую можно было взломать. По неизвестным причинам, прежде чем погибнуть, жители города тщательно закупорили свои дома. Единственной интересной находкой была шестиколесная машина, попавшаяся нам в десятке километров от первой площади. Я уже собирался ее осмотреть, когда на нас опять напали мислики. Их были сотни, и они скользили в двух-трех футах над поверхностью. Даже подбитые нашими термическими пистолетами, они продолжали лететь по инерции, и нам стоило большого труда избежать столкновения. Затем мислики переменили тактику. Теперь они атаковали так быстро и так внезапно, что нам пришлось броситься ниц и открыть настоящий заградительный огонь, безбожно расходуя боеприпасы. Через несколько минут вся улица и ближайшие закоулки были нагреты до такой температуры, что ни один мислик уже не мог здесь появиться, и атака захлебнулась.

Печально сидели мы на ступеньках какого-то дома. Воздуха у нас оставалось всего на три часа. Усталость давала себя знать; сквозь прозрачный шлем я видел запавшие глаза и измученное лицо Ульны. Мы лишь изредка обменивались короткими фразами. Я слышал, герои романов обычно выбирают для нежных признаний самые отчаянные ситуации, но могу тебя уверить, что нам было не до этого. Так мы сидели долго. Я начал засыпать.

Вдруг Ульна меня встряхнула.

— Мислики! Они возвращаются!

На этот раз они возвращались ползком, огибая горы металлических трупов. Решив, что двум смертям не бывать, мы подпустили их как можно ближе и начали расстреливать в упор. Один мислик успел взлететь; мы с трудом увернулись, он с ходу проломил дверь, которая была у нас за спиной.

Ульна бросилась в отверстие, я последовал за ней. Мы очутились в обширной комнате с бесформенными обломками в тех местах, где, видимо, когда-то стояла мебель. Напрасно искали мы лестницу или лифт, чтобы проникнуть в верхние этажи. Если таковые и существовали, то они, наверное, давно обрушились. Зато мы обнаружили ход в низкий подземный туннель, где я мог идти только согнувшись. Вскоре стало ясно, что этот туннель тянется параллельно второй улице, расположенной под первой. Мы продолжали идти по нему, не обращая внимания на боковые ответвления: все они, как мы убедились, вели в такие же комнаты, как те, через которую мы вошли, голые или заваленные совершенно бесполезными для нас обломками. В тот момент мне было явно не до археологических изысканий!

Затем, почти неощутимо, туннель пошел под уклон. Мы не обратили на это внимания и продолжали идти, как во сне, пока я с размаху не налетел на металлическую дверь. Дальше пути не было. Но на этой двери я впервые увидел барельеф — огненное колесо или стилизованное изображение солнца.

Только теперь, когда идти дальше было некуда, почувствовали мы всю тяжесть усталости. Вот уже десять часов, как мы были на ногах. Воздуха у нас оставалось всего на час. Машинально взглянул я на барометр, укрепленный на запястье моего скафандра: атмосферное давление уже не было нулевым, и термометр показывал $+8°$. Значит, мы были в зоне, недоступной для мисликов. И здесь был воздух, но в ничтожных количествах. Его не хватило бы даже для того, чтобы пустить в ход легкие компрессоры, укрепленные у нас за плечами. Но тем не менее это был добрый знак: может быть, за металлической дверью атмосфера не так разрежена!

Мы начали лихорадочно осматривать дверь. В ней не оказалось ни замка, ни скважины, но я уже был знаком с более совершенными системами дверных запоров. Терпеливо, сантиметр за сантиметром ощупывали мы поверхность двери, поочередно нажимали на каждый луч солнца, пытались их повернуть. Все было напрасно. Прошло уже полчаса. Медленно, неотвратимо стрелка манометра кислородных баллонов приближалась к нулю.

Мы уже теряли последнюю надежду, когда дверь вдруг со скрежетом распахнулась. Мы закрыли ее за собой; вторая точно такая же дверь преграждала нам путь.

— Шлюзовая камера,— пробормотала Ульна.— Может быть, за второй дверью есть воздух?

Мы попытались вспомнить, при каких обстоятельствах открылась первая дверь, и вскоре нам это удалось: нужно было нажать на верхний луч и слегка отвести его влево. И вот мы очутились в темной комнате, где барометр показывал почти одну эллийскую атмосферу. Я включил анализатор — его трубки покраснели одна за другой: кислорода достаточно, никаких ядовитых газов нет. Осторожно отвинтил я окошечко своего шлема, сделал первый вдох. Воздух был сух, свеж и вполне пригоден для дыхания. Мы были спасены! Или, во всяком случае, получили отсрочку.

Обширная комната была голой, пустой и, видимо, не имела другого выхода, кроме той двери, через которую мы вошли. Прежде всего мы поспешили освободиться от громоздких скафандров, тяжело давивших на усталые плечи. Совершенно измученные, растянулись мы рядышком на полу, погасили лампы и мгновенно заснули.

Видимо, спал я беспокойно, потому что во сне откатился к противоположной стенке. Пытаясь отыскать лампу, я долго шарил в темноте руками, наконец сел и ухватился за какой-то рычажок на уровне своей головы. Он подался — и... случилось чудо! Мне показалось, что в глубине комнаты открылась вторая дверь и на фоне светлого прямоугольника возник человеческий силуэт! Он был невелик, и я видел только общие контуры, не различая отдельных черт. Затем он так же внезапно исчез, а на его месте появился огненный шар и странные слова зазвучали в моих ушах.

— Ульна! — крикнул я.— Ульна, проснись!

Огненный шар исчез, теперь я видел звездное небо. Потом появилось изображение планеты; сначала это был вид с очень большой высоты, но постепенно планета приближалась. Перед нашими глазами проплывали горы, леса, океаны, равнины, и странный голос все время повторял:

— Сифан, Сифан, Сифан!..

Я понял, что так называлась эта планета.

Но вот вращение планеты приостановилось и мы увидели тот же самый город, но только залитый лучами солнца; он назывался Герсэа. Площади его были заполнены машинами и живыми существами, которых с большой высоты мы не могли как следует рассмотреть.

Затем на экране — потому что это был всего-навсего экран — возникло изображение окрестных полей с рядами пурпурных растений, похожих на эллийское деревце синисси, а также, по словам Ульны, на кустарник трэнтэзор с Арбора. По синей дороге мчалась шестиколесная машина, вроде той, которую я хотел осмотреть, когда на нас напали мислики. Дорога поднималась все выше в горы к обсерватории, сооруженной на самой вершине,— во всяком случае, мы приняли это здание за обсерваторию. Пока сменялись эти изображения, все время слышался голос диктора, но мы, разумеется, не понимали ни слова. Объектив приблизился к машине. Из нее вышло двуногое четверорукое создание с круглой головой; лица мы не смогли рассмотреть. Существо вошло в здание.

На секунду экран погас, потом на нем снова возникло изображение солнца; на наших глазах оно медленно краснело и угасало. И тогда мы поняли, что перед нами разворачивалась история гибели этого мира. Тот, кто приехал на машине, видимо, был ученым или крупным государственным деятелем, потому что мы видели, как он выступал на советах, управлял странными машинами, отдавал приказы войскам и наконец рухнул в своем прозрачном скафандре, задавленный надвигающимися мисликами. Но до этого мы видели, как он регулировал крохотные аппаратики и закрывал двери, украшенные символом пылающего солнца,— этот барельеф мы сразу узнали. В последнем кадре фильма один из странных людей приподнимал каменную плиту, расположенную как раз под рычажком, на который я случайно нажал.

Само собой разумеется, едва прошло первое потрясение, мы принялись искать такую плиту и нашли ее без труда. Под ней открылась винтовая лестница. Облачившись на всякий случай в скафандры, мы спустились по ней и оказались в обширной комнате, залитой мягким зеленоватым светом. Через металлическую дверь мы проникли во второй зал, затем в третий, четвертый, пятый — их тут была целая анфилада! И если

первый был пуст, то остальные оказались наполовину заставленными массивными металлическими ящиками, открыть которые нам не удалось. Наконец дверь последнего зала вывела нас к подножию другой винтовой лестницы. Через четверть часа подъема мы добрались до шлюзовой камеры и оказались под прозрачным куполом башни, где-то уже за пределами города. Двойная дверь-шлюз позволяла выйти наружу, но мы ею не воспользовались: вокруг кишели мислики.

И вот потекли странные дни странной жизни, продолжавшейся целый земной месяц. Воздуха у нас теперь было достаточно, кроме того, Ульна обнаружила, что вместо трех запасных коробок с пищей она взяла всего две, зато третья оказалась с питательными таблетками для космонавтов. Одной этой коробки нам хватило бы на год с лишним, но воды у нас было всего на два месяца. Дело в том, что в ранец скафандра вмонтирован маленький остроумный аппарат, который позволяет на мертвых планетах выделять воду из сжиженных или отвердевших газов, но фильтр каждого аппарата мог действовать не более месяца. И все же теперь мы могли надеяться. Мы строго следовали инструкциям Суилика,— значит, спасательная экспедиция могла нас отыскать.

Теперь, когда непосредственная опасность миновала, Ульна дала волю скорби. Я пытался ее утешить, как мог: ксилл очень прочен, возможно, Акейон жив и, если это так, иссы освободят его из плена одновременно с нами. Все было тщетно: она ни во что не верила. Но действительность оказалась еще невероятнее!

Делать нам было нечего: только есть, спать и ждать. Мы снова и снова просматривали фильм о гибели Сифана, пока не запомнили его во всех подробностях, и не раз благословляли изобретательность гения, построившего это убежище, чтобы сохранить память о своем народе. Из прозрачного купола я наблюдал за мисликами. Они быстро заметили нас, но, убедившись, что их излучения бессильны и что разбить купол невозможно, так же быстро перестали обращать на нас внимание.

Защищенный прочной прозрачной сферой, я вел свои наблюдения целыми днями, словно студент-биолог, изучающий под микроскопом новых микробов или неведомых насекомых. Правда, мое положение было хуже, потому что я не мог экспериментировать. Целый месяц, пока длилось наше заключение, мы тщетно пытались понять смысл движений мисликов. Пожалуй, можно сказать,— я даже в этом уверен,— что мы с Ульной узнали о них больше, чем кто бы то ни было во всем мироздании, за исключением разве самих мисликов. И несмотря на это, к концу месяца мы знали о них так же мало, как и раньше. Нам не удалось подметить ничего похожего на организованную деятельность в нашем смысле слова, ничего похожего на инстинкты или хотя бы на простейший тропизм — способность изменяться под воздействием среды. И в то же время по опыту на острове Санссин я знал, что они обладают разумом, не имеющим ничего общего с нашим, а также чувствительностью, для нас более понятной.

Очевидно, у мисликов есть органы чувств, хотя невозможно даже представить, что это такое. Во всяком случае, они никогда не натыкались на прозрачный купол, разве что в самом начале, когда пытались его разбить. Они явно чувствовали наше присутствие, и вскоре мы начали отличать «знакомых» мисликов от «чужих», которые зря тратили на нас излучение. Некоторые обосновались в мертвом городе: мы различали их по особому рисунку на панцирях.

Кое-что о мисликах мне все же удалось узнать. Они находятся в постоянном движении и никогда не спят; за одним мисликом мы с Ульной

следили поочередно пятьдесят часов подряд, и всё это время он беспрестанно выписывал зигзаги неподалеку от нашего купола. Мислики редко появляются в одиночку, но нельзя сказать, что живут группами, потому что скопища мисликов распадаются так же легко, как возникают, и мислики переползают от одной кучи к другой без всяких видимых причин. Иногда они собираются в тесные рои штук по сто с лишним и как бы сплавляются в одну металлическую массу. Такое состояние продолжается от нескольких секунд до многих часов. Затем масса опять распадается на отдельных мисликов. Сначала я думал, что наблюдаю за своеобразным процессом воспроизведения, однако из таких роев выходит столько же мисликов, сколько было вначале.

Относительно слабый свет ламп затруднял наблюдения: вне их лучей царила непроницаемая тьма. Кроме того, нам не хватало приборов-регистраторов. Я бы дорого дал, чтобы иметь в те дни мой шлем с усилителем мыслей, в котором я спускался в пещеру; может быть, тогда мне удалось бы хоть что-нибудь понять в природе этих чудовищ. Но мы были пленниками прозрачного купола, обреченными на роль пассивных наблюдателей.

Тем не менее ряд соображений позволил мне создать некое подобие теории о происхождении мисликов; позднее я изложил свое мнение Ассзе и тот нашел его достаточно обоснованным. Ты, конечно, знаешь, что при температуре, близкой к абсолютному нулю, возникают явления сверхпроводимости и сопротивление в металлических проводниках почти исчезает. Можно себе представить, что предки мисликов, отличавшиеся от них примерно так же, как первая живая клетка на Земле отличается от нас, возникли в результате подобного явления сверхпроводимости. Какой-нибудь железо никелевый кристалл мог оказаться на мертвой планете в электромагнитном поле со сложной и ускоренной амплитудой колебаний, и в нем родилось нечто вроде электрической жизни. Если допустить эту возможность, дальнейшая эволюция мисликов станет такой же понятной, как эволюция всех земных существ. Этот кристалл мог в свою очередь индукционным путем создать своеобразную форму жизни в других кристаллах с новыми видоизменениями, накоплениями и усложнениями качеств. Правда, смертоносное излучение мисликов нельзя отнести к электромагнитным явлениям, но тем не менее каждый из них окружен мощным электромагнитным полем.

На третий день, когда запасы воды подошли к концу, нам пришлось сделать вылазку. Мы выбрали момент, когда в поле зрения остались только два мислика; я вышел первым и уничтожил их двумя выстрелами. Тем временем Ульна торопливо наполнила мешки смесью льда и твердого воздуха. После долгой возни мне все-таки удалось вскрыть один из металлических ящиков в нижнем зале: в нем оказались стопки металлических пластинок с выгравированными знаками, похожими на письменность кхмеров. Этот ящик мы превратили в цистерну для воды. Во время второй вылазки нам посчастливилось найти слева от купола глыбы чистого льда и сразу наполнить ящик почти до краев. Я говорю «посчастливилось», потому что в дальнейшем мислики все время ползали вокруг башни сотнями.

Когда я думаю о фантастическом стечении множества счастливых обстоятельств, благодаря которым мы уцелели, я иной раз спрашиваю себя, уж не хранило ли нас, как говорится, провидение? Но тут же я вспоминаю, что те, кому не повезло, не возвращаются и, естественно, не могут рассказать о своем невезении, хотя таких, несомненно, гораздо больше, нежели счастливчиков.

Но дни шли и я уже начал сомневаться в нашей удаче. Что касается Ульны, то она давно утратила всякую надежду и погрузилась в безысходную скорбь. Куда девалось ее былое мужество? Особенно тяжко повлияла на нее гибель брата. С отчаянием смотрел я, как она тает день ото дня, почти совсем не ест и становится все бледнее и слабее. Часами сидела она рядом со мной, держась за мою руку. И хотя мы оба прекрасно знали, что любим друг друга, даже в этом не было нам утешения, потому что суровая мораль синзунов запрещает говорить о любви, когда семья в трауре. Объясняться в любви синзунке, которая только что потеряла брата, было бы не просто невоспитанностью, а страшным оскорблением.

В один из таких дней — если только можно говорить о днях в этом царстве мрака — мы сидели под куполом. Несколько мисликов пересекли луч моей лампы. В черном небе бледно светились продолговатые пятна далеких галактик. И вдруг ослепительный свет брызнул откуда-то с высоты, заливая город, отбрасывая резкие тени от шпилей и башен, устремленных в небо. Потом свет ударил по куполу, заставив нас вскрикнуть от резкой боли в глазах.

— Ульна, это иссы! Иссы!

Трясущимися руками я помог ей надеть шлем и сам приготовился к выходу. Надо было во что бы то ни стало дать знак, что мы здесь. Я вставил в магазин пистолета штук двадцать «горячих» пуль, приоткрыл дверь и начал стрелять. В отличие от «теплых» пуль, повышающих температуру всего на несколько десятков градусов «горячие» выделяют тепло в сотни градусов и дают яркие вспышки. Я стрелял без перерыва, целясь в ближайшую кучу мисликов; когда патроны кончились, Ульна протянула мне свой пистолет. Луч прожектора ощупывал равнину. Раза два он прошел над куполом, потом замер. Аппарат начал снижаться, очень медленно, как нам казалось, но в действительности даже излишне быстро. Свет прожектора отражался от обледенелой почвы, создавая вокруг неясные сумерки, в которых я наконец различил на высоте нескольких метров гигантскую вытянутую тень: это был не ксилл, а звездолет синзунов, «Тсалан»!

— Ульна, это твои!

Она упала на лед в глубоком обмороке. Подхватив ее на руки, я побежал к звездолету; он уже опустился, окутанный туманом кипящего воздуха. Скользя в полужидкой каше, спотыкаясь о мертвых мисликов, я с трудом сохранял равновесие, стараясь не уронить Ульну. Две фигуры в скафандрах подхватили ее из моих рук, повели меня за собой. Мы поднялись по входной лестнице, прошли шлюзовую камеру, и я очутился в коридоре «Тсалана» лицом к лицу с Суиликом и... Акейоном!

Первая моя реакция была совершенно нелепой: я отвел Суилика в сторону, упрекая его за то, что он прилетел, потому что для иссов это слишком опасно. Вместо того чтобы возмутиться, он с улыбкой ответил:

— Землянин Слер остался таким же. На тебя никак не угодишь. Кто-то должен был показать дорогу!

— Но ведь Акейон знает!..— возразил я.

— Акейон после пережитых приключений до сих пор не может вспомниться. Он тебе сам все расскажет.

С нас уже стаскивали скафандры. Ульну, все еще в обмороке, унесли в госпиталь, где я когда-то лежал. Ею занялся сам великий Виседом, хотя он сразу сказал, что с этим случаем справится любой студент. Когда Ульна открыла глаза, мы с Суиликом вышли, оставив ее с отцом и братом.

Четверть часа спустя все собрались в кабине управления. «Тсалан» был уже в ахуне, или, как говорят синзуны, в рр'ооре, на пути к галактике

кайенов, где нас ожидали с ксиллами Эссина и Бейшит. Вот что рассказал нам Акейон о своем необычайном приключении.

Когда башня обрушилась на «Ульну-тен-Силлон», Акейон от толчка вылетел из кресла, ударился о переборку и потерял сознание. В таком состоянии он пролежал более трех базиков. Когда Акейон наконец очнулся, он понял, что погребен под развалинами. Особенно это его не обеспокоило — припасов и воздуха в ксилле хватило бы на несколько месяцев,— но его волновала наша судьба, и он сразу начал думать, как бы ему освободить ксилл и взять нас на борт.

Броня ксилла выдержала, никакой утечки воздуха Акейон не обнаружил. Двигатели тоже работали нормально, однако приподнять всю гору обломков они не смогли. В этом и заключается неудобство маленьких ксиллов: у них высокая скорость, превосходная маневренность, но недостаточная мощность. И тогда Акейон, сознавая смертельную опасность подобного маневра, решил сразу уйти в ахун, а затем вернуться за нами.

Казалось, переход в ахун совершился нормально, разве что толчок был гораздо сильнее обычного. Но когда Акейон почти тотчас совершил обратный маневр, он, вместо того чтобы вынырнуть в Пространство где-то поблизости от только что оставленной планеты, очутился в почти абсолютной темноте, непроницаемой даже для лучей снесс. Где-то в бесконечной дали едва светилось чуть заметное бледное пятно галактики, вернее, скопления галактик.

В этом месте рассказ Акейона был надолго прерван чисто техническим спором, который затеял Суилик. Иссы начали изучать ахун задолго до синзунов и в этом отношении стоят на голову выше остальных. Из всего разговора я понял следующее.

Переход в ахун на сей раз совершился не в космосе, как обычно, а с поверхности планеты, поэтому импульс оказался слишком силен. Частица Пространства вместе с ксиллом оторвалась от нашей Вселенной, пересекла ахун — если только можно пересечь Ничто — и врезалась в одну из негативных Вселенных, между которыми наша Вселенная зажата, как ломать ветчины между двумя половинками сандвича.

Итак, Акейон вынырнул в Пространстве антимира, к счастью, достаточно далеко от какого-либо скопления антиматерии. Некоторое время он не мог сообразить, куда попал. Счетчик радиации то и дело потрескивал, стрелка отмечала внезапные появления проникающих лучей. Такие счетчики служат для определения в Пространстве зон, где интенсивность космических лучей превышает допустимую норму. Но эти лучи резко отличались от обычных космических. К тому же космические лучи здесь, вдали от всех галактик, были бы ничтожно слабы.

— И вдруг я понял! — рассказывал Акейон.— Я вспомнил когда-то прослушанные лекции о теоретической возможности существования антимиров и о их особенностях. Сверхжесткое излучение, отмечаемое счетчиком, возникало в результате аннигиляции редких атомов антиматерии при столкновении с материей ксилла. Каждую секунду я мог попасть в область скопления антиматерии, и тогда — прощайте все миры и антимиры!

Он лихорадочно начал сверять показания регистратора кривой Пространства, счетчик Пространства-Времени, гравиметров и прочих сложных приборов, необходимых для полета в космос и через ахун. Если бы ему удалось точно рассчитать маневр, он бы еще сумел возвратиться в нашу Вселенную. Несмотря на все свое мужество и хладнокровие, Акейон нервничал. Но попробуй представить его положение: он был затерян где-то в антимире, еще более чужом, чем проклятые галактики мисликов,

и каждую секунду мог превратиться в ничто, исчезнув в чудовищной вспышке аннигиляции. Словно подстегивая его разум, счетчик радиации потрескивал все чаще.

Акейон храбро сражался с вычислительными таблицами, написанными исскими цифрами, делал расчет за расчетом, проверял их и перепроверял. Казалось, все было верно. Тогда, стиснув зубы, он придал ксиллу необходимую скорость, затем перешел в ахун...

Почти тотчас же Акейон вынырнул из ахуна. Но, вместо того чтобы оказаться где-нибудь в проклятой галактике, он очутился среди миллионов сияющих звезд какой-то молодой галактики нашего Пространства. Акейон решил, что расчет был неверен и он угодил в другую позитивную Вселенную, расположенную за антимиром.

Он направил ксилл к звезде, вокруг которой вращался целый рой планет, видимых на увеличивающем экране. На одну из этих планет Акейон сел, предварительно облетев ее кругом: она казалась пустынной; видимо, на ней существовали только растительные формы жизни. Там он провел дней девять, снова и снова проверяя сложные расчеты. Отыскать и спасти нас с Ульной он уже не надеялся.

Здесь рассказ Акейона опять был прерван научной дискуссией, в которой вряд ли что-нибудь понял бы даже сам Эйнштейн!

На десятый день Акейон снова ушел в ахун, вынырнул, опустился на другой планете и заново проверил все расчеты. С каждым днем ему все больше казалось, что он безвозвратно заблудился в космосе. Наконец на двадцать шестой день он очутился вблизи обитаемого мира. Акейон спикировал и сел на планете кайенов всего в нескольких километрах от того места, где Суилик ожидал нашего возвращения. Акейона тоже спас счастливый случай, на сей раз помноженный на волю и научные знания.

«Тсалан» достиг планеты Ссвфт на заре. Эссина и Бейшит встретили нас восторженно. С теплым чувством смотрел я на свой ксилл — единственный аппарат, побывавший в антимире. От ударов, полученных на Сифане, на его куполе осталось всего несколько вмятин.

В тот же вечер я официально попросил у Хелона руки его дочери.

Глава III

МИНЕРЫ МЕРТВЫХ ЗВЕЗД

Мы не стали задерживаться на планете кайенов и к полудню следующего дня вернулись на Эллу. Я был измучен физически и духовно, нервы у меня сдали. Хелон сказал, что я получу ответ на Элле вечером в день прилета.

Оставив Ульну, нуждавшуюся в настоящем отдыхе, на «Тсалане», я вместе с Суиляком направился в зал Совета. Свой подробнейший отчет я закончил выводом, что иссы, по-видимому, были правы: никакое сосуществование людей с мисликами, во всяком случае в пределах одной солнечной системы, просто невозможно. Но если мы вынуждены яростно защищать наши галактики, прибавил я, то с мисликами как с таковыми разделаться вряд ли удастся, потому что их триллионы и триллионы на тысячах мертвых галактик.

Это заявление пришлось собравшимся не по вкусу. Помимо того, что мислики несут гибель всякой белковой жизни, для иссов они остаются

также врагом метафизическим, воплощением Зла, которое должно быть навсегда уничтожено во всем мироздании. Один из мудрецов возразил мне:

— Ты сказал, что планета Сифан до прихода мисликов была населена людьми. Почему же мислики не довольствуются ледяными галактиками, которые нам не нужны и недоступны? Почему они гасят наши солнца? Нет, никаких компромиссов. Мислики должны исчезнуть!

— Но такая борьба продлится миллионы лет! Как ни могуче ваше орудие, вы не сможете отвоевать планеты одну за другой. Да и зачем вам эти скованные льдами миры, на которых уже нельзя жить? — Позабыв о том, что формально я сам принадлежу к иссам, я почти защищал мисликов.

— Мертвые планеты нам не нужны, хотя на них и может быть ценное сырье. У нас и без того хватает необитаемых миров. Но мислики должны исчезнуть. Они не выносят света и тепла, поэтому, чтобы их уничтожить, мы снова зажжем их звезды.

— Что-что? — завопил я, позабыв обо всех правилах вежливости.— Зажечь звезды?!?

— Сниссон сказал, что мы должны снова зажечь погасшие звезды,— уточнил Аззлем.— Во всяком случае, мы попытаемся. Теоретически это возможно. Практически задача может оказаться невероятно трудной. Но мы все равно попытаемся. Пока ты отсутствовал, предварительные опыты уже начались. Тебя известят, когда придет время.

Я едва не задохнулся от изумления. Разумеется, с тех пор как я покинул Землю, мне приходилось видеть вещи одна другой фантастичнее. Я даже допускал — приходилось верить своим глазам,— что мислики, эти поразительные существа, обладают способностью гасить звезды. Но то, что иссы, которые в конечном счете были всего-навсего людьми, собирались снова зажечь эти звезды... У меня голова шла кругом, а Аззлем продолжал как ни в чем не бывало:

— Чтобы провести решающий опыт, нам, видимо, понадобится еще год. Тем временем мы будем продолжать исследования проклятых галактик, не предпринимая, однако, широких наступательных операций, чтобы не подвергать лишней опасности жизни иссов или синзунов.

На этом Аззлем закрыл заседание. Я поспешил отыскать ожидавшего меня Суилика. Услышав, о чем шла речь, он сказал:

— Я знаю. Недавно была создана специальная группа физиков во главе с Ассзой и синзуном Берантоном; в нее вошли около ста иссов и почти столько же представителей других человечеств. Наша Бейшит возглавляет физиков р'бенов. А знаешь, кто будет командовать ксиллами этой группы?

— Нет.

— Я. А руководить десантным отрядом, наверное, поручат тебе. Похоже, у тебя это неплохо получается,— добавил он смеясь.

«Тсалан» уже находился на своем обычном месте. Я обошел звездолет стороной и направился к той самой лестнице, где впервые увидел Ульну. То, что Хелон не ответил сразу, казалось мне дурным предзнаменованием. Я ожидал заката с нетерпением и в то же время со страхом: что-то принесет мне вечер? Небо было безоблачным, нежно-малиновым, каким оно бывает на Элле, когда лучи заходящего Иалтара пронизывают влажный воздух. Я сидел у моря на песчаном пляже.

Вдруг за моей спиной послышался шум шагов по песку. Ко мне подошел синзун, приветствовал меня.

— Сонг Всеволод Клэр,— сказал он, называя мой синзунский титул,— тебя ждет Ур-шемон.

Я последовал за ним. Нос «Тсалана» гигантским конусом возвышался над нашими головами. Хелон в окружении Акейона, Виседома и еще четырех пожилых синзунов ожидал меня в центральном зале.

— Вчера ты попросил у меня руки моей дочери Ульны,— начал он без лишних предисловий.— В принципе ты имеешь на это право, потому что ты вольный и благородный синзун. Но подобный брак между разными человечествами — дело неслыханное ни для нас, ни для наших друзей иссов. До встречи с тобой мы вообще не видели человечеств, которые были бы достаточно близки к нам, чтобы можно было говорить о супружестве. Даже между иссами и кренами, которые настолько походят на иссов, что они сами порой не могут отличить кренов от своих соотечественников, до сих пор не было ни одной свадьбы. Однако наши биологи, исследовавшие тебя, пока ты лежал в нашем госпитале, утверждают, что по химическому составу твоя протоплазма ничем не отличается от нашей. Кроме того, в тебе уже есть частицы синзунских костей, синзунские сосуды и синзунские мышцы. У тебя идентичный метаболизм, точно такое же количество хромосом и, вероятно, такое же количество генов, как у нас. Следовательно, твой случай особый. Единственное различие заключается в том, что у тебя пять пальцев, а не четыре, но у наших далеких предков тоже было пять пальцев. Таким образом, никаких препятствий к браку нет, кроме психологических. Однако Ульна,— тут он улыбнулся,— согласилась. Поэтому я отвечаю тебе: да! Но знай: свадьба любого члена семьи шемонов может состояться только в столице Арбора, Берисенкоре, и вам придется отправиться туда, как только иссы дадут тебе разрешение. Да, да, иссы должны дать разрешение, потому что ты одновременно землянин, синзун и исс. Хотел бы я знать,— добавил он шутливо,— какой планете будут принадлежать ваши дети?!

В течение всей этой длинной речи я чувствовал себя, как на горячих угольях, и лишь в конце вздохнул с радостью и облегчением. По обычаю синзунов я молча поклонился. Благодарить в таких случаях не принято: синзуны благодарят только за мелкие подарки.

— Предупреждаю,— снова заговорил Хелон,— что по нашим правилам ты теперь не должен видеться с Ульной. Ты увидишь ее только в день свадьбы. А пока можешь ей писать.

Я вышел из «Тсалана» с легким сердцем. И тут же натолкнулся на вездесущего Суилика, с которым и поделился радостной вестью.

— Что делать, все кругом женятся!— воскликнул он.— Сначала мы с Эссиной, потом Бейшит, которая только что объявила мне, что выходит замуж за Сефера, а теперь вы с Ульной. Но ты нарушил наши обычаи!

— Каким образом?

— Ты ведь был мой стеен-сетан, а со дня моей свадьбы не прошло и года. Значит, ты должен заплатить мне выкуп. Раньше такой выкуп был довольно велик — обычно требовали слиток платины величиной с кулак! Теперь это пустяки: даже если ты сам не достанешь платину, любая лаборатория изготовит тебе такой слиток. Насколько я знаю, твоя свадьба должна быть на Арборе. Как же ты туда попадешь? Совет не отпустит ни один звездолет синзунов. Но, если хочешь, я вас доставлю на Арбор на своем ксилле.

Вот так три дня спустя мы отправились на Арбор — Суилик, Эссина, Хелон, Акейон, я и Ульна — в особой кабине, вход в которую для меня был запрещен.

Как-нибудь я тебе расскажу обо всех пышных церемониях, сопровождавших свадьбу дочери Ур-шемона. И обо всем великолепии Арбора.

Насколько мягка и спокойна Элла, насколько ужасны мертвые миры, которые мне довелось повидать, настолько же буен и прекрасен Арбор с его фиолетово-синими океанами, с его горами высотой до двадцати километров, с его необъятными зелеными и пурпурными лесами, которые синзуны ревниво оберегают. Я никогда не забуду те короткие шесть дней — восемь земных,— что мы провели после свадьбы в долине Тар! Там, в одном из лесов, о которых я только что говорил, возле синего ручья, что течет с ледника, стоит на склоне маленький домик — специально для молодоженов. Несколькими километрами ниже горный поток наталкивается на плотину, образуя озеро, по берегам которого раскинулся город радости Нимоэ. Однако ни один синзун не пересекает незримой границы, отделяющей заповедную долину от города. Это древний обычай, существующий, если не ошибаюсь, и у наших индейцев-апачи: молодые пары должны провести несколько дней в полном уединении. И, с моей точки зрения, нам не мешало бы перенять такой обычай.

К недостаткам синзунской цивилизации, по-моему, следует отнести необычайное пристрастие ко всяким церемониям: в этом отношении с ними не мог бы сравниться и древний Китай. Как только истекли наши заветные шесть дней, мне пришлось принимать участие во всевозможных празднествах и пирах. Обычаев я не знал, все время боялся совершить какую-нибудь неловкость и испытал истинное облегчение, когда шемоны сообщили мне, что я могу, когда пожелаю, вернуться на Эллу.

На Арборе мне довелось пережить еще один волнующий момент. Как-то раз Акейон взял меня с собой в центральную обсерваторию планеты, расположенную в южном полушарии. И там астрономы показали мне бледное светлое пятнышко, затерянное где-то в созвездии Вренория,— нашу родную галактику. С помощью самых мощных аппаратов — принцип их действия отличен от наших телескопов — это пятно при максимальном увеличении превращается в звездную пыль, рассеянную по спирали. И среди всех этих звезд незримое в их сиянии мерцало наше скромное Солнце, вокруг которого вращалась моя родная Земля, такая маленькая, такая бесконечно далекая. Видимый мною свет шел от нашей галактики восемьсот тысяч лет, и, если бы совершенство синзунской техники позволило мне взглянуть на Землю, передо мной в лучшем случае предстало бы несколько жалких питекантропов где-нибудь на опушке леса.

Сейчас, вернувшись на Землю, каждый вечер, когда небо ясное, мы с Ульной отыскиваем среди звезд туманность Андромеды. И когда я вижу ее, я почти физически ощущаю необъятность разделяющего нас пространства. Галактика иссов так далека, что ее невозможно увидеть даже в самые мощные телескопы. Но когда я вижу бледное опаловое пятно, когда думаю, что эта женщина, сидящая рядом, родилась там и что я сам там побывал...

Ну, так вот, через три месяца мы покинули Арбор. Как и было условлено, Суилик прилетел за нами. Мы стартовали из астропорта Берисенкора, забитого огромными звездолетами, поддерживающими связь между Арбором и другими синзунскими планетами. Наш ксилл рядом с ними казался просто крошечным.

Едва мы взлетели, Суилик сообщил мне, что я действительно включен в штаб эскадры «минеров мертвых звезд». Похоже, что Суилик становился на Элле важной персоной. Но сейчас меня интересовало другое: уже давно я задумывался, почему, собственно, иссы все время дают мне ответственные и... весьма опасные поручения? Мое настоящее место было бы в группе биологов. А для таких поручений хватало синзунов: они обладали

таким же иммунитетом против излучений мисликов, а кроме того, были превосходными физиками. Видимо, эллийцы всерьез отнеслись к моему «усыновлению» и для них я был иссом, правда, иссом с красной кровью, но все-таки своим, а не чужестранцем, как синзуны. Наконец, Суилика связывала со мной глубокая дружба, и, настаивая на моей кандидатуре, этот молодой исс, выделявшийся безумной храбростью даже среди своего народа ученых-храбрецов, преподносил мне таким образом самый прекрасный подарок, какой был в его власти,— приключение.

Сколько раз я в душе проклинал — разумеется, не нашу дружбу, а эти ее последствия!

На Элле мы поселились в моем доме на острове Брессие. Ульна и моя названная сестра Ассила быстро нашли общий язык. В течение года мы с Ульной продолжали работать в группе биологов, стараясь найти эффективный способ защиты иссов от излучений мисликов. Но, видимо, это теоретически невозможно: особые волны мисликов разрушают дыхательные клетки иссов и всех других человечеств, за исключением синзунов и нас, землян. И пока не изменены свойства самого организма, тут, пожалуй, ничего не поделаешь. Ассса изучил этот вопрос с точки зрения физики и пришел к тому же выводу. Тем не менее путем впрыскивания некоторых химических препаратов нам удалось замедлить разрушительное действие смертоносных лучей, конечно, при условии, что излучение было не слишком сильным.

Однажды, когда мы вышли из лаборатории, Суилик увлек нас к своему ксиллу и сразу, без всяких объяснений, взлетел. Я уже познакомился с управлением этими аппаратами и скоро понял, что мы летим к Марсу. Ни я, ни Ульна там еще не бывали, поэтому мы не стали возражать. Мы летели с предельной для межпланетных путешествий скоростью.

Марс почти девственная планета, отдаленно напоминающая Арбор, но более сухая и пустынная. Мы долго летели на большой высоте, затем Суилик резко спикировал к огромному зданию завода, где строились ксиллы для всех исских планет. Только пусть слово «завод» не вызовет у тебя представления о несмолкающем лязге и грохоте: иссы терпеть не могут шума, и все процессы протекают у них почти в абсолютной тишине. Сборка ксиллов происходила на конвейере, вокруг работали автоматы под наблюдением нескольких иссов. Мы шли через просторные цехи не останавливаясь. Наконец Суилик ввел нас в обширный ангар, где заканчивалась сборка нового ксилла гигантских размеров: более трехсот метров диаметром при максимальной толщине в центре до шестидесяти метров, он скорее напоминал по форме пологий купол в отличие от классической чечевицы. Некоторое время мы молча смотрели на ксилл, потом Суилик сказал:

— Это наш будущий корабль; на нем мы полетим зажигать мертвые солнца.

— Но почему такие размеры и такая форма?— спросил я.

— Иначе нельзя. Аппарат для воспламенения солнца огромен, и просто сбросить его невозможно. Значит, нам придется опуститься на поверхность мертвой звезды. А ты знаешь, что там чудовищная сила тяготения: мы будем немедленно раздавлены собственным весом, если нас не защитит мощное антигравитационное поле. Но чтобы создать такое поле, потребуется фантастический запас энергии, поэтому на ксилле придется смонтировать настоящую энергостанцию. Что касается формы, то куполообразный свод позволит ксиллу легче выдерживать собственную тяжесть. При всем этом мы вряд ли сможем пробыть на мертвом солнце более одного базика.

Прошло еще несколько месяцев. Мало-помалу я привык к мысли, что мне придется участвовать в этой невероятной экспедиции. Дни спокойно текли за днями. Во всяком случае, казалось, что все спокойно. Но в эти дни самые выдающиеся ученые всех галактик, собранные на Трех Планетах, напряженно работали над осуществлением великого плана. Порой, глядя на умиротворяющие пейзажи Эллы, я думал, что за всей этой безмятежностью скрывается неустанная головокружительная деятельность, и в такие минуты чувствовал себя безнадежно отставшим, растерянным и несчастным, как маленький дикарь, случайно попавший на борт современного лайнера.

Я работал в лаборатории с какой-то яростью, до полного изнеможения, потому что считал себя как бы посланцем Земли, представителем нашей цивилизации, столь гордой своей техникой, которая — увы!— была давным-давно превзойдена во многих других мирах. Мне казалось, что если я сделаю значительное открытие, то тем самым завоюю полное право жить на Элле, перестану быть бедным родственником, диковинкой и превращусь в равного среди равных в содружестве человеческих планет. Поэтому по вечерам я засиживался допоздна, знакомясь с последними статьями иссов или изучая с помощью Ульны труды синзунов. И не раз поминал я добрым словом своих земных учителей: пусть мне часто не хватало знаний, зато наши методы работы оказались на высоте и я быстро усваивал новые понятия.

Самое смешное во всем этом, что, пока я так изводил самого себя и жаловался на свое невежество, иссы сразу признали меня полезным членом своего общества и с первых же дней доверили мне руководство группой молодых биологов. Я и в самом деле, хотя бы благодаря особенностям своего организма, знал много того, что иссам было внове. Что касается синзунов, то, несмотря на выдающиеся успехи в области биофизики — почти все болезни они, как и иссы, лечат соответствующими облучениями,— они то ли забыли, то ли недооценили роль химии, и именно в этой области мне удалось добиться кое-каких результатов, о которых я уже говорил, а именно найти препарат для временного предохранения иссов от лучей мисликов.

Наша совместная жизнь с Ульной вначале была совсем не легка. Синзуны вообще чрезвычайно мнительны, а я частенько бываю несдержан. Нам предстояло также заполнить пропасть, образованную различиями в воспитании. Хорошо, что хоть религия не усложняла нам жизнь: синзуны, как и я,— убежденные атеисты. Зато было множество мелочей, которые, случалось, приводили к ссорам. Взять хотя бы такую любопытную деталь: несмотря на всю свою культуру и церемонность, синзуны едят руками; ты сегодня, наверное, сам заметил, что Ульна еще не совсем освоилась с вилкой. А она никак не могла смириться с моей привычкой работать по ночам и уж совсем не понимала, почему это я так не люблю вставать в предрассветную рань. Но постепенно между нами воцарилось согласие. У синзунок есть по крайней мере одно неоспоримое преимущество перед их земными сестрами: они никогда не угрожают вернуться к своей доброй мамочке!

Но вот однажды, когда я, как ящерица, грелся на солнце перед домом, болтая с Ассилой и Ульной, какая-то тень упала на нас: это был тот самый гигантский ксилл, что мы видели на Марсе. Под управлением Суилика он, несмотря на свою тяжесть, описал несколько изящных кругов, пронесся над плоской крышей и исчез за горизонтом. А через полчаса я получил от Аззлема приказ немедленно явиться в Дом мудрецов.

Я посадил свой реоб на террасе. Гигантский ксилл тихонько пока-

чивался на волнах у края пирса. Суилик ждал меня один.

— Разве Эссина не с тобой?— спросил я.

— Нет. В этой экспедиции женщин не будет. Ты ведь тоже не берешь Ульну!

— Когда мы улетаем?

— Скоро. Пойдем, мудрецы хотят тебя видеть.

Аззлем и Ассза не заставили нас ждать. Аззлем сразу приступил к делу:

— Слер, мы еще раз даем тебе опасное поручение. Ты знаешь, Суилик добился, чтобы тебя включили в его штаб. Мы не могли отказать — к тому не было причин, однако мы считали, что можно обойтись и без тебя. Но потом оказалось, что без тебя обойтись будет трудно. В основных чертах ты знаком с планом: на специальном ксилле вы опуститесь на застывшую поверхность мертвого солнца и установите огромный аппарат, способный возобновить ядерную реакцию. По правде говоря, этот аппарат гораздо мощнее: мы собирались только зажигать погасшие звезды, но, видимо, будем их взрывать. В страшном атомном взрыве окружающие планеты могут погибнуть вместе с мисликами.

Так вот, дело в следующем: на поверхности звезд вы будете испытывать во много раз большее тяготение, чем на Элле. Чтобы вас не раздавило, ксилл имеет приспособление для создания антигравитационного поля. Но для такого поля требуется масса энергии, и оно сможет просуществовать всего полбазика. К тому времени все должно быть кончено, иначе вас просто расплющит собственный вес. С другой стороны, самая ответственная часть взрывателя, которую нельзя ни разобрать, ни смонтировать заранее, пока еще слишком тяжела, несмотря на все старания снизить ее вес. На мертвой звезде ее не сможет поднять ни исс, ни синзун.

— Но автоматы...— начал я.

Аззлем досадливо зашипел:

— Ты прекрасно знаешь, что автоматы в антигравитационных полях не действуют! Поэтому мы решили использовать твою физическую силу. Ты согласен?

— Разве я могу отказаться?— ответил я.

— В таком случае мы поместим тебя в камеру с искусственным полем тяготения, чтобы определить, сумеешь ли ты справиться с замедлителем и при каких условиях. Антигравитационное поле ксилла некоторое время будет обратно пропорционально силе притяжения мертвого солнца. Но очень короткое время, так что тебе надо действовать быстро. Пойдем!

Впервые я попал в физическую лабораторию. На меня надели специальный скафандр, армированный металлическими стержнями с шарнирами на коленях, в поясе и в локтях: внутреннее его устройство напоминало антиперегрузочные комбинезоны наших летчиков на сверхзвуковых самолетах. Облачившись в эти доспехи, я встал под медный купол на металлическую плиту. У моих ног лежала сложная деталь. Я нагнулся и без труда поднял ее; для исса это было бы почти невозможно.

Ассза подошел к реостату.

— Внимание! Тяготение два!

Я почувствовал, как тяжелею. Поднимать деталь становилось труднее. Ассза постепенно увеличивал силу притяжения. Руки и ноги у меня наливались свинцом, движения становились все медленнее, кровь приливала к ногам, несмотря на скафандр. Потом меня окутал «черный туман», хорошо знакомый пилотам, но уже задолго до этого момента я не мог поднять замедлитель. Так же постепенно Ассза довел тяготение до нормального.

— Как раз!— сказал он.— А для некоторых звезд даже маловато. Надо будет что-то придумать, чтобы автоматизировать эту операцию. Но в конце концов мы можем попробовать на маленьком солнце!

На следующий день Суилик увел свой ксилл к острову Аниасц для последних приготовлений, и почти месяц я не слышал о нем ни слова. Потом Ассза зашел ко мне в лабораторию; он коротко сказал, что все готово: завтра мы летим торпедировать мертвое солнце в той проклятой галактике, где я уже побывал.

В тот вечер мы не вернулись к себе, а остались в Доме чужестранцев. Когда Иалтар уже садился, с запада показался гигантский ксилл и опустился на море у края полуострова. Через несколько минут подошли Суилик с Эссиной, Сефер с Бейшит, Акейон и Берантон, великий синзунский физик. Таким образом, весь штаб «Ссуинсса»— это слово означает «Разрушитель»— был в сборе. Состоялся прощальный банкет без речей. Мы с Ульной ушли пораньше и отправились на берег. Была мягкая, теплая ночь, море чуть светилось, большие волны медленно накатывались на берег. Ари и Арци заливали все холодным светом, мириады звезд сияли в высоте. Над самым горизонтом еще мерцал постепенно тускнеющий кровавый Кальвенольт. Серебряные лучи двух лун дробили черные тени деревьев. Мы сели в этой зыбкой тени, глядя, как волны выносят на песок пенные кружева.

Так мы сидели долго в глубоком молчании. Да и что могли мы сказать? То, что готовилось, было неизмеримо значительнее наших личных судеб! Отступить я уже не мог, да и не желал, хотя временами содрогался от ужаса. Ульна знала, что на этот раз я полечу один.

У самой воды слева от нас появилась еще одна пара. Судя по стройным, немного хрупким силуэтам, это были иссы. Они приблизились, и мы узнали Суилика с Эссиной. Я встал, хотел их окликнуть, но Ульна дернула меня за тунику, шепнув:

— Оставь их! Им тоже надо проститься.

Я промолчал. Иссы прошли, не заметив нас, и растаяли в темноте. Но скоро они вернулись, и не одни: их спутники казались еще тоньше; я понял, что это Бейшит и Сефер. На этот раз, когда они поравнялись с нами, я их окликнул и они подсели к нам.

Я вынул из кармана трубку, закурил. Хотя сами иссы не курят и считают этот обычай странным, на Элле есть растение, не уступающее по аромату нашим лучшим табакам, но гораздо менее вредное. Я привез с собой немного рассады, но она, к сожалению, не прижилась. Так вот, я раскурил трубку, и привычные жесты перенесли меня на много лет назад. Однажды вечером, в 1944 году, я точно так же докуривал свою последнюю трубку на берегу Средиземного моря в ночь перед высадкой в Провансе, и рядом курили мои товарищи, которым суждено было погибнуть на следующее утро.

Я повернулся к Суилику.

— Как думаешь, мы вернемся?

Он ответил мне исской поговоркой:

— Угадай, где хвост у стисснассана!

Стисснассан — это эллийский червяк, у которого голова так похожа на хвост, что спорящие ошибаются в пяти случаях из десяти.

— Мисликов на мертвых солнцах, наверное, нет,— продолжал он.— И дело не в них. Основная опасность в том, что у нас очень мало времени, чтобы установить килсим. Может быть, все будет зависеть от твоей силы. На месте мудрецов я бы, пожалуй, подождал, пока не будут созданы роботы, способные действовать в антигравитационных полях. Но, с дру-

гой стороны, на изготовление килсима уже затрачено огромное количество энергии и теперь ее надо использовать.

— Как можно сомневаться?!— возмутилась Бейшит.— Все будет хорошо!

— Бейшит участвовала в разработке проекта,— с чуть заметной усмешкой объяснил Суилик.— Понятно, что она так уверена в своем детище. Что касается меня, я успокоюсь только тогда, когда килсим сработает. И не просто сработает. Потому что взорвется он обязательно. Но он должен сработать вовремя... или мы исчезнем!

— То есть как это?— не понял я.

— Килсим — аппарат пока еще экспериментальный и... опасный. После того как будет смонтирована последняя деталь, в твоем распоряжении останется ровно одна минута, чтобы успеть вставить замедлитель. Если тебе это удастся, взрыв произойдет через базик, но если нет — через две минуты. Излишне говорить, что в этом случае мы не успеем удалиться от мертвой звезды. А уходить прямо в ахун из ее чудовищного поля тяготения немыслимо; мы почти наверняка попадем в какой-нибудь антимир. И далеко не каждому так везет, как повезло Акейону. Но к чему беспокоиться! Когда наступит эта минута, я усилю напряжение антигравитационного поля до предела. И ты справишься!

Арци медленно уходила за горизонт. Поднялся свежий ветер. Мы сидели молча. Потом Ульна вполголоса запела гимн покорителей космоса. Когда она дошла до слов о «тех, кто встретил смерть в неведомых мирах», горло ее сжала мгновенная судорога, но она допела гимн до конца. Потом Бейшит низким и очень чистым голосом спела древнюю песню своей планеты, протяжную и мрачную, похожую на заклинание. Все стали просить меня спеть им песню Земли, и я не нашел ничего более подходящего, чем грозная песня корсаров Жана Барта:

Лишь не знающие страха
С нами вместе поплывут!..

«Да, не знающие страха,— думал я.— Но что значат все подвиги древних мореплавателей по сравнению с этим фантастическим рейдом! Ведь мы летим зажигать солнце!..»

— Что бы ни случилось, друзья,— вдруг заговорил до сих пор молчавший Сефер,— человеческие планеты могут нами гордиться. Если даже мы потерпим неудачу, за нами придут другие. Но мы все равно останемся первыми.

— Конечно,— усмехнулся Суилик.— Только постараемся не походить на бравого Оссинси!

— Кто такой Оссинси?

— Это был знаменитый воин на Элле-Вен, много тысяч лет назад. До нас дошла песня о нем. Споем, Эссина?

И они пропели нам песнь о подвигах Оссинси. Это был такой славный воин, что ему ни с кем не удавалось сразиться: враги бежали при одном упоминании его имени. Но вот однажды он набрел на старого отшельника, который никогда не слыхал о нем. Разозленный тем, что Оссинси нарушил его уединение, отшельник, вместо того чтобы бежать, обрушился на воина с проклятиями. В смятении Оссинси подумал, что перед ним какой-то сказочный герой, если он смеет его проклинать, и сам обратился в бегство, да так стремительно, что бежит до сих пор.

После этой иронической песенки мы расстались.

Ксилл стартовал на заре. Эссина, Бейшит и Ульна пришли проводить нас на пирс. Прозвучали прощальные слова, и металлическая дверь закрылась за нами.

Первая часть перелета прошла спокойно, если не считать более заметных толчков при переходе в ахун, вызванных значительной массой ксилла. Мы вынырнули в проклятой галактике, но Суилик не знал, где точно находится планета Сифан, на которой мы с Ульной провели тот страшный месяц. Пролетев над ближайшей планетой, мы обнаружили, что она захвачена мисликами. Солнечная система, которую мы намеревались оживить, насчитывала примерно двенадцать планет, но это, разумеется, приблизительная цифра. Мы начали спускаться к мертвому солнцу.

Вместе с Берантоном, Акейоном и Суиликом я сидел в кабине управления, в сеалле. Помимо обычных, уже знакомых приборов, которыми я умел пользоваться, хотя и не все в них понимал, здесь была масса новых аппаратов специального назначения.

— До мертвого солнца лететь еще несколько базиков,— сказал Суилик.— Будет неплохо, если Берантон покажет тебе заранее, что именно нужно сделать.

Я последовал за физиком. Экипаж «Ссуинсса» состоял всего из пятидесяти человек — двадцати пяти иссов и двадцати пяти синзунов. Бо́льшую часть ксилла занимал огромный круглый зал, пол которого делился на две части — центральный круг и внешнее кольцо. В середине стояло уродливое приземистое сооружение высотой примерно три метра, диаметром до тридцати. Оно явно не было закончено: тут же на металлическом полу лежали еще не смонтированные детали. Среди них я увидел тот самый замедлитель реакции, который мне предстояло вставить на место. На внешнем кольце располагались антигравитационные генераторы; в их поле мы должны были работать на мертвой звезде.

— Как только мы опустимся,— сказал Берантон,— центральный круг вместе с килсимом отделится. Антигравитационное поле будет включено заранее. Но чтобы уравновесить притяжение мертвого солнца, потребуется столько энергии, что ее хватит всего на половину базика с момента посадки. Значит, придется поторопиться. Когда килсим будет включен, мы отлетим подальше и уйдем в ахун, чтобы снова выйти в Пространство для наблюдений за результатами опыта. Иди сюда, отработай все движения — это несложно. Ты берешь замедлитель, вставляешь его в это отверстие, поворачиваешь на 90 градусов, вдвигаешь еще наполовину и еще раз поворачиваешь в обратном направлении. Вот и все. Но когда я подам знак, не медли ни секунды, это главное! От тебя будет зависеть наша жизнь. Теперь попробуй. Килсим еще не включен, опасности нет.

Мы находились в Пространстве вдали от мощных центров притяжения, поэтому задача показалась мне нетрудной. Я отрабатывал каждое движение до тех пор, пока не стал вставлять замедлитель с закрытыми глазами.

— Скоро деталь будет весить больше. Прежде чем мы закончим сборку килсима, попробуешь еще раз.

— Не стоит,— возразил я.— И так все ясно. Лучше я поберегу силы.

Мы вернулись в сеалл. Орбиты больших планет остались позади, и теперь мы пролетали мимо внутренних планет. Когда последняя исчезла из виду, Суилик включил антигравитационное поле и дал сигнал боевой тревоги. Мы облачились в специальные скафандры, но пока остались в сеалле. Берантон и Суилик приступили к серии сложных маневров: опуститься на мертвое солнце неизмеримо сложнее, чем на любую планету. Внезапно расход энергии резко повысился, лица астронавтов омрачились. Затем все вошло в норму.

Но когда до цели оставалось около десяти тысяч километров, расход энергии снова угрожающе возрос. Нужно было немедля принимать решение: продолжать спуск, ограничив пребывание на мертвом солнце до трети базика вместо половины, или поворачивать назад. Экипаж и командование единогласно решили спускаться. Берантон приказал начать монтаж килсима заранее, принимая все меры предосторожности.

Все кроме Суилика, который не мог отойти от приборов управления, спустились в большой зал. Антигравитационные генераторы тихо гудели. Вокруг килсима сновали инженеры-монтажники. Несмотря на мощное внутреннее поле, притяжение становилось все сильнее и стрелка гравиметра уже приближалась ко второму делению. Потом она перешла его. Наши движения сделались тяжелыми и неловкими. Берантон приказал мне лечь: я должен был сохранить силы для решающего момента.

Последовал легкий толчок: ксилл скользнул вперед и замер. Центральная платформа медленно опустилась. Мы были на поверхности мертвого солнца. Ксилл поднялся и повис в трех метрах над нами. Вокруг в холодном свете прожекторов простирались застывшие волны металла и окалины — жуткий удручающий пейзаж! Теперь в нашем распоряжении оставалась ровно треть базика, или тридцать эллийских минут, за которые мы должны были успеть все закончить. В моем шлеме звучал бесстрастный голос Суилика, отмечавшего время: «Двадцать девять минут... двадцать восемь... двадцать семь...»

Но что случилось с командой монтажников? Казалось, они еще не сдвинулись с места! С трудом повернув голову, я увидел, как инженеры, стесненные в движениях из-за своих скафандров, еле волоча ноги, работают мучительно медленно, как в дурном сне! Берантон, прислонившись к килсиму, руководил сборкой.

«Двадцать пять... двадцать четыре... двадцать три...»

Большая часть деталей все еще валялась на металлическом полу. Какие же мы идиоты — синзуны, иссы, р'бены, я сам, все! Если роботы не действуют в антигравитационных полях, то обыкновенный кран, да что кран — просто блок в десять раз облегчил бы задачу. Но эти слишком цивилизованные существа позабыли о таких простых приспособлениях!

«Двадцать... девятнадцать... восемнадцать...»

Напряжение антигравитационного поля не было постоянным и ритмично менялось. Меня то вдавливало в ложе, то приподнимало, то вдавливало, то приподнимало...

«Пятнадцать... четырнадцать... тринадцать...»

Постепенно последние детали становились на место. Берантон крикнул:

— Внимание! Когда я подам знак, наступит твоя очередь. У тебя останется ровно одна земная минута. Приготовиться!

«Двенадцать... одиннадцать... десять...»

— Когда я опущу руку, начнется твоя минута. Иди сюда!

Я встал, с трудом дотащился до замедлителя. Он показался мне чудовищным. Никогда, ни за что не смогу я его поднять!

«Девять...»

— Берантон! Я не смогу! Останови...

«Восемь...»

— Слишком поздно! Давай!

Он уронил руку. Я нагнулся, ухватился за деталь, полный страстной решимости. Выхода не было: чудовище уже пробудилось. Теперь я держал в руках наш единственный шанс на спасение — замедлитель реакции,

который даст нам время уйти в ахун. Ухнув, как дровосек, я поднял его рывком. Берантон, глядя на мои земные часы, отсчитывал секунды.

— Пятьдесят пять...

Я сделал шаг, положил конец замедлителя на край отверстия.

— Пятьдесят...

Нет, деталь была слишком тяжела! Куда ее поворачивать, направо или налево? Внутри скафандра пот заливал мне глаза.

— Сорок...

О чем думает этот болван Суилик! Он же обещал дать максимальное напряжение антигравитационных полей, когда придет моя очередь!

— Тридцать пять...

Вокруг меня сборщики медленно расползались в стороны, придавленные страшным притяжением. Невероятным усилием я приподнял замедлитель на нужную высоту. Мне показалось, что я уже чувствую дрожь в недрах чудовища. А что, если иссы ошиблись? Что, если килсим взорвется сейчас?

— Тридцать...

Охваченный ужасом, я повернул деталь, но не в ту сторону, в какую надо.

— В другом направлении, в другом направлении,— закричал Берантон.— Двадцать пять...

И вдруг мне почудилось, будто деталь сразу стала легче. Я смог ее повернуть, вставить глубже. Мне оставалось только повернуть ее еще раз. Но куда теперь? Разумеется, в обратном направлении. Но куда я ее поворачивал в первый раз? Совершенно ничего не соображая, я простоял, наверное, целую секунду.

— Двадцать...

— Вот так!

Деталь словно сама встала на место. Берантон машинально пытался отереть пот, струившийся по его лицу под шлемом скафандра.

— Десять,— проговорил он.

— Семь,— отозвался голос Суилика.— Внимание, я снижаюсь. Входите в ксилл!

Купол ксилла накрыл нас. В последний раз я бросил взгляд на волны застывшего металла, которых больше не увидит никто. Как можно скорее, из последних сил передвигая ноги, мы забрались на внутреннее кольцо. Ксилл тотчас взлетел, оставив внизу центральный диск с грозной массой килсима. Он быстро уменьшался и скоро исчез из глаз. Мы дотащились до герметических дверей, вползли в ксилл. Притяжение все еще было так велико, что никто не решался подняться по лестнице. Когда оно немного ослабло, мы полезли вверх, изнемогая от усталости. Я был уже на полпути, как вдруг вся тяжесть исчезла и я почувствовал себя легче пушинки: это ксилл ушел в ахун.

Глава IV

ИСКРА В НОЧИ

Один за другим все расходились по своим местам. Я вернулся в сеалл.

— Где мы?—спросил я Суилика.

— Где-то в Пространстве. Надеюсь, достаточно далеко, чтобы ничего

не бояться. Подождем взрыва.

— Теперь придется ждать целый базик?

— Нет, больше. Взрыв произойдет через базик, но мы его увидим только через пять-шесть базиков, в зависимости от расстояния до звезды. Ты забыл, что свет распространяется не мгновенно. А что касается волн снесс, которые распространяются быстрее обычных,—не думаю, чтобы взрыв значительно увеличил их поток. Впрочем, попробуем засечь.

Берантон и Сефер готовили регистрационную аппаратуру. Мы ждали. В ксилле царила тишина, нарушаемая лишь мягким гулом вспомогательных двигателей да чуть слышным шипением воздуха, прогоняемого через фильтры. Я уселся поглубже в удобное кресло и, сломленный усталостью, задремал.

Разбудил меня какой-то вопль. Я открыл глаза. Свет был погашен, но экран полыхал яростным пламенем, а на его фоне жесткими тенями выделялись силуэты исса, синзуна и р'бена. Ослепленный, я отвернулся. Суилик, прикрывая глаза одной рукой, другой лихорадочно крутил рукоятку настройки. Приглушенный фильтрами, свет ослабел. Вцепившись в ручки своего кресла, я жадно вглядывался в фантастическое зрелище, в котором была и моя доля усилий,— возрождение солнца!

В глубине черного неба сияло ослепительное, несмотря на фильтры, пятно, расползаясь с каждой секундой. Затем из него вырвались лиловатые языки пламени и поползли в трех направлениях, вытягиваясь, как гигантские пальцы. Картина была грандиозная и жуткая, особенно потому что вокруг не мерцало ни одной звезды. Бледные пятна далеких галактик растворились в сиянии нового светила.

— Суилик, почему ты меня не разбудил?— крикнул я.

— Взрыв застал нас врасплох. Он произошел раньше, чем мы ожидали, а это означает, что мы находимся гораздо ближе, чем думали, даже слишком близко, если говорить начистоту. Посмотри на счетчик радиации!

Стрелка счетчика неуклонно ползла влево, приближаясь к зеленой черте, обозначающей опасность. Берантон и Сефер невозмутимо наблюдали за приборами-регистраторами.

— Осторожно, уходим в ахун!

Я почувствовал характерный толчок. Экран погас. Почти тотчас последовал новый толчок при выходе из ахуна, однако экран остался таким же темным.

— Куда мы попали?

Никто не ответил.

— Суилик, где мы?

— Откуда я знаю! Где-то в Пространстве.

— Но где солнце? Неужели оно снова погасло?

Мои спутники откровенно расхохотались.

— Да нет же, просто мы слишком удалились: свет сюда еще не дошел. Следи внимательно, и ты увидишь начало взрыва.

Мы напрасно прождали два базика. Внезапно в черной бездне космоса, как раз впереди пятна далекой галактики, загорелась зеленая искорка.

— Взрыв килсима,— проговорил Берантон.

В течение, может быть, двух-трех секунд не было ничего, кроме этой зеленой искры в ночи. Затем вспыхнул ослепительный синий свет. Отсюда, с огромного расстояния, он показался мне ничтожным. Я снова увидел огненные пальцы, гигантские извержения раскаленных газов. Они расширялись, сливались, наконец образовали единую корону, некоторое время переливавшуюся всеми цветами радуги, затем последовало новое извер-

жение, еще и еще — все чаще, все быстрее, все дальше. Теперь даже издали пробужденное светило казалось в два раза больше нашего Солнца. И оно росло с каждой минутой.

— От мисликов не осталось и следа,— холодно заметил Берантон.— И от их планет тоже.

Суилик увеличил изображение в сто раз, одновременно переменив фильтры. Весь экран заполнило кипящее огненное море. Вздымались и опадали гигантские волны, каждая величиной с несколько планет. Диаметр звезды уже превысил пределы ее старой планетной системы, и все миры, которые она некогда озаряла, вернулись в огненные недра нового солнца со всеми их горами, замороженными океанами, развалинами всевозможных человеческих культур и... со всеми мисликами!

— Нет, это слишком! Свет небесный, ты дал слишком большую власть своим детям!— простонал молодой иссе, только что вошедший в сеалл.

— Что значит «слишком»? Ты что, предпочитаешь, чтобы мислики погасили Иалтар?

Юноша не ответил. Единственный раз я услышал, как иссе усомнился в Древнем пророчестве. И, словно по иронии судьбы, его одернул именно Суилик, один из немногих убежденных атеистов Эллы.

Безымянная звезда стабилизировалась. Время от времени над ней еще вздымались пылающие протуберанцы, но диаметр ее перестал увеличиваться. Пора было возвращаться, и мы ушли в ахун.

Когда Элла возникла на экранах, Суилик передал сообщение об успехе экспедиции. Поэтому еще до того, как мы проникли в атмосферу, нас встретил почетный эскорт из сотен ксиллов и «Тсалана», а Совет мудрецов в полном составе ожидал нас на пирсе, возле которого опустился на воду гигантский ксилл. Впереди всех, на самом краю мола, появились три тонкие фигуры, размахивающие руками,— Ульна, Эссина и Бейшит. Весь берег, вся нижняя терраса, все прибрежные склоны были покрыты тысячами иссов — первый раз я увидел на этой счастливой планете настоящую толпу. Когда мы выбрались на броню «Ссуинсса», грянул гимн, тот же самый, что я слышал в зале Совета миров на Рессане. И на этот раз даже я, землянин, человек с красной кровью и неразвитыми мистическими способностями, был взволнован и тронут до слез. Ибо это была песнь освобождения сотен человечеств от угрозы Вечной Ночи, песнь сынов Света, перед которыми открывалось грядущее без конца и края.

Мы еле добрались до зала Совета, сломленные усталостью и волнением. Суилик приступил было к докладу, но Аззлем мягко прервал его:

— Нет, Суилик, не надо. Оставим технические подробности до завтра. Просто расскажите нам все, как это было.

Мы рассказывали по очереди. Нервный подъем помог мне найти нужные слова, чтобы передать весь ужас и отчаяние тех секунд, коротких секунд на поверхности мертвого солнца, когда я напрягал все силы, пытаясь поднять «замедлитель». И меня слушали, как никогда в жизни!

Потом мы с Ульной отправились домой. Восемь дней я приходил в себя и отдыхал. За эти дни у нас в гостях, помимо Эссины и Суилика, Бейшит и Сефера, перебывали все соседи, кроме того из дальних мест прибыло множество иссов, которых я видел впервые. Мне пришлось повторять свой рассказ бесчисленное количество раз.

Вечером восьмого дня, когда я возвращался после купания, возле моего дома опустился реоб, выкрашенный в синий цвет, цвет Совета. Из него вышел Ассза и спокойно сказал:

— Слер, второй килсим готов!

И вот начался для меня самый фантастический период жизни. План иссов заключался в том, чтобы создать в проклятой галактике пятно света, систематически торпедируя мертвые солнца вокруг первой зажженной нами звезды. Мне пришлось участвовать еще в десятке экспедиций, но теперь это было намного легче: замедлитель поднимали краном, и мне оставалось только направлять его в отверстие и поворачивать. Однако по общему согласию иссы, синзуны и р'бены предоставляли эту почетную роль мне, хотя при помощи крана с ней могла бы справиться любая женщина. Действительно, вскоре и женщины начали принимать участие в подобных экспедициях, пусть утомительных, зато не столь опасных, как десантные операции на планетах, захваченных мисликами.

Заводы на Марсе работали на полную мощность, собирая новые гигантские ксиллы. В четвертую экспедицию полетели три таких корабля. Начиная с десятой их было уже семь, и во тьме вспыхнули сразу семь новых солнц. В одиннадцатую экспедицию отправились десять ксиллов, но вернулись только пять.

Этого рейда я никогда не забуду. Мы торпедировали чудовищное солнце и едва уцелели, несмотря на предельное напряжение антигравитационных полей. Один исс неосторожно приблизился к краю центральной площадки, где поле было слабее, упал на поверхность мертвого солнца и погиб у нас на глазах, раздавленный собственной тяжестью. Спасти его было невозможно. Мы сами только-только успели взлететь.

Долгое время мы парили в Пространстве, ожидая взрыва. Кругом была тьма. Дело в том, что первое солнце мы зажгли всего месяцев шесть назад, а расстояние между мертвыми звездами было в среднем раз в десять больше, поэтому свет сюда еще не дошел. Вместе с Суиликом, Эссиной и Ульной я сидел в сеалле. Эссина была подавлена: погибший исс, тело которого должно было исчезнуть в невообразимом взрыве, приходился ей дальним родственником. Мы молчали. Дежурный штурман монотонно, как заклинание, считывал показания приборов:

— Секан, сник. Тсенан, сник. Офан, сник.

Вдруг мы увидели, что он вскочил и впился взглядом в один из циферблатов:

— Тсенан мислик! Сен, тси, серон, стелл, сидон...

Регистратор излучений мисликов подскочил с нуля до пяти. Начиная с седьмого деления оно становилось опасным для иссов, а для р'бенов — с шестого! Значит, где-то в Пространстве, вдали от всяких планет, были мисликн. Уже одно это представляло собой новую опасность.

Но на сей раз все обошлось, во всяком случае, для нас. Излучение быстро ослабело. А еще через несколько минут нас настигла световая волна: килсим снова сработал вовремя.

Через ахун мы вернулись на планету кайенов, где находился наш сборный пункт. На космодроме уже лежал гигантский ксилл Акейона. На другом краю поля виднелся маленький интерпланетный городок, где жили инженеры, обслуживающие ксиллы. Кайены относились к нам дружелюбно, но сдержанно.

Мы ждали. Появились еще два больших ксилла; их капитаны пришли к нам с отчетом. Все было нормально. Мы зажгли уже пятьдесят солнц, но, как заметила Бейшит, по сравнению с миллиардами мертвых звезд это было всего лишь искрой в ночи.

Время шло. Настала ночь, ночь планеты Ссвфт. Шесть ксиллов не возвращались. Однако, пока не истекло резервное время, это нас не очень тревожило. Мы поужинали и легли спать. Утром над космодромом попрежнему высились только четыре огромных купола наших ксиллов.

Незадолго до полудня прилетел маленький ксилл с Эллы. Оказалось, что это Ассза. С ним время прошло быстрее, но когда снова стемнело и ни один из шести наших ксиллов не вернулся, мы забеспокоились не на шутку. Суилик, Ассза и я решили этой ночью не спать.

Мы устроились в оборудованной иссами наблюдательной башне на предпоследнем этаже. Над нами звучали тяжелые шаги дежурного кайена, следившего за рейсами своих кораблей! Ассза сел к передатчику, чтобы связаться с ксиллами, когда они будут приближаться к планете. Но радиоволны и волны снесс молчали. Около полуночи его место занял Суилик. Утонув в мягком диване, я постепенно погружался в дремоту. В комнате было темно, и только контрольные лампы мерцали слабым зеленым светом.

Внезапно на экране появилось искаженное лицо иссa Бриссана, командира ксилла № 8. Он выкрикивал что-то неясное, неразборчивое, потом экран погас.

Сон мой как рукой сняло. Я вскочил и встал позади Суилика. Он лихорадочно крутил ручки настройки. Экран снова вспыхнул, но изображения не было.

— Суилик, что происходит?— спросил я.

— Не знаю. Во всяком случае, ничего хорошего.

— Пойдемте!— оборвал его Ассза.

Мы быстро поднялись на верхний этаж. В рачьих глазах кайена при виде нас вспыхнул злой огонек, но тут же погас, когда он узнал Суилика. По просьбе Ассзы кайен включил космический искатель усовершенствованной синзунской модели и начал обшаривать небо. Этот искатель представляет собой нечто вроде радара, использующего волны снесс. На экране появилось быстро перемещающееся пятно.

— Ксилл номер восемь,— сказал Суилик.— Он будет здесь через несколько минут. Видимо, он уже вошел в атмосферу.

Мы спустились к себе. Один за другим по углам космодрома зажигались мощные прожекторы, но не для ксилла, который в освещении не нуждался, а для звездолета кайенов, вернувшегося из межпланетного рейса. Вскоре этот звездолет неуклюже сел на поле, похожий на огромное яйцо. Едва он остановился, как из темноты возник наш ксилл. Но вместо того чтобы опускаться плавно и вертикально, он круто пикировал на ребро. Суилик с посеревшим лицом замер у окна.

— О чем думает Бриссан? Он с ума сошел или вообразил, что управляет реобом? Проклятые мисликн! Слишком быстро, слишком большая скорость! Ссиних!

Гигантский аппарат коснулся поверхности на скорости более тысячи километров в час. Срезанный слой почвы брызнул во все стороны, пыль вздыбилась тяжелыми волнами в лучах прожекторов, и сквозь ее желтоватую завесу мы увидели, как ксилл подпрыгнул, упал, опять подпрыгнул и, встав на ребро, покатился дальше, как гигантское колесо. Слегка задев ксилл № 2 — ксилл Акейона, он прошел между ксиллами № 1 и № 3 и врезался в звездолет кайенов.

Мы были уже внизу и бежали к месту катастрофы. Пыль медленно оседала. На помощь бросились иссы и синзуны из ксилла № 3. Когда мы пробегали мимо ксилла № 1, к нам присоединились Ульна, Эссина и Бейшит. На полном ходу нас обгоняли машины кайенов со спасательными командами.

Звездолет пылал. Привалившись к нему, стоял ксилл № 8, на три четверти разрушенный, с изорванной, смятой обшивкой. Боковой люк был открыт, но никто оттуда не выходил. Мы нырнули в искалеченный

коридор, проползли под продавленными потолками, отодвигая трупы синзунов и иссов, и наконец проникли в сеалл. Там еще мерцал свет и откуда-то из вспоротого чрева доносилось глухое гудение двигателей. В сеалле было семь человек, из них шесть мертвых, один Бриссан еще дышал. Он узнал Суилика, Ассзу, прошептал: «Будьте осторожны, мисликн контратакуют»,— и тоже умер.

Среди хаоса разбитых установок и сорванных приборов Суилик отыскал завалившийся под кресло бортовой журнал. Мы вышли, уступив место экипажу ксилла № 3 для систематического осмотра. Среди трупов удалось найти еще живую молодую кренку с перебитыми руками и ногами. Ее немедленно переправили в базовый госпиталь.

Звездолет по-прежнему пылал. Я не знаю, какое вещество используют кайены для своих ракет; знаю только, что оно легко воспламеняется и выделяет при сгорании огромное количество тепла. Тем не менее огонь постепенно удалось погасить. Мы вернулись в наблюдательную башню, где немедленно собрался военный совет.

Вот что мы узнали из записей в бортовом журнале.

Казалось, все шло нормально. Килсим был установлен на поверхности мертвого солнца и включен. Ксилл на большом расстоянии ожидал взрыва. Взрыва не произошло. Бриссан прождал в пять раз дольше обычного срока. Вернуться, чтобы проверить килсим, было немыслимо. Он уже хотел отдать приказ уходить в ахун, когда мисликн окружили ксилл со всех сторон. Термические лучи разметали их, но трое иссов были тяжело ранены.

И тогда Бриссан с согласия своих товарищей совершил непростительную неосторожность. Вместо того чтобы вернуться на базу, он приблизился к последней планете этой солнечной системы, планете, буквально кишевшей мисликами. На ее поверхности он заметил пилоны более сложной конструкции, чем те, которые мы разрушили на Седьмой планете Кальвенольта. Килсим все еще не взрывался, и Бриссан подумал, что мислики нашли способ приостановить его действие. Неужели они были предупреждены? Но в таком случае у них должно существовать какое-то сверхбыстрое средство связи между солнечными системами!

Бриссан решил вернуться. Он удалился от планеты, чтобы уйти в ахун, и в этот момент на ксилл из Пространства обрушился поток металлических глыб, град мертвых мисликов. Броня большого ксилла, куда менее прочная, чем на «Ульне-тен-Силлон», была проломлена в нескольких местах, половина двигателей и приборов вышла из строя, однако им удалось уйти в ахун. Но ксилл был слишком сильно поврежден. Последняя запись в бортовом журнале гласила:

«База в виду. Мы спускаемся слишком быстро».

Напрасно мы ждали возвращения остальных ксиллов. Из трехсот членов шести экипажей уцелела только одна кренка Барасса, впоследствии подтвердившая то, что было записано в бортовом журнале. Кроме того, во время катастрофы было убито девяносто семь кайенов.

Мы вернулись на Эллу. Два месяца Совет союза человеческих миров изучал новые данные, и наконец мы приняли решение. Я говорю «мы», потому что сам был полноправным делегатом на том заседании, хотя и не как землянин, а в качестве иссa. Отныне гигантские ксиллы решено было отправлять только в сопровождении множества маленьких ксиллов типа «Ульны-тен-Силлон», которые должны уничтожать пилоны мисликов на планетах, пока большой ксилл устанавливает килсим на поверхности мертвой звезды. Но чтобы избежать больших потерь, экипажи этих маленьких ксиллов решили набирать из одних синзунов... или землян!

ЭПИЛОГ

Мой рассказ подходит к концу. Я принял участие еще в двух экспедициях. Первая направилась к той солнечной системе, где был поврежден ксилл № 8. На сей раз большой ксилл под управлением Суилика опустил на мертвое солнце килсим, который сработал безотказно, потому что еще до этого сто маленьких ксиллов одновременно разрушили взрывами инфраатомных бомб все пилоны мисликов на всех планетах. И я сам был во главе этой эскадры на «Ульне-тен-Силлон».

По возвращении из второй экспедиции я был срочно вызван в Совет мудрецов, где услышал следующее необычное предложение.

Сейчас, на данном этапе развития нашей цивилизации, иссы не могут установить официальный контакт с Землей. Когда-то они уже пытались навязать мир планетам, где свирепствовали войны, но каждый раз очень скоро сами оказывались в состоянии войны с такими планетами. Тогда был принят Закон исключения. Поэтому мудрецы предложили мне вернуться на Землю за добровольцами, которые согласились бы переселиться на девственную планету звезды Сефан-Тезеон, находящейся на расстоянии девяти световых лет от Эллы. Когда число землян на этой планете возрастет, они тоже смогут принять участие в общей борьбе с мисликами. Время не играет особой роли, потому что борьба продлится еще не одно тысячелетие.

Вместе с Ульной и Суиликом я посетил эту планету. Она немного крупнее Земли, но не настолько, чтобы ощущалась заметная разница в силе притяжения, и населена только животными, среди которых нет ни отвратительных чудовищ, ни опасных хищников. К тому же иссы обещали предоставить нам всю свою технику и знания. Растительность там, как у нас, зеленого цвета, климат чудесный, есть две луны, океаны, горы. Короче, я согласился.

Вот почему спустя три года я опять на Земле. И вот почему даже здесь, в родном доме, мне не кажется, что я у себя. Я уже не чувствую себя только землянином. Видишь, прав был Суилик, когда говорил, что я стал иссом больше самих иссов.

Полгода назад ксилл доставил меня ночью на ту же поляну Манью. Я немедленно отправился в путешествие за границу и вернулся только через два месяца, чтобы встретить Ульну. Она тоже прибыла ночью, и я всем говорю, что привез ее из Финляндии. Я уже повидал около ста человек в разных странах. Многие согласились и отправятся вместе со мной.

— Но постой,— прервал я Клэра.— Ты говоришь, что отсутствовал три года, а сейчас сам сказал, что улетел только в октябре этого года!

— Так оно и есть. И для землян я отлучился всего на несколько дней. Мудрецам пришлось-таки поломать голову над расчетами обратного путешествия, когда я им объяснил, что для успешного выполнения задачи нужно, чтобы мое отсутствие на Земле прошло незамеченным! При некоторых обстоятельствах переход через ахун позволяет ценой гигантского расхода энергии совершать путешествия во Времени, да и то в весьма ограниченных пределах. Как они это сделали, я и сам не знаю. Знаю только, что я прожил на Элле три года и что мне теперь тридцать пять лет, хотя я всего на месяц старше тебя, а тебе сейчас тридцать два года. И все-таки по земному времени я улетел пятого октября, а восьмого уже вернулся. Впрочем, мудрецы сами тебе все объяснят, если ты полетишь со мной.

— Что? Ты предлагаешь мне лететь с вами?

— А почему бы и нет? Теперь ты один на свете. А для физика, влюбленного в свою науку, вроде тебя...

— Мне придется многому переучиваться,— с горечью возразил я.

— Не бойся, ты быстро все наверстаешь! У иссов есть полугипнотический способ обучения. Подумай! Перед нами открывается вся Вселенная, все мироздание!

Клэр умолк. Тишину нарушало только тиканье старых настенных часов с большим маятником. Я не мог говорить, ошеломленный этим фантастическим рассказом и поразительными перспективами, открывающимися передо мной, настолько поразительными, что я все еще не мог в них поверить.

— Ты понимаешь,— снова заговорил Клэр,— я до сих пор не знаю толком, где я был. Знаю одно: иссы существуют в той же самой Вселенной, в широком смысле слова. И мислики тоже. В этом и заключается опасность и для иссов, и для нас. Потому что мы все сосуществуем в одном Времени, хотя я и не в силах этого доказать.

Единственное доказательство, которое я могу представить, помимо фотографий,— их я готов тебе показать хоть сейчас,— это доказательство перед тобой: Ульна, Ульна-андромедянка, рожденная за восемьсот тысяч световых лет отсюда, на планете Арбор, единственной планете, кроме Земли и дикого мира, открытого Суиликом, где обитают существа с красной кровью, не боящиеся смертельных излучений мисликов, «гасящих звезды».

Да, я жил на Элле, я побывал в проклятых галактиках, я сражался с мисликами. Я был одним из тех, кто торпедировал мертвые солнца, я встречался на Рессане с посланниками всех человечеств, входящих в Союз человеческих миров. Если бы не Ульна, я бы сам мог подумать, что все это бред сумасшедшего, и отправился бы к психиатру. Впрочем, нет, я забыл про ассри, который ты недавно разглядывал в лаборатории,— только не отпирайся, ты ведь не умеешь врать! Но этот аппарат я не оставлю на Земле. О да, я знаю! С его помощью можно было бы избавить человечество от большинства болезней.

Я уже спас сестру нашего друга Ляпейра, которая медленно умирала от рака. Но если такой аппарат попадет в руки политиканов или военщины, они превратят его в самое жуткое орудие войны. Дифференцированные абиотические лучи... Нет, об этом в другой раз. Но мы будем следить за Землей, и когда воцарится мир... Только бы люди не пошли по пути обитателей планет Аур и Жен, иначе от землян тоже останется в лучшем случае хрупкая статуэтка в доме юного исследователя космоса.

Несколько минут Клэр сидел молча, задумавшись, потом усмехнулся.

— Хотел бы я знать, что скажут правительства, когда обнаружат исчезновение самых смелых и талантливых из своих подданных! Наверное, опять завопят, что это козни русских. Впрочем, русские будут в таком же положении: я не из тех, кто верит в пресловутый «железный занавес», и вовсе не собираюсь отдавать предпочтение какому-либо одному народу! Но уже три часа утра. Пора спать. Подумай обо всем хорошенько.

— Завтра вечером я должен быть в Париже,— возразил я.

— О, я тебя не тороплю. Я пробуду на Земле еще несколько месяцев. И время от времени буду сюда возвращаться. Кстати, забавная подробность: я вернул моему бывшему пациенту тот слиток вольфрама, который он мне одолжил. Он и не подозревает, что заботливо хранит у себя в шкафу кусок металла, синтезированного в одной из лабораторий Рессана!

Не знаю, как удалось мне заснуть в ту ночь. В семь утра я уже был на ногах. Клэр и его жена ожидали меня в столовой. Все, что я слышал ночью, при свете дня показалось мне далеким фантастическим сном. Мне пришлось заставить себя взглянуть на узкие руки Ульны и вспомнить о доказательстве, которое было в моем чемодане, на магнитофонной пленке.

Я позавтракал второпях. Когда мы с Клэром прощались, Ульна что-то сказала мужу на неведомом звучном языке и протянула мне маленький сверток.

— Ульна дает тебе подарок для твоей будущей жены, если ты не захочешь улететь с нами,—перевел Клэр.—Это подарок от Арбора Земле. Когда решишь, напиши мне.

— Конечно! — ответил я. — Но, знаешь, все это слишком неожиданно. Мне надо еще несколько раз прослушать твой рассказ.

Я простился. Отъехав километра три, я остановил машину и развернул сверток. В нем оказалось кольцо из белого металла с великолепным голубым алмазом в виде шестиконечной звезды.

На следующее утро я вернулся к себе в лабораторию и повседневная рутина быстро захватила меня. Но каждый вечер я включал магнитофон, пока не выучил рассказ Клэра наизусть и не переписал его в эту тетрадь. Я показал кольцо одному крупному ювелиру. Его заключение не оставляло сомнений: до сих пор никто никогда даже не слышал о том, чтобы алмазам придавали форму звезды. Что касается металла, то это платина.

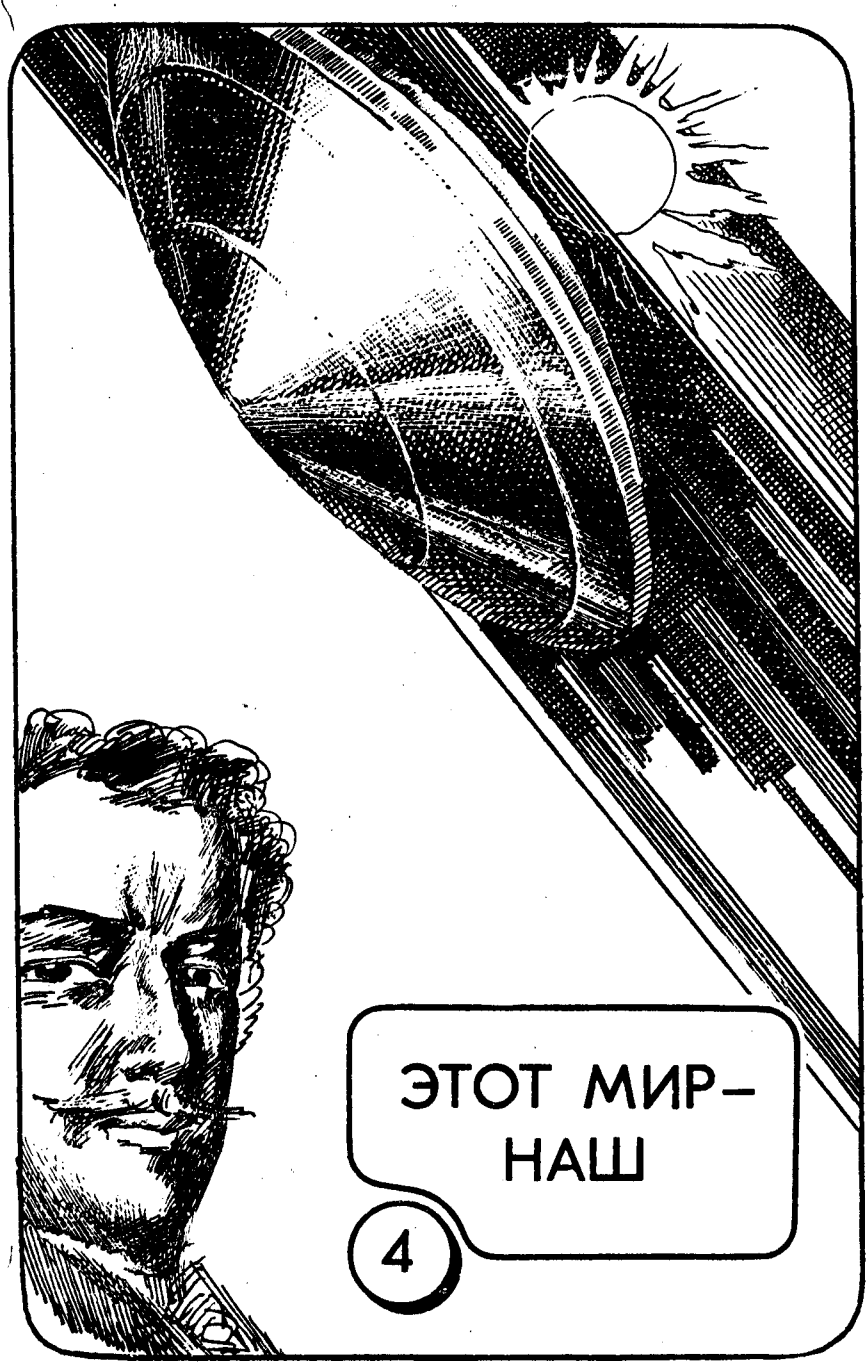
Я сделал глупость: дал свою тетрадь Ирэн М., хорошенькой специалистке по нейтронам. Она вернула мне ее два дня спустя, посоветовав бросить физику и заняться сочинением фантастических романов. «Но если бы это было правдой, вы бы полетели туда?» — спросил я. «А почему бы и нет?» — ответила Ирэн. Тогда я дал ей послушать запись рассказа и показал кольцо.

Решено, я отправляюсь с Клэром! Я ему уже написал. Попробую уговорить Ирэн лететь со мной.

Эта удивительная рукопись была найдена за диваном в комнате Ф. Бори. Как уже известно нашим читателям, месье Бори, молодой физик с большим будущим, исчез полгода назад вместе с мадемуазель Ирэн Массон. Мы навели справки в Дордони о докторе Клэре, о котором идет речь в рукописи. Он также исчез примерно в то же время. За несколько месяцев до этого он вернулся из путешествия с очень красивой женщиной, на которой женился за границей. Следует отметить, что его старая кормилица Мадлена исчезла вместе с ним. Накануне исчезновения Ф. Бори к нему, по словам консьержки, заходили высокий брюнет и очень красивая блондинка.

Наконец, еще одно обстоятельство сделало эту загадку совсем уж неразрешимой. Несмотря на сдержанность официальных источников, нам удалось узнать, что примерно в тот же период в Европе и в Америке исчезло несколько тысяч человек, мужчин и женщин, главным образом молодых, причем все это были люди высокого уровня развития: ученые, художники, студенты, инженеры, квалифицированные рабочие, а также в ряде случаев члены их семей.

Удалось установить, что каждого из них незадолго до исчезновения посетили высокий брюнет и очень красивая белокурая женщина.



ЭТОТ МИР — НАШ

4

ПРОЛОГ

Эунимеор Кхардон, Верховный Координатор Галактической Лиги человеческих миров, заканчивал свой рабочий день. Почти все его сотрудники — люди, синзуны, р'бены, кайены, но в большинстве своем иссы,— уже покинули Дворец миров на Рессане, шестой планете звезды Иалтар в первой галактике. Кхардон с удовольствием подумывал о двухчасовом полете до Дома мудрецов, где его ожидал старый друг исс, физик Ссефен, и о долгой партии в звездные шахматы — их общей страсти. К тому же весь день был сплошной надоевшей рутиной административной работы, охватывавшей вопросы жизнедеятельности более чем пятидесяти тысяч планет.

Со вздохом облегчения он сбросил в ящик стола лишние документы и уже протянул руку к тумблеру, который должен был до завтрашнего дня прервать всякую связь с его кабинетом, переведя ее на помощников, синзуна Арекейона Аклина или исса Эссенссинона. Но судьба решила, что этим вечером Эунимеору Кхардону не придется играть в звездные шахматы.

Вспыхнул экран, и на нем появилось зеленоватое, типично исское, лицо его секретарши.

— Координатор, капитан звездолета «Кепен» Халдок Кралан вернулся из дальней экспедиции и просит его принять.

Кхардон с трудом сдержал досадливый жест.

— Хорошо, пришлите его немедленно!

Халдок был старым исследователем космоса и, конечно, не стал бы беспокоить Верховного Координатора по пустякам. Он появился через несколько секунд.

— Что нового, Халдок?

— Ничего хорошего, Эунимеор. Ты получишь отчет завтра утром, но, поскольку этот случай требует немедленного вмешательства, я решил предупредить тебя сразу. Ты знаешь, мы были в экспедиции в самом большом звездном скоплении, принадлежащем к восемнадцатой галактике, галактике землян. У нас произошла техническая неполадка, в общем-то пустяк — разладилась регулировка гиперспасьотронов. Но, поскольку устранить это проще не в полете, мы опустились на ближайшую планету типа IA, которая прекрасно подходила моей команде, состоящей из синзунов, иссов и землян. Мы приземлились в очаровательной долине, не заметив сверху никаких следов цивилизации. Но на следующий день, когда мы уже собирались улетать, с нами вступил в контакт местный гу-

маноид класса I, тип хлорогемоглобиналь, группы Б7, то есть очень близкой к иссам, поэтому, естественно, обладающий телепатическими способностями. Фактически единственное его заметное отличие от иссов в том, что он принадлежит к группе симметрично двусторонне развитых, а не левшей, как иссы.

— Открытие еще одного вида гуманоидов — вещь довольно банальная, и я не совсем понимаю...

— Гораздо менее банально то, что он нам рассказал. Кроме аборигенов на этой планете существует группа людей, возможно, земного происхождения, которая, по словам нашего собеседника, появилась здесь много столетий назад, по местному летоисчислению, и теперь стремится силой завоевать всю планету.

Кхардон присвистнул сквозь зубы.

— Да, это действительно серьезно. У тебя есть другие сведения?

— Нет. Однако на обратном пути мы остановились на Ламбде, земной колонии. Вполне возможно, что группа землян, о которой идет речь,— потомки одного из экипажей так называемых «пропавших звездолетов», на которых примерно пятьсот земных лет назад они сделали первую попытку отправиться в межгалактический полет к Большому Магеллановому облаку.

— Да, ты прав. Тут медлить нельзя. У тебя есть все координаты?

— Они в моем отчете. Но на всякий случай я захватил копии с собой. Вот они.

— Люди и туземцы, близкие к иссам, так я понял? У меня как раз есть команда, какая нужна, одна из лучших: Акки Клэр и Хассил, один с Новатерры, другой — исс.

Часть I

ГОРОД

Глава I

ЗАТЕРЯННАЯ ПЛАНЕТА

Постепенно, медленно-медленно рыжая луна уплыла за горизонт. На другом краю неба мрак начал рассеиваться. Поднялся легкий ветерок, предвещая рассвет. Длинные листья глии, кипталы, устремленные в зенит, тихо зазвенели. И, как каждое утро, из глубины леса заазвучали голоса оронов. Они собирались на концах гибких ветвей, обращая к светлому, растущему на востоке пятну свои почти человеческие лица. Крепко обвив раздвоенными на концах хвостами прочную ветку, они повисали головою вниз, раскинув руки, и рокочущий хор их голосов звучал гимном радости, гимном в честь солнца, которое еще раз победило ночь.

Очень высоко, за пределами атмосферы, неподвижно висел большой межзвездный крейсер. За мгновение до этого его там не было: он возник из гиперпространства, словно из великого «ничто». Одна из секций его корпуса раскрылась. Стреловидный аппарат с короткими крыльями устремился вниз, к планете, еще наполовину погруженной в ночную тьму. В нем было всего два существа.

Тот, кто сидел за прибором управления, был очень высоким человеком со светлыми, коротко подстриженными волосами и раскосыми глазами светло-серого цвета. Под высоким выпуклым лбом лицо было худощавым, нос заостренный и прямой, подбородок квадратный и словно выдвинутый вперед. Очень широкие плечи скрывались под черным плащом.

С первого взгляда второй тоже мог сойти за человека. Меньше ростом, более изящный, с правильными чертами лица, обрамленного длинными волосами платинового оттенка. Но руки его были о семи пальцах, а кожа — бледно-зеленого цвета.

Послышался свист, ставший затем пронзительнее и острее: аппарат входил в атмосферу. Фиолетовое пламя заплясало на его носу, и скорость уменьшилась. Свист прекратился. Человек повернулся к своему товарищу.

— Вот мы и прибыли, Хассил, не в первый раз. Но что мы найдем там, внизу? Зато в первый раз нам придется работать с такими скудными данными.

Он говорил на звонком языке, в котором филолог различил бы множество корней — французских, английских, русских и китайских,— вперемешку с другими, незнакомыми.

Другой, с зеленой кожей, улыбнулся и ответил на свистящем языке:

— Нет, Акки. Ты забыл Тхеран. Нашу первую миссию, а также нашу первую и последнюю неудачу!

— Помолчи лучше! Я не хочу больше об этом думать, никогда! Целая планета — затопленная газом, сожженная, выпотрошенная до недр. И все это по нашему докладу!

— Стальной закон, Акки! Еще много тысячелетий назад Сиан-Том говорил: «Если рука твоя больна, отруби ее, пока она не заразила гангреной все твое тело!». Ты знаешь, мы, иссы, ненавидим и не признаем войну, кроме войны с мисликами. Но никогда ни мы, ни синзуны, ни вы, и ни один межгалактический народ не встречали такой ненавистной и опасной расы, как эти тхеранси. Вспомни четвертую и пятую планеты и что мы там нашли!

— Ладно, хватит об этом. Но здесь, под нами, люди моей расы, Хассил, и люди, видимо, очень близкие к твоей. Мы практически ничего не знаем о них, но их судьба зависит от нас.

— У нас вполне достаточно времени, чтобы принять решение! Вы, земляне, как были, так и остались беспокойными детьми вашей беспокойной планеты-матери. В любом случае нам наверняка не придется применять таких ужасных мер. На Нерате люди твоей расы еще не доросли до межпланетных перелетов, а те, кто похожи на меня, находятся в полудиком состоянии, если верить докладу синзуна Халдока Крала-на. Правда, синзуны охотно считают дикарями всех, кто не их крови!

— Эй, послушай-ка, Хассил! Ты забываешь, что и у меня в жилах течет их кровь.

— Да, я знаю. Но также иссов по праву наследования, со времен твоего предка Клэра, первого победителя мисликов. Но те, кто оказался

здесь, на Нерате,— явно твои родичи с планеты Земля I. Как же они могли забыть о космических полетах?

— О, может быть, их было слишком мало. Катастрофы, междоусобные войны, кто знает? Мы скоро увидим.

Они продолжали беседовать, пользуясь то одним, то другим языком,— для них это было безразлично. В сущности они могли бы вовсе не разговаривать: иссы были расой телепатов от рождения, а люди обучались этому искусству специально. Однако оба любили музыку живых слов.

Их аппарат парил теперь примерно на высоте двух тысяч метров, над сплошным морем облаков, в освещенной половине планеты. В облаках появился просвет, открыв скалистое побережье.

— Смотри, Акки, город!

Гравилет увеличил скорость. Фиолетовые волны океана медленно набегали и разбивались белым кружевом пены об утесы.

— Ни одного летательного аппарата,— продолжал исс.— К тому же в отчетах Халдока Кралана о них тоже нет ни слова. Твои братья, Акки, должно быть, сильно выродились!

— Ты что, действительно думаешь, что великий народ должен обязательно летать?

Исс заговорил торжественным голосом, который совсем не вязался с насмешливыми морщинками вокруг его глаз:

— Глава первая! Любой человек, гуманоид или гуманид, вступающий в состав Координаторов, должен отказаться от всякой расовой принадлежности. Его решения должны приниматься только в высших интересах Лиги, отбрасывая всякие родственные связи, предпочтения или содружества, которые могли бы на них повлиять...

— Знаю, знаю, все знаю! Три часа в неделю космическая этика с восемнадцати до двадцати одного года! Вспомни-ка лучше, что на экзаменах я был первым, а ты — всего лишь номер второй. К тому же ты сейчас в том же положении, что и я!

— Статья 12-я: когда конфликт или угроза конфликта касаются двух различных рас, он должен быть урегулирован двумя координаторами, как можно более приближенными по типу к этим расам. Решение должно быть принято единогласно. В случае если единогласие не будет достигнуто, окончательное решение примет Верховный совет Лиги.

— Все, я сдаюсь! Посмотри лучше на город!

Город возвышался на конце полуострова, и на первый взгляд Акки решил, что его население составляло примерно 50 000 жителей. В том месте, где полуостров соединялся с равниной, на холме с крутыми склонами стоял замок, живо напоминавший средневековые укрепления. Над вершиной самой высокой башни развевалось на ветру знамя — красное с золотом.

— Странное сооружение, и надо полагать, оно соответствует не менее странному общественному строю. Эти детские фортификации, видимо, подтверждают твои мысли, что моя раса здесь растеряла все и деградировала. Разве что... О, смотри! Этот замок сам по себе целый город! В нем могут укрыться в случае беды по крайней мере тысяча или даже две тысячи человек!

Крепостная стена в действительности окружала целый квартал домов с хорошо распланированными улицами, по которым передвигались крохотные черные точки. Казалось, никто не замечал летающий аппарат. Внезапно Акки заложил резкий вираж.

— Мы приземлимся подальше от полуострова. У меня нет никакого

желания соваться головой в капкан. Ты не землянин, ты не изучал нашу историю, а потому не знаешь, что такое расположение — город внизу с одной стороны и замок на горе с другой — типичная картина для социального строя, который назывался феодальным, а этого у вас никогда не было. Боюсь, установить контакт будет нелегко.

— Да, пожалуй, лучше сначала познакомиться с кем-нибудь из туземцев,— согласился исс.

— Первое же изолированное жилище, которое я найду...

Лес катил свои зеленые и фиолетовые волны от основания полуострова до далекой горной цепи. Там и тут проглядывали выжженные и обработанные поля, вокруг которых теснились деревушки.

— Похоже, все поляны заняты,— сказал Акки.

— Нет, вон там, налево, свободная. Нет, и тут с краю хижина. Но может быть, это нам подойдет?

Гравилет бесшумно пронесся над вершинами деревьев, проскользил над самой землей несколько метров и замер. Из-под крыши хижины поднималась струйка дыма. Акки открыл переходной люк.

— Подожди здесь немного. Мои братья земляне, если верить донесению Халдока, воюют с туземцами, на которых ты слишком похож. Глупую ошибку легко совершить, а вот поправить... И главное, это ничего не решит.

— Ты берешь оружие?

— Достаточно парализатора. Да, не забыть передатчик мыслей! Я не знаю, на каком языке говорят «мои братья».

Он повязал голову тонкой золотистой полоской, от которой у висков отходили короткие гибкие антеннки.

— Будь осторожен, Акки!

— Чего мне бояться? Как ты уже сказал, их техника должна быть очень отсталой.

Он пошел от гравилета длинными упругими шагами абсолютно здорового и прекрасно тренированного человека. Спортивная подготовка играла важную роль в обучении координаторов. Акки открыл дверь хижины, держа парализующий пистолет наготове. Женщина стояла, склонившись над очагом; тихо вскрикнув, она обернулась. Мгновение она вглядывалась в высокую фигуру в шелковом одеянии с металлическим отблеском, которая силуэтом вырисовывалась в дверном проеме, и на лице ее выражались одновременно ненависть и ужас. Затем она бросилась к ногам Акки, умоляя и заклиная,— он кое-что понял из стремительного потока слов. Несомненно это был искаженный французский язык, а французский до сих пор преподавали на Новатерре как мертвый язык с богатой литературой. Слова женщины становились более понятными:

— Сеньор, сеньор, не убивайте нас! Я умоляю! Мы за пределами границ! Мой муж всегда верно служил герцогу. Нас оклеветали перед судьями и нас изгнали, но мы никому не делаем зла, мой муж никогда не охотится в королевском лесу! Сжальтесь, сеньор, у меня трое маленьких детей, которые вот-вот вернутся...

— Успокойтесь, мадам. Я вам не враг и не сеньор. Я только хочу кое-что уточнить. Я прилетел из другого мира, где звезды, за миллионы километров отсюда. Да вы сами можете взглянуть на мою летающую машину перед вашим домом.

По мере того как он говорил, страх в глазах женщины сменялся полнейшей растерянностью и смятением.

— Вы прилетели со звезд? Как наши предки? Я думала, это просто сказка. Но если не сказка, значит, дни нашей знати сочтены!— добавила

она с радостью. Сеньор, как будет доволен мой Жак! После стольких лет мучений!

— Кто такой Жак? И что такое ваша знать?

— Жак — мой муж. Да вот он сейчас будет здесь. Слышите его призывный клич?

Снаружи, со стороны леса, раздался долгий улюлюкающий крик, на который женщина ответила таким же. На лесной опушке появились трое мужчин с луками за спиной. Самый старший из них нес на плечах животное с длинными рогами.

— Прыгучий олень! Да благословен будет этот день. Вы прилетели со звезд, а Жак несет прыгучего оленя!

Она бросилась навстречу мужчинам. Все трое были в свободных куртках дубленой кожи, доходивших до колен, и в штанах из грубого полотна. Высокого роста, широкоплечие, с мощными руками и суровыми лицами. Увидев Акки, все трое схватили свои луки и наложили стрелы на тетиву.

— Не стреляйте! — закричала женщина.— Это не придворный сеньор! Он прилетел со звезд, как наши предки!

Они недоверчиво приблизились, оглядели Акки с Новатерры, обошли кругом гравилет. Жак запустил огромную руку в свою непроходимую шевелюру.

— Я верю вам. У придворных нет таких машин. И вы на них не похожи. Входите. Поль, разделай оленя. Пьер, сбегай к нашему тайнику и принеси бутылку медовухи. Наш гость, наверное, голоден и выпить не прочь.— Они вошли в дом. Там были только стол, буфет, сундуки и грубые скамьи.

— Я все это сделал своими руками. О, я не такой уж умелый столяр. Десять лет назад я был капитаном военного флота. С тех пор мне пришлось научиться многим ремеслам... Женщина, дай огня. Маделин!

— Да, папа!

Откуда-то с полатей спрыгнула девушка лет пятнадцати с длинными черными волосами, свободно падавшими на плечи. Она не была так уж красива, на вкус Акки, но прекрасно сложена, и юное тело ее обладало грацией дикой лани. Акки посмотрел через окно без стекол, как двое могучих юношей разделывают оленя-прыгуна, потом на сильную, крепкую девушку.

— Так это и есть ваши трое маленьких детей?— спросил он женщину.

— Да, сеньор. Извините, что я вас обманула. Но вы не знаете этих дворян. Они бы убили моих сыновей. А что до моей дочери... лучше об этом не знать.

Жак наполнил медовухой две чаши.

— Я думаю, там, среди звезд, есть более вкусные напитки. Да здесь тоже. Но мы, бедные изгнанники, можем вам предложить только то, что имеем.

— Да это вовсе неплохо! Однако, может быть, вы разрешите пригласить сюда моего товарища? Должен предупредить, он не совсем, или... совсем не человек...

Дверца гравилета щелкнула, и Хассил пересек опушку танцующей походкой иссов.

— Как же это?— поразился Жак.— Вы ведь даже не позвали его!

— Нам не надо переговариваться, если мы не слишком далеко. Например, я понимаю ваш язык, на котором, кстати, очень плохо говорю. Но вы этого не заметили, потому что прямо воспринимаете мои мысли. А вот и мой друг Хассил.

Исс переступил порог. Жак вскочил, а его жена закричала:

— Но ведь это бринн!

— Нет, это исс, прилетевший со мной со звезд. Он очень похож на ваших бриннов?

— Как две капли! Я видел несколько бриннов во время последней войны. Ну, в общем последней, в которой я участвовал, до моего изгнания. Наверное, с тех пор были и другие войны.

Хассил сел в дальнем углу стола и оказался рядом с черноволосой девушкой, которая инстинктивно отодвинулась. Исс улыбнулся.

— Послушайте, месье Жак... а может быть, я должен называть вас капитаном?

— Увы, нет! С этим покончено. Называйте меня просто Жаком Верньером, изгнанником.

— Так вот, Верньер, как я уже сказал, мы прилетели с очень далекой планеты, такой далекой, что вы не сможете даже вообразить, с планеты, которая вращается вокруг звезды иной спирали другой галактики. У вас, наверное, утеряны все представления об астрономии?

— Я сам никогда ничего не знал, кроме самого необходимого, чтобы плавать и определяться в море.

— Но вы прекрасно знаете, что ваш народ прилетел сюда из иного мира?

— Так говорят. Но я всегда себя спрашивал: не сказка ли это?

— Как же так? Неужели за какие-то пятьсот лет исчезли все точные записи? Неужели у вас не осталось книг?

— Книги есть в замке, в одном тайном зале. Но простым подданным они запрещены. Однажды, проходя случайно через этот зал, я полистал одну книгу, пока был один. И ничего в ней не понял. Какие-то вычисления, слишком сложные для меня. Я не думаю, чтобы кто-то читал эти книги. Может быть, только герцогиня? Говорят, она очень ученая...

— Так какое же у вас общество? Какое правительство? Кто правит? Я ничего не понимаю, а я должен точно знать, прежде чем действовать.

— Вы прилетели, чтобы изгнать дворцовых сеньоров, дворян?

— Зависит от обстоятельств. Если мое первое впечатление подтвердится, то вполне возможно.

Изгнанник явно испугался.

— Они очень сильны! В замке есть страшное оружие, о котором знают только знатные сеньоры, и только они имеют право к нему прикасаться. Это оружие убивает за тысячу шагов. Говорят, у предков было такое же, и они унаследовали его от них. Одно только знаю точно: такого оружия больше не делают.

— Давайте-ка по порядку. Первое: сколько жителей в вашем государстве? Какова его площадь?

— Что ж, в герцогстве Берандии по последней переписи, насколько я знаю,— а это было десять лет назад — насчитывалось два миллиона человек, из которых примерно двести тысяч жили в городах. В нашей столице, Вермонте,— пятьдесят тысяч. Наше герцогство простирается от Зеленого моря на восток до Красных гор более чем на сто километров, и все вдоль побережья, а от реки Прозрачной — на юг до Соленых болот, а на север — более чем на пятьсот пятьдесят километров. На Красных горах и на плато за ними — вплоть до Безумного моря — республика васков, с которыми мы часто воюем. За Солеными болотами и дальше на северо-запад живут «зеленухи» — туземцы, очень похожие на вашего друга;

сами они называют себя бриннами. Они кочуют по стране Трех озер и Безжалостному лесу. За рекой Прозрачной — непроходимый лес, где никто не бывал. И здесь, наконец, в Зеленом лесу, живут только изгнанники. Герцог нас терпит. Рядом — Красный лес, заповедник герцога для его охоты. Туда мы не имеем права заходить.

— Насколько я понял, вами правит герцог, и у вас есть знать, дворяне.

— Да. Точнее сказать, выше всех стоит семья герцога. Затем идут графы, бароны и всадники — рыцари. Ниже — советники, лучники, врачеватели и судьи. Еще ниже — торговцы-горожане, ремесленники и крестьяне. И в самом низу — ссыльные или изгнанники. Да, забыл еще моряков! Они на том же уровне, что и лучники.

— И все эти касты у вас наследственные?

— И да, и нет. Знать, естественно, стоит особняком. Однако ремесленник может стать торговцем, а его сын — врачевателем или судьей, и даже советником. Он может также завербоваться в лучники или на флот.

— Вы, наверное, не знаете, как произошло это возвращение к феодальному по сути государству? У вас нет историков? Летописцев?

— Почему же нет! Есть герцогские хроники. Но только знатные сеньоры читают их, когда им заблагорассудится. О, конечно, я знаю легенду. Наши предки числом в пятьсот человек очень давно высадились здесь из летающих машин...

— А есть у вас религия? Священники?

— Да, все есть. Каждый дворянин, начиная от всадника-рыцаря, в то же время священник.

Акки расхохотался:

— Что ж, кто бы ни основал ваше герцогство, он хорошо знал историю. Очень изящный способ избежать столкновения церкви со светской властью, что происходило на многих планетах. А теперь скажите, капитан морского флота, за что вас отправили в изгнание?

— Изгоняют по многим причинам. Одних — за то, что охотились в герцогском лесу: этим отрубают уши и указательный палец. Других — за кражу и прочие мелкие преступления. Меня — за отказ повиноваться приказу.

Он словно смутился и понизил голос.

— Я уже несколько лет был женат на дочери купца-горожанина, моей Жани. Один барон заметил ее и захотел с ней позабавиться. По его просьбе герцог приказал мне отправиться в экспедицию к южному материку. Я отказался. Судьи приговорили меня к изгнанию. К счастью, отец Жани — богатый купец, у него три своих корабля. Если бы не он... Однако завтрак уже готов. У вас едят мясо, сеньор, на вашей планете?

— Довольно часто. Только не называйте меня сеньором. Я — Акки Клэр, а мой друг — Хассил. И если уж вам хочется дать нам титул, то мы — координаторы Галактической Лиги человеческих планет. Но боюсь, это слишком длинно, а потому не практично. Поэтому называйте меня просто Акки. Жаркое у вас изумительное. Это животное здешнее или его завезли с Земли?

— Нет, это местный олень-прыгун. Если верить легенде, у предков было очень мало животных: только собаки, кошки, несколько лошадей и коров.

— Очень странно, мясо этого оленя красное, а туземцы зеленые, как мой друг Хассил.

— О, здесь есть животные и с красной кровью, и с зеленой.

Продолжая с аппетитом есть, Акки рассматривал хозяев дома. «Славные люди,— думал он.— Цивилизация их откатилась на много веков назад, но раса не выродилась. Мебель грубая, однако удобная, хорошо продуманная, а луки у них — просто чудо».

— Мы с тобой в тринадцатой миссии, Хассил,— сказал он громко.— У моих земных предков был предрассудок, что цифра тринадцать приносит несчастье или, наоборот, счастье, что кому. Что будет на этот раз?

Исс не ответил. Он смотрел в окно.

— Там что-то движется,— наконец сказал он.— Что-то блестящее.

Поль, старший сын, встал, наклонился к окну. Приглушенно чмокнув, стрела пригвоздила его левую руку к подоконнику. Он вырвал ее и закричал:

— Защищайся, отец! Там лучники!

Стрелы зашуршали в воздухе, словно раздирая шелк. Дюжина вонзилась в дверь, одна влетела в окно и завибрировала в стене. Все вскочили, опрокидывая скамьи, изгнанники бросились к своим лукам.

— Нет, оставьте это дело мне! Хассил, держись со мной рядом! А вы, главное — не стреляйте!

Вооруженные лучники медленно выходили из леса, держа руки наизготовку. На них были сверкающие панцири и остроконечные шлемы. У командира на шлеме торчало красное перо. Они пересекли лужайку и встали у открытых окон. Офицер и трое лучников вошли в хижину.

— А, так это ты, Верньер! Ну что ж, теперь ты спекся. Я видел перед хижиной рога оленя-прыгуна. Ты знаешь, что эта дичь предназначена только знатным сеньорам. И ты знаешь, что тебе запрещено принимать у себя кого бы то ни было! Кто этот человек? Васк? Схватить его! Смотрика, тут еще и девка! Правда, молода еще. А что до этой «зеленухи», то посмотрим, сумеет ли он бегать быстрее стрелы. А что это еще за куча железа на лужайке? Отвечай, собака!

Лучники схватили хозяев дома, прижали к стене Акки и Хассила. Акки мысленно передал иссу:

— Хассил, помнишь уроки борьбы кренов? Сейчас самое время вспомнить. Я оставил свой парализатор на полке у входа. Ты готов? Раз, два, три!

Схватка продолжалась менее десяти секунд. Подхваченный за ноги офицер грохнулся об пол. Исс держал двух лучников болевым захватом. Акки прыгнул, сбив с ног третьего, и обернулся с пистолетом-парализатором в руках. Спустя несколько мгновений весь патруль превратился в группу живых статуй.

— Помоги мне, Хассил! И вы тоже. Надо отнести их по одному в гравилет и провести там коротенький сеанс.

Час спустя Верньер и его семья с изумлением увидели, как лучники во главе с офицером удаляются в лес.

— Вы их отпустили? Они же обо всем доложат герцогу!

— Нет, Жак, не беспокойся. У нас в гравилете есть аппарат, который заставил их все забыть. И они будут клясться жизнью, что сегодня не заметили ничего особенного.

Глава II

ГОРОД

Акки посадил гравилет на голую вершину холма. К северу, снизу под ним дышало море, обрамленное дюнами. К югу, за узкой долиной, возвышался замок, а к востоку — низкие крепостные стены города. На западе, позади перешейка полуострова, тянулись возделанные поля до темной опушки леса, за которым очень далеко вздымались горы. Акки удивился, что холм, на котором они приземлились, не был никак укреплен. Эта возвышенность позволяла взять под огонь долину, единственную узкую пуповину, которая связывала полуостров с материком. Он сказал об этом Жаку. Теперь уже дважды изгнанник, еще изумленный и не опомнившийся после полета, он постарался объяснить.

— Многие из герцогов собирались построить здесь второй замок, но никогда никто на это не решался, потому что боялись, что этот второй замок может захватить возможный противник. «Зеленухи»,— он посмотрел на Хассила и поправился,— туземцы тоже не могли приближаться к Вермонту. Здесь жило только маленькое племя рыбаков, половину которого истребили, а остальных обратили в рабство еще задолго до моего рождения. Большие племена зелен..., простите, бриннов живут далеко за горами, и республика васков отделяет их от нас по всей границе, кроме северной, в графстве Авер. Время от времени оттуда они совершают налеты, но по большей части не бринны, а пираты васки с моря.

— Ты сказал, что туземцев обратили в рабство?

— Да, и вашему другу не стоит особенно показываться. В каждого зеленого человека без рабского ошейника стреляют без предупреждения. И мне тоже не стоит показываться в городе,— добавил он.

— Я бы никому здесь не посоветовал задевать Хассила. А что касается тебя, ты под защитой Галактической Лиги.

— О, я не сомневаюсь, что в крайнем случае за вас отомстят. И за меня тоже, заодно. Но мы от этого не воскреснем!

— Мы не дураки, Верньер. Высоко над нами, отсюда не увидишь, за пределами вашей атмосферы, плывет мой большой звездный корабль, готовый через секунду выслать сюда пятьдесят таких аппаратов, как наш. А оружие у них на борту такое, что может разнести в пыль всю эту планету, поверь мне на слово.

— Что будем делать, Акки?— спросил Хассил.

— Ничего. Будем ждать. Нам беспокоиться не о чем. Пусть они думают.

— Но, сеньор Акки, герцог наверняка не снизойдет...

— В таком случае он пошлет кого-нибудь. И я уже тебе десять раз говорил: «Не называй меня сеньором!».

Внизу у подножья замка отворились ворота, и оттуда на земных конях выехало человек десять всадников, вооруженных луками и копьями. Галопом они помчались к гравилету. Акки ждал их, опершись о короткое крыло.

Всадники приближались. На них были короткие блестящие кольчуги поверх кожаных курток, шлемы и у каждого — маленький круглый щит. Все были высокого роста, крепкого сложения, и лица их выражали дерзость и вызов людей, которым никогда никто не мог противостоять. Да, это были прекрасные образцы рода человеческого, и Акки почувствовал своего рода гордость, что хотя бы частично принадлежал

к потомкам этой расы. В конечном счете ему незачем было краснеть за своих земных предков, хотя земляне лишь сравнительно недавно присоединились к Галактической Лиге, правда, приведя с собой сразу более ста человеческих племен. После первого контакта восемьсот лет назад, установленного иссами, началось тайное переселение избранных землян на Новатерру. Улетело около тысячи человек. После этого все связи с Землей были прерваны. Бок о бок с синзунами, иссами и другими членами Лиги земляне-новатеррианцы сражались против мисликов, этих металлических созданий, которые гасили звезды. За это время позабытая Земля быстро прогрессировала. Шестьсот лет прошло с тех пор, как звездолет «Арго» достиг системы Альфа Центавра, затем, освоив в свою очередь путь через гиперпространство, земляне освоили, колонизировали множество планет, установили контакт с другими расами, но так и не образумились. Начались разорительные и опустошительные звездные войны, которые шли с переменным успехом. Но теперь вот уже три столетия великая федерация включала в себя все земные колонии и их союзников под эгидой Земли. Пять столетий прошло с тех пор, как целый флот звездолетов покинул Землю и отправился к Большому Магеллановому облаку. С тех пор о судьбе этих звездолетов ничего не было известно, и земляне называли их «пропавшие корабли». Вполне возможно, что от экипажа одного из них происходили люди на планете Нерат.

Сто пятьдесят лет назад астронавты с Новатерры предприняли экспедицию в одну из самых отдаленных галактик, откуда, по-видимому, происходили их предки, и установили контакт с земной федерацией. Поскольку там уже царили мир и согласие, федерация целиком была принята в Лигу человеческих миров, и ее делегаты с тех пор заседали на Рессане вместе со ста пятьюдесятью другими федерациями, входящими в Галактическую Лигу. Стрелоподобные звездолеты землян сражались против мисликов рядом с «летающими тарелками» — ксиллами иссов, яйцевидными кораблями синзунов, эллиптическими звездолетами Новатерры, сферическими — кайенов, тетраэдрами кренов...

Каждая федерация посылала десять делегатов. Единственное исключение было сделано для Новатерры. Она имела своих особых представителей, ибо они являлись единственными людьми из Солнечной системы в необозримой галактике иссов. И кроме того, они были единственными, кто был настолько биологически близок к синзунам, что эти две расы могли породниться. Однако этого было бы недостаточно, чтобы дать им такую особую привилегию. Главное было в том, что они вместе с синзунами были первыми людьми с красной кровью — а потому нечувствительными к смертоносным излучениям мисликов,— которые присоединились к Лиге и помогли иссам остановить мисликов, а затем постепенно перейти в наступление на них.

Акки был прямым потомком первого победителя мисликов, землянина Клэра, и лично пользовался второй привилегией, духовной принадлежностью к иссам, что позволяло ему и его семье жить, сколько ему захочется, на Элле, планете иссов. И эта привилегия была уникальной, ибо Стальной закон непререкаем: на одной планете может быть только одно человечество, одна разумная раса — за исключением Рессана, резиденции Лиги всех человеческих миров.

Экспансия различных рас в галактиках с самого начала привела к колониальным конфликтам, войнам, бесконечным жестокостям, геноциду, к неразрешимым проблемам. Порой колонисты ни в чем не были виноваты: они высаживались на планете, находили, что она вполне для них пригодна, считая, что на ней никого нет, и начинали ее осваи-

вать. А на другом континенте под сенью леса жили примитивные туземцы. И когда их обнаруживали, у колонистов возникал непреодолимый соблазн уничтожить этих примитивных аборигенов бесследно, чтобы не потерять плодов своих усилий на распашку полей, на постройку поселков и городов. В противном же случае им оставалось только вести бесконечные тяжбы в Галактическом трибунале, угрожать применением силы и устрашать федерацию страшным призраком войны между мирами. Поэтому Лига создала специальный отряд инспекторов, которые могли самостоятельно принимать на местах все необходимые решения и отчитывались только перед Великим Советом, а решения их поддерживались всеми силами Галактической Лиги. Этих людей отбирали с детства, координаторы проходили жесточайшие тренировки, и физические, и моральные. Любое правительство, планетное, межзвездное или галактическое, обязано было давать им свободный доступ для любой инспекции.

Вздымая клубы пыли, всадники остановились в нескольких шагах от Акки. Их предводитель, молодой человек высокого роста, положил стрелу на тетиву своего лука и громко крикнул:

— Эй, там? Кто вы? И что вам здесь нужно?

— А кто вы сами? — спокойно ответил Акки на языке Новатерры.— Кто вы?

— Барон Хуго Бушеран де Мон, капитан лучников его светлости герцога Берандийского.

— Я—Акки Клэр, координатор, нахожусь здесь по поручению Лиги человеческих миров.

— Лига человеческих миров? Не знаю на Нерате ни одного государства под таким названием.

— Лига не государство. Лига — объединение на сегодняшний день, по крайней мере, пятидесяти тысяч миров.

— Пятьдесят тысяч миров? Вы хотите сказать, пятьдесят тысяч планет, как наша? Значит, вы прилетели со звезд, как наши предки? Но что вам понадобилось здесь, если у вас уже есть пятьдесят тысяч миров?

— А это уже касается только ваших правителей, капитан. По крайней мере, сейчас. Поэтому униженно прошу,— Акки сделал насмешливый поклон,— испросить аудиенцию у его светлости герцога Берандийского.

— Вы, наверное, думаете, что его светлость можно вот так просто беспокоить без особых причин? Да если он вас примет через месяц или два, можете считать себя счастливчиком. В настоящее время его светлость изучает планы будущих войн против васков.

— В таком случае я, к сожалению, вынужден буду немедленно побеспокоить его светлость. Я здесь для того, чтобы остановить эту войну. А по сути говоря — все войны на этой планете. Хассил!

Исс появился из дверцы гравилета. При виде его всадники схватились за луки.

Акки поднял руку.

— Мой друг Хассил — такой же координатор, как я. Не вздумайте нанести ему оскорбление, с вашей точки зрения, или принести комплимент, с нашей точки зрения, спутав его с вашими туземцами. Я вам это очень не советую.

Мгновенным жестом он выхватил из-за пояса фульгуратор и, казалось бы не целясь, ударил лазерным лучом. В сотне метров от них мощное дерево взорвалось и запылало. Потрясенные всадники тихо переговаривались между собой.

— Да, я вижу теперь, что вы говорите правду. Вы прилетели со звезд, как наши предки. У вас такое же оружие, какое было у них. Согласен, я готов сопровождать вас и представлю герцогу. Но что касается войны... Вам ее не предотвратить. Как говорят, где двое, там уже драка. А мы не можем терпеть, чтобы пираты васков грабили наши корабли.

Координаторы оставили Жака в гравилете с приказом не выходить ни под каким предлогом и отправились с эскортом всадников в город.

Когда вся кавалькада проходила под аркой крепостных ворот, Акки заметил, что стража требовала сдавать оружие у каждого входящего в город. Сержант стражников бросил удивленный взгляд на Хассила и протянул руку к фульгураторам, которые висели на поясах координаторов. Мгновенно оба схватились за рукоятки.

— По правилам никто не может входить в город со своим оружием,— сказал Бушеран,— разве только во время войны. Но я думаю, вы не собираетесь в этом смысле подчиняться нашим обычаям.

— А разве вы расстаетесь со своим оружием?

— Разумеется, нет. Ладно, сержант, пропустите их!

Город, собственно, был запутанным лабиринтом узких извилистых улочек, окруженных крепостной стеной с зубцами. Дома, деревянные и каменные, были довольно красивы. Все в общем напоминало Акки старинные гравюры с изображениями средневековых земных городов. Но в отличие от последних улицы этого города были удивительно чистыми, хорошо мощеными, и здесь наверняка существовала система канализации. Прохожие в одеждах из дубленой кожи или довольно тонкого сукна ярких цветов почтительно расступались перед капитаном и его отрядом. В большинстве своем это были высокие, сильные, смуглые люди. На Акки они смотрели с любопытством, а на исса с нескрываемой враждебностью. Акки заметил, что среди них очень мало женщин и почти совсем нет детей. Он удивился и спросил об этом Бушерана.

— Жещины обычно сидят дома и занимаются своими делами, дети тоже работают, а маленькие — в детских садах. Но почему вы об этом спрашиваете? Вы случайно не любитель поволочиться за юбками? Предупреждаю, законы у нас суровые и против соблазнителей чужих жен, и особенно — против растлителей юных девушек.

— Да нет же, дело совсем не в этом. Но место женщины в обществе — верный критерий уровня развития цивилизации. Хорошо хотя бы, что вы не заставляете своих дам прятать лица под вуалью.

Бушеран положил руку на эфес своего меча.

— А что если я за такие слова снесу вашу дерзкую голову?

— Попробуйте, и вы умрете, даже не успев обнажить свой меч. Но я не вижу в моих словах никакой дерзости. Ваша цивилизация явно не принадлежит к слишком отсталым, хотя и очень высокой ее тоже не назовешь. Я не могу вам открыть цель нашей миссии, но могу сказать, что ни вы, ни ваш народ ничего не добьетесь угрозами.

— Посмотрим, что скажет герцог!

В центре города посреди большой площади возвышалось великолепное здание в стиле фламандских ратуш.

— Это дом Совета,— объяснил капитан.— Его высочество герцог сейчас совещается с городскими советниками, эшевенами. Потом он вас примет. Может быть, примет...

Акки пожал плечами. Весь этот намеренно средневековый спектакль раздражал его. Герцогство Берандия наверняка было создано каким-нибудь автократом, который пытался замаскировать свою дикта-

туру плохо усвоенными или наполовину позабытыми воспоминаниями об истории Земли.

Они вошли в огромный зал, охраняемый солдатами в панцирях. Бушеран исчез, но очень скоро вернулся в сопровождении мужчины в красном плаще.

— Я сожалею, но здесь вам придется оставить свое оружие. Это необходимо. Даже я, капитан лучников, могу приближаться к герцогу только безоружным.

— Хорошо. Хассил, возьми мой фульгуратор и жди меня здесь. В принципе я не должен идти без тебя на эту важную встречу, но мы будем все время держать телепатическую связь. Если со мной что-нибудь случится, ты знаешь, что тебе делать.

Зал Совета подавлял своей роскошью, стены его, без единого окна, были обшиты панелями из черного резного дерева. Сотни масляных ламп под потолком, укрепленных на люстрах с многочисленными рожками, освещали его ярким и одновременно мягким светом, который отражался в полу из черного полированного камня. В центре, вокруг большого стола, располагались советники. В конце стола, под пурпурным балдахином, на массивном кресле резного инкрустированного дерева, сидел белокурый мужчина. На нем была черная мантия, расшитая золотом, а на голове — легкая золотая корона.

Акки внимательно вгляделся в него, не обращая внимания на остальных. Герцогу было лет сорок. Он казался сильным и крепким, гордое лицо его имело правильные черты — небольшой, хорошо очерченный рот, прямой узкий нос. Взгляд был спокойный и уверенный — взгляд человека, привыкшего повелевать.

Быстрым шагом Бушеран обошел Клэра, остановился в нескольких метрах от стола, отдал честь и объявил громким голосом:

— Его превосходительство Акки Клэр, посол Лиги человеческих миров!

Несколько секунд длилось молчание. Герцог в свою очередь изучал Акки. Наконец он заговорил:

— Я желаю его превосходительству Клэру счастливого пребывания в нашей стране. Я не сомневаюсь, что он представляет могущественную федерацию государств, хотя я о ней и никогда не слышал. Может быть, ваша Лига находится по другую сторону Нерата, на южном материке? Но я не знал, что на этой планете есть другие люди, кроме нас и васков.

— Я представляю не федерацию государств, ваше высочество, а лигу планет. Их было примерно пятьдесят тысяч, когда я улетел оттуда две недели назад. Может быть, за это время к нам присоединилось еще несколько миров.

— Значит, вы прилетели с другой планеты, как наши предки? Так в чем же заключается ваша миссия?

— Наша цель проста. Один из наших космических кораблей не так давно приземлился здесь в результате каких-то неполадок. Капитан встретил и расспросил одного из туземцев. В своем рапорте он сообщил, что на этой планете создалась опасная обстановка в результате антагонизма между людьми и аборигенами. Я прибыл, чтобы разобраться в этой ситуации.

— А вы не думаете,— это просто предположение,— что ваша Лига собирается вмешиваться в чужие дела, которые ее совершенно не касаются?

— Слегка изменив пословицу планеты Земля, откуда вы прилетели,

могу ответить: «Ничто человеческое нам не чуждо». И мы подразумеваем «человеческое» в самом широком смысле этого слова.

— И я полагаю, если ситуация покажется вам опасной, вы намерены ее исправить? Поскольку вы прибыли из невообразимой дали, в вашем распоряжении наверняка огромная мощь. Но и наши средства обороны тоже достаточно сильны. У нас есть не только луки и стрелы. Однако я твердо надеюсь, что до таких крайностей не дойдет! Со своей стороны я готов вам дать или прикажу вам дать все необходимые сведения. Но довольно об этом. Если вы сможете прибыть к нам в замок с утра, мы сможем позавтракать и обо всем поговорить спокойно. Господа, совет окончен. Господин посол, итак, до завтра. Капитан Бушеран де Мон с удовольствием предоставит в ваше распоряжение все необходимое.

Герцог встал. Эшевены выстроились в два ряда, сгибаясь в почтительных поклонах. Дверь распахнулась на обе створки, и под звуки фанфар властитель Берандии покинул зал. Акки спокойно последовал за ним.

Хассил ожидал в приемной под охраной вооруженной стражи. Когда герцог его заметил, то вздрогнул от отвращения и резким голосом приказал:

— Лучники, схватить этого бринна! Да как он, кстати, сюда попал?

Исс мгновенно выхватил свой фульгуратор. Клэр шагнул вперед.

— Спокойно, Хассил,— сказал он. Затем повернулся к герцогу.

— Ваше высочество, это не туземец Нерата, хотя он и очень похож на них. Это мой друг Хассил, такой же координатор, как и я. Впрочем, взгляните на его руки! Видите, у него семь пальцев, а у бриннов, если не ошибаюсь, только шесть.

— Да, в самом деле. Этим, видимо, и объясняется, что он вошел сюда и даже вооружен. Странное оружие. Надеюсь, вы мне покажете, в мирных условиях, как оно действует? Меня интересует все, что относится к военному искусству. Ну что ж, пригласите завтра и вашего друга.

Капитан Бушеран поклонился Клэру.

— Ваше превосходительство, я к вашим услугам.

— Сначала мы хотели бы вернуться к нашему гравилету, а потом подумать о жилье.

— Вы будете жить в замке, ваше превосходительство.

— Хорошо. Но вы должны понять, капитан, моя миссия требует, чтобы я познакомился с народом, а не только со знатью.

— Для вас двери будут всегда открыты, ваше превосходительство.

Акки смотрел вслед улетающему гравилету, который уносил изгнанника Жака Верньера к его маленькой деревянной хижине, чтобы тот мог подготовиться вместе с семьей к межзвездному перелету на космическом корабле. Оба координатора единогласно решили, что будет полезно, если сам Верньер расскажет обо всем капитану и штабу крейсера. А с другой стороны, это избавит его от всех преследований.

Когда гравилет, которым управлял Хассил, исчез в синем небе, Акки повернулся к капитану.

— Поскольку вы будете моим проводником, не будем важничать и постараемся вести себя если не как друзья, то хотя бы как вежливые люди, которым не из-за чего враждовать. Вы солдат. Моя работа, увы, заставляла меня не раз сражаться. Мой друг Хассил вернется только к вечеру. Я бы хотел посмотреть город, порт, поговорить с горожанами, ремесленниками, моряками.

— Ваше превосходительство, буду с вами откровенен. На месте герцога я бы бросил вас в темницу. О, я знаю, вы бы сопротивлялись, но, как сказал вам герцог, у нас есть не только луки и стрелы. Но его свет-

лость рассудил по-иному. Поэтому я принимаю ваши условия перемирия в боевых действиях, если можно так выразиться. И будем держать себя как благородные противники, которых сблизил временный мир. Но прежде, чем показать вам город, я хочу, чтобы вы увидели нечто другое. Отправимся к башне IV. Кстати, извините, вы неплохо держитесь в седле. Я хотел спросить, значит, на вашей планете есть лошади?

— Да, земного происхождения, как и ваши. Кроме того, я могу ездить и на других животных. Это входит в программу наших тренировок. Вы не одолжите мне ваш лук?

Акки прицелился в тонкое деревце метрах в шестидесяти от него. Стрела просвистела и воткнулась в землю перед деревцем.

— Я слегка не рассчитал, думал, ваш лук сильнее. Пожалуйста, дайте мне еще три стрелы!

Три стрелы вонзились наконечник к наконечнику в ствол молодого деревца. Бушеран одобрительно присвистнул:

— Ваше превосходительство, если вы потеряете свою работу, для вас всегда найдется место в рядах лучников его высочества герцога!

— Поймите меня, капитан. Мы имеем дело с планетами, находящимися на разных уровнях цивилизации. Иногда бывает для координатора полезнее уметь стрелять из лука, чем постигать самые последние теории о строении материи...

Башня IV была выше всех других: здесь располагались штаб и казармы лучников. Бушеран и Акки поднялись по узкой винтовой лестнице до самого верхнего этажа, который представлял собой один огромный круглый зал. На стенах висели карты. Три молоденьких офицера работали за низкими столами. Они вскочили и отдали честь.

— Дарон, Селье, Ватсон, оставьте нас на минуту!

Широкое и низкое окно выходило на море. Длинное парусное судно приближалось, лавируя против ветра, к суше. Бушеран немного помолчал, потом указал на одну из карт.

— Вот герцогство Берандия. Оно примерно в пять раз больше в длину, чем в ширину, и занимает все восточное побережье огромного полуострова, которым оканчивается на юге северный континент. Мы зажаты между морем и Красными горами. Начиная от нашей западной границы и дальше на запад, вплоть до Безумного моря, расположены семь республик васков, а на северо-западе — бринны. Эта узкая полоска земли — все, что мы смогли отвоевать. Это немного, но это и немало, если учесть, что наших предков было всего две тысячи.

Наша столица, Вермонт, расположена на самой южной оконечности полуострова; два других больших города, Роан и Хавр,— почти на самой северной оконечности. Между этими двумя освоенными областями раскинулись леса. Такое неудобное расположение — результат обстоятельств, возникших с самого начала после нашего прибытия на планету. У нас нет почти никаких путей сообщения и мало лошадей, поэтому все торговые и прочие связи — только морем. И именно поэтому мы не можем мириться с пиратскими нападениями васков.

На этой, второй, карте вы видите поверхность Нерата такой, какой мы ее знаем по документам наших предков, которые до окончательного приземления сумели несколько раз облететь планету. Северный континент, вершина которого находится почти на полюсе, спускается к югу длинным полуостровом, где мы и находимся. На экваторе, опоясывая практически всю планету, лежит южный континент с непроходимыми страшными лесами, которые мы так и не смогли пересечь. В южном полушарии, по-видимому, находится еще один большой материк, но на

моей памяти там еще не побывал ни один человек. Я сначала подумал, что вы прилетели именно оттуда, и я до сих пор не очень уверен, что не ошибся.

Как я уже сказал, большая часть нашей торговли идет по морю, и васки этим пользуются. Они захватили архипелаг Пиратов вот здесь, почти напротив Вермонта, и нам никак не удается изгнать их оттуда. Но надо честно признаться, что моряки у них лучше наших.

В заключение, чтобы вы до конца поняли, как обстоят дела, я должен немного углубиться в историю. Наши предки улетели с Земли, сказочной далекой планеты, которую вы, наверное, знаете.

— Я там не был, но Земля входит в нашу Лигу и часть моих предков — земляне.

— Как бы там ни было, они покинули Землю на пяти звездных кораблях, которые пользовались двигателями теперь уже забытого нами принципа и устройства.

— Потерянные звездолеты!

— Да? Значит, так их назвали? Они и в самом деле потерялись. В каждом звездолете было двести пятьдесят мужчин и двести пятьдесят женщин. Мы не знаем точно, что произошло, документы позднее были уничтожены. По-видимому, весь наш флот, проникнув в эту солнечную систему, чтобы ее обследовать, встретился с ливнем астероидов и был сильно поврежден. Корабли совершили «вынужденную посадку». Один из них врезался в Соленые болота и взорвался. А на нем были наши ученые и техническое оборудование! Четыре остальных приземлились где могли вдоль побережья, и наши предки поневоле образовали четыре изолированные группы. Изолированные потому, что все летательные аппараты погибли во время катастрофического приземления. Посадка была жесткой!

Так образовались города Вермонт, Роан, Хавр и Сент-Поль. Каждый город избрал свое правительство, и тогда начался самый идиотский период во всей человеческой истории: четыре группы по пятьсот человек в каждой, лишенные техники и затерянные на неведомой девственной планете, начали воевать между собой! Да, мы воевали за металлические предметы, за консервы, за животных, которых удалось спасти с адмиральского корабля! Это длилось недолго, но достаточно, чтобы население трех северных поселков уменьшилось на две трети, а наше — наполовину! Затем мы столкнулись с бриннами. Их малочисленные племена жили на территории нынешнего герцогства. Мы отчаянно нуждались в рабочей силе, это был вопрос жизни или смерти, и мы поработили бриннов. А потом началась великая чума, поразившая главным образом детей, а затем возникла угроза голода, когда запасы провизии истощились, и нам пришлось обрабатывать землю. Мы импровизировали, что-то придумывали почти без помощи техники. Долгое время все металлические предметы мы изготовляли из демонтированных звездолетов: мы не умели добывать руду. И с каждым поколением запас знаний, унаследованных от предков, уменьшался. Мы опустились почти до уровня бриннов!

И тогда пришел Вильгельм I, наш первый герцог. Он был потомком капитана звездолета, который разбился у Вермонта. Действуя силой, а где можно,— дипломатией, он объединил разрозненные группы. Он отразил нашествие больших племен бриннов с северо-запада, и, поскольку его первое имя было Беранд, основал герцогство Берандия. Среди остатков бортовой библиотеки он нашел книгу земного писателя — его звали Скор или Скот, который описывал организацию общества при-

мерно в тех же условиях, в каких очутились мы на этой планете. Герцог дал дворянские титулы своим первым соратникам по оружию, и с тех пор мы образуем костяк всей нации.

— Вальтер Скотт! — тихо проговорил Акки.— В Большом Магеллановом облаке! Кто бы мог подумать!

— А кто эти васки? — спросил он.— Откуда они?

— Такие же земляне, как и мы. Прилетели сюда лет за тридцать до нас. Если верить им, они потомки странного народа, от которого пошло большинство наших предков, но они сохранили свой первородный язык. Мы долго не подозревали об их присутствии, но они о нас знали. Однако их история совсем иная. Они безумцы! Они покинули Землю на четырех звездолетах, с экипажами только из людей их расы, в погоне за химерической мечтой: воссоздать на девственной планете свой древний образ жизни, которому на Земле угрожали упадок нравов и смешение языков. Они спокойно приземлились здесь, сознательно уничтожили свои корабли и теперь живут в горах и на плато, разводят коров и овец, которых привезли, и одомашненных местных слобу. Правда, часть из них поселилась на берегах Безумного моря и нападает оттуда на наши корабли. Мы недостаточно сильны,— пока еще недостаточно,— чтобы прогнать их подальше. Оружие у них — луки и пращи, которыми, кстати, они действуют очень ловко. Что касается нас, у нас осталось кое-какое оружие наших предков, но мы храним его на самый крайний случай, если уж придется совсем плохо. Может быть, после вашего появления нам придется им воспользоваться, но я бы этого не хотел. Однако какова бы ни была цель вашей миссии, помните одно: мы никогда не уступим этой земли, за которую наши предки заплатили своей кровью. Эта страна наша, Клэр, и горе тому, кто на нее посягнет!

Он на мгновение умолк.

— Я сказал все, что хотел сказать. А теперь, если хотите, спустимся в город!

Они позавтракали в портовой таверне. По совету Бушерана, Акки переоделся в обычную тунику берандийцев, скрыв под накидкой свое оружие. Капитан снял офицерские знаки различия и вполне мог сойти за простого солдата в увольнительной.

— Надеюсь, меня никто не узнает,— сказал он.— Не то чтобы я был мало известен, просто никто никогда не подумает, что я выйду в город без моих лучников! В сущности, я даже рад, что пришлось вас сопровождать в таком виде. Это мне напоминает времена, когда я был школьником и мы иногда задавали трепку каким-нибудь злосчастным ночным сторожам.

Они сидели за маленьким столиком позади деревянной колонны. Хозяин таверны если и узнал Бушерана, сообразил, что лучше не подавать виду. Что касается координатора, то блондинов высокого роста здесь хватало: почти треть берандийцев происходила от скандинавов или англосаксов.

Они ели с аппетитом; блюда были простые, но вкусные, сочные, особенно рыба. За столом Клэр старался заполучить как можно больше подробностей.

— Вы говорили, что были школьниками. Значит, у вас есть школы?

— Да, конечно. Мы ведь не дикари. Все молодые дворяне обязаны ходить в школу до семнадцати лет. О, разумеется, мы не слишком много знаем: большинство из тех, кто мог бы передать нам научные знания, погибли во время катастрофы. Но у нас остались книги, и я изучил историю, нашу историю и то, что мы знали об истории Земли, а потом —

географию, арифметику, язык бриннов и даже язык васков.

— А где учатся дети не дворян?

— Есть специальная школа для детей советников, врачей и судей.

— А есть у вас инженеры, ученые?

— Да, из числа дворян и врачей, но их очень мало! До сих пор мы не могли позволить, чтобы человек целиком посвятил себя разгадке тайн природы. К тому же, надо прямо сказать, наша промышленность еще не способна производить необходимые инструменты. Вспомните, мы вообще чуть не исчезли с лица планеты! Мы знаем, например, что такое электричество, но не умеем им пользоваться. У нас остался маленький генератор, но его запускают только для иллюминации по большим праздникам — коронации герцога или его свадьбы. К тому же электрических лампочек остается все меньше и меньше от поколения к поколению. Разбить лампочку — тяжкое преступление, за это сажают в тюрьму!

— Наша Лига может предоставить вам оборудование и техников-инструкторов. Вы больше не одни в космосе. Но, по-видимому, вам придется пойти на большие социальные изменения. В Лиге нет знати, разве что у синзунов, но у них все до одного знатного рода!

— О, что касается меня, то мне все равно. Но герцог и остальные не согласятся ни за что. А если дело дойдет до войны, то помните: даже если мой народ не прав, я буду сражаться за мой народ!

— Вы принадлежите к привилегированной касте. А что скажут простые люди?

— Можете спросить у них сами. Мы их не угнетаем!

— Однако я встречал изгнанников, объявленных вне закона. Один из них — бывший капитан военного флота; его изгнали за то, что он не уступил свою жену похотливому придворному фавориту.

— О, значит, вы встретили Верньера? Да, он был капитаном военного флота. Не стану отрицать, подобные истории иногда случаются. А разве у вас, в вашей Лиге, не бывает такого? К тому же Верньер даже в изгнании сохраняет верность Берандии. Я даже не уверен, таит ли он злобу на герцога. Конечно, если бы он добрался до барона Дюссо! Но он не один об этом мечтает, и если бы его светлость не запретила нам трогать этого барона... .

— Вы часто воюете с васками?

— Все время. Они грабят наши корабли, жгут наши деревни. И мы им никогда не простим, что они не помогли нам в беде. Они презирают наш образ жизни, и хотели бы, чтобы мы стали такими же простыми пастухами, как они. А главное — они союзники бриннов!

— Кстати, что вы скажите о бриннах?

— Это не люди, Клэр. Я знаю, ваш друг на них удивительно похож. Но он цивилизованное существо, как вы и я. Бринны — дикари. С васками война идет более или менее по правилам. Но бринны! Для них все годится: яд, предательство, ложь, засады, ловушки! Никогда еще ни один пленник не выходил живым из их рук. Говорят, и это может быть правдой, что они людоеды. И они нас ненавидят. Даже те, кого мы обратили в рабство, очень опасны. Месяца два назад трое из них набросились на женщину и перерезали ей горло, прежде чем люди вступились. Нет! Нам надо подчинить васков и уничтожить бриннов. Только после этого у нас будет время, чтобы подумать об истинной цивилизации.

«Старая история,— печально подумал Акки.— Старая история покорителей и покоренных. Различия порождают недоверие, недоверие порождает страх, а страх — ненависть. Покоренный боится и ненавидит

покорителя, который технически лучше вооружен. Покоритель презирает, ненавидит и боится более многочисленных покоренных. И возможно, на той стороне и на другой большинство состоит из честных и храбрых людей! Значит, снова тот случай, когда придется применить Стальной закон!»

Дверь с грохотом распахнулась, и трое молодых моряков привольно расселись за соседним столом. Клэр некоторое время прислушивался к их разговору.

Они рассказывали о мысе Бурь, об архипелаге Пиратов, о потерянных островах, о северном побережье экваториального континента, о непроходимых джунглях, об отчаянном бегстве под стрелами бриннов, о сказочных странах, где золото каталось в ручьях, как камушки в реках Берандии. Акки с ностальгией подумал о зале ожидания во дворце Рессана, где юные координаторы, вернувшиеся с первых своих заданий, рассказывали друг другу истории, такие же более или менее правдоподобные. Единственная разница была в масштабах. А сущность одна и та же: стремление к чудесному, неизведанному, которое толкало юношей всех времен и миров на поиски неведомых далеких стран и волшебных планет. Один из моряков, явно более сообразительный, явно оценивал все эти россказни, легко отделяя правдивое от похожего на правду, возможное от ложного.

«После должной подготовки из него бы вышел замечательный координатор»,— подумал Клэр.

После полудня, бродя наугад по городу, он завязывал разговоры с ремесленниками, солдатами, богатыми горожанами. Себя он выдавал за капитана корабля Сент-Поля, самого отдаленного от Берандии города. Когда разговор начинал касаться опасных подробностей, которые могли бы его выдать, Бушеран, игравший роль помощника капитана, ловко вмешивался и давал необходимые разъяснения. Но все эти послеполуденные беседы с самыми разными людьми только подтверждали его первоначальное заключение: берандийцы ненавидели васков и презирали бриннов.

Чтобы избежать по возможности всякой подмены, он сам выбирал собеседников. Но так ничего и не узнал об истинных чувствах народа к его знатным правителям. Никто не собирался разговаривать на эту тему с незнакомцем. Но Акки не огорчался: для него это было далеко не главной проблемой.

Солнце клонилось к закату, заметно потемнело: в этом полушарии только наступила весна. Акки вышел из города, чтобы встретить Хассила. Гравилет появился на большой высоте, резко спикировал, приземлился. Они тотчас полетели к замку, по указаниям Бушерана иссе опустил аппарат на внутренний, мощенный плитами двор. Капитан отвел координаторов в приготовленные для них апартаменты, отделанные с варварской роскошью, где уже был накрыт обильный стол. Перед уходом Бушеран сказал:

— Если захотите выйти из замка, часовые вас пропустят, они получили приказ. Но на вашем месте, сеньор Хассил, я бы остался здесь. В темноте вас могут легко спутать с бринном. Я, разумеется, повешу виновного, но это не вернет вам жизнь!

Координаторы пошли прогуляться по крепостной стене замка под мягким светом Лооны, рыжеватой Луны Нерата. Круговой путь, путь обхода стражи, вел их от укрепления к укреплению, сквозь башни, вымощенные тщательно пригнанными отполированными плитами, с дорожками, протоптанными ногами бесчисленных патрулей. Замок, как рассказал Клэру Бушеран, был построен первым герцогом, и, хотя у них был в то

время атомный двигатель, снятый с одного из зведолетов, из-за него было пролито немало пота и слез. Зато с самого начала он трижды спасал берандийцев от нашествий бриннов. Так что и здесь, как и во многих других вещах, трудно было подвести окончательный итог между добром и злом.

Они сели на узенькую деревянную скамейку в тени крепостного зубца. Часовые время от времени перекликались, и голоса их ясно звучали в лунной ночи, словно повторяя призрачные шаги неусыпной стражи на стенах. Координаторы обменивались впечатлениями. В родном языке Клэра было слишком много французских и английских корней, и он мог быть понят берандийцами, несмотря на богатую примесь русских, китайских и арборийских слов. А телепатическая беседа требовала для четкости значительных усилий. Поэтому они говорили на языке иссов.

— Я без труда связался со звездолетом,— сказал Хассил.— Согласно договоренности, Верньера с семьей переправят на Новатерру. Связной ксилл как раз прибыл, так что трудностей не будет. Как и было решено, Элькхан пролетит завтра очень низко над замком, чтобы как следует показать нашу мощь. Затем, согласно инструкциям, он отправится исследовать планетарные системы этой звезды и соседних звезд. Я передал твои послания матери и сестре на Эллу. А вот твой брат — один лишь Великий Совет знает, где он сейчас. После нашего отлета от него никаких вестей.

Клэр вздрогнул. Его брат Экрги возглавил экспедицию далеко в глубину галактики мисликов. Он должен был уже вернуться...

— А как война за Свет?

— Как всегда. Мы снова зажгли несколько тысяч звезд и потеряли несколько сотен. Да воздастся тебе, Акки, и твоим предкам! Без вас мы никогда бы не сумели дать отпор мисликам.

— И воздастся тебе, Хассил, и твоим предкам! Без вас мы никогда ничего не узнали бы о мисликах, пока они не погасили бы наши солнца.

— Ваши солнца?

— Да, Хассил. Наши солнца. Ты же знаешь, у меня смешанное происхождение. Частично синзунское, частично земное.

— Да, знаю и всегда об этом забываю. Все так фантастично! Если не ошибаюсь, это единственный известный случай, когда на разных планетах оказались расы достаточно близкие, чтобы вступать в браки и иметь детей.

— Разумеется! Межзвездная антропология, глава III, лекции нашего старика Терассана. Правда, ты всегда от них отлынивал, потому что, как все иссы, был убежден, что никто вам не может рассказать ничего нового о Лиге человеческих миров.

— И понятно! Ведь это мы ее основали!

— Да, да, конечно! Но ты помнишь статью 13-бис нашего кодекса?

— Разумеется! «Ни один координатор никогда не должен ссылаться на превосходство своего происхождения,— он запнулся, потом продолжал вполголоса,— в любом споре со своим коллегой или любым членом Лиги». Ну ладно, ты еще раз выиграл!

— Да, выиграл, но не «еще», а только на этот раз. Я иногда сам попадаю под власть предрассудков и начинаю безмерно гордиться своим происхождением. А на это мы не имеем права, когда от нас зависит судьба целого мира. Оставим это. Что ты думаешь о положении на планете?

— Тебе придется набраться терпения, мой друг, наполовину землянин. И стиснуть зубы. Слушай! Я редко встречал людей более одичавших, более опустившихся, более тщеславных и более глупых со всеми их предрассудками, чем эти потомки землян, которых я видел в городе.

— На Элле всегда была только одна раса, не правда ли, Хассил?

— Нет, у нас было три расы. Впрочем, все три зеленой крови и очень похожи друг на друга.

— На Земле всегда было и до сих пор есть три расы, и очень непохожие. На Арборе — еще хуже: там оказалось два вида разумных существ. Теперь остался только один, тельмов переселили на планету Кария.

— Я вижу, куда ты клонишь. Ты хочешь сказать, что иссы никогда не сталкивались с расовыми проблемами, поэтому им в таких делах не разобраться. Однако у нас тоже были расовые проблемы, и даже хуже, с самого начала образования Лиги! Ты думаешь, люди-насекомые на нас похожи?

— Нет, но они не живут на одной планете с вами, а это главное. Я не считаю берандийцев такими уж плохими. Но они покинули Землю в еще довольно примитивную эпоху, и ужасная катастрофа выкинула их на эту планету как потерпевших кораблекрушение. Действительно, они почти одичали. И до сих пор ведут тревожную жизнь, не зная, что ждет их завтра. С одной стороны, им угрожают другие люди, с другой — туземцы. Борьба за существование еще никого не делала добреньким, Хассил, и я думаю, ты никогда не найдешь ни одного исса, который помиловал бы мислика!

— Мислики — это совсем другое дело! Эти существа не из плоти.

— Но они живут, и они тоже страдают. Мой первый предок на Элле говорил с ними! Но вернемся к берандийцам. Нам еще трудно о них судить. Кто больше прав, а кто виноват? Васки, которые им не помогли? Бринны?

— Это не меняет сути дела, Акки. Ты знаешь Стальной закон. На одной планете — одно человечество, за исключением Рессана и за исключением тебя самого с твоими привилегиями!

— Хватит, Хассил! Если вы, иссы, будете все время тыкать мне в нос мои привилегии, ноги моей больше не будет на Элле, даже на самый короткий срок! — проговорил Акки полушутя, полусерьезно.— Это действительно не меняет проблемы, но позволяет подойти к ее разрешению с другой стороны. Тзинам, которые, ни о чем не подозревая, высадились и обосновались на одном из материков планеты Биаа, дали год отсрочки для эвакуации, когда выяснилось, что на другом материке в глубоких джунглях живут биаанцы, коренные обитатели планеты. И ты знаешь другие подобные случаи.

— Что же ты предлагаешь?

— Чтобы мы побыли здесь некоторое время, затем посетили васков, затем — бриннов.

— Ну, это разумеется. Поверь мне, я не приму никакого решения, пока не соберу всех данных. Но как бы ты ни старался от этого уйти, ты заранее знаешь наиболее вероятное решение и что́ оно будет означать для твоих отдаленных собратьев!

— Первое решение было принято согласно Стальному закону еще до нашего отлета. Однако есть ньюансы... Наш приговор, если он будет принят единогласно,— а нам за двенадцать миссий еще не приходилось вступать в противоречия — наш приговор будет решать судьбу миллионов людей...

Акки очарованно смотрел на город. Луна удлиняла черные тени башен, а сланцевые кровли домов прозрачно серебрились при ее бледном свете. Он представил этот город покинутым, вновь захваченным лесами, представил разрушенные стены и башни... Какая же это будет загадка для будущих археологов бриннов, если бринны к тому времени еще не будут допущены в великую семью Лиги! На этой планете осуществится

вековая мечта землян, которые надеялись отыскать в древних развалинах более или менее отчетливые следы посещения посланцев иных миров...

Неожиданно луна как бы померкла. Координаторы подняли глаза и... растерялись. Элькхан, командир звездолета, устроил специально для них частичное затмение луны. Это был старый арбориец, известный своими шуточками, порой довольно сомнительного вкуса, но зато великолепный астронавт. Интересно, какой еще фарс задумал он назавтра, по случаю своего полдневного появления над городом?

Об этом друзья могли только гадать.

Глава III

ЗАМОК

«И загремят трубы, и взовьются флаги. И улыбки спрячут ненависть, ибо Посланцы извне будут вестниками беды, и об этом узнает народ, который их примет»,— процитировал Хассил из «Книги сокровищ», одного из священных текстов иссов, восходившихся к глубокой древности.

Они стояли на большой парадной лестнице рядом с герцогом. Внизу, на широком мощенном плитами дворе, лучники в легких кольчугах во главе с Бушераном отдавали гостям воинские почести. Последний раз прозвучали фанфары, и герцог повернулся к координаторам.

— У нас есть древний обычай, унаследованный от наших земных предков: сначала гостя накорми, а уже потом говори о серьезных делах. И хотя я сгораю от нетерпения поскорее узнать во всех подробностях, какова цель вашей миссии и что привело вас ко мне, не будем все же нарушать старый обычай.

Если снаружи замок выглядел вполне средневековым, то внутри все свидетельствовало о стремлении к комфорту, весьма чуждому сеньорам былых времен. Техника берандийцев позволила им установить нечто вроде примитивного центрального отопления, а старинный гидравлический лифт медленно, но уверенно доставил герцога с его свитой на вершину башни. Большой зал, куда они вошли, освещался широкими низкими окнами; отсюда был виден весь город и порт. Стол из драгоценных пород дерева, уставленный блюдами и бутылками, занимал почти всю длину зала. Герцог поднялся на свой трон, стоявший на чуть приподнятой площадке, усадил Акки справа от себя, Хассила — слева и дважды хлопнул в ладоши. Только после этого в зал, в порядке старшинства, начали входить остальные приглашенные. Герольд в пунцовой тунике объявлял титулы и имена. Соседом слева от Акки оказался величавый высокий старик, слегка согбенный годами; герольд объявил его: «Высокий и могущественный хранитель Знаний Ян Керваот, граф Роана».

Пища была обильна и очень вкусна: ее готовили по старинным земным рецептам. Сначала все ели в молчании, и разговоры за столом завязались лишь после того, как герцог заговорил первым. Керваот склонился к Акки:

— Как я понял, вы прилетели с планеты очень далекой звезды?

— Нет, из очень далекой галактики, если вы знаете, о чем я говорю.

— Да, это я понимаю. Мы еще не растеряли всех знаний наших предков. К тому же я сам, помимо всего прочего, занимаюсь астрономией. К

несчастью, у нас были слабые инструменты, и даже в обсерватории в Роане у нас всего лишь оптический телескоп диаметром в 80 сантиметров, который был на борту одного из наших звездолетов. Но и этого достаточно для изучения соседних планет, и даже большой галактики, откуда мы прилетели и которая от нас совсем недалеко, если употреблять астрономические величины. А сколько световых лет до вашей галактики?

— Я не могу вам сказать точно. Мы вынуждены проходить сквозь ахун, или, если угодно, через гиперпространство, иначе нам не преодолеть такие колоссальные расстояния. Но в общем до нашей галактики наверняка не менее нескольких миллиардов световых лет.

— Миллиардов световых лет! Значит, это на другом краю Вселенной.

— Вовсе нет! А, понимаю. Вы исходите из принципов космогонии, установленных еще до отлета ваших предков.

— Но разве может быть иначе? — тихо спросил старик.— Конечно, мы должны вам казаться варварами. Случай выбросил нас из великого потока человеческого прогресса, и мы потихоньку гнием в мертвом болоте, куда мы попали...

После паузы он с горечью продолжал:

— Если бы все было иначе, я бы стал настоящим астрономом, вместо феодала, управляющего несколькими тысячами человек на планете, затерянной в Большом Магеллановом облаке. Мне еще повезло, что вы появились при моей жизни. Прежде чем умереть, я смогу узнать у вас хоть кое-что о последних открытиях ваших ученых. Увидеть проблеск света...

— Простите, сколько вам лет?

— Шестьдесят шесть лет Нерата. По чистой случайности здешний год почти точно совпадает с земным. Там бы мне было шестьдесят четыре года...

«Немножко поздновато»,— подумал Акки, а вслух произнес, повернувшись к своему соседу:

— Я не врач и не биолог и ничего не могу вам обещать. Вы, конечно, не доживете до двухсот двадцати или двухсот пятидесяти земных лет — теперь это наша норма. Но, я думаю, наши геронтологи смогут продлить вашу жизнь еще на семьдесят — восемьдесят лет, в зависимости от вашей конституции.

— Вы хотите сказать, что после лечения у ваших врачей я смогу дожить примерно до ста сорока лет?

— Да. Может быть, и больше.

Старик побледнел.

— О, я не забочусь о жизни как таковой,— проговорил он приглушенным голосом.— Поймите меня. Но может быть, тогда я успею узнать хоть немного...

— Даже очень много, если события будут разворачиваться, как я того желаю! Для этого у нас есть специальные методы.

Герцог наклонился к Акки.

— Простите, что прерываю вашу беседу, по-видимому очень увлекательную. Вы вряд ли знаете, что Роан — наш самый крупный ученый? А вот юный Онфрей, барон де Неталь, который перед вами, утверждает, будто наша суровая полудикая жизнь имеет свои преимущества. С ним можно и не согласиться. Но он говорит, что с точки зрения физической силы, выносливости, упорства, а также лихости мы должны превосходить более цивилизованные расы, например ту, которую представляете вы. А вот ваш друг Хассил утверждает, что вы отнюдь не растеряли ваших древних доблестей.

Акки улыбнулся. Мысленно он увидел перед собой неведомую планету, охваченную космической войной: ледяное пространство, мрак, прорезаемый светом редких звезд, скопище металлических мисликов, фиолетовые или зеленоватые лучи изобретенного ими таинственного оружия, эскадры самых различных космических боевых кораблей, которые с невероятной скоростью проносятся над самой поверхностью или врезаются в лед огненными смерчами. Он на секунду пожалел, что не может передать этот мысленный образ барону и спросить его, можно ли вести такую борьбу без физической силы, упорства и лихости. Потом нагнулся к нему через стол.

— Я думаю, вы путаете цивилизованную расу с деградировавшей расой. Наша цивилизация, вернее комплекс разных цивилизаций, находится в полном расцвете. И она закалена беспощадной борьбой, о которой мы поговорим в более удобное время.

— Возможно, — ответил юный гигант.— Но сама сложность вашей цивилизации заставила вас утратить основные стимулы развития: это борьба за жизнь и выживание наиболее приспособленного. Еще очень давно на Земле это определил один великий ученый.

Насмешливый огонек зажёгся в глазах координатора. Ну вот, теперь Дарвин после Вальтера Скотта! И как обычно, плохо понятый Дарвин! Наблюдение биологического порядка, переведенное без изменений в социологический план, то есть фактически — в план моральный. Общая ошибка примитивного мышления, против которой особенно предостерегали будущих координаторов в процессе обучения.

— Вы можете привести мне пример?

— Что ж, по-видимому, ваша Лига, если вам верить, очень могущественна, гораздо могущественнее, чем мы, и она враждебна нашему образу жизни. Самое простое и естественное решение было бы просто раздавить нас, а не отправлять к нам посланника.

— Я, в сущности, не посланник, а скорее наблюдатель. А вы не боитесь, что я воспользуюсь вашей подсказкой?

— Нет. Я прекрасно знаю, что вы не сможете этого сделать. Я знаю, что есть цивилизации... слишком цивилизованные. Я изучал историю или то, что от нее осталось. Так, я узнал, что цивилизация, существовавшая на Земле до отлета наших предков, так и не решилась колонизировать планету, называемую Марс, из-за того, что там оставалась горстка деградировавших марсиан, которых такая колонизация могла бы стеснить или вообще привела бы к их исчезновению. Морально вы слабые люди и никогда не решитесь воспользоваться силой, которой обладаете. Вас пугает вид крови! И вы физически слабы, несмотря на ваши мускулы! Вы сможете следовать за мной целый день на охоте? Провели вы хотя бы одну зимнюю ночь под открытым небом, без всякого укрытия?

Акки услышал мысль иссa: «Неплохо было бы заставить этого юного дурачка прогуляться с нами по Терхоэ V, как думаешь? Помнишь, Акки, три месяца на этой ласковой планете?».

Три месяца в грязи или в снегу на планете, где началось оледенение. Три месяца без всякого укрытия, пока обломки их маленького звездолета не были обнаружены спасательной экспедицией. Три голодных месяца, когда им ни разу не удавалось поесть досыта! Три месяца ежедневных сражений и убийств, чтобы спасти свою жизнь!

Акки мысленно ответил: «Бесполезно, он бы там не выжил!».

— Я думаю, юноши на этой планете, как и везде, имеют свои игры, в которых состязаются в силе и выносливости. Хотите посостязаться со мной?

— Тьфу, игры! Для благородного сеньора есть только одна игра — война! Через несколько дней будет большой турнир. Согласитесь ли вы встретиться со мной в схватке на жизнь или смерть?

— Довольно, Неталь! — оборвал его герцог:— Его превосходительство Клэр наш гость, а кроме того, он посол.

— Разумеется, если он боится...

— Я не боюсь,— отрезал Акки.— И, когда моя миссия будет завершена, я приму ваш вызов. Такие варварские дуэли нам абсолютно чужды, и никто, если он в здравом уме, не вызовет другого человека на смертельную схватку. И ни один человек, если он не сошел с ума, не примет такого вызова. Но здесь, учитывая обстоятельства, я считаю своим долгом согласиться. Но предупреждаю: я вас не убью. А вы попробуйте меня убить, если думаете, что способны.

— Ничего этого не будет! — прервал его герцог.— Я запрещаю эту дуэль. И к тому же это было бы нечестно. Вы, Неталь, наш самый лучший боец, а у вас, сеньор Акки, наверняка нет должного навыка в обращении с нашим оружием. Что вы там говорили, Бушеран?

В конце стола капитан встал:

— Я говорил, что если бы эта дуэль состоялась, я бы не дал за шкуру Неталя и гроша: она будет продырявлена, как дуршлаг! Если понадобится, я охотно буду вашим секундантом, — добавил он, обращаясь к Акки.

— Я сказал: довольно об этом! — оборвал его герцог.— Этой дуэли не бывать! И тот, кто обвинит его превосходительство Клэра в трусости, будет иметь дело со мной.

Он повернулся к левой половине стола.

— Вы слышали меня, юные сеньоры?

Солнце уже проникало в зал косыми лучами, когда пиршество наконец кончилось. Герцог, Бушеран, Роан и, разумеется, Акки с Хассилом были трезвы, остальные гости пили вволю. Они поднялись из-за стола с песнями, шутками, смехом, задиристыми похвалами и с шумом и гамом покинули зал.

Комната была большой, скупо обставленной,— всего несколько строгих кресел и огромный стол, заваленный картами и документами. Через одно окно был виден город, через другое — суженное основание полуострова, а вдали — поля и лес простирались до бесконечности, постепенно повышаясь к подножию гор, красных при свете заходящего солнца. Соседняя комната, которую координаторы заметили мельком сквозь занавеси, была, по-видимому, библиотекой. В углу стоял как памятник анахронизма древний сейф.

— Да,— подтвердил герцог, перехватив их взгляд,— в нем мы храним самые ценные вещи. Теперь в нем ключи от арсенала, где мы бережем уцелевшее оружие наших предков. Только я знаю его секрет, и за все мое правление мне не пришлось к нему прибегать. Мы всегда обходились нашим примитивным оружием. Но мне кажется, вы спешите перейти, наконец, к вещам более серьезным. Какова в точности цель вашей миссии, сеньоры? Нет, Роан, останьтесь!

Акки с минуту раздумывал.

— Я думаю, ваша светлость, чтобы все было совершенно ясно, мне придется рассказать вам кое-что из истории. Не из вашей, которую вы знаете лучше нас, а из истории Вселенной примерно за одну тысячу лет.

В 1950 и 1960 годах христианской эры, то есть примерно восемьсот лет назад, человекоподобные существа, иссы,— Хассил как раз представитель этого вида гуманоидов — послали из неимоверно далекой галактики разведывательную экспедицию, которая достигла Земли. В результате событий, которые не имеют никакого отношения к нашей теме, один человек — один из моих предков — улетел вместе с ними. В то время Земля ничего не знала об этом посещении, потому что на ней продолжали свирепствовать международные войны, а иссы строго придерживались правила не вступать ни в какой контакт с планетами, где еще не достигнуты объединение и общий мир.

Для чего же они сделали исключение ради моего предка? По причине, которая может показаться вам банальной: как и у каждого землянина, у него была красная кровь. Иссы давно уже вели войну со странными, до сих пор непонятными для нас металлическими созданиями, которые могут существовать только на поверхности ледяных планет при температуре около абсолютного нуля, с мисликами. У этих мисликов, которые, я повторяю, остаются загадкой для наших ученых, имеются две весьма опасные способности: они испускают излучение, смертельное для всех существ, чей дыхательный пигмент не основан на гемоглобине, и они, собравшись бесчисленными массами, способны замедлять атомные реакции, благодаря которым звезды дают свет и тепло. Они гасят звезды, чтобы затем колонизировать планеты, когда те превратятся в черные и холодные миры. Так вот, в религии иссов было пророчество, предсказавшее, что когда-нибудь они найдут человечество с красной кровью, которую не смогут заморозить мислики. Молодой исс, командовавший ксиллом — это чечевицеобразный звездолет,— доставил моего предка на их планету Эллу. Кстати, тот командир был далеким предком моего друга Хассила, который перед вами.

Что это было, предвидение ясновидца или совпадение? Во всяком случае, землянин оказался нечувствительным к излучениям мисликов. Опираясь на поддержку созданной иссами Лиги человеческих миров, в которую входили тогда примерно восемьсот различных типов разумных существ,— теперь в ней больше пятидесяти тысяч из сотни галактик,— опираясь на другие обнаруженные с тех пор расы с красной кровью, а также на земян, тайно эмигрировавших на Новатерру, соседнюю с Эллой планету, и, наконец, на Землю с ее конфедерацией, вошедшую в Лигу сто пятьдесят лет назад, иссы ведут беспощадную войну с мисликами. Эту борьбу координирует Совет миров с резиденцией на Рессане, одной из планет иссов. В течение трехсот лет мы заставляем мисликов отступать по мере того, как вновь зажигаем солнца, быстрее, чем они успевают их гасить. Но это требует постоянных усилий, поглощающих бо́льшую часть наших ресурсов. А они возрастают, когда мы находим новую планету, новое человечество, способное войти в Лигу, то есть такое, которое навсегда отказалось от планетарных или межпланетных войн.

Это возвращает нас к нашей проблеме. Много раз нам приходилось отвлекать часть наших сил для борьбы с человечествами, которые намеревались за счет своих соседей создать собственную империю. И каждый раз — слышите? — каждый раз, когда на одной планете сосуществовали два разумных вида, это неминуемо заканчивалось войнами на полное уничтожение одного из них. Так вот, войн между человечествами не должно быть. Их не должно быть внутри Лиги, потому что они отвлекают людей и технику, которых и так жестоко не хватает для борьбы с мисликами. Их не должно быть, если мы можем их предотвратить, и вне Лиги, ибо — не говоря уже, что войны между человечествами — вещь отвратитель-

ная,— это бесцельная растрата энергии, которую следовало бы обратить против нашего общего врага. И наконец — это угроза будущему.

Так вот, на Нерате, ваша светлость, сложилась именно такая ситуация. Здесь, с одной стороны, вы и васки, с другой — бринны. В Лиге есть особый отряд координаторов, выбранных и обученых специально для разрешения сложных конфликтов между разными человечествами. Поскольку вы земляне, я был избран для этой миссии, ибо сам частично земного происхождения. А так как ваши бринны похожи на иссов, со мною был направлен сюда мой друг Хассил. Наша цель определить, кто из вас, вы, васки или бринны, имеет больше прав на Нерат, и переправить остальных на другую планету. Я не скрываю от вас, закон требует, чтобы остались туземцы. Однако бывают также исключения. На планете Тиа остались иммигранты, потому что они могли немедленно оказать Лиге бесценную помощь.

— Если я хорошо понял, у вашей миссии двойная цель,— медленно проговорил герцог.— Во-первых, определить, кто из нас, мы, васки или бринны, более достойны, по-вашему мнению, и сумеют лучше распорядиться планетой Нерат. Во-вторых, предложить нам войти в вашу Лигу, не так ли?

— Да и нет. Я настаивал на практической стороне нашей миссии, чтобы вы поняли, что никто не может заранее приговорить вас к изгнанию с Нерата. Но есть еще этическая сторона. Бушеран рассказал мне, что вы обратили в рабство или уничтожили целые племена бриннов, которые жили на территории, где теперь находится Берандия.

— Это было необходимо. Мы нуждались в рабочей силе и в безопасности.

— Я не порицаю ваших предков, хотя и не могу их одобрить! Я думаю, вы могли бы сотрудничать с бриннами. Во всяком случае, вы достигли того уровня цивилизации, когда можно обойтись и без рабского труда. Если вам суждено присоединиться к нам, достаточно совсем немного времени, чтобы вы нас догнали,— всего одно или два столетия. Разумеется, при условии, что вы измените ваш анахронический социальный строй.

— Этот строй достаточно прочен в условиях нашей жизни,— вмешался Роан.— Первоначально создание, вернее воссоздание, знати служило способом вознаградить тех, кто был наиболее полезен или верен вождю. А поскольку эта знать была создана герцогом, а не образовалась сама собой, у нас после объединения никогда не было феодальных войн. К тому же давление со стороны васков и бриннов принуждало нас к единству, без которого мы бы погибли!

— Весьма возможно. Но останетесь вы на Нерате или будете перенесены на другую планету — эту социальную структуру придется изменить. Она будет не только морально неоправданной, но и совершенно не подходящей для члена Лиги.

— Какая же у вас форма правления? — осведомился герцог.

— На наших планетах? Самая различная. Обычно демократическая, довольно часто — технократическая, иногда — олигархическая. Но наши общества всегда открытые. В них не возникает наследственных каст. Что касается Лиги, то у нее нет правительства в точном смысле этого слова: нельзя править пятьюдесятью тысячами миров.

— Одно меня смущает,— сказал Роан.— Вы говорите о Лиге человеческих миров. Что значит для вас понятие «человеческие»?

— Есть три большие основные группы. Во-первых, люди в буквальном смысле по классификации Лиги: вы, я, синзуны, ферхены и так далее. Мы образуем группы красной крови на основе гемоглобина. Затем

человекообразные, как Хассил: иссы, р'бены, кренны, бринны и т. д.— с синей или зеленой кровью, но внешне похожие на людей. Они составляют неметаллическую группу, поскольку в их дыхательном пигменте нет металла. И наконец, гуманоиды, в которых нет ничего человеческого, кроме разума и чувствительности. Очень часто они походят на земных насекомых. Кстати, у вас есть здесь насекомые?

— Есть местные, совершенно непохожие на земных. А мы по неосторожности завезли муравьев, которые здесь расплодились, да еще как!

— Беда всех колонистов с Земли! Люди-насекомые, порой довольно страшные с виду, часто проявляют незаурядные интеллектуальные способности, и я горжусь, что меня удостоил своей дружбой Кскилик, кзлем из седьмой галактики, которого справедливо считают лучшим астрофизиком Лиги.

— И наконец,— продолжал Клэр,— есть еще наши союзники, не входящие в Лигу, ксенобиты, которые нам иногда так же непонятны, как мислики. Одни из них живут в атмосфере хлора или аммиака, другие — в абсолютной пустоте космоса, третьи хорошо себя чувствуют при ужасающих температурах. Поскольку ни мы не можем постоянно жить на их планетах, ни они — на наших, возможность конфликтов исключена. Лишь изредка возникают трудности во взаимопонимании.

— Какая Вселенная, господи, какая Вселенная! — воскликнул старый астроном.— И подумать только, что я, может быть, доживу, чтобы увидеть своими глазами хоть одно из этих чудес!

— Это зависит от вас. Если согласитесь с нашим решением, вас могут принять в Лигу. Иначе... вы будете развиваться сами по себе на другой планете, пока ваша раса не созреет настолько, чтобы пересмотреть многие вопросы. Но за вами будут наблюдать и без всякой жалости уничтожат, если, открыв способы космических перелетов, вы вздумаете вступить на путь завоеваний.

— Я не знаю, что мы выберем, ваше превосходительство,— негромко сказал герцог.— Вы открыли нам новый мир, о котором мы ничего не знали. Нам нужно время, чтобы подумать. В конечном счете мы любим эту землю и гордимся, по праву или нет, но гордимся тем, что мы здесь создали. Со своей стороны, я бы принял ваше предложение. Но я только герцог, а не бог, и я могу влиять на своих подданных только до известных пределов. Очень юные люди, я думаю, легко приспособятся к новым условиям. Старые безумцы, как я и Роан, тоже. Но остальные? Мы внушили им целый кодекс морали, чести, а также множество предрассудков, очень полезных здесь, но которые в иных обстоятельствах... И еще я вам должен сказать... После того как я увидел вашего друга Хассила, я слегка изменил свою точку зрения. Однако признать бриннов равными! Ты, Роан, наверное, про себя смеешься. Ты ведь всегда придерживался таких взглядов, и я даже слышал, что в своих владениях ты отпустил всех бриннов на волю, а главное — даже не предупредил меня!

Боюсь, даже если я соглашусь с вами, это будет возможно лишь в том случае, если мы не останемся на Нерате. И потом, наша социальная структура, какой бы она ни была, но она существует уже четыреста лет.

— Никто не говорит о том, чтобы все изменить за один день. Ваш случай не первый, какой нам пришлось решать. Хассил и я сталкивались уже двенадцать раз с подобными конфликтами, и в одиннадцати случаях мы разрешили их успешно. А мы ведь всего лишь два координатора среди сотен!

— А в двенадцатом случае? — тихо спросил герцог.

Акки промолчал. Хассил сухо ответил:

— Аннигиляция. Полное уничтожение.

Воцарилось молчание.

— Хорошо,— сказал наконец герцог.— Завтра я соберу Совет, а послезавтра — Генеральные штаты всего герцогства. Я их не боюсь. Но что скажет Анна? — добавил он с гримасой, повернувшись к Роану.

Глава IV

НАША ЗЕМЛЯ ПОД ЭТИМ НЕБОМ...

Акки и Хассил в сотый раз пытались найти какое-то приемлемое решение, когда герольд возвестил о приходе графа Роана. Они его приняли охотно, потому что старый мудрец внушал им большое уважение и к тому же был членом Совета герцога.

— Что решил Совет?

— Согласился с мнением герцога: нужно созвать совет всех провинций. А у нас такие примитивные средства связи, что на это уйдет в лучшем случае двадцать дней. И поскольку представители всех провинций никогда не собираются в столице, на сей раз я имею честь принять их в Роане. Я надеюсь, вы не откажете мне и будете тоже моими гостями? Я был бы очень рад.

— Ну разумеется, и с огромным удовольствием, граф. Вы должны знать, что только вы и капитан Бушеран де Мон и, конечно, герцог — единственные люди, которых мы можем здесь понять или надеемся понять.

— Бушеран — замечательный человек, но тратит свои способности будучи капитаном лучников. Ему бы лучше послушаться меня и перебраться в Роан, но, кажется, я знаю, почему он остается здесь. А что касается герцога, открою вам одну тайну: это мирный человек! А про меня и говорить нечего: я живу не в Берандии, а среди звезд и моих старых книг!

Они долго беседовали об астрономии. Хассил был неисчерпаемым источником знаний, а старый граф задавал и задавал вопросы, которые свидетельствовали, что он извлек самое ценное из своих древних книг и жалких астрономических инструментов. Акки больше молчал, слушал и наблюдал. Чем дольше продолжался этот визит, тем сильнее становилось у него впечатление, что почтенный старец пришел говорить вовсе не об астрономии, а совсем о других делах, которые его интересовали больше всего. Акки умело и ловко перевел беседу на Берандию, затем на герцога, и как только предоставился случай, спросил с самым невинным видом:

— А кто эта ужасная Анна, о которой герцог вчера мельком упомянул? Это его жена? Его любовница?

— О нет, сеньоры! Не говорите так! Это его дочь, моя крестница, самая прелестная ведьма, какую породила человеческая раса! Вам с ней, без сомнения, придется трудно. Но, чтобы вы знали, это она по существу управляет Берандией, а не герцог. Я не уверен, но похоже, это так.

С нижнего двора раздались испуганные голоса, и огромная тень пала на замок, затмив солнце. Все бросились на террасу башни.

Очень низко и очень медленно над городом и замком проплывал гигантский эллипсоид. Его металлический корпус сверкал на солнце, а на носу новатеррианскими буквами, очень мало отличными от древнего латинского алфавита Земли, сияло название звездолета: «Ульна».

В замке была паника. Солдаты бежали на свои боевые посты, втянув головы в плечи, словно страшились, что эта звездная громадина сейчас опуститься на них и раздавит, и в отчаянии посылали вверх бесполезный рой своих жалких стрел. С одной из башен выстрелила катапульта-скорпион, и снаряд задел корпус звездолета.

— Скорее, граф! Скажите страже, что это ничего особенного, ничего опасного. Просто мой звездолет решил навестить нас, прежде чем отправиться в другую экспедицию. Стрелы против него бессильны, но я боюсь, и мне было бы жаль, если ваши люди пострадают от рикошетов: корпус звездолета точно отражает все снаряды.

Граф Роан сидел с широко открытыми глазами.

— Какая же это цивилизация, если она может строить такие невообразимые чудовищные звездолеты!

И граф де Роан бросился бегом к страже, объяснять и приказывать.

— Хорошенькое дело,— сказал Акки.— А мы еще думали, какую идиотскую шуточку устроит нам Элькхан на прощание. Теперь мы знаем: прилетел на день позже... и над самыми крышами города! Ну и наглец! Зато какой изумительный пилот.

Сначала медленно, затем все быстрее и быстрее «Ульна» набирала высоту и, наконец, исчезла в небесной голубизне. Вернулся запыхавшийся от спешки и волнения Роан.

— Я хочу вам доверить тайну, но, если узнают, это будет мне стоить жизни. Даже герцог не сможет меня защитить. Я доверяю вам эту тайну, потому что думаю, она сможет повлиять на ваше решение, и вы выкажете моему народу, к которому я принадлежу, больше благожелательности. Вы справедливы и беспристрастны. А я не могу читать ваши мысли. Но я чувствую, что вы презираете этот народ.

— Послушайте, граф, мы никого не презираем.

— Нет, сеньор Акки, вы презираете нас! И до известной степени мы достойны вашего презрения. Берандия — это ошибка, неудача, идиотский конец. О, господи, не обвиняйте наших предков. Они сделали самое лучшее, что могли, в самых страшных обстоятельствах. Но, как вы сами сказали, эта стадия псевдофеодального развития должна была быть давно уже пройдена! Однако знать, состоявшая вначале из лучших людей, самых мужественных, самых умных, самых благородных, как это часто бывает, все глубже погружалась в теплую и вонючую тину своих привилегий, в болото своей привилегированности. Мы потеряли духовность и продолжали участвовать в общественных ритуалах, в которые никто не верил. А среди просвещенной знати мы холодным расчетом устраняли простых, умных людей, потому что народ не должен знать ничего.

И совершенно сознательно не было сделано никаких усилий, чтобы покончить с этой нескончаемой войной с васками. Кроме того, ненависть и презрение к бриннам искусственно разжигаются среди берандийцев. Может быть, вам рассказали, что несколько месяцев назад три раба бринна бросились на женщину и перерезали ей горло? Это произошло к Боклере, в маленькой деревушке, когда уже стемнело. Ни одного свидетеля поблизости. Убийцы, якобы бринны, сбежали в соседний лес. Так вот, это были не бринны. Это были три юных пажа в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет, перекрашенные в зеленую краску. Женщина

сопротивлялась, и они ее убили. По глупой случайности эти пажи, сильно подвыпив, начали хвастаться своими подвигами в одной таверне моего графства, где случайно ужинал один мой стражник. Я повелел их схватить и повесить под каким-то выдуманным предлогом.

— Много раз,— продолжал граф,— много раз я обращался к герцогу Берандии, его отец был одним из ближайших друзей моего детства, много раз просил освободить бриннов от рабства, как это сделал я со своими бриннами. В сущности, он разделял мои взгляды, но он слишком слаб душой и добродушен, хотя физически ничего не боится, а противная партия — слишком сильна. Время от времени на самой границе загорается ферма. И тут же говорят, что это васки или «зеленухи», как здесь называют бриннов. Иногда так оно и бывает. Но однажды я примчался на берег Соленых болот, когда меня не ждали, и увидел эту бойню. Дом горел, крестьян всех убили, перерезали горло, а в тени деревьев метались силуэты с боевыми шлемами бриннов. Целый град стрел с каменными наконечниками обрушился на нас, мои лучники ответили, а когда поле боя осталось за нами, в кустарниках мы нашли только следы красной крови!

— Кто же был главарем этого налета?— спросил Акки.

— Если говорить официально, это Онфрей де Неталь. Молодой дворянин, умный, дерзкий, довольно начитанный, хотя и плохо воспитанный, популярный среди простого народа, который он привлекает щедрыми подачками. Но я боюсь, что настоящий вождь грядущей беды, настоящая вдохновительница — это моя крестница, герцогиня Анна.

— А кто же глава партии мира?

— По-видимому, это я..., если бы действительно была партия мира! Но нас только пятеро, понимаете? Пятеро, на кого можно рассчитывать! Герцог, граф Хавр и его сын, Бушеран и я. И к тому же еще Бушеран слепо верен Берандии. Права его страна или нет, это его страна! Может быть, мы найдем еще какую-то поддержку среди изгнанников? Но помимо храбрых и честных людей среди них есть настоящие бандиты! Короче говоря, сеньоры, ваше предложение будет отвергнуто. Вселенная, где они будут поставлены в один ряд с бриннами или другими гуманоидами, не интересует наших юных благородных рыцарей. Вполне вероятно, что они воспримут это предложение как оскорбление. Его светлость и я сделаем все возможное, но надеяться не на что. Поэтому я прошу вас помнить, что наш народ не хуже других. Он просто плохо воспитан. Он сгибается под грузом предрассудков, которые существовали еще на Земле, более пятисот лет назад, совсем в другую эпоху. Я прошу вас, сеньоры, не уничтожать мой народ!

— Да нет же, граф. Не бойтесь за ваш народ. Раса, в которой сохранились благородные сердца, подобные вашему, не заслуживает аннигиляции. Тот строй, упомянутый Хассилом, был совершенно иной. Раса, которую мы приговорили, была могущественна и опасна, и она уже уничтожила три других человечества.

— Благодарю вас, сеньор Акки. Я знаю, что юная герцогиня попросит зайти к ней завтра. Вы молоды, она очень красива и умеет быть обворожительной. Берегитесь! Но в том случае, если дело обернется худо, постарайтесь ее уберечь. Она была моей воспитанницей и лишь три года назад вышла из-под моего влияния. Если бы она осталась со мной подольше, она бы стала совсем иной.

Акки перешагнул последние ступени лестницы и вышел на верхнюю террасу башни. На ней был разбит целый сад с лужайками цветов самой

яркой окраски и деревцами около зубцов башни. В стеклянной вазе извивались и светились всеми цветами радуги причудливые существа, привезенные из экваториальных морей. На длинной скамье резного дерева окруженная молодыми людьми сидела юная герцогиня Анна.

Акки повидал в жизни немало красавиц. На Новатерре вообще не было уродливых людей. Успехи евгеники и медицины уже давно избавили людей от физических пороков и внешних недостатков. Синзуны Арбора, единственная раса, настолько близкая землянам, что между ними возможны смешанные браки, славились ослепительной красотой своих женщин. У некоторых рас гуманоидов, таких как иссы или р'бены, женщины казались, может быть, еще прекраснее, потому что люди бескорыстно любовались ими, зная, что никакая сексуальная связь невозможна. Но увидев Анну, Акки сразу подумал, что если выражение «шедевр природы» имело какой-то смысл, то оно относилось к ней.

Анна была еще очень юна, восемнадцати, самое большое девятнадцати лет, высокая, с густой шевелюрой медного цвета. Надменная скульптурная головка, темно-зеленые глаза, прямой тонкий нос, маленький красный рот, золотистый оттенок кожи. Подвижное, гибкое тело, казалось, обладало скрытой силой, как у пантеры, готовой к прыжку. Зеленые глаза встретились с серыми глазами Акки. Тот поклонился.

— А, приветствую вас!— проговорила она певучим голосом.— Вот посланник... как ее? Лиги человеческих миров, если не ошибаюсь.

В тоне ее не было ни враждебности, ни презрения. Только бесконечная уверенность в себе. Однако юные придворные засмеялись. Один из них поднялся, и Акки узнал барона Онфрея де Неталь.

— Так вот он, мой противник!— фыркнул барон.— Или, вернее, тот, кто мог бы быть моим противником, если бы герцог не взял его под свою защиту.

Акки не обратил внимания на это оскорбление. Когда-нибудь, когда его миссия будет закончена, он задаст хорошую трепку этому нахалу.

— Подойдите, благородный чужестранец. Потому что, я полагаю, посол — не простой глашатай и должен принадлежать к знатному роду?

— Нет, ваша светлость,— ответил он.— На наших планетах нет знати.

— Это не имеет значения. Наши предки тоже не были знатными людьми. Мне даже помнится, Неталь, что ваш был простым булочником. Я не ошиблась?

Неталь покраснел, затем побледнел, но промолчал.

— Извините, сеньоры, но я должна поговорить с послом. А то, что мы пожелаем сказать друг другу, касается только нас одних. До скорого свидания, милые юноши.

Скрывая под улыбками бессильную злобу, юные придворные удалились.

— Ваше высочество...— начал Акки.

— Оставьте, пожалуйста, всякие высочества. Вы не устали от этого архаического маскарада? По счастью, в спасенной библиотеке были только книги Вальтера Скотта. Я содрогаюсь при мысли, что там могло быть что-нибудь совсем иное. Например, представляете меня в турецком гареме?

— Вы знаете земную историю?

— Мой чудесный крестный Роан заботился о моем образовании. Однако, с его точки зрения, недостаточно. Но садитесь же! Нет, сюда, рядом со мной. Вы меня боитесь?

— Разумеется, нет.

— Да я и не знаю, как я могла бы вас напугать. Вы настолько сильнее нас! Сколько миров вы представляете? Пятьдесят тысяч, как сказал мой отец? Это вы скорее можете меня напугать. Вы прилетели из такой неведомой дали!

Взгляд ее медленно окинул полуостров. Море белой пеной окаймляло пляж, в небе плыли редкие облака.

— Вы видели когда-нибудь планету такую же прекрасную, как наша?

Акки чуть не сказал «конечно», подумав, что Нерат бледнеет по сравнению с Арбором, Эллой или Новатеррой. Но через мгновение он уже не был в этом так уверен. В конечном счете, те три планеты были до какой-то степени его родиной. И разумеется, для всякого человека его родная страна остается самой прекрасной. Он подумал о ксириянах, которые так гордятся своей крохотной, горькой и голой планеткой.

— Нет,— сказал Акки,— я видел прекрасные миры, но не прекраснее этого.

Анна расцвела.

— Я была уверена, что Нерат вам понравится! Но мне очень приятно слышать это от вас, кто повидал так много.

Она встала, пересекла террасу. Вдалеке за лесом вздымались Красные горы.

— Там живут васки. Я не держу на них зла. Но если бы они объединились с нами против бриннов! Мы быстро очистили бы весь континент и тогда смогли бы основать настоящую цивилизацию, как на Земле.

— Для этого совсем не нужно уничтожать бриннов,—мягко заметил Акки.— Вы никогда не думали, что они такие же люди, как мы?

— Такие же люди?

Она свистнула. С деревца спрыгнуло маленькое существо с коричнево-зеленоватой шерсткой и длинным, раздвоенным на конце хвостом. Зеленое личико чем-то напоминало обезьянье.

— Я скорее поверю, что Пер, мой орон,— мой родной брат!

— Однако вы не станете отрицать, что бринны похожи на нас, что они строят деревни, что они умеют добывать огонь, что они...

— Фу! Муравьи тоже строят свои города. Что касается огня... Ну и что, если даже они отдаленно напоминают нас? На Земле низшие расы тоже были истреблены!

— Да, расы, которые считались низшими, и никто не знает, сколько безвозвратно потеряло на этом земное человечество!

— Возможно. Однако сменим тему, прошу вас. Для нас обоих это мучительный вопрос, хотя и по разным причинам. Расскажите мне немного о ваших странствиях. Я чувствую себя такой невежественной, такой..,— она на мгновение заколебалась,— такой примитивной! Вы, должно быть, видели великолепные города.

— Я не смогу вам их описать. К тому же не на всех наших планетах есть города. На Элле иссы, очень похожие на ваших бриннов, которых вы презираете, перестали строить города много веков назад. Но я могу показать вам фотографии. Вы знаете, что такое фотография?

— Да. Но мы больше не умеем их делать.

— Ну что ж, пока я постараюсь показать вам несколько образов. Смотрите мне прямо в глаза и ни о чем не думайте.

Она подняла на него свои огромные зеленые глаза. Он устремил в них взгляд, сосредоточился, потому что передавать образы представителю не телепатической расы было нелегко. Множество пейзажей пронеслось в его памяти, потом осталось одно воспоминание.

Она встряхнула головой, прерывая волшебство:

— Все это было очень красиво, но ни одного города. Однако эти высокие золотистые горы, этот голубой поток и спокойное озеро среди пурпурных деревьев... Это, это было?

Он вздрогнул. Единственное место во Вселенной соответствовало этому описанию: долина Тар на Арборе. Долина Тар, где юные пары проводили вместе первые дни. Долина Тар, где когда-нибудь и он... Его семья всегда следовала обычаям синзунов, хотя сами они были наполовину новатерриапцами. В его голове вновь прозвучал голос Роана: «Вы молоды, а она очень красива...» Неужели он влюбился в Анну? Нет, это ни на йоту не изменит окончательного решения, но может сделать его мучительным.

Какое-то время они молчали. Заходящее солнце играло в медных волосах Анны, окутывая ее огненным ореолом, и просвечивало розовым одно ушко. Акки чувствовал себя неловким увальнем и не знал, что сказать.

Первой заговорила Анна:

— В Роане скоро соберутся Генеральные штаты. Да, я все знаю. Ибо после смерти моего брата, убитого на охоте спрейлем, я наследница трона, будущая герцогиня Берандии. Впервые после основания герцогства власть попадет в руки женщины, «той, кто пряжу прядет», по старинному, смешному выражению. Это не очень нравится многим юным сеньорам. В нашей стране женщины не пользуются влиянием. Мое правление будет не из легких...

Акки слегка сдвинул брови. Может быть, она ищет поддержки?

— Но те, кто думает, что я не умею защищаться, жестоко ошибаются,— продолжала она, словно угадав его мысль.— За меня Бушеран и его лучники, со мной Роан и его графство. Что касается флота..., даже если мне придется вступить в союз с васками...

Акки смотрел на нее с недоумением. Все не совпадало с тем, что ему говорил Роан. Может быть, она знала о том разговоре и старалась его одурачить?

Анна печально улыбнулась.

— Наша политика должна вам казаться жалкой возней — вам, кто вершит судьбы планет. И я сама должна вам казаться жалкой и смешной в роли государственного деятеля. Ведь я же доверилась человеку, которого увидела впервые всего час назад! Не правда ли?

Акки слегка покраснел, спрашивая себя, не читает ли она в самом деле его мысли? Однако же он был очень осторожен, стараясь, чтобы не было телепатической передачи.

— Я так одинока,— продолжала она.— Совсем одна, с тяжестью будущей короны в этом мире, созданном мужчинами для мужчин. А между прочим, у меня есть планы, о которых они не могут даже и мечтать. Если не считать Бушерана, Роана и еще нескольких избранных, все остальные — старые или молодые тупицы, которые не видят дальше своего носа, дальше завтрашнего дня и не понимают, что рано или поздно мы поглотим васков или васки поглотят нас. Настоящая схватка, настоящая решающая битва грянет не между нами, а между людьми и бриннами. Даже если они люди, как вы говорите, и особенно потому, что они люди, в конце концов одна раса уничтожит другую. И я не желаю знать, на чьей стороне будет правда. Посмотрите на эту землю! Когда наши предки были выброшены сюда волею судьбы,— они искали совсем другую планету!— на этом побережье жило всего несколько совершенно диких туземцев, которых презирали даже бринны. О, по сравне-

нию с вашей необъятной галактической цивилизацией мы сделали очень немного, но то, что мы сделали,— наше. Мы корчевали, строили, орошали, осушали, ровняли землю для полей, мы страдали и смеялись, мы здесь рождались и умирали. Кому же принадлежит эта земля, ваше превосходительство Слишком Далеких Миров? Немногим бриннам, которые по ней кочуют, или нам, кто укоренился на этой земле и преобразил ее? А теперь, во имя закона, который нам чужд, во имя федерации, к которой мы не принадлежим, вы хотите, чтобы мы ее покинули?

— Во имя всех человечеств, зеленых, синих, белых, черных или красных, которые сейчас ведут беспощадную борьбу для того, чтобы защитить и вас, и бриннов от нашего единственого реального врага. Во имя миллиардов погибших на планетах, уничтоженных в самоубийственных международных войнах. Во имя ваших собственных детей и ваших внуков, которые погибнут под пытками или сами превратятся в убийц и палачей, если мы оставим два человечества на одной планете!

— Но почему отнимать у нас нашу землю? Почему не переселить куда-нибудь бриннов? Они наполовину кочевники и совсем не привязаны к земле. Для них любая планета будет хороша.

— На этот вопрос я еще не могу ответить. Возможно и такое решение.

Он поднял руку, удерживая Анну от порыва признательности.

— Возможно! Не более.

Они больше не говорили о политике в тот вечер. Солнечный свет заливал террасу, ветерок был теплым и мягким. Акки расслабился, наслаждался досугом, зная, что ремесло галактического координатора давало ему за долгие годы лишь несколько волшебных минут, которыми следовало воспользоваться. Что до Анны, то она впервые оказалась рядом с мужчиной, молодым, но обладающим удивительными знаниями и способным говорить не только об охоте на спрейля и конных состязаниях. Он рассказывал ей о своем детстве на Новатерре, об учебе на Арборе и Элле, о мирах, которые он посетил, старательно избегая всего, что относилось к его профессии. Она же рассказала о своей жизни — жизни маленькой девочки, отрезанной от людей из-за своего высокого титула, одинокой среди народа, где женщину не ставили ни во что. Единственный взрослый мужчина, который интересовался ею, помимо отца, был ее крестный, граф Роан, и она чаще жила у него, чем при дворе. Благодаря ему она разбиралась в истории и в науках лучше любого мужчины в Берандии. А потом, три года назад, смерть брата внезапно сделала ее наследницей герцогского трона. С тех пор она присутствовала на советах, спрятавшись за занавес, о чем знали только герцог, де Роан и один или два советника. Герцог ждал ее совершеннолетия, чтобы отречься в ее пользу, чтобы он мог поддерживать ее в первые годы царствования.

Смеркалось. Анна встала, облокотилась о край башенного зубца. От края горизонта солнце проложило по морю красную дорожку. Рыбачьи барки возвращались в порт, их паруса казались огненными в закатных лучах. Струи дымков поднимались из труб засыпающих городских домов. Ночная стража поднялась на крепостные стены. Вечер был чуть прохладный и тихий, и мир снисходил на город вместе с уходящим солнцем.

Анна повернулась к Акки с улыбкой:

— Не правда ли она прекрасна, наша земля под этим небом?

Глава V

ЭТОТ ЗЕЛЕНЫЙ ШАРИК ТАМ, В НЕБЕСАХ...

В течение следующих дней Акки часто пытался проанализировать разговор с юной герцогиней. Она его сбивала с толку. Она, несомненно, была очень умной, властной и напичканной по самую макушку предрассудками, свойственными берандийцам. И в то же время разум ее не был ограниченным. Эту свободу разума, наверное, дал ей старик Роан, пожалуй, самый замечательный человек из всех, кого Акки встречал на Нерате.

Во время одного из ежедневных совещаний с Хассилом Акки попытался разобраться в ситуации. Противоборствующие партии в Берандии были очень неравными по численности и по силе. С одной стороны, герцог, с его благодушием, переходящим порою в слабость, хотя, если верить дворцовым хроникам, он отличался редкостным физическим мужеством. С ним — Роан. Между симпатией к нему и слепой, абсолютной приверженностью к родине — Бушеран, воплощение просвещенного офицера, который умрет, проклиная неправое дело, но умрет во имя присяги. С одной стороны, Неталь с его кликой молодых дворянчиков, тщеславных, предприимчивых и лишенных всяких предрассудков. Народ? Насколько могли понять координаторы, народ хотел бы умерить тиранию знати, но также свято ненавидел бриннов и васков. И хотя было ясно, что эту ненависть искусственно разжигала в народе правящая клика, от этого она не становилась менее опасной. И в стороне — лишь изредка выезжавшая из замка на прогулки на лошади или на лодке — одинокая, но уже достаточно могущественная юная герцогиня Анна.

Если верить Роану, который многое мог знать, Анна вступила в союз с Неталем. Однако она намеренно унизила его во время встречи с Акки. Простое женское кокетство? Или желание поставить на место слишком требовательного союзника, от которого не мешало бы избавиться? Что означали ее намеки на полное одиночество? На трудности, угрожающие ее будущему царствованию? Призыв на помощь? Нарочитый показ своих способностей в уверенности, что победа все равно будет за нею? Или просто наивность, неопытность молодости?

Положение было сложное. Если бы речь шла о завоевании Нерата, следовало бы столкнуть одну партию с другой и на этом сыграть. Но проблема заключалась совсем в ином, и ее надо было урегулировать с наименьшими потерями. Если бы выиграла партия мира, все было бы просто. Но она была, даже по мнению ее вождя, слишком слабой, безнадежно слабой!

Некоторое время спустя Акки удалось еще раз встретиться с Анной. С Хассилом и Бушераном Акки прогуливался по крепостной стене замка. Они прошли под башней, поднялись по лестнице и вышли на верхнюю террасу. Юная герцогиня сидела на зубце башни, не обращая внимания на высоту, и играла со своим ороном. Она была так поглощена этой забавой, что не заметила троих мужчин, пока они не подошли к ней совсем близко. Она тихо вскрикнула от удивления и схватилась за рукоятку короткого кинжала, висевшего у нее по поясе. Но мгновенно успокоилась и улыбнулась. Мужчины поклонились.

— Из меня никудышный часовой, не правда ли, капитан?

— Ваше высочество сегодня не в карауле, — любезно ответил он.

— Боюсь, что моему высочеству придется всегда быть в карауле,

капитан. Как продвигается ваше расследование, господа послы? Вы действительно очень похожи на бринна, сеньор Хассил! И тем не менее ваш народ возглавляет галактическую империю...

— Нет никакой империи,— возразил исс.— Всего лишь свободная федерация. К тому же империя была бы просто невозможна. Никакое централизованное правительство не может эффективно управлять сотнями триллионов самых разных существ.

— Но как же в таком случае управляется ваша Лига?

— Никак. Она существует, и все. Любой народ всегда может из нее выйти при условии, что он не вступит на путь войны. Есть только один центральный организм, который координирует борьбу с мисликами. Каков бы ни был исход нашей миссии, никто не заставит вас вступить в нашу Лигу, если вы сами этого не пожелаете.

— А если какой-то народ вступит, как вы выражаетесь, на путь войны?

— В таком случае, если речь пойдет о войне межпланетной или межзвездной, мы вмешаемся. Если это будет война между различными человечествами на одной планете, мы тоже вмешаемся и перенесем в другое место одну из враждующих сторон.

— По какому праву?— высокомерно спросила Анна.

— По праву более мудрого, ваша светлость.

На секунду она заколебалась, затем сказала:

— Да, разумеется, это выход. Спокойной ночи, сеньор. Иди ко мне, Пер!

Орон прыгнул ей на плечо и она удалилась.

Пять дней спустя герцог, которого они давно уже не видели, повелел призвать координаторов.

— Генеральные штаты созваны. Я должен скоро отплыть в Роан на моем корабле «Прославленный». Вы поплывете со мной или воспользуетесь вашей летающей машиной?

— Мы прилетим на гравилете, ваша светлость, если вы не возражаете.

— Может быть, в таком случае вы возьмете с собой Роана? Сам он вас об этом никогда не попросит, хотя наверняка сгорает от желания хоть раз полетать с вами.

— С удовольствием, ваша светлость. Наш аппарат рассчитан на троих.

— Вы наверняка доставите ему огромную радость. Да, сеньор Акки, юная герцогиня хотела бы вас видеть. Она ждет на террасе.

Он быстро поднялся по лестницам. Хотя Анна все время усложняла ему жизнь и мешала делу, он не мог не чувствовать к ней живейшей симпатии. Он был еще молод, и душа его жаждала романтики, несмотря на суровое воспитание, направленное на то, чтобы развить в нем критическое отношение к реальности и холодный рассудок. Все равно его волновала судьба этой девушки, на плечи которой однажды ляжет груз государственной власти и которую он, Акки, возможно, отправит в изгнание.

Когда он вышел на террасу, Анны нигде не было видно. Он поискал ее за деревцами и увидел, как Анна, склонившись над башенным зубцом, быстро поднимала снизу тонкую бечевку. Акки затаился. Появилась круглая голова Пера, орона; подтянувшись, он ловко впрыгнул в амбразуру и протянул девушке свернутую в трубочку белую бумажку.

Акки тихонько скользнул к другому краю башни и заглянул вниз. Двор был пуст, но ему показалось, что под одним из сводов мелькнула высокая и массивная фигура. Может, Неталь?

«Что это, переписка влюбленных или заговорщиков?» — спросил себя координатор.

Он бесшумно вернулся к началу лестницы, шумно шаркнул по каменной плите. Герцогиня вздрогнула от неожиданности и быстро сунула послание за корсаж.

— А, вот и вы, сеньор Акки! Я уронила платок и, чтобы не беспокоить служанок, послала за ним Пера. Он обожает лазить по веревке.

Она небрежно вынула из разреза корсажа платочек и слегка промокнула свой лоб.

— Какая жара, сеньор Акки! А ведь весна только начинается. На ваших планетах тоже бывает так жарко? О, я полагаю в большинстве случаев...

Она остановилась, покусывая нижнюю губку:

— Я хотела просить вас об одолжении. Я... Не правда ли, это глупо, всегда только оказывать милость и никогда ни о чем не просить? Я не знаю, как это делается. В общем... могу я отправиться на собрание Генеральных штатов на вашей летающей машине?

Акки ответил не сразу. Его так и подмывало согласиться, но он хотел подумать. Придется пожертвовать Роаном, который был ему так нужен... Или же... Да, конечно, Хассил согласится отправиться с герцогом на его корабле. Для того, кто так увлекается археологией — а это у родни Хассила была семейная страсть, — путешествие под парусами... С другой стороны, он останется в гравилете один с двумя берандийцами, хотя Роан и не обладает физической силой, учитывая его возраст, а юная герцогиня — всего лишь девушка. К тому же что они могут сделать с аппаратом, управлять которым куда сложнее, чем это может показаться?

— Я вижу, вы мне отказываете,— сказала она грустно.— А мне так хотелось взлететь, как мои предки, хотя бы один раз в жизни! Наверное, земля наша так прекрасна, если взглянуть на нее с высоты!

В голове Акки сразу возник новый план.

— Вовсе нет, я вам не отказываю. Это вполне возможно, ваша светлость. Но я обещал взять с собой вашего крестного, Роана, а в аппарате всего три места. Правда, я думаю, удастся уговорить Хассила отправиться на корабле вместе с вашим отцом. Однако стоит ли ждать так долго и загадывать? Желаете совершить маленькое путешествие сейчас?

— Сейчас? Вы хотите сказать немедленно?

— А почему бы и нет?

— Вы серьезно? Ждите меня возле вашей летающей машины. И ничего не говорите герцогу, я за все отвечу сама.

Мгновенно она сбежала по лестнице. Акки гораздо медленнее спустился вслед за нею. «Может быть, во время полета, она выдаст себя,— подумал он — и я узнаю о ее истинных намерениях?»

Он предупредил Хассила и ждал, опершись спиной о короткое крыло гравилета. Анна появилась в костюме для верховой езды и в сопровождении Бушерана и трех лучников. Она ослепительно улыбнулась Акки.

— Смотрите, капитан, и будьте моим свидетелем. Я отправляюсь с сеньором Акки на несколько часов на прогулку по моему желанию и по доброй воле. Поэтому никто не смеет тревожить его товарища. Мы вернемся до наступления ночи. Не правда ли?— обратилась она к Акки.

— Несомненно, ваша светлость.

— Прекрасно. Где я могу войти?

Люк открылся.

— Сюда, ваша светлость. Садитесь на кресло справа. Стоп! И ни к чему не прикасайтесь!

Анна живо отдернула руку от рукоятки управления. Акки сел рядом с нею, сам застегнул ей защитный пояс. Наклонившись, чтобы попрощаться с Бушераном, он заметил в его глазах враждебный огонек, который, к счастью, тут же погас. Люк закрылся. Акки включил контакт, взялся за рукоять управления. Неощутимо, под влиянием антигравитационного поля, аппарат поднялся вертикально. Он оставил далеко внизу самую высокую башню замка, сделал вираж и понесся над морем. Склонившись к правому окну, принцесса жадно смотрела, не говоря ни слова.

Они летели над морем, постепенно набирая высоту. Горизонт расширился, облака появились между морем и гравилетом. Акки повернулся и спросил на берандийском языке:

— Ну как? Что вы думаете о вашей земле, если смотреть на нее с небес?

Анна подскочила:

— О, но почему?! Почему вы изменили голос?

— Я не менял своего голоса, ваша светлость. В действительности я первый раз нормально заговорил с вами. До сих пор вы слышали только мои мысли.

— Ваши мысли? Значит вы знаете все, что я думаю?

— О, нет! Я не могу уловить ваши мысли, за исключением тех, которые вы сами хотели бы мне передать и воспроизводили на словах. Остальные ваши мысли для меня — тайна. И когда я говорил с вами до сих пор таким же образом, ваш разум наделял мои мысли призрачным голосом, который в действительности не существовал.

— Значит, вы беседуете путем передачи мыслей?

— Да и нет. Я часто пользуюсь словами. Но в начале я не знал берандийского языка. Я усвоил его только за последние дни благодаря особому аппарату в нашем гравилете. Помните, я уже передавал вам образы...

— Да, но я думала, вы это делали с помощью прибора, который вы носите на голове.

— О, моя повязка на лбу? Так это же просто усилитель!

— И этот ваш дар, читать мысли, врожденный?

— Нет. Ни одно человечество с красной кровью не обладает телепатическим даром. Зато почти все расы с зеленой кровью рождаются с ним, и я не удивлюсь, если ваши бринны окажутся телепатами. Не хотите ли немного поуправлять гравилетом сами?

— О, да! Но я боюсь...

— Это очень легко, ваша светлость, во всяком случае, я рядом с вами и готов исправить любую вашу оплошность. Не думайте и не беспокойтесь о двигателе. Беритесь просто за эту рукоятку перед вами. Наклоняйте ее направо, чтобы повернуть направо, налево — чтобы повернуть налево, вперед — чтобы спуститься, на себя — чтобы подняться. Вот так!

Гравилет начал выписывать в небе немыслимые арабески. Опьяненная чувством могущества, которого она не испытывала даже на спине самых диких скакунов Берандии, принцесса хохотала, устремляла вниз маленький аппарат и вздыбливала его. Гравитационно-инертические компенсаторы не позволяли ускорениям становиться слишком опасными.

Наконец, устав, она оставила рукоять управления и откинулась в кресле.

— Какое чудо! Летать как птица, лучше, чем птица!

Она снова взялась за рукоять управления, повернула направо, с наслаждением глядя, как далекое море вздымается под крылом.

— Не хотите ли испытать настоящей воздушной акробатики, ваша светлость?

— О, да! Только не называйте меня больше «светлость». Я ненавижу этот анахронизм!

— Как же вас тогда называть? Термин «мадемуазель» мне кажется таким же архаическим.

— Называйте меня просто Анна! Я ведь вас называю Акки, не правда ли?

— Согласен, Анна. Застегните покрепче пояс безопасности. Вот так!

Гравилет спикировал к морю, перевернулся на спину, несколько секунд несся над самой водой, чуть не касаясь волн, затем взвился, наворачивая виток за витком, спикировал вертикально и вновь поднялся невообразимо крутой спиралью.

Бледная, но смеющаяся Анна кричала: «Еще! Еще!».

Они взвились свечой. Небо потемнело, стало черным, появились звезды. Вырвавшись из атмосферы Нерата, гравилет устремился к его спутнику. Жара, вызванная трением об атмосферу, сменилась прохладой, и Акки включил обогреватели. Луна росла у них на глазах с каждой минутой.

— Но ведь мы в космосе!

Голос Анны был испуганным, в нем не осталось ни одной повелительной нотки.

— Да, Анна, в космосе. У меня в гостях. Смотрите! Разве это не прекрасно?

— Ох, Акки, я боюсь! Звезды! Они тоже под нами?

— Конечно! И повсюду вокруг нас. Они под вами даже тогда, когда вы прогуливаетесь в замке по своей террасе.

— Да, но там я их не вижу. А здесь — какая бездна! У меня кружится голова...

— Хотите вернуться?

— Нет! Нет! Я хочу посмотреть на Лоону вблизи. Господи, что скажет мой крестный! И все как будто так легко и просто...

— Все просто, Анна, для такого народа, как мой, за которым стоят наука не одной тысячи лет и могущество десятков тысяч человечеств. Но сколько людей погибло на каждой планете, чтобы осуществить эту мечту!..

— И на вашем аппарате можно долететь до другой звезды?

— Нет. В нем слишком небольшой запас воздуха и энергии, и это длилось бы слишком долго, потому что у нашего гравилета нет специального механизма для перехода в ахун , в подпространство. Но мы легко можем долететь до вашей луны.

Менее чем через час они мягко опустились на унылую голую равнину, окруженную иззубренными горами.

— Сегодня мы не будем выходить наружу, Анна: космические скафандры — штука сложная, и пользоваться ими без достаточной тренировки просто опасно. Может быть, позднее, если все пойдет хорошо...

Несколько мгновений она молчала, словно погруженная в волшебный сон, доверчиво прижавшись к нему и глядя туда, где, как пушистый зеленоватый шарик, Нерат плыл среди звезд. Затем внезапно она разразилась почти истерическим смехом.

— Что с вами?

— Нет, это слишком забавно, Акки! Представляю, как вы хохочете про себя! Помните, что я вам сказала в нашу первую встречу? Грандиозные мечты? Планы, которые превосходят все, что только можно вообразить! Планы завоеваний, о господи, планы завоеваний на этом зеленом шарике над нами! Боже мой! Какая глупость! Ох, какой я была смешной и наивной. И вы меня не остановили! Вы позволили мне говорить, болтать, высказывать бог знает что...

— Нет, Анна, вы не были смешной! Вы очень хорошо разобрались в проблеме существования двух человечеств на одной планете: уничтожение или порабощение. И вы попытались ее разрешить с теми данными, которые у вас были. Моя цель, моя миссия — показать вам иные возможности, о которых вы не могли даже подозревать.

— Всего лишь большой зеленый шарик! Но это моя родина. Вы нам оставите ее, Акки, скажите! Я обещаю, что сделаю все, чего потребует ваша Лига! О, я теперь понимаю, что любое сопротивление бесполезно, оно было бы просто абсурдным. По сравнению с нами вы — боги. Сколько ваших звездолетов находится, чтобы нас раздавить? Один? Два?

— Одного этого маленького аппарата будет достаточно, Анна,— печально ответил он.— Но мы не хотим вас уничтожать.

— Если бы вы могли нам оставить Нерат, Акки! Это ведь наш мир, вы знаете? Мы все здесь родились. Полуостров Верный... Я знаю здесь каждую бухточку, каждый камушек. Я столько раз гостила здесь, когда была беззаботной маленькой девочкой. А Зеленый лес по утрам, когда ороны поют, шелест листьев глии под ветерком... нежность фиолетовых мхов под босыми ногами... Вы не можете отнять у нас все это, Акки!

— Но это также мир бриннов, Анна. Вы думаете, они не чувствуют, как нежна трава под их ногами?

— Я ничего больше не знаю, Акки, ничего не знаю. Все так смешно. О, зачем вы появились у нас? И в то же время... я бы никогда не познала эту радость полета, не увидела космоса... Но завоевательница умерла во мне, осталась только наивная девушка, которая боится будущего. О, как мне страшно, Акки!

Внезапно она снова рассмеялась:

— Гордость, моя гордость! От нее осталась только пыль. Вернемся, Акки!

Когда внизу показался замок, она прервала молчание, которое хранила после отлета с Лооны.

— Завтра вечером по случаю моего отъезда я должна присутствовать на пиру молодых сеньоров. Мне очень не по себе, однако это мой долг. Я ведь наследственная герцогиня! Не согласитесь ли вы быть рядом со мной? Они ничего не посмеют сказать, потому что у вас ранг посла. И тогда,— добавила она тихонько,— я не буду чувствовать себя такой одинокой. У меня будет союзник. Вы хотите быть моим союзником? Теперь у нас обоих одна цель: разрешить трагическую ситуацию Берандии так, чтобы было как можно меньше пролито слез.

Глава VI

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Акки сразу понял, что его появление произвело сенсацию: никто из молодых людей, весело беседовавших в зале, не ожидал его прихода. Взгляды юных сеньоров сделались враждебными, но Акки с любопытством отметил, что многие девушки улыбались ему. Он был одет, в соответствии с обстоятельствами, в парадную одежду посланцев Арбора: сапоги из тонкой кожи, серые лосины, сверкающую куртку из тирновой ткани, черный плащ, вокруг головы вилась золотая лента с двойной бриллиантовой спиралью координатора. Несмотря на простой, даже строгий стиль, богатство материала заставило побледнеть яркие краски и сложную вышивку одежд других приглашенных.

Из глубины зала ему навстречу выступил настоящий гигант, Неталь. Он направился к Акки, смерил его взглядом, отметив, к своему явному неудовольствию, что тот был немного выше, чем он сам.

— Итак, сеньор, вы соблаговолили почтить своим присутствием наш праздник? Поверьте, мы польщены.

Акки улыбнулся:

— Отнюдь, это мне оказана честь, благородный сеньор.

— Я впервые вижу вас невооруженным. Трогательное внимание, иначе вы могли бы напугать этих нежных дам.

— Но у вас тоже нет оружия, барон...

— Пощадите, сеньоры,— вмешался пожилой мужчина.— Герцогиня!

Вошла Анна, одетая в очень скромное придворное платье, подол которого, однако, был украшен редчайшим мехом азелина. Один за другим, по старшинству, молодые люди спешили оказать ей знаки внимания. Не желая подавать повода для ссоры, Акки подошел последним и поклонился. Анна протянула ему руку и громким чистым голосом объявила:

— Благородные господа, представляю вам его превосходительство Акки Клэра, посла Лиги человеческих миров и моего самого дорогого друга. Прошу вас оказывать ему уважение, достойное его звания и его особы. Для тех, до кого все это медленно доходит, остается место в рядах изгнанников. Ваше превосходительство, дайте мне вашу руку.

— Вы допускаете ошибку, Анна,— прошептал он, пока они шли в банкетный зал.— Они меня еще больше возненавидят, если вы будете так расточать мне ваши милости.

— Вы полагаете, что они меня саму не ненавидят? Но это только домашние собаки, которые лают, но не кусаются, по крайней мере пока ты силен!

Она усадила Акки справа от себя, Неталя слева, в середине довольно большого стола, пересекавшего другой еще более длинный стол. На другом конце зала, прямо напротив Акки, была единственная входная дверь, и, неизвестно почему, он был этому рад. Поодаль от двери, драпировка которой была откинута, чтобы обеспечить свободный проход слуг, он увидел длинный коридор, который вел в зал приемов, затем террасу и лестницу, выходящую на главный двор. Ночь уже наступила.

Рядом с ним сидела красивая смуглая девушка, которая, едва присев, засыпала его вопросами. Она главным образом проявляла любопытство в отношении ткани, из которой была сшита его куртка, и он должен был ей объяснить, что эту ткань делают из растения, произрастающего на

единственной планете. Она переливалась ярче шелка или какого угодно другого синтетического волокна и была к тому же очень прочной. Девушка восторгалась, с трудом скрывая свою зависть. Воспользовавшись минутой, когда она говорила со своим соседом, Акки наклонился к Анне и спросил:

— Кто эта красивая девушка, моя соседка?

— Это Клотиль Бушеран, младшая сестра капитана и, я думаю, моя единственная искренняя подруга. Но она ею не останется, если слишком завладеет вами.

Блюда следовали одно за другим, напитки сменялись. Сдержанный Акки ел немного, а пил еще меньше. С другой стороны от Анны Неталь ел и пил также немного, оставаясь безмолвным. Достаточно далеко, слева, группа гостей напевала фривольную песню. Во дворе вдруг раздался лязг оружий, затем поднялся крик. Акки заметил, что Неталь весь напрягся. В слабо освещенный коридор вбежал мужчина, шатаясь ухватился за занавес, затем прислонился к стене. Кровь текла из раны на его груди. Это был старый Роан. Из последних сил он приблизился к Анне — их разделял только стол.

— Вы добились своего, Анна,— с трудом проговорил он.— Герцог, ваш отец, только что убит в своих покоях. Убит людьми Неталя и по вашему приказу! Узнаете эту бумагу? Это ваш почерк, не так ли? Не отрицайте, ведь это я научил вас писать!

Он бросил на стол листок в пятнах крови. Записка, скользнув, задержалась перед Акки. Он прочел:

«Дорогой Неталь,

решено на завтра вечером. Я обеспечу все, что касается герцога, как условились. Он ни о чем не догадывается.

Анна».

Осторожно, очень осторожно Акки отодвинул свой стул назад, готовый к прыжку. Анна ничего не говорила, пристально глядя на старика, опиравшегося обеими руками о стол. По разорванному рукаву стекала струйка крови, смешиваясь с вином из опрокинутого стакана. Наконец она произнесла:

— Но, крестный, как вы можете этому верить! Чтобы я приказала убить своего отца?!

— Что же тогда означает эта записка?

— О! Она относится... к старым, не имеющим значения мечтам,— закончила она, повернувшись к Акки.— Я вам об этом рассказывала вчера, на Лооне. Мы собирались начать войну против бриннов и подожгли несколько ферм на северо-западной границе. Я должна была убедить отца поддержать наши планы и открыть арсенал. Только в этом было мое участие... Вы мне верите, скажите, крестный, вы мне верите?

Она зарыдала, обхватив голову руками. Снаружи началась беспорядочная суматоха, послышались крики, и мимо окна со свистом пролетела стрела.

— Анна, Анна, поклянись, что ты говоришь мне правду! — умолял Роан.

Постепенно часть приглашенных собралась вокруг старика. Другая группа охваченных ужасом людей столпилась около двери. Акки осторожно расстегнул застежки своего плаща.

— Клянусь вам всем самым святым для меня, памятью родителей и моего брата!

— Но кто же тогда? Вы, Неталь?

Огромный барон поднялся.

— Да, я, Неталь, я, герцог Берандии. Ничего не бойтесь, Анна, вопреки всему вы будете герцогиней, если вас не смущает выйти замуж за потомка хлебопека, о чем вы мне недавно напоминали. Иногда и пекари делают революции! Теперь я владыка, один. Мои люди в данную минуту захватили все ключевые пункты. Замок, город, вся Берандия целиком принадлежат мне!

— Бушеран и стрелки...

— Бушеран подчинится герцогу, Анна, вы это хорошо знаете. Только герцог для него важен, кто бы он ни был.

— Ошибаетесь! Он будет со мной, со мной!

Она язвительно улыбнулась:

— Одного вы не знаете, Неталь, Бушеран любит меня!

— Тем хуже для него в таком случае. Он погибнет вместе с другими. Большинство лучников на моей стороне. А теперь, когда я узнал, что он любит вас, я не буду таким идиотом и не оставлю его в живых.

— А эти, Неталь? — она повернулась к Акки, остававшемуся неподвижным.— Вы полагаете, что сумеете и над ними одержать победу?

— О! Для них совершенно безразлично, кто правит Берандией! Вы думаете, что я настолько глуп, чтобы позволить им уйти? Боюсь, сеньор Акки, как бы с вами не произошел, и очень скоро, несчастный случай, поскольку вы допустили глупость, придя сюда безоружным. Ваш зеленый друг не сможет вам помочь, он, должно быть, мертв или в плену. Ах! Вот и наше оружие!

Вошел мужчина, сгибаясь под тяжестью мечей, которые он принес. Неталь подошел к нему.

В эту минуту координатор с быстротой молнии прыгнул на стол и побежал по нему между стаканами и бутылками, бросившись на первого из мужчин, кто только что получил оружие. Короткая схватка, жесткий прием, и человек рухнул со сломанной шеей. С мечом в руке Акки прижался спиной к стене. В течение одной-двух минут продолжалась беспорядочная рукопашная схватка, многочисленные нападающие мешали друг другу. Клинок Акки чертил большие сверкающие круги, рассекая головы и пронзая тела. Он был один, окруженный мертвыми и ранеными.

— Ну что, Неталь? — крикнул он.— Что думаете вы теперь о неспособности цивилизованных людей? Но я даже не могу разглядеть вас поблизости!

Рядом с ним промелькнула тень. Одним прыжком он повернулся и увидел прямо перед собой Анну с золоченым кинжалом в руке.

— Нет, Анна, вас здесь убьют! Уходите!

— Уходите, Анна,— закричал Неталь.— Я не хочу вашей смерти. Вы для меня слишком дороги!

Она ему не ответила.

— Да,— сказала она Акки.— Вы очень плохо думаете обо мне и о моем народе! Неужели я могу прятаться, когда мой союзник сражается? Господь того не допустит! В таком случае, трусы и предатели, чего вы ждете? Что же, среди вас нет ни одного, чтобы меня защитить? По правде говоря, я начинаю думать, что его превосходительство Акки прав и вы не стоите «зеленух»!

— Хватит, Анна! — закричал Неталь.— Последний раз прошу, уходите отсюда! Мы сейчас займемся этим человеком, он должен погибнуть!

Акки окинул взглядом зал. Плотная группа, около пятнадцати молодых людей из знатных семей, продолжала перекрывать дверь, с десяток

держались рядом с Неталем. Около стола Клотиль склонилась над Роаном, который лежал на полу. «Никакой надежды,— подумал он.— Только Хассил мог бы помочь. Но жив ли он еще?»

С большими предосторожностями нападающие продвигались, и Акки скрестил меч с одним из них. Его физическая сила, навыки поколений его расы явно превосходили любого из берандийцев, включая Неталя. Но их было десять с лишним!

Шум шагов и бряцание оружия прозвучали в коридоре, и группа знати, преграждавшая дверь, в беспорядке отступила в середину зала. С щитом в одной руке и саблей в другой в сопровождении четырех гвардейцев в легких доспехах появился Бушеран.

— Проклятье! — закричал Неталь.— Не дайте им пройти! И убейте этого человека!

Они бросились в атаку. Акки подумал, что пришел его последний час. Ему казалось, что он видит кошмарный сон, где он был обречен наносить удары, удары без передышки. Один из людей упал к его ногам, хотя он его не коснулся. Из его спины торчала золоченая рукоятка кинжала. Затем, внезапно, его меч ударил в пустоту. Ни Неталя, ни кого-либо из его сторонников больше не было. Окровавленный Бушеран подошел к нему.

— Прекрасная битва, господин Акки! Вы все такие на ваших планетах? Идемте же теперь, идемте быстрее! Вы тоже, ваша светлость. Лошади ждут нас. Возможно, мы сможем добраться до мест, где проживают изгнанники. Здесь больше ничего нельзя сделать, вот все, что осталось от моих лучников, то есть почти никого,— добавил он, показывая на трех раненых воинов.— Остальные мертвы или предали. Я бы предпочел, чтобы они были мертвы! Клотиль, идем, ты тоже!

— Капитан, благодарю вас за вашу верность, и если когда-нибудь я снова вернусь на трон, я сумею об этом вспомнить. Но мы не можем оставить крестного в руках этих собак!

— Нет, черт возьми! Но это усложняет дело. Как вы полагаете, сможете ли вы ехать верхом, граф?

— Я попытаюсь, капитан. Если я не смогу, оставьте меня.

— Пьер, Жозеф, помогите графу. Давайте быстрее, время не ждет.

Они прошли по коридору и вышли на террасу. Внизу двор был пуст, несколько трупов лежало на гранитных плитах. Они торопливо пересекли двор, проскользнули под свод и вышли за крепостную стену. Часовой, попытавшийся их задержать, был тут же убит.

— Я больше не могу, оставьте меня здесь,— сказал Роан.— Прощайте, Анна! Берегите ее, капитан, и вы тоже, господин Акки. Извините меня Анна, за подозрения, вы были для меня словно дочь.

Бушеран и Клотиль повели за собой принцессу, оставив Акки позади.

— Оставьте, не несите меня дальше, жить мне осталось совсем мало. Уходите, это приказ,— сказал он солдатам, которые пытались его приподнять.— Сохраните герцогиню, я больше не в счет!

— Увы, мне было предначертано, что я никогда не увижу звезд иначе, чем только с помощью моего телескопа,— добавил он, обращаясь к Акки.— И не будьте снисходительны к Берандии, она этого не заслуживает!

— Оставайтесь здесь, в тени крепостного зубца. Я скоро приду за вами.

Он бросился вперед мимо обоих солдат, догнал Анну, капитана и его сестру. Они пробежали вдоль крепостной стены, спустились по лестнице и вышли к северному потайному ходу. Два лучника ожидали их с оружием и лошадьми.

— Здесь наши дороги разойдутся,— сказал координатор.— Я должен спасти мой гравилет. Где я смогу вас найти?

— Вы не пойдете с нами?

— Я принесу больше пользы с помощью моего друга и гравилета. К тому же моя миссия не закончена. Где я смогу вас найти?

— У изгнанников. Ближе к границам страны васков.

— Попытаюсь там вас отыскать. Теперь отправляйтесь. Желаю удачи, Анна!

Он исчез в темноте, затем поднялся на стену, обошел террасу над двором, где находился его аппарат. Гравилет был хорошо освещен факелами, которые горели во множестве на небольшом расстоянии от его хвоста. Его пытались поджечь. Несколько черных пятен — все, что осталось от людей, настигнутых фульгуратором,— усеивали плиты двора. Хассил достойно сражался. Где же он?

Словно в ответ, тонкий голубой луч сверкнул из окон дворца, берандиец, пытавшийся пересечь двор, закачался, съежился и на глазах превратился в кучу пепла. Почему Хассил не бежит к гравилету? Акки понял это, увидев дождь стрел, обрушившихся со стен. Он заметил лучников между зубцами стены, вернулся назад и снял с одного из мертвых лучников его оружие. С той точки, где он сейчас находился, можно было видеть стрелков, расположившихся в ряд. Положив стрелу на тетиву, он натянул лук и выстрелил. Один из берандийцев упал, тонкий стержень дрожал в его спине. Акки выстрелил снова, убил или ранил другого лучника и крикнул по-исски:

— Хассил, к гравилету, я тебя прикрою!

Легкая тень спрыгнула во двор и зигзагами бросилась к гравилету. Один из лучников приподнялся, чтобы лучше прицелиться, и тут же упал со стрелой в горле. Исс скрылся в гравилете, который взлетел до уровня стены. Акки прыгнул внутрь. Бессильные стрелы ломались о металлическую обшивку.

— Пусти меня за руль!

Зависнув на высоте двух метров над крепостной стеной, они нашли и подобрали Роана. Они уложили его на заднее сиденье. Старик едва дышал.

— Теперь полетим в страну васков. Хассил, окажи помощь этому человеку.

Гравилет быстро набрал высоту. Внизу, в городе, на ратуше ударили в набат.

Часть II

ГОРЦЫ

Глава I

ПАСТУХ

Под гравилетом проносились долины, изрезанные вершины гор, укрытые облаками. Дальше впереди змеился между обрывами ледник, сверкая под лучами восходящего солнца. Гравилет пролетел над ним, прошел над высоким горным хребтом и спустился по спирали к плоскогорью.

— Никаких признаков жизни!

— А, вот и ты, Хассил! Как себя чувствует Роан?

— Теперь лучше, но было плохо. Пришлось применить биогенические лучи. Ему потребуется несколько дней отдыха.

— Тем лучше. Он один из редких людей на этой планете, которые чего-либо стоят. Я был бы сильно огорчен, если бы он умер.

— А герцогиня, Акки?

— Мы ничем не можем им сейчас помочь. Они должны находиться в лесу. И заметить их будет невозможно. Мы их отыщем позднее. Я доверяю Бушерану. Кажется, их никто не преследует, они намного ушли вперед, и их не могут сразу схватить. Впрочем, я полагаю, Неталь хвастался, когда утверждал, что вся Берандия теперь его. Мы сейчас должны выполнить вторую часть нашего поручения, но если васки принадлежат к тому же типу, что и берандийцы, то я хорошо знаю, каким будет мое решение!

— Вон там! На том склоне, какие-то животные! И человек, как мне кажется.

— Вижу! Спускаемся.

Гравилет бесшумно спикировал, скользнул по наклонному лугу и остановился. Акки спрыгнул на землю.

— Хассил, ты останешься здесь с Роаном. Я пойду на разведку.

Он проскользнул между большими обломками скал на склоне. Трава была ярко-зеленой и мягкой под его ногами, такой знакомой, почти неотличимой от травы Новатерры или Арбора. Лишний раз он удивился отсутствию воображения у природы. Нужно было знать, что именно здесь проявился необходимый результат единства физико-химических законов всего мироздания, и эта констатация его всегда удивляла. Конечно, существуют другие миры, где в атмосфере хлора, метана или аммиака развились существа, весьма отличающиеся от него самого, ксенобы. Однако на планетах земного типа высшие формы жизни были всегда близки. Конечно, к'таллы имели шесть конечностей и шесть глаз, но их метаболизм в значительной мере совпадал с метаболизмом людей, и их кровь была красной. У иссов зеленая кровь, но они очень похожи на людей, несмотря на свои семь пальцев. Люди-насекомые имели своих менее развитых подобных на Земле I или на Арборе. Мислики... Да, конечно, мислики... Но принадлежат ли они этой Вселенной?

Веселый голос, зовущий кого-то или какое-то животное, вывел его из задумчивости. Он спрятался за скалой, посмотрел. Это был юноша, почти мальчик, высокого роста, но еще не окрепший. Он был в одежде из кожи, оставлявшей открытыми руки и худощавые ноги с развитой мускулатурой. Очень темные спутанные волосы нависали над его треугольным лицом с широкими скулами, длинным носом с горбинкой и выступающим подбородком. Он играл с собакой, и животное прыгало, пытаясь схватить палку, которую юноша держал довольно высоко.

— Апорт, Ламина, апорт!

Палка описала дугу, пролетела над Акки и ударилась о землю. Собака побежала, затормозила всеми четырьмя лапами, раскрыла пасть, чтобы схватить палку, затем, подняв голову, стала принюхиваться. Коротко тявкнув, она замерла около Акки и оскалилась, показав клыки.

— Ну что, Ламина, ты несешь ее?

Собака зарычала. Юноша прыгнул за скалу и вновь появился с луком в руках. Он шел, держа стрелу наготове.

Акки вышел из своего убежища, подняв руки, показывая мирные намерения. Выражение подозрительности промелькнуло на лице юноши, он слегка натянул лук и резким голосом спросил на звучном языке, который координатор слышал впервые:

— Кто вы? Откуда вы пришли? Что вам надо?

— Я Акки Клэр, я прилетел с миром с одной далекой планеты. Я хочу вступить в контакт с вашим народом.

— Мы тоже прибыли, уже очень давно, с далекой планеты. Берандийцы тоже, и мы ничего не хотим ни от них, ни, возможно, от вас! Мы покинули старый мир, чтобы навсегда оборвать все связи с другими людьми,— людьми, которые вышли на дорогу смерти! Мы не хотим никакого общения с чужеземцами, кроме тех, кто готов принять дорогу жизни. Каким путем следуете вы, чужеземец?

Акки улыбнулся позабывшись и опустил руки.

— Руки! Быстро, иначе я выстрелю!

Лук был натянут, стрела наготове. Раздосадованный, Акки вспомнил, что он не включил активатор силы поля, который делал его неуязвимым. Решимость юноши была очевидна, и он, не колеблясь, мог бы его убить. Беззвучно он вызвал Хассила. Расстояние было небольшим, и он надеялся с помощью усиливающей повязки быть услышанным.

— Не стреляйте, юноша. Повторяю, я пришел с миром. У меня весьма важное поручение к вашему народу — поручение, которое может изменить или закрепить навсегда ваш образ жизни.

— Наш образ жизни был определен раз и навсегда прародителем. Кто вы такой, чтобы говорить Свободному Народу о смене образа жизни?

— Даже свободные народы...— начал Акки.— Осторожно! — закричал он.

Позади юноши показалась чудовищная тварь. Высотой в два метра, обросшая черными волосами, она имела вид сплющенного шара и держалась на двух рядах коротких, почти невидимых ног. Три маленьких глаза сверкали сквозь короткую шерсть над огромным красным ртом, где блестели желтые заостренные зубы.

Васк обернулся с криком: «Это тарек!» — и пустил стрелу. Она вонзилась до самого оперения в волосатое тело. Торопливо он схватил другую из своего колчана, выкрикивая: «Бегите! Бегите!».

В одно мгновение животное превратилось из шара в длинную черную гусеницу и, как спущенная пружина, прыгнуло. Юноша упал под тяжестью ее массы. Акки лихорадочно ощупывал свой пояс, пытаясь найти отсутствующий фульгуратор.

Собака, которая до этой минуты, дрожа и рыча, ползала в траве, бросилась на помощь своему хозяину. С ужасом Акки увидел, как огромная пасть открылась и собака исчезла в ней.

Медленно покачиваясь, гусеница сползла с человеческого тела, которое она накрывала, и схватила его двумя короткими цепкими лапами. Посылая Хассилу безнадежный призыв, Акки выхватил из ножен свой кинжал и двинулся навстречу зверю.

Животное замерло и подобралось. Он не оставил ему времени прыгнуть, скользнул в сторону и изо всех сил ударил. Эластичная оболочка легко поддалась острию кинжала, и струя зеленой крови брызгнула ему в глаза. Он выдернул лезвие и нанес несколько ударов с отчаянием безнадежности, прорезая длинные борозды в теле чудовища. Наконец от смертельного удара животное упало на землю. Его бок превратился в лохмотья, но это не уменьшило его сил, животное снова прыгнуло. Акки, присев, с трудом отразил атаку и почувствовал, что что-то острое рвет ему плечо. Он выпрямился с ножом наготове и все еще шатаясь. Около его уха прошел тонкий голубой луч, и он услышал, словно это была небесная музыка, тонкий звон фульгуратора. Тарек под смертоносным лучом судорожно сжался и свернулся в шар. Запах горелого мяса заполнил воздух, но Хассил выключил луч только тогда, когда животное превратилось в обугленную массу. Акки почувствовал глухое покалывание в плече, увидел опрокинувшееся небо и упал в забытьи.

Он проснулся, лежа под знакомым прожектором биогенических лучей. Повернул голову: его плечо было опухшим и синим, но боль прошла. Рядом с ним лежал васк. Хассил управлял прибором, меняя силу облучения. Полный покой охватил Акки, и он погрузился в сон.

Когда он снова пришел в себя, прожектор был отключен, а Хассил сидел рядом с операционным столом.

— Я сделал все, что мог, но это потребовало много времени! Ты оставался без сознания в течение двенадцати часов, и мне для тебя пришлось превысить шесть доз!

— Шесть доз? Но тогда...

— Тогда нужно было бы, чтобы ты провел какое-то время в лечебном центре Рессана после нашего возвращения, чтобы уничтожить несколько беспорядочных клеток, которые могут развиться. Я не знаю, какой яд это ужасное животное выделяет, но, к счастью, его действие замедленно, однако его очень трудно побороть организму. Я боялся, что придется тебя погрузить в анабиоз и сразу же возвращаться...

— Что с юношей?

— Он еще спит. Но с ним было проще. У него было сломано несколько косточек, и ему двух доз вполне хватило.

— Роан?

— Я здесь, дорогой друг. Ваши научные достижения действительно чудесны. Никогда никто не выживал после укуса асниса, или сюжегорри, как их иногда называют васки, тарек — это название на языке бриннов. К счастью, они редки и живут обычно гораздо дальше к югу.

Акки поднялся.

— Где мы, Хассил?

— На высоте четырех тысяч метров, если использовать новатеррийскую систему мер. На восемь брюннов, говорим мы на Элле. Точно над местом твоей героической битвы. Я остался здесь, чтобы посмотреть, возможно, кто-нибудь позаботится о судьбе нашего юного друга. Пока еще никто не появился. Смотри-ка, он просыпается!

Васю протирал глаза и смотрел вокруг себя.

— Может быть, я умер,— мечтательно спросил он.— Может быть, я у предков? Да нет, я вижу здесь машины, а там не должно быть машин!

Какое-то время он смотрел на Хассила, потом на Роана и, наконец, на Акки.

— Вам удалось спастись, чужеземец? А я... я же был задет! В таком случае я должен быть мертв!

— Вы живы. Мой друг Хассил прибыл вовремя и убил тарека.

— Я прибыл слишком поздно,— сказал исс,— хорошо, что Акки убил животное ножом, чтобы вас спасти, при этом почти расставшись с жизнью.

Он послал Акки свою мысль:

— Хватит скромничать! Так оно и было, и это нам пригодится для наших будущих отношений с его народом, пусть он это знает!

— Ножом! Вы его убили ножом?

— Нет, только ранил. Хассил его прикончил фульгуратором.

— Если вы его ранили, это все равно, что убили, он не сможет выжить.

— В таком случае это сделали вы, вашей стрелой!

Васк с раздражением пожал плечами.

— Откуда же вы прибыли? Стрелой нельзя убить тарека, если не попасть ему в сердце. Иначе рана будет слишком маленькой, кровь не будет течь и он выживет. Нужен нож, но очень редко, кто может смертельно ранить тарека и остаться живым!

Жестом, полным благородства, он протянул свои руки.

— Вы спасли мне жизнь и если вы не из берандийцев, я буду вам обязан до тех пор, пока не смогу сам отплатить вам тем же, и буду вашим другом на всю жизнь.

— А если бы я был берандийцем?

— В этом случае я должен был бы вам только цену за себя — пять слитков золота.

Он повернулся к Роану.

— А это берандиец. Что он здесь делает?

— Он вынужден бежать со своей родины.

— Он просит убежища?

— Во имя Земли, я прошу убежища,— медленно произнес Роан.

— Тогда ступайте с миром.

— Что все это означает? — спросил Акки.

— Это означает, мой дорогой друг,— ответил берандиец,— для того, чтобы вам избежать неприятностей, а также потому что я не разделяю предубеждений моего народа в отношении васков, я попросил у них гостеприимства, обязуясь этим никогда не брать в руки оружия против них. Что делает из меня, если говорить о Берандии, вечного изгнанника.

— Что-то подобное существовало у креннов, до объединения их мира,— сказал Хассил.— Все первобытные или почти первобытные народы дают убежище врагам по их просьбе.

Юноша размышлял.

— Как же произошло, что вы не будучи берандийцем и вот он, кто походит на бринна не будучи им, так хорошо говорите на языке васков? Что касается его (он указал на Роана), нет ничего удивительного. Кое-кто из берандийцев знает наш язык.

— Мы не говорим на вашем языке,— ответил Акки и объяснил как они могут обмениваться мыслями.

Молодой человек с удивлением слушал.

— У вас поручение, которое вы должны исполнить? Позвольте мне об этом доложить Совету Долин.

— Мы можем передвигаться быстрее с помощью нашего гравилета.

Они прошли к пульту управления, и Хассил включил внешний экран. Далеко внизу обозначились склоны, по которым двигались какие-то животные.

— Мои овцы! — закричал васк.— Мы же летим словно орлы!

— Орлы? — спросил координатор. Это земные птицы или же вы дали это название каким-либо летающим формам этой планеты?

— Это земные птицы,— сказал васк с гордостью.— Там, где живут васки, живут орлы. Предки привезли их с собой. Мы их кормили до тех пор, пока дикие земные животные смогли расплодиться настолько, чтобы орлам было чем питаться на воле. Впрочем, теперь они могут питаться также животными этой планеты, во всяком случае некоторыми, совсем как мы. Высадите меня на землю, я должен отогнать свое стадо, день уже угасает.

— Сможете ли вы нас проводить к вашему народу?

— Я должен отогнать свое стадо. Деревня находится в верхней долине, позади этой горы. Вас там хорошо примут... если я смогу прибыть раньше вас.

— Хорошо. Мы будем за вами следить сверху.

Глава II

ДЕРЕВНЯ СРЕДИ ВЕРШИН

В сумерках деревня выделялась более темным пятном на склоне горы, над горным потоком. Хассил включил экран ночного видения и довольно четко обозначились дома с их широкими крышами и с навесами со стороны фасадов. Внешние балки были выкрашены красно-коричневой краской. В центре деревни, на большой площади, высилась белая стена с округленным верхом, от которой, чуть ниже, отходила другая, перпендикулярная ей стена. Почти со всех сторон сходились стада овец, коров и других, не знакомых координаторам животных этой планеты.

Они подождали, пока все стада возвратятся в свои стойла, чтобы не напугать животных, затем гравилет опустился вертикально на площадь. Подошла группа мужчин, которую вел юный пастух. Все они были высокого роста, худощавые, но широкоплечие, их лица повторяли характерные черты молодого васка. Худой, державшийся прямо старик, в руках которого был посох с резьбой, подошел к гравилету.

— Чужеземцы, вы пришли с миром, и земля васков будет для вас гостеприимной. Однако вы не васки и не можете на ней обосноваться, по крайней мере пока не попросите убежища,— сказал он торжественно.

— Я не имею желания здесь обосновываться,— ответил Акки.

Старик улыбнулся.

— Эти слова в качестве Хранителя Обычаев я обязан был вам сказать. Теперь позвольте мне вас поблагодарить за то, что вы спасли моего внука Йкера. И сказать вам также, что в наших хрониках известны

только три случая, когда тареков убивали ножом. Два первых были убиты Праотцом!

— Мне повезло, и мой друг Хассил прибыл вовремя, чтобы добить зверя, до того как он смог убить меня.

— Икер мне сказал, что у вас есть к нам поручение. Каким бы оно ни было, должен решать Совет Долин. До того, как он соберется, вы будете моими гостями.

Дом возвышался над потоком, через который был перекинут каменный мост. Спустившаяся ночь наполнилась незнакомыми шумами — гулом реки, криками домашних животных, отдаленными завываниями незнакомых зверей, охотившихся в горах, голосами мужчин, смехом детей. Все это под красноватым светом Лооны создавало новую для Акки картину, сильно отличавшуюся от того, что было ему знакомо в других местах. Это были не безмятежный покой Эллы, где не увидишь стоящих рядом трех домов, не исполненное силы спокойствие городов на Арборе, не гордая беззаботность Новатерры. Тем более это не было трусливым молчанием Вермонта — столицы берандийцев, которое тревожила лишь перекличка часовых, и ничто не шло в сравнение с давящей необъятностью, которую он когда-то испытал в степях Дзеи, когда ночной ветер шептался в травах и краснел огонь у входа в пещеры палеолита. Это просто спустилась ночь на пасторальную цивилизацию, вечерний покой, когда стада вернулись и работы были закончены, люди наслаждались досугом перед сном. Неясно вначале, а затем вполне осознанно он пожелал насладиться хоть на время этим покоем.

Дом был просторный, обставленный массивной деревянной резной мебелью. Они сели вокруг тяжеловесного стола на скамьи. Старик позвал, и вошли две женщины.

Одна из них — среднего возраста, высокая и стройная, в ней, пожалуй, было больше величия, чем изящества. Похоже, что раньше она была очень красива. Вторая — совсем юная, тонкая и гибкая, с черными как ночь волосами и темными глазами, с чертами лица, которые, не будучи совершенно правильными, имели особую красоту, освещенную тайнами души.

— Моя сестра. Моя внучка Арги. Это все, что осталось от семьи Иригарая, еще Икер и я сам. Остальные...

Он повернулся к Роану.

— Остальные были убиты вашими! О! Я вас не обвиняю в смерти моих трех сыновей, они пали в боях. Но моя жена и их мать... Одна из ваших экспедиций их уничтожила, в то время мы жили ниже, ближе к границе. Я знаю, что это были не ваши люди, граф Роан, я вас знаю и знаю также, что вы никогда не допускали убийства женщин и детей вашими солдатами. Но другие... Ваш барон Неталь, например.

— Мне тоже придется свести с ним счеты, как только закончится моя миссия,— сказал Акки.— Знаете ли вы, что этот Неталь велел убить герцога Берандии и захватил власть?

— Нет. Это слишком серьезно и означает скорую войну. Что случилось с юной герцогиней?

— Ей удалось бежать с помощью капитана лучников...

— И с вашей, сеньóр,— прервал Роан.

— Это неважно. Она постарается найти убежище у изгнанников.

— Хм! — сказал васк.— Среди изгнанников есть жестокие люди, было бы лучше попросить убежище у нас.

— Поверьте, что она это сделает, лишь потеряв последнюю надежду. Мы должны попытаться найти ее в течение нескольких дней.

Женщины подали золотистый медовый напиток.

— За успех вашей миссии, чужеземцы, если она не будет враждебна для нас! — сказал старый Иригарай.— И за войну тоже. Пусть она будет победной. И за будущее Берандии. Пусть ею правят справедливые люди!

На столе на длинном блюде дымилась почти целая туша оленя. Глиняные тарелки были немного грубоваты, но красивой формы.

— Ваш друг, похожий на бринна, сможет ли он разделить с нами трапезу? — обеспокоился васк.— Бринны совсем не могут есть нашу пищу.

— Хассил может есть это мясо. Ни один из продуктов, которые мы употребляем, не ядовит для него. В противном случае и нам пришлось бы избегать их пищу.

Акки с удивлением отметил, что женщина средних лет занимала почетное место и правила за столом. Однако все то, что он успел заметить в деревне, не говорило о матриархате.

— Вы окажете нам честь, расположившись на ночлег под нашей крышей, чужеземцы? — спросила она.— Места у нас, к счастью, хватает.

— Благодарю вас,— ответил Акки.

Из-за дворцового переворота в Вермонте время торопило, и все, что могло его сблизить с васками, было сейчас насущно необходимо. Он почувствовал, что его ноги что-то коснулось, наклонился и взял на руки небольшое животное.

— Это миссдольс! Нет, земной кот.

Кошка запротестовала, ощетинилась и показала клыки.

— Не сделайте ему больно, чужеземец,— крикнула девушка.— Это мой кот!

— Да я и не хотел этого! Посмотрите.

Успокоенный, кот свернулся калачиком у него на коленях.

— У нас тоже есть кошки на нашей планете.

— А где ваша планета? — спросил старик.

— Далеко, очень далеко. Я обо всем этом расскажу на Совете Долин. Так, кажется, называется ваше правительство?

— Какое правительство? У нас нет правительства! Васки — свободный народ!

— Но как же вы решаете споры между деревнями или между людьми?

— Совет выслушивает и сравнивает противные стороны и принимает решение.

— И оно соблюдается?

— И да и нет. Если нет, то тем хуже для того, кто не подчиняется. Он сам себя исключает из общества, и никто с ним не разговаривает до тех пор, пока он не подчинится.

В течение какого-то времени они ели молча. Акки чувствовал себя охваченным атмосферой спокойной уверенности, которая исходила от всех васков в этом доме. Хассил это тоже почувствовал и сказал:

— Они делают честь твоей расе, Акки.

— Не будем судить строго. В Берандии тоже есть славные люди.

По окончании обеда они сели около большого камина, где потрескивали дрова. Была еще весна, и в горах ночи стояли прохладные. Открылась дверь, вошел молодой мужчина. Он тоже был высокого роста и полностью представлял собой этнический тип хозяев. Иригарай его представил.

— Отсо Иратзабаль, он скоро будет мужем моей внучки.

Юноша сел рядом с девушкой, и между ними сразу же начался оживленный разговор. Отсо вернулся из разведки на нижних территориях. Вблизи берандийской границы он заметил сосредоточение войск на территории Берандии, около входа в долину, которая вела к деревне.

— Вы не боитесь, что вас атакуют этой же ночью? — спросил Акки.

— Нет. Им вначале необходимо преодолеть теснины Арритзаменди, которые постоянно охраняются. Или же они должны идти в обход через перевал Уршило и плато Ордоки. Дальше к северу — проход через Эзюретаколепоа, но у бриннов там большие силы, это для них священное место, несмотря на то, что находится оно на земле васков. С нашего согласия они его усиленно охраняют. Нет, берандийцам понадобилось бы две недели, чтобы представлять настоящую угрозу. До тех пор Совет соберется, и мы вновь по ним ударим.

— Хотел бы и я так думать,— спокойно сказал Хассил.

Волна гнева пробежала по маленькой группе васков, Акки с удивлением взглянул на исса.

— Оружие предков, Акки. Теперь, когда Неталь стал герцогом, у него ключи от арсенала. Это он должен был сделать в первую очередь.

Акка поморщился.

— Действительно, Иригарай, мы не подумали об этом. У них осталось, о чем мне рассказал герцог, кое-какое оружие, привезенное с Земли, хотя я не знаю, что это за оружие.

— Они его никогда не использовали против нас, а бринны, те, которые испытали на себе его силу, не вернулись... и не могли рассказать что-либо об этом оружии,— озабоченно сказал старый васк.

— Я его знаю,— вмешался Роан.— Я побывал в арсенале при старом герцоге, дедушке Анны. Там имеется оружие, похожее на ваши фульгураторы, Акки. Вполне возможно, оно неисправно, хотя в Берандии, конечно, ходят другие слухи! Имеются также ружья, пулеметы, пушки, и для них — большое количество боеприпасов!

— Но вы будете на нашей стороне, не так ли? — сказал Иратзабаль, повернувшись к Акки.

Смущенный координатор попытался выиграть время.

— В этой войне, в настоящее время, мои симпатии на вашей стороне. Но вначале мы должны рассказать вашему Совету о задачах нашей миссии и услышать его версию всей вашей истории. Берандийцы обвиняют вас в том, что вы не помогли им, когда они терпели бедствие...

— Это ложь! Мы им предложили помощь, при условии, конечно, что они признают наш суверенитет на этой земле, оставят свои машины и будут следовать Жизненному Пути!

— А также, чтобы они не уничтожали наших союзников бриннов, как они уже начали это делать,— добавила юная Арги.

— Это правда, Роан?

— Частично. Действительно состоялись переговоры между ими и нашими предками, переговоры, которые не имели успеха. Условия, поставленные васками, были жесткими, вы это могли видеть. Наши предки были горды и отказались.

— Они были глупы,— вмешался Икер.

Старый васк выпрямился во весь свой рост.

— Спокойно, Икер! Нельзя ругать изгнанника, который попросил убежища и который, к тому же, пожилой человек!

Молодой человек с достоинством поклонился.

— Извините мне мою молодость, господин Роан.

— Тем не менее вы правы. Они были глупы не только потому, что не хотели принять ваши законы и пытались навязать вам свои, но главным образом потому, что плохо обращались с бриннами.

— Прошлое мертво! Уже поздно, и наши гости устали. Скоро свет засверкает на вершинах. Идемте спать,— сказал как отрезал старый васк.

Акки с трудом просыпался. Он с любопытством рассматривал коричневые балки потолка, стены, выбеленные известью, массивную мебель. Он хорошо выспался на постели с чистыми простынями из грубой ткани. На другой постели, в той же комнате, Хассил тихонько насвистывал исскую мелодию, раздражающую своей сложностью. Было довольно светло, и все в деревне уже давно проснулись. Координаторы быстро оделись и прошли в общий зал. Иригарай уже поджидал их там.

— Совет соберется как можно скорее и состоится здесь в вашу честь. Ночью были зажжены призывные огни, и члены Совета, таким образом, предупреждены.

— Сколько времени им потребуется, чтобы прибыть?

— Относительно немного для тех, кто в долинах. Семь Долин расположены в виде звезды, и деревни находятся в верхней их части. Проходы в эту пору нетрудные. Но тем, из порта Биаррица, потребуется дней десять. Вы уже ели? Арги!

Девушка вошла, и Акки смог впервые увидеть ее днем, а не при свете масляных ламп. Она по-своему была так же красива, как и герцогиня Анна: почти одного с ней возраста, такая же сильная, уверенная в себе, но более спокойная. Арги поставила перед ними мясо и черный хлеб, а также графин с напитком, который васки получали из плодов одной из лиан с красными листьями.

В дверном проеме мелькнула тень, появился Отсо. Он почтительно обратился к старому Иригараю.

— Отец, не могли бы вы попросить чужеземцев переместить их металлическую птицу, которая находится перед фронтоном?

Старик объяснил, что площадка, на которой они приземлились, была предназначена для игры в мяч, а поскольку был день отдыха, то, кроме часовых в их горных гнездах и кузнецов, кующих оружие, никто из мужчин не работал.

— Охотно. Где нам посадить гравилет, чтобы он никому не мешал?

— На лугу.

— Я иду,— сказал Хассил.

Гравилет вертикально взмыл в небо.

Четверо юношей подошли и начали игру. Акки восхищался их гибкостью и ловкостью. Действительно, эти васки были прекрасными образцами землян. И хотя у Акки не было никакой склонности к древней философии, он предпочитал античные мифы васков берандийской средневековой мешанине.

Самым быстрым, самым уверенным был бесспорно Отсо, и самым спокойным тоже. У него не срывалось ни жеста досады, ни бранного слова, когда он случайно пропускал мяч.

Партия окончилась и Акки поднялся.

— Могу я тоже попробовать?

Удивленные васки посмотрели друг на друга, затем один из них, смеясь, протянул ему мяч. Акки взвесил его на руке, ощупал. Мяч был очень твердый, обтянутый кожей. Он подбросил его и резко послал в стену. Мяч ударился о фронтон, отскочил. Он оказался именно там, где нужно, чтобы его вновь подхватить. Один из юношей вступил в

игру, и в течение нескольких минут они обменивались быстрыми бросками.

Отсо подошел к Акки.

— Похоже, игра вам знакома?

— Она же пришла к вам с Земли, не так ли?

— Да, но она всегда была нашей игрой. Другие земляне приняли ее и играли более или менее сносно...

— Мы, на нашей планете, тоже ее знаем.

— Хотите сыграем настоящую партию?

— Каковы ваши правила?

Отсо объяснил.

— Они незначительно отличаются от наших. Согласен.

Несмотря на то, что на Новатерре Акки был чемпионом по игре в пелот, он скоро заметил, что ему придется иметь дело с сильными соперниками. В его команде был совсем юный игрок, а им пришлось состязаться с Отсо и еще одним васком постарше. Долгое время игра была безрезультатной. В конце концов они проиграли, но весьма почетно. Весь в поту, Акки направился к скамейке, чтобы сесть, и с удивлением остановился. Добрая половина деревни была здесь и смотрела на него. Отсо подошел к нему улыбаясь.

— Вы очень сильны! Вы заслуживаете быть васком.

И он ушел, чтобы найти в толпе Арги.

— Знаете ли вы, что состязались с чемпионом Семи Долин? — спросил старый Иригарай.— А если бы Арамбитз, игрок вашей команды, не был так юн, вы бы, возможно, выиграли. Я не знаю, какая цель вашей миссии, но вы ее начали хорошо.

Акки про себя улыбнулся: «Инструкция для молодых координаторов. Глава II, параграф 6: Одно из самых несомненных средств завоевать доверие какого-либо народа, стоящего на начальной стадии развития, — это принять участие в одной из их игр. Однако не нужно слишком стараться и нельзя побеждать местного чемпиона, кроме случаев, когда речь идет о поддержании престижа».

По правде говоря, его поражение не было притворным. Отсо в действительности был сильнее. Но он тоже достаточно поволновался, чтобы завоевать его уважение, не вызывая ревности.

Когда вернулся Хассил, их на площадке заменили другие игроки.

— Гравилет на месте, готов к взлету, как только будет необходимо. Я сделал небольшой круг над лесом. Почти невозможно что-либо увидеть, но мне все же удалось заметить по дыму костров несколько лагерных стоянок. Их там примерно пять больших, внизу долины, со стороны Берандии, и одна маленькая, очень далеко. Возможно, это Бушеран и герцогиня?

— Надо было спуститься и посмотреть. Лес в эту пору не место для юной девушки, даже если это такой маленький демон, как Анна, и с нею два или три верных человека, готовых пожертвовать собой.

— Невозможно. Там не было поляны, дым еле пробивался сквозь ветви деревьев.

Так прошло пятнадцать дней. За это время Акки освоился с простой и здоровой жизнью своих хозяев. Несмотря на то, что тень войны висела над ними, здесь, казалось, ничего не изменилось. Каждое утро юные пастухи уходили со стадами в ближние горы, продолжались полевые работы. Только труба кузницы дымила с утра до вечера, и звонкий стук

молотков придавал особое звучание лихорадочной деятельности оружейников. По вечерам мужчины собирались и тренировались в стрельбе из лука или метании из пращи. Акки часто принимал участие в этих упражнениях и снова завоевал уважение васков, посылая почти все стрелы в цель. Время от времени разведчики поднимались вверх по долине и приносили последние новости. В Берандии вражеские силы все больше концентрировались. Несколько раз координаторы летали на гравилете в надежде найти Анну и ее спутников, но растительный покров леса был очень плотным, и они ничего не могли заметить.

Затем наступил день Совета. Акки в то утро засмотрелся на четырех васков, с азартом игравших в пелот. Звук горна раздался над долиной, люди стали собираться.

— Делегаты из долины Сара,— сказал Иригарай.— Это наши ближайшие соседи.

Игра закончилась, люди занялись более серьезными приготовлениями. Сидя перед дверями своих домов или на скамьях, они осматривали оружие: большие луки, кожаные пращи, короткие кинжалы, боевые топоры, тяжелые острые мечи. В кузнице звон молотов, казалось, усилился.

Подошел Отсо и положил свою правую руку на плечо Акки. Одного роста, они представляли собой два различных типа; васк — широкоплечий, с узкой талией и тонкими чертами лица, несмотря на широкие скулы, с орлиным носом и острыми темными глазами; Акки — светловолосый, с серыми, слегка раскосыми глазами, которые выдавали его частичную принадлежность к предкам по линии синзунов, а не землян, с чеканным лицом — прямым носом и выступающей челюстью. Похоже, он был на добрых двадцать килограммов тяжелее.

— Чужеземец, это война! Наши часовые заметили берандийскую армию. Она разделена на две части; одна поднимается к нашим долинам, бóльшая же часть продвигается к северу и начнет атаковать бриннов, чтобы затем повернуть в нашу сторону через плоскогорье. Совет вскоре соберется, чтобы выслушать ваше сообщение, но в любом случае он должен был собраться из-за войны. Ваш приход позволил нам выиграть время.

Затем он резко обратился к нему на ты:

— Будешь ли ты сражаться на нашей стороне? Ты жил в Берандии, и ты должен спасаться бегством от этих собак. Ты знаешь, чего они стóят. Если они победят, то на свободных землях васков будет рабство для наших женщин, смерть нашим старикам и нашим детям! О, мы уверены, что победим, если они не будут применять противозаконное оружие. Но если они используют адское оружие своих проклятых предков, которое те им передали, воспользуешься ли ты своим против них? Я полагаю, что их оружие будет словно зубы собаки против стального клинка?

— Лучше сравнить их с зубами мыши. Но я надеюсь, что войны не будет. Я прибыл, чтобы покончить с войнами на этой планете.

Отсо разразился смехом.

— И ты жил в Берандии! Мы с удовольствием обойдемся без войны! Но они? Что они будут делать без своих рабов, эти изнеженные горожане?

— Изнеженные? Не настолько, Отсо, и именно в этом опасность.

— О, да! Они отважны в битве, это верно, но, кроме сражений, они ничего не хотят делать! Они охотятся только ради удовольствия, а не из-за того, чтобы обеспечить себя едой, а когда охота неудачна, они

возвращаются со смехом! Они не пашут землю, не пасут скот, не ткут ткани! Все это за них делают рабы!

— Не только рабы, простые люди тоже. Я полагаю, у них есть храбрые моряки.

— Да, это верно. Однако наши отважнее, по крайней мере те, кто берет их суда на абордаж.

— У них тоже есть несколько знающих людей, таких, как Роан, которые стараются познать тайны природы...

Отсо поколебался с ответом:

— Разве они правы? Праотец говорил, что тайны природы не должны быть у нее вырваны, из этого ничего хорошего для человека не получится.

— Мы пытаемся вызнать у природы возможно больше ее тайн, и это очень хорошо. Иначе мислики... Впрочем, об этом я буду говорить на вашем Совете. Вы сами разве не испытываете любопытства? Вам не хочется узнать, например, почему и как растут растения?

— Конечно, иногда. Но Праотец говорил, что знание делает человека жадным и злым.

— Я в это не верю. Человек может быть злым независимо от того, кто он — ученый или невежда. Безусловно, если он ученый, он станет более опасным. Но зато добрый человек будет иметь больше могущества для того, чтобы делать добро.

— Возможно. Это не мне решать. Так будешь ли ты сражаться на нашей стороне?

— Нет, Отсо. Я не имею права вмешиваться в ссоры между жителями планет, на которых я нахожусь, разве что для их прекращения. Но я могу вам обещать одно: если берандийцы будут использовать против вас высокотехничное оружие, я сделаю так, что это оружие станет для них бесполезным. Это все, что я могу сделать, по крайней мере, если сам не буду атакован. В этом случае я, безусловно, буду защищаться. Но я хотел бы до начала Совета задать вам ряд вопросов. Каковы ваши отношения с бриннами? Правда ли то, что они каннибалы?

Васк на какое-то время задумался.

— Наши отношения? Хорошие. Нам принадлежат горы и море, им — равнина и леса. Праотец вступил в союз с ними еще в самом начале. С тех пор этот союз не нарушался. Я много раз охотился вместе с ними. Отдельные животные, которых они убивают, могут быть съедобными и для нас. Не все. Я полагаю, что в дружбе они верны. Что касается того, каннибалы они или нет,— не знаю. Во всяком случае, они никогда не ели васков. У них, говорят, есть обычай приносить в жертву людей, но свидетельств этого я никогда не видел.

— Они живут в деревнях?

— Иногда. Чаще в пещерах, рядом с Тремя озерами. Их оружие из камня.

Прозвучал новый сигнал трубы, делегации прибывали теперь одна за другой. На площади их ожидала плотная толпа. Были вынесены большие столы для общего обеда, который должен был предшествовать заседанию Совета. Столы расставили в тени огромного дерева с густой листвой.

— Я хотел вас просить еще об одном, Отсо. Я вам объяснил, каким образом я могу сделать так, чтобы вы меня понимали. Но для того, чтобы говорить сразу с несколькими людьми, мне было бы удобнее узнать ваш язык. У меня в гравилете есть аппарат, который позволит его изучить за тридцать секунд, если вы захотите мне помочь. Он соединит нас, и, если вы в этот момент подумаете о том, каким образом следует что-либо произ-

нести на вашем языке, я получу доступ к вашим языковым центрам и немедленно буду знать язык васков. Вы согласны?

— А я, буду ли я знать ваш язык?

— Если захотите, но зачем это вам сейчас?

— Хорошо, я согласен.

Обед подходил к концу. Акки был удивлен его скромностью: жареное мясо, чистая вода. По всей вероятности, васки не хотели начинать Совет с полным желудком и туманной головой. Женщины убрали со столов, которые были затем сдвинуты в виде подковы вместе с тяжелыми скамьями. Мало-помалу вся площадь вокруг тенистого дерева опустела, девушки, женщины и дети ушли. Акки поднялся, за ним Хассил; они тоже хотели уйти. Старый высокий васк задержал их.

— Ты, чужеземец с золотистыми волосами, ты спас жизнь одного из васков ценой собственной крови. Ты, кто похож на наших друзей бриннов, ты его товарищ. На основании нашего закона вы можете присутствовать на заседании Совета. Кроме того, если верить Иригараю, у вас есть что сказать нам.

Акки сел и увидел рядом с собой Отсо.

— Почему вы проводите заседание снаружи? Разве у вас нет достаточно просторного зала?

— В доме командуют женщины. Снаружи — мужчины, и это хорошо. Праотец этого пожелал в своей мудрости.

— А если испортится погода?

— Тогда для этого есть наверху пещера. Теперь помолчим. Будет говорить Хранитель.

Иригарай в качестве Хранителя пригласившей деревни занял почетное место посредине подковообразного стола.

— Братья, вначале на старой планете был народ васков, гордый и свободный. Но в то время как он оставался верен мудрости предков, другие народы вокруг него вступили в союз с демонами и, позаимствовав их магию, построили машины, которые упразднили труд людей. Эти машины унизили их достоинство. Люди превратились в рабов машин, целые дни питая их или занимаясь ими, вместо того, чтобы жить просто, на воздухе, как должны жить люди. Соблазны такой жизни без усилий привлекли и васков, и мало-помалу они тоже изменили Истине.

Тогда среди них восстал один человек. На старой планете битва была проиграна. И вот он в свою очередь позаимствовал колдовство демонов, построил огромную машину, способную преодолеть небесную бездну, и, заботливо выбрав себе друзей и подруг, отправился с ними на поиски свободной земли!

Долгое время они блуждали, не находя ее, приземляясь там и здесь, беря на других планетах хороших или полезных животных («Вот откуда появился олень-прыгун»! — подумал Акки), и наконец прибыли на планету, которая им подходила, вот эту, мы на ней живем. Они высадились на плато Ордоки и построили первую деревню. Тогда Праотец пустил машину одну в бесконечность, чтобы никто не мог вернуться на старую Землю и никто бы не знал, где нашли пристанище васки.

Они так жили в деревне в течение одного поколения, свободные, борясь против враждебной природы. На закате своей жизни Праотец обнаружил бриннов и вступил с ними в союз, который никогда не прерывался.

Однажды в нашем небе появилось пять машин. Плохо управляемые, они разбились на восточном берегу, и одна из них, упавшая в Соленых болотах, взорвалась. Но чужеземцы не погибли и начали строить поселки.

Мы могли бы их уничтожить, когда они были еще слабы, но Закон говорит: «Ты не прольешь человеческую кровь!». Итак, мы их не убили, напротив, мы предложили им объединиться с нами и пойти вместе по пути Жизни. Они отказались и предложили нам вступить в союз с ними, чтобы строить их города. Конечно, мы не согласились и оставили их с миром, попросив только об одном — не трогать наши горные земли.

Но вскоре мы увидели их гнусность. Племена бриннов, которые жили на территориях, куда они попали, были уничтожены или превращены в рабов. Некоторые их сограждане стали также крепостными, их вожди, вместо того, чтобы быть избранными и утвержденными народом, стали наследственными тиранами.

Вскоре под самыми ничтожными предлогами они стали нападать на нас. Пролилась кровь, их и наша. С тех пор мы за ними следим с опасением, и время от времени нам приходится напоминать им, что васки — свободный народ!

Не все, однако, прогнило, и в течение последних лет мы начали надеяться на долгий мир. Герцогом Берандии на этот раз стал разумный и добрый человек, его поддерживали наиболее сильные вассалы, граф Роан и талантливый и честный полководец Бушеран, у которого одна из бабушек была васка,— поэтому он и принял имя Бушеран де Мон,— Бушеран-горец. К несчастью, мы узнали от чужеземцев, которые присутствуют на нашем Совете, что герцог убит, капитан Бушеран стал беженцем, а граф Роан попросил убежища у нас.

Пронесся возглас удивления.

— Кто же правит в Берандии? Вы думаете, герцогиня Анна? Нет. Герцогиня сама стала беженкой именно тогда, когда благодаря этим чужеземцам она осознала ужас войны. Новый герцог — не кто другой, как Онфрей де Неталь. Кровавый мясник! Вы понимаете, что это значит? Война, и на этот раз война решительная и безжалостная. Войска Берандии у подножия наших гор. Я объявляю Совет открытым.

Наступила тишина. Лица стали серьезными — лица мужчин, которым предстояло решать будущее своего народа. Наконец один из делегатов спросил:

— Я полагаю, что на этот раз они используют все имеющееся у них оружие?

— Вполне возможно.

— Это может означать одно: много смертей, большой траур!

— Чужеземцы мне обещали нейтрализовать это оружие,— сказал Отсо.

— Смогут ли они это сделать?

— Они прибыли из другого мира, Жореги. Они смогут.

Все повернулись к Акки.

— Я это сделаю,— медленно произнес он.— Но прежде я должен вам сказать о другом, если вы позволите.

— Говори!

Вновь Акки изложил цель своей миссии. Он говорил о всем человечестве, разбросанном по многочисленным планетам, о могущественной Лиге, похожей на конфедерацию Семи Долин в том смысле, что это союз свободных людей, несмотря на то, что входящие в нее имеют зеленую или голубую кожу. Он также говорил о космической угрозе мисликов, о беспощадной борьбе, которую ведут люди против этих исчадий ада. Наконец, он изложил свою задачу: покончить со всеми войнами на Нерате как между васками и берандийцами, так и между берандийцами и бриннами. Он также рассказал о Стальном законе, который требует, чтобы

на одной планете была только одна цивилизация. Лица присутствующих постепенно становились все замкнутее и суровее.

— Почему ты хочешь, чтобы мы покинули этот мир?— крикнул ему Отсо.— Этот мир — наш! Мы его завоевали нашими потом и кровью! Эти долины являются единственным нашим миром!

— А бринны, Отсо? Этот мир, возможно, с бóльшим правом принадлежит им?

— Но мы не стремимся отнять его у них! Им принадлежат леса и равнины, нам — горы и море!

— Сегодня, Отсо, сегодня! И я не сомневаюсь в вашей искренности, во всех вас. Ну, а завтра? Что будут делать ваши потомки через сотню поколений, ваши потомки... и потомки бриннов? Что вы сделаете, если они потребуют себе всю планету, где зародилась их раса?

— Никогда васки...

— Что говорил только что Хранитель? На планете прародителей, сами васки развратились! Кто знает, не произойдет ли в будущем то же самое здесь?

Мощный гул голосов «Никогда!» прервал его. Старый Иригарай встал.

— Никогда не говорите «никогда». Правда то, что васки тоже могут развратиться, как сказал чужеземец. Правда и то, что этот мир — наш по праву вложенного труда и страданий. Правда, что мы покинули Землю, чтобы жить как свободные люди, и что мы от этого не откажемся! И правда, наконец, то, что мы не знаем, что будут думать праправнуки бриннов, тех, кто живет сейчас, и наши потомки!

Отрывистым жестом он остановил новый взрыв протестов, затем повернулся к Акки.

— Итак, вы предлагаете нам войти в вашу Лигу, отказаться от жизни, которую мы выбрали, построить машины, чтобы помочь вам в вашей борьбе против ваших врагов. Не так ли?

— Не совсем. Есть два разных аспекта. Первый касается борьбы, которую Лига человеческих миров ведет против мисликов, наших главных врагов, но также врагов всех, кто живет жизнью, похожей на нашу, жизнью, которая требует света и тепла. Вы можете войти или не входить в нашу Лигу, вы можете придерживаться или нет вашего образа жизни, вопрос не в том, чтобы как-то принудить вас. Второй аспект следующий: не желая того, вы создали на этой планете в меньшей степени, чем беранди́йцы, но тем не менее достаточно серьезное положение, которое потенциально опасно и нетерпимо. Нет никакой возможности биологического смешения между бриннами и вами. Через сто лет, через тысячу лет, неважно, одна раса будет мешать другой, и между вами начнется война. Возможно, к тому времени ваши обычаи изменятся, может быть, вы построите машины или это сделают бринны. Это вас приведет к космическим завоеваниям, а опыт показывает, что воинственная раса ведет войны повсюду, куда она попадает. Этого мы не потерпим!

— Так что же вы предлагаете? Уничтожить нас, чтобы не рисковать, как бы наши праправнуки не стали уничтожать бриннов?

— Нет, конечно! В космическом пространстве очень много планет, на которых можно жить, таких же прекрасных и даже более красивых, чем эта, где еще не получила развития ни одна разумная раса. Мы можем вас переправить на одну из них...

— Но почему нас? Разве мы не принадлежим этому миру, мы, кто живет здесь уже двадцать поколений?

— Потому, что бринны здесь живут еще дольше, потому, что их раса

зародилась здесь, потому, что это — их мир! Но не принимайте мои слова как ультиматум. Речь не идет о том, чтобы вас переселить завтра! Две или три человеческие жизни могут пройти до того, как это переселение осуществится, если оно вообще будет.

— Если это произойдет?— раздался голос.

— Да, если произойдет. Мы еще не видели бриннов, и, возможно, в случае их согласия они покинут эту планету, а не вы. Таким образом, у вас есть время все обдумать. Прошу вас, не нужно поспешных решений и не считайте меня вашим врагом!

Поднялся Калаондо, пожилой васк гигантского роста.

— В том, что сказал чужеземец, есть мудрость, и моральные требования его Лиги схожи со словами Праотца: «Не пролей напрасно даже капли человеческой крови». Но сейчас перед нами более срочная проблема. Враг рядом, у нашего порога. Нет ни малейшего сомнения в его намерениях. Он вторгнется на наши земли на восьмой-десятый день. Мы должны упредить его, если возможно, и остановить, пока он не вошел в наши долины и не начал жечь наши овчарни и наши деревни. Завтра — первый день мая, и только в случае нападения берандийцев мы начнем боевые действия. Я голосую за то, чтобы сразу после полуночи мы начали битву. Кто за мое предложение?

Все встали.

— Итак, я полагаю, мы и Берандия находимся в состоянии войны. Надо создавать боевые отряды. Пусть каждая деревня выберет своего командира. Оружие должно быть наготове! Теперь назначим верховного вождя!

— Иратзабаля! Нет, Эррекльта! Барандиарана!

В течение десяти минут все старались перекричать друг друга. В конце концов Калаондо удалось добиться относительной тишины.

— Вы назвали имена трех человек, равных между собой, и сделать выбор между ними будет трудно. Тем не менее есть довод, который склоняет чашу весов в пользу одного из них. Чужеземцы обещали свою помощь Отсо.

Повернувшись к Акки, он подмигнул.

— Нет уверенности, что они сделают для других то, что обещали сделать для своего друга Отсо Иратзабаля.

Акки молча кивнул головой. Старый васк пытался выиграть время и избежать ссоры.

Наступил вечер. Споры продолжались еще некоторое время, затем согласие было достигнуто — главнокомандующим избран Отсо Иратзабаль. Члены Совета поднялись и стали готовиться к возвращению, чтобы воспользоваться светом Лооны. Однако старый Калаондо из Сара, деревни, которая была совсем рядом, решил провести ночь у Иригарая. Они вновь собрались вокруг семейного стола.

— Я благодарю вас, чужеземцы, за то, что вы не раскрыли мою хитрость,— сказал старый васк.— Без вашей поддержки мы бы спорили до утренней зари о заслугах того или иного вождя и потеряли бы таким образом драгоценное время. Я честно думаю, что ты — лучший из возможных вождей,— закончил он, повернувшись к Отсо.

— Это большая ответственность,— медленно произнес Отсо.— Впервые берандийцы попытаются использовать против нас все свое оружие. Как ты думаешь их остановить, Акки?

— Это старая хитрость наших друзей иссов. Спроси об этом Хассила.

— О, это просто! Как только они попытаются применить современное оружие, я обезврежу их снаряды с помощью лучей, которые разло-

жат на части химические компоненты взрывчатки. Может быть, они их даже подорвут. Все зависит от состава.

— Разве для этого вам не нужно их вначале осмотреть?

— Нет. Достаточно, чтобы я знал их расположение с точностью до нескольких десятков метров, а они сами себя обнаружат после выстрела.

— И все их оружие будет уничтожено?

— Любое оружие на основе химических взрывчатых веществ. Если же они имеют фульгураторы, будет гораздо труднее. Но применение такого оружия против первобытных народов рассматривается Лигой как преступление, и мы вмешаемся с помощью нашего собственного оружия, если это потребуется.

— Мы примерно знаем размещение их войск. Почему бы не использовать ваши лучи сейчас?

— Мы таким образом станем вашими союзниками, Отсо, а мы не имеем права атаковать первыми.

— Если бы вы полностью были на нашей стороне, берандийцы быстро проиграли бы и наступил конец войне. Разве вы не этого хотите? Люди погибнут из-за вашей приверженности абстрактным принципам.

— Да! Я это знаю!— сказал Акки.— Но несмотря на то, что я считаю вас морально намного выше среднего берандийца, это не означает, что вы — само совершенство! Я еще не знаю вас достаточно хорошо, чтобы судить, а содействуя вам, я могу сотворить одно зло вместо другого. Извините меня за резкие слова и за то, что я показал себя — что еще хуже — неблагодарным и грубым гостем. Но если мы, координаторы, начнем вставать на чью-либо сторону в битвах на планетах с примитивным уровнем жизни, мы скоро станем принимать участие в сражениях также на планетах менее примитивных, и это будет катастрофой. Потому что мы — люди, и наши симпатии неизбежно склоняют нас на чью-либо сторону. Может быть, мы сможем вам помочь, хотя бы немного, даже если берандийцы не применят своего усовершенствованного оружия. Может быть... Но, скажите мне, многие из вас говорят, что завтра первый день мая. Какое особое значение связано с этой датой? Вы сохранили земные названия месяцев?

— Это наш главный праздник, чужеземец, и завтра должно было состояться большое шествие, так как завтра — десятая годовщина мира между Долинами. И к тому же мы высадились здесь первого мая. Завтра праздник Земли и Воды, праздник молодежи. И несмотря на то, что он будет омрачен обстоятельствами, надеюсь, он вам понравится.

— Я не заметил особых приготовлений.

— Ах! Вы думаете о развлечениях наподобие тех, что у берандийцев — с праздничными пирами, фанфарами и знаменами? Нет, чужеземец, наш праздник в сердцах людей!

Глава III

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МАЯ

В то утро Акки был разбужен на рассвете раскатистым и долгим звоном бронзового гонга. Он доносился из обычно запертого храма, расположенного под деревней на склоне. Акки прошел в общий зал; завтрак

был уже подан, но никого из васков здесь не было. Его ждал только Роан. Вскоре появился Хассил.

— Мы сегодня позавтракаем одни, господин Клэр,— сказал берандиец.— Наши хозяева присутствуют на своих церемониях.

— Мы так мало здесь пробыли, а события развиваются настолько стремительно, что я так и не узнал ничего об их религии.

— О! Наверняка у них есть хоть какая-то вера! Очень редко можно встретить народ, не имеющий религии, вроде вас. Новатерриапцы — безбожники, говорят иссы. Но у вас тоже есть вера, хотя вы это отрицаете!

— Не будем вновь начинать старый спор, Хассил. Знаете ли вы, Роан, что-нибудь о религии васков?

— Ну, поскольку сегодня мы одни, я могу вам кое-что рассказать. Я всегда интересовался этим любопытным народом. Похоже, что вождь, который их привел на Нерат, Праотец, как они его называют, был весьма необыкновенным человеком. Он был выдающимся физиком, впрочем, зараженным любопытной интеллектуальной болезнью — стремлением к примитивизму. На земле васки составляли меньшинство, которое незначительно подвергалось угнетению, разве что в отдельные моменты истории, и страдало только от того, что чувствовало себя медленно растворяющимся в более обширных сообществах. Они говорили на очень древнем языке, который постепенно исчезал, ассимилируясь с двумя наиболее распространенными языками — французским и испанским. Праотец видел лишь одно возможное средство против этого — колонизацию какой-либо необитаемой планеты и направил около трехсот человек на Нерат! Но ко времени их отлета древняя религия васков была окончательно забыта, возможно уже много тысячелетий назад. Праотец не был ни этнологом, ни историком, и произошло то же самое, что и в Берандии. В то время как наши основоположники моделировали свое общество на основе романов Вальтера Скотта, васки строили свое общество согласно идеям физика-примитивиста! Обе стороны достигли весьма странных результатов, как вы в этом могли убедиться, но я должен признать, что с точки зрения социальной и моральной васкам была уготована лучшая участь.

Их религия? Что ж, они поклоняются великому созидательному принципу, который воплощается в символах — это только символы, по крайней мере для наиболее разумных из них,— огонь, воздух, земля и вода. Наибольшими грехами являются леность, предательство, жадность, нарушение данного слова. К этому, в принципе, можно добавить насилие, но в их жилах бурлящая кровь, и у них часты ссоры и даже убийства по ничтожному поводу. Это хорошие и верные друзья, если удастся заслужить их доверие, но и злейшие враги, мстительные и безжалостные.

Гонг смолк.

— Церемония окончена. Сейчас начнется празднество. Признаюсь, я бы очень хотел его увидеть, если бы не беспокойство из-за Анны... Мы отправимся на ее поиски прямо сегодня.

— Я отправлюсь один, Акки,— сказал исс.— Будет лучше, если один из нас останется здесь, на всякий случай. Заодно попытаюсь проследить за продвижением неприятельских отрядов. Признаюсь, беспечность васков меня тревожит.

— Хорошо. Только оставь переговорное устройство. Мне нужно иметь постоянную связь с тобой.

— Конечно! Но я же не сейчас улетаю.

Васки спускались по тропинке в сторону опустевшей деревни. Отсо дружески помахал рукой. Акки вышел навстречу.

— Извини, Акки, но ты не имел права присутствовать на церемонии, не будучи васком, хотя ты этого заслуживаешь. А потом — мы дали вам возможность выспаться.

— Что ж, так, может быть, лучше. Хассил отправится на поиски герцогини Анны. Если он ее найдет, примите ли вы ее в вашей деревне?

— Будет ли она просить убежища?

Акки улыбнулся:

— Сомневаюсь!

— Ты ее любишь?

Прямой вопрос захватил его врасплох.

— Не знаю. Не думаю. Я с ней так мало знаком.

— Но ты испытываешь хорошее чувство к ней?

— Да.

— Тогда мы примем ее, даже если она сама не будет просить убежища. А ее свита?

— Ее свита сильно уменьшилась, это Бушеран и два или три лучника! Бушеран тем более не попросит убежища!

— С ним будет еще труднее. Что ж, посмотрим. Пусть твой друг Хассил, если найдет, доставит их сюда.

— Бушеран будет хорошим пополнением.

— Он будет сражаться на нашей стороне?

— Против Берандии не будет. Против Неталя — да. Он ненавидит войну.

— Он знает, что это такое, и не так глуп, как Неталь.

— Я встречусь с Хассилом до его вылета. До скорого.

— Не пропусти праздника, мой друг!

Он нашел исса в кабине гравилета, тот проверял контакты бортового пульта управления.

— Я хочу взять какое-нибудь оружие, Хассил. Васки, похоже, уверены в том, что не будут атакованы сегодня, но, как ты уже говорил, ничего нельзя знать наверняка!

— Что ты будешь делать в случае нападения? Статья 7, параграф 1...

— Запрещает принимать чью-либо сторону, я это знаю. Что же, если берандийцы используют пушки или пулеметы или даже фульгураторы, я пошлю к черту или к Великому Мислику, как ты говоришь, статью седьмую со всеми ее параграфами. Впрочем, статья 9 предусматривает, что координатор не является автоматом, а должен судить и действовать по своему разумению.

На лице исса мелькнула хитрая улыбка, присущая его расе.

— Я, наконец, снова вижу старого Акки. Тебе на этот раз понадобилось побольше времени, чтобы привести все доводы! Какое оружие ты хочешь?

— Мои фульгураторы. И несколько гранат.

— Возьми также гранатомет, большой тяжелый фульгуратор с треногой и боеприпасы!

— Ты боишься чего-нибудь?

— Неожиданности!

— Вне всякого сомнения, ты прав. Пойду попрошу кого-нибудь помочь мне перенести все это.

— Не нужно. Садись в кабину, я тебя высажу около дома.

Гравилет приземлился на площади. Акки позвал одного юношу, послал его за Отсо.

— Я выгружу кое-какое оружие, весьма опасное для тех, кто не умеет с ним обращаться. Этими шарами можно взорвать всю деревню. Куда их можно спрятать? И обещайте, что никто их не тронет.

— Можешь на меня рассчитывать. Положи их в моем доме, вон там. Их будет охранять Отсури.

В одной из пристроек на соломенной подстилке лежало странное животное. Большое, как медведь, гибкое, как кошка, оно имело темно-зеленый мех, большую голову с огромными клыками, и Акки увидел, когда этот зверь встал на задние лапы, что его передние заканчиваются сильными пальцами с длинными убирающимися когтями. У него был высокий выпуклый лоб и живые маленькие глаза.

— Это сириель. Отсури, это никто не трогать, кроме он или я. Понял?

Животное тихо заворчало.

Они сложили оружие в угол, и Акки попытался войти в контакт с животным с помощью телепатии. Ему это удалось. Акки был удивлен, обнаружив у зверя примитивный, но явный разум.

— Ну, знаете! Как будто не хватало бриннов, тут еще эти! Две местные разумные расы или почти разумные на одной планете! Снова столкновение синзунов и тельмов! Ну и каша!

— Я займусь этим по возвращении,— сказал исс и вышел.

— Кто они?— спросил Акки, кивнув на разумного зверя.

— Живут в горах небольшими группами и очень опасны, когда на них нападают. Я подобрал этого совсем маленьким около мертвой матери, раздавленной горным обвалом. Он понимает речь. А сторож из него просто отменный. Можешь быть спокоен за свое оружие.

Когда они вернулись на площадь, гравилет уже взлетел и кружил в небе. Акки отцепил от пояса легкое переговорное устройство.

— Алло, Хассил, ты меня хорошо слышишь?— спросил он по-исски.

— Великолепно. До скорого.

Гравилет высоко поднялся, ненадолго замер на месте, затем, словно сокол в поисках добычи, спикировал на северо-запад. В это время Акки смешался с толпой васков.

Несмотря на то что, как предупредил его Калаондо, здесь не было ни знамен, ни фанфар, веселье царило в деревне, и он спрашивал себя, до какой степени эта беззаботность граничила с безрассудством. Под деревом Совета молодые люди и девушки танцевали очень быстрые старинные танцы. В стороне слышался хор мужских голосов. Пели старинный распев, который считался очень древним еще на материнской планете; в нем рассказывалось о забытых радостях и печалях. Целый хоровод с упоением кружился в танце. Акки поискал глазами Отсо, но тот словно испарился. Тогда он стал прогуливаться среди толпы, обмениваясь с васками улыбками и какими-то фразами. Никто, казалось, не думал о близкой войне, несмотря на то что очень скоро некоторые из молодых людей, танцевавших, смеявшихся или пивших прямо из бурдюков вкусное сухое вино, не увидят никогда больше любимые небо и горы.

Легкая рука легла на его плечо. Акки обернулся. Арги, улыбаясь, стояла рядом с ним.

— Отсо сейчас собирает наш отряд, он занят военными приготовлениями и не сможет сегодня быть с вами. Он послал меня, чтобы я его заменила, так как в день радости никто не должен оставаться в одиночестве.

— О! я не чувствую себя одиноким среди вашего гостеприимного народа! И все же мне очень приятно, что вы со мной. Что будем делать? Я так мало знаю ваши обычаи и не хотел бы вас обидеть. Можно, например, пригласить вас потанцевать?

— В этом нет никакой обиды, но я не знаю, что получится. Вам известны наши танцы? Нет, а я не знаю ваших. Посидим лучше в тени на скамейке. У меня к вам столько вопросов.

— У меня тоже. Вы очень любопытный народ. Иногда у меня возникает желание быть васком. Но вы являетесь анахронизмом, хотя подобный анахронизм мог бы существовать, если повезет, очень и очень долго. А может быть, и вечно. Часто я бываю посланцем несчастья, Арги. Я или мои коллеги. Во имя всеобщего блага мы уже разрушили или ниспровергли многие мечты, и не все они были плохими.

— Вы действительно разрушите нашу мечту?

— Прежде чем ответить нужно знать, о чем идет речь. Насколько я понимаю, ваша прекрасная мечта — это жизнь горных пастырей.

— Наша мечта?.. Я не знаю, как вам это объяснить. Но попробую... Вы видите нашу жизнь — работа от восхода до сумерек в повиновении Законам Праотца, в душевном спокойствии. Быть в согласии с самим собой и со всем миром... Иногда, когда я иду по склону гор по утренней росе, или в тумане, или под дождем, когда я добираюсь до вершин лицом к ветру и вижу перед собой горы и долины, мне кажется, что я представляю собой одно целое с землей! О! Мне бы нужно быть поэтом, как Эррекальт... Уверенность в том, что завтра будет таким же, как сегодня, как вчера, как всегда, что все хорошее вечно, и так будет всегда. И в то же время есть на свете приключения, прибытие пришельцев, как сейчас, например, рассказы наших матросов о далеких островах, о сражениях, опасностях. Единство с семьей, деревней, нашим народом это очень важно. Но разве это все? Не знаю... Сумерничать у очага зимой, слушать сказки, старые легенды, которым веришь только наполовину... Но их, однако, рассказывают, потому что они являются самой душой нашего народа и без них он погибнет. Не знаю, Акки. Ваш вопрос нужно было бы задать Эррекальту или Калаондо. Но превыше всего — это чувство единения. Единение со своей расой, этим миром, таким прекрасным, который пока что принадлежит нам, или который будет нашим, если вы нас не прогоните отсюда. Пьянящие капли росы, которые по утрам срываются с листьев папоротника на лицо, мягкий лиловый мох под босыми ногами....

— Одна девушка из этого мира мне уже говорила то же самое, Арги, одна берандийка — герцогиня Анна.

— Какая она? Красивая, гордая, жестокая?

— Красивая и гордая, это да. Жестокая? Я не думаю. Вы бы хорошо поняли друг друга, несмотря на то, что вы очень разные. Вы ее, конечно, увидите, если Хассилу удастся их отыскать.

— А ваши мечты, Акки. О чем вы мечтаете?

— Я могу говорить лишь о себе, Арги. Я не могу говорить за Хассила или его народ или за пятьдесят тысяч человеческих сообществ Лиги. Я даже не могу говорить от имени моих соотечественников новатерриан-цев, я ведь полукровка. Я феномен, потому что принадлежу к уникальному в галактике типу — счастливое смешение землян с сообществом другой туманности. Редчайшее стечение обстоятельств позволило землянам и синзунам произвести на свет общее потомство, и я не думаю, что в мироздании существует еще один подобный казус. Наша мечта, новатерро-синзунская? Боюсь, что она будет вам непонятна. Мы несем в себе проклятье двух рас: ненасытное любопытство людей и демоническую гордость синзунов. Моя мечта? Вперед и вперед в материальной Вселенной, вперед во Вселенной познания, но эта тщетная погоня бесконечна, поскольку Космос очень велик, а знание безгранично... Вне галактик, вне времени, если бы это однажды стало возможным. И все же мы несем в

себе то же стремление к простой жизни, к миру, которое привело сюда и вас... Возможно, мы тоже ищем нашу мирную планету, но безнадежно, потому что нет мира и покоя в наших душах и никогда не будет. А пока мы поднимаем наши стальные корабли к звездам, мы бросаемся из одной части космоса в другую, и те, кто, как я, избрал судьбу координатора, вынуждены вмешиваться в жизнь других во имя абсолютной мечты, которую до сих пор четко не сформулировали,— мечты о человеческой Вселенной...

— А другие, от которых вы происходите, какие они?

Он улыбнулся:

— Это не чудовища, Арги. Это люди или почти. Единственная существенная разница состоит в том, что у них четыре пальца на руках. Так вы уверились? Если бы они не были столь близки к нам, никогда эти два вида не смогли бы смешаться. У них тоже раскосые глаза, как и у меня, кроме того...

Тихий звонок прервал его. Акки включил переговорное устройство.

— Алло, Хассил?

— Акки, я только что заметил колонны берандийцев. Они вышли из леса и начали передвижение по долине. Их гораздо больше, чем думают васки, и завтра, во второй половине дня, они наверняка атакуют. До сего времени никаких следов Бушерана и герцогини, а лес просто кишит неприятельской пехотой...

— Ну вот и они, берандийцы!

— Великий Мислик тебя побери, Акки! Через несколько часов ты вступишь с ними в бой, если я тебя хорошо знаю. Там на опушке леса группа берандийцев занята сборкой чего-то подозрительного. Посмотрю. Оставайся у аппарата... Я не пойму, что это... Можно сказать, что это огромный фульгуратор, очень большой... Нет, это что-то другое, труба... Каким оружием располагали земляне, когда предки берандийцев покинули планету?

— О! многими вещами: пушками, ракетами, ядерными бомбами, фульгураторами...

— На этот раз я пройду как можно ниже и сфотографирую. Жаль, что у тебя нет видеоэкрана... Ах!

Исс внезапно замолк, из аппарата доносились звуки глухих разрывов.

— Хассил, Хассил! Что случилось?

— Меня задели, Акки, задели гравилет, я его больше не контролирую. Возможно, приземлюсь где-то в лесу. Предупреди васков, Акки, и помни: за исключением одного-двух, берандийцы не лучше терансов!

— Попытайся смягчить посадку. Я постараюсь найти тебя!

— Пытаюсь перелететь через перевал по ту сторону гор. Деревья растут на глазах! Хорошо, что я оставил тебе оружие, оно сейчас очень понадобится. Так и есть, я падаю!

Прошло несколько минут в тишине, затем:

— Приземлился без особых поломок. Думаю, будет лучше, если я останусь для охраны в поврежденном гравилете. Здесь много опасных вещей, нельзя, чтобы они попали в руки неприятеля... У меня есть продукты, вода и оружие. Я буду ждать. Предупреди васков, Акки, и до скорого. Ну вот! Большое переговорное устройство разбито вдребезги. Невозможно вызвать «Ульну»!

Акки поднялся.

— Арги, где Отсо? Я должен немедленно с ним говорить!

— Ваш друг в опасности?

— Да! О, извините, вы меня не поняли, ведь я говорил на исском языке. Берандийцы неожиданно повредили наш гравилет. Хассил жив, но остался его охранять. Берандийцы уже в нижней части долины. Нужно действовать быстро!

Они побежали к дому воинов. В большом низком зале спорили Отсо и несколько мужчин. Акки быстро рассказал им о наступлении берандийцев.

— Положение серьезное. Жореги, труби сигнал тревоги, пошли гонца в ущелье и предупреди посты. Значит, твой гравилет, Акки, подбит, и ты не сможешь нам помочь? Это сильно меняет наши планы. Как мы поступим, если враги используют свое адское оружие?

— Да, это действительно меняет положение, Отсо. Подбив наш гравилет, берандийцы, сами того не зная, бросили вызов всей Лиге человеческих миров. Теперь я буду сражаться на твоей стороне с самого начала. У меня есть кое-какое оружие. Как ты думаешь, сможем мы продержаться один месяц?

— Почему один месяц? И почему ты вдруг изменил свое решение? Может, берандийцы покушались на вашу жизнь в Вермонте?

— Это мое личное дело. А через месяц мой большой корабль, «Ульна», возвратится. У него на борту пятьдесят других гравилетов, восемьсот человек и оружие, способное уничтожить всю эту планету, если будет необходимо. Но мы не можем сегодня связаться со звездолетом. Большое переговорное устройство, с помощью которого можно было бы вызвать корабль, уничтожено.

— Один месяц? Да, мы продержимся один месяц, даже если придется отступить на земли бриннов.

Прозвучал долгий и скорбный звук трубы. Этот призыв передавался от трубача к трубачу, затихая и замирая по мере удаления.

— Через несколько минут все васки будут знать, что нападения надо ждать завтра. Отправимся в ущелье, Акки!

Глава IV

БИТВА В ТЕСНИНЕ

Примерно в десяти километрах от деревни долина сужалась в теснине между двумя невысокими утесами. Между этими скалами стояли три каменные стены высотой около двух метров, перекрытые узкими прочными воротами. Ниже начинались заросли кустарника, затем — лес, а дальше — травянистый склон. Отсо расположил бóльшую часть своих людей позади стен, остальных — на самих утесах.

— Могут нас обойти? — спросил Акки.

— Никак. Нужно взбираться по склонам, которые опасны даже для васков, а выше этих склонов ждут часовые, которые будут сбрасывать на нападающих каменные глыбы.

— Прикажи вырыть глубокие и узкие траншеи примерно в тридцати-сорока шагах позади от последней стены.

— Зачем это?

— Чтобы укрыть людей, если противник будет использовать современное оружие массового поражения. В этих траншеях они будут защи-

щены от пуль, осколков снарядов и в какой-то мере от фульгураторов. В то же время они смогут задержать неприятеля, если он попытается преодолеть стены.

— Спасибо, Акки. Я прикажу немедленно все сделать.

— Сколько у тебя людей?

— Здесь те, что из долины. Примерно четыреста сорок.

— А сколько всего?

— Людей, которые в состоянии носить оружие? Около пятнадцати тысяч.

— Вас так мало, васков? Тем не менее вам удалось освоить эту планету на тридцать лет раньше берандийцев!

— Вначале мы были малочисленны главным образом из-за эпидемий, они же опустошили долины около семидесяти лет тому назад!

— Берандийцы легко смогли мобилизовать сто тысяч человек, но я не думаю, что они имеют более тридцати тысяч подготовленных воинов. Все равно получается двое против одного. Для первого боя, но если война продлится... Ты предупредил бриннов?

— Да, но они не выйдут из своих лесов и низин.

— Тем хуже. Враг нас будет бить поодиночке. Это ему удобно... Где собираешься разместить командный пункт? В деревне? А какие средства сообщения с другими группами?

— Охотничьи рога. Гонцы. Но что ты подразумеваешь под командным пунктом?

— Ты же избран верховным главнокомандующим!

Васк расхохотался:

— Но это не означает, что я командую всем светом! В моем распоряжении только мои люди, другие мне не подчиняются.

Акки пожал плечами.

— Если бы я это знал! Единственное, что меня удивляет, почему берандийцы вас не уничтожили гораздо раньше? Я предполагаю, что и на флоте у вас такие же порядки?

— Конечно!

— Таким образом, это будут небольшие стычки, так сказать, каждый за себя. Что ж, я вам предсказываю на этот раз полный разгром! Хочу уточнить: хорошо ли берандийцы знают ваши долины?

— Некоторые из них бывали здесь в качестве пленников, во время других войн. Но недолго.

— Есть ли торговцы?

— Нет. Зачем нам берандийские товары?

— Итак, шпионов нет или их мало. Это хорошо. Без точных карт неприятель не сможет разместить свою артиллерию и будет стрелять прямой наводкой или на авось.

— Где лучше оставить твое оружие, Акки?

— Пока не знаю. Все будет зависеть от размещения орудий.

— Да, еще одно: если я закричу «ложись», все бросаются на землю или в одну из траншей беспрекословно. Понятно? И назначь пароль. Все это уменьшит эффективность огня неприятеля.

— Нашего тоже. Лежа плохо стрелять из лука или пращи!

— Твои люди быстро поймут, когда можно вставать и когда лучше лежать. Вышли разведчиков вперед, они должны быть невидимыми и доносить о передвижении неприятеля.

Спустя час, когда солнце начало садиться, вернулся Икер, посланный на разведку.

— Они подходят, уже переправились через Уршило.

— Сколько до них?

— Пять тысяч шагов.

— Приготовиться! Отсо, помоги мне установить гранатометы на этой платформе. А теперь все прячьтесь. Словно здесь никого и не было.

Отсо растянулся рядом с ним.

— Ты надеешься их обмануть?

— Нет, я надеюсь сохранить наших людей, когда...

Пронзительный свист раздался со стороны долины, но снаряд вместо того, чтобы разорваться в траншеях, пронесся высоко над их головами.

— Мерзавцы! — проворчал Акки.— Они бьют по деревне, по крайней мере пытаются.

Прокатились эхом два глухих разрыва. Позади стен поднялось несколько человек.

— Ложись, во имя предков!

Дважды снаряды пролетали над ними, но разрывались где-то далеко.

— Отсо, пошли кого-нибудь наверх посмотреть, есть ли разрушения. Стреляют вслепую, поэтому могут и попасть, а могут и промахнуться на несколько километров. Берегись — это уже для нас!

Два снаряда разорвались высоко в ущелье, взметнув к небу кучи земли и щебня. Акки достал из кармана небольшой, но мощный бинокль и стал вглядываться в устье долины.

— Я их вижу. Они продвигаются вдоль утесов.

— Когда ты применишь свое оружие?

— По возможности в самую последнюю минуту. Эффект от неожиданности будет наибольшим, к тому же у меня нет большого количества боеприпасов. Ты полагаешь, что сможешь отбить первую атаку?

— Да, вне всякого сомнения.

— Тогда я выступлю вторым, в том случае, если все плохо обернется. Внимание!

На этот раз стрельба стала более точной. Часть первой стены взлетела на воздух и осыпалась дождем осколков. Укрытые в траншеях васки, кроме одного легко раненного, потерь не имели.

— К счастью, ты мне не разрешил снести укрепления! Оружие берандийцев ужасно!

— Это еще пустяки! Хотел бы я знать, есть у них фульгураторы или нет! Слушайте, что это?

Приглушенные взрывы сотрясали гору.

— Они атакуют и в других долинах. Ты послал гонца? Еще нет? Скажи ему, чтобы он передал приказ готовиться к эвакуации. Да, к эвакуации! Пусть они пошлют несколько парней охранять проходы к другим деревням. При первом появлении неприятеля пусть они отходят к лесу бриннов и предупредят нас.

— Ты полагаешь, это действительно необходимо?

— Через несколько дней, Отсо, мы все будем в лесу, или в плену, или мертвы! Неталь, вне всякого сомнения,— живодер, но он не идиот, он понял, что для победы нужна масштабная война. Он так и сделает. Эй, там!

Снаряды падали прямо на линию обороны, и на этот раз были двое убитых и раненые. Теперь было видно, как осторожно продвигается вражеская пехота. Берандийцы были уже в пятистах метрах. Три солдата улеглись на землю и стали устанавливать сверкающую металлическую трубу на треногу.

— Пулемет?

Акки приник к биноклю.

— Нам не повезло. Нет, это тяжелый фульгуратор старого образца. Какая максимальная дальнобойность ваших луков?

— Четыреста шагов.

— У них, насколько я помню, триста — триста пятьдесят. Мне нужно кое-что немедленно предпринять. Отсо! Быстро мой большой фульгуратор!

На той стороне берандийцы прицеливались, поводя длинным стволом. Блеснул тонкий голубой луч, остановился на стене. Камни раскололись, стена развалилась на куски. Затем луч скользнул по вершинам утесов, и один из васков, по неосторожности поднявший голову, подпрыгнул и упал замертво. Акки настраивал свой аппарат.

— К счастью, я хороший стрелок, и мой фульгуратор намного лучше. Я попытаюсь их достать и взорвать магазин. Они могут не заметить короткой вспышки и подумают, что взорвался сам аппарат: это иногда случалось с первыми образцами.

Он долго целился и на какую-то долю секунды нажал на спуск — в долине ослепительно сверкнула молния.

— Попал! Теперь у нас есть небольшая передышка.

Словно опровергая его, в самую гущу укреплений упали три снаряда, а затем, поддерживаемые очередями автоматического оружия, берандийцы пошли в атаку. Акки положил руку на плечо Отсо.

— Подожди, пока они не подойдут на пятьсот метров!

Неприятельская пехота приблизилась под прикрытием завесы стрел второй и третьей линии наступления. Когда они подошли достаточно близко, Отсо отдал команду. Васки вышли из своих окопов. Стрелы пересекались, камни, выпущенные пращами, завывали и с громким стуком ударяли в щиты, если же камень попадал в человека, раздавался омерзительный глухой удар по живому телу.

Люди падали с одной и с другой стороны. Цепь берандийцев достигла основания первой стены и, раздавленная глыбами, сброшенными с утесов, отступила. Не вступая в рукопашный бой, неприятель откатился к равнине.

— Первая атака отбита. Подождем, что будет дальше,— сказал Акки.— Полагаю, они не станут ждать и начнут снова.

В бинокль он изучал долину.

— Там, за деревьями, полно людей. Их по меньшей мере от четырех до пяти тысяч.

Приглушенное восклицание заставило его обернуться. Отсо смотрел на поднимающееся над горами тяжелое облако дыма, серовато-розовое под косыми лучами солнца.

— Они подожгли Сар!

— Есть ли риск, что нас обойдут?

— Нет. Единственный путь, который ведет в Сар от моей деревни, пересекает очень узкий проход. Сарцы наверняка туда отступили и будут его защищать.

— Я боюсь, что скоро мы и сами будем вынуждены отступить.

Большой васк пожал плечами.

— Что ж, я это хорошо знаю!

— Не думаешь ли ты, что лучше отступать теперь, соблюдая порядок, чем потом, в панике?

— Да. Арамбуру!

Подбежал юноша.

— Беги в деревню и прикажи: эвакуация! Пусть женщины и дети немедленно уходят к лесу бриннов, вдоль плоскогорья и долины Эрреки.

Пусть также выпустят скот и гонят его в горы. Может быть, потом нам удастся собрать хоть часть животных.

Арамбуру повернулся к вождю — лицо его было белым.

— Итак, мы бежим?

— Смотри! Сар уже горит. Нас всего четыреста против более чем пяти тысяч! Что мы можем сделать?

Гонец исчез, неслышный, как тень. Такая походка могла быть только у горца.

— Смотри, они возвращаются, Отсо.

Берандийцы снова пошли в атаку. Они достигли первой стены, взорвали ее и оказались, как в ловушке, между обломками и второй стеной. Васки снова отбили атаку. Однако едва берандийцы отступили, обрушился новый залп. Вражеские артиллеристы нащупали нужное расстояние, и стены одна за другой превращались в кучи разбитого камня. Под звуки боевых труб хлынула третья волна атаки.

— Теперь моя очередь поиграть,— спокойно сказал Акки.

Он пустил в ход фульгуратор, испепеляя неприятельские линии одну за другой. Нападающие прилипли к земле, укрываясь, насколько возможно, за малейшей складкой. Васки завопили от радости.

Акки методично обстреливал гранатами естественные убежища противника. Гранатомет выплевывал их вверх, и эти маленькие черные шары четко вырисовывались на фоне бледного вечернего неба. Короткий сухой хлопок, фонтан из земли, камня и изувеченных тел каждый раз говорили о гибели одного или нескольких врагов.

Почти сразу последовал быстрый и мощный ответ. Снаряды начали сыпаться на скалистые выступы — Акки, Отсо и их товарищи едва успели спрыгнуть в укрытие в одну из расщелин. Оглушительный взрыв ознаменовал конец небольшого запаса гранат. Когда канонада замолкла, Акки осмотрелся. Похоже было, что уцелел только фульгуратор. Он притянул его к себе и стал на полной мощности обстреливать опушку леса, там где в сумерках вспышки огня выдавали местонахождение пушек. На таком большом расстоянии лучи фульгуратора теряли почти всю свою мощь, поэтому он даже не надеялся поразить цель. Два ужасных взрыва, столб дыма и огня, в котором, казалось, повисли вырванные с корнем деревья, его удивили. Это было прямое попадание.

— Вот и конец берандийской артиллерии на нашем участке, Отсо! У них остались только один или два пулемета, а у нас — мой тяжелый фульгуратор с заправкой примерно на десять минут боевой стрельбы. А кроме того, осталось мое легкое вооружение. Игра еще не проиграна.

— Что мы должны, по-твоему, делать?

— Задерживать их как можно дольше, чтобы дать возможность деревням отступить в страну бриннов. У меня, впрочем, впечатление, что наш прием их несколько охладил, и пройдет некоторое время до их следующего демарша,— добавил он, глядя на трупы перед укреплениями.

Раздался сигнал переговорного устройства, висевшего у Акки на ремне.

— Алло, Хассил! Это Акки. Что там у тебя?

— Ничего нового. Лес как лес. Гравилет оказался поврежден меньше, чем я думал, я его попытаюсь исправить и присоединюсь к вам. Через десять — пятнадцать дней, если все будет в порядке.

— Большой передатчик?

— Полностью уничтожен. Берандийский снаряд... Ничего не могу поделать. А что у тебя?

— Плохо. Очень плохо. Они атакуют превосходящими силами с

помощью артиллерии. Я уничтожил два орудия и один большой фульгуратор, но у меня впечатление, что в других долинах дела идут еще хуже. Я попросил эвакуировать деревни. Мы сделаем попытку соединиться с бриннами. Там, если условия позволят, а я думаю, что все будет хорошо, мы сможем продержаться до возвращения «Ульны». Я волнуюсь. Что с Анной, Бушераном и их людьми?

— Я не видел никаких следов.

— Держи меня в курсе. До скорого.

Смеркалось теперь очень быстро, и долина погрузилась в темноту, кроме тех мест, где еще горел подожженный взрывами снарядов лес.

— Этой же ночью, Отсо, мы без большого шума отступим, оставив в арьергарде несколько человек, которые соединятся с нами на рассвете в назначенном тобой месте. Маловероятно, что неприятель будет атаковать в темноте в незнакомой местности. Нужно, чтобы завтра, с восходом солнца, деревня была пуста, а все население — достаточно далеко. Мы будем следовать за ними и устраивать засады, чтобы задержать продвижение берандийцев.

— Впереди я вижу для васков грустные дни, Акки. Мы — мужчины... Но женщины и дети в лесу бриннов, в Безжалостном лесу! Когда мы доберемся до Трех озер, все будет хорошо, но отсюда до Трех озер...

— Чем раньше мы отойдем, тем лучше мы сохраним порядок в своих рядах, а само отступление не будет казаться катастрофой. Отдай приказ, Отсо!

В полной темноте, когда Лоона еще не взошла, васки молча начали отходить. Акки и Отсо образовали арьергард, неся фульгуратор, разобранный на две части, которые можно было быстро собрать. Через час поднялась луна, что сделало продвижение более легким. К полуночи они вышли на деревенскую площадь. Приближение отряда было немедленно замечено часовыми: это были два юных настороженных паренька, которые бдительно несли службу.

Повсюду шли поспешные сборы. Девушки, женщины и дети уносили в пещеры, в тайники, особенно тяжелые и громоздкие предметы, неудобные для переноски. Другие собирали самое необходимое. Стойла были уже пусты, животные отогнаны из деревни. Некоторые из них, встревоженные суматохой, упрямо возвращались на улицы, но мальчишки прогоняли их камнями. Прибывшие из других деревень мужчины предложили свою помощь. Многие уже занялись строительством укреплений на склонах. Акки и Отсо совещались с Роаном.

— Я уничтожил два орудия и фульгуратор, Роан. Как вы думаете, сколько их еще у берандийцев?

— Если память мне не изменяет, довольно давно во время осмотра арсенала я насчитал одиннадцать орудий. Все они небольшого калибра, примерно пятьдесят или шестьдесят миллиметров. Таким образом, осталось девять.

— А другое оружие?

— Было по крайней мере три фульгуратора, я думал, что они неисправные. Еще шесть пулеметов и около пятидесяти ружей.

— Какие боеприпасы?

— К сожалению, они в них не испытывают недостатка. Цель арсенала — производство боеприпасов, а станки, необходимые для их производства, были спасены. Даже при жизни герцога, самого миролюбивого из правителей, станки работали. Мы всегда опасались массового наступления бриннов, их ведь гораздо больше, чем нас.

— Итак, у них есть чем нас бить, нас и наших союзников. Из современного оружия у меня только мой тяжелый фульгуратор, два легких и несколько гранат. Надо уничтожить оружие берандийцев. Отсо, кто может проводить меня в Сар?

— Сарцы охраняют ущелье Урдайт. Но ты не пойдешь туда, пока не выспишься.

— Сейчас или никогда. Ночь еще долгая. Неприятель наверняка занял деревню. Победа может притупить их бдительность. Какая там местность? Есть ли поблизости нависающая скала?

— Да, но они, конечно, ее охраняют. Есть еще одна, недалеко от центральной площади.

— Великолепно. Организуй эвакуацию. Я сразу же отправляюсь.

Он ушел в ночь в сопровождении Икера и другого юноши, который нес фульгуратор. В ущелье Урдайт они встретили сарцев, мужчин, женщин и детей, строивших огромную и бесформенную баррикаду из каменных глыб и стволов деревьев. Акки попросил познакомить его с вождем.

— Я полагаю, бесполезно пытаться оказывать им серьезное сопротивление. Берандийцы взорвут ваши укрепления без большого труда, тогда будет слишком поздно даже для отступления. Лучше объединитесь с Отсо Иратзабалем и уходите на земли бриннов...

— Ты не знаешь Безжалостного леса, чужестранец. Женщины и дети умрут там.

— А здесь они не умрут? Самое позднее через месяц большой звездолет с людьми моей расы прибудет с оружием, питанием, лекарствами. Нужно продержаться до его прилета. Здесь же нет никакой надежды. В лесу, с помощью бриннов...

— Эх! Я все это хорошо знаю! Но оставлять свою родину? Это жестоко! Ты знаешь, что берандийцы сожгли Сар?

— Да, мы видели дым сегодня во второй половине дня. Это далеко отсюда?

— Три часа ходьбы. Зачем тебе?

— Я пойду туда и попробую уничтожить несколько их пушек. Вы можете дать мне проводников?

— Конечно! Так ты считаешь, это совершенно бесполезно? — он показал на баррикаду.

— Не совсем. Оставьте здесь несколько человек, которые будут держать оборону создавать видимость упорной защиты до последнего человека. Вся наша тактика заключается в том, чтобы задержать продвижение противника, теряя при этом как можно меньше бойцов, для того, чтобы слабые, женщины и дети, смогли достичь леса, не изнурив себя окончательно пешими переходами.

— Я понял. Ойямбид!

Подошел пожилой васк.

— Проводи чужестранца до Сара. Полагаю, вы хотите туда добраться так, чтобы вас не увидели? Идите по ручью.

Они поднялись на плотину, прошли по насыпи и спустились в долину. Проводник повел их вдоль скал, они проскальзывали в тени каменных глыб или деревьев, ползком пересекали открытые места, залитые лунным светом. В ночи далеко виднелись красные отблески, а свежий ветер иногда доносил горький запах пожарища. Они немного отдохнули в ложбине.

— У вас много потерь?

— Около пятидесяти мужчин пали во время сражения. Почти столько же женщин и детей погибли при бомбардировке деревни.

— А у них?

— Мы, наверное, убили около двадцати человек, пока они не применили свое адское оружие. Скажите, что вы намерены предпринять?

— Уничтожить их адское оружие, как вы говорите, с помощью еще более адского. А что, в Саре есть главная площадь?

— Да, в конце деревни, на севере.

— По-видимому, они там должны расположить свою артиллерию и, вне всякого сомнения, будут ее хорошо охранять. Можно к ним незаметно приблизиться хотя бы на пятьсот шагов?

Васк немного подумал:

— Да, через скалы.

— Пошли туда!

Они вновь осторожно двинулись вперед. Дважды васк уходил на разведку, второй раз он долго отсутствовал. Наконец вернулся бесшумно, словно тень.

— Там был часовой. Нужно идти быстрее, пока они не обнаружили труп.

Запах дыма стал теперь особенно сильным. Легкий синеватый туман заполнил долину. Васк указал на освещенный лунным светом прибрежный откос.

— Там был Сар. Выше и левее скала, на которую надо взобраться.

Они дошли туда через полчаса, несмотря на то, что им пришлось не раз прятаться в высокой траве. Ойямбид шел первым, затем Акки, за ним — оба носильщика. Когда они достигли вершины, проводник резко остановился и бесшумно припал к земле.

— Снова часовые,— прошептал он.— Я попытаюсь убрать одного пращей, но второй поднимет тревогу.

Акки снял с пояса один из легких фульгураторов.

— Вторым займусь я.

Два берандийца тихо переговаривались, посматривая вниз, в сторону деревни.

— Начинайте,— шепнул Акки.

Васк поднялся и крутанул пращу. Один из часовых упал с разбитой головой. Его приятель с удивлением обернулся — и мгновенно был сражен голубым лучом.

— Быстрее наверх!

Спокойно, но не теряя ни секунды, Акки собрал большой фульгуратор. Внизу под ним простирался сожженный Сар; дома выделялись черными обгоревшими пятнами или тенями, которые отбрасывали уцелевшие стены. Только два жилища, стоявшие несколько в стороне, были целы. На площади Акки сразу заметил зачехленные длинные стволы орудий. Их было два. Вокруг стояли палатки. Кое-где горели бивачные костры.

— Я вначале попробую уничтожить орудия, затем постараюсь проучить их как следует! Могу я сжечь оставшиеся дома, Ойямбид?

— Их вожди наверняка сейчас спят там. Сожги их!

— Хорошо! Будьте готовы к отходу.

Он лег на скалу и долго целился. Расстояние было около двухсот метров, значительно меньше радиуса досягаемости. Затем он отрегулировал максимальную интенсивность, посмотрел на площадь, подумал о людях, спокойно спавших в домах и в палатках, затем включил контакт.

Голубой луч, переходя от одной к другой поразил все палатки, которые разом вспыхнули. Послышались крики, но они сразу потонули в грохоте мощного взрыва, когда луч задел артиллерийские зарядные ящики. В

течение нескольких секунд продолжались взрывы, сопровождаемые зловещими и короткими чередующимися вспышками. В наступившей минутной тишине, пронизываемой мучительными криками раненых, послышалось, как хлопнула дверь. Тогда Акки направил луч в сторону домов.

Дома загорелись не сразу, затем вспыхнули кроны деревьев, осветив площадь пляшущим светом. Обезумевшие люди разбегались во все стороны, но тут же падали как подкошенные. Акки выключил контакт. В отблесках пожара он увидел улыбающиеся лица молодых васков и хищный оскал Ойямбида и подумал: чем они лучше берандийцев?

Точными движениями он разобрал большой фульгуратор.

— Хоп! Отступаем, я их не всех уничтожил!

Они торопились, пользуясь тенью, отбрасываемой скалами. Внизу, в опустошенной деревне, кто-то громким голосом отдавал приказания. Координатор узнал голос Неталя.

«Смотри-ка, и этот был там,— подумал он.— Жаль, что я его упустил».

Он хотел вернуться, чтобы покончить со всем этим одним последним ударом. Но облава на них уже началась, поэтому нужно было спасаться бегством.

«Ничего, я его достану позже,— думал Акки.— Интересно, что он думает теперь о приспособленности цивилизованных рас в борьбе за жизнь!»

Они продвигались вдоль сухого ложа ручья. Дважды мимо них просвистели стрелы, а один раз он вынужден был стрелять из фульгуратора в одного из слишком приблизившихся преследователей. Вскоре берандийцы, не зная местности, потеряли их, и они смогли замедлить шаг.

Рассвет застал их на вершине горы. Позади, черным пятном среди зеленых лугов, виднелось пепелище Сара. Справа, в конце головокружительного склона, — ущелье, перегороженное баррикадой. Оно казалось пустым. Перед ними, вдали, стояла деревня Отсо. Люди ее уже оставили, ни одной струйки дыма не поднималось над крышами. Слева, далеко за низкими склонами гор, вырисовывалась бесконечная зеленая стена, простиравшаяся до горизонта. Ойямбид показал рукой:

— Лес бриннов,— сказал он.— Безжалостный лес!

Глава V

БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ЛЕС

Отсо и тридцать человек из двух деревень — боевой арьергард — шли в течение всего дня, поднимались и спускались по склонам, стремясь к условленному месту. Большой васк с огромной радостью выслушал новости о подвигах координатора. В свою очередь он сказал:

— По твоему совету я послал гонцов во все долины, и большая их часть вернулась. До настоящего времени враг захватил только четыре селения. Основные их силы обогнули горы, чтобы атаковать бриннов. Все отступили, соблюдая порядок, к Трем озерам, где живет самое многочисленное племя. Однако переход по лесу...

— Ты не мог бы набросать мне карту?

— В общих чертах могу. Смотри, сейчас мы здесь, на северо-западном краю наших гор. Перед нами большое, поросшее травой плато, которое мы преодолеем пешком за один день, если берандийцев там еще нет! После крутого склона начинается лес. За пятнадцать дней, если нам повезет, мы выйдем к реке, построим плоты и сможем спуститься до Трех озер. Главное — добраться туда раньше противника. То, что ты мне рассказал о пребывании Неталя в Саре,— прекрасная весть! Берандийцам гораздо легче добраться до Трех озер через север, но они наверняка будут ждать своего герцога!

— Где сейчас твои люди?

— Примерно часов на десять опережают нас и в настоящее время пересекают плато. Сегодня вечером они должны будут разбить лагерь около одного небольшого озера.

— Ты обеспечил патрулирование и фланговое охранение?

Васк посмотрел на него с упреком.

— Я же не сумасшедший! Разумеется!

— Завтра утром я вас оставлю и попытаюсь добраться до леса раньше вас и, конечно, раньше берандийцев: я хочу, если повезет, найти гравилет Хассила.

— Один? Ты же не знаешь дороги!

— Мне проводник не нужен. Мне будет достаточно этого.

Он отцепил от пояса переговорное устройство, подержал его на вытянутой руке и медленно повернулся вокруг себя. На какое-то мгновение зажглась маленькая зеленая лампочка.

— Видишь, она загорается только тогда, когда я поворачиваюсь к гравилету.

— Замечательно. Но разве она тебе скажет, где тропы, где можно переходить реки вброд, где можно пройти по утесам.

— Да, ты прав.

— Поэтому я пойду с тобой.

— А твои люди? Ты что, оставишь их?

— Здесь Эррекальт, он меня заменит. Я искренне считаю, если ты встретишься со своим другом, у нас будет больше шансов на победу. У тебя в гравилете есть другое оружие?

— Гораздо больше, чем я взял.

— Итак, я иду с тобой. Я один из тех, кто бывал в этом лесу, и знаю не только тропы, ведущие к Трем озерам, но и те которые известны Эррекальту. Мы отправимся на рассвете.

Черная ночь превращалась в темно-синюю, когда они закончили приготовления. Акки нес легкий фульгуратор (второй и тяжелый он оставил Эррекальту), большой лук, колчан со стрелами и боевой топорик. Отсо кроме лука взял пращу, саблю и короткое копье.

После недолгого прощания они направились на запад. Шли весь день широким шагом. Сильный васк, природный горец, был хорошо натренирован, Акки тоже — благодаря школе координаторов. Плато понемногу спускалось, и, по мере того как они приближались к его краю, деревья стали перемежаться высокой травой.

Они только изредка видели животных, несмотря на то, что пересекали множество троп, которые были знакомы Отсо. Акки все время удивлял своего товарища точностью наблюдений.

— Тебе часто приходилось охотиться, Акки?

— Нет, кроме одного периода в моей жизни, четыре года тому назад, когда я жил пятнадцать ваших месяцев с дикими ир'хисами на планете Дзей, в другой галактике. Они еще в каменном веке, а я был кровным бра-

том Келои, одного из их воинов. Я многому научился.

— Теперь мы тоже братья по крови, Акки, и я надеюсь, что ты и от меня чему-нибудь научишься. Вот и склон.

Плато вдруг кончилось и, насколько хватало взгляда, вправо и влево обрывалось почти отвесно к лесу, находившемуся примерно на тысячу метров ниже. Сверху лес казался огромной зелено-красной массой, рассекаемой извилистыми линиями рек.

— Тропа уходит влево. Она довольно крутая, поэтому я пойду первым и покажу тебе ряд приемов.

Спуск действительно был трудным, и не один раз они были вынуждены использовать длинный кожаный ремень, который Отсо носил свернутым на поясе. С наступлением ночи они разожгли костер прямо на склоне и устроились на ночлег. Было свежо, сквозь покрытое облаками небо слабо сверкали звезды. Небольшой выступ защитил их от мелкого моросящего дождя, но даже для хорошо тренированных людей ночь была утомительной.

Как только рассвело, они продолжили спуск и незадолго до полудня дошли до подножия скалы. Сразу же за усыпанным обломками склоном начинался лес. Ближние деревья были до половины ствола засыпаны щебнем.

Опушка представляла собой непроходимые заросли из лиан и кустарников: им пришлось топором и саблей в течение нескольких часов прорубать проход к поляне.

Какое-то животное, похожее на лань, выскочило из чащи и упало, пораженное двумя стрелами, вонзившимися в его тело.

— Это же олень-прыгун! Молодая самка! Замечательно! — радостно воскликнул васк.— Тем более замечательно, что в лесах Берандии они предназначаются только к столу дворян. Ты сам увидишь, Акки. Их нет в наших горах.

Пока его друг свежевал оленя, координатор срубал колючие ветки и укреплял их в виде изгороди для временного пристанища.

— Хорошо, Акки. Видно, что ты знаком с жизнью дикарей! В этом лесу действительно есть опасные животные!

Жарко́е получилось на славу. Поев, они растянулись под небольшим навесом из широких плоских листьев, по которым вскоре застучали капли дождя.

— Дождь идет в низинах почти каждую ночь,— заметил васк.

Акки не ответил. Он достал передатчик и стал его настраивать.

— Алло! Хассил! Алло, Хассил!

— Алло, Акки. Я тебя великолепно слышу. Где ты? Какая обстановка?

Он быстро ему рассказал.

— Ну, а ты?

— Я перемотал одну из програвитационных групп, если это тебе что-либо говорит.

Акки присвистнул: это считалось сверхтонкой работой даже в хорошо оборудованной лаборатории.

— Ты надеешься на успех?

— Мне бы только взлететь и добраться до какого-нибудь места, где я смогу тебя найти, лишь бы не занесло слишком далеко. Итак, ты уже в лесу? Будь осторожен, есть несколько очень опасных видов животных. Два из них уже пытались попробовать меня на зуб.

— У меня с собой один фульгуратор. До скорого, Хассил. Конец передачи.

Они не стали выставлять часовых, надеясь, что изгородь из колючих ветвей помешает любому внезапному нападению, тем не менее спали с оружием наготове. Утром Отсо поджаривал на бездымном огне окорок оленя-прыгуна. Внезапно он резко поднялся.

— Ты слышал?

Акки прислушался. Где-то далеко, за лесным массивом шла активная стрельба.

— Берандийцы! Они атакуют твой народ!

— Нет, это не в той стороне. Может быть, Хассил?

— Он еще очень далеко! Мы бы не услышали!

— Значит, они наткнулись на бриннов или...

— Или на Бушерана, его людей и Анну,— закончил координатор.— Посмотрим! Как ты думаешь, до них очень далеко?

— Трудно сказать. Один или два часа ходьбы. Кто знает? Будем осторожны, тем более сейчас.

Они пошли туда, откуда слышались выстрелы. Лес — враг и друг одновременно — поглотил их. Они пробирались сквозь густой подлесок, между гигантскими деревьями.

Акки не успевал восхищаться пышными цветами, которые росли не на ветках, а между ними, в укромных углублениях, и давал себе слово вернуться за образцами для ботанического сада Дворца Миров на планете Рессан. Васк шел впереди, лук его был наготове, со стрелой на тетиве. Подлесок расступился, стала видна опушка. Они взошли на холм, поросший кустарником. Отсо замер. Прерывистый лай разорвал тишину.

— Собака,— прошептал он.— Нам нужно избавиться от нашего запаха.

Он достал из сумки маленькую коробочку, наполненную бледно-зеленой мазью с сильным запахом, они намазали руки и лица. Спустя несколько минут из кустарника с шумом выскочила собака. В растерянности, держа нос по ветру, она бросалась из стороны в сторону. Стрела васка пронзила ей горло, и она с хрипом рухнула.

— Идем!

Они проскользнули между деревьев словно тени, используя малейшее укрытие, и почти наткнулись на труп истощенного человека в лохмотьях. Рядом лежал сломанный лук.

— Один из людей Бушерана! Убит пулей в голову!

Они пошли дальше. Васк держал свой лук наготове, Акки сжимал в руке фульгуратор. Из подлеска до них донеслись голоса.

Деревья становились все реже, и вскоре посередине поляны они увидели человек двенадцать, окружавших лежавшего на земле связанного мужчину. Это был Бушеран. Акки искал глазами Анну и увидел ее — привязанную к дереву, с руками, подтянутыми выше головы. Рядом с ней была Клотиль; она казалась измученной, бесконечно усталой и отчаявшейся. Герцогиня, напротив, держала голову высоко и презрительно улыбалась.

Самый главный из берандийцев сильно ударил Бушерана ногой по ребрам.

— Ну что, Бушеран? Попался! Новый герцог будет доволен! Итак, гордый капитан, будем молчать?

Пленник сел и, подняв голову, плюнул в лицо тому, кто говорил. Град ударов обрушился на него, и он упал.

— Итак, поиграем в змею, которая плюется? Ты будешь плевать, но по-другому, когда свершится герцогский суд!

Отсо потихоньку потянул своего товарища назад.

— Скольких ты сможешь уничтожить своим оружием?

— Всех, но для этого нужно перейти на другое место. Отсюда лучи могут задеть девушек.

— Хорошо, действуй. Включай свой луч, когда я пущу свою первую стрелу. Я буду считать до двухсот, чтобы ты успел подготовиться.

Акки отступил метров на десять и начал обходить поляну. Он был почти на нужной позиции, когда один из мужчин отделился от группы и позвал:

— Ир-Хой! Ир-Хой! Куда пропала эта чертова собака?

— Она не потеряется, — крикнул их вожак.— Подберите этого и свяжите дам! Мы уходим!

— Ир-Хой!

Продолжая звать, берандиец подошел к месту, где прятался Отсо. Он вздрогнул от удивления и схватился за свой меч, но молниеносный удар сабли васка поверг его на землю.

Акки прыгнул через лианы. Он услышал приглушенный крик и обернулся. Анна его увидела. Потерянная таким образом секунда могла стать роковой. Берандийцы начали разбегаться. Он стал косить их, луч фульгуратора обугливал тела и рвал стволы деревьев. Вот рухнули трое, четверо, шесть, восемь человек. Один упал, сраженный стрелой васка. Вдруг голубой луч погас.

Акки выругался. Фульгуратор раньше никогда не отказывал, и нужно же было, чтобы это случилось именно сейчас. Он со злостью сунул его за пояс и поднял руку, чтобы снять лук. Что-то сильно кольнуло его, и он упал в кустарник от нестерпимой боли в боку. «Задет,— подумал он.— Это стрела!»

Он пополз, прячась за деревьями. Оперенный конец стрелы торчал у него в боку, однако он не чувствовал теплоты липкой крови. Акки осторожно ощупал стрелу пальцами и с облегчением перевел дух. Наконечник стрелы наткнулся на корпус передатчика и смял его. Он выдернул хрупкое древко стрелы из своей одежды.

Взяв в руки лук, он двинулся вперед. Поляна была пуста, лежали только полуобгоревшие трупы. Бушеран и все еще привязанные к деревьям девушки, похоже, были целы и невредимы. Никаких следов ни берандийцев, ни Отсо. Огонь зловеще потрескивал и пожирал низкие заросли. Нужно было действовать быстро. Акки размышлял:

«Мы слышали выстрелы, однако те, кто был здесь, имели только луки. Возможно, поблизости бродят и другие».

Словно в подтверждение, с востока донеслись выстрелы. Бушеран пытался выбраться из-под груды убитых. Там, где прятался васк, качнулись заросли. Стрела просвистела над лужайкой и воткнулась в дерево. При вспышке молнии Акки едва заметил в листве человеческое лицо и выстрелил. С протяжным криком лучник рухнул в траву, смяв завесу из листьев, которая его скрывала.

— Внимание, Отсо! Еще один успокоился!

— Прими поздравления, ты владеешь луком, как васк! Надо освободить пленников, пока другие не вернулись!

Они бросились: васк к Бушерану, Акки к девушкам. Анна с восторгом смотрела на него.

— Я тебе говорила, Клотиль, не нужно терять надежду, что он придет!

Координатор уже резал веревки. Анна растирала онемевшие запястья.

— Быстро, уходим! Сколько было берандийцев, когда вас захватили?

— Примерно сорок, из них семь с ружьями.

Подошел Бушеран:

— Спасибо, Акки, за меня и за них.

— Уходим,— оборвал васк.— Мы еще в опасности.

Они пошли на запад, в противоположную сторону от доносившихся выстрелов. Несмотря на усталость, девушки и капитан шли достаточно быстро. Лес был светлым, почти без кустов, и они шли между высокими, стройными и прямыми стволами деревьев, кроны которых располагались на высоте не менее двадцати метров.

— Это и есть Безжалостный лес, Отсо? Он бледнеет по сравнению со многими другими, которые я видел!

— Не торопись. Ты еще ничего не видел. Мы еще на высокогорье!

Вечером они решили, что оторвались от преследователей, если те и шли за ними. Беглецы устроили привал под огромным деревом, корни которого образовали вокруг ствола своего рода перегородки. Отсо и Акки воспользовались этим, чтобы с помощью широких листьев устроить небольшой навес на случай дождя.

Они съели остатки оленя-прыгуна, затем координатор развязал свой маленький непромокаемый санитарный пакет и оказал помощь Бушерану. Тот ужасно страдал от побоев, полученных во время пленения. Таблетка принесла ему облегчение. У Клотиль на левой ноге была жуткая рана, ссадины и нагноение. Все было промыто и дезинфицировано.

Акки вызвался первым стоять на часах. Он сидел на небольшом расстоянии от навеса из листьев линглана и подремывал, полагаясь на свой слух: если кто-то приблизится, он услышит. Дождь прекратился, ночь была непроглядная, лес неподвижен и молчалив. Акки вспомнил о другой ночи в миллионе световых лет отсюда, когда он вместе с Келоем, диким охотником, ожидал прибытия звездного корабля фроонов, незаконно выгружавшего колонистов. Ночь была такой же черной, такой же молчаливой до самого рассвета и до начала свирепой битвы...

Сейчас обстановка ему казалась неважной, почти безнадежной. Смогут ли они продержаться до возвращения «Ульны»? С одной стороны, отряды васков, побежденных, несмотря на свою храбрость, превосходящим оружием и лучшей организацией. Они в союзе с гуманоидами, о которых он ничего не знает, кроме того, что физически они похожи на иссов. С другой — несколько сотен тысяч берандийцев, имеющих настоящую армию, более современное оружие, а во главе — умного, безжалостного и чрезмерно честолюбивого человека. Как может изменить соотношение сил он, Акки, затерянный в лесу, с двумя мужчинами, двумя девушками и Хассилом, также затаившимся где-то со своим неисправным гравилетом? А между ними — Безжалостный лес.

В результате сомневаться не приходилось. С возвращением «Ульны», если координаторам не удастся исправить положение, Элькхан, командир звездного корабля, примет необходимые меры. Берандийцы будут уничтожены.

«Однако,— подумал Акки,— я бы этого не хотел. Среди них есть доброжелательные люди, даже если они в настоящее время не могут ничего сделать против своего герцога-узурпатора».

Он вспомнил молодых моряков, с которыми встретился в таверне,— из них могли бы получиться великолепные астронавты! Были также старый Роан, Бушеран и Анна...

Анна! Эта маленькая дикарка, дочь затерянной планеты, трагически погибавшей цивилизации,— она его очаровала! Она обладала необычным умом и, что случается еще реже, характером. Он представлял ее себе

такой, какой она могла бы быть, окончив один из университетов Новатерры или Рессана. Кем бы она могла стать? Конечно, не научным работником! Ее ум не был к этому готов, несмотря на то, что на Нерате благодаря урокам своего крестного она наверняка была среди наиболее просвещенных людей. Она, возможно, могла бы быть руководителем, где-нибудь среди управления Лигой, рядом со старым Асслемом, Теранкором — синзуном или Хорбу Клером — новатеррианцем, его кузеном.

В течение дня они бежали, спасались, и кроме нескольких слов он ничего не узнал об одиссее Анны и ее товарищей. У него еще будет время узнать об этом. Впереди было дней пятнадцать пути до встречи с Хассилом или, если они решат идти прямо к Трем озерам,— целая неделя.

Сзади них, вдалеке, послышалось протяжное жуткое рычание, пронзившее тишину. И, словно по этому сигналу, снова полил дождь как из ведра, поглощая шорохи падающих листьев. Отсо на ощупь подошел к Акки.

— Клаин охотится. Надо быть осторожным.

— Кто такой клаин?

— Я их никогда не видел, только слышал. Бринны говорили, что это огромный зверь, который видит в темноте.

— Он далеко?..

— Клаин в лесу как у себя дома, он редко заходит на высокогорья, где мы сейчас. Тем не менее надо быть осторожным.

— Какой толк от того, что ты убьешь одного, если один или несколько наших будут уже мертвы! Бринны их боятся больше чумы! Никто не может спорить за место вождя, если он к этому времени не убил одного из этих зверей! Обычно вожди бриннов умирают стариками! Я не мог бы назвать ни одного кандидата. И если сприели опасны, только когда на них нападают, то клаины очень агрессивны!

— Будь по твоему. Возвращайся и отдыхай. Моя очередь еще не кончилась.

— Нет, я останусь.

— Как хочешь.

Они сидели спина к спине, время от времени обмениваясь короткими фразами. Затем еще ближе, почти совсем рядом, вновь раздалось рычание.

— Он идет по нашим следам. Разбудим других и будем готовы ко всему!

— Как он может находить наши следы во время такого дождя?

— Я не знаю, но он их чует! Послушай!

Снова донеслось протяжное рычание, совсем рядом. Они услышали, как проснулся Бушеран, затем раздался беспокойный голос Клотиль.

— Что случилось?

— Ничего. Наверно, какой-то зверь охотится. Не беспокойся, Акки там!

Теперь это был голос Анны.

Акки в темноте улыбнулся. Послышались легкие шаги, и Бушеран наклонился к ним.

— Осторожно! Это клаин, самый опасный из хищников на Нерате!

— Я знаю,— сказал Отсо.— Акки, дай свой лук Бушерану. И держи наготове свое оружие. Внимание, вот он!

Какая-то темная тень двигалась в подлеске всего в нескольких десятках метров. Акки тихо поднялся, проверил регулировку своего фульгуратора: полная мощность! С тихим шорохом Бушеран и Отсо вынули из колчанов стрелы.

— Что там?— звонким голосом спросила Анна.

Словно черная молния, хищник бросился на них. Акки едва смог разглядеть его на фоне неба в разрыве облаков между двумя деревьями — упругое длинное тело пронеслось в нескольких метрах от земли. Тонкий синий луч неуверенно коснулся этой тени. Рычащий зверь с шумом повалился на землю. Клотиль закричала от ужаса, затем наступила тишина.

Дрожащими руками координатор сорвал с пояса электрический фонарик; мертвый зверь лежал на боку, очень похожий на помесь тигра и медведя. Огромная разинутая пасть с клыками длиной в десять сантиметров вгрызлась в ствол дерева. На боку, передних лапах и на спине были видны длинные черные вздувшиеся линии — след от фульгуратора.

— Анна! Клотиль!

— Я здесь! Клотиль тоже спасена, надеюсь.

Голос Анны был спокоен и только чуть дрожал. Они бросились к ней. Бушеран опустился на колени и приподнял голову сестры.

— Только в обмороке.

Действительно, Клотиль скоро пришла в себя и медленно поднялась.

— Какая я глупая! Упасть в обморок от страха! Плохая же я сестра гвардейского капитана, не правда ли? Но я так испугалась!

Они соорудили новую хижину из остатков старого навеса, затем стали рассматривать клаина. Две стрелы торчали из его туловища.

— Хороший выстрел, капитан,— сказал васк.— Ваша стрела попала точно в шею. Как вам удалось с такой точностью и так быстро прицелиться в темноте?

— Право, ваша стрела тоже не так далеко от уязвимого места! А ваша позиция была хуже моей. По правде говоря, я не целился, стрелял инстинктивно.

— Я тоже.

Васк рассмеялся.

— Если бы мне сказали два месяца тому назад, что я буду сражаться плечом к плечу с гвардейским капитаном берандийского герцога!

— Экс-капитаном, Отсо. У нас тоже есть храбрые ребята.

— Верю этому, но зачем вы с нами воюете?

— Мы бы не стали воевать, если бы не этот Неталь... Прежний герцог не хотел войны, и если бы он был жив...

— Старая история,— вмешался Акки.— Такая же старая и плачевная, как мир, повторение которой я видел на тридцати планетах! Иностранец отличается от вас, у него другие обычаи, и он очень быстро становится врагом. Но как только наступает общая опасность, различия стираются... на какое-то время. После все это вновь начинается, по крайней мере до тех пор, пока народы не согласятся с законами нашей Лиги. Но все это будет позже. А пока — нужно уцелеть!

Они вышли на рассвете, как следует отдохнув, несмотря на неспокойную ночь. Лес становился гуще, почва понижалась и делалась более влажной. Им приходилось обходить болота, где кучи листьев под действием бактерий превратились в черную отравленную грязь. Лианы вылезали из этих болотистых луж, взбирались на стволы, свисали словно сети, которые нужно было прорубать саблями или топорами.

— Сейчас ты увидишь настоящий Безжалостный лес, Акки,— сказал васк.— Прежде чем в него углубиться, нужно поохотиться и накоптить мяса, так как там дичь будет попадаться все реже.

— Хорошо. Я снова возьму свой лук. Пусть Бушеран и Клотиль идут

с тобой, Анна останется со мной, таким образом, каждая из групп будет иметь оружие. Здесь можно найти дерево, подходящее для изготовления луков?

— Ветки глии подойдут. Из них делают лучшие луки на планете,— сказал Бушеран.

— Я пойду на запад. Встретимся здесь на заходе солнца. Если берандийцы будут нас преследовать, идите в сторону Трех озер. Мы вас там найдем.

Они ушли. Акки пошел впереди с луком наготове. Анна шла за ним с фульгуратором в руках. Им пришлось долго искать, прежде чем они нашли дичь. Наконец встретилось небольшое стадо оленей-прыгунов более светлой масти, которые пасутся иногда по берегам болот. Акки подстрелил двух. Потребовалось больше часа, чтобы вырезать лучшие куски и увязать их для переноски. Анна, с оружием наготове, на этот раз шла впереди. Они возвращались к месту ночного привала.

Было еще довольно далеко, когда послышались взрывы. Акки бросил тушу оленя на землю.

— Наши друзья! На них напали!

Он закинул мясо на толстый древесный сук и сделал топором зарубку, чтобы потом было легче его найти. Выхватил у Анны фульгуратор и начал пробираться сквозь чащу. Дальняя перестрелка смолкла.

На условленном месте стоянки не было никого. Они подходили с осторожностью. Вскоре нашли первый труп берандийца: стрела с красным оперением, стрела Отсо, вонзилась ему в правый глаз. Акки искал следы пуль в стволах деревьев.

— Наши друзья были здесь. Они увидели берандийцев и первыми открыли стрельбу. С их стороны крови не видно, на этот раз им удалось ускользнуть. Пойдем дальше.

Они быстро обошли место боя. Еще трое убитых лежали на земле. С волнением они склонились над ними. Это снова были берандийцы, но на этот раз, хотя все стрелы были с красным оперением, было похоже, что стреляли с противоположных сторон.

— У Бушерана теперь есть лук. Ну да, он его взял, по всей вероятности, у первого найденного нами солдата. Около дерева, изрешеченного пулями, красное пятно крови. Один из наших ранен! Отсо, Бушеран или Клотиль? Пригнитесь!

Пули просвистели над их головами. Акки упал ничком и открыл огонь. В дыму обугленных деревьев он увидел ползущие тени.

— Анна, быстро отползите назад примерно на двести метров. Потом вы сможете не опасаясь бежать, стволы деревьев вас защитят. Я прикрою отход!

Сам он рванулся влево, туда, откуда можно было видеть, что происходит за завесой дыма. Ничего. Затем что-то зашевелилось позади куста, и он увидел ствол пулемета, медленно поворачивавшийся в его сторону. Он выстрелил, куст вспыхнул огнем. Берандиец выскочил и был им тут же сражен.

Приподнявшись на локтях, Акки осматривал лес. Насколько он мог разглядеть, никого из живых поблизости не осталось. Он оглянулся назад, но Анна исчезла. Тогда он резко выпрямился и побежал зигзагами. Просвистела пуля, он остановился за огромным деревом и провел лучом фульгуратора наудачу. Затем снова побежал. Немного погодя он догнал Анну.

Они шли долго, торопливо. Когда проходили мимо тайника с олениной, Акки взял несколько кусков самого сочного мяса. К ночи они вышли к какому-то болоту.

Двигаться дальше в темноте было совершенно невозможно. Два больших дерева стояли у самого края воды, развесив над маслянистой жижей длинные спутанные ветви.

— Ночь проведем здесь,— сказал Акки.— Это наша последняя надежда на спасение.

С помощью лиан Акки довольно легко забрался на дерево. В нескольких метрах от земли одна из толстых ветвей разделялась на три, образуя основу для пола и настила. Он быстро сплел из лиан нечто вроде гамака, опустился на землю и собрал несколько ветвей линглана.

— Вы сможете подняться, Анна?

Она повернулась к нему с улыбкой.

— Совсем маленькой я проводила всю жизнь на деревьях в Вермонте!

Действительно, она забралась наверх гораздо скорее его. Акки быстро развел огонь из хвороста.

— Вы не поднимете ко мне, Акки?

— Нужно подкоптить мясо, пока не испортилось.

— Тогда почему вы меня загнали наверх?

— Запах может привлечь хищников. А наверху вы в безопасности. Оставайтесь там!— скомандовал он, увидев, что она хочет спуститься.

Он нарезал мясо тонкими ломтями и соорудил импровизированную коптильню. Анна все же спустилась и села верхом на одну из нижних ветвей.

— Можно я останусь здесь, господин?— спросила она с видом притворной покорности.

— Если хотите. Поскольку вы не желаете спать, расскажите мне вашу одиссею.

— О! мне почти нечего рассказывать. Когда вы оставили нас, чтобы спасти крестного, мы пошли через лес. Нас в то время было шестеро. Мы услышали выстрелы, затем увидели ваш гравилет. Мы шли всю ночь и к утру оказались в глубине Безжалостного леса. Бушеран хотел просить убежища у васков, чтобы обеспечить мне безопасность. Но я воспротивилась, зная, что его гордость не вынесет подобного испытания, к тому же мне совсем не хотелось оказаться заложницей врагов Берандии.

— Но все-таки все обошлось хорошо. Могло быть гораздо хуже!

— Возможно. Как бы там ни было, я с этим не согласилась, и никто не оспаривал моих приказов. Я хотела объединиться с графом Роаном, тогда мы бы смогли найти помощь у верных вассалов моего крестного, иначе говоря, собрать армию против Неталя. Но очень скоро, по сведениям от изгнанников в лесах, я поняла, что это невозможно. Первой заботой Неталя было засадить в тюрьмы всех, кого он подозревал, что они остались верны мне. Мы также узнали, что было решено начать войну против васков и бриннов и собирается армия, которой еще никогда не видели в Берандии. Тогда я согласилась отправиться к горцам, где, как я знала, смогу встретить вас, но было уже слишком поздно. Берандийские передовые части уже подошли ко входам в долины. Тогда мы решили обойти горы, чтобы добраться до страны васков со стороны запада. Для этого нужно пройти через лес и прибрежные равнины, которые уже были во власти узурпатора.

Однажды мы встретились с его солдатами и потеряли двоих из трех наших стрелков. Мы едва спаслись, и с тех пор наша жизнь стала жизнью беглецов, без сна и отдыха. Своих лошадей мы давно обменяли у изгнанников на одежду и оружие. Приходилось все время идти, иногда бежать, прятаться, постоянно испытывая страх. Что до меня, я знала, что

есть приказ взять меня живой, не причинив вреда. Бушерана и лучников ожидала смерть, Клотиль — и того хуже.

Я не знаю, как мы выжили. Однажды мы были в течение трех дней без еды, прятались в кустарниках, в то время как разведчики Неталя прочесывали лес. Охотились на зверей, это и была наша единственная пища. Не осмеливались спать, только дремали по очереди. Однажды увидели ваш гравилет, пролетевший очень высоко над лесом. Это нам придало смелости: вы нас искали.

— Это был Хассил, Анна. Но, по правде говоря, мы даже и не искали. Шансы найти вас были очень слабые!

— Но нам это придало надежду. Мы прошли через северные гроты и приблизились к проходу, который вел к васкам. Затем услышали взрывы, а позднее увидели высокие столбы дыма над горами и поняли тогда, что война нас опередила! Поскольку бринны отказывались покинуть свои низовья, мы подумали, что васки отступили, и пошли в сторону земель бриннов. Именно тогда одна из групп берандийцев нас догнала. Остальное вы знаете. А вы, Акки?

— Хорошо. После того как мы расстались с вами, мы полетели в сторону гор. Я был счастлив: мне удалось помочь одному молодому васку, на которого напал хищник, и мы были очень хорошо приняты. Потом началась война. Хассила постигла неудача. Он был сбит. После нескольких неудачных стычек я решил добраться до Хассила и нашего сбитого гравилета: там ведь осталось в запасе много другого оружия! А по пути наши дороги пересеклись.

— Как вы думаете, Бушеран и Клотиль смогут выбраться из леса?

— С ними очень смелый человек, очень сильный и храбрый. Эти васки — прекрасный небольшой народ, несмотря на некоторые свои странные идеи. Да, я надеюсь на добрый исход. И еще надеюсь, что это будет последняя война на вашей планете, по крайней мере последняя война между расами.

— Вы за этим проследите, не так ли? — сказала Анна с иронией.

— Вы меня не понимаете или не хотите понять! Отсо и Бушеран созданы, чтобы понимать друг друга. Эти люди — прирожденные вожди, руководители, призванные играть ведущую роль в своем обществе. И, как вы сказали, я за этим прослежу. Садитесь, мясо готово, насколько мне удался этот кулинарный опыт. Прошу вас!

Он подал ей несколько кусочков мяса. Они молча ели, пили из походной фляжки Акки, очень пригодившейся в этих условиях, она очищала воду.

— Теперь спите. Я немного покараулю.

— А где вы будете спать?

— У нас широкий гамак на двоих. Но не бойтесь...

— А я ничего не боюсь. Только спрашиваю себя, вдруг неуместное рыцарство заставит вас провести ночь верхом на ветке! Доброй ночи, сеньор координатор галактики.

— Доброй ночи, герцогиня Берандии. Господи, Великий Тсо! Что вы сделали со своими волосами?

— Я их подстригла. В лесу с длинными волосами невозможно ни ползти, ни бегать. Вы только сейчас это заметили?

Она вытянулась, укрылась листьями линглана, оставив голову открытой. Взошла луна Нерата, она была рыжеватой, и в ее свете лицо Анны казалось бледным и осунувшимся.

«Как она исстрадалась,— подумал Акки.— Воспитанная в роскоши при дворе Берандии, а теперь брошенная в Безжалостный лес, полумерт-

вая от голода и бессонницы, но по-прежнему неукротимая».

— О чем вы думаете? — спросила Анна.— О том, как меня уберечь?

— Я думаю, что мне редко приходилось встречать таких смелых женщин, как вы.

— Ах! Смелость! Этот дешевый товар! Чего стоит смелость против вашего звездолета?

— Я полагал, что вы не считаете меня врагом после нашего полета на Лоону, Анна. Вы даже просили у меня кольцо в тот вечер, перед трагическим банкетом. Вы уже забыли?

— Нет, конечно. Как я могла это забыть, я — дважды обязанная вам своей свободой? А вы можете забыть, что вы координатор? Разрешить ситуацию в Берандии без слез? Мне кажется, их уже немало пролилось вместе с кровью!

— Это не ваша, не моя вина!

— Ваша ошибка — в равной мере моя, Акки. Ваша потому, что своим прибытием вы все ускорили. Моя потому, что я сплела своими собственными руками сеть, куда сама и попалась! Неталь лишь исполнял мои замыслы!

— По крайней мере, вы сумели отказаться от завоеваний. Я не знаю, что нам готовит будущее, но я вам обещаю: если окончательное решение заставит вас покинуть эту планету, я найду для вас и вашего народа еще более прекрасный мир, который станет вашим навсегда. Тот же самый закон, который вас изгоняет, вас и защитит.

— Это будет мир моих внуков, но никогда он не будет моим!

— У меня тоже нет родной планеты. У меня их сотни и ни одной. С тех пор как мне исполнилось восемь лет, я, наверное, не провел и трех лет на своей родной планете.

— Как же познать счастье, если нас вырывают с корнем?

— Разве счастье настолько важно? О! Я знаю! Вы думаете, что я говорю об этом на свой лад. Вы думаете, что я могу уехать на планету, на которой родился, когда мне захочется. Возможно. Однако Новатерра — моя родина больше, чем Элла, где я провел десять лет, или Арбор, где я тоже долго жил, или Дзем, где я был принят и встретил кровного брата, кто стал для меня настоящим братом и которого я, быть может, никогда не увижу. К чему столько других миров, где я терял дни моей жизни? Вы никогда — это понятно — не присутствовали на собрании Большого Совета Лиги. Раньше, во времена моего земного предка, там должен был присутствовать один делегат от каждой планеты. Теперь они столь многочисленны, что прилетают только по одному делегату от каждой конфедерации. Так вот, они собираются в огромном дворце, около шести тысяч посланцев от более чем пятидесяти тысяч цивилизаций. Даже если я всю свою жизнь проведу, перелетая с одной планеты на другую, я так и не смогу все посетить. Но в каком-то смысле все эти миры — тоже моя родина!

— Понимаю, Акки. Но я, я всегда знала только одну планету. И я, без сомнения, буду ее лишена за чужие грехи!

— Кто знает, что нас ждет впереди? Теперь спите. Завтрашний день будет тяжелым.

Он был адским. Болото мерцало в свете зари и справа, и слева, насколько хватало глаз.

Их сон нарушался мириадами насекомых и отдаленным ревом голодных хищников. Акки вызвал Хассила. Ремонт гравилета продвигался медленно. Индикатор направления показывал, что поврежденный

гравилет находился по другую сторону болота, и до него было еще далеко.

Они пошли на запад, пытаясь уйти от возможного преследования. Даже на большом расстоянии от болота почва была пористой и зыбкой, они дважды чуть не провалились. К середине дня они вспугнули в чаще сириеля, и Акки поразил его лучом фульгуратора. Только теперь он задумчиво посмотрел на свой фульгуратор. Заряд подходил к концу, и оставалось всего тридцать секунд, если использовать его на полную мощность. А идти становилось все труднее из-за мягкой, зыбкой почвы, в которой увязали ноги, и бесконечных насекомых, и лиан, которые нужно было рубить и рубить, чтобы сделать проход. Трижды они были вынуждены обходить заводи — коварные выбросы болота.

Даже к вечеру им не удалось найти подходящего убежища и пришлось остановиться на кочковатом холмике, едва покрытом колючим кустарником. Мясо оленя, хотя и подкопченное, пахло отвратительно. Похоже, что никаких животных вокруг болот не водилось, и нужно было на рассвете продираться сквозь непроходимый подлесок в надежде найти хоть каких-нибудь грызунов. Дни следовали за днями. Они страдали от голода, но не от жажды благодаря фляжке Акки. Затуманенные бессонницей, они продвигались словно в бреду. Потом Анну укусил ядовитый шмель, насекомое выделило анестезирующую слюну, и Анна не сразу заметила укус. А когда Акки оказал ей помощь, то щиколотка уже распухла и девушка не могла дальше идти. Из-за этого они потеряли три дня. И тогда Акки вызвал исса.

— Мы наверняка не сможем с тобой встретиться. Попытаемся найти реку. По словам Отсо, все они текут в сторону Трех озер. Мы будем ждать тебя там. Если ты не сможешь починить гравилет, тебе на помощь придут наши.

И наконец, они нашли реку, быструю и темную, которая пересекала болото, спускаясь с гор. Акки в течение целых четырех дней строил плот. Он очень ослаб, и работа лесоруба была ему не под силу. В конце концов плот был спущен на воду, и они поплыли по течению, слишком усталые и измученные, чтобы быть настороже. Тем не менее, прежде чем уснуть, Акки все же привязал Анну и себя к плоту.

Его разбудил сильный удар. Он сел, голова была еще затуманена. Стрела вонзилась в бревно плота, к стреле была привязана веревка, которая подтягивала их к берегу. Он схватился за оружие. С берега донесся крик:

— Не стреляй! Это я, Отсо!

Показался васк-гигант. Плот коснулся берега. Анна даже не проснулась.

— Бушеран?— спросил координатор.— И Клотиль?

— Бушеран чувствует себя хорошо. Его сестра...

Васк пожал могучими плечами.

— Погибла?

— Еще нет.

Акки отвязал Анну, поднял ее на руки и вынес на берег.

— Скорее, проводи меня!

Бушеран сидел у входа в хижину. Внутри на ложе из листьев лежала бледная Клотиль.

— Что с ней?

— Пуля в правом предплечье. Рана заражена. У нас не было дезинфицирующего средства, и мне пришлось ампутировать ей руку... Но заражение пошло выше и скоро...

Он зарыдал.

— И она сама хочет умереть! Это была самая красивая девушка в Берандии, после герцогини, а теперь...

Акки склонился к раненой.

— У меня есть чем нейтрализовать инфекцию. Что касается ее руки... Клотиль! Клотиль! Вы меня слышите?

Бесконечно усталые глаза... Веки немного приподнялись...

— Ах! Это вы, Акки? А что с Анной?

— Жива и здорова!

— Как хорошо. Для меня все кончено.

— Да нет же! У меня есть чем вас вылечить. Примите эту таблетку. Вот так!

— Но моя рука! Моя рука! Она же не вырастет!

— Конечно, вырастет, Клотиль! Когда война кончится, я вас отвезу на Новатерру, или Арбор, или на Эллу! У нас есть чудесные госпитали, где восстановят вашу руку. Посмотрите на мою левую руку. Однажды ее полностью оторвало взрывом. Нет ничего более легкого для тех, кто владеет знаниями пятидесяти тысяч миров!

— Это правда? Вы меня не обманываете, чтобы вселить надежду?

— Клянусь вам! Спите теперь. Завтра вы себя будете чувствовать лучше.

Девушка уснула с улыбкой. Он вышел. Снаружи его ждал Отсо.

— Какая удача, что я увидел плот. Еще несколько часов и было бы наверняка слишком поздно.

— Что будем теперь делать?— спросил Бушеран.

— Через пару дней Клотиль будет чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы мы смогли снова пуститься вниз по реке. Тем временем мы сможем лучше оборудовать наше судно.

— Это правда, Акки, что вы сказали Клотиль? Что ее рука вновь отрастет?

— Отрастет — это не то слово. Все гораздо сложнее, но результат будет тот же. Теоретически мы можем реконструировать человека полностью, имея лишь одну его клетку. Практически это не будет тот же человек, так как невозможно дать ему ту же индивидуальность, созданную не только его наследственностью, но и тем, что он сам узнал, прочувствовал, понял опытным путем. В том случае, если мозг не затронут, как в случае с вашей сестрой, ничего нет легче, чем осуществить регенерацию одной конечности. Я видел случаи более тяжелые.

— Вы боги, Акки!

— Самые бедные из богов! Какая-нибудь пуля в голову убьет меня не хуже, чем последнего берандийского лучника, и вчера, когда мы связывали плот,— действительно ли это было вчера?— я валился с ног от усталости, как и любой человек на моем месте! Нет, мы просто имеем наследие тысяч поколений людей; под людьми я также понимаю иссов и нас или любую другую разумную расу! Кто знает, какой вклад внесут эти бринны, которых вы, берандийцы, ненавидите?

— И к которым я направляюсь — я, Анна, герцогиня Берандии, иду просить убежища, после того как я хотела их уничтожить или, по меньшей мере, сломить! Любопытный оборот и достойное наказание моему тщеславию!

— Не нужно придавать этому такого значения. Я не знаю бриннов. Единственный, кто располагает какой-нибудь информацией о них,— это Отсо, и то информация недостаточна, как он сам мне говорил. Я думаю, что, как и у всех рас, у них есть свои достоинства и свои недостатки. Поэтому прошу вас позволить мне самому вступить с ними в контакт. У меня больше опыта, чем у любого из вас в этом деле.

Часть III

ДРУГИЕ

Глава I

НА ЗАРЕ МИРА

Плот медленно покинул ставшую ленивой реку и вышел в озеро. Оно было очень большим, спокойным. Вокруг, на высоких холмах, зеленели рощицы, между холмов виднелись поляны с цветами. У подножия одного из серых утесов поднимался столб дыма.

— Ты когда-нибудь здесь был, Отсо?

— Да, еще мальчишкой. Это озеро Тизилки-Ора-Орос. Этот дым из очага деревни, находящейся в укрытии Тукулу-Эран. Я знал вождя, но жив ли он еще?

— Ты полагаешь, твои люди уже прибыли?

— Сомневаюсь. Они должны были связать плоты и спуститься вниз по реке, гораздо ниже нас по течению.

— Попытаемся пристать к берегу.

— Незачем. Бринны должны нас встретить!

— Но я их не вижу!

— Они там, в высокой траве. Вот, смотри!

Длинная пирога тут же появилась из высокой болотной травы; в ней было с десяток гуманоидов, которых Акки внимательно рассматривал в бинокль. Относительно небольшого роста, они действительно внешне удивительно напоминали иссов. У них была светло-зеленая кожа, серебристо-белые волосы, узкие высоколобые лица.

Пирога быстро приближалась, один из «людей» выпрямился на носу, подняв руку. Ветер заглушал его голос.

— Что он сказал?— спросил Бушеран.

— Слишком далеко. К тому же я плохо знаю их язык,— ответил васк.

— Я могу вам перевести,— вмешался координатор.— Как и все известные существа с хлорогемоглобиновой кровью, люди с зеленой кровью обладают большой телепатической силой, и я «принял» его призыв. Он спрашивает, кто мы.

Во весь голос, чтобы было слышно всем, он ответил:

— Враги берандийцев, бежим от них. Вы уже встретили беженцев-васков?

Пирога описала ловкую кривую и пристроилась рядом с плотом. Гребцы бросили весла с геометрическими узорами и схватили странные дротики, наконечники которых, прозрачные и острые, очень походили на стеклянные. Они держали оружие наготове, но не угрожали. Тот, кто казался вождем, легко спрыгнул на плот и посмотрел на беглецов. Его светло-серые, широко расставленные глаза, спрятанные под ярко выраженными надбровными дугами, поочередно вглядывались в Отсо, Акки и Бушерана. Особый интерес вызвало у вождя их оружие.

— Хорошо,— наконец произнес он.— Это не оружие врагов. Нет, никто еще не прибыл. Похоже, васки покинули свои горы? Три озера принадлежат бриннам, но мы не сможем долго кормить два народа.

Он говорил гортанным языком, сильно отличающимся от свистящего языка иссов. Акки это почему-то неприятно поразило. Впрочем, а почему бы и нет? Разве внешнее сходство обязательно предопределяет и сходство языков?

— Берандийцы напали на васков,— сказал он, стараясь все передать мысленно.— Васки храбры, но малочисленны, к тому же их враги лучше вооружены. Они придут, чтобы на какое-то время укрыться у своих союзников и вместе оказать сопротивление и еще раз нанести поражение берандийцам.

Бринн какое-то время молчал.

— Васки — наши союзники. Они нам помогли во время шестилунной войны. Они могут прийти. Мы им в свою очередь поможем. Воины бриннов многочисленны, словно песчинки в реке, и у них нет чувства страха. Мы знали о том, что война была на высокогорье. Однако ты не васк, ни он, ни она и не та, у которой только одна рука!

Акки тут же пожалел об отсутствии Хассила, а главное — его гравилета. Было бы гораздо легче вступить в контакт с этими добрыми, но такими простыми людьми, если бы он вышел из блестящей летающей машины! А тут они прибыли на плоту, грязные беженцы, истощенные и оборванные. Положение было нелегким.

— Среди берандийцев были также противники этой войны. Они хотели бы тоже объединиться с бриннами, как это сделали васки.

Он обратил повелительный взгляд в сторону берандийцев.

— К сожалению,— продолжал он,— они оказались слабее. Им пришлось спасаться бегством, чтобы избежать гибели. Будут ли бринны великодушны и примут ли они этих незнакомых союзников? Тех, кто смог спастись, так как многие из них ждут смерти в тюрьмах Берандии или безо всякой надежды блуждают в лесах.

Бринн смотрел на трех берандийцев. Анна не отвела глаз, Бушеран не шевелился. Только Клотиль опустила глаза.

— Кто отнял у нее руку? Берандийцы?

— Да,— ответил Отсо на языке бриннов.

— Это хорошо. Теперь между ними и их врагами пролита кровь.

Он снова повернулся к координатору.

— А ты, кто ты, не васк и не берандиец?

«Этот черт мог бы стать замечательным антропологом,— подумал Акки.— От него невозможно укрыть расовые различия».

— Я прибыл с противоположной стороны небесного свода, из огромной конфедерации людей, подобных мне, таких, как ты, и еще многих других. Мы узнали, что на этой земле есть плохие люди, угнетающие бриннов, и мы прибыли — один человек, как я, и человек, как ты, на летающем корабле. Однако предатели-берандийцы повредили корабль, и теперь человек, подобный тебе, пытается его исправить, чтобы мы могли

обрушить огненный дождь на головы врагов. А я отправился с этим васком, чтобы помочь ему.

— Как ты можешь доказать, что говоришь правду?

— Мои спутники могут это подтвердить, они видели, когда я спускался с неба. Но лучше посмотри сам. Кто-либо из твоих воинов прячется там в траве?

— Да.

— Дай им знак, и пусть они отступят шагов на сто.

— Зачем?

— Чтобы я смог представить доказательство, о котором ты меня просишь, не убив твоих друзей.

Бринн немного подумал, потом выкрикнул приказ. Около дюжины воинов появилось из высокой травы. Акки вынул фульгуратор, проверил указатель зарядов, установил минимальную мощность и максимальную дальность, поднял руку. На расстоянии чуть больше двухсот метров трава вспыхнула от огня.

— Я не знаю, прибыл ли ты с неба, однако ты обладаешь такой силой, которой на этой земле не обладает никто. Великий вождь и люди, облеченные властью, решат. Идемте.

Они пересели в пирогу, и та быстро понеслась по озеру — гребцы были сильные и умелые. Отсо наклонился к Акки:

— Ты их понимаешь лучше меня. Спроси у них, великий вождь бриннов по-прежнему Техель-Ио-Эхан? Я был с ним раньше знаком.

Акки спросил.

— Да, Техель-Ио-Эхан все еще наш вождь.

— Это, без сомнения, облегчит первый контакт.

Нос лодки с шумом раздвинул болотную траву, и они высадились в маленькой укрытой бухточке, где многочисленные пироги покачивались на спокойной воде, привязанные к примитивным причалам. Незаметной тропой, змеившейся между кустов, они подошли к деревне. Около сотни хижин из бревен, ветвей и шкур прижимались к скале, словно к укрытию. На самом краю стояло здание из кирпича, рядом с которым находилась группа бриннов; из глиняной трубы шел густой дым.

Прибытие чужаков было замечено, хотя и не вызвало удивления. Их пригласили войти в хижину, которая была побольше других. Дверь ее представляла собой деревянную раму с резьбой в виде переплетений геометрических рисунков. Она открывалась в длинный темный коридор, за которым была еще одна дверь, и наконец, их провели в огромную пещеру. Она освещалась солнечным светом, падающим из естественного отверстия, расположенного под самым сводом. Здесь их ждала группа бриннов. У них была более светлая кожа, они сильно сутулились, и все говорило о том, что это — глубокие старики. На них были одежды из кожи с богатой вышивкой.

Сопровождающий бринн произнес несколько фраз, смысл которых Акки не уловил. Это его не удивило. Фразы были не ему предназначены, а во всех мирах и на всех планетах телепатическая передача могла быть принята только тем, кому она была адресована. Акки пожалел, что оставил свой усилитель в гравилете. Один из бриннов-стариков поднялся со своего деревянного кресла и подошел к Отсо.

— Привет сыну моего старого союзника,— произнес он медленно на языке васков, словно ему приходилось подыскивать слова полузабытого языка.— Добро пожаловать в страну бриннов, как это сделал твой предок. Пусть моя пища будет твоей пищей, моя дичь — твоей дичью, мое оружие — твоим оружием и твоя война — моей войной!

Он повернулся к Акки:

— Тебе тоже привет, метатель молний. Ты, как ты сам сказал, прибыл с другой стороны небосвода, чтобы оказать нам помощь. Пусть неудачи оставят тебя, чтобы твое оружие возвратилось к тебе и чтобы твое сердце познало покой. Я верю, что ты не с этой земли, так как ни берандийцы, ни васки не могут понять наш язык, не научившись ему!

Повернувшись к Анне, он продолжал на языке бриннов, попросив Акки переводить:

— Привет и тебе, та, которая должна была быть военачальницей моих врагов, если бы предательство не отняло у тебя твою власть...

Анна вздрогнула. Откуда он это знает?

— Ты себя спрашиваешь, каким образом я это знаю? Среди рабов, которые страдают под кнутом в твоей стране, есть люди из моего народа. Они добровольно смешались с опустившимися людьми тех краев, чтобы я, Техель-Ио-Эхан, знал о каждом шаге твоих людей, о каждом передвижении твоих воинов!

Приветствую тебя, капитан Бушеран! Ты часто был нашим врагом, но никогда не убивал ни женщин, ни детей, не добивал раненого воина. Дай Бог тебе силы еще долгое время пускать прямо в цель свои стрелы! Особенно,— добавил он,— когда они будут лететь рядом с моими.

Наконец, привет и тебе, раненая женщина из стана врагов, которая пришла искать помощи у моего народа. Пусть же проклятья всех богов падут на трусов, которые покалечили женщину! Руки их пусть отсохнут и пусть они умрут без потомства! Я, Техель-Ио-Эхан, обещаю тебе свое покровительство.

Он с достоинством сел на свое кресло и указал на свободные стулья.

— Ну что, Анна, что вы теперь думаете о «дикарях», которых вы так презираете? О! Я не сомневаюсь, и у них есть свои недостатки, и даже пороки, однако этот старый вождь мне нравится.

— Не знаю. Может быть, мы действительно были несправедливы по отношению к ним. А возможно, это просто уловка, и за этими высокопарными словами скрывается предательство.

— Могу вас уверить, что нет. Нас приняли как союзников, теперь все будет хорошо,— отрезал Отсо.— Бринн не отречется от своих слов, так же как васк.

Старый вождь молча слушал весь этот разговор.

— Зло недоверия невозможно быстро развеять,— сказал он на великолепном берандийском языке.

Анна снова вздрогнула.

— Когда твой отец был юным принцем, у него слугой был бринн. Я был этим бринном. Я прожил восемь лет в Берандии, изучая ваши сильные и слабые стороны,— продолжал он с улыбкой.— Потом я бежал, убил клаина, затем бросил вызов вождю племени и по закону как победитель клаина, встал во главе своего народа. У вас меня называли зеленым псом... Твой отец, наверное, сожалел о том, что меня не стало: я был его лучшим конюхом.

Акки наклонился к вождю бриннов:

— Поскольку вы знаете все, вы должны знать, что произошло у васков...

Бринн с гордостью выпрямился:

— Я не шпионю за своими союзниками! Все, что я знаю, ты только что рассказал Иеро-Эль-Туону. Да, действительно, нужно было много горя и слез, чтобы Отсо Иратзабаль оказался здесь как беженец, и весь его

народ сейчас направлялся к нам в поисках убежища. Объясни нам, мне и людям, облеченным властью, что же произошло?

— Это долгая история, вождь. Женщины наши устали, капитан Бушеран тоже. Не могли бы мы отдохнуть, а потом уж говорить?

Вождь громко назвал какое-то имя. Вбежала юная девушка. Гибкая и стройная, серебристые волосы свободно падали на ее плечи. Она напомнила Акки исских студенток, с которыми он был знаком в университете Эллы.

— Моя дочь Эе-Ио-Эхан позаботиться о них. Но возможно, ты тоже устал?

— Время не ждет. Враг приближается, я надеюсь, что скоро прибудут васки. Я сейчас все расскажу. Я уже сказал, это долгая история, которая может показаться вам невероятной. Там, наверху, по ту сторону небосвода, существуют миры, число их огромно. На этих планетах, освещенных звездами,— они же являются солнцами, такими, как и твое,— живут различные народы. Большая часть из них объединилась в федерацию, чтобы бороться против общего врага, который гасит их солнца. Одним из условий добровольного приема в эту федерацию является клятва не воевать народам и расам между собой. Поэтому мы пришли к мудрому решению: оставить только одну расу людей в каждом из миров. Однажды весьма осмотрительные великие вожди, которые руководят этой федерацией, узнали, что на твоей планете находятся два различных народа, твой и берандийцы, и что последние угнетают твою расу. Тогда они направили двух посланцев — меня и человека с другой планеты, человека, который такой же зеленый, как и ты, а я похож на берандийца, чтобы напомнить о Стальном законе и разрешить создавшуюся ситуацию. Вначале мы встретились с берандийцами, часть которых проявила к нам дружелюбие. Однако другая часть взбунтовалась под предводительством молодого честолюбца и прогнала тех, которые могли бы стать вашими друзьями. Я же отправился к васкам и узнал, что между ними и вами войны нет. Неприятель атаковал...

Он еще долго говорил, прилагая все свое умение, чтобы как можно лучше объяснить этому весьма сообразительному человеку, к сожалению лишенному научных знаний, цель Лиги человеческих миров и трудности, которые он встретил на Нерате. Самым неотложным теперь было отразить вражеское вторжение.

— Ты сказал, что на одной планете должна быть только одна человеческая раса? В таком случае мы и есть эта раса. Васки и берандийцы прибыли сюда совсем недавно. Однако мы бы не хотели, чтобы васки ушли. Они всегда были нашими верными союзниками.

— Все это, вождь, может быть решено позднее. Главная проблема — помешать берандийцам уничтожить васков, а также бриннов. Сколько у тебя людей?

— Если Техель-Ио-Эхан подаст боевой сигнал, поднимутся тридцать конфедераций!

— Сколько воинов в каждой конфедерации?

— В каждой — тридцать племен, примерно три раза по сто человек, способных носить оружие.

Акки быстро сосчитал в уме: получалось около 270 тысяч человек.

— Сколько времени потребуется, чтобы их собрать и подготовить к войне?

— Они уже готовы! Я не ожидал прямого нападения на васков, но уже в течение нескольких лун ждал нападения на нас. С того времени,

как берандийцы стали стягивать свои силы, я об этом знал, и наши воины приготовили свое оружие.

— Тем не менее Отсо мне сказал, что вы не придете им на помощь!

Старый вождь чисто по-человечески пожал плечами:

— Мы этого сделать не можем. Выйдя из леса на плоскогорье, мы все заболеем. Мы не можем жить там, где живут васки!

Акки посмотрел на него с удивлением. Впервые он столкнулся с разумной расой, которая зависела до такой степени от атмосферного давления или влажности воздуха. Он в свою очередь пожал плечами. Позднее будет время прояснить эту тайну.

— Каким оружием располагают твои воины?

Вождь жестом показал на стену грота, где висели большой деревянный лук и колчан с длинными стрелами. Координатор поднялся и осмотрел их. Лук был очень мощный. Он вытащил несколько стрел из колчана. Большая часть, с черным опереньем, имела кремниевые или обсидиановые наконечники, аналогичные тем, которые он видел на многих других планетах. Другие, с зеленым оперением — цвета крови, имели длинные, сильно заостренные наконечники, которые заставили его вздрогнуть: это были бесспорно капли закаленного стекла. Бринн, в свою очередь, поднялся, схватил одну из этих стрел и быстрым движением разбил самый кончик наконечника, который превратился в пыль и мириады тончайших иголок.

— Наконечники для войны,— объяснил он.— Они разбиваются в теле врага, и стеклянная пыль проникает в его кровь и поражает сердце.

Акки смотрел на него остолбенев. Первобытные люди каменного века знают свойства закаленного стекла и тайны кровообращения? Но, возможно, васки...

— Вы давно используете такие наконечники?

— Всегда. Они были завещаны народу бриннов Прародителем, богом О-Ктебо-Клайном.

— И вы их изготовляете?

— Пойдем, ты увидишь.

Он повел Акки из грота в сторону кирпичной постройки, расположенной на краю поселка. Акки размышлял на ходу. Сравнительная антропология являлась одним из главных предметов для будущих координаторов, а долгая дружба, связывавшая его с Хассилом, который был страстным археологом, как и другие члены его семьи, позволила ему узнать многие формы первобытных цивилизаций. Более того, он одно время жил среди племени людей каменного века. Значит, бринны обладали познаниями, которые совершенно не совпадали с нормальным развитием их цивилизации. Откуда они знали о кровообращении, или закаленном стекле, или кирпиче? Ибо здание, перед которым они остановились, было кирпичной печью для варки стекла.

Здесь работало около двадцати бриннов. Они извлекали стекло длинными трубками с металлическими наконечниками, и капли, падавшие с них, отвердевали и закаливались в наполненном маслом тазу. Несмотря на то что никто, казалось, не скрывал того, что делал, Акки не мог понять технологию всего процесса. Он не стал чрезмерно любопытствовать, зная, что если заслужит доверие бриннов, они наверняка раскроют свои технические секреты. Но еще больше его заинтересовали металлические наконечники. Он взял трубку, оставленную одним из рабочих, и тщательно ее осмотрел: наконечник, по всей видимости, был из вольфрама!

Они вернулись в пещеру, и в ту самую минуту, когда они в нее входили, появился гонец. Он сообщил, что сторожевой пост связался с пло-

тами васков, которые должны будут прибыть к середине завтрашнего дня.

Наступил вечер. Легкий туман поднимался над озером, скрывая противоположный берег. Акки внезапно почувствовал сильную усталость. Он извинился перед старым вождем и попросил показать предназначенное для них жилище. Это оказалась совсем новая хижина из деревянных рам, обтянутых шкурами. Перед низкой дверью его ожидал Отсо.

— Я думал, ты уже спишь.

— Немного подремал. Я очень беспокоюсь за свой народ. Первые плоты уже должны были быть здесь.

— Они прибудут завтра. Что делают Анна и другие?

— Отдыхают. Нам недавно принесли ужин. К счастью, мы можем есть почти все, что едят бринны.

Акки тоже сел. Под сводами пещер бринны, казалось, вели жизнь племен палеолита. Одни мужчины возвращались с охоты, другие обрабатывали кремний или полировали древки стрел. Между зажженными очагами бегали голышом прелестные дети. Мимо прошла очень миловидная, хорошенькая девушка, несмотря на зеленоватую кожу и острую грудь необычной формы. Дальше, на озере, полускрытая в тумане пирога увозила воинов, спешивших сменить дневной караул.

— При виде этой картины, Отсо, можно подумать, что присутствуешь на заре мироздания. Однако... Ты уже приезжал к бриннам и, возможно, сможешь мне кое-что объяснить. Здесь племя насчитывает по меньшей мере тысячу человек. Имеется по тридцать племен в каждой конфедерации и тридцать конфедераций. Каким образом весь этот народ, около девятисот тысяч человек, может жить охотой и рыбной ловлей?

— Но они живут не только за счет этого, Акки! Некоторые племена занимаются животноводством, другие сеют пшеницу.

— Ты в этом уверен?

— Ты только что ел хлеб, скорее галеты, которые его заменяют.

— Планета аномалий, Отсо! Земляне, вернувшиеся в фантастическое средневековье, кто-то стреляет из фульгураторов, другие живут наподобие древних горных пастухов; туземцы, которые находятся в основном на палеолитическом уровне, однако знакомы с земледелием и животноводством; они не знают металла, но имеют трубки из вольфрама, металла, самого трудного для обработки. Они изготовляют наконечники для стрел из специально закаленного стекла, имеют печи кирпичной кладки и знают о кровообращении! Антропологу от всего этого впору сойти с ума!

— О чем вы говорите?

— Ах! Вы проснулись, Анна? Недолго же вы спали. Мы говорили о бриннах, этих «дикарях», которые имеют, что любопытно, весьма обширные познания в некоторых областях! Скажите, встречали ли ваши навигаторы бриннов на других континентах?

— Нет. Но мы исследовали только побережья, и очень поверхностно! Тем не менее мы никогда не находили следов деятельности...— она немного поколебалась, затем закончила,— человека.

— А твои, Отсо?

— Тоже нет. Похоже, там нет людей, землян или других, кроме как на земле, где мы находимся. У нас есть небольшой пост на экваториальном континенте, где растут восхитительные плоды, однако там никогда не видели никого, кроме оронов.

— Все это очень странно. Когда Хассил прибудет сюда со своим гравилетом или лучше, когда «Ульна» вернется, нужно будет совершить несколько научных экспедиций. Я говорю об «Ульне», так как даже если

Хассилу удастся перегнать гравилет сюда, я сомневаюсь, что он сможет снова поднять его в воздух. Да, я подумал, пришло время узнать, нет ли новостей.

Он достал из кармана передатчик и послал вызов.

— Хассил! Хассил! Говорит Акки. Ты меня слышишь?

— ... десь Хасс... Слышу плохо... Попытайся выз... еще... дней. Где ты?

Акки осмотрел аппарат. Длинная зазубрина продавила металл на одной из сторон.

— Стрела берандийца! Но я же успешно пользовался им в лесу. Алло, Хассил! Я в районе Трех озер. С бриннами. С бриннами. С бриннами...

— Поня... рех озер... бринны. Завтра я попыт... попробовать. Рем... кончен, насколько было возможно. Бер... дийцев не видел.

— Приземляйся у центрального озера. Приземляйся у центрального озера. Приземляйся у центрального озера. Бринны живут в прибрежных деревнях возле скал!

— Понял... скал... До завтра.

Акки отер лоб.

— Я боялся, что передатчик выйдет из строя прежде, чем мы закончим разговор. Надеюсь, что Хассилу удалось справиться. Оружие на гравилете — наша последняя надежда победить берандийцев. Я не сомневаюсь ни в смелости бриннов, ни в твоей, Отсо. Но даже если то, о чем мне говорил Техель-Ио-Эхан, правда, даже если около трехсот тысяч бриннов смогут быть собраны, то как их накормить? Ведь интендантские службы бриннов не очень-то развиты! А у берандийцев остаются пушки, пулеметы и, по крайней мере, один большой фульгуратор.

Подошла группа девушек, они принесли большие деревянные подносы.

— Вот и наш обед,— сказал Отсо.— Разбудим Бушерана и Клотиль!

Глава II

КОСТИ НАШИХ ПРЕДКОВ

На следующее утро Акки разбудил сам вождь. Координатор с сожалением поднялся со своего устланного шкурами и сухой травой ложа. Усталость, накопившаяся за время перехода из Безжалостного леса, сковывала его мышцы.

— День уже давно настал, и один из часовых заметил в небе большую птицу. Не твоя ли это летающая лодка?

Акки бросился наружу. Очень далеко, низко над равниной можно было с трудом различить черное пытнышко.

— Ты видишь,— сказал бринн,— у птицы два неподвижных крыла.

— У меня не такое острое зрение!

Акки взял свой бинокль. Точно, это был гравилет. Его полет казался тяжелым, неуверенным. Акки достал передатчик.

— Хассил! Хассил! Мы ждем тебя.

— ... лышу плохо. Спасибо... ставь меня в покое. Очень занят... полетом. До скор...!

Аппарат теперь быстро увеличивался в размерах, и Акки смог заметить на фюзеляже огромное отверстие, пробитое берандийским снарядом. Вот он уже у них над головой и начал снижаться в сторону пологого луга перед деревней. Из-за того, что высота была не более ста метров, гравилет начал падать. В последнюю секунду он выровнялся и с усилием поднялся, направляясь в сторону озера.

— ... сделать! Противогравитационная группа... Попытаюсь выбросить оружие... озеро... грязь... мягчит удар...

— К черту оружие! Садись на озеро! Техаль, лодки, быстро!

Вождь отдал приказ, и двадцать бриннов побежали к причалам. Гравилет описывал в эту минуту круги, затем он стал планировать в сторону берега, теряя высоту. И когда он пролетал над болотом, большой тюк с глухим шумом упал в воду.

— Замечательно, Хассил! Садись теперь на озеро! На озеро!

Гравилет развернулся, набрал немного высоты и внезапно спикировал. Взметнулся огромный столб воды, который, казалось, застыл на какое-то мгновение, затем рассыпался дождем. Акки побежал и успел прыгнуть в одну из пирог.

— Быстрее, еще быстрее!

Хвост гравилета был еще над водой, когда на поверхности показалась голова исса. Акки вздохнул с облегчением. Но беспокойство охватило его вновь: тот, кто плыл, не походил на иссов, лучших в мире пловцов! Хассил казался усталым, он то погружался в воду, то снова выплывал.

— Он ранен! Быстрее!

Пирога, казалось, едва касалась воды. Акки нырнул, схватил исса за волосы. Мощные руки гребцов втащили их в лодку. Хассил какое-то время глубоко дышал, лежа на спине на дне пироги. Затем хитрая улыбка, присущая его расе, раздвинула губы исса.

— Вовремя! Не очень-то легко плыть с одной рукой и перебитой ногой!

— Но ведь теперь у нас больше нет биорегенератора!

— Как поступали мои и твои предки? Во всяком случае я выздоровлю. Самое неприятное — это отсутствие анестезирующих средств. Я боюсь бесполезных страданий. Тюк с оружием упал хорошо?

— Я не знаю. Пойду посмотрю. Сейчас самое главное — позаботиться о тебе...

— Самое главное сейчас — подобрать оружие!

Пирога коснулась земли, и бринны соорудили носилки из весел и сплетенной травы.

Акки уложил на них исса.

— Идите теперь за оружием, я подожду.

Подошел Отсо.

— Как он себя чувствует?— спросил васк.

— У него сломаны рука и нога.

— Его кости сильно отличаются от наших?

— Нет.

— Тогда позволь мне этим заняться. Я умею лечить переломы.

Акки позвал с десяток бриннов и направился к месту падения тюка. Груз опустился в ил, но его упаковка из пластика осталась целой. Они вытянули его из грязи и поволокли по твердой земле.

Координатор вскрыл тюк: в нем было три легких фульгуратора, несколько индивидуальных переговорных устройств, несколько гранат и один большой, тяжелый фульгуратор, к несчастью поврежденный. Было

также с десяток заряженных батарей для этого вида оружия.

Немного успокоенный, Акки поспешил в деревню. Когда он туда добрался, бринны опустили носилки с Хассилом перед хижиной, и Отсо сразу же принялся за дело. С помощью координатора, который быстро набросал схему скелета иссов, мало отличающегося от человеческого, он восстановил места переломов, и вскоре Хассил уже безмятежно отдыхал на меховом ложе.

— Я упаковал все, что смог собрать, Акки. Там должен быть тяжелый фульгуратор...

— Он неисправен, зато три легких и батареи в полном порядке. Мой же почти разряжен.

— «Ульна» не возвратится раньше чем через месяц. А я здесь лежу и ничем не могу тебе помочь! Расскажи, в каком мы сейчас положении?

Акки ему обо всем рассказал.

— Да, дела наши не блестящие! Но эти бринны очень меня занимают. В конце концов, через несколько дней меня можно будет вынести наружу, и я все увижу собственными глазами. Скажи мне, Акки, есть ли ороны в окрестностях Трех озер?

— Да, я полагаю. Почему ты спросил?

— Не мог бы ты убить одного или двух и попросить отпрепарировать их кости? Мне пришла одна мысль.

— В чем она заключается?

— Все животные на этой планете очень близки бриннам, не так ли?

— На экваториальном континенте имеется нечто вроде больших оронов, которые передвигаются по земле,— сказал Отсо.

— За неимением лучшего я удовлетворюсь местными, живущими на деревьях.

Анна ждала Акки под навесом в окружении десятка болтавших без умолку молодых бриннок.

— Не могли бы вы мне перевести, что они говорят?

Координатор улыбнулся:

— Они хотят знать, почему вы, будучи девушкой, носите одежду, а если вы замужем, то почему ходите с распущенными волосами?

— Скажите им, что у нас разные обычаи.

Бриннки немного пошептались. На этот раз Акки откровенно рассмеялся.

— Что случилось?

— Не знаю, должен ли я вам это переводить.

— Переведите!

— Ну что же, они сказали, что ваш народ — просто варвары, поскольку вы не знаете настоящих обычаев!

Анна, в свою очередь, рассмеялась:

— Что ж, я, наверное, этого заслужила! С тех пор как я здесь, с того момента, как этот старый вождь бриннов, который знает обо всем, что происходило в Берандии, и тем не менее принял меня с таким достоинством,— вы знаете, он заставил меня подумать о моем крестном отце! Я начала понимать вашу точку зрения. А сегодня утром Эе, дочь вождя, дала мне вот это.

Она показала тонко инкрустированный геометрическими фигурами браслет из кости на своей руке.

— В то же время они знают, что я готовила войну против них и хотела обратить их в рабство, прежде чем вы объяснили мое заблуждение. Может быть, они лучше нас?

— Не бросайтесь из одной крайности в другую, Анна, вас может постичь серьезное разочарование. В настоящее время нет хороших дикарей, живущих сами по себе, как нет и добрых цивилизованных людей. Если мы достаточно долго поживем среди них, вне всякого сомнения, мы сможем обнаружить их пороки!

— Возможно. Пока они готовят все для того, чтобы принять васков. Смотрите!

На небольшом расстоянии от главного убежища под скалами, на лугу, бринны строили длинные хижины из плетеного тростника, натянутого на каркасы из веток. На озере вереница пирог поднималась от нижнего берега.

— Они везут провизию,— мне об этом сказал Отсо.

— Я должен по этому поводу переговорить с вождем. Вы пойдете?

Старый бринн принял их с учтивостью, считая их равными себе, предоставив Анне одно из резных деревянных кресел, предназначенных советникам.

— Как ты хочешь поступить, чтобы накормить васков?— спросил координатор.

— Здесь останутся только воины. Женщины и дети васков вместе с нашими уйдут к побережью.

— Где ты предполагаешь попытаться остановить берандийцев?

— В большом ущелье, примерно на расстоянии одного дня пути вверх по течению от Верхнего озера. Там имеется узкий проход, который они должны преодолеть, чтобы проникнуть на нашу землю.

— А река?

— Как ты успел заметить, она пересекает горловину, где утесы нависают над потоком. Несколько человек с помощью больших каменных блоков остановят любой плот, который попытается проскочить.

— Знаешь ли ты, где сейчас враги?

Вождь взял за своим креслом небольшой кожаный сверток и развернул его. Анна вскрикнула от ужаса. Отрезанная окровавленная голова покатилась к ее ногам, голова берандийца.

— Мои разведчики вчера застали врасплох небольшую группу.

Наступило молчание. Анна его, наконец, нарушила.

— Я должна тебя поблагодарить, вождь, за прием, который ты оказал своему старому врагу.

— Безоружный враг — больше не враг. Как бы там ни было, твои люди должны расстаться с этим миром!

— Но Высший суд ничего об этом не сказал, благородный вождь.

— Тот, кто прибыл издалека, сказал: одна раса на одной планете.

— Но он не сказал, какая раса останется!

— Мы были здесь всегда, а твои предки недавно прибыли на звездных кораблях.

— В том месте, где мы высадились, бриннов не было. По какому праву вы хотите получить больше чем мы?

— По праву более древних на планете!

— Возможно, ороны были здесь раньше вас. Тогда этот мир принадлежит оронам? Я признаю, что мои предки вели себя плохо по отношению к вашим. Но этого больше не повторится. Мы тоже имеем права на эту землю. Не так ли, Акки?

Она повернулась к нему с почти умоляющим жестом.

— Я уже сказал, что решение еще не принято. Однако мало шансов, что оно будет для вас благоприятным. Если бринны смогут доказать,— а я полагаю, они легко это сделают,— что они были на Нерате до вас, они

здесь и останутся. Достаточно кое-каких раскопок в пещерах, несколько анализов с радиоактивным углеродом для определения эпохи...

— А как же васки, Акки?

— Они тоже должны будут уйти отсюда. На ту же планету, что и ваша, если вы договоритесь. В противном случае — на какую-нибудь другую.

— Но почему? Почему? Я готова признать, что мы ошиблись в отношении бриннов, надо было дать им право гражданства в Берандии...

— Нельзя так легко стереть несколько веков истории, Анна. Я верю, что вы действительно признаете свои ошибки. Я полагаю что Бушеран или ваш крестный, даже Клотиль, готовы признать бриннов равными себе. Тем не менее бóльшая часть вашего народа никогда этого не признает, а если признает, то только после большого кровопролития! Наш закон лучше, поверьте мне. Ах! Если бы браки были возможны между вашими двумя расами, вопрос можно было бы решить проще... Но это не тот случай.

— А если?.. Если после всего окажется, что бринны тоже не коренные жители? Если они также прибыли с другой планеты? Вы мне сказали что их цивилизация имеет анахроничные черты...

— В этом случае, возможно, все могло бы измениться. Но не думайте об этом.

Старый бринн поднялся.

— Завтра я вас отведу на то место, где находится доказательство, что моя раса связана с этой землей! И если я покажу вам их, согласишься ли ты, мой старый противник, с его решением?

Анна на минуту замолчала, затем, с вызовом произнесла:

— Да, в таком случае я соглашусь с его решением!

Первые беженцы-васки прибыли к полудню. Их заметили на заре в районе Нижнего озера. Семнадцать плотов несли около пятисот человек. Они были из Сара. Затем, после полудня, плоты следовали один за другим без перерыва, а к вечеру Акки, стоя на берегу озера вместе с Отсо, увидел, как тот прыгнул в пирогу и стал изо всех сил грести. Там, на грубом нагромождении бревен, стояла женщина и приветственно махала рукой. Пирога вскоре возвратилась, и в ней кроме васка были Арги и Роан.

— Где Анна?— с беспокойством выкрикнул старик, едва они приблизились к берегу.

— Жива и здорова!

— Тогда все в порядке.

Он спрыгнул на землю с легкостью, удивительной для человека его возраста. Акки не удержался от улыбки: очень уж велика была разница между графом Роанским, благородным эрудитом Берандии и этим оборванным варваром со щетинистой бородой!

— Что же, вот они, эти дикие бринны,— сказал он задумчиво, разглядывая стоявших рядом детей и женщин и нескольких воинов, которые окружали эту группу.— Я рад, что могу их видеть на их родной земле. Что вы думаете об этом, Акки?

— Вся моя подготовка координатора предостерегает от слишком быстрых оценок. Я полагаю, они настоящие люди.

— Да, я понимаю, Ах! Вот и Анна!

Она бросилась с рыданиями к нему в объятия:

— О! Крестный, извини меня за мою преступную беспечность! Расскажи, как умер мой отец?

— Извини меня и ты, что я сомневался в тебе! Ну, будет, будет тебе,

я полагаю, этот ужас многому научил всех нас. Что до меня, я только что пережил, несмотря на жуткие мгновения, самые прекрасные часы моей жизни!

— Это было тяжело?

— Да, и мне стыдно, что я снова радуюсь. Многие, увы, погибли! Это произошло в Безжалостном лесу, до того как мы добрались до реки. Ну а как ты, Анна?

— Это было также очень тяжело. И без Бушерана, затем Акки я, по всей вероятности, не смогла бы выдержать.

— А твои попутчики?

— Погибли, за исключением Клотиль и ее брата. Она потеряла руку, но Акки обещал, что ее можно восстановить вновь на одной из его планет.

— Бедная Клотиль, она так гордилась своей красотой! Да, нам еще предстоит много забот. Я очень боюсь...

— Чего? Будущее, возможно, не будет таким мрачным, как ты себе представляешь.

Они еще долго говорили, стоя на берегу. Васки выгружались теперь сотнями и за теми, кто прибыл первыми, или бриннами направлялись к длинным временным хижинам, где их ожидал сытный ужин и отдых. Вечерняя заря становилась все краснее, и солнце медленно пряталось за холмы.

В конце ужина гонец от Техеля-Ио-Эхана предупредил Анну и Акки, что вождь их ждет. Отправляясь к нему, они увидели, что на склоне у озера был приготовлен большой костер. Трава перед ним была скошена. Вождь сидел перед своей хижиной, его окружали советники в праздничных одеждах из разноцветных шкур, украшенных птичьими перьями.

— Сегодня вечером, когда взойдет Лоона, будут танцы. Отсо будет танцевать вместе с нами как наш союзник. Я бы хотел, чтобы и вы приняли участие, ты — как наш друг с той стороны небес, а ты, женщина,— как истинная герцогиня берандийцев. Это нужно, чтобы засвидетельствовать перед моим народом, что ты не лжешь, что твой народ, наконец, понял правду и весь ужас своего отношения к нам. Вы согласны?

— Да,— сказал координатор.

— А ты?

Анна минуту подумала:

— Значит, мы будем сражаться с моим народом?

— Разве среди твоего народа нет никого, кого бы ты ненавидела?

— Есть, конечно!

— Тогда танцуй так, чтобы твой танец был только против них. И только они будут сражены твоим танцем.

— Пусть будет так, я согласна!

— У нас женщина редко бывает вождем, но это случается. Эе поможет тебе переодеться. Пойдем же, небесный союзник.

Огни уже горели, когда Акки вышел их хижины, одетый в костюм воина бринна. Его кожа, подкрашенная в зеленый цвет соком одной из трав, была покрыта белыми штрихами, подчеркивавшими мощь его мускулов, а короткие штаны из кожи гиаинов, как и подобало великому вождю, были украшены зубами животных. «Были здесь,— подумал он — и зубы человека». В его волосы были воткнуты три зеленых пера, в руке он держал длинный дротик с треугольным обсидиановым наконечником. Это переодевание не смущало его: он давно привык к самым разным обычаям многих планет.

— Вы великолепны! Настоящий лесной человек. Ну, а я как выгляжу?

Акки обернулся. Анна стояла перед ним, смеясь от души. Кожа ее тоже была подкрашена зеленым тоном, обнаженное тело было настолько густо покрыто линиями и знаками, что она казалась одетой. Ее короткие рыжие волосы были покрыты лаком и причесаны в виде каски, а воткнутое сверху зеленое перо развевалось на ветру.

— Странно... однако соблазнительно,— произнес он наконец.

Вождь бриннов подошел к ним.

— Идемте, танец сейчас начнется. Наш друг васк уже там.

— Что мы должны делать, Акки?

— Повторять все за ними, находясь от них в трех шагах. Мы их союзники, их опора, но они играют первую роль. Главное,— добавил он, понизив голос,— что бы ни случилось, не смейтесь! Помните, все то, что мы вскоре увидим,— выше этикета двора Берандии!

Ночь наступила, и площадь была освещена только пламенем больших костров и сотнями факелов, которые держали женщины и дети бриннов. Акки вдруг вспомнил о Хассиле.

— Вождь нельзя ли принести сюда моего раненого друга? Он не сможет мне простить, если не увидит этой церемонии,— добавил он для Анны.

Техель отдал приказ, и четыре крепких женщины сразу вышли и быстро вернулись, неся исса на носилках. С ним шли Бушеран и Роан.

— Что подумает крестный?— шепнула Анна.

— Ничего не говорите. Он вас, возможно, не узнает. Я себя все время спрашиваю, где же мужчины?

Надвигаясь со стороны берега, раскаты тамтамов ответили ему. Гуськом в свете костров появились воины, длинная их колонна терялась в темноте. Ни слова не говоря, они построились в шесть концентрических кругов вокруг четырех вождей.

Техель-Ио-Эхан поднял обе руки. Все умолкли. Вождь закричал, и его крик, меняя тональность, зловеще отозвался над озером и долго еще звучал эхом среди скал. Наступила тишина. Снова раздался его крик. Затем воины внезапно подхватили его громогласным хором. Там, на востоке, горизонт засветился, и диск Лооны появился над холмами.

В это время вступили тамтамы, сначала приглушенно, затем все громче, с прерывистыми раскатами, которые то нарастали, то удалялись, и вновь нарастали... Воздух дрожал, сама земля дрожала. Сначала медленно, затем все быстрее воины молча пошли вокруг четырех вождей. Почти полная луна усиливала красный свет факелов и костров. Техель коротко вскрикнул. Танцоры резко остановились. Через проход в их круг ввели четырех человек, четырех берандийцев.

— Зачем они их привели? Я не знала, что есть пленные,— шепнула Анна.

— Я тоже не знал, но мне страшно... Их четверо, нас тоже четверо... Если бы я знал... Но узнать заранее было очень трудно.

Он с силой схватил Анну за руку.

— В любом случае сейчас уже слишком поздно! Если мы отступим, нас убьют. Так нужно, Анна, так нужно! Вы слышите меня?

— Да, но... Нет, я не смогу!

— Сделайте жест! Размах рукой! Если ваш берандиец сообразителен, он притворится мертвым и попробует попытать счастья!

Воины снова повернулись лицом в круг под приглушенный бой барабанов. Затем, сначала почти неслышно в первых рядах, потом постепенно усиливаясь, раздалось дикое, монотонное пение. Под гипнотический барабанный бой оно оглушало, мутило сознание. Техель тоже пел, поворачиваясь вокруг себя.

— Подражайте ему, Анна!

Второй ряд в свою очередь начал петь, но более быстро, чем первый, затем третий, четвертый и пятый, последний. В стороне, в полумраке, толпа колыхалась, образуя цепь, взяв друг друга под руки. Оцепенение переходило в экзальтацию.

«Боже,— подумал Акки,— эффект Пьессина!»

Он был так назван по имени исского психолога, который его изучал. У рас с сильными телепатическими возможностями, таких как сами иссы, а также похожих на них других человеческих сообществ, подобный вид коллективного, общего опьянения вызывался пением и ритмическими движениями, и это опьянение могло быть одухотворено, как в исских церемониях, но также могло пробудить жажду убийства, наподобие амока у земных малайцев.

Акки попытался бороться. Не принадлежа к хлорогемоглобиновым расам, он был менее восприимчив, но было уже слишком поздно. Бриннов было слишком много. Вопреки воле его рука сжала дротик, и волна ненависти поднялась в нем против этих четырех связанных пленников, которые тупо смотрели на происходящее сами охваченные бессильной злобой. Затем мысли покинули его. На какое-то мгновение он вновь увидел Анну, которую он не предупредил: она была мгновенно околдована, губы ее раздвинулись в хищном оскале. Позади нее огромный васк разразился свирепым смехом: наконец-то его ненависть к берандийцам будет удовлетворена! Один из бриннов зарычал, смысл его прерывистых слов до Акки не доходил, но он и не старался их понять. Теперь все кричали, он тоже вместе с другими, из толпы женщин поднимался долгий, меняющийся по тональности жалобный вопль. Позже он не мог восстановить, как все произошло. Он помнил, как Анна выдергивала свой дротик из тела пленника, на которое наступила обнаженной ногой, смутно помнил, как сам наносил удар за ударом.

Внезапно все кончилось. Он очнулся, стоя под луной, задыхаясь, пот струился по его телу. Их было четверо на огромной площади, четверо живых. Пыль почти впитала большие темные лужи.

Он содрогнулся, обозленный на бриннов, но больше на самого себя. Сидя на земле, Анна плакала, тупо глядя на свой окровавленный до половины древка дротик. Только Отсо, казалось, не был огорчен.

— Хороший был танец,— сказал старый бринн.— Мы победим!

Акки смотрел на него без страха. Он был нормальным продуктом своей цивилизации или дикости, как будет угодно. Тот же самый вождь, который только что убил или заставил убить четырех безоружных пленных, принял васков, как и было договорено, в качестве союзников. Он также принял берандийцев, благородных берандийцев, которые уничтожали или обращали в рабство его народ. Акки наклонился к Анне, поднял ее и стал утешать.

— Оставьте угрызения совести, вы не виноваты. Это моя ошибка. Я должен был предвидеть наличие эффекта Пьессина у бриннов. Вы были вне себя!

Разрыдавшись, она прижалась к его груди.

— Пойдем, Акки! Оставим это место!

Она увлекла его в сторону берега. На озере, освещенном поднявшейся луной, были легкие волны. Слабый бриз замирал в маленькой бухте. Они сели на выступ скалы.

— Завтра днем все это будет казаться тяжким сном. Забудьте это!

— Как я смогу забыть?

— Ну да! Эффект Пьессина не имеет длительного воздействия на

сознание. Через несколько дней это для вас будет только ужасным сном, который вам рассказали давным-давно, а совсем не тем, что вы сами пережили.

— Вы мне это обещаете?

— Конечно! Я много раз испытал этот эффект у иссов, правда, при менее ужасных обстоятельствах.

— Я вам верю, Акки! Вы настоящий ученый, вы столько знаете!

— Не больше, чем другие. Вы сами могли бы узнать очень многое, если бы случай позволил вам родиться в одном из наших миров. Я часто думаю...

— Говорите!

— Что же, я часто думаю, досадно, что все ваши достоинства растрачиваются на жалкие интриги затерянного мира, а вы, мне кажется, рождены для больших дел. Но еще не поздно, Анна. За несколько лет вы смогли бы наверстать упущенное. У нас на Новатерре имеются великолепные учебные заведения, где технические средства таковы, что одаренный человек вроде вас...

— А мой народ, Акки?

— Ах! Что значат несколько тысяч человек, которые, я должен это сказать, за исключением очень немногих, не показались мне особенно стоящими! Мы смогли бы... Мне осталось выполнить только это поручение, а потом меня ждет пост в центральной администрации или я могу стать преподавателем в одном из университетов.

— Что это, признание в любви?

— С того дня, как я вас увидел на вершине вашей башни... У меня нет большого опыта, Анна. Все время в перелетах с одной планеты на другую, заботясь о счастье других и никогда — о своем собственном. Наш рок — иногда приносить бедствие ради счастливого будущего.

— А если бы вы остались со мной, Акки? Если бы мы вместе повели берандийцев в будущее?

Он вздохнул:

— Увы, это невозможно! Даже если бы я перестал быть координатором, я должен служить Лиге человеческих миров, и Большой совет не согласится с тем, чтобы я себя посвятил такому небольшому народу! Я, своего рода, офицер, Анна. Ах! Если бы ваш народ был народом целой планеты. И даже... я все равно буду плохо ладить с вашими. Тем не менее, если бы это было возможно, я бы вам сказал, что никогда еще не встречал женщины, на которой я бы почел за счастье жениться.

— О! Акки, почему так случилось, что я — берандийка, герцогиня, а вы — координатор галактики? Почему?

— Вопрос не нов, это опять одна из старых трагедий, которые всегда существовали на всех планетах! Вернемся, Анна. Что бы ни случилось, сохраните вот это.

Он надел ей на палец свое кольцо координатора, на котором горела двойная бриллиантовая спираль — символ одной из галактик.

— Спираль, Анна,— символ Лиги миров, населенных людьми, наш знак координаторов, которых иногда называют также одинокими странниками!

На следующий день, изнуренные нервным потрясением, они долго спали, однако уже в десять часов утра Техель послал за ними.

— Идемте, я вам покажу доказательство, о котором вы просили.

Их ждала длинная пирога, где сидело двенадцать сильных бриннов. Они поплыли к Нижнему озеру. Вождь сидел на носу.

— Вы хорошо спали, Анна?

— Да. Все это мне кажется теперь сном, как вы и обещали. Все, кроме этого...

Она подставила кольцо под солнечные лучи, и оно засверкало.

— Без сомнения, это тоже может быть сном,— произнес он задумчиво.

Короткий приказ сорвался с губ старого бринна. Пирога повернула и вышла с глади озера в один из протоков, глубоко вдававшийся в глубь берегов. Достигнув узенькой речки с медленным течением, они продолжали подниматься по ней в течение нескольких часов. Никто не разговаривал, слышны были только прерывистое дыхание согнувшихся над веслами бриннов, шум воды, рассекаемой носом пироги, и, время от времени, протяжные унылые крики птиц кетенбур, сидящих на вершинах деревьев. Река теперь была зажата между высокими утесами, и, подняв глаза, Акки заметил прерывистые дымки костров, передававшие сигналы, и на фоне голубого неба головы воинов, следивших за их продвижением: посты бриннов.

Они подплыли к водопаду и вышли из пироги. Прибрежный склон вывел их через спутанный кустарник, который приходилось прорубать ударами сабель из твердого дерева, к большой осыпи: она поднималась, насколько хватало глаз, над рекой, соединяясь с отвесной скалистой линией. Затем они вновь спустились к реке, которая прорезала здесь в древних аллювиальных отложениях глубокое ущелье. Техель-Ио-Эхан спустился по крутой тропинке почти до быстро текущей реки. Здесь он показал на основание утеса, который поднимался прямо над их головами,— утеса из песчаника и конгломератов, где обкатанные голыши впаялись в скалу, и крикнул:

— Смотрите!

Акки осмотрел срез. Несмотря на то что он не был специалистом в геологии, его научная подготовка была достаточно высокой. Перед ним находилась залежь ископаемых громадной ценности. Сильно минерализованные скелеты, наполовину высвобожденные эрозией, ему не были знакомы. Однако он легко смог найти несколько грубых, высеченных из камня орудий, а немного дальше — разбитый череп. Многих его частей не хватало, тем не менее песчаник сохранил великолепный слепок. Это бесспорно был череп гуманоида, еще очень примитивного, с тяжелой нижней челюстью и низким лбом. Вождь с гордостью указал на него.

— Сколько времени понадобилось реке, чтобы переместить сверху весь этот песок? Видишь? Там, в самой земле нашего мира, уже находились кости наших предков!

Глава III

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

После пятнадцати дней битва достигла особого ожесточения в ущелье, ведущем в сторону бриннов. Медленно, но уверенно берандийцы оттесняли армию, скорее орду, бриннов и васков сначала от леса, затем с просторных саванн, где было первое столкновение, и до этого ущелья, где прежде протекала река. Здесь выгодные позиции и превосходящие

силы союзников уравновесили мощь вражеского оружия и организацию армии берандийцев.

Акки устроил свою штаб-квартиру в неглубокой пещере, в укрытии от вражеских пушек, которые иногда громыхали, перепахивая боевые позиции своими снарядами. Несколько раз берандийцы пытались форсировать проход, оставляя большое количество трупов между завалами из каменных глыб. Стрелы бриннов беспощадно били наповал. Из васков и наиболее дисциплинированных бриннов Акки создал ударный отряд, насчитывающий шестьсот человек, который еще не принимал участия в боях, кроме одного бесплодного рейда против артиллерии врага. Берандийцы, наученные сарским разгромом, тщательно ее охраняли.

Вначале потери бриннов были весьма тяжелыми, несмотря на то что воины располагались за линиями укреплений: их косили пулеметы или фульгураторы, а окопавшихся позади завалов из камней доставали снаряды. Теперь оба лагеря наблюдали друг за другом, и если в течение дня было относительно спокойно, то по ночам стороны производили разведку боем, прощупывая вражеские позиции.

С протяжным свистом три снаряда разорвались в лесу, позади ущелья. Акки пожал плечами.

— Три потерянных снаряда! К несчастью, они не испытывают в них недостатка.

— Вермонтский арсенал поставит столько, сколько будет необходимо,— ответил Бушеран.

— Я вспоминаю, что слышала от своего отца. Мы имеем достаточно боеприпасов, чтобы выдержать многолетнюю осаду,— вмешалась Анна.

Она носила на поясе один из трех легких фульгураторов, а за спиной — колчан, полный стрел. Ее было невозможно уговорить оставаться в тылу. Прекрасный стрелок из лука, она однажды оказала ценную помощь, когда одна из групп берандийцев на какое-то время прорвала линию обороны и почти достигла командного пункта.

— Наконец мы закрепились,— сказал Отсо.— Как ты думаешь, сможем мы продержаться, пока не вернется твой звездный корабль?

— Я на это надеюсь. А где Техель?

— Занят тем, что, как обычно, произносит речь перед своими дьяволами.

Бринны сражались как бешеные, однако они внезапно падали духом, и требовалось все красноречие старого вождя, чтобы удержать их на месте в этой позиционной войне, отличавшейся от их обычной тактики засад.

— У нас нет никаких сведений из Биаррица,— сказал васк.— Это меня беспокоит. В последнем донесении, однако, ничего не говорилось о вражеских атаках.

Биарриц был пиратским портом, которым владели васки, на Безумном море, достаточно далеко от Семи долин.

— Курьер опаздывает пока только на один день. Возможно, ему мешает встречный ветер...

Неистовый шквал разрывов прервал его слова. Они бросились к выходу из грота. В ущелье, на уровне передовых позиций, поднимались фонтаны земли. С биноклем у глаз Акки мог видеть, как бринны и васки по отработанной тактике отходили ползком в сторону тыла. С вражеской стороны, над заросшим травой пространством, которое разделяло позиции, не было никакого движения. Затем из-за рощи выдвинулась пестро окрашенная неопределенная масса.

— Клянусь Великим Мисликом, как сказал бы Хассил! Они вновь изобрели танки! Какие же моторы они используют?

Танк продвигался медленно, чуть быстрее, чем человек, идущий пешком. О его корпус тщетно разбивались стеклянные наконечники бриннов, а стрелы васков без пользы застревали в крепком деревянном панцире.

— На этот раз нам нужно будет вмешаться, Отсо. Собери людей. Анна, вы останетесь здесь!

Они бегом спустились по склону. Примитивная машина уже глубоко продвинулась в расположение союзников, выплевывая смертоносный голубой огонь фульгуратора. Бринны и васки спешно отходили, скрываясь в высокой траве.

— Стреляй только по моему сигналу, Отсо. Пусть твои люди будут наготове, чтобы закрыть прорыв в нашей обороне.

Волна нападавших берандийцев теперь приближалась, едва сдерживаемая стрелами с флангов. Акки полз, гигант васк находился в нескольких метрах справа. Они подползли достаточно близко.

— Давай, Отсо! — крикнул координатор.

Огонь двух легких фульгураторов сосредоточился на танке. Деревянная обшивка обуглилась, затем вспыхнула. Акки опустил голову, так как голубой луч шарил по верхушкам трав, но продолжал стрельбу. Вспыхнуло огромное ненасытное пламя, и от машины донесся душераздирающий вопль, который сразу же умолк. Две тени попытались скрыться в облаках дыма, но были остановлены меткими дротиками.

— Мы победили... на этот раз,— сказал Акки в гроте несколько минут спустя.— Но, несмотря на то что мы сумели вывести из строя один молнемет, у них они еще остались, а также пулеметы, и если они пойдут в атаку сразу несколькими танками... Я себя спрашиваю, что же они используют в качестве двигателей?

— Разве вы не узнали предсмертное ржание лошади? — спросил Бушеран.— По крайней мере, одна была в этой машине.

— Лошадь! Я об этом не подумал. Кто еще там? Может быть, гонец из Биаррица? Да нет! Клянусь предками, что это Этиарт собственной персоной! Что ты здесь делаешь?

— Я принес плохие новости, Отсо. Берандийский флот обогнул Грозовой мыс и вышел в Безумное море.

— А наши суда? Что с ними?

— Пошли ко дну, Отсо! Мы атаковали их вблизи Биаррица, но у них была пушка! Я один из немногих, кому удалось спастись. Я смог их опередить, срезав путь по отмели. Как я полагаю, они будут подниматься к северу и высадят войска около устья Элоры.

— Но... там же наши женщины и дети и женщины и дети бриннов!

— Отсо,— отрезал Акки,— бери с собой всех твоих васков, кроме ударного отряда, возьми побольше бриннов из резерва и немедленно спускайся по реке. Возьми также один из фульгураторов и попытайся остановить врага в болотах вблизи устья. Мы здесь продержимся. Будешь у Трех озер, загляни к Хассилу, скажи ему, чтобы он еще раз попытался добиться чуда с помощью наших малых передатчиков. Если он сможет связаться с «Ульной», все будет спасено!

Смешанная армия васков и бриннов отправилась в путь едва наступила ночь. Сначала — несколько километров пешком, затем — на лодках. Акки надеялся, что это перемещение войск пройдет незамеченным для врагов и они не будут знать об ослаблении его резервов. Часть ночи он провел, совещаясь с вождями бриннов, Анной, Бушераном и васком, заменившим Отсо во главе ударной группы.

— Ожидаю, что скоро начнется массированный штурм. Они поста-

раются прорвать наши позиции и, по крайней мере, удержать здесь как можно большее число воинов. Враг рассчитывает напасть на нас с тыла, высадившись в устье реки, но наверняка не знает, что наши воины уже в пути. Мы должны держаться как можно дольше, но без излишней бравады. Победа будет за нами, как только вернется «Ульна»: самое позднее через две недели. Если бы не женщины, дети и продовольствие, я немедленно отдал бы приказ рассеяться в Безжалостном лесу. Нам необходимо продержаться в течение пятнадцати дней и остаться в живых до возвращения моего корабля. Вы поняли: сражаться нужно жестко, но без бесполезного и безнадежного героизма.

— Тогда, возможно, придется сдать проход? — спросил Бушеран.— Ладно. Я понимаю.

— А как же наши женщины? — спросил Техель.

— Надеюсь, что мы сможем сопротивляться достаточно долго, чтобы эта проблема не возникла. Если же враг прорвется, мы, конечно, не побежим, а будем атаковать его на всех переходах к озеру и устью реки. Я повторяю: главное — выиграть время.

— А если «Ульна» не вернется? — тихо спросила Анна.

— Это почти невероятно. Но в этом случае...

Пять последующих дней были относительно спокойными. В одну из ночей два васка проскользнули на вражеские позиции и донесли, что берандийцы построили новые танки, но не смогли уточнить их количество. Акки приказал изготовить простые, но достаточно эффективные зажигательные средства с помощью одного из видов черной смолы, очень клейкой и легко воспламеняющейся, которую бринны добывали из аглинного дерева.

Утро шестого дня прошло также спокойно, однако к полудню была замечена усиленная активность врага, а спустя немного времени началась артподготовка. Несколько орудий, которыми располагали берандийцы, методично обстреливали позиции. Огневой вал, несмотря на то что был не слишком силен, тем не менее произвел впечатление на бриннов. К вечеру началось наступление.

Впереди — с дюжину деревянных танков, на которых находились лучшие стрелки из лука и ружей для их защиты. Это было странное зрелище: нелепые сооружения с трудом продвигались, запутываясь в высокой сухой траве. Вокруг их бойниц щетинились стрелы бриннов и васков. Танки без потерь достигли первых траншей, где уже никого не было. Акки смотрел на них в бинокль, Анна была рядом с ним. Прячась позади своих машин, берандийцы продвигались цепями, сметая небольшие изолированные группы защитников, не сумевших вовремя отступить. Иногда между разрывами снарядов вопли или душераздирающие крики говорили о гибели живого существа — человека или бринна. Но мало-помалу в темноте надвигающихся сумерек огонь берандийцев становился менее уверенным, и вскоре три высоких огненных столба поднялись к облачному небу и атака захлебнулась.

— Они захватили триста метров,— сказал Бушеран.

— Но они еще не в узкой части прохода. Именно там мы их ждем. Какие потери?

— Я не знаю, сколько у них. Возможно, человек двадцать убитых или раненых. У нас три васка и одиннадцать бриннов убиты, семь васков и сорок бриннов ранены.

— Совсем небольшое сражение,— с иронией сказал координатор.— Всего каких-нибудь два десятка несчастных парней убито и втрое больше изувечено! А я-то сюда прибыл, чтобы помешать этой войне! Да! Старые

иссы, основатели Лиги человеческих миров, были правы, говоря, что посредники всегда кончают тем, что начинают воевать с обеими сторонами сразу!

— Нужно ли нам под покровом ночи атаковать?

— Зачем? Чтобы вновь овладеть тремя сотнями метров, которые мы снова потеряем завтра утром? Нам нужны все наши силы. Как я уже об этом говорил, мы их будем ждать гораздо дальше.

День занимался там, где ночь застала врагов. Берандийцы не сразу двинулись вперед, только спустя три часа после восхода солнца, и с ними четыре новых танка в качестве подкрепления. Началась атака. Ценой незначительных потерь они сумели к концу дня добраться до самой теснины. Шириной около ста метров и длиной в шестьсот, она лежала между высокими отвесными скалами, и лишь в середине, где овраги с крутыми склонами размыли песчаник, можно было как с одной, так и с другой стороны по крутым склонам подняться к плоскогорью.

— Вот здесь и должна произойти решительная битва, Анна,— сказал Акки.— Чем она кончится, я не знаю, но с помощью бриннов и васков сделаю все, чтобы она была победной для нас или, по крайней мере, не до конца проигранной. Если нас отбросят, поднимайтесь по правому оврагу к лесу. Я с маленькой группой пойду за вами. В любом случае я надеюсь, что завтра вы будете в безопасности. Вы меня поняли?

— А вы сами, где вы останетесь?

— Что касается меня, то тут все по-другому. Бринны и васки доверили мне командование...

— А я представляю Берандию, настоящую! Нас здесь только двое, и наше место...

— Я не сомневаюсь в вашей смелости, но на этот раз мы наверняка сойдемся в рукопашной схватке, и у вас не будет никакого шанса. Это приказ, я надеюсь, он будет выполнен. И к тому же... к тому же я буду спокойнее руководить боем, если буду знать, что вы отсюда далеко. Вы мне обещаете?

— Хорошо. Но если дело обернется плохо, я вернусь, чтобы разделить вашу участь.

— Оставайтесь свободной, чтобы попытаться нам помочь! А также, чтобы вести ваш народ! Что ж, завтрашний день даст ответ. Теперь идите спать. Что бы ни случилось, вам понадобятся все ваши силы.

К большой радости Акки, берандийцы на этот раз атаковали до рассвета. В неясном свете звезд двинулись скрипевшие новым деревом танки, за ними — в нескольких метрах — множество воинов, первые ряды которых несли широкие щиты. Вскоре три танка загорелись, вырывая из темноты три круга пляшущего огня, вокруг которых метались тени убивавших друг друга людей. Пока сотня принесенных в жертву бриннов сражалась насмерть, стараясь изо всех сил задержать продвижение врага, основные силы союзников отступали в глубину ущелья. С наступлением тусклого и пасмурного дня берандийцы продвинулись только на какую-то сотню метров.

Не считая неподвижных и уродливых остовов сгоревших деревянных танков, поле битвы казалось опустевшим. Еле слышный то тут, то там шелест высокой зеленой травы обозначал передвижение гонцов, стремившихся связать один отряд с другим. Начался дождь, сначала мелкий, затем проливной. Акки с огорчением махнул рукой: теперь будет труднее поджигать танки. А с другой стороны...

— Внимание, они атакуют! — крикнул Бушеран.

— Действуйте! Вы хорошо поняли план операции? Я не знаю, бу-

дем ли мы живы сегодня вечером, однако в любом случае я счастлив был познакомиться, Хуго. Если меня убьют, у вас имеется запечатанная копия моего рапорта. Вы ее передадите Хассилу или командиру «Ульны».

— Если же погибну я, приглядите за Анной!

— Вы ее любите, Бушеран?

— Да, и уже давно...

— Я тоже. В таком случае будьте спокойны.

— До свидания!

Капитан исчез под дождем. Там, между утесами, начали падать снаряды. Танки продвигались. Акки посмотрел на них с усмешкой: через несколько минут их ожидает сюрприз.

Теперь за своими танками пошла берандийская пехота. Показалась высокая тень, указывающая рукой с блеснувшим в ней мечом на теснину. Акки направил бинокль на нее. Несмотря на завесу дождя, он разглядел, что это был, вне всякого сомнения, Неталь, в шлеме и нагрудных доспехах.

Координатор стал методично вооружаться: фульгуратор — за пояс, колчан — за спину, лук — через плечо, а в руки — боевой топор васков с длинным, окованным железом топорищем. Он перебросил его с одной руки на другую, чтобы найти наилучшую точку равновесия. Затем, повернувшись к своей небольшой личной охране, сказал:

— Жребий брошен, друзья. Мы здесь ничего не можем сделать. Вперед! Ты, Берандриаран, возьми четырех человек и уведи герцогиню в надежное место по правому проходу ущелья. Свяжешь ее, если будет нужно!

— Я вам этого никогда не прощу, Акки, никогда! — закричала она, когда васки повели ее за собой.

Акки пожал плечами и вышел из грота. Дождь обрушился на его спину словно холодная мантия. Прежде чем спуститься со склона, он посмотрел вокруг последним взглядом. Казалось, все шло хорошо. Бринны шаг за шагом отступали, а танки подошли теперь к середине ущелья.

Они теперь двигались, не соблюдая равнения, обходя целый ряд глубоких канав, вырытых прошлой ночью в высокой траве, чуть ниже выхода боковых оврагов. Забившись в окопы, все ожидали подхода свежих сил, среди которых — атакующая группа. Акки со своей охраной спустился в траншею в тот самый момент, когда шквал огня обрушился всего в нескольких десятках метров от них. Линия огня приближалась, и если бы дождь не продолжал лить мощными струями, был бы слышен свист пуль, пролетавших над ними, чтобы затеряться вдали.

Постепенно битва сместилась к ущелью. Танки наконец прорвали позиции бриннов и подошли прямо к теснине. Дождь кончился, и бледное солнце торопилось пробиться сквозь быстрые облака, заставляя сверкать мокрые спины деревянных чудовищ. Внезапно один из наиболее продвинувшихся танков спикировал носом в глубокий ров. Тогда, по сигналу Акки, один из бриннов приложил к губам военную трубу, и заунывный крик ночной птицы прокатился в утесах.

Позади танков зашевелилась высокая трава. Ручные лебедки, спрятанные около стены, подняли из узкой канавы, замаскированной дерном, гибкую сеть из лиан. Танки нелепо маневрировали, пытаясь уйти из западни. И в этот момент с громовыми раскатами огромные округлые каменные глыбы покатились по склонам и обрушились на деревянную броню, разбивая ее с одного удара. Одновременно бринны и васки выскочили из траншей, где они выжидали, с бомбами из горящей смолы в руках.

— Теперь дело за нами! — крикнул Акки.

Они рванись вперед. С вершин скал на берандийцев, заметавшихся в панике, сыпался град стрел. Напрасно громкий голос Неталя пытался их собрать. Бóльшая часть танков теперь горела, а вместе с ними оставшиеся фульгураторы и пулеметы. Едва Акки поджег еще один, как на его плечо опустилась рука; он обернулся и увидел окровавленное лицо Бушерана — широкий шрам рассекал его левую щеку.

— Получилось, Акки! Мы их бьем!

— Надеюсь на это. Однако до тех пор пока жив Неталь, еще не все кончено.

Он выпрямился во весь свой рост и издал боевой клич — дикий, хриплый крик, который восходил сквозь годы к тому времени, когда его предки жили только на двух планетах, крик, который удивил и испугал его самого. С фульгуратором в одной руке, с топором в другой, он шел плечом к плечу с капитаном, не обращая внимания на пули и стрелы. Их порыв увлек всех к гибкой сети; разом перепрыгнув ее, они оказались в самой гуще рукопашной схватки. Пролетевшая со свистом над самым его ухом стрела не остановила Акки; он неудержимо шел, прокладывая кровавый проход среди полуобгоревших тел. Кровь его земных и синзунских предков стучала в висках. Он все забыл, тысячелетняя цивилизация слетела с него, и ничего больше не осталось, кроме ярости и стремления убивать врагов.

— Эой!

Топор вонзился между вылезших от ужаса глаз берандийца. Преследуемые враги были повсюду обращены в бегство, кроме одной группы около двухсот человек, собрашихся вокруг Неталя.

Затем внезапно произошла катастрофа. Один из бриннов пробежал мимо, крикнув несколько слов, которые Акки не понял. Другой бросился вслед за ним, и вдруг на поле битвы наступила тишина.

С удивлением он смотрел вокруг себя. Он остался один с Бушераном и васком. Поток бриннов стремительно уходил — поток, который Техель-Ио-Эхан и несколько вождей напрасно пытались повернуть с помощью ударов дубинками. Подбежал один из васков:

— Какой-то дурак только что прибыл с Трех озер. Берандийцы взяли штурмом проход, захватили женщин и устроили резню!

К этому времени враги опомнились, и стрела с мягким шорохом вонзилась в землю рядом с координатором.

— Разгром! Разгром за несколько минут до победы! Хорошо, хоть Анна сейчас в безопасности...

И как продолжение своей мысли он вдруг увидел Анну: трое мужчин тащили ее к Неталю. Тогда он забыл обо всем, все доводы разума, и стремительно бросился в бой вместе с полусотней оставшихся с ним воинов.

Он не мог вспомнить потом, в какой момент бросил разряженный фульгуратор в голову одного из лучников, в какую минуту увидел упавшего рядом Бушерана со стрелой в бедре. С поднятым топором он очутился лицом к лицу с Неталем.

Тот парировал обухом своего тяжелого меча удар Акки и нанес ответный удар. Почти одного роста, они были достойны друг друга. Схватка вокруг них прекратилась, и оставшиеся в живых с той и с другой стороны смотрели на единоборство вождей.

Вначале Неталь одолевал. Его меч, несмотря на тяжесть, предназначенный скорее рубить, а не колоть, был удобнее, чем топор Акки, а главное, он обладал уверенностью победителя, который увидел вдруг победу в последний миг, когда ему грозило поражение. А координатор был

ослеплен яростью. Кровь уже текла у него из четырех или пяти ран, полученных, когда он в последний момент пытался парировать удары. Однако мало-помалу Акки овладел собой, и опыт его брал верх над силой берандийского гиганта. Борьба стала почти равной. Спокойствие вернулось к Акки, он вспомнил удары, которым его учили инструкторы в школе координаторов, особенно уроки Келои — самого лучшего бойца на каменных топорах из рожденных на планете Двеи, его брата по крови, там, в другой галактике. Суставы пальцев у него кровоточили от скользящего удара меча, но все же он сделал направленный сверху вниз косой выпад, который настиг Неталя. Железо скользнуло по доспехам и ужалило левое плечо берандийца. Затем на несколько секунд они схватились в ближнем бою, рукоять топора блокировала меч, и в нескольких сантиметрах от своих глаз Акки увидел лицо Неталя, вены шеи и выпуклый лоб, дикий оскал, раздвинутые губы.

— Анна не будет твоей,— выдохнул берандиец сквозь зубы.— Я из нее сделаю рабыню!

— Погибни, собака! — ответил координатор.

Неталь плюнул ему в лицо. Акки даже не моргнул, прием был стар как мир. Он напряг все свои силы и ударил топором снизу. Неталь отразил удар и нанес ответный; его меч вонзился в правую руку Акки. С победным криком берандиец выдернул меч и попытался повторить удар. Но топор был уже в другой руке Акки. Он поднялся и опустился прямо на шлем Неталя — берандиец упал с проломленным черепом.

— Глупец,— крикнул координатор.— Я одинаково владею обеими руками!

Мертвая тишина царила несколько секунд, затем люди Неталя бросились к нему с копьями и мечами. Акки прижался спиной к скале, готовясь к своей последней битве, и вдруг услышал неистовые крики васков, смотревших на небо, это заставило и его поднять глаза. Огромная тень плыла над ущельем на высоте пятисот метров: «Ульна» скользила без шума, и из ее открытых люков быстро падали десантники на антигравитационных поясах.

Глава IV

СТАЛЬНОЙ ЗАКОН

Громада «Ульны» покоилась на поверхности озера. На берегу был натянут огромный тент: это был госпиталь, где, не делая различий, оказывали помощь раненым бриннам, васкам или берандийцам. В палатке поменьше собрался Совет.

Десять дней прошло со времени неожиданного прибытия звездного корабля. Ни на что не надеясь, с помощью самодельного коммуникатора Хассилу все же удалось сообщить об их положении, и Элькхан, командир корабля, направив «Ульну» на предельной скорости к Нерату, смог прибыть вовремя.

Сидя за столом, Акки изучал рапорты. Сразу после высадки специалисты принялись за работу под руководством Хассила, который после нескольких часов в биорегенераторе полностью обрел бодрость и здоровье.

Дверь открылась, и вошел исс.

— Ну что? — спросил Акки.

— Это то, о чем я думал. Из всех запутанных ситуаций, которые нам приходилось решать, эта — самая худшая!

Акки задумчиво опустил голову на руки.

— Ты прав. На этот раз будет нелегко принять решение.

— Берандийцы должны уйти!

— Я знаю. Не думай, что на меня может повлиять любовь к Анне. Но, между прочим, я бы выбрал... Твой доклад готов?

— Вот он, а это доклад Бринтенсиеорепана, р'бенского космантрополога.

— Когда мы примем решение?

— Может быть, завтра? Чего нам ждать? Все уже ясно. Кроме пункта, о котором ты знаешь.

— Что ты об этом думаешь?

— Дадим сначала высказаться защитникам. Кто они?

— Техель у бриннов, Отсо у васков и Анна у берандийцев.

— Бедный Акки. Закон глуп. Нужно было посылать координаторов, наиболее отличающихся от тех народов, которых они должны будут рассудить...

— Нет, Хассил, закон мудр. Иначе решения были бы чудовищны своей холодной рассудительностью во имя справедливости, которая хуже несправедливости!

— Согласен. Я тебе оставлю доклады. У меня есть еще дела, мне не хотелось бы возвращаться на Эллу, не узнав побольше об этих пробриннах.

Оставшись один, Акки погрузился в чтение докладной записки Хассила. Легкий шорох заставил его приподнять голову.

— Здравствуйте, Анна. Давно я вас не видел. Вы меня избегаете?

Она грустно улыбнулась:

— Нет, но мне бы не хотелось, чтобы говорили, что я пытаюсь оказать на вас влияние. Когда будет принято решение?

— Завтра. К несчастью, я не могу вас обнадеживать. Несмотря на то что появился новый непредвиденный фактор, о котором я вам ничего не могу сказать, ваш народ в целом был слишком злобен. О! Я знаю, это не только его вина. Однако на земле, которая только что была разрушена войной, начатой землянами, и видя то, что мы нашли в деревне в устье Элора...

— Это работа специальных войск Неталя, Акки, вы это хорошо знаете! Я полагаю, моя защита завтра будет бесполезной?

— Нет, будущее вашего народа может от нее зависеть.

— Вы знаете наизусть мои аргументы. Я полагаю, решение зависит только от Хассила и вас... Я так надеюсь, что ваше отношение не будет слишком неблагоприятным.

— Что касается выбора новой планеты, да. Однако затем может выясниться множество различных вещей о вас — берандийцах, и тогда Генеральный штаб «Ульны», состоящий из специалистов, скажет свое слово. Вас могут содержать в карантине в течение нескольких веков или же могут вам помочь. Выбор планеты...

— Выбор нашего концлагеря!

— Я понимаю ваше отчаяние, Анна. Но вы сами не ответственны ни за что, разве что за несколько воинственные мечты вашей юности. Но кроме вашего крестного, Бушерана и некоторых других... Кстати, как они оба себя чувствуют?

— Хуго почти здоров. Крестный проводит все дни в компании ваших астрономов и уже дважды высаживался на Лоону. Возьмете ли вы его на ваши миры? Он делал все возможное, чтобы предотвратить войну.

— Конечно, если он этого захочет. Но, без сомнения, он предпочтет остаться с вами, по крайней мере вначале. Мы смогли бы ему помочь смонтировать обсерваторию!

— Он будет вам так благодарен! Что ж, до свидания. Я вас увижу завтра, во время судебного заседания.

— Анна, мне так много нужно вам сказать!

— Нет. Так будет лучше. До завтра!

Долго еще координатор оставался в задумчивости, не читая лежавшего перед его глазами доклада. Опускались сумерки. Воздух дрожал от шума машин астронавтов, сооружавших амфитеатр суда. Наконец Акки пожал плечами и принялся за чтение.

В соответствии с ритуалом экипаж «Ульны» в черных мундирах с оружием в руках нес караул. Внутри амфитеатра, как этого требовал обычай, девяносто свидетелей, по тридцать от каждого народа, сидели на скамьях. На возвышении председательствовал Элькхан. Ниже его находились эксперты, далее, немного в стороне,— три защитника. Справа и слева от Элькхана сидели координаторы.

Элькхан поднялся.

— Нам предстоит рассмотреть согласно Закону Лиги человеческих миров случай планеты Нерат, на которой мы сейчас находимся. Эта планета одновременно заселена тремя различными группами людей, из которых две, хотя и являлись до настоящего времени врагами, принадлежат к одной человеческой расе. Сейчас будет прочтен доклад координаторов, посланных для урегулирования ситуации.

На Элькхане была мощная, усиливающая мысли каска, и его выступление было понято всеми, несмотря на то что было произнесено на его родном языке.

Доклад с безукоризненной объективностью рассказывал о состоянии, которое координаторы обнаружили по прибытии: рабство, войны, расовая ненависть. Затем следовало краткое и точное изложение событий и, наконец, заключение: что послужило причиной вмешательства Лиги.

Элькхан снова заговорил:

— Кто-нибудь из защитников не согласен с изложением фактов?

Анна поднялась:

— Я подтверждаю представленные факты, но не отдаленные причины, и по всей справедливости...

Элькхан прервал ее:

— Об этом поговорим чуть позже. Правильны ли, по вашему мнению, факты?

— Да.

— Стало быть, закон в данном случае применим. Теперь вы имеете право защищать свой народ.

Надев в свою очередь усиливающую каску, она начала защиту. Она рассказала одиссею затерявшихся звездолетов, которые искали другую планету, нетронутую и пустую, о несчастном случае, который бросил их на Нерат и оставил лишенные всего экипажи на враждебной земле.

— Как она была враждебна, эта земля! Наши предки боролись против хищных зверей, стихийных бедствий, болезней и против них!

Она показала пальцем на бриннов.

— О! Я не хочу сказать, что мы не сделали ни одной ошибки! Но

сколько наших пало от стрел, когда они пахали свои поля, чтобы выжить! Можно ли сказать сегодня, кто ответствен за первое убийство? Как можно узнать, кто первый, берандиец или бринн, поднял руку на другого?

— Как бы там ни было, мы устроились в Берандии. И из этой безжалостной страны, покрытой лесами и болотами, мы сделали цивилизованную страну. Похоже, вы любите это слово? Страну, где стало хорошо жить и где медленно, по нашим средствам, мы вновь начали двигаться к истинной цивилизации.

— Вы изучили наши архивы вместе с Роаном, вы, Акки Клэр! Вы можете сказать, есть ли разница между изголодавшимися волками, какими были наши предки, и этой Берандией, какую вы знаете! Нас обвиняют, что мы обратили бриннов в рабов? Это верно! Но как мы могли поступить по-другому вначале, когда нас было так мало и надо было столько сделать? В чем нас упрекают? В том, что мы выжили? Все земные цивилизации начинались так, и, если я поверю тому, что мне однажды рассказал Акки Клэр, похоже, что так было на всех планетах. Вы, без сомнения, должны знать на основе горького опыта, сколько нужно времени для ликвидации рабства, когда экономические нужды позволят. В графстве Роан рабовладение уже больше не существует. И если бы мне удалось победить раз и навсегда бриннов и их союзников васков, чтобы обеспечить спокойствие наших границ, я бы приняла решение уничтожить рабство на всей территории Берандии. Акки Клэр смог бы вам сказать, что, поставленная перед лицом обстоятельств, я отказалась от любого плана завоеваний, когда мой отец был убит и вся эта земля была залита кровью из-за тщеславия одного человека. Но такие имеются, а я в этом уверена, на любой из ваших планет, по крайней мере на той стадии развития, на которой мы были.

Вы можете лишить нас нашего мира — мира, который мы сделали, по крайней мере частично, нашим трудом, нашими слезами и нашей кровью и который несет на себе, Техель-Ио-Эхан, также следы наших костей, даже если они лежат не так глубоко, как ваши! Вы имеете большую власть, будучи более сильными. Вы это осуществляете именем закона, который странен для нас, закона Лиги, о которой мы не могли знать и к которой нас даже не пригласили присоединиться, считая слишком жестокими! Почему вы не пришли раньше, когда брошенные на враждебную землю наши предки были еще цивилизованными не меньше тех, кто остался на Земле и кто несколько позже вошел в вашу Лигу, до того как страх, голод, страдания и безнадежность не обратили нас в диких животных — животных, которые убивают, чтобы не быть убитыми! Но ссылая нас, вырывая с корнем целый народ, отнимая у него все, что является основой его традиций,— его землю, его страну, его родину,— не боитесь ли вы в свою очередь совершить преступление? Разве мы не можем остаться на этой планете, которая наша, я повторяю это, наша, потому что с того времени, как наши глаза увидели свет, мы не знаем другой? С вашей помощью мы быстро сможем преодолеть тот рубеж, который отделяет нашу дикость от вашей цивилизации. Вы что же, будете наказывать детей? За ошибки их отцов?

Она села. Акки послал ей записку.

«Ты хорошо говорила, Анна. Увы, это не сможет изменить решения! Но может многое изменить для будущего. Не падай духом».

Отсо уже поднимался.

— Меня просили защитить мой народ, но я не знаю почему. У нас нет чувства вины. Когда мы здесь очень давно приземлились, мы бежали от ненавистной нам цивилизации, может быть напрасно, чтобы спасти то, что мы рассматривали как нечто наиболее священное,— наши тради-

ции, наш образ жизни. Акки мне объяснил, что этот образ жизни анахроничен и что бы мы ни делали, мы не смогли бы его спасти. Возможно! Но мы попробовали и не испытываем стыда.

— Когда мы высадились на Нерате, то полагали, что мы тут одни. Мы обосновались в горах. Потом однажды, спустя много времени, один из наших нашел раненого охотника-бринна. Он его вылечил. С этого зародилась дружба между нашими народами, которая никогда не нарушалась и много раз была скреплена кровью.

Между нами никогда не возникало вражды. Потом мы узнали, что не одни прибыли с Земли. Берандийцы подбирались к нашим горам, вели постоянную войну с бриннами. Мы им предложили помощь, хотели заключить мир и не получили в ответ ничего, кроме ненависти и презрения. Однако в последние годы зародился проблеск надежды.

— Под влиянием мудрых людей, таких, как старый герцог, Бушеран, Роан, было похоже, что война, наконец, кончится. Затем прибыли вы, и, к несчастью, положение очень быстро изменилось, и в плохую сторону.

— Если ваша Лига решит, что мы должны будем покинуть Нерат, этот Нерат, который тоже наш, мы согласимся без ненависти, но с бесконечной печалью. Когда с детства знаешь знакомые очертания гор, долины, тропы, травы и деревья, между людьми и этой землей образуются тонкие связи, которые вы, возможно, не можете понять,— вы, кто перелетает из одного мира в другой и чья родина — Космос! Какое имеет значение, если захват этой планеты не был вначале законным! Мы тоже оставили следы наших костей в горах! Мы — дети этой земли не меньше, чем любой из бриннов. И, как сказала берандийская герцогиня, я не вижу справедливости в том, чтобы наказывать потомков за ошибки предков, даже если произошла ошибка!

— Речь не идет о том, чтобы наказывать, Отсо,— сказал Акки,— я тебе это объяснял много раз...

Васк пожал могучими плечами:

— Да, ты мне это объяснил. И головой я понял. Но когда речь идет о ссылке, голова не может убедить сердце, Акки! И ты это знаешь!

Наконец заговорил старый бринн:

— Я не буду защищать свой народ. Мы здесь по праву рождения. Бринны всегда были здесь, я смог представить доказательства вашим посланцам. Но я должен сказать, что мы не желаем ухода васков. Мы рады их присутствию и их дружбе. Что касается других, то будет хорошо, если они уедут. Однако если Бушеран, Роан, Анна Берандийская и некоторые другие хотят остаться, мы не будем против. Они нам показали, что даже среди берандийцев могут быть хорошие и умные люди.

— Хотят ли защитники что-либо добавить?

Анна устало махнула рукой.

— Я полагаю, что это будет бесполезно.

— В таком случае,— сказала Элькхан,— приговор вынести нетрудно. Принадлежность этой планеты не вызывает сомнений, а потому...

Хассил поднялся:

— Именно здесь вы ошибаетесь, и это делает данный случай особенно щекотливым. Бринны тоже не являются исконными обитателями планеты Нерат!

Анна выпрямилась, сумасшедшая искра надежды затеплилась в ее глазах.

— У меня появились кое-какие сомнения, когда Клэр принес мне несколько ископаемых скелетов из речного оползня. Я не специалист в космической антропологии, но эти останки, как мне кажется, не могут

принадлежать какому-либо прямому предку бриннов. Каменные орудия сами по себе не могут ничего сказать: почти все человеческие цивилизации проходят в своем начале аналогичные стадии. С другой стороны, Акки мне сообщил о культурных несоответствиях, которые я проверил и изучил: народ каменного века, который имеет наконечники стрел, закаленные по весьма специальной технологии, и кое-какие инструменты из вольфрама,— лишь немногое среди других аномалий. Кроме того, как только прилетела «Ульна», я попросил Бринтенсиеорепана произвести несколько раскопок, чтобы подтвердить или опровергнуть мои сомнения. Тебе слово, Бринтен!

Маленький р'бен с бледно-голубой кожей поднялся.

— Тут не в чем сомневаться: бринны эволюционировали не на этой планете и согласно радиоактивным измерениям вторглись сюда между вторым и третьим тысячелетиями до нашей эры. В то время здесь был один вид развитой человеческой расы, происходивший, возможно, от оронов, который был истреблен или исчез без какого-либо прямого участия бриннов, из-за какой-нибудь завезенной эпидемии или по другой причине. Их останки мы и находим в земле, в старых отложениях. Что бы ни думал Техель-Ио-Эхан, кости бриннов находятся только в поверхностных слоях. Я легко могу понять, что он, не имея специальных знаний, мог принять скелеты... других за скелеты своих предков. К тому же у бриннов есть легенда, которой я не придаю большого значения, так как такие легенды существуют повсюду. Они рассказывают о том, что первые бринны — потомки небесных богов. Наконец, бринны обладают физическими и биологическими характеристиками, абсолютно идентичными с тибриннами с третьей планеты соседней звезды, что мы только что установили. В настоящее время они деградировали из-за войн и эпидемий, но похоже, были на пороге открытия межзвездных полетов именно две тысячи пятьсот лет назад. О! Я знаю, уже существует случай идентичности двух человеческих рас, землян и синзунов. Но в данном случае речь идет о двух различных галактиках, что заставляет думать о простом совпадении, каким бы невероятным оно ни было. Здесь же другой случай, звезда, о которой идет речь, находится на расстоянии полутора световых лет.

— Я полагаю весьма возможным, что примерно две с половиной тысячи лет тому назад, межпланетная экспедиция тибриннов, первая и последняя, приземлилась на Нерате. Я не знаю, почему они не улетели, но они продолжили свой род, как это позднее сделали берандийцы или васки. Но в то время как васки охотно вернулись к пасторальному образу жизни, а берандийцы сохранили какую-то часть своей прежней цивилизации, культура бриннов регрессировала до уровня каменного века, сохранив лишь небольшое количество металлических орудий, передовую технологию стекла, кое-какие сведения по физиологии вроде кровообращения, а их история быстро выродилась в легенды и мифы.

— Почему? — спросил Элькхан.

— Видимо, из-за численности. Берандийцев или васков было несколько сотен. Я оцениваю количество тибриннов всего в несколько дюжин. Эта относительно достоверная версия объясняет, почему только один континент населен, а также другие, иначе непонятные, явления.

— А как же коренное население? Почему они не выжили в других местах?

— Возможно, их там не было. На Р'бене наша раса развивалась на одном большом острове и заселила планету относительно недавно.

— То же происходило и на Земле,— вмешался Акки.— Человек появился только на части континентов. Похоже, из-за катастрофы тибрин-

ны случайно оказались на единственном населенном материке и уничтожили, умышленно или нет, прообраз человеческой цивилизации, которая там зарождалась.

— Если я хорошо поняла, Акки, у бриннов нет никаких преимуществ перед нами,— вмешалась Анна.— Мне кажется в таком случае...

— Я вам не один раз говорил, и только что повторил это Отсо,— речь не идет об абсолютной справедливости.

— Стало быть, речь должна идти об абсолютной несправедливости? Этот народ, вы об этом сами сказали, уничтожил человеческую цивилизацию, возможно умышленно! Мы же этого не сделали!

— Мы не должны судить потомков за ошибки их предков, как вы справедливо отметили. Итак, сегодня бринны, принимая во внимание их современный уровень развития и несмотря на их некоторые обычаи, которые мы очень хорошо знаем (Анна вздрогнула), с антропологической точки зрения невиновны. Ваш народ, увы, таковым не является! Он, несмотря на несколько выдающихся умов и немалое число честных людей,— я в этом уверен — находится в социологически опасном состоянии как для самого себя, так и для других. Нет, Анна, решение уже принято. Оно могло быть иным только при других обстоятельствах.

— А мы?— спросил Отсо.

— Вот решение. Элькхан, прочтите вначале Стальной закон.

Старый синзун начал читать сильным и чистым голосом:

— Это Закон Лиги человеческих миров. На каждой из планет не должно быть больше одной человеческой цивилизации, за исключением Рессана, местонахождения Лиги. В случае если одна из рас будет пытаться завоевать другую, силы Лиги обрушатся на нее. В случае когда две расы сосуществуют в добрососедстве на одной планете, два координатора будут посланы, чтобы решить, кому остаться, а кому нет, и решение их будет окончательным. Закон не может иметь никаких исключений. Если две человеческие расы находятся в добрососедских отношениях, жребий определит, кто останется на планете. Таков Стальной закон Лиги человеческих миров для всех планет, которые вошли в нее, и для тех, которые к ней еще не принадлежат.

— Итак, мы должны выигрывать Нерат по жребию?

— Нет, только не вы, Анна. Если какая-либо человеческая цивилизация пытается завоевать другую, силы Лиги обрушиваются на нее. Вы пытались покорить бриннов. Нет, разыгрывать судьбу планеты будут только бринны и васки. Пусть принесут Мешок Судьбы.

Один из ассистентов принес мешок из красной ткани.

— В этом мешке сто шаров, пятьдесят красных и пятьдесят белых. Первый, кто вытащит красный шар, определит окончательный жребий. Твоя очередь, Отсо.

— Белый.

— Теперь ты, Техель.

— Белый.

— Отсо.

— Красный!

— Значит, ты будешь человеком судьбы. Положите обратно ваши шары. Встряхните мешок. Если вытащишь красный шар, Нерат будет твоим. Если белый, он останется бриннам! Давай!

Огромный васк сунул руку в мешок, секунду выбирал, затем резко вытащил сжатую в кулак руку. Медленно, не глядя, он ее раскрыл.

— Шар белый, Отсо. Прости. Вам придется покинуть Нерат.

— Но мы не просили, чтобы васки ушли,— сказал Техель.— Мы хотели бы...

— Закон непреложен: только одно человечество на одной планете. И он мудр. Через двести или триста лет, кто знает, что сделают ваши потомки. Вы сможете поддерживать самые добрые отношения между вашими планетами. И если не будет возражений, мы вам поможем, как одним, так и другим, объединиться с братьями по Лиге в вашем стремлении к будущему.

— Я протестую, Акки,— сказала Анна.— Бринны не были порядочными людьми, они уничтожили коренное население! Нерат должен отойти к васкам!

— Мы не знаем, кто их уничтожил. Если бы вы уничтожили бриннов до нашего прибытия, мы бы вам предоставили право защиты, презумпцию невиновности.

— Если смотреть глубже, мы не были достаточно расторопны? Это так, не правда ли?

— Не огорчайтесь, Анна. Нельзя добиться абсолютной справедливости. Выполним принятое решение, никакие апелляции невозможны даже с нашей стороны. Лучше выбирайте себе новую планету.

В библиотеке «Ульны» кроме бесчисленных томов, микрофильмов, магнитофонных записей, кубиков с молекулярными отпечатками и прочего имелся перечень всех известных планет, включая необитаемые.

— Сначала ты, Отсо. Какую планету ты бы хотел для себя и для своих собратьев?

— Нам нужны горы, для нас и наших животных. Вы их тоже перевезете?

— Конечно!

— В таком случае, доверяюсь тебе. Ты знаешь нашу страну, ты знаешь, что мы любим, скорее, то, что мы любили.

— Посмотрим... Х-682-7906. Полагаю, что эта подойдет. Как ты ее назовешь?

— Совет Долин решит.

— Как хочешь. Через несколько дней звездный корабль прибудет за вами, за тобой и еще несколькими другими, чтобы осмотреть эту планету. Если она тебе не подойдет, есть еще другие. Какой устав вы будете просить?

— Как это?

— Вы можете стать членами Лиги, но тогда нужно будет отказаться от вашей пасторальной жизни и согласиться на инструкторов, которые в течение двух поколений поднимут вас до нашего технического уровня. Но вы также можете сохранить ваше нынешнее общество, медленно развиваясь самостоятельно. В этом случае вы будете находиться только под наблюдением. О! Это пустяк — примерно один визит в столетие.

— Я не могу решать один, Акки. Это дело Совета. А нельзя выбрать нечто среднее?

— Что ты хочешь сказать?

— Сохранить нашу цивилизацию, подняв ее до вашего технического уровня?

— Вопрос по-другому даже и не стоял! Народ моего друга Хассила, иссы, может быть, самый технический во всем мироздании. Однако я полагаю, что ты полюбишь Эллу, где никогда не стояло трех домов рядом! А с другой стороны, синзуны тоже похожи на вас своей страстью к независимости.

— Не могу ли я побывать на ваших планетах?

— Пробудился инстинкт старого пирата васка, не так ли? Разумеется! А вы, Анна, какой тип планеты хотелось бы вам?

— Вам нравится играть в богов, Акки?

Он пожал плечами.

— Нет. Это неблагодарная работа, горькая, и к тому же чувство власти, которое испытывает, без сомнения, молодой координатор во время своей миссии, быстро улетучивается, оставляя чувство отвращения, иногда — угрызения совести. Я вам рассказывал о моей миссии на Тхаран. Я бы очень хотел об этом забыть!

— Извините меня, я была несправедлива к вам. Давайте же, торговец мирами, что вы можете предложить нам, ссыльным?

Акки какое-то время не отвечал. Они остались одни под большим металлическим куполом, и в их распоряжении были итоги знаний многих цивилизаций.

— Анна, вам действительно надо сопровождать ваш народ, который вас предал, за исключением горстки верных людей, таких, как Бушеран?

Вместо того чтобы ответить, она сама спросила:

— А что с Клотиль?

— Она в госпитале на Новатерре и быстро идет на поправку. Но это не моя проблема. Анна, если вы хотите... У меня впереди только одна миссия, затем я буду свободен. Мы смогли бы поселиться на Новатерре, или Арборе, или Рессане, или даже на Элле, так как у меня есть особые привилегии!

— Мы уже об этом говорили, Акки. Я должна следовать за своим народом.

— А ваше счастье, Анна? Наше счастье?

Он положил руки на плечи герцогини, которая казалась рядом с ним совсем маленькой. Она подняла на него печальные глаза.

— Вы помните ту ночь на болоте, когда мы бежали от берандийцев Неталя в Безжалостном лесу? Вы мне в тот вечер сказали: «Разве счастье так важно?». Теперь моя очередь вам это сказать, Акки. Неужели вы думаете, я могу быть счастлива где-то в другом мире, испытывая угрызения совести, что оставила свой народ на чужбине?

Руки Акки опустились.

— Значит, решено?

— Решено. Я — герцогиня Берандии, на этой планете или на другой! Вы — координатор галактики и... не можете последовать за мной, так же как я не могу последовать за вами. Судьба против нас, Акки, вот и все.

Он прижал ее к себе. Она тихонько оттолкнула его.

— Зачем, Акки? Зачем делать наше расставание таким мучительным? Посмотрим лучше наши планеты.

— Хорошо. Вот X-805-5674. Очень красивая планета. Даже гравитация такая же, как на Нерате, тот же тип атмосферы, великолепный климат, за исключением южной части большого северного континента. Различные животные, некоторые из них хищные, другие съедобные. Нет людей, и нет возможности их появления в предвидимом будущем. Эта планета будет вашей навсегда! Она находится в основной галактике нашей группы, группы Земли, на расстоянии всего лишь двух световых лет от первого земного аванпоста. Или X-298-7564, те же характеристики, на расстоянии пяти световых лет от Новатерры, в моей галактике.

— Я выбираю первую, Акки. Мне будет легче знать, что вы очень далеко...

— Используя ахун, расстояния можно не принимать в расчет. Кто знает, где я буду через год? Я бы хотел с вами когда-нибудь снова увидеться.

— Зачем, Акки? Новая Берандия должна иметь во главе сильного

человека, а не простую женщину. Психологическое потрясение будет ужасным для моих подданных, если они еще мои подданные. Мой народ ждут трудные времена. Как вы знаете, Бушеран любит меня. Я решила выйти за него замуж.

— Тогда... Что ж, самые лучшие пожелания, Анна! Желаю успеха и счастья, если это еще возможно!

— Спасибо, Акки. Я назову эту новую планету Берандия!

— С каким уставом?

— Члена Лиги, если она нас примет.

— Тогда в третьем поколении. Вам не разрешат иметь межпланетные звездные корабли, пока все берандийцы, живущие сейчас, не умрут.

— Значит, своего рода тюрьма?

— Нет. Наши корабли будут регулярно посещать вас, и вы на них сможете свободно путешествовать.

— Что же, прощайте, Акки. Когда мы будем... отправлены?

— Флот уже в пути.

— Так рано! Я надеялась, что мне удастся вернуться в Берандию, посмотреть последний раз на полуостров, поплавать в заливе, где совсем еще девочкой...

Она не стала прятать своих слез.

— Вы это сможете! Вы все будете отправлены в Берандию, чтобы подготовиться к отлету. И вы улетите, когда сами посчитаете себя готовыми, конечно, в разумных пределах.

— Еще одно! Не могли бы вы...

Она поднялась с внезапно заблестевшими глазами, такой, какой он ее увидел впервые на террасе в башне.

— ... Не могли бы вы взорвать наши города до отлета? Я хотела бы оставить все наши дома в руинах! Я знаю, что это варварство, но я буду страдать при мысли, что какой-то бринн сможет жить там, где жила я!

— Это плохо согласуется с просьбой о вступлении в Лигу, Анна!

— О! Я знаю! Но не думайте, что это потому, что я их считаю ниже себя! Я видела бриннов и считаю их равными, как в радости, так и в беде! Скорее это чувство ревности от мысли, что кто-то другой будет теперь пользоваться тем, что я должна оставить!

— Хорошо! Мои люди заложат взрывчатку, и в минуту вашего отлета вам останется только нажать кнопку.

— Спасибо, Акки!

Она покраснела и спросила усталым голосом:

— Могу я оставить ваше кольцо?

— Да, в память о вашем друге координаторе.

Она прижалась к нему и с нежностью поцеловала.

— Прощайте, Акки. Я не хотела бы вас видеть до моего отлета. Окажите мне эту последнюю дружескую услугу!

— Прощайте, Анна!

Он вслушивался в звук ее шагов, удалявшихся по металлическому полу. Затем отчаянным жестом смахнул ладонью картотеку нетронутых планет.

ЭПИЛОГ

Акки Клэр, бывший координатор Галактики, профессор сравнительной социологии в университете Рессана, пододвинул к себе по столу квадратную коробку передатчика.

— Акки? Это Хассил!

— Как у тебя дела?

— Хорошо. Я только что возвратился с Тилхое. Звезда Сфен сто двадцатой вселенной.

— Раскопки были удачны?

— Да. Там обитала необычная раса, которая исчезла пять или шесть тысяч лет тому назад, когда наш человеческий мир едва выходил из стадии разумных животных. Но я тебя вызвал по другому поводу. Я только что прибыл из Дворца Миров. Похоже, что на Берандии дела плохи!

— Что ты сказал?

— Нет сведений от группы инструкторов уже более десяти дней.

— Это официально?

— Я об этом узнал от самого Кхардона!

— Великий Мислик! Анна находится там! Больше ничего нет?

— Нет. Готовится экспедиция, но наверняка пройдет еще пять или шесть дней, пока она отправится.

— Да, конечно! Процедура «Эн»! Ах, эта канцелярия!

— Мои ксилл и экипаж готовы. Хочешь, чтобы мы туда отправились?

— Хассил, ты мой настоящий брат!

— Я жду тебя на астродроме Семь. Стартовый треугольник 33-47.

— Я еду. Спасибо!

Он собрал бумаги, в беспорядке бросил их в ящик, быстро сложил в пластиковый чемодан смену одежды, взял оружие и выскочил из дома. Задав своему реобу максимальную скорость, он мчался к астродрому.

Исс ждал его рядом со сверкающей чечевицей ксилла. Едва закрылись люки, аппарат взмыл по вертикали.

— Какая удача, что у тебя как руководителя археологической службы всегда есть ксилл. У нас есть оружие?

— Ты же знаешь, мои экспедиции часто требуют посещения неизвестных зон или, что еще хуже, зон мисликов. Он вооружен, как может быть вооружен любой ксилл.

Перелет через ахун, в подпространстве, был для Акки жестоким испытанием. Он хорошо знал, что ксилл пожирает световые годы в секунды, однако не воспринимал этого, не чувствовал. Он вспоминал Анну такой, с какой расстался четыре года назад в библиотеке «Ульны», печальной, но решительной. По ее желанию он не пытался ее вновь увидеть.

Затем внезапно ксилл вынырнул в нормальном пространстве, недалеко от солнечной системы.

— Берандия, четвертая планета, Хассил!

— Знаю.

— Извини, меня мучит беспокойство. Ты пытался вызвать на связь инструкторов?

— Да. Ответа нет.

— Скорее!

— Нам надо, наоборот, тормозить!

Исс управлял регулировкой большого телескопического экрана. На нем появилась планета, она увеличивалась с огромной скоростью и медленно вращалась вокруг своей оси.

— Где находится новый город, Акки?

— На берегу бухты большого острова Роана. Остров имеет форму треугольника. Вот он! Прибавь увеличение!

— Странно. Тут одни развалины. Что здесь произошло?

— Мы это скоро узнаем. Осталось не более десяти тысяч километров.

Ксилл приземлился на площади, держа наготове все вооружение. Дома, построенные три года тому назад, превратились в руины. Акки

и Хассил спрыгнули на землю, за ними следом двенадцать иссов с фульгураторами в руках. Никакого движения, только ужасный запах окутывал руины, трупный запах.

— Война!

— Бомбовый удар? С помощью химических взрывчатых веществ? Следов радиоактивности нет. Что бы это могло значить?

— По сведениям, полученным от инструкторов, правительственное здание находилось на этой высоте. Похоже, мало что осталось...

Крик одного из иссов заставил их подбежать. Сзади разрушенных стен лежали около двадцати людей, но одно тело среди них резко выделялось. Стройное, темно-голубого цвета, с конической головой с тремя глазами; две длинные руки заканчивались ладонями с четырьмя крючковатыми пальцами, две ноги, короткие и массивные. Существо держало в одной руке странное оружие, а на его теле были следы разрядов фульгуратора.

Бывшие координаторы посмотрели друг на друга. Воинственная раса, овладевшая межзвездными полетами, поскольку другие планеты системы не были заселены! Случай, который давно не встречался. Хассил отдал приказ:

— Алссион, к ксиллу! Прикроешь! Если нас атакуют превосходящими силами, оставь нас и свяжись с ближайшим постом Лиги! Любой ценой необходимо предупредить Совет Миров!

— Есть земной аванпост на Эльке, на расстоянии двух световых лет,— добавил Акки.

Аппарат взлетел и завис над ними. Они пошли на разведку в мертвом городе. Правительственный дворец был полностью разрушен. Все уничтожалось систематически. Разлагающихся мертвых людей было много, но они не могли больше найти трупов захватчиков.

— Очистка планеты перед колонизацией? Или просто злой умысел?

— Если твоя первая гипотеза справедлива, будем начеку, Акки. Они, возможно, уже в пути.

— О! Я бы очень хотел встретить кого-нибудь! Я сказал, что эта планета будет их навсегда. Это я подсказал выбрать Берандию! И я в ответе за всех этих мертвых!

— Ты не мог такого предвидеть.

— Смотри, следы фульгуратора! А вот оружие пришельцев. Большой Мислик, вот Этхель Тхеон!

Один из мертвых инструкторов еще сжимал в руке фульгуратор. У него не было заметных ран.

— Убит с помощью оружия, похожего на наши абиотические лучи! Но где же остальные?

Акки пожал плечами:

— Может быть, внизу? Вместе с Анной!

Мрачные поиски продолжались. Было похоже, что пришельцы методично обыскивали разрушенный город, убивая живых и добивая раненых. Акки чувствовал, как в нем закипает холодный гнев, неумолимая ненависть к этой расе убийц.

— Хуже, чем Тхерензи! Нужно любой ценой уничтожить эту расу, если она не поддается исправлению!

Передатчик просигналил на поясе иссa.

— Что-то шевелится около какой-то разрушенной постройки, там, на холме.

— Приземляйтесь! Мы идем!

Едва открылся люк ксилла, они прыгнули в шлюзовую камеру и бро-

сились к пульту управления. На экране какие-то тени махали белым флагом. Акки увеличил приближение: трое мужчин, две женщины, несколько детей... Ксилл уже приземлился.

— О! Акки, Акки, вы прилетели!

Вне себя от счастья, он держал Анну в своих объятиях, не обращая внимания на обрывки разговора, которые до него доносились. Хассил несколько раз похлопал его по руке, чтобы заставить очнуться.

— Нужно улетать! Они могут вернуться с минуты на минуту. Есть пленник их расы, он заговорит, клянусь тебе!

Акки посмотрел вокруг себя: Анна, Клотиль, старый Роан, два незнакомых молодых берандийца, пятеро детей.

— Что же произошло?

— В ксилл, Акки, медлить нельзя!

Экипаж ксилла уже вернулся, бесцеремонно волоча за собой связанное синее существо.

— Где Бушеран?

— Убит, как и другие. Мы, наверное, единственные, кто остался в живых на Берандии!

— В ксилл, Акки, или я тебя оставлю здесь, клянусь Мисликом!

Он позволил увлечь себя в ксилл. Уже в ахуне Анна рассказала ему обо всем, иногда уточняя подробности, ей помогал Роан.

— Когда мы отправились с Нерата после взрыва наших городов, нами владела безнадежность. Однако довольно скоро мы привыкли к нашему новому миру и, я полагаю, мы были бы там счастливы, если бы... Ваши инструкторы начали делать чудеса, как вдруг, дней пятнадцать назад, крестный объявил, что он обнаружил с помощью своего телескопа флотилию звездных кораблей, которые приближались к нам. Мы не проявили беспокойства, действительно ожидая несколько звездолетов с Хелка, которые должны были доставить нам машины. Я решила, что это хороший предлог посетить обсерваторию, и отправилась туда с моим сыном Акки Бушераном, которому было два года, со мной была Клотиль с ее двумя детьми. Я застала крестного очень озабоченным. Он в прошлом году побывал на Элле...

— Я знаю, я его там видел.

— Ты мне об этом, крестный, не говорил.

— Зачем растравлять старые раны, Анна?

— Хорошо. Итак, он побывал на Элле и видел там различные модели звездолетов Лиги, но ни один из них не был двухконусным, как те, огромные, которые приближались. Я не знаю, какой демон заставил меня сказать, что он наверняка не знает все типы звездных кораблей и мы просто зря теряем драгоценное время. Когда мы, наконец, решили предупредить ваших инструкторов, первые бомбы уже посыпались на Берандию и их ксилл был сразу уничтожен.

Этот кошмар повторялся в течение четырех дней. Обсерваторию разбомбили на второй день. Мы спрятались в пещере, над которой она была построена: там крестный держал свои точные измерительные приборы. На третий день захватчики высадились и началось истребление. Я узнала о смерти Хуго в тот же вечер от двух парней, которые были с ним и прибежали с тремя детьми. Я его не любила глубоко, Акки, но он был отцом моего сына и верной и надежной опорой. Без ума от горя и ненависти, я вышла из пещеры без ведома крестного и направилась к городу. Спускаясь по тропе, я увидела внизу одного из этих проклятых существ: оно направлялось к обсерватории. У меня был фульгуратор, и я могла бы его убить. Но я знала, что вы прилетите, и захотела взять его живым, чтобы вы смогли узнать, что это за чудовища и откуда они. Тогда я подожда-

ла и, когда он был точно подо мной, оглушила его ударом камня по голове, обезоружила и приволокла в наш тайник. Здесь мы ждали вас. Дважды захватчики обыскивали развалины, но не смогли найти замаскированный вход. Наконец, вчера они ушли. А потом Клотиль — она караулила руины, где погиб ее муж,— заметила ваш звездный корабль. Крестный узнал ксилл иссов и мы стали подавать сигналы.

— Что будет с вами, Анна? Берандии больше нет.

— Подчинюсь Хуго, Акки, если вы этого захотите. Вот его последнее письмо!

Она достала из-за корсажа сложенный вчетверо листок, второпях вырванный из записной книжки. Акки прочел:

«Дорогая Анна!

Берандии больше не существует! Последний инструктор погиб рядом со мной минуту назад. Я чудом остался в живых и уже скоро в свою очередь уйду во мрак. Я вас любил, когда вы еще были подростком, тем не менее я знаю, что вы меня не любили. Постарайтесь выжить, спрячьтесь. Клин, синзун, мне недавно говорил, что перерыв в десять суток в сообщениях, которые посылают инструкторы, немедленно потребует новой экспедиции для выяснения причин. Соедините свою судьбу с Акки, которого вы не переставали любить, и попросите его позаботиться о нашем сыне. Я хотел бы, чтобы он тоже стал координатором, если имеет к этому способности,— одним из тех людей, которым поручено навсегда погасить пожар войн. Это самая лучшая судьба, о которой можно было бы мечтать. Прощай, Анна. Враги возвращаются. У меня еще есть один фульгуратор, и я заставлю их дорого заплатить за мою смерть. Прощай, горячо любимая».

Он вернул письмо, не стыдясь своих слез:

— Это был человек, Анна, и его сын сможет гордиться им. Я позабочусь о его будущем. Мы вместе позаботимся о его будущем. Что вам, Хассил?

На лице исса отражалась дикая радость.

— Он заговорил! Скоро мы добудем все необходимые сведения. Эта раса только что открыла примитивный способ межзвездных полетов, и после уничтожения жителей одной соседней с ними планеты собиралась продолжать свою забавную игру.

— Перевоспитание возможно?

— Нет, тип «Зет», хуже не бывает.

— Что же тогда?

— Ты знаешь. Килсим на их планету!

— Я был бы счастлив не брать на себя это решение. Тхеранов с меня достаточно!

— С меня тоже, Акки. Но это неизбежно.

— Что такое килсим? — спросила Анна.

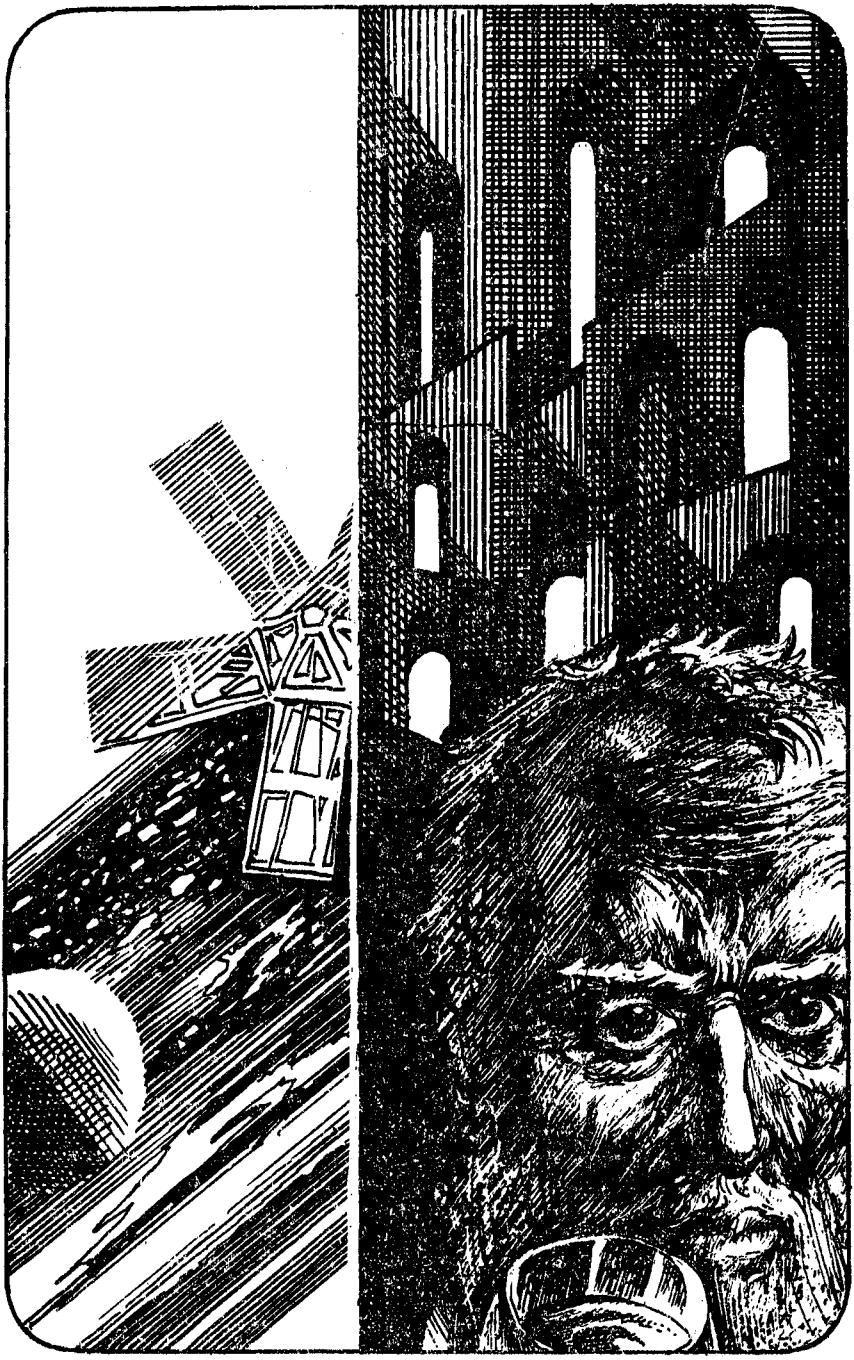
— Прибор, с помощью которого мы вновь зажигаем солнца, когда их гасят мислики, дорогая. Планета этих существ будет превращена в раскаленный газовый шар.

— Что до меня, Акки, я не стала бы колебаться!

— Оставим ненависть, она бесплодна. Посмотрите скорее!

Ксилл вошел в нормальное пространство. Экран был заполнен звездами, одна из них — совсем близко, с синеватым оттенком — сопровождалась целой вереницей планет.

— Иалтар, который будет нашим Солнцем! Вот Элла, Марс, Рессан! А звезда вон там — это солнце Новатерры. И в этой галактике, и в других, земли исчисляются тысячами, и каждая со своим человеческим сообществом! И все эти миры — наши, дорогая, наши навсегда!



БЕГСТВО ЗЕМЛИ

5

Часть первая

ПОТЕРПЕВШИЙ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ В ОКЕАНЕ ВРЕМЕНИ

СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Я знаю, что никто не поверит мне. И тем не менее только я могу сегодня до какой-то степени объяснить события, связанные с необычной личностью Орка, то есть, я хотел сказать, Поля Дюпона, самого выдающегося физика, какой когда-либо жил на Земле. Как известно, он погиб одиннадцать лет назад вместе со своей молодой женой Анной во время взрыва в лаборатории. Согласно завещанию я стал опекуном его сына Жана и распорядителем всего его имущества, ибо у него не было родни. Таким образом, в моем распоряжении оказались все его бумаги и неизданные записи. Увы, их никогда не удастся использовать, разве что появится новый Шамполион, помноженный на Эйнштейна. Но, кроме того, у меня осталась рукопись, написанная по-французски, которую вам предстоит прочесть.

Я знал Поля Дюпона, можно сказать, с самого рождения, потому что я немного старше и мы жили в одном доме на улице Эмиля Золя в Перигё. Наши семьи дружили, и, насколько себя помню, я всегда играл с Полем в маленьком садике, общем для наших двух квартир. Мы вместе пошли в один и тот же класс и сидели в школе за одной партой. После ее окончания я выбрал отделение естественных наук, а Поль согласно воле его отца занялся элементарной математикой. Я говорю: «согласно воле его отца», инженера-электрика, потому что, как это ни странно для человека, совершившего настоящую революцию в современной физике, Поль никогда не был особенно силен в математике и пролил немало пота, чтобы получить свой аттестат.

Его родители умерли почти одновременно, когда мы с Полем были в Бордо: я готовил свой реферат по естественным наукам, а он — по электромеханике. Затем он окончил Высшую электротехническую школу и устроился инженером на одну из альпийских гидроэлектростанций, которой заведовал друг его отца. Я в это время работал над своей диссертацией.

Надо сказать, что Поль довольно быстро продвинулся, потому что к тому времени, когда с ним приключилось это странное происшествие, он был уже заместителем директора. Мы лишь изредка обменивались письмами. Моя должность заведующего сектором на факультете естественных наук в Тулузе не позволяла мне часто наведываться в Альпы, а ка-

никулы я предпочитал проводить в Западной Африке. Таким образом, я стал свидетелем этого происшествия по чистой случайности.

Возник проект создания еще одной плотины в альпийской долине, и мы с профессором Маро отправились туда, чтобы изучить этот проект с геологической точки зрения. Так я очутился всего в сорока километрах от гидростанции, где работал Поль, и воспользовался этим, чтобы навестить его. Он принял меня с искренней радостью, и мы засиделись допоздна, вспоминая наши школьные и студенческие дни. Он много говорил о своей работе, которая его живо интересовала, о проектируемой гидростанции и даже рассказал о своем недавнем романе, который, к сожалению, быстро оборвался. Но ни разу — я повторяю — ни разу он не упомянул ничего относящегося к теоретической физике. Поль легко сходился с людьми, но я был его единственным близким другом. И я уверен, что, если он уже тогда занимался исследованиями, которые вскоре обессмертили его имя, он бы мне об этом обязательно рассказал или хотя бы намекнул.

Я приехал к нему в понедельник 12 августа и собирался уехать через день. Однако он настоял, чтобы я остался у него до конца недели. Катастрофа произошла в ночь с пятницы на субботу, точно в двадцать три часа сорок пять минут.

День был душный и жаркий. Под молодым вязом, затенявшим маленький садик, я приводил в порядок свои геологические записи. Неожиданно тучи закрыли небо, и к семи часам стало совершенно темно. Над горами разразилась гроза. Поль вернулся примерно через полчаса под проливным дождем. Мы пообедали почти молча, и он, извинившись передо мной, сказал, что должен эту ночь подежурить на гидростанции. Около половины девятого я помог ему натянуть промокший плащ и поднялся в свою комнату. Я слышал, как он отъехал от дома на автомашине.

В десять я лег и уснул. Несмотря на ливень, жара нисколько не спала. Было двадцать три тридцать, когда меня разбудил страшный раскат грома. Молнии озаряли растрепанные ветром, быстро бегущие черные тучи. Дом Поля стоял над долиной, и сверху я видел, как молнии трижды ударили в опоры как раз перед входом в здание электростанции. Обеспокоенный, я уже хотел позвонить на станцию и справиться, все ли там в порядке, но подумал, что сейчас не стоит этого делать: Полю и без меня хватает забот!

И вдруг прямо на электростанцию начал опускаться с неба фиолетовый клинок. Это уже была не молния, а как бы длинный разряд электричества в трубке с разреженным газом, но усиленный тысячекратно! В то же время фантастическая огненная колонна поднималась от станции к небесам, прямо в черные тучи, по которым пробегали светящиеся пятна, как по люминесцирующим волнам моря. Это продолжалось, может быть, с десяток секунд. Я смотрел как завороженный. И в то мгновение, когда фиолетовый клинок с неба и огненная колонна от электростанции соединились, все огни вдруг погасли и долину залил мертвенно-белый свет. И все кончилось. Наступила кромешная тьма, прорезаемая только вспышками обыкновенных молний. Водопадом обрушился проливной дождь, заглушая все звуки. Я стоял, ошеломленный, добрую четверть часа.

Звонок телефона внизу вывел меня из оцепенения. Я бросился в кабинет Поля и схватил трубку. Звонили с электростанции, и я сразу узнал голос одного из молодых инженеров-стажеров. С Полем «что-то приключилось», и меня просили немедленно приехать, прихватив по дороге док-

тора Прюньера, до которого они не могли дозвониться, потому что обычная телефонная линия вышла из строя. А дом Поля был связан с гидроцентралью особым кабелем.

Я поспешно оделся, натянул плащ, потерял еще несколько секунд, пока отыскивал ключи от гаража, где стоял мой мотоцикл. Мотор завелся с первого же толчка стартера, и я ринулся в непроглядную тьму, разрываемую теперь лишь редкими молниями.

Я разбудил врача, и через десяток минут на его машине мы были уже на месте.

Всю гидростанцию освещали только аварийные лампочки, подсоединенные к аккумуляторам. Там царила атмосфера потревоженного муравейника. Молодой стажер немедленно провел нас в медпункт. Поль — я забыл сказать, что он был очень высок, два метра четыре сантиметра!— лежал на слишком короткой для него койке, бледный и бездыханный.

— У него, наверное, шок,— с надеждой сказал стажер.— Он стоял около генератора, когда ударила эта странная молния. Извините меня, я должен бежать. Все на станции вышло из строя. Не знаю, что делать,— ни директора, ни инженеров, никого нет! И позвонить никому не могу — телефоны не работают...

Но доктор Прюньер уже склонился над телом моего друга. Прошло минут пять, прежде чем он не совсем уверенно проговорил:

— По-моему, просто обморок. Но его нужно немедленно перевезти в больницу. Это, несомненно, шок, пульс очень слабый, и я боюсь...

Я вскочил, позвал двух рабочих, и мы перенесли Поля в грузовичок, где для него наспех устроили что-то вроде носилок. Прюньер уехал с ними, пообещав держать меня в курсе дела.

Я собирался покинуть станцию, когда снова появился инженер-стажер.

— Месье Перизак,— обратился он ко мне,— вы бывали в тропиках; скажите, вам когда-либо доводилось видеть подобное явление? Говорят, что там грозы куда сильнее,чем здесь.

— Нет, такого я никогда не видал! И даже не слышал, что подобное бывает. Из своего окна я видел огненный столб, он опускался на станцию, и это было самое невероятное зрелище в моей жизни! При каких обстоятельствах произошло несчастье с месье Дюпоном?

— Это мы узнаем, когда механик, единственный свидетель, сможет говорить.

— Его тоже задело?

— Нет, но он ошалел от страха. Бормочет какие-то глупости.

— А что он рассказывает?

— Пойдите расспросите его сами...

Мы вернулись в медпункт. Там на койке сидел мужчина лет сорока с выпученными блуждающими глазами. Инженер обратился к нему:

— Мальто, расскажите, пожалуйста, все, что вы видели, этому человеку — он друг месье Дюпона.

Механик бросил на меня затравленный взгляд.

— Понятно, вы хотите, чтобы я говорил при свидетеле, а потом вы упрячете меня в сумасшедший дом как психа! Но все равно, клянусь, это правда! Я видел, видел собственными глазами!..

Он почти кричал.

— Полно, успокойтесь! Никто вас никуда не упрячет. Нам нужны ваши показания для отчета. Кроме того, они могут принести пользу месье Дюпону, врачу будет легче его лечить.

Механик заколебался.

— Ну если для врача... А, да наплевать мне на все! Поверите вы или нет — ваше дело. Тем более я и сам не знаю, может, я и впрямь свихнулся?

Он глубоко вздохнул.

— Так вот. Месье Дюпон попросил меня проверить вместе с ним генератор номер десять. Я стоял в метре от него, слева. Вдруг нам показалось, что воздух сразу насытился электричеством. Вы бывали в горах? Тогда вы знаете — это когда альпенштоки начинают петь, как струны. Тут месье Дюпон мне крикнул: «Мальто, беги!» Я бросился в дальний конец машинного зала, но там дверь была заперта и я обернулся. Месье Дюпон все еще стоял возле генератора, и по всему телу его пробегали синие искры. Я закричал ему: «Скорее сюда!» И тут весь воздух в зале засветился фиолетовым светом. Знаете, как в неоновой трубке, только свет был фиолетовый... Свечение не дошло до меня примерно на метр!

— А Дюпон?— спросил я.

— Он бросился в мою сторону и вдруг замер. Он смотрел куда-то вверх, и вид у него был растерянный, удивленный. Он стоял в самом центре светящегося столба, но это его, похоже, не тревожило. И тогда...

Механик умолк, несколько мгновений колебался, и, наконец, выпалил, словно бросился в воду:

— И тогда я увидел призрачную фигуру! Она плыла по воздуху прямо к нему, и была почти такого же роста, как месье Дюпон. Он, должно быть, тоже увидел, потому что вытянул руки, словно хотел ее оттолкнуть, и закричал: «Нет! Нет!» Призрак коснулся его, и он упал. Вот и все!

— А потом?

— Потом я не знаю, что было. Я от страха грохнулся в обморок.

Мы вышли, оставив Мальто в медпункте. Инженер спросил меня:

— Ну что вы скажете?

— Скажу, что вы, наверное, правы: ваш механик просто ошалел от страха. Я не верю в призраки. Если Дюпон поправится, он нам сам расскажет, как это было.

Было уже пять часов утра, поэтому вместо того, чтобы вернуться домой, я зашел к доктору, взял там свой мотоцикл и помчался в больницу. Полю стало лучше, но он спал. До рассвета я просидел с доктором, которому не преминул рассказать фантастическую историю Мальто.

— Я его хорошо знаю,— заметил Прюньер.— Его отец умер два года назад от белой горячки, но сын, насколько мне известно, спиртного в рот не берет! Впрочем, все возможно...

Незадолго до рассвета сестра-сиделка предупредила нас, что Поль, видимо, скоро проснется. Мы немедленно прошли к нему. Он был уже не так бледен, сон его сделался беспокойным. Поль все время шевелился. Я склонился над ним и встретился с ним взглядом.

— Доктор, он проснулся!

Глаза Поля выражали бесконечное изумление. Он оглядел потолок, голые белые стены, затем пристально посмотрел на нас.

— Как дела, старина?— бодро спросил я.— Тебе лучше?

Сначала он не ответил, потом губы его зашевелились, но я не смог разобрать слов.

— Что ты сказал?

— Анак оӡ на?— отчетливо проговорил он вопросительным тоном.

— Что?

— Анак оś на? Эрто син балурем сингалетý экон?

— Что это ты говоришь?

Я едва удерживался, чтобы не расхохотаться, и в то же время во мне нарастало беспокойство.

Он пристально поглядел на меня, и непонятный страх отразился в его глазах. Словно делая над собой отчаянное усилие, он проговорил наконец:

— Где я? Что со мной случилось?

— Ну вот, это уже лучше! Ты в клинике доктора Прюньера, который стоит рядом со мной. Ночью тебя поразила молния, но, похоже, все обошлось. Ты скоро поправишься.

— А тот, другой?

— Кто другой? Механик? С ним ничего не случилось.

— Нет, не механик. Другой, который со мною...

Он говорил медленно, как в полусне, с трудом подбирая слова.

— Но с тобой больше никого не было!

— Не знаю... Я устал...

— Не разговаривайте с ним больше, месье Перизак,— вмешался доктор.— Ему нужен полный покой. Завтра или послезавтра, я думаю, он сможет вернуться к себе.

— Тогда я пойду,— сказал я Полю.— Буду ждать у тебя.

— Да, жди меня... До свидания, Кельбик.

— Какой я тебе Кельбик!— возмутился я.

— Да, правда... Извини меня, я так устал!

* *
*

На следующий день ко мне заехал доктор.

— Пожалуй, будет лучше перевезти его домой,— сказал он.— Ночь прошла беспокойно, он все время звал вас: бредил, произносил какие-то непонятные слова вперемешку с французскими. Он твердит, что белые стены больницы — это стены морга. Здесь, у себя, в привычной обстановке, он поправится гораздо скорее.

Старая экономка прибрала в спальне, и вскоре мы уже укладывали Поля на огромную, сделанную специально по его росту кровать. Я остался с ним. Поль проспал дотемна, а когда проснулся, я сидел у его изголовья. Он долго рассматривал меня, потом сказал:

— Вижу, тебе хочется знать, что со мной случилось. Я тебе расскажу позднее... Понимаешь, это настолько невероятно, что я и сам не могу еще поверить. И это так изумительно! Сначала мне было страшно. Но сейчас, ах, сейчас!..

Он громко расхохотался.

— В общем, сам увидишь. Благодарю тебя за все, что ты для меня сделал. Я в долгу не останусь! Мы еще повеселимся в этой жизни, и ты, и я! У меня много замыслов, и ты мне наверняка понадобишься.

Затем он изменил тему разговора и принялся расспрашивать, как идут дела на гидростанции. Мое сообщение о том, что генераторы вышли из строя, вызвало у него новый взрыв смеха. На следующий день он поднялся раньше меня и ушел на станцию. Через два дня я уехал сначала в Тулузу, а потом в Африку.

Вскоре я получил от Поля письмо. Поль сообщал, что намерен оставить свою нынешнюю должность и поступить в университет Клермон-

Феррана, чтобы «поучиться» (это слово было в кавычках) у профессора Тьебодара, знаменитого лауреата Нобелевской премии.

Благодаря странной случайности, едва я защитил свою диссертацию, как в том же самом университете открылась вакансия и мне предложили прочесть курс лекций. Тотчас по прибытии я бросился разыскивать Поля, но его не оказалось ни на факультете, ни у себя дома. Нашел я его в нескольких километрах от Клермона в Атомном исследовательском центре, которым руководил сам Тьебодар.

Тьебодар принял меня в кабинете за рабочим столом, на котором необычайно аккуратными стопками лежали всяческие бумаги. Он сразу без околичностей принялся расспрашивать меня о Поле:

— Вы давно его знаете?

— С самого рождения. И мы вместе учились.

— Он был силен в математике еще в лицее?

— Силен? Скорее средних способностей. А в чем дело?

— В чем дело? А в том дело, месье, что это величайший из современных математиков и скоро будет самым великим физиком! Он меня поражает, да, просто поражает! Является ко мне какой-то инженеришко, скромно просит возможности поработать под моим руководством и за полгода делает больше открытий, причем важнейших открытий, чем я за всю свою жизнь. И с какой легкостью! Словно это его забавляет! Когда он сталкивается с какой-нибудь сложнейшей проблемой, он усмехается, запирается в своей норе, а назавтра приходит с готовым решением!

Тьебодар немного успокоился.

— Все расчеты он делает только у себя дома. Всего один раз мне удалось заставить его поработать в моем кабинете, у меня на глазах. Он нашел решение за полчаса! И, самое интересное, у меня было впечатление, что он его уже знал и теперь только старался вспомнить. В других случаях он из кожи вон лезет, стараясь по возможности упростить свои расчеты, чтобы я мог их понять, я, Тьебодар! Я навел справки у его бывшего директора. Он сказал, что Дюпон, конечно, неплохой инженер, но звезд с неба не хватает! Если эта молния превратила его в гения, то я тотчас отправлюсь на станцию и буду торчать возле генератора во время каждой грозы! Ну ладно. Вы найдете его в четвертом корпусе. Но сами туда не входите! Пусть его вызовут. Вот ваш пропуск.

Поль был просто в восторге, когда узнал, что отныне я буду жить в Клермоне. Вскоре у нас вошло в привычку наведываться друг к другу в лабораторию, а поскольку оба мы были холостяками, то и обедали вместе в одном ресторане. По воскресеньям я часто выходил с ним по вечерам поразвлечься, а однажды Поль отправился со мной на целую неделю в горы.

Характер его заметно изменился. Если раньше он был скорее флегматичен и застенчив, то теперь у него появились властность и явное стремление повелевать. У него происходили все более бурные столкновения с Тьебодаром, человеком превосходным, но вспыльчивым, который, несмотря на это, продолжал считать Поля своим преемником на посту руководителя Атомного центра. И вот во время очередной такой стычки завеса тайны начала передо мной приоткрываться.

Меня теперь хорошо знали в Центре, и у меня был постоянный пропуск для входа на территорию. Однажды, проходя мимо кабинета Тьебодара, я услышал их голоса.

— Нет, Дюпон, нет, нет и нет!— кричал профессор.— Это уже чистейший идиотизм! Это противоречит принципу сохранения энергии, и математически — слышите?— ма-те-ма-ти-чес-ки невозможно!

— С вашей математикой, пожалуй,— спокойно ответил Поль.

— То есть как это, с моей математикой? У вас что, есть другая? Так изложите ее принципы, черт побери, изложите!

— Да, изложу!— взорвался Поль.— И вы ничего не поймете! Потому что эта математика ушла от вашей на тысячи лет вперед!

— На тысячи лет, как вам это нравится, а?— вкрадчиво проговорил профессор.— Позвольте узнать, на сколько именно тысяч лет?

— Ах, если бы я это знал!

Дверь распахнулась и с треском захлопнулась — Поль выскочил в коридор.

— Ты здесь! Слышал?

Он был разъярен.

— Да, у меня особая математика. Да, она ушла от его математики на тысячелетия вперед! И я узнаю, на сколько тысячелетий. И тогда...

Он оборвал фразу и пробормотал:

— Я слишком много болтаю. Это было моим недостатком и там...

Я смотрел на него, ничего не понимая. На электростанции за ним, наоборот, упрочилась слава молчуна, который лишнего слова не скажет. Он, в свою очередь, взглянул на мое изумленное лицо и рассмеялся.

— Нет, я говорю не о станции! Когда-нибудь ты все узнаешь. Когда-нибудь...

Прошел год. В январе в научных журналах за подписью Поля Дюпона появилась серия коротких статей, которые, по словам специалистов, совершили в физике настоящий переворот, более значительный даже, чем квантовая теория. Затем, в июне, как гром с ясного неба, всех потрясла основная работа Поля, поставившая под сомнение принцип сохранения энергии, а также теорию относительности, как общую, так и частную, и попутно ниспровергавшая принцип неопределенности Гейзенберга и принцип исключения Паули. В этой работе Поль демонстрировал бесконечную сложность так называемых элементарных частиц и выдвигал гипотезу о существовании еще не открытых излучений, которые распространяются гораздо быстрее света. Против него ополчился весь научный мир. Физики и математики всех стран объединились, чтобы разгромить Поля. Но он предложил серию абсолютно неопровержимых решающих опытов, и даже злейшие враги вынуждены были признать его правоту. Теоретически он продолжал считаться молодым ученым Атомного центра в Клермоне. Практически он был физиком №1 всей Земли.

Он продолжал жить очень скромно в своей маленькой квартирке, и каждое воскресенье мы отправлялись с ним в горы. На обратном пути после одной из таких прогулок Поль наконец заговорил. Он пригласил меня к себе. Его рабочий стол был завален рукописями. Видя, что я направляюсь к столу, Поль хотел было меня удержать, но потом весело рассмеялся.

— На, читай!— сказал он, протянув мне один листок.

Он был покрыт какими-то кабалистическими знаками, причем это были не математические формулы, а непонятный, странный алфавит.

— Да, я заказал специальный шрифт. Мне гораздо удобнее пользоваться им, чем вашими буквами. К ним я так и не мог до конца привыкнуть.

Я смотрел на него, ничего не понимая. И тогда очень осторожно и мягко он сказал:

— Да, я Поль Дюпон, твой старый друг Поль, которого ты знаешь с пеленок. Я п о - п р е ж н е м у Поль Дюпон. Но в то же время я Орк Аке-

ран, Верховный Координатор эпохи Великих Сумерек. Нет, я не сошел с ума,— продолжал он.— Хотя я прекрасно понимаю, что эта мысль может у тебя появиться. Однако выслушай меня, я хочу наконец кое-что объяснить.

На миг он задумался.

— Не знаю даже, с чего начать. Ну да ладно! Историю Орка до того, как он встретился с Полем Дюпоном, ты прочтешь когда-нибудь в этой рукописи. Историю Поля Дюпона ты и так знаешь не хуже меня, во всяком случае, вплоть до той знаменитой августовской ночи. Поэтому я начну с того момента, когда я в разгар грозы стоял возле генератора.

Рядом со мною был этот славный работяга Мальто. Я хорошо помню, как внезапно воздух резко насытился электричеством и как я приказал Мальто уходить. Если бы он не послушался, возможно, он сейчас был бы великим физиком, а я так и остался бы рядовым инженером. Хотя, с другой стороны, не знаю, достаточно ли развит его мозг, чтобы вместить сознание Орка. Итак, не успел я отойти от генератора, как меня залил поток яркого света. Ты его видел издали, и он показался тебе фиолетовым. Механику тоже. Но для меня он был синим. Удивленный, я остановился. Свет медленно пульсировал. Я чувствовал головокружение, казалось, я ничего не вижу и могу парить над землей. И вдруг я с ужасом увидел в воздухе прямо перед собой неясную, прозрачную человеческую фигуру. Она коснулась меня. О, как передать тебе это странное ощущение прикосновения изнутри! Вот тогда-то я и крикнул: «Нет! Нет!» Затем все во мне взорвалось, словно мозг распадался на атомы, словно я умирал и боролся со смертью. Помню только, как яростная воля к жизни вспыхнула во мне, а потом — бездонная тьма.

Когда я очнулся, ты был рядом со мной. И у меня было странное чувство, что я тебя узнаю и в то же время не узнаю. Вернее, я знал, что ты — Перизак, но одновременно знал, что ты должен быть Кельбиком, хотя ты на него совершенно не похож. В моей памяти боролись два воспоминания, одно — о грозовой ночи, и другое — о ночи великого опыта, который я проводил, когда... когда с Орком случилось это несчастье, для меня до сих пор необъяснимое. Тебе, наверное, приходилось видеть очень яркие сны, после которых спрашиваешь себя, не является ли реальная жизнь сновидением, а сон явью? Ну так вот, нечто подобное происходило со мной — с той лишь разницей, что это чувство не исчезало! Понимаешь, я знал, что был Полем Дюпоном, и в то же время знал, что был Орком.

Ты заговорил со мной, и, естественно, я тебя спросил: «Анак оź на?», то есть «Где я?», как и полагается в подобных случаях. И я был очень удивлен, что ты меня не понимаешь. Ты следишь за моей мыслью? Во мне два человека. Я Орк-Дюпон или Дюпон-Орк, как тебе угодно. У меня одно сознание, одна жизнь, но две различные памяти, которые слились. Память Поля, твоего друга, инженера-электрика, встретилась с памятью Орка, Верховного Координатора. Для Поля это произошло в 1972 году, а для Орка... Дорого бы я дал, чтобы это определить! Очень быстро я сообразил, что личность Орка надо скрывать — иначе меня бы просто заперли в сумасшедший дом. Мне нужно было подумать, поэтому я симулировал переутомление и взял отпуск. Я решил заново прослушать курс физики, чтобы потом понемногу открывать людям свои знания — знания Орка! Разумеется, я мог делиться с вами только крохами: если бы я открыл все, ваша цивилизация не выдержала бы подобного удара.

Для начала я тщательно изучал вашу историю, применяя особый метод анализа, наши социологи пользуются им испокон веков, и он входит у нас в курс обязательного обучения во всех университетах как один из элементов общей культуры. Я обнаружил, что большая часть тех от-

крытий, которые я намеревался обнародовать, так или иначе будут сделаны вашими теоретиками и экспериментаторами в течение ближайших десятилетий. Поэтому, слегка ускорив прогресс, я не нарушу общего закона развития. Остальные знания останутся при мне и уйдут вместе со мной. К тому же многого вы просто не сможете понять, и вовсе не из-за недостатка интеллекта, а из-за отсутствия материальной основы. Таким образом, я ничем существенно не изменю ваше будущее, которое для меня — бесконечно далекое прошлое.

Да, мои знания умрут вместе со мной,— повторил он тихонько.— Разве что...

— Договаривай! — сказал я.

— Разве что мне удастся вернуться туда!

* *
*

В течение следующих лет я часто и надолго уезжал по делам в Африку. Каждый раз по возвращении мы встречались с Полем. Он больше ничего не публиковал, зато лихорадочно работал в своей частной лаборатории, построенной по его указаниям. За время моей второй поездки он женился на Анне, молодой студентке физического факультета, а за время третьей у них родился сын. Катастрофа произошла, когда я вернулся в четвертый раз.

Я приехал в Клермон поздно ночью и с раннего утра отправился прямо в лабораторию Поля. Она стояла на невысоком холме в уединенном месте, в нескольких километрах от города. Когда я уже сворачивал с шоссе на боковую дорогу, в глаза мне бросилась крупная надпись на щите:

«Въезд воспрещен! Опасно для жизни!»

Я не остановился, полагая, что ко мне это предупреждение не относится. Но едва я выехал на лужайку перед домом, как волосы встали у меня на голове дыбом и длинная фиолетовая искра проскочила между рулем и приборной доской. Я резко затормозил. Всю лабораторию заливал дрожащий фиолетовый свет, который я сразу узнал. За стеклом большого окна я увидел высокую фигуру Поля. Он поднял руку, то ли приказывая остановиться, то ли прощаясь со мной. Фиолетовое сияние сделалось вдруг ослепительным, и я зажмурился. Когда я снова открыл глаза, все уже вошло в норму, но у меня было предчувствие, что случилось нечто непоправимое. Я выскочил из машины и плечом высадил дверь, запертую на ключ. Изнутри повалил густой дым, поднимаясь клубами в безоблачное небо. Лаборатория горела. С трудом отыскал я Поля: он лежал рядом с каким-то странным аппаратом. Я наклонился над своим другом: он был, видимо, мертв, на губах его застыла улыбка. Возле него недвижно лежала Анна.

Я вынес ее наружу, вернулся за Полем и с огромным трудом вытащил из дому его длинный тяжелый труп. Едва успел я уложить его рядом с женой на траву, как в доме раздался глухой взрыв, и пламя в миг охватило все здание. Я уложил их в машину и на предельной скорости помчался в городскую больницу, хотя надеяться можно было только на чудо. Увы, чудес не бывает! Они оба были мертвы.

Вот и вся история. Военные и гражданские власти произвели тщательнейшее расследование, переворошили и просеяли на пожарище весь пепел, но ничего не обнаружили. У себя в лаборатории я нашел толстую рукопись в запечатанном конверте. Накануне Поль сам принес этот пакет и вручил моему ассистенту. Эти страницы вы прочтете.

КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

Это я, Орк, говорю с вами, Орк Акеран, Верховный Координатор эпохи Великих Сумерек, который пока еще необъяснимым способом был перенесен в такое далекое прошлое, что мы, люди Эллеры,— по-вашему Земли,— не знаем об этом времени почти ничего.

Я хочу немного приподнять завесу будущего перед моими сегодняшними современниками.

Для начала — несколько исторических сведений. Их немного.

С геологической точки зрения, вы приближаетесь к концу вашей эры. Я не знаю, угрожает ли вам новая война, которая, как вы опасаетесь, разрушит вашу цивилизацию. Эти подробности до нас не дошли. Зато я могу сказать, что вы, кроме Луны, где уже высадились люди, освоите еще несколько планет. Потому что мы обнаружили ваши следы на Марсе и на Венере. Сомневаюсь, однако, чтобы вы там укрепились надолго, потому что таких следов мало — я сам видел их на Венере. Вы оставили Венеру в ее первозданном состоянии, не попытавшись даже приспособить эту планету для человека. Возможно, ваши инопланетные работы были прерваны войной, но скорее всего — пятым оледенением, которое по времени было близко и наступило внезапно. Мне легко представить, что тогда произошло. Ваша техника была слишком слаба, чтобы бороться с наступлением льдов, несмотря на то, что вы овладели атомной энергией и что посеянные мною идеи тоже скоро принесут свои плоды. Должен предупредить вас: использование атомной энергии против оледенения без эффективного контроля над погодой в конечном счете лишь ускорит оледенение. Это приведет к ожесточенным войнам за свободные ото льда экваториальные земли и, в конечном счете,— к закату цивилизации. И тогда начнутся первые Сумерки человечества, предшественники тех, которые известны нашим историкам.

Пятый, шестой и седьмой ледниковые периоды, видимо, будут следовать один за другим с короткими интервалами, насколько я помню лекции по землеведению. Сомневаюсь, чтобы за эти небольшие промежутки люди хотя бы однажды достигли уровня вашей цивилизации. Во всяком случае, мы не нашли этому подтверждений. Зато после седьмого оледенения начнется длительный цикл — я не знаю причин, но наши геологи могли бы все объяснить,— цикл, который продолжался бы миллионы лет, если... Но не буду забегать вперед.

После седьмого оледенения человечество начало почти с нуля, с уровня культуры, подобной вашему верхнему палеолиту с незначительными вариациями. Наши геологи считают, что все эти ледниковые периоды с промежуточными оттепелями продолжались примерно 200 тысяч лет, и еще 10 тысяч лет понадобилось людям, чтобы перейти от пещерного существования к первым поселениям и, наконец, к настоящей цивилизации. Я родился в 4575 году этой новой эры.

Кто же мы, ваши далекие потомки? Рискуя жестоко разочаровать

многих ваших пророков, скажу, что мы остались почти такими же, как вы. Черепная коробка не достигла у нас чудовищного объема, мы не облысели, не потеряли ни ногтей, ни зубов: и то, и другое, и третье у нас куда лучше ваших! Мы не превратились ни в хилых карликов, ни в полубогов, хотя средний рост у нас много выше. У нас сохранилось по пять пальцев на руках и ногах, хотя мизинец на ногах и стал более рудиментарным. Мы не стали телепатами или ясновидящими и не овладели телекинезом. Но кое-какие изменения произошли: различные расы слились в одну, кожа у нас, в общем, темнее, но скорее смуглая, чем темная, и у большинства из нас черные волосы и карие глаза. Тем не менее среди нас встречаются блондины и люди со светлыми глазами: у меня, кстати, глаза были серые. Однако важнее всего были внутренние изменения: количество и плотность мозговых извилин у нас увеличились, и люди стали умнее, хотя и не превратились в расу гениев. Просто исчезли индивидуумы с низким уровнем интеллекта. А что касается гениев, то они у нас так же редки, как и в ваше время.

Человечество сохранилось лишь на одном огромном острове Киобу, который вскоре стал единым государством. Затем люди вновь расселились по всей Земле, но у нас всегда сохранялась единая великая цивилизация с незначительными вариантами. Однообразие этой цивилизации, однако, замедляло развитие, что приводило к долгим периодам застоя, иногда даже регресса, которые наши историки называют «сумерками».

Примерно в 1840-х годах со дня объединения острова Киобу начался наш первый период великих открытий. Мы вновь изобрели паровую машину, затем электричество, и наконец, где-то в 1920-х годах мы начали использовать атомную энергию. (Совпадение дат с датами вашей эры наводит меня на мысль, что, должно быть, существует естественный ритм человеческого прогресса!) Менее чем через двадцать лет — у нас не было военных тайн, которые так мешают науке! — первая экспедиция отправилась на Луну, где мы, к величайшему своему изумлению, обнаружили следы человеческого пребывания. Но могу вас заверить, вы были там первыми! Немного позднее, в 1950-х годах, мы высадились на Марсе, где тоже нашли свидетельства вашего пребывания, а затем, в 1956 году, мы достигли Венеры. По совести говоря, долгое время мы думали, что прибыли туда первыми, пока я сам не сделал сенсационное открытие. Но об этом позже.

Луна, как вы знаете, бесплодна, не имеет атмосферы, и жизни на ней не было никогда. На Марсе существовала раса разумных существ, однако даже следов их цивилизации долго не удавалось обнаружить, пока наш археолог Клобор не нашел подземный город. Что касается Венеры, мы нашли ее окруженной плотным облаком формальдегида, лишенной жизни и непригодной для жизни.

Однако это нас не смутило. Наша наука шла вперед гигантскими шагами, и вскоре нам удалось полностью изменить атмосферу Венеры.

Когда Венера стала пригодной для жизни, ее быстро колонизовали. А Марс остался главным образом планетой для исследований, рудных разработок и космодромом для полетов к дальним планетам. Отсюда же мы пытались достичь звезд.

С 2245 до 3295 года продолжалось то, что мы называем «Тысячелетием мрака». Внезапно Земля была захвачена и порабощена. Пришельцы из космоса, обладавшие неизвестным вооружением, обрушились на людей. За несколько кровавых недель они сломили всякое сопротивление и стали хозяевами планеты почти на целую тысячу лет. В них не было ничего человеческого: они походили на бочонки, стоявшие на восьми

лапах с семью щупальцами сверху. Долгое время люди страдали и покорялись молча, но в тайных лабораториях под землей немногие уцелевшие ученые день и ночь искали оружие, которое принесло бы освобождение. И наконец они нашли его — культуру вируса, смертельного для захватчиков, но безвредного для человека. Враг так и не догадался, что уничтожившая его эпидемия была делом наших рук. В конце концов он сдался, и однажды утром все его звездолеты покинули Землю, унося уцелевших — всего одну тысячную от общего их числа! Перед отлетом они разрушили все, что успели построить, и можно было бы сказать, что человечество потеряло тысячу лет зря, если бы пришельцы не оставили после себя одну неоценимую вещь: представление о космомагнетизме, который стал основой нашего могущества. Позднее я объясню, что это такое.

Период после отлета друмов (я не без удивления узнал, что на вашем английском языке это слово означает «барабан», это слово довольно точно передает представление о внешности пришельцев) был периодом восстановления. Люди были по большей части безграмотны, ученых почти не осталось, источников энергии — и того меньше. Однако наша цивилизация с помощью колонистов с Венеры, на которую друмы не обратили внимания, снова рванулась вперед, и в 4102 году мы сделали величайшее из наших открытий — открытие сверхпространства. Мы думали, что теперь нам доступна вся вселенная!..

До этого мы с помощью реактивных, а потом космомагнетических кораблей исследовали всю солнечную систему. Однако даже космомагнетические корабли не могли достичь скорости света, тем более ее превысить. И хотя в природе существуют излучения более быстрые, чем свет, скорость света действительно остается непреодолимым барьером для всех тел, обладающих электромагнитными свойствами.

Мы уже решили послать на ближайшую звезду космомагнетический корабль, когда Сникал открыл эффект сверхпространства. Это было как гром с ясного неба. Даже друмы вряд ли пользовались перелетами через сверхпространство, хотя их научные знания были гораздо выше наших. Сникал для начала доказал существование сверхпространства, затем возможность его использования. Все физические лаборатории занялись этой проблемой, и три года спустя мы начали строить первый сверхпространственный звездолет.

Он покинул Землю на тридцатый день 4107 года. Экипаж состоял из одиннадцати мужчин и тридцати трех женщин. Этот звездолет исчез без следа. Второй отправился в 4109 году, третий в 4112-м, а затем ежегодно улетало по звездолету, и так продолжалось до 4125 года. Лишь один из этих кораблей вернулся на Землю в 4132 году.

И тогда мы узнали печальную истину. Да, через сверхпространство мы можем достичь любой точки Галактики и даже выйти за ее пределы, но мы не знаем, куда приведет нас очередной скачок, и практически не имеем возможности вернуться обратно на Землю!

Одиссея «Тхиусса», звездолета, который вернулся, продолжалась почти двадцать лет. Он вынырнул из сверхпространства вблизи солнечной системы, которая так и осталась неизвестной. Одиннадцать планет ее вращались вокруг звезды типа Д2. Две из них были пригодны для жизни, но на них не нашли никого, кроме животных. Небо, совсем непохожее на наше, по ночам озаряли гигантские звезды. Пять лет разведчики исследовали эту солнечную систему, затем собрались в обратный путь. Тщательно перепроверив все расчеты, они ушли в сверхпространство.

Вынырнули они почти в абсолютной тьме, где-то между нашей Га-

лактикой и туманностью Андромеды. Видимо, что-то не ладилось. Они заново сориентировались на нашу Галактику и сделали новый «скачок». В этот раз они вынырнули так близко от гигантской звезды, что им пришлось тотчас вернуться в сверхпространство. И так продолжалось в течение долгих лет, с короткими остановками на гостеприимных планетах, которые им время от времени попадались. Лишь по чистой случайности экипаж «Тхиусса», поредевший на три четверти из-за неведомых болезней и незнакомой пищи с чуждых планет, сумел наконец вернуться на Землю. Собранные ими данные были проанализированы, и ученые пришли к выводу, что в сверхпространстве нарушается связь причин и следствий, что понятие направления, по существу, теряет там смысл. Так на долгое время была похоронена, пожалуй, самая древняя мечта человечества — добраться до звезд! О, не думайте, мы не потеряли надежды, и поиски продолжались. Но мы еще не нашли решения, когда надвинулись Великие Сумерки.

Что касается остальных звездолетов, то о них мы ничего не знали. Может быть, они погибли в неведомых галактиках? А может быть, их экипажи, изнуренные годами блужданий среди звезд, в конце концов поселились на каких-нибудь планетах? Лишь много позднее мы частично получили на эти вопросы ответ.

Не желая сдаваться, мы вновь сосредоточили все наши усилия на космомагнетических двигателях. Они были изобретены, вернее, вновь открыты людьми, потому что друмы их знали, в 3910 году. Питающую их энергию за неимением более точного термина мы назвали космическим магнетизмом. Космомагнетизм является основной силой, связывающей все, от атомов до галактик. Вся наша вселенная пронизана силовыми полями этого типа, и с их помощью корабль может развивать скорость порядка восьми десятых скорости света. Для этого необходимо создать нечто вроде однополюсного космомагнита (пример очень грубый, но и его достаточно), и таким образом...*

Итак, мы вернулись к старому проекту Брамуга. В 4153 году космомагнетический корабль начал разгон в пределах Солнечной системы, за орбитой Гадеса, последней планеты нашей Галактики, достиг половины световой скорости и направился к ближайшей звезде...

Учитывая время, необходимое для разгона и торможения, корабль должен был вернуться через двенадцать лет. Но вернулся менее чем через пять, в начале 4158 года. И мы узнали причину нашей новой неудачи. Каждая звезда окружена космомагнетическим полем, которое распространяется до такого же поля соседней звезды. На месте соприкосновения двух полей возникает своего рода барьер потенциалов, который нисколько не влияет на различные излучения, но совершенно непреодолим для материальных тел, не обладающих определенной критической массой. Наш звездолет постепенно начал терять скорость, затем был остановлен, и все усилия прорваться вперед оказались тщетными.

Однако совершенно очевидно существовал какой-то способ преодолеть это препятствие, поскольку звездолеты друмов его преодолели! Но и этот способ мы не успели открыть до начала Великих Сумерек.

Расчеты показывали, что для преодоления незримого барьера звездолет должен обладать массой почти такой же, как масса Луны! Или скорость звездолета должна быть близкой к световой.

Но пока мы не обнаружили способа друмов или какого-нибудь иного, мы не могли вырваться из нашей космической тюрьмы.

Теперь я должен кое-что рассказать о нашей жизни, столь не похожей на вашу.

---

*Нижняя часть страницы отрезана ножницами.

С географической точки зрения поверхность Земли в целом не особенно изменилась. По-прежнему существовало два больших континентальных массива — Евразия-Африка и обе Америки, только более слитные, чем сегодня, потому что Мексиканский залив исчез и стал сушей. Но в наше время в центре Атлантики возник большой остров, сильно вытянутый с севера на юг, с хребтом невысоких гор по всей его протяженности. Он появился, очевидно, довольно неожиданно во время седьмого ледникового периода на месте теперешнего подводного хребта в Атлантическом океане, где глубины относительно невелики.

Общее население Земли в наше время достигало пяти миллиардов. Оно сосредоточивалось главным образом в 172 гигантских городах, из которых самый большой, Хури-Хольдэ, расположенный примерно на месте теперешней Касабланки, насчитывал 90 миллионов жителей. Поэтому обширные пространства оставались почти необитаемыми, и на них в изобилии размножались дикие животные, избежавшие гибели от руки человека — от ваших рук! Ибо мы получали продукты питания частично со своих полей, частично из океанов, но главным образом за счет искусственного фотосинтеза.

Строения Хури-Хольдэ вздымались на тысячу метров в высоту и уходили на 450 метров под землю. В них было до 580 уровней, и они располагались неровным кругом диаметром до 75 километров. Здания не теснились друг к другу, а стояли свободно среди зеленых парков, разбитых на разных уровнях. На северном краю города у берега моря возвышался дворец Большого Совета, где заседали Совет Властителей наук, правительство и где на нижних уровнях размещались университеты. Между дворцом и морем был обширный парк с многочисленными стадионами и Музеем Искусства.

Наша общественная структура покажется вам непонятной и даже немыслимой. Дело в том, что на Земле тогда жило как бы два народа: текны и триллы.

Текнами, составлявшими ничтожное меньшинство населения, были ученые, исследователи, инженеры, врачи и некоторые категории писателей. Я часто спрашиваю себя, не происходит ли это название от вашего слова «техник». Это отнюдь не было замкнутой или наследственной кастой. Каждый ребенок, в зависимости от его способностей и наклонностей, к шестнадцати годам получал звание текна или трилла. Трилл, который позднее проявлял какие-либо способности к науке, мог ходатайствовать о переводе его в категорию текнов. Но это случалось редко.

Основой нашей цивилизации было представление о науке как о могучем, благотворном и... очень опасном оружии! Лучше пребывать в неведении, чем быть полуобразованным дилетантом, и тайны науки ни в коем случае нельзя доверять людям сомнительной нравственности. Каждые юноша или девушка, отнесенные к текнам, должны были торжественно поклясться перед Советом Властителей, что они никогда никому не откроют никаких научных знаний, кроме тех, которые можно распространять. Зато внутри класса текнов никаких ограничений не существовало, и каждый мог свободно обсуждать с другими текнами любую проблему, даже если они работали в разных областях. За малейшее нарушение этого закона текна ждала страшная кара: пожизненное изгнание на Плутон без малейшей надежды на возвращение.

Что касается триллов, то они были механиками, которые, кстати, довольно часто переходили в разряд текнов, кормильцами (категория, охватывающая ваших пекарей, мясников, бакалейщиков и т. д.), актерами, художниками, писателями. Между двумя классами не было ни сопер-

ничества, ни вражды, потому что звание текна в обычное время не давало ему никаких общественных преимуществ. Поэтому зачастую в одной семье были и триллы, и текны, и сын пекаря мог занимать пост Властителя неба, а его сын, в свою очередь, мог снова стать пекарем. В этом смысле каждый ребенок от рождения имел поистине одинаковые права, и наше общество было подлинно демократическим.

У триллов было свое правительство. В случае конфликта между текном и правительством дело разбирал Большой Совет из представителей правительства и Совета Властителей. Если же дело заходило в тупик, Большой Совет обращался к третьей, самой узкой социальной группе, состоявшей всего из 250 членов Верховного Суда. Мы были гораздо либеральнее в сексуальных вопросах, и наши обычаи позволяли полигамию. У нас осталось несколько различных религий, одна из которых весьма напоминала христианскую и, возможно, даже происходила от нее. Однако большинство моих сограждан были атеистами. Мы уже давно осуществляли контроль над рождаемостью, не прибегая, впрочем, ни к каким принуждениям. Правительство триллов и Совет Властителей действовали методами воспитания и убеждения и в обычное время почти никогда не прибегали к силе. И вас, наверное, удивит в ваш век нетерпимости и фанатизма, что самым большим пороком, самым дурным тоном как среди текнов, так и среди триллов считалась претензия на непогрешимость, на единоличное обладание истиной, Абсолютной Истиной!

А теперь перехожу к истории Великих Сумерек.

СОЛНЦЕ СКОРО ВЗОРВЕТСЯ!

Я родился в Хури-Хольдэ, в доме 7682 на довольно зеленой, как бы вы сказали, улице Станатин, на сто двенадцатый день 4575 года. У меня был старший брат Сарк, который хотя и мог войти в категорию текнов, тем не менее предпочел стать триллом и вскоре сделался одним из наиболее прославленных художников Хури-Хольдэ. Мой отец Раху, также трилл, был пусть не гениальным, но довольно известным драматургом. Моя мать Афия была текном, астрофизиком обсерватории Тефантиор в южном полушарии.

Детство мое прошло безоблачно, без особых происшествий. Довольно скоро в школе я выдвинулся благодаря способности быстро и жадно усваивать любые научные знания, и к двенадцати годам стало ясно, что я буду текном.

В пятнадцать лет, на год раньше срока, я сдал психотехнический экзамен и получил звание текна. После этого я ушел из общей школы и до восемнадцати лет учился на подготовительных курсах университета. По окончании их я должен был принести клятву текна.

Никогда не забуду этот день. Накануне я выдержал другой экзамен. Одновременно он был испытанием моей честности, хотя я этого не знал. Я сидел совершенно один в комнате, ломая голову над задачами, а неподалеку на столе лежал случайно забытый учебник с объяснениями и решениями. Я провел в этой комнате несколько самых страшных часов. Мне сказали, что, если я не решу задач, моя классификация как текна будет пересмотрена. Я подозревал, что забытый учебник — ловушка, и в то же время знал твердо — потому что мог это проверить,— что никто за мной не следит. Но я преодолел искушение и сдал экзаменатору почти

чистый листок. Из шести задач мне удалось решить лишь одну, да и то, как сказал позднее Властитель чисел, совершенно необычным способом. И хорошо, что я не сплутовал — меня бы просто выгнали из текнов без всякой жалости!

Утром перед клятвой я в последний раз надел свою обычную светлую одежду. Отныне и до конца жизни мне предстояло носить темно-серое одеяние текнов. Меня привели на самый верхний уровень Дворца Большого Совета, в зал Посвящений, как мы его называли, и я предстал перед Советом Властителей. Они все были там, даже Властители с Марса и с Венеры, и восседали за огромным хромированным столом в форме полумесяца. Зал был огромен, я чувствовал себя жалким и потерянным — совсем один перед лицом этого собрания величайших умов человечества.

Траг, Властитель-координатор, поднялся и медленно заговорил:

— Орк Акеран, ты удостоен чести называться текном. Сейчас ты принесешь клятву. Но перед тем как ты это сделаешь, я хочу в последний раз предупредить тебя, что твое назначение не даст тебе никаких привилегий, ни общественных, ни личных. Подумай как следует в последний раз. Закон текнов гораздо суровее и требовательнее закона триллов, и отныне тебе придется ему подчиняться. На специальных лекциях по истории ты узнал, какие ужасные беды обрушились на наших предков, слишком легкомысленно относившихся к науке. Став текном, ты будешь нести тяжкую ответственность перед всем человечеством, нынешним и будущим. Итак, ты решился?

— Да, Властитель.

— Хорошо. Клянись!

— Памятью тех, кого уже нет, перед теми, кто есть и кто будет, я, Орк Акеран, клянусь не разглашать без разрешения Совета Властителей никаких научных открытий, которые я могу сделать в своей области или в какой-либо иной. Я клянусь ни из гордости, ни из тщеславия, ни из корысти или по небрежению, или тем более по политическим расчетам никогда не сообщать никому, кроме текнов, ни слова, ни имени без особого разрешения Совета Властителей. Точно так же клянусь не разглашать открытий других текнов и, если себе и людям на горе я нарушу эту клятву, обещаю без возражений принять справедливую кару. Единственное исключение из этого закона возможно только в том случае, если сообщенные мною сведения смогут спасти человеческую жизнь, но и тогда я всецело отдамся на суд Властителей, и только они решат, прав я был или нет.

Вот и все. Я получил серое одеяние текна и вернулся в университет. Через два года я специализировался по астрофизике. После этого еще четыре года мне пришлось работать в лунной обсерватории Теленкор, расположенной в цирке Платона. Наконец, опубликовав в специальных изданиях для текнов несколько статей, которые вызвали некоторый интерес, я попросил перевести меня в астрофизическую обсерваторию Эрукои на Меркурии, откуда велись наблюдения за Солнцем.

Два года провел я в обсерватории Эрукои. Там был целый научный городок, расположенный у подножия Теневых гор на терминаторе, на 10° северной широты. Над поверхностью выступали только четыре купола с антитермическим покрытием. Два из них находились в зоне сумерек, примерно на границе знойной зоны, и два других — в зоне вечной ночи. Зато подземные сооружения простирались далеко под поверхностью знойного полушария, где в различных местах рядом с зеркалами, улавливавшими солнечную энергию, были установлены различные автоматические обсерватории.

На Меркурии постоянно находилось не больше трехсот человек, мужчин и женщин, и все были теknами. Я прибыл туда в тот день, когда мне исполнилось 25 лет. Космолет доставил меня в астропорт на ночном полушарии. Я едва успел разглядеть голую замороженную почву, поблескивавшую в свете прожекторов, и лифт унес меня в подземелье.

Несколько дней спустя наша маленькая группа поднялась на поверхность. Нас окружала ледяная ночь. Неподвижные звезды ярко сверкали, ослепительный свет Венеры отбрасывал на почву наши резкие тени. Мы сели в массивный экипаж, специально сконструированный для малых планет со слабым притяжением. За рулем был Сни, который прибыл в Эрукои на полгода раньше меня, а впоследствии стал моим ассистентом.

Мы двинулись к терминатору. По мере приближения к нему темнота медленно рассеивалась. Вершины Теневых гор, расположенных у границы ночной зоны, сверкали на фоне черного неба, освещенные косыми лучами Солнца. Они казались нереальными, словно висящими в пустоте над странно переливающимися тенями, которые и дали им это название — Теневые. Мы проехали мимо блоков №1 и 2 и проникли в знойную зону. Фильтрующие экраны мгновенно оградили нас от слепящего света. Я слышал, как потрескивает от жара броня машины.

— Расширение,— коротко объяснил Сни.— Внешняя антитермическая броня из подвижных пластин, вот они и ходят.

Наша машина не позволяла далеко углубиться в освещенную зону. В центре освещенного полушария температура превышала 700° от абсолютного нуля. Я побывал там лишь однажды, воспользовавшись подземным туннелем, чтобы осмотреть главную солнечную энергоцентраль, расположенную в глубине долины. Ее мощные генераторы работали, используя перегретый ртутный пар.

Мы добрались только до 3° долготы. Почва Меркурия — это сплошное нагромождение глыб, растрескавшихся от резких температурных колебаний еще в те далекие времена, когда планета вращалась вокруг своей оси. Иногда передо мной вздымались мрачные голые скалы, иногда попадались долины, заполненные тончайшим сыпучим пеплом, в котором можно было утонуть, как в воде. Нет слов, чтобы описать мертвящий ужас этих равнин, над которыми вздымаются черные вулканы на фоне слепящего неба, где пылает безумное Солнце!

Жизнь в подземном городке немного напоминала жизнь на ваших полярных станциях. Нас было достаточно много, чтобы зрелище одних и тех же слишком знакомых лиц не вызывало неприязни. Наоборот, нас всех, или почти всех, связывала тесная дружба. Нас объединял «меркурианский дух», как мы говорили, и он сохранялся даже на Земле, возрождаясь на наших вечерах «бывших меркурианцев». Все здесь были добровольцами, и лишь немногие просили сократить им нормальный трехгодичный срок. Наоборот, большинство рано или поздно снова возвращалось на Меркурий. Некоторые даже родились здесь, например старина Хорам, единственный человек, который действительно знал всю эту планету. С нежностью говорил он об ее ледяных пустынях и раскаленных плато.

Год спустя я стал директором обсерватории, а Сни — моим ассистентом. Это был довольно мрачный человек, великолепный физик, правда, недалекий, но абсолютно надежный.

Мои исследования заставляли меня проводить много времени в подземной лаборатории глубоко под блоком №3. Я обрабатывал данные о деятельности Солнца, собираемые семью автоматическими обсервато-

риями на знойном полушарии, и вместе со мной кроме Сни трудилось еще пять молодых физиков.

Каждые два месяца космолет с Земли доставлял оборудование, продукты, которые как-то разнообразили наше меню, состоявшее в основном из плодов гидропонных теплиц, и новости.

Однажды около полудня я разрабатывал свою теорию о солнечных пятнах, когда вдруг обнаружил, что, если мои расчеты верны, скоро настанет конец света. Помню, как я был ошеломлен, как не верил самому себе, двадцать раз проверял расчеты и под конец пришел в ужас! Словно безумный выбежал я из лаборатории, поднялся на поверхность в освещенном полушарии. Солнце, висевшее низко над горизонтом, пылало в небе как всегда. И тем не менее, если я не ошибался, это светило должно было в ближайшем будущем — через сто лет, через десять, завтра, а может быть, через секунду — взорваться и уничтожить огненным ураганом Меркурий, Землю и всю Солнечную систему!

Я ринулся в свою лабораторию, заперся там и, не говоря никому ни слова, проработал без передышки почти шестьдесят часов, не отходя от компьютера. Я не ел, не пил и поддерживал силы только возбуждающими таблетками. Человек — любопытнейшее создание! Когда я высчитал, что взрыв Солнца неизбежен, но произойдет не раньше чем через десять-пятнадцать лет, я разразился торжествующим смехом и, несмотря на усталость, пустился в пляс, распевая во всю глотку и опрокидывая столы и стулья. Затем я постепенно успокоился. Нужно было срочно предупредить Совет Властителей наук. Я попросил директора обсерватории немедленно послать на Землю запасной космолет с моим сообщением. Через несколько дней космолет возвратился; на нем прибыл сам Властитель неба Хани. Он оказался высоким стариком с холодными голубыми глазами и холеной, по-старомодному длинной седой бородой. Он сразу же прошел в мою лабораторию в сопровождении своей внучки Рении, прелестной блондинки, геофизика из института Властителя планет Снэ. Я изложил Хани свой новый метод расчетов и результаты, к которым пришел. Он долго проверял мои вычисления. Все было точно. Хани поднял глаза, обвел взглядом тихую пустую лабораторию, печально посмотрел на свою внучку, затем на меня.

— Орк,— сказал он,— мне жаль, что вы не ошиблись в своих расчетах. Если бы не они, вы когда-нибудь сами стали бы Властителем...

Мы долго сидели молча. Я смотрел на Рению. Она не дрогнула, когда я излагал результаты своих вычислений. Ее зеленые глаза затуманились, но тонкие, правильные черты лица сохранили выражение спокойной решимости. Она заговорила первой:

— Неужели мы ничего не можем сделать? Неужели человек жил напрасно? Может быть, лучше отправиться на звездолетах сквозь сверхпространство хоть куда-нибудь?

— Я думал о другой возможности,— сказал я.— Похоже — во всяком случае, сейчас мне так кажется — взрыв достигнет только орбиты Урана или, на худой конец, Нептуна. Солнце вряд ли превратится в обычную сверхновую звезду — мы имеем дело с чем-то совершенно особым. И если нам удастся отвести Землю на достаточное расстояние...

— Именно это и нужно сделать,— прервал меня Хани.— Но успеем ли мы? Десять лет слишком малый срок! Я останусь на месяц с вами. В конечном счете все ваши выводы основаны только на наблюдениях последнего полугодия. Я затребую из архивов все, что относится к новым звездам и к деятельности Солнца за последние годы. Мы вместе продолжим вашу работу, а там посмотрим.

За исключением Хани, Рении и моих непосредственных помощников, никто на Меркурии, даже астрономы, не подозревал о жестокой истине. Считалось, что Хани прибыл на Меркурий для проверки нашей работы, что иногда бывало, хотя и редко.

Я взялся за работу вместе с Хани и почти каждый день виделся с Ренией. Казалось, старик не мог и часа обойтись без своей внучки. Только она могла его успокоить, когда он злился и нервничал.

Мы перепроверили все архивы о солнечной деятельности и все наблюдения последних лет. На Земле в это время целая армия астрофизиков изучала все, что было известно о новых и сверхновых звездах в начальной стадии их образования, и пересылала нам результаты на космолетах особого назначения. Чтобы отвлечь хотя бы на время любопытство астрономов, Хани распространил слух, будто он проверяет одну из моих теорий, согласно которой наиболее близкая к нам звезда, Этанор, вскоре превратится в сверхновую.

Воспользовавшись первым попавшимся довольно неопределенным предлогом, Совет Властителей наук через правительство триллов снова ввел закон Алькитта, который позволял Совету в случае необходимости мобилизовать все энергетические и людские резервы обеих планет. Постепенно, чтобы не вызвать огласки, начались подготовительные работы.

Наши расчеты позволили уточнить срок солнечного взрыва. Нам оставалось десять лет и шестьдесят четыре дня. Однако мы не могли рассчитывать больше чем на восемь лет — это было пределом, за которым кончался «запас прочности». Следовательно, через восемь лет Земля и Венера должны были удалиться от Солнца за орбиту Урана. О том, чтобы спасти другие планеты, не могло быть и речи, и одно время мы даже рассматривали всерьез проект, по которому колонистов Венеры предполагалось переселить на Землю. Но в конечном счете выяснилось, что эта операция плюс сооружение герметических подземных убежищ еще для семисот миллионов человек, а также сельскохозяйственных ферм, чтобы обеспечить их питанием, оказались бы гораздо сложнее перемещения с орбиты самой Венеры.

Хани с Ренией отбыли на Землю, и лишь некоторое время спустя я почувствовал, как мне их не хватает. Я привык к старику, к его гневным вспышкам и грубому юмору, к неоценимой помощи, которую он мне оказывал. И должен признаться, что я также привык к умиротворяющему присутствию Рении. С грустью поднимался я теперь без нее на вершины Теневых гор.

Через полгода после их возвращения на Землю о грядущем взрыве Солнца было сообщено всему человечеству, но лишь как о наиболее трагичном из возможных исходов. По решению Совета, одобренному правительством триллов, началось сооружение гигантских космомагнетических движителей на полюсах Земли и Венеры, которые должны были вывести обе планеты с их орбит. Еще некоторое время спустя вступил в силу закон Алькитта, и с этого момента все на обеих планетах было подчинено одной великой цели. Затем совершенно неожиданно я был отозван на Землю. В последний раз обошел я знакомые лаборатории, которые мне не пришлось больше увидеть, и улетел, оставив Сни своим заместителем и поручив ему продолжать наблюдения.

Я ничего не знал о причинах столь срочного вызова. Поэтому, наверное, был удивлен больше всех, когда приказом Совета Властителей меня вдруг назначили главой Солодины, вновь созданной организации для контроля над всей подготовкой к великому путешествию наших пла-

нет сквозь космос, с почти забытым древним званием Верховного Координатора.

Так в мои двадцать семь лет я оказался во главе организации, которая в той или иной степени контролировала всю жизнь двух планет!

Едва я вышел из космолета, как меня потребовали в Совет. Впервые после принесения клятвы текна я снова вошел в этот зал. На сей раз атмосфера была куда менее торжественной, зато более напряженной. Все Властители были в сборе, даже Властитель людей.

Я сел, и Тхар, Властитель машин, начал свой доклад. Гигантские космомагнетические движители будут готовы через три года и еще через год смонтированы и установлены. Раньше с этим не справиться, потому что невероятные размеры космомагнитов требуют разрешения множества совершенно новых проблем. Например, прежде всего необходимо построить станки, способные обрабатывать огромные детали.

Затем заговорил Властитель планет Снэ: установка гигантских космомагнитов на полюсах требует решения сложнейших вопросов из области геологии и геофизики. Можно сравнительно легко растопить ледяной панцирь на южном полюсе, но это вызовет значительный подъем уровня Мирового океана, который затопит целые страны. Поэтому лучше избавиться ото льда лишь на ограниченном участке, таком, какой необходим для космомагнита. Что же касается Северного Ледовитого океана, при глубине, достигающей почти километра, нечего и думать об установке в столь короткий срок надежного фундамента. Подводный космомагнит слишком сложен, и постройка его тоже требует много времени. Поэтому Снэ предлагал вместо одного космомагнита на Северном полюсе разместить кольцо из менее мощных двигателей на суше, в наиболее высоких широтах.

Властитель энергии Псил ответил на это, что хотя такой проект и кажется ему единственно приемлемым, однако малейшее расхождение в синхронной работе малых космомагнитов вызовет избыточные напряжения земной коры, чреватые сейсмическими сдвигами.

Один за другим Властители высказывали свои соображения. Постепенно я начинал понимать, какая титаническая задача возлагалась на меня. Нужно было предусмотреть эвакуацию всех людей в подземные города с герметической изоляцией и автономным снабжением, законсервировать значительную часть атмосферного воздуха, создать подземные поля и гидропонные плантации, способные кормить все население в течение долгих лет. Разумеется, можно было бы оставить часть автоматических заводов фотосинтеза на поверхности, чтобы они использовали энергию сверхновой, но я надеялся, что к тому времени, когда она вспыхнет, мы будем уже далеко.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ИЗ ДЕЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Едва приступив к своим обязанностям, я был целиком захвачен работой координатора, которая вынудила меня полностью забросить мои собственные исследования. Я поручил продолжать их Сни, вызванному по моей просьбе на Землю. К тому же основная часть работы была уже сделана мною и Хани, а все остальные изыскания, не имевшие прямого отношения к великому путешествию, были приостановлены.

Здание моего директората в Солодине находилось на южной окраине Хури-Хольдэ, и я мог из окна любоваться прекрасной долиной Хур с ее бескрайними полями, лесами и спокойной рекой. Природа, навсегда избавленная от изгородей, телеграфных столбов и опор электролиний, которые так уродуют ее в вашу эпоху, была прекрасна как никогда!

Огромный метрополис с 90 миллионами жителей кончался сразу, и уже в пятидесяти метрах от городских утесов начинался кедровый бор. Всего несколько месяцев назад небо было заполнено легкими планерами, ибо парящий полет был у нас самым популярным спортом. Но сейчас планеры оставались в ангарах, и только космолеты земных линий как черные мухи возникали на горизонте, со свистом зависали над взлетными площадками, причем их пассажиры даже не чувствовали перегрузок благодаря антигравитационным и внутренним антиинерционным полям. И нигде ни одного наземного экипажа!

Из моего кабинета я видел уходившие за горизонт висячие сады и небоскребы Хури-Хольдэ. Однако ни один из них не достигал 1200-метровой высоты Солодины. На востоке возвышался курган Эроль, воздвигнутый две тысячи лет назад во время постройки города из отвалов породы, вынутой из подземных этажей. Всего полгода назад он был высотой в полтора километра, а теперь стал на триста метров выше, ибо люди и машины день и ночь углубляли и расширяли подземную часть Хури-Хольдэ, рыли огромные пещеры, где должны были зреть хлеба под искусственным солнцем, строили гигантские резервуары для сжиженного воздуха и воды. Свежие отвалы светло-коричневого цвета резко выделялись на склонах, буйно поросших лесами. По подземным путям, связывавшим их с Уром и Лизором, крупными городами-заводами, беспрерывно поступали металл, цемент и всевозможные материалы. Подземелье содрогалось от грохота машин. То же самое происходило во всех земных городах, то же самое было и на Венере, столица которой Афрои насчитывала 80 миллионов жителей.

Проблема океанов прибавила немало седых волос и мне и моим помощникам. Хотя поверхность океанов в наше время уменьшилась, они все еще покрывали большую часть Земли. Сами по себе моря и океаны нас не волновали: они либо замерзнут, либо испарятся, чтобы потом выпасть ливнями, вот и все. Но они представляли собой неисчерпаемый резервуар жизни, и эта жизнь была для нас бесценным сокровищем, которое мы хотели спасти. Единственным выходом было сооружение подземных водоемов. Нам так и не удалось найти решения всех этих вопросов. Группа биологов составила список лишь тех видов, которые необходимо было сохранить любой ценой.

Наконец-то я смог отправиться в инспекционный полет для осмотра геокосмосов. Я начал с Южного полюса. Собственно, я прекрасно знал о ходе работ по докладам, поступавшим каждую неделю, а также благодаря телевидению и частым беседам, которые вел из Хури-Хольдэ с Ренией и другими техническими работниками. Но я хотел видеть собственными глазами эту гигантскую строительную площадку. Поэтому я вызвал свой космолет и с удовольствием сел в кресло пилота.

Сразу же я поднялся выше тридцати километров. На этой высоте не было грузовых космобусов, а межпланетные корабли следовали по строго определенным маршрутам. Опасность столкновения здесь была почти исключена, поэтому я разогнался до 10 тысяч километров в час.

Когда я приземлился, сияло Солнце и ледяная шапка ослепительно сверкала в его лучах. Из котлована диаметром около двухсот километров лед был удален, и почва Антарктиды впервые за миллионы лет пред-

стала глазам человека. По периферии котлована были расположены рабочие лагеря, группы маленьких домов из изоплекса. Я спустился прямо к лагерю № 1, где рассчитывал найти Рению и главного инженера Дилка.

Несколько часов я провел с инженерами, затем вместе с Ренией облетел на большой высоте весь котлован. Самое трудное уже было сделано. Прозрачные стены из резилита надежно удерживали льды. Ось геокосмоса проникла на двенадцать километров в глубь Земли.

Строительные работы приближались к концу. Но монтаж самого гигантского движителя, который должен был придать скорость звездолету «Земля», только начинался. Первые части его лишь начали поступать с заводов, и сборка должна была занять еще несколько лет. Затем последует критический период испытаний. И наконец, когда все будет готово, человечество спрячется в свои подземные города, и начнется великий путь.

Мы переместим обе наши планеты далеко за Плутон, а когда после взрыва сверхновая утихомирится, мы вернемся на подходящие орбиты возле Солнца. В то время ни о чем ином мы не думали, хотя у меня уже тогда зарождались сомнения.

С сожалением покинул я Южный полюс и направил свой космолет на север. Я приземлился в Гренландии, на северном побережье, где строился геокосмос № 3. Гораздо меньшего размера, чем южный гигант, он был уже почти готов. Однако нужно было смонтировать десять таких геокосмосов по периферии Северного полярного круга. Из Гренландии я вернулся в Хури-Хольдэ и погрузился в повседневную рутину. Так продолжалось до того памятного дня, когда Властитель людей Тирал попросил у меня аудиенции.

Тирал руководил всеми социологическими исследованиями, был посредником между Советом и правительством триллов, но одновременно — разумеется, эту тайну знали только члены Совета — являлся начальником нашей секретной информационной службы. Это был физически еще молодой человек — ему едва исполнилось 87 лет, — высокий и очень сильный — в студенческие годы он не раз завоевывал звание чемпиона по борьбе. До сих пор я почти не имел с ним дела и не испытывал к нему особой симпатии.

— Орк, — сказал он, — в своей работе вы никогда не сталкивались с чем-либо, хотя бы отдаленно напоминающим саботаж?

— Нет, — ответил я, слегка удивленный. — Разумеется, бывают случаи недовольства, однако это понятно, и мы это предвидели. Но что касается злого умысла, то этого нет. Тем более случаев саботажа. Если бы они были, я бы немедленно предупредил Совет!

— Ну да, конечно, если бы у вас были доказательства. Но разве вы предупредили бы совет, опираясь только на подозрения? Впрочем, это неважно, раз вы ничего не заметили. Значит, заговорщики еще не решились приступить к действиям...

— Какие заговорщики?

— Фаталисты. Шайка идиотов, которые утверждают, что, если Солнце взорвется, значит такова судьба, фатум, рок, и Земля должна погибнуть. Похоже, они думают, будто, спасая свою плоть, мы губим душу и что солнечный огонь должен нас очистить. Они основывают свою веру на всяких вздорных пророчествах, сохранившихся в священных книгах киристан, этой религиозной секты, которая, по словам некоторых историков, восходит, может быть, даже к эпохе первой цивилизации.

Я полагал, что киристане — разумные люди, хотя и не разделял их убеждений... Я с ними знаком... Да что там говорить, моя бабушка была одной из них!

— Да нет, это вовсе не они. Если мои сведения точны, это новая, но уже достаточно влиятельная секта. По несчастной случайности один из их пророков объявил о грядущем конце света ровно за два месяца до того, как Совет решил обнародовать сведения о неустойчивом состоянии Солнца. Возможно, среди них уже сейчас есть люди, занимающие высокие посты, например, из полиции триллов.

Я выругался. При условии, что все пойдет хорошо, мы только-только успеем все сделать. Но если начнутся волнения...

— Что же делать?

— Пока ничего. Я надеялся, что вы припомните какие-нибудь подозрительные факты, которые мне позволят действовать. Но при таком положении вещей, если даже мы арестуем кое-кого из заправил,— а мы знаем далеко не всех!— нам не избежать конфликта с правительством, потому что с юридической точки зрения это будет чистейшим произволом. Наш закон гарантирует свободу мысли и вероисповеданий. Мы не можем арестовать человека лишь за то, что он верит, будто мы поступаем неправильно, не желая покориться судьбе!

— Понимаю,— сказал я.— Очевидно, у вас уже есть агенты на всех геокосмосах?

— Разумеется! Тем не менее, если кто-нибудь из ваших инженеров сообщит вам о неполадках...

— Договорились! В свою очередь, если вы что-либо обнаружите...

Тирал ушел. Как всякий техн, я был воспитан на мысли, что человек может и должен бороться с враждебными силами природы, и мне трудно было поверить, что кто-то думает иначе. Это казалось невероятным!

Однако подозрения Тирала оправдались лишь много позднее, а пока все было спокойно, все шло своим чередом, и я отправился в инспекционное турне на Венеру.

Часть вторая

КАТАКЛИЗМ

ВЕНЕРА

Я никогда раньше не был на Венере. Наши отношения с венерианами были довольно щекотливыми. Венеру освоили и заселили задолго до нашествия друмов. Планета, как и предполагалось, была окружена густым слоем формальдегида, и, прежде чем начать заселение, необходимо было сделать ее пригодной для жизни людей. Под руководством выдающегося ученого Пауля Андрсона началась физико-химическая обработка Венеры,

известная под названием «Большого Дождя», которая полностью изменила всю атмосферу. В результате планету окружил плотный слой облаков, но теперь они состояли из водяных паров. Был ускорен слишком медленный суточный цикл вращения Венеры и доведен до 28 земных часов. В ту отдаленную эпоху мы еще не знали космомагнетизма, и необходимую энергию дали атомные станции, где мы использовали не распад атомов, тяжелых или легких, а гораздо более мощную реакцию аннигиляции материи.

И гораздо более опасную! В 2244 году произошла катастрофа. По неизвестным причинам семь из десяти атомных станций взорвались одновременно, и почти над всей Венерой повисло облако радиоактивного газа. К счастью, период его распада оказался коротким. Помощь уже начала прибывать с Земли, когда на нас обрушились друмы.

Тут всякая связь между двумя планетами прервалась более чем на тысячу лет. Все документы, которые могли подсказать друмам, что у нас есть собратья на Венере, были спрятаны или уничтожены. А Марс был уже в их руках, если только можно так называть суставчатые щупальца друмов.

На Венере люди жили еще в городах под куполами, из последних сил борясь за свое существование. На фауну Венеры радиация оказала неожиданно сильное влияние.

До прихода людей на Венере не было никаких форм жизни, поэтому мы ввезли животных и растения с Земли. В основном это были различные виды из африканских и американских заповедников: крупные и мелкие млекопитающие, хищные и травоядные, некоторые насекомые. За сто лет нам удалось создать на Венере почти устойчивое экологическое равновесие. Большая часть земных животных погибла в результате атомной катастрофы. Некоторые наиболее стойкие виды не претерпели изменений. Зато остальные животные стали жертвой странных мутаций. И теперь на слабо заселенной Венере, особенно на слишком жарком для людей экваториальном континенте, обитали кошмарные существа.

Немногочисленные и лишенные мощной техники колонисты Венеры тем не менее сохранили бóльшую часть теоретических знаний, забытых на Земле за время владычества друмов. И когда после отлета друмов к нам прибыл первый корабль с Венеры, мы сумели быстро наверстать потерянное. Новая цивилизация расцвела на Земле, и мы опять вырвались вперед. Венериане вынуждены были скрепя сердце признать наше превосходство в могуществе и знаниях. Их собственная цивилизация в некоторых отношениях была более утонченной, чем наша, особенно в области искусства, а разделение на текнов и триллов менее четким. Их столица Афрои насчитывала немногим меньше жителей, чем Хури-Хольдэ, хотя все население Венеры составляло лишь ничтожную часть земного.

Монтаж гигантских космомагнитов на Венере продвигался не так успешно, потому что у них не было больших городов-заводов. Однако мы стремились во что бы то ни стало спасти эту необычайно богатую минералами и плодородную планету. Я прибыл туда в сопровождении Хани, Рении и целого штаба специалистов.

Облака, вечно окружающие Венеру, лишь изредка позволяли видеть Солнце, поэтому здесь царил смутный полумрак, тягостный для только что прибывших землян. Все очертания казались неясными, размытыми. И здесь было невыносимо жарко, поэтому венериане одевались более чем легко. Их глаза, приспособленные к полумраку, были заметно больше, чем у землян, и гораздо светлее, обычно бледно-серого цвета. Но эта особенность была не стойкой, и дети от смешанных браков между венериа-

нами и землянами всегда рождались с нормальными глазами.

Рения происходила из венерианской семьи, но по какому-то капризу наследственности ее огромные глаза были светло-зелеными. Рения покинула Венеру еще в детстве, но хорошо помнила все обычаи своей родины и была для меня бесценным гидом. Благодаря ей я не так уж часто попадал впросак.

На Венере было пять материков: три северных, из которых самый населенный — полярный, и два южных, протянувшихся от тропиков до Южного полюса. В северном полушарии близ экватора разбросана по океану цепь необитаемых островов, средняя температура там выше 55°. Под почти непрекращающимися проливными ливнями среди странных желтых деревьев на этих островах живут фантастические создания — «лерми», огромный жук, способный своими клешнями перерубить пополам человека; «фориа» — далекий потомок земного крокодила, бронированная рептилия длиной в двадцать пять метров, тяжелая и медлительная, но способная на расстоянии убить любого зверя ядовитым плевком, и, наконец, гориллоподобная Эри-Куба — загадочное существо, которое никто никогда не видел вблизи, потому что все, кто встречался с ним, погибали. На северных континентах фауна была не столь устрашающей: здесь встречались слоны, крупные, необычайно умные слоны с раздвоенным хоботом, светло-желтые тигры, сочетавшие качества тигра и льва, и, конечно, «флеа» — шестиметровые летающие ящерицы неизвестного происхождения, которых молодые спортсмены на Венере приручали под седло.

Венерианский пейзаж под низким сводом облаков, залитый рассеянным сумеречным светом, вызывал у землян щемящую грусть. Дожди без конца хлестали по серым просторам неглубоких океанов, и ветры постоянно пенили их. Берега почти повсюду резко обрывались нагромождением голых скал, но широкие мутные реки далеко выносили свои разветвленные дельты, где вызревал необычайно крупный и вкусный венерианский рис.

Молодые горы, едва затронутые эрозией, вздымали к облакам иглы черных и красных вершин. Экваториальные континенты сплошь были покрыты лесами из гигантских деревьев.

Венерианские города поражали своим блеском и красочностью. Афрои, построенная из мрамора, с ее широченными проспектами, огромными ступенчатыми террасами и великолепными памятниками, привольно раскинулась полумесяцем на берегу Казомирского залива Теплого моря. По сравнению с этой столицей даже Хури-Хольдэ казался захолустьем.

Меня приняли члены правительства Венеры. В отличие от Земли здесь не было Совета Властителей наук. Разумеется, некоторые Властители были родом с Венеры или с Марса, но они все входили в земной Совет — высшую инстанцию для всех планет.

Как и на Земле, я осмотрел гигантские космомагниты. Их было всего два, оба того же типа, что и у нас на Южном полюсе, поскольку на Венере нет ни полярных океанов, ни льдов. Для станций релейной связи, возводимых близ экватора, мы вынуждены были предусмотреть охлаждающие установки. Эти станции оказались необходимыми, потому что на Венере не было такой густой сети энергоцентралей, как на Земле.

Всюду работы шли полным ходом...

Неожиданно я получил приказ Совета вернуться немедленно в Хури-Хольдэ.

ФАТАЛИСТЫ

Хани ждал меня в своей лаборатории. Его суровое, осунувшееся лицо говорило, что он смертельно устал. Без всяких предисловий он вдруг сказал:

— Орк, некий Кельбик, молодой ученый из Арекнара, несколько дней назад прислал нам подробный анализ состояния Солнца. Выводы далеко не радостные. Мы проверили все его расчеты. Взрыв Солнца распространится далеко за орбиты Нептуна и даже Плутона. Но это еще не самое худшее. После взрыва Солнце превратится в черного карлика!

— В черного карлика? Но ведь мы нашли всего две таких звезды в радиусе десяти тысяч световых лет!

— Да, но что делать? Нам не повезло. Вот расчеты. Зато у меня есть для вас другая, хорошая новость. Очевидно, до взрыва у нас будет на несколько месяцев больше, чем мы рассчитывали.

— Итак, к какой звезде мы направим свой путь?— спросил я.— К Этанору? Или к Белюлю?

— К Этанору. Попытаем сначала счастья у ближайшей звезды. Но пока у нас новые осложнения. Движение фаталистов ширится, и я уже не раз себя спрашивал: не подведет ли нас наше старое правило? Если бы мы только могли подробно и точно объяснить положение триллам!

Увы, скоро я убедился, что дело обстояло значительно хуже, чем думал Хани. Фаталисты, оставаясь пока что в тени, умело выдвинули на первый план другую группировку, так называемых экономистов. Экономисты, явно науськиваемые фаталистами, сеяли слухи, будто текны сознательно лгут, чтобы заставить триллов согласиться на безумный полет к другим звездам, который текны в действительности задумали только ради удовлетворения собственного любопытства. Вся беда заключалась в том, что мы ничего не могли как следует объяснить: мой собственный метод расчетов, благодаря которому я обнаружил, что Солнце скоро взорвется, был доступен лишь нескольким десяткам математиков на всей планете, а что касается кельбиковского анализа, то, едва познакомившись с ним, я понял, что даже мне придется над ним попотеть. Мы сами стали жертвами своей старой политики сознательного ограничения знаний масс. Теперь из-за нее мы не могли объяснить народу, насколько реальна была нависшая над ним угроза, причем объяснить так, чтобы нас поняли. Мало того — среди самих текнов лишь немногие могли усвоить выдвигаемые нами доказательства.

Через неделю после моего возвращения глава экономистов Ужьях начал против нас кампанию в триллаке — палате депутатов. В яростной речи он обрушился на Совет Властителей, обвиняя их в непомерной растрате энергии, припомнил несколько смертельных случаев, какие неизбежны на больших стройках, несмотря на все предосторожности, обвинил дирекцию Солодины в неспособности руководить работами и наконец потребовал отмены привилегий текнов и возвращения их под общую юрисдикцию, суда над виновными и передачи общего руководства геокосмосами правительству триллов. В заключение он обвинил Совет в распространении сознательной лжи относительно будущего состояния Солнца. Разумеется, Тирал сразу же включил прерыватель волн и отрезал зал триллака от остального мира, но это дало отсрочку всего на несколько часов. С некоторым беспокойством мы ожидали решения правительства. Наконец оно было объявлено: вынося порицание Ужьяху за его резкий тон, правительство тем не менее постановило начать расследование относительно необходимости путешествия к Этанору. Одновременно прези-

дент Тхел обратился ко всем триллам с призывом никоим образом не замедлять работ по сооружению геокосмосов, поскольку Солнце так или иначе взорвется — в этом не сомневался уже никто.

Ободренный первым тактическим успехом, Ужьях ультимативным тоном потребовал, чтобы я его принял. Сначала я хотел отказаться, но вмешался Тирал и уговорил меня. Итак, я ждал у себя в кабинете, положив на всякий случай маленький лучевой пистолет, фульгуратор, под папку с бумагами у себя на столе.

Вождь экономистов вошел с надменным видом. Он оказался очень мал ростом, что среди нас было редкостью, и держался неестественно прямо и скованно. Он сел, не дожидаясь приглашения. Я молча рассматривал его, припоминая все, что мне рассказал о нем Тирал. Отец Ужьяха был текн, мать — из триллов, сам он сначала был отнесен к текнам, однако в 17 лет исключен из этой категории, как неспособный заниматься науками: в них он искал не знания, а способ пробиться к власти. Разумеется, самолюбию его это нанесло жестокий удар. Он приобрел редкую в наше время профессию антиквара и занялся перепродажей древностей, но вскоре у него начались неприятности с полицией. За незаконные раскопки на том месте, где был Сан-Франциско, Ужьях попал под суд и был вынужден прикрыть свое дело. После этого он ударился в политику и вскоре стал признанным главой экономистов.

— Итак?— спросил я наконец.— Что скажете?

Он небрежно оперся локтем о мой стол и ответил:

— Итак, полагаю, вы слышали мою речь...

— Да, набор глупостей и вранья, если хотите знать мое мнение...

— Возможно, возможно, однако эти глупости и вранье попали в цель!

— Вам известно, что я мог бы вас арестовать?

— Пожалуйста, попробуйте!

Я пожал плечами.

— Пока в этом нет необходимости.

В действительности я был встревожен гораздо больше, чем признавался даже самому себе. Движение фаталистов оказалось много сильнее и шире, чем мы предполагали. Мы уже не знали, можно ли доверять полиции.

— Что вам нужно?

— Откажитесь от этой безумной идеи путешествия к другой звезде, и я обещаю, что все успокоится.

— Это вовсе не безумная идея! После взрыва Солнце превратится в черного карлика. Вы знаете, что такое черный карлик?

— Звезда, которая больше не испускает излучений?

— Не совсем так. Это такая горячая звезда, что большая часть ее излучений располагается в ультрафиолетовом диапазоне. Кроме того, Солнце будет окружено газовым облаком, которое не позволит нам приблизиться. А на том расстоянии, на котором нам придется остаться, мы сможем обеспечить жизнь всего нескольким сотням миллионов людей, да и то на два-три поколения в лучшем случае.

— А кто подтвердит, что все это правда? Вы мне можете это доказать?

— И вы еще были текном!— с горечью воскликнул я.— Неужели вы думаете, что можно так просто доказать нечто бесконечно сложное? Мне самому понадобилось несколько недель, чтобы все понять до конца.

— Иными словами, вы отказываетесь?

— Я просто не могу. Поверьте, я предпочел бы вас убедить с цифрами в руках...

— В таком случае мне здесь больше нечего делать.

— Тем хуже для вас!

И он вышел, прямой как палка. Я позвал Тирала.

— Может быть, стоит его арестовать?

— Нет, еще не время. Мы не готовы...

— Что же делать? Этот мерзавец сорвет все наши сроки, если ему удастся организовать на стройках забастовки.

— Постараемся выиграть время. Пока вас не было, я начал устанавливать на улицах защитные устройства под видом улучшения освещения. Все делают надежные техны. Через несколько часов все будет закончено.

— И никто ничего не заподозрил?

— Пока нет! К тому же мои установки могут служить и дать освещение, разумеется, если кое-что в них изменить.

— А в действительности?

— Триллы принимают нас за дураков. Совет уже давно предвидел возможность восстания. И если наша информационная служба не всегда была на высоте, то этого не скажешь об отделе обороны. Вы знаете план номер двадцать один? Ах, нет, конечно, я забыл! Вы ведь не входите в Совет, несмотря на свой высокий пост. Поэтому я не смогу вам ничего рассказать без разрешения Совета Властителей. Впрочем, они разрешат...

— В таком случае у вас на сегодня все? — раздраженно прервал я его.— У меня срочные дела. А пока я прикажу раздать моим инженерам фульгураторы.

Едва Тирал ушел, я отдал необходимые приказания и снова погрузился в работу.

Прошло, наверно, немало часов — для меня они пролетели, как минуты,— когда в спокойной тишине вечера прозвучал первый взрыв. Грохот докатился издалека, но здание Солодина дрогнуло — так велика была сила взрыва. А через несколько мгновений до открытых окон снизу донесся неясный гул. Я поднялся, вышел на балкон и взглянул на расположенные далеко внизу террасы. На самой нижней сверкнула молния, прорезав по диагонали густую толпу. Я бегом бросился в кабинет и вернулся на балкон с биноклем. Прижавшись в углу террасы, стоял техн, которого можно было легко узнать по серому одеянию, и сжимал в руке сверкающий фульгуратор. Он успел выстрелить еще два раза, потом толпа сомкнулась над ним, и тело его полетело через парапет.

Я вернулся в кабинет, недоумевая, почему меня никто не предупредил о таком стремительном и грозном развитии событий. И тут же побледнел и проклял себя за глупость: чтобы меня не беспокоили, я сам отключил питание и прервал всякий контакт с окружающим миром. В тот момент, когда я вновь опустил рубильник, прозвучал второй взрыв. Экран тотчас осветился, и я увидел встревоженное лицо Хани.

— Орк, наконец-то! Где вы были!

Я объяснил, в чем дело, сгорая от стыда.

— Ладно, это неважно. Мы боялись, что бунтовщики добрались до вашего этажа и убили вас!

— Но что происходит?

— Переключите экран на Ракорину, и вы увидите!

Я повиновался. Широкая улица была заполнена орущей толпой, вооруженной чем попало: топорами, ножами, железными прутьями; кое-где мелькали фульгураторы. Толпа двигалась к перекрестку Кинон, сметая редких полицейских.

— Как видите, наши друзья перешли от слов к делу.

— Кто? Экономисты?

— Экономисты? Эти бездарные болтуны? О нет! Это фаталисты! Пока что опасность не так велика. Мы осуществили план номер двадцать один. Все подступы к жизненно важным центрам перекрыты решетками. Но в Хури-Хольдэ много взрывчатки, и даже триллы легко смогут ею воспользоваться. Боюсь, что эта отсрочка ненадолго.

На экране во главе толпы шагал высокий человек, размахивая огромным черным знаменем с изображением земного шара, пронзенного молнией. Знамя фаталистов!

— Много ли их?

— К счастью, меньшинство. На Венере все спокойно.

— Что с геокосмосами?

— Им пока ничто не грозит. Да, кстати, не вздумайте подняться на своем космолете! Мы излучаем из физического факультета волны Книла.

Мне стало нехорошо от одной мысли, что я мог, поддавшись панике, броситься к своему космолету. Под действием волн Книла любой космомагнетический двигатель при включении мгновенно высвобождает всю свою энергию. Теперь я понял происхождение этих невероятных по силе взрывов!

— Много жертв?— спросил я.

— Увы, уже достаточно! Погибли все, кто находился поблизости от космолетов, которыми эти болваны хотели воспользоваться, несмотря на наши предупреждения. Теперь они охотятся за отдельными теknами и убивают всех без пощады. Но довольно слов, время не ждет! Мы не можем к вам пробиться. Слушайте, командный щит обороны города находится в комнате сразу под вашим кабинетом. Там должен был оставаться Тирал, но от него нет никаких сообщений, и мы боимся, что он погиб. Спуститесь вниз и займите его место!

Дверь распахнул передо мной офицер охраны. Огромный стол представлял собою светящуюся схему Хури-Хольдэ с красными кнопками на каждой улице. Я включил экран и снова увидел Хани.

— Теперь, Орк, беспрекословно выполняйте то, что я вам прикажу! Я говорю от имени Совета, который принял решение, исходя из интересов всего человечества и ради нашего будущего. Нажмите красную кнопку на схеме, на Ракорине!

— И что последует?— спросил я.

— Смерть нескольких сумасшедших и, увы, многих идиотов, которые за ними последовали. Центральную ось улицы зальют лучи Тюлика.

Я побледнел. Лучи Тюлика были дьявольским изобретением, которое никогда еще не использовалось,— эту тайну Совет оберегал особенно тщательно. Лучи Тюлика вызывали распад нервных клеток.

— Неужели нет другого способа?— спросил я.

— Нет, Орк. Поверьте, нам это не менее отвратительно, чем вам. Но мы не можем позволить этим кретинам отнять у человечества единственную возможность выжить ради удовлетворения их мании.

Как завороженный смотрел я на маленькую красную кнопку. Легкий нажим пальцем — и миллионы человеческих жизней угаснут. Я включил другой экран и снова увидел Ракорину. Теперь черным знаменем размахивала очень красивая молодая женщина. Толпа остановилась. Прислонившись спиной к стене, какой-то человек со значком партии экономистов пытался образумить обступивших его фанатиков. Человеческие существа!.. Одно движение пальца — и от них не останется ничего, кроме холмиков инертной протоплазмы. Меня мутило от бессмысленности всего

этого, и на мгновение я даже подумал: а может быть, фаталисты правы? Может быть, человечество и не стоит спасать?

А на экране толпа снова двинулась вперед. Нарастая, зазвучала песня:

Все хотим мы умереть,
Все хотим в огне сгореть
Со своей Землею!

— Итак, Орк? — прозвучал холодный голос Хани.

Я посмотрел на него с ненавистью. Как он был хладнокровен! Но я взял себя в руки. Под маской невозмутимости угадывалось страшное напряжение всего его существа. Я был только орудием, а он вместе с другими Властителями — волей.

Солнце, всех планет отец,
Примет всех нас наконец
С нашею Землею!

Куплеты были в плясовом ритме, но песня звучала мрачно и грозно. Последний раз взглянув на экран, я нажал кнопку.

Совсем близкий взрыв потряс стены, и обломки посыпались дождем. Я приблизился к окну, взглянул вниз. На верхней террасе вопящая толпа теснилась возле небольшой металлической рамы. Блеснуло пламя, и под крики фанатиков с рамы соскользнул маленький снаряд. Он взмыл вверх и взорвался на уровне моего личного кабинета, разнеся на куски бронированное стекло. Без колебаний я подошел к столу, отыскал на схеме кнопку, соответствовавшую этой террасе. Крики смолкли.

Бунт был подавлен без всякой жалости. Правительство триллов, опомнившись наконец, объявило вне закона экономистов заодно с фаталистами.

Если в Хури-Хольдэ и других местах мятежников удалось усмирить довольно скоро, то кое-где события развернулись иначе. В Хориарто фаталисты захватили город, убили всех текнов и многих триллов, и пришлось осаждать их по всем правилам целых две недели. До последнего момента мы пытались спасти заложников, но когда бунтовщики начали обстреливать ракетами один из северных геокосмосов, находившийся от них в трехстах километрах, мы были вынуждены разрушить город. Затем на Земле вновь воцарилось спокойствие. Беспощадно преследуемые всюду фаталисты исчезли, словно их и не было.

Тирал так и не появился. Мы поняли, что он был убит в самом начале восстания.

ОТЛЕТ

После мятежа фаталистов, который произошел в конце 4604 года, для людей потянулись месяцы тяжкого труда, прерываемого редкими часами досуга. Великие работы завершались одна за другой. Постепенно люди переселялись в герметические подземные города: днем они еще работали на поверхности, но на ночь спускались под землю. Все геокосмосы были смонтированы и являли собой внушительное зрелище, особенно гигант на Южном полюсе, с его куполом диаметром в 12 километров, который медленно поворачивался вокруг своей оси в направлении, обратном вращению Земли. И тогда возникла сложнейшая проблема: как вы-

вести с орбит обе планеты, избежав при этом сдвигов коры, которые грозили неисчислимыми жертвами и полным разрушением всех наших сооружений?

Не без труда мы справились с расчетами, и наконец великий день настал. В контрольном зале на глубине семисот метров вокруг меня собрались все члены Совета; тут же были представители правительства триллов и несколько делегаций от текнов и триллов. Перед нами на приборном щите светились интеграционные экраны, отмечавшие графиками малейшие изменения в напряжении земной коры.

Я приблизился к щиту в сопровождении своего штаба специалистов: Совет единогласно доверил мне эту высокую честь. Из застекленной кабины, где находились автоматы-регистраторы, Рения ободряюще кивнула, и я сел за пульт.

Положив руки на клавиши управления, я пробежал по ним пальцами. Питание еще не было подключено, и клавиши мягко подавались от малейшего нажима. Старт должен был произойти ровно в полдень, а сейчас было только 11 часов 40 минут. Я сидел, чувствуя страшную неловкость, и не знал, как себя вести. Я включил межпланетный экран, и передо мной появилось лицо Килнара, которому на Венере предстояло сыграть ту же роль, что и мне на Земле. Выдающийся геофизик, он был моим соучеником по университету, и мы остались добрыми друзьями, хотя виделись редко. Он скорчил мне лукавую малопочтительную гримасу, которую почти мгновенно, без временного отставания донесли до Земли волны Хэка — мы лишь недавно начали их использовать для связи.

— Осталось пять минут,— прозвучал голос моего бывшего ассистента Сни.

Зная его непоколебимое хладнокровие, я настоял, чтобы он находился рядом со мной.

— Хорошо. Включить запись!.. Проверить контакты!..

— Все в порядке!

Я пристально смотрел на контрольную лампу прерывателя, который должен был мгновенно отключить энергию, если какой-нибудь геокосмос выйдет из фазы. Достаточно было нескольких секунд несинхронизированной работы геокосмосов, чтобы земная кора под влиянием противоречивых импульсов треснула, как скорлупа ореха. За клавишами управления передо мной бежала по кругу стрелка хронометра. Оставалось две минуты... одна... Я бросил последний взгляд на экран, показывавший контрольный зал на Венере: Килнар по-прежнему гримасничал, но теперь уже от волнения. Тридцать секунд... десять секунд... пять секунд... Ноль!

Я вдавил до конца центральный клавиш, включая автомат, который и должен был заняться настоящей работой. Зажглась контрольная лампа. Произошло величайшее событие в истории Земли, и ничто его не отметило, кроме ровного света маленькой зеленой лампочки.

— Север один! Говорит Север один!— прогремел из динамика голос.— Все в норме.

— Север два! Говорит Север два! Все в норме.

— Север три! Все в норме.

Перекличка продолжалась. И наконец:

— Говорит Юг! Говорит Юг! Все в норме.

На геофизическом экране бежала беспрерывная прямая линия с едва различимыми всплесками. Она представляла собой сводный график всех сейсмических станций Земли, а слабые всплески отмечали обычные микросейсмы.

Мало-помалу мы успокоились. По поступавшим сведениям на Венере

тоже все шло нормально. А ведь в это время на обе планеты уже действовали титанические силы, которые должны были по спиральной орбите удалить их от Солнца и направить к другой звезде! Они возрастали бесконечно медленно, постепенно и казались неощутимыми. К двум часам пополудни орбитальная скорость Земли возросла всего на 10 сантиметров в секунду!

Внезапно резкий зубец прервал ровную линию на геофизическом экране. У всех сжалось сердце, но тут же прозвучал спокойный голос Ренни:

— Сильное землетрясение на оконечности западного материка. Эпицентр близ Тарогады. Гипоцентр на глубине двенадцати километров. Сейсм обычного типа.

Линия на экране уже выпрямилась. Нам оставалось только ждать. Ускорение было слишко сложным процессом, чтобы его доверить человеческим рукам, поэтому все команды подавали великолепные машины, непогрешимые точнейшие автоматы. Тем не менее мы просидели в зале управления до самого вечера, наблюдая, как стрелка орбитальной скорости медленно ползет по циферблату, прибавляя новые и новые метры в секунду. Пройдет еще немало месяцев, прежде чем диаметр Солнца начнет зримо уменьшаться.

Впервые за долгие годы, если не считать пребывания на Венере и коротких дней отпуска, я мог наконец свободно вздохнуть и подумать о своих делах. Прежде всего я с головой ушел в изучение кельбиковского анализа, потому что не мог вынести, чтобы какой-то новый раздел математики оставался для меня недоступным. Это оказалось нелегким делом, и мне не раз пришлось обращаться за разъяснениями к самому Кельбику. Он был еще молодым человеком, высоким и стройным, и в жизни имел только две настоящие страсти — математику и планеризм. Довольно быстро между нами завязалась тесная дружба, тем более тесная, что до сих пор только я да Хани сумели проникнуть в созданный им новый мир.

Первое, о чем попросил меня Кельбик,— это отменить запрет на планерные полеты. Такое решение было принято в самом начале великих работ, и вовсе не из какого-то аскетизма — наоборот, всевозможные развлечения только поощрялись, поскольку приносили пользу,— а потому что в окрестностях городов бесчисленные грузовые космолеты уже не придерживались заранее намеченных маршрутов и представляли смертельную угрозу для планеристов. Когда геокосмосы были построены, транспортные космолеты вернулись на свои линии, однако запрет так и остался в силе — его просто забыли отменить.

У меня не было случая научиться управлять планером, но Кельбик рассказывал об этом благородном спорте так живо, так увлекательно, что я сам загорелся. Совет разрешил полеты, однако обязал меня принимать все меры предосторожности. Единственный, кто был против, так это новый Властитель людей Хэлин. «Такая возможность слишком хороша для фаталистов,— говорил он.— Они попытаются отыграться». И, как выяснилось позднее, слова его оказались пророческими.

И вот я начал учиться управлять планером. Моим инструктором стал Кельбик, и вскоре я познал неведомую доселе радость свободного парения. Оно ничем не походило на полеты в аппаратах с космомагнетическими двигателями: тут не было ни стремительных подъемов в атмосферу, ни сумасшедшей скорости, когда Земля словно крутится под тобой. Наоборот, это скорее напоминало беспечный бесшумный полет птицы, и пейзажи медленно проплывали под крылом — долины сменялись холмами, равнинами, речными извилинами. А как передать наслаждение полетом над вершинами гор, радость борьбы с нисходящими воздушными потоками,

удовольствие от величественных ястребиных подъемов по спирали или ленивых, плавных спусков к земле!..

Отныне по нескольку раз в неделю Кельбик, Рения и я отправлялись в свободный полет каждый на своем планере. Мне пришлось заказать для себя личный планер, однако он мне не очень нравился. Мне казалось, что он тяжелее и неповоротливее учебного планера, но я объснял все своей неопытностью и, скрывая уязвленное самолюбие, старался выжать из своего аппарата все, что можно.

Однажды мы спокойно парили над обширным заповедником. Метеостанции пообещали постоянный ветер, и мы действительно легко удалились на 450 километров к югу от Хури-Хольдэ. Без труда преодолели мы горный хребет. Вдалеке стадо слонов купалось в реке Керал, вытекавшей из внутреннего моря Кхама. Кельбик ушел вперед, Рения держалась слева от меня. Далеко позади нас в небе медленно кружились другие планеристы.

Внезапно Кельбик вызвал меня по радио:

— Орк, ты видишь планеры прямо впереди?

— Да, а что?

— Они не из Хури-Хольдэ. На такое расстояние от базы могли залететь только Камак, Атюар и Селина. Но я точно знаю, что сегодня они не поднимались в воздух. И мы слишком далеко от Акелиора, чтобы кто-то из тамошних планеристов успел сюда добраться.

— А нам-то какое дело?

— Большое! Я, например, очень хотел бы знать, почему эти планеры летят так быстро, а главное — против ветра?

Три черные точки действительно росли на глазах, и тем не менее, когда стало возможным различить их силуэты, я безошибочно узнал безмоторные планеры, а не короткие сигары космолетов.

— Берегись, Орк!— вмешалась Рения.— Вспомни, что тебе говорил Хэлин! Фаталисты...

Все произошло с невообразимой быстротой. Три планера, летевших нам навстречу, словно рассыпались в воздухе: их крылья надломились и начали падать, вращаясь, вниз. И прямо на нас ринулись три черные зловещие сигары.

— Вниз, Орк, вниз!— закричал Кельбик.

Но было уже поздно. Один из космолетов ударил меня по правому крылу, и оно отломилось с легким шорохом. Земля перевернулась подо мной и начала быстро приближаться. Воздух свистел вокруг изувеченного планера.

— Орк, оторви приборную панель! Скорее, скорее!

Растерявшись, я потерял несколько драгоценных секунд. Наконец я нагнулся, просунул руки под приборную панель и потянул ее на себя. Она отскочила целиком, и я увидел знакомый щит управления космолета. Теперь я знал, что делать, и попытался замедлить падение. Это удалось лишь наполовину. Мой космопланер глухо ударился о землю, и я врезался головой в щит управления. Кровь заливала мне глаза, но я прежде всего взглянул в небо. Там оставался только один планер с наполовину отсеченным крылом: он быстро терял высоту. Это был планер Кельбика. Планер, на котором летела Рения, исчез.

Планер Кельбика снизился всего в нескольких сотнях метров от меня: он резко скользнул вниз и разбился о дерево. Немного дальше, почти в реке, я заметил изуродованный планер Рении и бросился к нему, задыхаясь от страха и ярости. Рения, согнувшись пополам, лежала в кабине. Все мои попытки вытащить ее были тщетны.

— Не так!— услышал я спокойный голос Кельбика.— Сдвинь фонарь назад...

Я обернулся. Лицо его пересекала бледная вздувшаяся царапина, из которой медленно начинала сочиться кровь.

Вдвоем нам удалось вытащить Рению, и мы уложили ее на песок под уцелевшим крылом. Кельбик склонился над ней — как любой планерист, он умел оказывать первую помощь.

— Мне кажется, ничего серьезного. Обморок от потрясения.

И в самом деле, Рения быстро пришла в себя. С момента нападения прошло не более пяти минут.

— Что ты об этом думаешь, Кельбик?— спросил я.

— Почерк знакомый. По глупости или от великого ума фаталисты, те, что еще уцелели, решили, что от тебя надо избавиться. Возможно, одновременно они попытаются покончить с другими членами Совета, но в этом я сомневаюсь. Меня больше тревожит то, что для такого камуфляжа космолетов под планеры потребовались определенные технические навыки, которыми обладает далеко не каждый. Значит, среди фаталистов есть текны. Текны-фаталисты... Не могу в это поверить!

— Может быть, они обучали своих специалистов? В конце концов, для людей, решивших идти против всех человеческих законов, в этом нет ничего невозможного. И вполне вероятно, что у них есть свои собственные тайные мастерские.

— Не знаю, какая из ваших догадок хуже,— вмешалась Рения.— Меня удивляет, что они промахнулись. Почему они не ударили прямо по кабинам планеров? Тогда бы они убили нас наверняка!

— Остатки планеров рассказали бы, как это было, Рения, и тогда начали бы искать виновных. А крыло может и само отломиться, особенно в бурю, которая надвигается. Взгляни на небо! В общем, я рад, что сумел это предвидеть и приказал установить на наших планерах маленькие космодвигатели. Летать на них было нельзя, но как парашюты они пригодились...

— Значит, поэтому мой планер казался таким тяжелым?

— Да, поэтому. А сейчас нам остается только сообщить о своем местоположении в Хури-Хольдэ и ждать помощи.

— Не думаю, чтобы они так легко отказались от мысли разделаться с нами,— сказал я.— Поспешим!

Сначала мы испробовали передатчик Рении, но он вышел из строя. Передатчик Кельбика был вообще разбит всмятку. Мы уже начали беспокоиться. К счастью, мой передатчик, хотя и поврежденный, нетрудно было починить, чем я и занялся. Рения пошла в сторону леса.

У Кельбика оружия не оказалось. Я попросил его посторожить возле планера, пока я налаживаю радиопередатчик. Я уже почти закончил настройку, когда он меня предупредил:

— Орк, люди!

Их было семеро; они возникли, как призраки, из темных зарослей. На них были длинные черные тоги, развевающиеся на ветру. Не выходя из кабины, я проверил свой маленький фульгуратор и взглянул в том направлении, куда пошла Рения. Ее не было видно.

Небо темнело с каждой секундой, мертвенный, лунный, как при извержении вулкана, свет заливал песчаный берег, река с глухим рокотом катила черные волны.

Внезапно тучи прорезала молния.

Один из незнакомцев отдал короткий приказ, и все они устремились

к Кельбику, выхватывая на ходу оружие. Далеко позади нападающих на краю леса появились другие, еле различимые в густейшей темноте фигуры,— их было много! Кельбик, отступая, повернул ко мне.

Радировать в Совет было поздно. Я быстро огляделся. Нас оттесняли от леса в излучину реки.

— Скорее в заросли!— шепнул я.— Бегом!

Кельбик бросился к лесу, и я последовал за ним. Заметив меня, один из нападавших вскрикнул, поднял руку. Послышался глухой выстрел, и песок у меня под ногами взвился маленьким смерчем. Еще несколько пуль пропело над самой моей головой, пока я продирался сквозь кусты. Вспышки молний освещали мне путь. Наконец, добежав до леса, я обернулся и дважды нажал на спуск фульгуратора. Молнии, созданные людьми, ответили небесным молниям, и черные тени рухнули на оплавленный песок.

Мы вбежали под лесной покров в тот момент, когда по листве забарабанили первые капли дождя. Через секунду это был уже глухо ревущий водопад тропического ливня. Мы сразу перешли на шаг, утопая во мхах и травах, однако продолжали идти, не останавливаясь. Когда мы пересекали поляну, сзади в нас дважды стреляли — преследователи были близко. Я не стал отвечать, предпочитая приберечь на крайний случай последние заряды фульгуратора. Спина Кельбика еле виднелась впереди. Я все время думал: куда делась Рения? Позвать ее я не решался, боясь привлечь внимание преследователей и к ней, и к нам самим.

Завал из полусгнивших стволов, опутанных лианами, заставил нас потерять драгоценные минуты. Когда мы преодолели его, шум погони уже слышался не только сзади, но также справа и слева: нас окружали! Наконец мы выбрались на большую поляну у подножия почти отвесной каменной гряды. Позади из леса выходили преследователи.

Мы пересекли поляну бегом. Несколько пуль просвистело над нашими головами, но мы не обращали на них внимания, надеясь найти спасительный проход между скалами. Увы, каменная стена оказалась сплошной и неприступной — только одна пещера зияла перед нами. В отчаянии мы устремились к ней, и я едва успел сразить из фульгуратора великолепного тигра, преградившего нам путь в свое логово.

До какой-то степени положение наше улучшилось. Гроза почти прошла, и полная луна ярко освещала поляну, лишь изредка по ней пробегали тени от разорванных туч. Если мы сумеем продержаться до утра, нас отыщут встревоженные посланцы Совета или, по крайней мере, поисковые вертолеты заставят убраться наших врагов. Главное — продержаться! Но когда я взглянул на счетчик фульгуратора, лицо мое омрачилось. У меня осталось всего семнадцать разрядов...

Мы притаились за грудой каменных обломков, как пещерные жители, ожидающие нападения. Но враги наши медлили. Отдельные пули изредка щелкали по камням, не причиняя никакого вреда, или, наоборот, отскакивали рикошетом от сводов пещеры, грозя нас задеть. Однако сами нападающие не выходили из-под прикрытия зарослей. Тревога снедала меня, особенно за Рению.

Когда горизонт на востоке начал бледнеть, я заметил в кустах на краю поляны какое-то движение. И сразу же, как стая черных демонов, враги устремились на нас. Я расстрелял все заряды, но, оставляя позади обугленные трупы, они бежали к пещере без единого выстрела.

«Хотят взять живьем»,— успел я подумать, швырнул в голову первого нападающего фульгуратор и схватил толстый сломанный сук. Кельбик встретил их градом камней. Затем началась рукопашная. Мне уда-

лось ненадолго отбросить врагов, размахивая своей узловатой дубиной, но потом они навалились всем скопом. Меня сбили с ног, и от страшного удара по голове я потерял сознание...

Придя в себя, я почувствовал, что крепко связан. Рядом со мной неподвижно лежал Кельбик с распухшим, окровавленным лицом. Под деревом спиной к нам стоял часовой, а остальные фаталисты сидели неподалеку прямо на траве и о чем-то спорили. Их было человек пятнадцать, но я не узнал никого.

Внезапно деревья на краю леса раздвинулись, и на поляну вышли четыре слона, за которыми неторопливо выступало все стадо. Фаталисты не обратили на них внимания. Слоны в заповеднике давно привыкли к посетителям и никогда не трогали людей. Однако эти слоны, видимо, были чем-то заинтересованы. Они обошли группу фанатиков с двух сторон, приблизились к нам. И вдруг я услышал звонкий голос Рении:

— Пора, Хлларк, скорей!

Самый крупный слон повернулся, взмахом хобота оттолкнул часового и легко подхватил меня. Другой слон так же аккуратно поднял еще не пришедшего в себя Кельбика. Вожак нес меня, обхватив хоботом поперек туловища, так что голова и ноги мои свешивались. Напрягая шею, я поднял голову: черные фигуры в панике разбегались.

— Сюда, Хлларк!

Мой слон двинулся к лесу, и тогда прозвучали выстрелы. Пуля, предназначенная мне, попала ему в хобот. Затрубив от ярости, слон выпустил меня, и я больно ударился о землю. Вожак развернулся на месте, ринулся на врагов, и за ним устремилось все стадо. Крики ужаса, топот, отдельные выстрелы — и все смолкло.

Растрепанная, в порванном платье, Рения склонилась надо мной, торопливо развязывая мои путы. Я с трудом поднялся, руки и ноги у меня затекли. Черные бесформенные пятна на поляне — вот и все что осталось от фаталистов, которых настигли слоны.

— Что с Кельбиком?— спросил я.

— Он жив.

— Как тебе удалось привести этих слонов, Рения?

— Это не слоны, Орк. Это параслоны!

Я пригляделся внимательнее. Животные уже успокоились. С первого взгляда они ничем не отличались от обыкновенных слонов, только головы их показались мне крупнее, а лбы — выпуклее. И я вспомнил трагический эксперимент Биолика.

Этот выдающийся физиолог за пятьсот лет до моего рождения пытался создать сверхчеловека. Он с успехом провел серию опытов над крупными хищниками и слонами; толщина костных тканей черепа у них уменьшилась, а мозг почти вдвое увеличился в объеме и одновременно стал гораздо сложнее. В результате разум параслонов достиг уровня разума пяти-шестилетнего ребенка. И это их свойство благодаря тщательному контролю и отбору стало наследственным. Ободренный успехом Биолик, не предупредив Совет, начал эксперименты со своими собственными детьми и внуками. Результаты оказались столь ужасными, что он покончил с собой. По-видимому, человеческий разум невозможно развить таким способом. Однако параслоны уцелели и продолжали размножаться. Их присутствие в заповедниках никого не стесняло, тем более что они сами именно благодаря своему уму сторонились людей и старались не попадаться им на глаза.

Когда Рения углубилась в лес, она увидела большой космолет, который шел на посадку. Сначала она решила, что это посланцы Совета, по-

бежала к космолету, но вовремя успела разглядеть черные тоги фаталистов. После этого ей самой пришлось спасаться от преследователей; она заблудилась в лесу, потеряла свой фульгуратор, пробираясь через болото, и наконец присела на пенек и заплакала. Тут ее и нашел уже ночью после грозы вожак параслонов Хлларк. Хлларк немного понимал человеческую речь. Рения долго, терпеливо объясняла ему, что с нами случилось, уговаривая Хлларка поспешить к нам на помощь. Наверное, это было фантастическое зрелище, когда юная девушка в лохмотьях на какой-то поляне, залитой светом луны, пыталась заключить союз с величественным гигантом. Наконец Хлларк согласился, собрал свое стадо и выступил, посадив Рению себе на спину.

Сейчас он возвращался к нам, удовлетворенно помахивая хоботом. Пуля только оцарапала его, и рана была пустяковой. Рения негромко заговорила с вожаком, выбирая самые простые слова. Он кивнул головой. Мы с Ренией очутились на его спине, другой слон посадил на себя очнувшегося Кельбика, и мы двинулись к реке.

Спасаясь от преследователей, мы ушли довольно далеко, и нам понадобилось более часа, чтобы добраться до наших планеров. С первого взгляда я понял, что фаталисты разбили все, что уцелело после катастрофы. О том, чтобы починить радиопередатчики, не могло быть и речи. Оставалось одно — добираться своими средствами до ближайшего города Акелиоры, если только нас не обнаружат патрульные космолеты, которые теперь уже наверняка вылетели на поиски.

Уговорить Хлларка и его приятеля не составило особого труда, и мы направились прямо на юг, к Акелиоре. Параслоны шли быстро, однако наступил вечер, до города было еще далеко, а я за весь день не заметил ни одного космолета или планера. Пришлось заночевать на лесной поляне.

Пробудился я на рассвете. Заря только занималась, небо было затянуто серой дымкой, и удушающая жара предвещала новую грозу. Силуэты слонов резко выделялись на фоне белесого неба.

Я тихонько высвободил руку из-под головы Рении, с трудом встал и разжег костер. У Кельбика был жар, рана его гноилась. Я промыл ее кипяченой водой, и, наскоро подкрепившись бананами, мы снова двинулись в путь. Это был ужасный день для бедняги Кельбика, но к вечеру мы наконец увидели на фоне заката черные силуэты башен Акелиоры. Хлларк продолжал идти прямо на юг, огибая болото, и мы прибыли в город только ночью, когда уже взошла луна.

Появление трех оборванцев на гигантских слонах на главной улице Акелиоры вызвало своего рода сенсацию, но мне было не до этого. Доставив Кельбика в ближайшую больницу, мы с Ренией за несколько минут добрались до «терканы» — нашей мэрии; я сразу связался с Хури-Хольдэ и вызвал к видеофону Хэлина. В столице все было спокойно, однако Хэлин безмерно удивился когда я поведал ему о наших приключениях. Дело в том, что он получил сообщение, написанное моим шифрованным кодом, в котором говорилось, что мы будто бы приземлились в Акелиоре и вернемся только через несколько дней. Значит, фаталисты знали мой шифр! Это говорило о том, что измена проникла в Совет верха нашей организации, может быть, даже в Совет Властителей! Поэтому я решил немедленно вернуться. Перед отлетом мы навестили Кельбика. Врач нас успокоил: заражение крови предотвращено, и через несколько дней Кельбик снова будет на ногах.

Тщательная проверка позволила через несколько дней обнаружить изменника, который передал мой шифр фаталистам. Им оказался молодой текн, секретарь открытых заседаний Совета. Его немедленно лишили

звания, однако не успели отправить на Плутон: исправительная колония оттуда уже была эвакуирована на Землю.

NOVA SOLIS

А дни летели! Мало-помалу Земля удалялась от Солнца по все более широкой орбите, увлекая за собой Луну. Венера приблизилась к Земле: ее космомагниты работали интенсивнее, чтобы Венера не отстала от нас — ведь ей пришлось стартовать с более близкой к Солнцу орбиты! Из-за этого там произошло несколько сейсмических толчков, впрочем, не причинивших вреда. К концу года видимый в небе диск Солнца уменьшился, средняя температура Земли начала снижаться, и мы вынуждены были переселить в подземные заповедники наиболее теплолюбивых животных.

В том же году мы с Ренией поженились. Повсюду царило спокойствие, фаталисты были, видимо, окончательно разгромлены или ушли в глухое подполье. Свадьба наша была незаметной и скромной, как мы оба того хотели.

Три месяца спустя мы начали делать запасы воды. Обширные подземные резервуары были вскоре заполнены. Мы уже пересекли орбиту Марса, где несколько археологов все еще продолжали лихорадочные поиски, надеясь проникнуть в тайны прошлого этой обреченной планеты. Затем сила и направление действия геокосмосов были изменены, и Земля в сопровождении Венеры, которая казалась в небе второй луной, вышла из плоскости эклиптики, чтобы пройти над поясом астероидов.

До этого момента повседневная жизнь людей оставалась без особых изменений. Но теперь, несмотря на накопленные океанами запасы тепла, температура начала быстро падать, и над Землей бушевали метели. Все живые существа — во всяком случае, особи, выбранные для продолжения рода,— были постепенно переведены в подземные парки. Уже и в Хури-Хольдэ на поверхности работали только самые необходимые группы техников, и лишь Совет Властителей должен был оставаться в Солодине до самого последнего часа. Огромные герметические ворота отделили верхний город от нижнего. В других городах высоких широт все наземные строения были давно уже эвакуированы. Человечество готовилось к великой зимовке.

Когда мы пересекли орбиту Юпитера, океаны замерзли даже на экваторе и по ночам температура падала до —70°. В чистом небе ни облачка: вся атмосферная влага давно уже окутала Землю снежным белым саваном. Почти все формы животной жизни исчезли, и только растения еще сопротивлялись. То же самое происходило и на Венере.

Наконец, когда мы пересекли орбиту Урана, Совет в свою очередь спустился в нижний город, и я тоже окончательно поселился во Дворце Планет на глубине шестисот метров. Большие экраны в моем кабинете создавали иллюзию окон, глядящих в черное небо. Атмосферное давление быстро падало, и сжиженный воздух ложился серым покровом на обычный снег.

Я еще поднимался изредка, обычно вместе с Ренией и Кельбиком, в мой старый кабинет на верхнем этаже Солодины. Маленький терморадиатор поддерживал там сносную температуру, а герметические окна были усилены дополнительными рамами, чтобы выдерживать внутреннее

давление. Я хорошо помню день, когда мы пересекли орбиту Гадеса. Все трое мы сидели на своих обычных местах, но сейчас мой кабинет, когда-то заваленный всякими документами, был чист и гол, если не считать листа белой бумаги на моем столе,— мы по-прежнему пользовались бумагой, правда не такой, как ваша, по составу и гораздо более прочной. И на этом листе лежал грубый каменный топор. Давным-давно мне подарил его мой покойный друг, геолог Рварк. Топор относился к первой доисторической эпохе, и я хранил его как символ непрерывности человеческих усилий и, может быть, как счастливый талисман. Он воплощал в моих глазах дух наших предков, которые сражались с враждебной природой, победили, выжили и завещали нам никогда не сдаваться! Возможно также, что это оружие безвестного воина давно забытых времен как-то ассоциировалось у меня с борьбой, в которую вступили мы.

Я сидел возле окна. Снаружи была ночь, усеянная звездами, и среди них, в неизмеримой дали, чуть крупнее других и немного ярче сверкало Солнце — отец всего сущего. У самого горизонта на фоне неба еле выделялся бледный диск нашей старой, верной Луны. Венера была едва видна.

Передо мной простирался мертвый город, освещенный только прожекторами обсерватории. Здания утопали в снегу и в отвердевшем воздухе и напоминали горбатые спины гигантских животных. Под холодным слабым светом лишь отдельные деревья, убитые слишком долгой зимой, еще вздымали с террас оголенные ветви.

Я включил экран и увидел лицо Верховного астронома Керлана.

— Когда мы пересечем границу?— спросил я.

— Через три минуты пятнадцать секунд...

Граница! Так мы называли теоретическую орбиту Гадеса. Это была для нас граница Солнечной системы.

Минуты неощутимо уходили. Нам следовало бы присоединиться к тем, кто ожидал нас в нижнем городе, но я предпочел более интимную атмосферу моего старого кабинета. В сущности, эта граница не имела никакого значения, но все мы, текны и триллы, привыкли к мысли, что настоящий большой путь через космос начнется тогда, когда мы пересечем эту условную черту.

Раздался легкий хлопок. Кельбик торжественно откупорил бутылку маранского вина и наполнил три бокала, поставленные Ренией на стол. Мы ожидали в молчании.

— Через десять секунд,— сказал Кельбик.

Я встал, поднял свой бокал.

— Друзья, тост Кальра, провозвестника — за прошедшие годы!..

— За этот час!— откликнулся Кельбик.

— За вечные дни грядущего,— тихо закончила Рения.

Мы выпили. Сначала тихо, затем все громче и громче, все мощнее и гуще запели сирены города, усиленные динамиками. Вой сирен терзал наш слух, как жалобный стон всей планеты, как безумные голоса машин, изнемогавших от непосильного напряжения. Откуда-то сверху, с купола Солодины, луч прожектора в последний раз осветил террасы, вырывая из темноты отдельные контуры и отбрасывая жесткие тени. Затем отовсюду взвились ракеты. Они взлетали в черное небо, рассыпая разноцветные искры, и тут же падали маленькими огненными кометами. И сразу все кончилось. Сирены умолкли, прожектор погас. Земля пересекла границу.

Мы долго сидели молча. Наконец я встрепенулся, взял Рению за руку.

— Довольно, пора спускаться! У нас еще много работы...

* *
*

Прошло несколько недель, и мы уже удалились на безопасное расстояние, когда однажды в несусветную рань меня разбудил сигнал видеофона. На экране появилось взволнованное лицо Хани.

— Орк, скорее приходите, на Солнце замечены первые признаки начала реакции. Рения, ты здесь? Приходи тоже!

Мы торопливо оделись и бросились к лифту. Через несколько минут мы уже были у входа в центральную обсерваторию, где едва не столкнулись с взъерошенным и тоже полусонным Кельбиком.

Хани ожидал нас в окружении целого штаба своих астрономов. Он был в отчаянии. Я не стал тратить времени на утешения.

— Вы сказали: «первые признаки реакции». Почему так рано? Вы уверены?

Не говоря ни слова, главный астроном Керлан протянул мне фотоснимок, сделанный автоматической обсерваторией на Меркурии. Я склонился над снимком, а Кельбик рассматривал его через мое плечо.

— Ну что скажешь?

— Орк, ты знаешь, я ведь не астроном, дай мне показания спектрографа, клочок бумаги и компьютер, и я скажу тебе свое мнение.

— Как будто ничего страшного нет. Но ты прав, надо рассчитать. Что вы думаете об этом, Ртхал?

Ртхал, специалист по Солнцу, взял в руки фотографию.

— Согласно вашим расчетам, Орк, которые мы проверили и уточнили по методу Кельбика, первым признаком должно быть появление на Солнце особо темного, быстро увеличивающегося пятна с температурной инверсией. Вот серия снимков, на которых зафиксировано это явление.

Ртхал показал нам, как на снимках сначала появилось крохотное пятнышко, почти незаметное на солнечном диске, как оно быстро росло, а затем вдруг исчезло и сменилось расплывчатым светлым полем, особенно ярким в том месте, где первоначально находилось черное пятно.

— Все цифровые данные в вашем распоряжении,— закончил Ртхал.

— Хорошо. Установите прямую связь с центральной вычислительной станцией. Пойдем, Кельбик!

Мы заперлись и тщательно проверили данные. Мы давно работали вместе, поэтому я усвоил его систему анализа, а он — мои, пусть более грубые, но зато более прямые и зачастую более быстрые способы исчисления. Часов шесть мы считали порознь, не отрываясь, разве что на пять минут, когда Рения приносила нам по чашке питательного бульона. Вычислительная станция выдала по нашим формулам результаты. Я поднял голову и взглянул на Кельбика. Лицо его было серым.

— Ты думаешь?..

— Я думаю, что если мы уцелеем, то только чудом!

— Черт нас всех побери, как же мы могли так ошибиться? Мы рассчитывали по крайней мере еще на полгода... А вместо этого — две недели!..

Кельбик горько улыбнулся в ответ.

— Все очень просто, и мы с тобой, Орк, можем утешаться тем, что это не наша вина. Ты, как и я, строил все расчеты исходя из константы Клоба, не правда ли?

— Да, ну и что?

— Так вот, она неточна, друг мой. И неточность начинается с семнадцатой цифры после запятой. Я только что это проверил. Константой Клоба пользовались самое большее до двенадцатой цифры после запятой.

Но в нашем случае получился кумулятивный эффект — крохотная неточность вызвала лавину ошибок. И вот вместо шести месяцев — две недели!

Я почувствовал себя разбитым.

— Значит, все наши усилия были напрасны? Неужели фаталисты правы?

— Нет, надеюсь, мы уцелеем. Для Венеры это будет труднее, потому что она отстает. Но, может быть, она тоже успеет, если немедленно увеличит скорость. Я сейчас посчитаю...

— А Марс? — спросил я бледнея.

На Марсе все еще работали археологические группы, которые должны были вылететь вдогонку за нами лишь через несколько месяцев.

— За четырнадцать дней, если они не будут терять ни минуты, может быть, им удастся опередить волну взрыва. Предупреди их немедленно, используй передатчик на волнах Хэка!

Совет Властителей, получив наше сообщение, тотчас принял все необходимые меры. Геокосмосы заработали с большей нагрузкой, изыскатели на Марсе получили приказ возвращаться. Теперь оставалось только ждать. Через несколько часов Кельбик вернулся с целым рядом новых расчетов. Он убедился, что реальная отсрочка равнялась всего двенадцати дням!

Из четырех археологических марсианских экспедиций три сразу сообщили, что вылетают. Четвертая попросила разрешения задержаться на сутки, и я, еще раз предупредив об угрожающей им опасности, дал согласие. А как было не согласиться? Они только что обнаружили вход в подземный город и теперь пытались за оставшиеся часы осмотреть его и выяснить, что из находок можно спасти. Я разговаривал на волнах Хэка с главой экспедиции. Это был глубокий старец с длинными седыми волосами, звали его Клобор.

— Какое невезение, Орк! Мы нашли первый, почти не поврежденный марсианский город, и у нас всего одни сутки, чтобы его обследовать!

— Да, только двадцать четыре часа, и то на ваш страх и риск,— ответил я.— Но раз все участники вашей группы согласны... Однако помните: двадцать четыре часа, и ни минуты больше, если вам дорога жизнь!

Находка Клобора меня живо заинтересовала: я словно предчувствовал, что она сыграет огромную роль в будущем человечества, и весь день поддерживал с Марсом постоянную связь. Около пяти часов пополудни Клобор сообщил, что впервые за всю историю теперь можно наконец составить представление о физическом облике марсиан. Археологи нашли множество статуй, сфотографировали их на месте, затем тщательно упаковали и погрузили на большой экспедиционный космолет. Затем, в семь часов,— сенсация, как гром с ясного неба! На экране появилось лицо Клобора:

— Орк! Орк! Величайшее открытие! Марсиане посещали другие звездные миры!

— Откуда вы это знаете?

— Мы нашли фотографии, они прекрасно сохранились. Смотрите, вот они!

И на экране одна за другой начали появляться большие цветные фотоснимки, еще блестящие от закрепляющей эмульсии, которой их предварительно покрыли. Всего было около пятидесяти снимков различных планет, сделанных с большой высоты, и я убедился, что ни одна из наших планет никогда не могла так выглядеть.

— Снимки слишком подробные — такие не даст никакой супертелескоп. И речь может идти только о планетах иных звездных систем. Посмотрите-ка на эту фотографию!

Я увидел незнакомую планету, зеленую и синюю, с двумя спутниками. И хотя ничто не давало масштаба, мне она показалась примерно такой же величины, как Земля.

— А теперь взгляните на этот снимок — он сделан с небольшой высоты на ночной стороне.

На экране появилась темная равнина, усеянная пятнами света.

— Это города, Орк, города! Планета обитаема. Возможно, мы найдем снимки, сделанные на ее поверхности. Тут кипы документов, но мы грузим их не глядя. Нет времени!

Экран погас. Я сидел задумавшись. Итак, помимо Земли и неведомого мира, откуда явились друмы, в нашей Галактике были другие населенные планеты, другая разумная жизнь!

Около 21 часа, обеспокоенный молчанием экспедиции, я вызвал Клобора. Мне тотчас ответил капитан космолета, все еще стоявшего на поверхности Марса. Однако прошло довольно много времени, пока на экране не появилось лицо старого археолога.

— Я сам собирался вызвать вас, Орк! Мне нужно еще двадцать четыре часа дополнительно. Самое важное из всех открытий...

— А почему не восемь суток плюс еще один месяц? Вам остается ровно пятнадцать часов, и ни секунды больше!

— Но поймите меня, это имеет огромное значение...

— Я понимаю, Клобор, понимаю, но Солнце, оно не поймет!

— Капитан мне сказал, что, если потом уходить на предельной скорости, можно добавить еще часов десять...

— Об этом не может быть и речи! Вы стартуете точно в назначенный час. Это приказ!

— Но вы не представляете, насколько это важно! Мы нашли звездолет марсиан! И почти неповрежденный!

— Что? Марсианский звездолет?

— Да. Мы делаем чертежи, фотографируем все, что можно, демонтируем двигатели, но, чтобы закончить, нам понадобится больше пятнадцати часов! Если бы среди нас были физики! Мы бы хоть знали, что именно нужно искать...

Я быстро взвесил все «за» и «против». «За» — возможность открыть новые принципы космических полетов; «против» — уверенность, что, если экспедиция не покинет Марс через пятнадцать часов, двести человек погибнут.

— Мне очень жаль, Клобор... Через пятнадцать — нет! — уже через четырнадцать часов пятьдесят минут вы стартуете.

— Но ведь я вам открываю путь к звездам, Орк! Как вы можете отвергнуть такой дар? Умоляю вас... Это самое великое открытие за все времена!

— Знаю. Но я не могу рисковать жизнью двухсот человек ради неопределенной возможности. Спасите все, что сумеете, главное, постарайтесь демонтировать двигатели, сфотографировать все и составить чертежи. Вы можете внести камеру телевизора в этот аппарат?

— Да, это возможно.

— Так сделайте это поскорее, а я соберу группу специалистов, которые будут вам помогать. Но помните: точно в назначенный час — старт! Вы нашли еще какие-нибудь документы о самих марсианах? Как хоть они выглядели?

— Судя по статуям и фотографиям, они не слишком отличались от людей. Но я должен вернуться к работе, простите меня. Срок так мал.. Дайте мне еще хотя бы час!

— Ни одной минуты!

Экран вдруг стал серым Я вызвал коммутатор, затем контрольный пункт. Там дежурил Сни, мой бывший ассистент.

— Как у тебя дела?

— Все в порядке, Орк. Скорость возрастает.

— А на Венере?

— Они постепенно догоняют нас.

Поскольку масса Венеры была меньше, чем у Земли, им было легче увеличить ускорение, то есть достигнуть максимальной скорости...

Затем я вызвал Рению с ее геофизического пульта.

— Как у тебя, Рения?— спросил я.

— Возникают сильные напряжения коры на глубине около сорока пяти километров под Тихим океаном. Возможно землетрясение с эпицентром под островами Кильн, если мы будем идти с таким же ускорением. Мое мнение: надо сейчас же эвакуировать Кильнор, а на западном побережье — Альсор и Кельнис.

Я быстро посчитал в уме: Кильнор — три миллиона жителей, Альсор — двадцать семь миллионов, Кельнис — тринадцать. Итого сорок три миллиона человек, которых нужно немедленно вывезти и хотя бы временно где-то разместить. Слава богу, мы предвидели такую возможность, и все подземные города имели резервы.

— Хорошо,— сказал я.— Сейчас отдам приказание правительству триллов.

— А что у тебя?— спросила Рения.

— Плохо. Мы делаем все возможное, однако боимся, что не успеем уйти на нужное расстояние. Наверное, погибнут все верхние города, особенно те, которые стоят близ экватора и не покрыты достаточно толстым слоем снега. А значит, Хури-Хольдэ.

— Это страшно.

— Не так уж страшно! Город пуст...

— Да, но потом его придется восстанавливать.

Чтобы снять усталость, я заперся в камере дезинтоксикации и через полчаса вышел оттуда освеженный и отдохнувший. Эти камеры были чудесным изобретением!

В два часа ночи Рения сообщила мне о новом землетрясении. Подземные толчки необычайной силы отметили все сейсмографы планеты. Архипелаг Кильн за полчаса погрузился в океан, и на этом месте началось извержение подводных вулканов. Поскольку эвакуация населения уже закончилась, жертв почти не было, но зрелище этой катастрофы, переданное с космолета, потрясло меня. Гигантский фонтан поднимался к черному, усеянному звездами небу из середины темного пятна растаявшего в этом месте океана, а вокруг сверкало белизной ледяное поле. В четыре часа утра чудовищный взрыв выбросил к зениту миллионы тонн подводного грунта, который обрушился каменным градом на лед. В Кельнисе и Альсоре от этого взрыва провалились верхние этажи подземных улиц, а в Борик-Реве, на месте вашего Лос-Анджелеса, герметический панцирь нижнего города дал опасную трещину.

Незадолго до полудня я вызвал Марс. Последняя экспедиция грузилась на корабль, так и не раскрыв тайну марсианского звездолета. Они успели осмотреть лишь часть очень сложных двигателей. Я посочувствовал им, однако был рад, что мой приказ исполняется. Выключив экран, я прилег отдохнуть.

На следующее утро я проснулся довольно поздно, когда Рения уже ушла на свой пост. Я поспешил в рабочий кабинет и сразу включил экраны. Всюду все было как будто в порядке. Сейсмографы не отметили новых толчков, и напряжение коры под Тихим океаном постепенно уменьшалось. На Венере, где нет глубоких океанов, толчки были незначительными.

Ко мне зашел Кельбик, мы переговорили о текущих делах, а затем я поставил перед ним новую задачу: организовать производство мощных фульгураторов. В нашем мире без войн они были не нужны, и этот вопрос никогда не изучался. Однако документы, обнаруженные на Марсе, говорили о том, что на далеких планетах Галактики существуют иные разумные существа, и неизвестно еще, встретят ли они нас мирно и дружелюбно.

Около полудня один из моих экранов включился, и я увидел ошеломленное лицо Тирика, главного инженера по связи:

— Орк, кто-то вызывает вас с Марса!

— Этого не может быть. Экспедиция вылетела еще вчера вечером!

— Знаю, однако передача идет с главной ретрансляционной станции, что близ Эрикобора, марсианского города, который они раскапывали.

— Но кто передает?

— Неизвестно. Он не называет своего имени и не включает экран. Требует прямой связи с вами.

Страшное подозрение мелькнуло у меня.

— Хорошо, дайте связь.

На экране, как я и ожидал, появилось лицо Клобора. Он улыбался.

— Не злитесь, Орк, это бесполезно. Вам до меня не добраться! Вы уже не сможете отправить меня на Плутон...

— Клобор! Старый безумец! Как вы могли?.. И почему пилот не сообщил о вашем отсутсвии на борту? Уж до него-то я доберусь!

— Он не виноват. Я сбежал из космолета в последнюю секунду, а перед этим повредил их передатчик, чтобы они не смогли попросить разрешения вернуться за мной...

— Такого разрешения я бы не дал! Но почему вы остались, черт побери?

— Все очень просто. Я тут собрал одну схемку, которая позволит вашим физикам руководить мною, пока я буду разбирать двигатель марсианского звездолета. Надо же довести дело до конца! Я буду работать до тех пор, пока Солнце... Короче, остается еще восемь дней, и, надеюсь, я успею, несмотря на свою неопытность.

Я не находил слов. Мне хотелось встать и поклониться этому старику. Какое самопожертвование и какое спокойствие!

— Но послушайте, Клобор, вы подумали о том, что... когда солнечные протуберанцы достигнут Марса... Да, это произойдет быстро, но последние минуты будут ужасными!

Он улыбнулся и вынул из кармана розовый флакончик.

— Я все предвидел. У меня есть бринн.

Я умолк. Бринн убивал молниеносно.

— Мы теряем время, Орк! Свяжите меня с вашими физиками. Но когда придет час... пусть у вас под рукою будет бутылка маранского вина. Я хочу на прощание чокнуться с вами и выпить за ваше счастье!

* *
*

Все ждали начала катаклизма. В целях безопасности верхние этажи подземных городов были эвакуированы, герметические двери между этажами заперты. На поверхности во мраке, прорезаемом только лучами прожекторов, специальные машины-автоматы засасывали снег и отвердевший воздух и засыпали этой смесью города, чтобы надежно спрятать их под гигантскими сугробами. Теперь мы знали, что успеем избежать катастрофы, но нам хотелось по возможности сохранить надземные сооружения.

За несколько часов до взрыва ко мне пришел Кельбик с последними результатами. Он был так же озабочен, как и я, но в то же время сиял: его расчеты были проверены и подтвердились с точностью до двадцатой цифры после запятой! Все солнечные пятна исчезли, и Солнце уже начинало пульсировать, сжимаясь и расширяясь во все более учащающемся ритме. Вместе с Кельбиком мы направились в контрольный зал.

Здесь собралось всего семьдесят семь человек. Большое число телевизионных экранов было установлено по всем городам, но только мы получили привилегию непосредственно принимать все передачи восемнадцати релейных станций, оставленных между нами и Солнцем. Эти передачи на волнах Хэка записывались и одновременно проецировались на восемнадцать отдельных экранов. Первая релейная станция была на спутнике, вращавшемся примерно в тридцати миллионах километров от Солнца, вторая — на Меркурии, где еще работала автоматическая обсерватория Эрукои. Третья станция осталась на бывшей орбите Венеры. Четвертая — на бывшей орбите Земли, пятая стояла на поверхности Марса. Остальные равномерно распределялись между Марсом и Землей, продолжавшей свой бег.

Я сидел между Хани и Кельбиком, положив руки на пульт управления геокосмосами, которые работали почти на полную мощность. Теперь с каждой секундой мы удалялись от Солнца на две тысячи километров. Если наши расчеты были правильны, огненная волна уже не могла нас догнать. Однако оставалась опасность радиации.

На восемнадцати экранах как бы с разного расстояния мы видели лик Солнца. Лик грозный и гневный, косматый от протуберанцев, в пятнах такой невыносимой яркости, что глазам было больно, несмотря на светофильтры. Особая настройка позволяла менять увеличение или рассматривать солнечную поверхность в различных полосах спектра, соответствующих тем или иным элементам. Три тысячи регистрирующих автоматов на центральной обсерватории должны были сохранить все записи и снимки для последующего анализа — если только мы не ошиблись, если только Земля не погибнет.

Хани нарушил молчание:

— По расчетам Орка и Кельбика, катаклизм должен начаться огромным протуберанцем в экваториальной зоне. Перед этим на Солнце снова появятся пятна...

Мы долго сидели, не произнося ни слова.

На экранах перед нами пылали изображения Солнца.

Властитель машин склонился ко мне.

— Орк, я только что получил сообщение из лаборатории космической физики. Они проанализировали планы марсианского звездолета, переданные Клобором. Наши физики клянутся, что за несколько лет сумеют

воссоздать марсианский двигатель. Тем более что последний космолет с Марса доставил некоторые детали...

«Клобор!— подумал я.— Пора!..»

Вызвав центральную станцию, я приказал:

— Немедленно свяжите меня с Эрикобором на Марсе!..

Несколько минут спустя справа от меня осветился маленький экран. Клобор стоял ко мне спиной, вглядываясь в свой собственный экран, на котором нестерпимо сверкало Солнце. Возле него на столике стояли бокал и флакон с розовой жидкостью, бринном. Я быстро посовещался с Хани и Хэлином.

— Ретранслируйте эту сцену на все экраны обеих планет!— приказал я.— Пусть у Клобора будет свой час славы. Он его заслужил!

Затем я склонился к микрофону и позвал:

— Клобор! Клобор! Говорит Совет!

Там, на Марсе, седой старик вздрогнул, оторвался от захватывающего и жуткого зрелища и нажал кнопку видеоскопа. Перед ним появилось изображение контрольного зала. Он улыбнулся.

— Спасибо, Орк, что не забыли меня. Грустно было бы умирать одному. Но я не вижу бутылки! Вы не хотите со мной чокнуться?

Хэлин отдал короткий приказ. Тотчас появились бутылки маранского вина. Он наклонился к экрану и сказал:

— Клобор, от имени всех людей — спасибо! Благодаря вам мы когда-нибудь сможем отправиться к звездам, не увлекая для этого за собой всю Землю. Ваше имя будет жить вечно, пока существуют люди!

Старый археолог усмехнулся.

— Я предпочел бы, чтобы мое имя жило в моих научных трудах, а не благодаря случайной находке. Но что делать? Приходится принимать славу, как она есть. Однако не занимайтесь мной, у вас дела поважнее. Когда приблизится последняя минута, я позову...

Я перевел взгляд на астрономические экраны. На солнечном диске близ экватора отчетливо выделилась более темная зона с рваными, вихрящимися краями.

— Все идет, как мы предвидели,— проговорил Хани спокойным, даже слишком спокойным голосом.— Теперь взрыва ждать недолго...

Однако прошел целый час, а ничего нового не происходило. Солнце неторопливо вращалось. Затем его медленно пульсирующий диск исказился. Сбоку появился гигантский протуберанец, взлетевший, наверное, на миллионы километров.

Хани прильнул к объективу спектроскопического анализатора.

— Реакция Орка—Кельбика началась! Через несколько секунд...

Закончить он не успел. Несмотря на почти мгновенную автоматическую перенастройку светофильтров, мы все были почти ослеплены нестерпимо яркой вспышкой в самом центре Солнца. Когда способность видеть вернулась к нам, весь диск был окутан фантастическими фиолетовыми протуберанцами. В течение одной-двух минут Солнце раздувалось, теряло шарообразную форму, словно распадалось на части. Затем последовал сам взрыв. Кипящее огненное море заполнило весь экран ретранслятора № 1, и он прекратил передачу, разнесенный на атомы.

— Теперь остается только ждать,— пробормотал Хани.

Чудовищный световой поток устремился за нами вдогонку. Однако телескоп на вершине центральной обсерватории все еще показывал нам Солнце как сверкающую звезду. Ретранслятор № 2 перестал работать еще до того, как раскаленные газы достигли его, расплавленный радиацией. Последнее изображение с Меркурия показало людям Теневые

горы, резко выделяющиеся на фоне неба, охваченного пламенем. Даже с Марса Солнце казалось теперь крупнее и ярче, чем некогда с обсерватории Эрукои.

Несколько минут спустя нас вызвал Клобор.

— Я вернулся с последней прогулки по Марсу. Уже сейчас на поверхности невыносимо. Лишайники горят. Думаю, что теперь мне осталось недолго жить,— закончил он тихо.

На мгновение он исчез, затем снова появился на экране.

— Даже здесь уже тридцать два градуса! Когда стрелка покажет пятьдесят...

Он положил термометр на стол так, чтобы мы его видели. Стрелка перемещалась на глазах. Сорок градусов... сорок пять...

Я почувствовал, как кто-то вложил в мою руку бокал. Там, в подземелье марсианского ретранслятора, Клобор поднял свой.

— Друзья, тост Кальра, основателя! Думаю, сейчас он самый подходящий. За прошлые века, которым я посвятил свою жизнь!

— За этот час!— хором ответили мы, стоя с бокалами в руках.

— За вечные дни грядущего!

Мы выпили. Клобор поднес бокал к губам. отпил один глоток и рухнул на стол; рука его бессильно свесилась.

Мы продолжали стоять молча. Стрелка термометра двигалась все быстрее. Когда она показала девяносто градусов, экран погас.

Часть третья

ВЕЛИКИЕ СУМЕРКИ

ВЛАСТЬ

Совет принял меня тотчас же. Политическая обстановка прояснилась, однако космическая оставалась тревожной. Кельбик представил мне последние данные.

Земля и Венера теперь убегали со скоростью, превосходящей скорость раскаленных газов Солнца. Во всяком случае, мы уже вышли за пределы зоны, которой эти газы могли бы достичь в ближайшее время. Однако расчеты показывали, что, если мы немедленно не увеличим ускорение, температура почвы Земли и Венеры под воздействием радиации скоро превысит точку спекания глины. Это означало, что почва обеих планет станет бесплодной и непригодной для обработки на многие десятилетия. Со своей стороны геологи и геофизики сообщили — и Рения это подтвердила,— что дальнейшее ускорение геокосмосов приведет к разрывам земной коры, которые могут оказаться катастрофическими.

У нас оставалось всего несколько часов, чтобы принять решение. А пока мы очень осторожно увеличили мощность геокосмосов.

Это было самым тревожным заседанием Совета. С одной стороны, нам грозило немедленное и катастрофическое растрескивание коры. С другой — более отдаленная, но не менее ужасная опасность полной стерилизации почвы обеих планет. Продовольственные запасы, а также продукция синтетических фабрик и гидропонных теплиц обеспечивали нас еще на пятнадцать лет. Но после этого пришлось бы резко уменьшить население — исход поистине трагический!— либо завоевывать и осваивать чужие незнакомые планеты, если только вообще мы найдем подходящие для жизни планеты за столь короткий срок. Оставалась, правда, возможность, что нам удастся изобрести новый способ восстановления плодородия почвы.

Кельбик, Рения, Хани и я высказались за второй, менее рискованный вариант, и многие нас поддержали. Однако большинство Совета проголосовало «против», и было решено увеличить ускорение. Мы вернулись в контрольный зал. Прежде чем Рения ушла в свою геофизическую кабину, я успел шепнуть ей несколько слов. Она должна была предупредить меня, когда напряжение земной коры достигнет предела. Я прекращу ускорение и — будь что будет! Кельбик, разумеется, был с нами заодно.

И вот я сел за пульт управления, подменив Сни. Nova на экранах заполняла большую часть неба, и блеск ее был почти нестерпим, несмотря на светофильтры. Раскаленные газы давно достигли орбиты Юпитера, и гигантская планета исчезла в сиянии радиации, превращенная в плазму. Я попросил передать из обсерватории изображение Сатурна. Он был на самой границе зоны, и облако святящегося газа окутывало его. Сатурн уже потерял свои кольца, состоявшие из космического льда.

Тянуть дольше не было возможности, и я осторожно увеличил ускорение. На экране интегратора линия напряжения коры дала небольшой скачок. Я вызвал Рению:

— Что у тебя?

— Почти никакого эффекта. Продолжай, раз у нас нет выхода. Но очень постепенно. Но рано или поздно мы все равно до нее дойдем.

Я обернулся. Властители сидели в амфитеатре и следили за мной. Случайно или по расчету все противники ускорения, главным образом геологи и физики, сгруппировались на одном крыле. Напротив них сидело большинство, те, кто не верил в возможность восстановления плодородия почвы,— ботаники, химики, агрономы... Кельбик склонился надо мной, оперся на мое плечо. Раздраженный, я уже хотел его оттолкнуть, как вдруг почувствовал, что он сунул что-то тяжелое за отворот моей туники.

— Все будет хорошо!— сказал он громко.— Главное, правильно использовать наши силы.

Сунув руку за пазуху, я нащупал рукоять фульгуратора.

— Да, но когда придет час, нужно действовать без колебаний!— ответил я, в свою очередь играя на скрытом смысле слов.

И я продолжал увеличивать скорость, не сводя глаз с экрана интегратора. Внутреннее напряжение коры теперь нарастало очень быстро, волнистая линия через каждые несколько миллиметров прерывалась новыми вспышками. Через два часа я услышал голос Рении:

— Орк, прикажи эвакуировать Илюр. При этом ритме ускорения сейсмологи предсказывают через пять часов землетрясение в девять баллов.

Девять баллов! Это означало, что город обречен. Я отдал приказ, встал и обратился к Совету:

— Властители, я считаю, что мы должны прекратить дальнейшее ускорение!

Гдан, Властитель растений, поднялся со своего места.

— Каково будет наше положение при теперешней скорости убегания?

Хани сверился с показаниями приборов, сделал быстрый подсчет и ответил:

— Мы еще не выйдем из зоны, где глина спечется и структура почвы будет разрушена.

— В таком случае, я полагаю, нужно продолжать,— сказал Гдан.

Хани воспользовался своим правом председателя Совета.

— Пусть те, кто за ускорение, встанут!— предложил он. И, пересчитав голоса, повернулся ко мне: — Орк, большинство. Мне очень жаль, но...

Повернувшись спиной к пульту управления, я оглядел аудиторию. Это большинство уменьшилось. Хэлин, Властитель людей, присоединился к нам. Рения выглянула из окна своей кабины. Я указал ей глазами на пульт. Она отрицательно покачала головой.

— Ну что ж,— сказал я негромко.— В таком случае я отказываюсь подчиняться.

Наступила зловещая тишина. Все были потрясены. Никогда еще, с самого первого дня существования Совета, ни один текн не осмеливался открыто восставать против его решений. Кельбик с удрученным видом пожал плечами и начал взбираться по лесенке к геофизической кабине, удаляясь от меня как от зачумленного.

— Я не ослышался? Вы отказываетесь повиноваться, Орк?— взорвался Гдан, Властитель растений.— Но это безумие!

— Безумие или нет, я отказываюсь! И я думаю, что скорее безумец вы, потому что вы рискуете взорвать планету!

— До этого еще далеко! Второй и последний раз именем Совета приказываю повиноваться!

— Второй и последний раз я отказываюсь!

И коротким нажимом кнопки я прекратил ускорение.

— Что ж, вы этого хотели, Орк. Хэлин, прикажите вашим людям арестовать его!

— Я это сделаю сам,— сказал Хэлин и подмигнул мне. Он небрежно вытащил свой фульгуратор, держа его за ствол. Я выхватил свой из-за пазухи и направил на Властителей.

— Хэлин, ни с места! Я не знаю, на чьей вы стороне. Вы и все остальные, бросьте оружие! И быстро!

С выражением ужаса на лицах Властители поднимались один за другим под дулом моего фульгуратора и складывали оружие. Фиолетовая молния сверкнула с верхней площадки лесенки, и Белуб, помощник Гдана, рухнул на пол. Кельбик опередил его. Я чувствовал смертельную усталость и отвращение — события последних дней измотали меня. Я не спал уже двое суток.

— Можешь довериться Хэлину!— крикнул мне Кельбик.— Он был с нами с самого начала.

Хэлин уже отдавал приказания по своему микропередатчику. Агенты полиции текнов заполнили контрольный зал и начали подбирать оружие. Хани печально смотрел на нас.

— Орк! Кельбик! Я никогда не думал, что вы способны на такое... Восстать против Совета!..

— Нисколько, учитель,— возразил ему Кельбик.— И Орк здесь ни при чем. Его личный бунт, его отказ выполнить идиотское решение только помогли нам, Хэлину и мне.

Он подскочил к ошеломленному Гдану и сделал быстрый жест, словно хотел вырвать ему глаза. В руке его осталось дряблая маска. Перед нами открылось искаженное страхом лицо, совершенно незнакомое и ничем не похожее на лицо Гдана.

— Властители, представляю вам вашего заклятого врага, истинного главу фаталистов. Во всяком случае, я так думаю. И думаю также, что это он убил настоящего Гдана. Пока Орк храбро сражался с заговорщиками наверху, я тут кое-что расследовал. У меня уже давно, еще со времени нападения на наши планеры, возникло подозрение, что среди самих членов Совета скрывается предатель, что кто-то проник в Совет под чужим обликом. Но только вчера я получил решающее доказательство. Пластическая маска этого самозванца, несмотря на все ее совершенство, имеет один недостаток, который я обнаружил по чистой случайности: она флюоресцирует в слабом ультрафиолетовом излучении. Вчера, примерно в то время, когда Орк летел в Килгур, этот лже-Гдан пришел ко мне в лабораторию, чтобы убедить меня в необходимости дальнейшего ускорения. У меня не была выключена ультрафиолетовая лампа, и лицо его случайно попало под ее излучение. С этого момента я знал все. Я предупредил Хэлина, и мы решили ждать. Цель этого субъекта была уничтожение Земли, ни больше ни меньше! Представляете, какую великолепную политическую игру он вел последние годы?

Самое интересное,— продолжил Кельбик,— что плодородию Земли ничто не угрожает, во всяком случае, опасность не так уж велика. Мы были загипнотизированы доказательствами псевдо-Гдана, буквально загипнотизированы, и забыли один факт: прежде чем температура повысится до точки спекания глины, солнечная радиация сначала восстановит атмосферу, затем испарит огромные массы воды, которая, в свою очередь, образует защитный экран из пара и облаков. Вот расчеты! Можете их проверить, если угодно.

Как и предвидел Кельбик, плодородный слой нашей почвы в основном сохранился.

У Земли снова была атмосфера, сотрясаемая грозами невиданной силы. Ураганы тщетно пытались разорвать плотный слой клубящихся туч, которые большую часть времени скрывали от нас пылающую Nova Solis. Мы потеряли некоторое количество воздуха и воды, потому что в верхних слоях атмосферы молекулы под влиянием высоких температур достигали скорости освобождения, однако эти потери можно было в дальнейшем восстановить. На поверхности температура была удушающей, постоянно бушевали циклоны, и лишь редкие группы геологов и агрономов выходили из подземных городов, чтобы подсчитать наши потери. Больше всего мы пострадали в период оттаивания, когда целые пласты пропитанной влагой почвы сползали со склонов, и скальные породы растрескивались на поверхности от резких перепадов температуры.

Из центральной обсерватории на Луне Nova была видна как пылающее ядро огромной флюоресцирующей туманности, которая занимала полнеба. Затем началась последняя стадия реакции. Ядро утратило свою невыносимую яркость, потому что основное его излучение перешло в ультрафиолетовую часть спектра. Осталась видимой только газовая оболочка, похожая на рваную светящуюся вуаль.

Удаление чувствовалось все больше. Внешняя температура снова

понизилась, влага выпала снегом, а затем воздух перешел в жидкое и наконец в твердое состояние. Медленно, очень медленно сияющая туманность померкла в невообразимой дали. И наступили Великие Сумерки.

Теоретически Совет оставался у власти, но на деле последнее слово всегда оставалось за мной. При поддержке Хэлина я, сам того не желая, стал повелителем двух миров.

СКВОЗЬ КОСМОС

Великие Сумерки! Они продолжались всего пятнадцать лет и тем не менее заслужили это название. Наша цель, Этанор, была в то время самой близкой звездой, расположенной от нас на расстоянии пяти световых лет. Наши сверхтелескопы обнаружили вокруг Этанора по крайней мере семь планет.

Один вечер особенно врезался мне в память. Вместе с Кельбиком и Ренией я сидел в центральной обсерватории. Рения чувствовала себя усталой: скоро должен был родиться наш сын. Мы сидели в удобных креслах перед экраном панорамного обзора. В одном его углу светилась газовая туманность, которая некогда была нашим Солнцем, но мы уже обозначили ее техническим термином, скажем, «Соль». В другом углу в созвездии, похожем на пятиконечную звезду, выделялась одна особенно яркая точка: Этанор. Мы говорили о том самом барьере, который некогда остановил наши звездолеты и к которому мы приближались.

— Я еще раз проверил расчеты, Орк. Все как будто в порядке. Понимаешь, после этой истории с константой Клоба я стал осторожнее.

— Значит, мы пройдем сквозь барьер?

— Несомненно! И наверное, даже сами этого не заметим. Однако надо, чтобы в этот момент в пространстве не было ни одного космолета. Если данные, оставленные нашими предками, точны, все пройдет превосходно.

— Думаю, они точны. Впрочем, я собираюсь послать вперед на разведку корабль...

— При нашей скорости и учитывая, что старые релятивистские формулы* еще не отвергнуты, толку от этого будет немного. Космолет опередит нас всего на несколько дней!

— Да, пожалуй, это бесполезно. А как идет изучение марсианского звездолета?

— Топчемся на месте, ты сам знаешь. Впрочем, может быть, и не знаешь. Обязанности Верховного Координатора больше не оставляют тебе времени для изысканий...

Да, я был вот уже несколько лет Верховным Координатором. На мне лежала ответственность за жизнь на двух планетах. Этот марсианский звездолет... Может быть, Клобор упустил какую-то деталь, которая для него, археолога, показалась маловажной? Несмотря на весь наш оптимизм в начале работы, нам никак не удавалось восстановить этот дви-

---

* Нам они были известны под названием «уравнение Бернала»; для вас это уравнение Энштейна-Лоренца (примечание Орка).

гатель. Он немногим отличался от гиперпространственного двигателя, каким безуспешно пытались воспользоваться наши предки. Кроме того, на марсианском корабле находился космомагнит обычного типа. И все же документы, найденные в первом городе, были неопровержимы: марсиане, существа, очень похожие на нас, посещали далекие звезды и уверенно возвращались. И много раз! Правда, был еще на их корабле какой-то специальный контур, в котором не могли разобраться наши лучшие специалисты, включая Кельбика. Действие его распространялось скорее на время, чем на пространство.

— Послушай, Орк!— осторожно вмешалась Рения.— Если марсиане достигли некогда иных звездных систем, то, может быть, они там и до сих пор? И может быть, с ними встретились наши предки, с тех звездолетов, которые не вернулись?

Я улыбнулся.

— Мы уже думали об этом, Рения. Именно предвидя такую возможность, я поручил разным группам ученых заняться проблемой оружия...

Мы приумолкли. На экране звезды сияли так безмятежно и приветливо, словно ожидали нас. Но они были так далеко!.. Печаль охватила меня. Уже столько лет мы не видели ласкового солнечного света! Неужели человеку суждено познать лишь крохотную частицу космоса? Пять световых лет... А вселенная раскинулась на миллиарды и миллиарды парсеков!

Кельбик, видимо, догадался о моих мыслях.

— В конце концов мы раскроем секрет марсиан! Может быть, это будет уже не при нас, но какая разница? Мы сдвинули с места наши планеты. Это уже немало, поверь мне!

— Ты говорил про оружие?— спросила Рения, словно пробуждаясь.— Неужели ты думаешь, что нам придется его применить?

— Я не знаю. Надеюсь, что нет. Но если в солнечной системе, в которую мы войдем, есть разумные существа и если они знакомы с межпланетными полетами, боюсь, что они встретят нас без особой радости. Я бы хотел, чтобы в системе Этанора вообще не было жизни!

— А если это мир друмов?

Рения содрогнулась.

— Мы лучше вооружены, чем наши предки,— ответил Кельбик.— На нашей стороне вся мощь двух планет.

— А сколько планет на их стороне?— возразил я.— Однако такая возможность мне кажется маловероятной. Судя по ритму нашествия друмов, они летели из гораздо более далеких миров и со скоростью меньшей, чем скорость света. Между прибытием каждой новой армады проходило по шестьдесят лет!..

— Кто знает, какие чудовища еще встретятся нам!— вздохнула Рения.

— Поживем — увидим!

* *
*

Пришло время, и мы преодолели барьер. Я не стал посылать на разведку космолет. Отчеты всех прежних экспедиций совпадали до мельчайших подробностей. Сначала замедление скорости, затем остановка и абсолютная невозможность продвинуться дальше, несмотря на колоссальный расход энергии. Телеуправляемые роботы предупредили нас

о приближении к барьеру. И вот тогда-то мы поволновались за судьбу нашей Луны!

Теоретически массы нашего спутника, увеличенной благодаря скорости, было вполне достаточно, чтобы преодолеть барьер. А на практике? Этого мы не знали. Значит, надо было все рассчитать так, чтобы Луна не оказалась перед барьером впереди Земли, иначе мог бы произойти чудовищный карамболь на космическом бильярде.

Последние месяцы Кельбик разрабатывал теорию преодоления барьера по методу резонанса, но он пришел к уравнениям, физический смысл которых был неясен, и нам от них не было никакого толку. Например, мы не знали, где начинается опасная зона для масс планетарного порядка. Поэтому все обсерватории внимательно наблюдали за Луной, чтобы сразу сообщить о малейшем изменении ее орбиты.

Наступил момент, когда наши телеуправляемые роботы остановились. Дальше мы сами должны были преодолеть барьер через несколько часов, с Луной позади Земли. Нам, таким образом, ничто не угрожало. Но всех, кто был на Луне, мы на всякий случай временно эвакуировали. Оставив Совет в контрольном зале, я с Кельбиком уединился в лаборатории. Рения была дома возле Ареля, нашего новорожденного сына, но за несколько минут до критического мгновения она присоединилась к нам.

Впрочем, этого мгновения никто даже не заметил. Лишь по тому, что наши космолеты вскоре смогли беспрепятственно взлететь, мы поняли, что барьер позади. Ни сила тяготения, ни магнитное поле, ни скорость света — ничто в этот момент не изменилось. И Луна прошла следом за нами без всяких потерь.

Очень медленно цель нашего странствия, Этанор, приближалась. Звезда уже приобрела форму диска, видимого в обычные телескопы. Но планеты ее можно было различить лишь с помощью сверхтелескопа, и это не давало нам ничего нового, потому что в сверхтелескоп любое небесное тело, звезда или планета, выглядело, как белая точка. Лишь на расстоянии половины светового года от Этанора мы начали торможение. А несколько месяцев спустя, когда скорость была уже сильно снижена, я возглавил разведывательную экспедицию.

Мы должны были вылететь на одном из больших боевых космолетов, которых на всякий случай понастроили довольно много. Он назывался «Клинган», что означает «Устрашающий». Как видите, даже мы не избавились от привычки давать нашим боевым кораблям громкие имена! Длиной немногим более ста метров, при максимальном диаметре в двадцать пять метров, он был буквально начинен всеми видами старого полузабытого вооружения, которые удалось восстановить нашей мирной науке, и еще кое-какими новинками. Я решил принять участие в экспедиции, чтобы на месте определить, подходит нам эта солнечная система или мы должны, не снижая скорости, лететь к другой звезде. Разумеется, Кельбик захотел сопровождать меня, и хотя, наверное, было бы разумнее оставить его на Земле, я согласился. Моя высокая должность отдалила меня от остальных смертных, за исключением немногих друзей, и если уж Рения не могла быть со мной, то пусть рядом будет хотя бы один близкий человек!

Экипаж состоял из пятидесяти человек под командованием венерианина Тирила. Для управления кораблем было бы достаточно и десяти; остальные составляли боевую группу, но я от души надеялся, что в ней не будет нужды.

Мы вылетели утром — свет Этанора был уже достаточно силен, что-

бы это слово приобрело прежний смысл. Рения проводила меня до входного шлюза, а затем удалилась — маленький силуэт в скафандре на поле из замерзшего воздуха. Я с Кельбиком устроился в рубке управления, и «Клинган» ринулся в небо, набирая скорость.

Часть четвертая

ОДИССЕЯ ЗЕМЛИ

МЕСТО ЗАНЯТО!

Мы рассчитывали достичь планетной системы Этанора дней за пятнадцать. Она состояла из одиннадцати планет, из которых по крайней мере две могли быть обитаемыми, если их атмосфера подойдет нам. Конечно, мы не рассчитывали тотчас колонизовать эти планеты. Для начала надо было вывести Венеру и Землю на подходящие орбиты, а там будет видно!

Когда мы начали приближаться к девятой планете — внешней по нашему курсу,— гиперрадары на волнах Хэка внезапно обнаружили три тела, летящие прямо на нас с большой скоростью. Я спал, и меня разбудил сигнал тревоги. Кельбик распахнул дверь моей кабины, что-то крикнул и тут же исчез. Я поспешно оделся и бросился в рубку. Кельбик уже стоял там, склонившись над экраном.

— Увы, Орк!— воскликнул он.— Похоже, что место уже занято!

— Очень похоже,— буркнул я.— Тирил, боевая тревога!

Не отрывая глаз, мы следили за тремя черточками на экране, а в это время экипаж и десантники занимали свои посты, готовясь, может быть, к первому космическому сражению с незапамятных времен вторжения друмов. Наконец три звездолета ясно обрисовались на экране. Они были меньше и тоньше нашего корабля и летели очень быстро. Ракетных дюз не было заметно: очевидно, неизвестные использовали принцип космомагнетизма или какую-то иную столь же высокую технику.

Внезапно от передового корабля отделилась сверкающая точка и с огромной скоростью устремилась к нам.

— Тирил, внимание...— начал я и остановился. Сверкающая точка описала идеальный полукруг и снова прилипла к борту корабля. Этот маневр повторился трижды.

— Я понял!— воскликнул Кельбик.— Они предупреждают, что у них есть оружие, но что они не хотят к нему прибегать.

— Возможно. Тирил, ответьте им точно так же и начинайте торможение.

Из недр «Клингана» вырвались десять телеуправляемых торпед, мгновенно преодолели четверть расстояния, отделявшего нас от незнакомцев, и вернулись в свои гнезда. Постепенно мы сближались. Наконец, оставив далеко позади двоих своих спутников, передовой корабль остановился примерно в тридцати километрах от нас. Теперь его было отлично видно на смотровых экранах: перед нами висела длинная блестящая сигара без единого иллюминатора. Она казалось монолитной: мы не могли разглядеть ни шва, ни заклепки.

— Попробуем связаться с ними по радио,— предложил я.

Довольно долго мы посылали сигналы на разных волнах, не получая ответа. Наконец наш приемник запищал, экран телевизора вспыхнул и тут же погас. Но за этот короткий миг мы разглядели человеческое лицо! Какого оно было цвета, нельзя было сказать, потому что по экрану бежали радужные всплески.

— На какой мы были волне? Тридцать сантиметров? Ищите на тридцати!

Наш экран осветился, и на этот раз устойчиво. На нас смотрел человек. И не какой-нибудь гуманоид, отдаленно напоминающий людей, а настоящий человек! У него было энергичное загорелое лицо, проницательные синие глаза и рыжие длинные волосы, ниспадавшие из-под серебристого шлема. Он заговорил. Язык его был мне непонятен, но мучительно напоминал что-то знакомое. Кельбик толкнул меня локтем и пробормотал:

— Орк, кажется, это наречие, родственное древнему языку клум начала тысячелетия!

— Как, ты знаешь этот язык, на котором никто не говорит вот уже четыреста лет?

— Я выучил его студентом, чтобы проверить перевод, кстати не слишком точный, одного математического трактата. Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, этот человек спрашивает, кто мы такие.

— Что ж, попробуй ему ответить!

С трудом подбирая слова, Кельбик произнес короткую фразу. Лицо человека на экране отразило безмерное удивление, затем радость. Он тотчас коротко ответил.

— Он говорит, что рад встретить людей. Он боялся, что мы друмы.

— Значит, они знают про друмов?

Кельбик посмотрел на меня с жалостью.

— Поскольку это люди и поскольку они говорят на клумском языке, то это же скорее всего потомки одного из наших затерянных в гиперпространстве звездолетов. Неужели не понял сам?

Я повернулся к капитану.

— Тирил, вы всегда увлекались историей. Скажите, был среди потерянных звездолетов хотя бы один с клумским экипажем?

Он подумал несколько секунд.

— Думаю, что да. Третий или пятый звездолет, а может быть, тот и другой. Начиная с десятого, вылетевшего в 4119 году, уже был введен универсальный язык, хотя древние местные языки еще кое-где сохранялись до 4300-х годов.

Новый поток на сей раз более настойчивых вопросов хлынул с экрана. Кельбик не очень уверенно перевел:

— Если я точно понял — язык сильно изменился,— он снова нас спрашивает, откуда мы. Сказать ему?

— Разумеется!

Несколько минут Кельбик говорил один. Человек в шлеме слушал. Я видел, как на лице его выражение недоверия сменялось изумлением и наконец восхищением. Он произнес несколько слов и прервал связь.

— Он переговорит со своим правительством. Мы должны оставаться на месте, пока он не получит указаний.

На волнах Хэка мы, в свою очередь, связались с Землей. Я приказал продолжить торможение и попросил Совет привести наш флот в боевую готовность. Затем началось ожидание.

Три звездолета по-прежнему плавали перед нами в пространстве, но теперь ближайший был всего в двадцати километрах, а остальные два — километрах в ста. Они не подавали признаков жизни. Наши люди оставались на боевых постах, готовые ко всему. Трижды мы пытались возобновить связь, но безуспешно. Время тянулось все медленнее. Наконец через двенадцать долгих часов экран снова осветился.

— Есть у вас на борту кто-нибудь, кто может вести переговоры от имени вашего правительства?— спросил все тот же рыжеволосый незнакомец в шлеме.

— Да!— ответил я.

— Приглашаем вас к нам на борт вместе с вашим спутником, который знает наш язык. Мы прибудем на Тилию, где вы встретитесь с нашими правителями. Двое из наших перейдут на ваш корабль как заложники. Вы вернетесь через срок, равный двенадцати оборотам планеты Ретор, которая перед вами.

— Хорошо,— сказал Кельбик.— Но если мы не вернемся в срок, наши друзья обрушат на вас всю мощь двух планет.

Человек пожал плечами.

— Я капитан Кириос Милонас,— сказал он.— Мы вас не страшимся, и мы хотим мира... если только мир возможен. Чтобы у вас не было опасений, можете прибыть к нам в своей собственной спасательной шлюпке.

— Согласны. У вас есть шлюз?

— Конечно. Он будет открыт.

Я быстро собрал в своей каюте необходимые мне личные вещи и, поскольку незнакомец ничего не говорил об оружии, прихватил с собой маленький легкий фульгуратор. Уже в шлюпке мы облачились в скафандры и, когда наш аппарат причалил к борту чужого корабля , шагнули в зияющее отверстие шлюза. Правда, выждав, пока две фигуры в скафандрах, похожих на земные, не заняли в шлюпке наши места, помахав нам на прощание рукой. Дверь шлюза бесшумно закрылась. Мы стали пленниками чужого звездолета.

. . . . . .

Точно в назначенный срок мы вернулись на борт «Клингана» измученные и огорченные. Да, здесь для нас не было места! Положение в системе Этанора оказалось настолько сложным и запутанным, что присутствие еще двух густо населенных планет привело бы к братоубийственной войне. Тилийцы, действительно потомки одного из наших звездолетов, обосновались здесь после долгих странствий по вселенной. Но длительное пребывание в космосе вызвало у землян мутацию. Она выразилась в том, что на десять детей у них рождался только один мальчик. Отсюда — обязательная полигамия для поддержания хотя бы минимального количества мужчин. Дело осложнялось тем, что единственная другая планета, пригодная для жизни, была населена враждебными людям

гуманоидами триисами, уже знакомыми с межпланетными перелетами. Тилийцам приходилось постоянно отражать их атаки, и у них образовалась высшая каста космических рыцарей. И сложная, непонятная нам социальная структура, напоминавшая иерархию боевого корабля. Они создали достаточно высокую, но совершенно чуждую нам цивилизацию. И они не хотели ничьей помощи, не терпели ничьего вмешательства. Гордые воины, владыки своих прекрасных гаремов, отцы многочисленных семей, они хотели завоевать вторую планету для своих потомков. Тем более что триисы напали на них первыми.

Переговоры на Тилии не привели ни к чему. Тилийцы протягивали нам дружескую руку, закованную в стальную перчатку. Они восхищались подвигом землян, они готовы были с радостью принять любую помощь, научную и военную, и, в свою очередь, поделиться с нами своими знаниями, они готовы были даже предоставить в наше распоряжение лучших своих офицеров, закаленных в космических сражениях, но они твердо попросили оставить их систему во избежание конфликтов в будущем. И мы покорились.

СНОВА В ПУТЬ!

По возвращении на «Клинган», который ожидал нас в той же точке пространства, я тотчас отправил Совету подробный отчет.

Совет одобрил принятые мною обязательства, и вот Земля и Венера под действием гигантских космомагнитов начали изменять свою траекторию, снова набирая скорость. Несмотря на мои опасения, народ тоже поддержал Совет, когда узнал, что в противном случае грозила бы война с такими же людьми, как и мы.

Ни Кельбик, ни я не участвовали в совместных с тилийцами баталиях против триисов, о чем было договорено. Когда мы вернулись на Землю, Кельбик сразу же заперся в нашей лаборатории, чтобы проверить идею, возникшую у него на Тилии. Спустя неделю он вызвал меня. У нас все шло хорошо, поэтому я на несколько дней передал свои полномочия Хэлину и отправился в лабораторию.

Кельбика я застал за большим деревянным столом — он ненавидел столы из металла или пластмассы. Перед ним громоздились в беспорядке стопки листов, сплошь покрытых его тонким капризным почерком. Он выбрал одну такую стопку и протянул мне.

— Прочти и скажи, что ты об этом думаешь.

Я взял бумаги, присел на край стола и начал их просматривать. Однако вскоре я выбрал кресло поудобнее и, придвинув его к столу, в свою очередь начал выводить формулы на чистых листах. Мне трудно было следить за его мыслью, и если бы Кельбик не научил меня своему особому методу анализа, я бы с этим никогда не справился. Даже сейчас работа эта была нелегкой, и прошло немало часов, прежде чем я довел ее до конца. С изумлением я уставился на своего друга.

— Но послушай, Кельбик, ты же развиваешь здесь новую теорию времени! И довольно соблазнительную! Это представление о времени как о поляризованном потоке четвертого измерения... Однако, клянусь создателем, твое уравнение имеет обратную силу! А это значит...

— Что можно путешествовать во времени. Да. Но это не ново. На такую возможность, если верить нашему другу археологу Люки, указы-

вал еще до темных веков, а может быть, даже до ледниковых периодов, некий Уэрс или Уэллс — его имя упоминается в хрониках прорицателя Килна. Впрочем, мне кажется, это просто легенда — в противном случае он бы обосновал свою теорию. Но это возможно сделать, только опираясь на основные уравнения космомагнетизма!

— Да, но кто знает, какого уровня достигли люди первой цивилизации? В конце концов, они до какой-то степени освоили Марс и добрались до Венеры! А может быть, это было просто ни на чем не основанное предвидение. Но подожди... Теперь твое уравнение мне кажется чем-то знакомым. Ну да, ведь это уравнение распространения волн Хэка, только более сложное, потому что фактор времени в нем имеет четыре измерения, а не одно. Это и объясняет, почему они распространяются быстрее света в континууме более сложного порядка, нежели пространство. Поздравляю, Кельбик! Это большое открытие. Но когда у тебя возникла такая мысль?

— Когда я увидел тилийский город Рхен. Я узнал его. Он изображен на второй фотографии марсиан.

Я смотрел на него в недоумении.

— Ну да, все очень просто! Этот город существует не более трехсот лет. А марсиане исчезли в незапамятные времена, задолго до появления на Марсе наших предков первой цивилизации. Следовательно, чтобы сделать фотографию города, который возникнет только через сотни тысяч или миллионов лет, нужно совершить путешествие во времени, в будущее. Так вот, простой космолет марсиан не мог посетить Тилию из-за барьера. Он не мог это сделать и через гиперпространство, потому что иначе бы он не нашел дороги обратно. Тем не менее на их звездолете мы нашли гиперпространственную установку! Но в таком случае зачем им понадобились мощные космомагнетические двигатели? Теперь понимаешь?

— Ничего не понимаю.

— Кроме того, у них там был контур, видимо влияющий на время. Это тебе ничего не говорит?

— Да объясни наконец, черт тебя побери!

— Ну ладно. У нас имеется звездолет, который, судя по многочисленным фотоснимкам, не раз совершал далекие путешествия. На звездолете обнаружены: а) космомагнетические двигатели: б) гиперпространственная установка; в) контур, видимо влияющий на время. Следовательно, эти три механизма необходимы для межзвездных путешествий. Барьер можно преодолеть разными способами, Орк. Проломить его или пройти над ним звездолет не способен. Однако можно пройти до того, как он возник, или после того, как он исчез.

Меня словно озарило.

— Ты хочешь сказать, что марсиане использовали галактическое течение?

— Или, проще говоря, движение звезд. Следи внимательно за моей мыслью. Барьер окружает каждую звезду полем, непроницаемым для любого тела, с массой, меньшей, чем у нашей Луны. Но это поле, или барьер, передвигается в пространстве вместе со звездой. Представь космолет перед таким барьером. Скачок во времени — и барьера перед ним уже нет или еще нет. Разумеется, это требует огромного расхода энергии, но, видимо, не большего, чем дают космомагнетические двигатели.

— Ну а при чем здесь сверхпространственная установка? Что-то не вяжется...

— Ты не обратил внимания на рассказ нашего рыжего капитана Кириоса Милонаса. Помнишь, он как-то говорил, что они с успехом используют гиперпространственный способ внутри своего барьера? Дело осложняется лишь при попытке его пересечь. Видимо, барьер как-то существует и в сверхпространстве, и именно из-за него установки разлаживаются и отправляют звездолет куда попало. Но без сверхпространственных установок межзвездные перелеты отнимали бы слишком много времени. Я представляю марсианскую технику перелетов так: гиперпространственный скачок до барьера, временной скачок через барьер, удаление от барьера с помощью космомагнитов, еще второй временной скачок для того, чтобы вернуться в свое время, еще один гиперпространственный скачок до системы, которую хотят изучить, и снова космомагнетизм для приземления. Впрочем, второго временного скачка они могли и не делать. Для исследования неведомой вселенной интересен любой отрезок времени!

— Да, видимо, только так можно объяснить марсианские фотоснимки. Но почему такой огромный скачок в будущее? На полмиллиона лет, если не больше!

— А ты обратил внимание, что мое уравнение времени квантованное? Я, правда, не знаю кванта времени; возможно, он сам очень велик, а возможно, марсианский контур времени действовал только на определенное число квантов одновременно, и не иначе...

— Как думаешь, друмам тоже был известен этот секрет?

— Мы это вряд ли когда-либо узнаем... Ну а теперь пора переходить от теории к практике. А для этого придется разрешить еще немало проблем!

И вот начались долгие месяцы напряженной работы. С несколькими ассистентами мы заперлись в лаборатории и почти ничего не знали о том, что происходит снаружи. Лишь однажды Совет убедил меня открыть торжественное заседание по случаю начала второго этапа пути, когда обе наши планеты вышли на новую траекторию к Белюлю. Заодно я узнал, что война с триисами благодаря нашей помощи была практически завершена. Едва церемония закончилась, я сразу вернулся к Кельбику и к нашей экспериментальной модели, которая только начинала вырисовываться.

Мы уже получили предварительные результаты — исчезновение предметов с минимальной массой,— когда мне пришлось вновь вернуться на пост Верховного Координатора Земли и Венеры. Мы приближались к барьеру.

Я прочел многочисленные доклады, скопившиеся на моем столе. Наш боевой флот усиленно тренировался под руководством Кириоса Милонаса и других тилийских офицеров, которые захотели за ним последовать. Производство оружия увеличилось, может быть даже чересчур. По этому поводу я вызвал Кириоса и Хэлина.

— Скажите честно, Кириос, неужели вы думаете, что все это вооружение нам пригодится? Вы знаете: если мы обнаружим в соседней системе людей, мы не будем с ними воевать, как не стали воевать с вами.

— Когда спорят двое, редко обходится без драки, Орк,— ответил он с иронической улыбкой.— А я уверен в двух вещах: во-первых, в системе Белюля есть люди, потому что я слышал их голоса по радио, и во-вторых — они настроены враждебно.

— Может быть, они приняли вас за друмов?

— Сомнительно! Они пригрозили содрать с нас кожу живьем. Они

не стали бы угрожать так друмам, у которых нет кожи. Да и вообще, они не стали бы разговаривать с друмами.

— А что вы им ответили?

— Ничего. Они сразу прервали передачу и к тому же не услышали бы нашего ответа. Их передатчик был гораздо мощнее нашего, потому что сигнал дошел до нас с расстояния по крайней мере пятидесяти миллионов километров. Нет, Орк, драки не избежать, и драка будет жестокой, если оружие у них не хуже средств связи.

— А если мы изменим курс и пройдем мимо этой системы?

— Психологически невозможно!— вмешался Хэлин.— На Земле и на Венере все устали от этой кротовой жизни. Человек не термит, Орк! Текны в крайнем случае еще могут потерпеть, если дать им веское объяснение и указать достойную цель. Но триллы... Так что будем надеяться, что население, которое мы найдем, окажется дружелюбным и позволит нашим планетам выйти на орбиты вокруг их солнца. Хотя бы на несколько десятков лет, чтобы люди отдохнули и набрались сил.

— Неужели дела так плохи?

— Хуже, чем ты думаешь, Орк. Пока вы с Кельбиком работали, было две попытки мятежа. О, без кровопролитий, всего лишь попытки! И еще был огромный приток добровольцев для войны против триисов. В десять раз больше, чем требовалось, по совести говоря. Люди с радостью шли на смертельный риск, лишь бы побывать на Тилии или на Трии, увидеть солнце, насладиться нормальным чередованием дней и ночей, искупаться в реке... Мы этим воспользовались для посменной тренировки многочисленных экипажей для космолетов. Думаю, это нам пригодится.

— Значит, вы полагаете, что в случае необходимости народ согласится сражаться?

— Я в этом уверен! Все, что угодно, лишь бы не третьи Великие Сумерки! Вчера я подслушал весьма характерное замечание. Когда мимо проходил один из соотечественников Кириоса, кто-то из наших сказал: «В общем-то, очень жаль, что они оказались такими славными ребятами!»

— Ну-ну, в противном случае мы бы вас встретили иначе!— усмехнулся Кириос.

— Неужели возможен подобный возврат к дикости?— задумчиво проговорил я.

— Послушайте, Орк, мы вернулись вспять не по собственной воле, без всякого удовольствия, но и без особых потерь,— проговорил Кириос.— Однако, судя по тому, что я слышал о восстании фаталистов и о том, как вы его подавили, мне кажется, что при случае дикарь пробуждается даже в вас, Орк Акеран! Верьте мне, как настоящий воин, я ненавижу войну. Обстоятельства сложились так, что многие наши юноши стали солдатами. Я был из их числа, хотя с детства мечтал о мирной жизни астронома. И клянусь Экланом, если я уцелею к тому времени, когда Земля выйдет на надежную орбиту, я осуществлю эту мечту! Но пока я должен оставаться солдатом. Мой начальник, которого я, наверное, никогда больше не увижу, приказал мне верно служить материнской планете. И пока ей угрожает опасность, я буду исполнять этот приказ и буду убивать без радости, но и без угрызения совести. Ибо я, варвар, хочу, чтобы вечно жила человеческая цивилизация!

— А если я прикажу вам напасть на мирную планету?

— Теперь вы мой начальник. Я исполню приказ как солдат, но совесть моя будет нечиста. Однако я знаю, что вы этого не сделаете. Если

бы мой адмирал там, на Тилии, заподозрил, что вы способны на агрессию, я бы не был здесь с вами.

— Вы правы, вам нечего опасаться, Кириос.

В тот вечер он остался обедать у нас с Ренией. Кириос жил одиноко, его три жены остались на Тилии, и, кажется, он был этому втайне рад. Он женился недавно, без любви, повинуясь закону, и детей у него еще не было. Кириос рассказал нам о своей суровой юности, о мучительной и жестокой военной подготовке и о том, как по ночам тайком он пробирался в обсерваторию, чтобы следить за звездами. Его математические познания оказались довольно глубокими, и позднее мы с Кельбиком были поражены быстротой, с какой он усваивал основы наших специальных методов расчета. Поистине он был для Земли ценным приобретением!

В последующие месяцы наша дружба еще более окрепла, и Кириос вскоре стал завсегдатаем в нашей лаборатории, откуда Кельбик вовсе не выходил и где я появлялся, как только позволяло время. Кириос принадлежал к другой цивилизации, и его реакции часто бывали совершенно неожиданными. Иногда это нас забавляло, а иногда приносило нам пользу. Например, он не понимал, как это я, правитель двух планет, мог рисковать своей жизнью во время первого контакта с его эскадрой.

— А если бы я вас уничтожил?

— Это, Кириос, не имело бы решающего значения — для Земли, конечно, а не для меня! Совет назначил бы другого координатора, и все шло бы по-прежнему...

— Значит, вы думаете, что люди взаимозаменяемы?

— Разумеется, нет! Однако нет людей незаменимых. Наша цивилизация не основывается, как у вас, на культе вождя. С точки зрения науки, гибель Кельбика была бы гораздо более серьезной потерей, чем моя смерть, потому что я уже давно не занимаюсь серьезной работой, и никогда у меня на это не будет времени, пока я остаюсь координатором.

— Но, наконец, личная преданность...

— Нет и не должно быть никакой личной преданности в столь сложной цивилизации, как наша. И я уверен, Кириос, что ваша цивилизация со временем тоже станет совсем не такой, как сейчас. На трудности, которые вставали перед вами,— освоение новой чужой планеты, а позднее — появление триисов, вы нашли единственно возможный ответ: создание централизованной цивилизации, общества, сгруппированного вокруг вождя — сначала вождя деревни, затем военного вождя и, наконец, вождя государства. Мы находимся совсем в ином положении.

— Еще бы!— буркнул Кириос.

— По совершенно очевидным причинам на Земле существует одно правительство, и сама сложность нашей цивилизации требует, чтобы оно было коллегиальным со строгим иерархическим разделением функций. Венера от нас практически не зависит, и это превосходно, потому что мы не смогли бы отсюда управлять другой планетой. Единственный высший и тоже коллегиальный орган власти для обеих планет — это Совет Властителей, который по возможности действует убеждением, а не приказами. Что же до меня, то я лишь временный диктатор, назначенный Советом на период кризиса с определенной целью — руководить Великим Путешествием, и только для этого.

— Понимаю,— кивнул Кириос.

— Точно так же и сейчас, если нам придется вести войну в системе Белюля, ответственность за все решения падет целиком на меня. Но только на время войны! Поэтому не считайте меня вождем милостью божьей: я всего лишь технический специалист, которому поручено специальное

задание. И я ожидаю от вас повиновения только в целях выполнения этого задания.

— Пусть будет так. Может быть, я не все понял, но чтобы повиноваться, не обязательно все понимать. Что бы я, скажем, делал, если бы солдаты принялись обсуждать каждый мой приказ?

— Вы можете пожаловаться на наших людей, которыми командовали в схватках с триисами?

— Нет, что вы!

— И так же будет в дальнейшем, уверяю вас. Земляне способны соблюдать дисциплину, хотя и соглашаются на это лишь по доброй воле.

Мы благополучно преодолели барьер между Этанором и Белюлем и выслали на разведку боевые космолеты. Несмотря на это, нас застали врасплох, что едва не стоило мне жизни.

Я оставил Рению с сыном в Хури-Хольдэ и отправился с Кельбиком навестить нашего друга археолога Люки. Он вел раскопки очень древнего города, если не ошибаюсь, там, где сегодня стоит Бордо. Он работал без перерыва, за исключением наиболее опасных моментов, с самого начала подготовки к Великому Путешествию, и сумел за десять лет откопать целый ряд культурных слоев разных эпох. В самом древнем из городов Люки нашел множество интересных свидетельств о том человечестве, которое для нас было доисторическим,— о людях вашей эпохи.

На границе своих обширных раскопок Люки соорудил маленький, но удобный домик для себя и своих сотрудников с богатым винным погребом, потому что Люки был, как вы бы сказали, эпикурейцем. Мы уже навещали его не раз, чтобы немного отдохнуть и развеяться в компании археолога и его прелестной жены.

Люки показал нам свой котлован, освещенный и обогреваемый искусственным солнцем, так что, если бы не скафандры, мы могли бы подумать, что наступили старые добрые времена. Затем мы вернулись в дом, и я уже предвкушал приятный вечер среди настоящих друзей, вдали от всяких забот. Мы поужинали, и Люки достал почтенного вида бутылку, найденную, по его словам, во время раскопок. Но только он начал ее откупоривать, как земля слабо вздрогнула.

— Что это?— удивился я.— Землетрясение? Люки, видеофон с Хури-Хольдэ! Быстро!

Он осторожно поставил бутылку и направился к аппарату. Яркая вспышка снаружи внезапно и резко обрисовала его силуэт. Кельбик бросился к окну, я последовал за ним. Далеко за холмами поднимался огненный столб. На этот раз толчок был сильнее. Кельбик, бледнея, повернулся к нам.

— Похоже, это атомная бомба. Примерно в двухстах километрах к югу отсюда.

— Двести километров? Там, кажется, находится Телефор...

— Да. На нас напали, Орк! Кириос был прав.

— Надо возвращаться. Ты, Люки, и твои помощники тоже. Но сначала наденьте скафандры. А я попытаюсь связаться с Хури-Хольдэ...

Свет нестерпимой яркости залил комнату, и почти тотчас же страшный удар потряс дом. Еще одна бомба, на этот раз сравнительно близко. Люки метнулся к воздухопроводу, до конца открыл кран, затем попытался опустить рычажок возле двери.

— Скорее в убежище!— прохрипел он.— Переборка треснула, воздух уходит! Скафандры, берите с собой скафандры!

— Если еще одна бомба взорвется поближе, нам конец,— пробормотал один из его помощников.

Мы скатились вниз по лестнице и сгрудились восьмером в подземном убежище. Археолог задраил герметический люк.

— Не теряйте времени на болтовню!— торопил я.— В скафандры — и к космолету. Да поживее!

Облачившись, мы открыли люк и поднялись в дом. Переборка двери окончательно сдала, и Люки горестно всплеснул руками при виде своей драгоценной бутылки, расколотой замерзшим вином. Несколько минут спустя мы все втиснулись в мой космолет и на полной скорости помчались к Хури-Хольдэ, бросив на произвол судьбы все находки археологов. Люки был в отчаянии! Бомбы продолжали взрываться, только теперь они бесшумно вспыхивали на большой высоте, где их обнаруживали сверхрадары и перехватывали наши ракеты. Но все равно нас то и дело ослепляли эти взрывы, несмотря на защитные светофильтры. Оставив Кельбика за пультом управления, я связался с Советом.

Всего поверхности достигло семь бомб. Ничто не предвещало нападения. Бомбы внезапно устремились на Землю из пространства со скоростью, близкой к скорости света. В действительности же это Земля неслась с такой скоростью навстречу бомбам. Большая часть Телефора исчезла, и наши потери уже достигали десяти миллионов человек. Остальные бомбы упали в пустынных местностях или взорвались до соприкосновения с поверхностью Земли и почти не причинили ущерба, потому что взрывались в пустоте. Тем не менее одна из них превратила в развалины обсерваторию Алиор.

Кириос встретил меня в Солодине в окружении своего генерального штаба из землян и тилийцев. Он мне кое-что объяснил.

— Кто нас атаковал?— спросил я.

— Пока у меня нет точных данных. Знаю только одно: Землю не обстреливали управляемыми снарядами. Это космические мины.

— Космические мины?

— Мы сами хотели таким образом обезопасить подступы к Тилии, но это требовало средств, которых у нас тогда не было. Наш космолет выудил одну такую мину. Это маленький автоматический корабль, выведенный на удаленную орбиту вокруг самой внешней планеты. Его притягивает любое достаточно массивное тело. Опознавательная система на особой частоте электромагнитных волн позволяет противнику избегать столкновения со своими игрушками. Сейчас мы ее изучаем и, надеюсь, скоро сможем сами передавать нейтрализующий сигнал на нужной волне. Тогда эти мины нам будут не страшны.

— Меня беспокоит не столько сама эта атака,— сказал я,— сколько промышленный и технический потенциал врага. Он должен быть очень велик, чтобы рассеять в пространстве достаточное количество таких мин. Если наши противники действительно потомки экипажа одного из наших пропавших звездолетов, трудно поверить, чтобы они за столь короткий срок достигли такого высокого уровня развития. Одно из двух: либо это гении, либо... они здесь не одни!

Кириос пожал плечами.

— Скоро мы это узнаем. Еще неизвестно, на какой планете или планетах базируется враг.

— По последним данным, в этой системе всего четырнадцать планет, из них три с кислородной атмосферой.

— Орк, могу я отправить эскадру в разведывательный рейд?

— Да, если считаете нужным. Во всем, что касается обороны, я полагаюсь на вас. Конечно, нельзя бросаться очертя голову на врага, о

котором ничего не знаешь. Тем более на сильного врага, а в том, что он силен, мы уже убедились.

Спустя несколько дней три корабля, оборудованных особой радарной системой, позволявшей избегать столкновения с космическими минами, вылетели на разведку.

ТЕЛЬБИРИЙЦЫ

Я был поглощен вместе с Кириосом организацией обороны наших планет, а Кельбик, по своему обыкновению, по целым дням, а то и по неделям не выходил из лаборатории. Поэтому лишь через двенадцать дней после отлета разведчиков я забеспокоился и осведомился о нем. К своему величайшему удивлению и неудовольствию, я узнал, что он отправился в рейд на одном из кораблей.

О том, чтобы отозвать его на волнах Хэка, не могло быть и речи. Три космолета составляли боевую единицу, звено, и если вернуть один из них, два других остались бы фактически беззащитными. Тем более нельзя было ни отменить, ни отсрочить разведывательный рейд. Мы слишком быстро приближались к системе Белюля даже при нашей теперешней «умеренной» скорости.

Я вызвал «Берик», космолет, на котором был Кельбик. Экран осветился, и на нем появилась его лукавая физиономия.

— Кого я вижу? Орк! Наконец-то ты вспомнил, что я существую. А мне казалось, что меня тебе давно уже не хватает!

— Что это тебе взбрело? Ты мне нужен здесь сейчас же!

— Да? А вот мне нужно, чтобы я был там, где я есть, чтобы проверить кое-какие теории... Кроме того, не в обиду будь сказано тилийским офицерам и нашим собственным космонавтам, я полагаю, что стоит сделать некоторые наблюдения, которые им не под силу...

— Хорошо. Во всяком случае, спорить поздно. Но ни в какие стычки не ввязываться — понятно? Где вы сейчас?

— Примерно в пятидесяти миллионах километров от внешней планеты. Надеемся добраться до нее через несколько часов. Мы уже тормозим вовсю. У этой звезды мощное космомагнетическое поле, поэтому здесь возможно гораздо более сильное позитивное ускорение, чем возле нашего старого бедного Солнца!

— Ладно. Как только будет о чем доложить, вызывай!

Кельбик вызвал меня только на следующий день.

— Мы приземлились благополучно. Никакого сопротивления, и до сих пор — никаких следов того, что планета осваивалась. Атмосферы нет, почва — замерзший метан, почти никаких скальных выходов. Тяготение полтора g.

Так разведчики перелетали от планеты к планете, не встречая ни малейших следов жизни, пока не добрались до внешнего спутника шестой планеты, огромной, как Юпитер,— ее окружал целый рой из пятнадцати планетоидов.

Они начали приближаться к спутнику, как вдруг из черной расщелины на них ринулись десять сферических аппаратов. Несколько минут продолжалась яростная схватка, все подробности которой мгновенно передавались на наши экраны и регистрировались. Два наших корабля

взорвались, космолет Кельбика, видимо поврежденный, начал падать на поверхность спутника. Из десяти вражеских кораблей осталось только два: наши инфра-атомные ракеты оказались эффективными.

Из динамика до меня донесся спокойный голос Кельбика:

— На этот раз мы попались, Орк. Нас уцелело всего трое. Попробуем сесть, не сломав себе шею. Насколько могу судить,враг использует излучение, взрывающее космомагнетические двигатели, вроде наших волн Книла. Если это то же самое, ты знаешь, что надо делать, чтобы их нейтрализовать. К счастью, я вовремя понял и выключил двигатели. Сейчас мы в свободном падении. У самой поверхности попробую резко затормозить. Надеюсь, враг считает, что мы вышли из игры, и не держит нас больше под своим излучением. В противном случае — прощай! Мы уже в десяти километрах... в пяти... в трех... Торможу!

Взрыва не последовало. «Берик» тихо опустился на замороженную поверхность спутника. Два вражеских корабля были еще высоко.

— Мне кажется, они не знакомы с нашими волнами Хэка,— хладнокровно продолжал Кельбик.— Во всяком случае, они переговариваются между собой на электромагнитных волнах. Поэтому я не выключаю наш передатчик. Видимо, они возьмут нас в плен, чтобы вытянуть из нас как можно больше сведений...

— Не беспокойся!— оборвал я его.— Усиленная эскадра немедленно вылетает на помощь. Мы уже гораздо ближе к вам, и мы не будем задерживаться на внешних планетах, поэтому ждите нас через пять дней. Держитесь! Если придется туго, расскажи им какие-нибудь пустяки... Постарайся выиграть время!

— Понял. Но только не прилетай сам! Ты нужен Земле.

— Видишь ли, дело в том, что мне лично нужно проверить кое-какие теории!.. А кроме того, здесь командую я, и я буду делать то, что мне нравится!

— Внимание! Вот они...

На экране я увидел, как Кельбик склонился к одному из расшторенных иллюминаторов. Снаружи по ледяной равнине осторожно приближался десяток фигур, прячась за отдельными глыбами. Скафандры деформировали их, но они походили на человеческие. Затем послышались громкие удары в дверь шлюза.

— Сопротивляться бесполезно,— обратился Кельбик к своим уцелевшим соратникам, Харлоку и Рабелю.— Мы погибнем без всякой пользы. Орк, я открываю! И выключаю изображение на своем экране. Так ты сможешь все увидеть, оставаясь невидимым.

Внутренняя дверь шлюза медленно открылась, и в рубку вошли трое в скафандрах, с короткими пистолетами в руках. Они повернулись к экрану, и я подскочил от неожиданности: двое были людьми, но третий!.. Я плохо различал сквозь прозрачное забрало шлема его лицо, однако мне показалось, что оно ярко-красного цвета.

Пока один из них держал Кельбика и его товарищей под прицелом, двое других сняли шлемы. Первый оказался еще молодым человеком с коротко подстриженными светлыми волосами. Второй... второй не был человеком. Под куполом лысого черепа и морщинистым лобиком сверкали три глаза, расположенных треугольником — средний выше двух крайних,— лицо было пурпурного цвета, без носа, щелевидный рот с роговыми, как у рептилии, губами. Человек заговорил, и я понял его речь: он говорил на староарунакском, от которого произошел наш универсальный язык.

— Вы — пленники. Не пытайтесь бежать, иначе — смерть.

Кельбик небрежно облокотился о передатчик, заложив одну руку за

спину — для врагов она была незаметна, но я ее прекрасно видел.

— Хорошо,— сказал он,— мы сдаемся.

Однако пальцы его в то же время лихорадочно сплетались и расплетались, образуя фигуры алфавита карин, который мы все выучивали студентами, чтобы переговариваться в аудитории незаметно для профессоров. Он передавал:

«Попытаюсь узнать, куда нас поведут».

А вслух спросил:

— Но кто вы такие? Почему вы на нас напали? Мы только исследовали эту солнечную систему, не зная даже, что она обитаема...

— Не лгите! Нам известно, кто вы и откуда! Вы с Земли. С Земли, которая отправила в изгнание наших предков, а теперь приближается к нашим границам!

Непритворно удивленный, Кельбик пожал плечами.

— Значит, вы потомки экипажа одного из наших гиперпространственных звездолетов, не так ли? Однако никто не отправлял их в изгнание. Все ваши предки были добровольцами!

— Еще одна ложь,— прорычал человек.— Я вижу, Земля не изменилась с тех пор, как изгнала наших праотцев. Но теперь настал час расплаты, и теперь вас ничто не спасет!

Пальцы Кельбика передали:

«Это сумасшедший».

— Что вы собираетесь с нами делать?— спросил он.

— Надевайте ваши скафандры, мы отведем вас в крепость Тхэр. Там вас допросят. Ваша судьба будет зависеть от вашей искренности. И знайте: у нас есть способы заставить говорить самых упрямых!

Кельбик не дрогнул, но Харлок и Рабель побледнели.

«Не бойся. Я не заговорю, остальные знают мало»,— передал Кельбик.

Как и все текны, он не боялся пыток: особая подготовка позволяла ему усилием воли подавлять болевые ощущения. Что касается гипноза, то и против него у текнов был выработан полный иммунитет. Кельбик рисковал только своей жизнью, не больше.

— А где он, этот ваш город Тхэр?— спросил он.

— На спутнике. Не считаю нужным от вас скрывать,— продолжал человек презрительным тоном.— Даже если бы вы сумели сообщить вашим приятелям о его местонахождении, это бы вам нисколько не помогло. Тхэр неприступен!

— Значит, никто и не будет пытаться его захватить! Хорошо, ведите нас к вашим начальникам. Может быть, они окажутся рассудительнее и поймут, что мы явились с мирными целями, когда вы на нас напали.

Человек злобно ухмыльнулся, затем, повернувшись к пурпурному чудовищу, издал серию щелкающих звуков.

— Да, я забыл вам представить К'нора, тельбирийца. Тельбирийцы наши добрые друзья и союзники. Прекрасные существа, преданные, исполнительные. Они для нас делают все, о чем ни попросишь. А какая верность — вы такой не знаете! Предупреждаю, я ему приказал испепелить вас на месте, если вы вздумаете сопротивляться.

«У меня в кармане микропередатчик на волнах Хэка. Перед уходом включу взрыватель космолета»,— передал Кельбик.

— Будь по-вашему!— сказал он вслух.— Когда мы отправляемся?

— Сейчас же!

Вскоре они вышли, и через передний смотровой экран я видел, как все усаживаются в низкий бронированный экипаж. Затем изображение сразу исчезло. Сработал атомный взрыватель, который Кельбик включил, вы-

ходя их шлюза, и теперь космолет представлял собой массу кипящего металла, совершенно бесполезную для врага.

Я немедленно вылетел во главе эскадры из ста боевых кораблей, назначив Хэлина своим заместителем на тот случай, если мы не вернемся. Двести других кораблей под командованием Кириоса поднялись вслед за нами, чтобы отвлечь на себя и уничтожить любого противника в космическом пространстве.

Долгие часы приемник Хэка молчал, и я уже начал опасаться худшего, когда из динамика снова послышался голос Кельбика.

— Орк, говорит Кельбик. У меня всего несколько секунд. Вход в крепость — между двух красных холмиков в ста километрах севернее остатков нашего космолета. Осторожно, вход сильно укреплен, и, боюсь, сквозь него вам не прорваться. Лучше атакуйте сверху перфокротами. Что с Харлоком и Рабелем, я не знаю. Меня старались загипнотизировать, пока без толку. Однако наркотиков еще не употребляли. Вот что я заметил. От входа ведет длинный туннель. Вы его легко нащупаете гравитометрами. Затем — ряд залов со шлюзами между каждым из них, и все очень сильно укреплены. Затем — большая шахта. Я на втором верхнем уровне. Командный пункт, где меня допрашивали,— на двенадцатом и, видимо, самом нижнем. Гарнизон немногочисленный: около двух тысяч людей и примерно столько же тельбирийцев, но в отношении последних я могу и ошибиться. Тельбирийцы физически очень сильны. Вооружение: помимо оружия, которое было у нас пятьсот лет назад,— несколько новых видов неизвестного действия. В отношениях между людьми и тельбирийцами — что-то нечисто. Люди неоднократно заявляли мне, что тельбирийцы — их верные союзники, чуть ли не слуги, но тельбирийцы ведут себя совсем не так. По меньшей мере они держатся с людьми как равные. Я подозреваю, что...

Внезапно голос умолк. Меня это встревожило, хотя Кельбик и предупредил, что время его ограничено.

Я связался с Кириосом на волнах Хэка.

— При таком положении вещей,— сказал он,— наша единственная надежда на успех — во внезапном, мощном и решительном штурме. Разумеется, остается один неизвестный фактор — тельбирийцы. Я присоединюсь к вам, оставив для прикрытия пятьдесят космолетов. У нас будет 250 кораблей и 28 тысяч десантников, и тогда сам черт не помешает нам взломать их оборону! Но надо спешить. Наши гиперрадары нащупали большую эскадру вражеских кораблей, которая летит от одной из внутренних планет на подмогу. Я приказал третьему флоту выдвинуться им навстречу.

Мы устремились к спутнику, на котором томились в плену наши друзья. Это был планетоид примерно в тысячу километров диаметром, весь изрезанный зигзагообразными ущельями, испещренный, как фурункулами, красноватыми холмами и совершенно лишенный атмосферы. Когда эскадра Кириоса присоединилась к нам, со спутника поднялась дюжина вражеских кораблей. Последовала яростная и короткая схватка, озарившая пространство вспышками атомного огня, и мы прорвались, потеряв один космолет.

Капитанам был отдан приказ не мешкать, поэтому поверхность спутника приближалась с головокружительной скоростью. Появились два красных холмика. Навстречу нам сотнями взвивались ракеты, но наши антигравитационные поля легко отклоняли их, и они не причиняли никакого вреда. Спустя несколько секунд два красных холмика перестали существовать. Мы спустились неподалеку и высадили десант. Кириос коман-

довал боевыми силами, а я взял на себя всю технику. Быстро смонтированные дифференциальные гравитометры позволили нам с поверхности определить направление и глубину многочисленных туннелей. И тогда вступили в действие мощные перфокроты.

Я был встревожен: легкость, с которой мы высадились на спутнике, не сулила ничего хорошего. Противник либо отчаянно врал, уверяя Кельбика, что его позиция неприступна, либо, что гораздо вероятнее, не придавал обороне поверхности особого значения. В таком случае основные трудности встретят нас в подземном лабиринте. Но может быть, враг просто не ожидал столь решительной атаки?

Высадив штурмовые отряды, почти все космолеты поднялись в пространство и образовали вокруг спутника защитную сеть. Перфокроты работали на полную мощность, и нам оставалось только ждать. Я воспользовался передышкой, чтобы попытаться вызвать Кельбика. Несколько минут я тщетно посылал сигналы, наконец услышал ответ:

— Я знаю, что вы атакуете. Мне удалось в суматохе сбежать и спрятаться в заброшенной пещере. Они убили Харлока и Рабеля. Будьте осторожны, здесь хозяева тельбирийцы, а...

Связь прервалась. Встревоженный, я обратился к Кириосу:

— Долго еще?

— Семь перфокротов дошли почти до свода туннеля. Они остановлены, чтобы другие могли их догнать. Штурм должен быть одновременным и массовым...

— А за это время они прикончат Кельбика!

— Понимаю, Орк. Но сейчас на карту поставлено гораздо больше, чем жизнь одного человека, даже если это гений и ваш друг!

— Да, знаю. Но все же поторопитесь!

Где-то очень высоко над нами яркая молния прорезала на миг космическую тьму. Несколько вражеских кораблей попытались было прорваться.

Наступил миг штурма. По приказу Кириоса перфокроты ринулись вниз, проломили своды и исчезли в туннелях. Десантники с антигравиторами на поясах посыпались за ними следом. Я двинулся к одному из колодцев. Меня схватили за руки. Двое десантников оттаскивали меня от зияющего отверстия.

— Отпустите немедленно!

— Приказ генерала. Вы не должны туда спускаться.

— Что за глупости!

Я вызвал по радио Кириоса.

— Послушайте, Кириос, что это за шутки? Кто вам позволил?

— Послушайте вы меня, Орк! Там, внизу, уже сидит Кельбик, и я считаю, что этого вполне достаточно. Земля не может себе позволить такую роскошь — потерять сразу вас обоих!

— Прикажите меня отпустить! Это приказ!

— Нет. Можете меня расстрелять, если хотите, но только когда мы вернемся.

— Но ведь имею я право участвовать в спасении Кельбика!

— Нет. Вы не имеете права снова рисковать. К тому же от вас тут будет мало толку. Лучше всего — возвращайтесь немедленно под эскортом на Землю!

— Если вы думаете, что я боюсь...

— О нет! Мне порассказали о всех ваших подвигах, и я считаю, что вам давно пора бы понять, что вы гораздо полезнее у себя в лаборатории или в Солодине, чем здесь, в роли простого солдата. А теперь я спешу!

Он отключился.

Оставаться на поверхности спутника не было смысла, поэтому я вернулся в свой космолет и попытался еще раз связаться с Кельбиком. Никто не отвечал. Зато через некоторое время я услышал голос Кириоса:

— Мы продвигаемся, Орк, но с большим трудом. У противника что-то вроде термических пистолетов — они, конечно, не стоят наших фульгураторов, но потери от них не меньше. Сейчас мы у входа в центральную шахту и готовимся к атаке.

— С кем вы сражаетесь? С людьми или с теми, трехглазыми?

— И с теми и с другими. Но мне кажется, Кельбик прав: эти красножие используют людей как пушечное мясо. Какие новости от разведывательных кораблей? Где флот противника, который они заметили?

— Пока ничего не известно.

Так я провел перед пультом связи не знаю уж сколько бесконечных часов, пытаясь соединиться то с Кельбиком на волнах Хэка, то с нашим флотом, то с Кириосом. Этот хоть сообщал мне через неравные промежутки о том, как идут дела! Десантники пробивались все глубже, но несли тяжелые потери, несмотря на наше превосходство в оружии. Им не удалось напасть на след Кельбика, зато в одной из комнат они нашли тела Харлока и Рабеля. Их так зверски замучили, что Кириос не смог удержать своих солдат: они тут же расстреляли нескольких пленников.

Затем я получил сообщение от разведывательных космолетов. Вражеский флот насчитывал всего 60 кораблей. Тельбирийцы, видимо, еще не осознали всей величины нависшей над ними опасности. Я связался с Кириосом и с его согласия отдал приказ ста двадцати космолетам двинуться на перехват противника, поскольку наш третий флот был еще далеко.

Внезапно замигала лампочка вызова приемника на волнах Хэка.

— Орк, говорит Кельбик! Я замурован в самом конце заброшенного туннеля: когда тельбирийцы бросились за мной, я обрушил свод. Слышу грохот боя. Я на последнем, самом нижнем уровне, видимо, под машинным залом.

— Хорошо. Немедленно передам это Кириосу. Можешь ты сообщить что-нибудь полезное о противнике?

— Да. Люди всего лишь пешки в руках тельбирийцев. Возможно даже, что они действуют не по своей воле. Разумеется, они нас ненавидят, потому что уверены, будто их предки были изгнаны с Земли. Но тут есть еще кое-что. Когда я плутал по туннелям, я наткнулся на тяжело раненого. Хотел помочь ему, но он проклял меня и оттолкнул. Только перед самой смертью он вдруг словно избавился от кошмара и сказал: «В конце концов, вы тоже люди. Опасайтесь краснорожих!..»

А, теперь я отчетливо слышу взрывы и крики! Наверное, наши люди ворвались в машинный зал. Он сообщается с моим туннелем через вентиляционную трубу, но она слишком узкая, не пролезешь. Надеюсь, меня скоро вызволят. Скорее бы! Между нами говоря, я сыт этим «непосредственным участием» в драке по самое горло. Теперь мне до конца жизни хватит! Нет уж, да здравствует моя лаборатория!

— Думаю, ты прав. Кириос держится того же мнения.

Я быстро сообщил Кириосу о нашем разговоре. Динамик задрожал от раскатов его хохота.

— Наконец-то! Наконец нашелся человек, который тебе это сказал! Тем лучше.

Час спустя Кельбик выбрался из подземелья вместе с нашими десантниками. Из пяти тысяч человек, спустившихся в туннели, наверх поднялось всего две тысячи семьсот пятьдесят. Мы потеряли почти половину!

Все как попало набились в космолеты, и мы на полной скорости помчались к Земле. Я призвал Кириоса и Кельбика на военный совет.

— Это было ужасно,— начал рассказывать Кириос.— Против нас было примерно две тысячи людей, если только их можно еще называть людьми. И около пятисот тельбирийцев, не более. Зато они дрались как черти, гораздо отчаяннее наших солдат. Хорошо хоть, техника у них похуже — это как-то уравновешивает силы. Иначе я бы посоветовал поискать другую звезду!

— Это бесполезно,— сказал Кельбик.— Насколько я понял, они уже нащупывают путь к практическому использованию гиперпространства. Один из людей похвалялся этим передо мной.

— Я тоже полагаю, что лучше раз и навсегда объясниться сейчас.

В тот момент, когда мы уже приземлялись близ Хури-Хольдэ, я получил сообщение от нашего флота. Противник уничтожен. Но от третьей планеты прямо на нас стремительно движется целая армада. Я приказал разведывательным космолетам отступить.

Мы с Кириосом приложили все усилия, чтобы в кратчайший срок приготовиться к обороне. В известном смысле я был даже доволен, что враг нападает: мы сможем сражаться поблизости от своих баз, а это уже большое преимущество. Все наши города были скрыты глубоко под землей. и особые потери им не грозили. Земля, а следом на нею Венера усиливали торможение с каждым часом, но все еще продолжали мчаться к системе Белюля с головокружительной скоростью. Разумеется, наше появление должно было как-то нарушить равновесие системы, однако после того, как мы определили массы различных планет, расчеты показали, что нам удастся вывести наши миры на подходящие орбиты, не вызвав мирового катаклизма.

Вскоре после моего возвращения один из сторожевых космолетов примчался к Хури-Хольдэ на предельной скорости: он доставил первого пленника, живого человека, найденного в скафандре на разрушенном вражеском корабле. Я приказал немедленно его привести.

Он прибыл под охраной двух гигантов, которых Кириос выбрал для моей личной охраны. Это был человек среднего роста, довольно хрупкий, очень смуглый, с живым и открытым взглядом. Дождавшись прихода Кириоса, я начал допрос.

Его звали Элеон Рикс. Возраст — 32 тельбирийских года (на вид ему было не больше двадцати пяти земных лет). Он был на корабле инженером.

— Почему вы на нас нападаете?— спросил я.— Мы пришли к вам с миром. Наше Солнце взорвалось, но нам удалось спасти наши планеты. Единственное, чего мы просим,— это света какой-нибудь звезды. Мы не хотим врываться к вам силой, хотя ваша звезда могла бы согреть еще десяток планет! Мы не хотим войны. Перед тем, как достичь вашей солнечной системы, мы прошли через систему Кириоса Милонаса, которого вы видите, но поскольку его соотечественники отказали нам в гостеприимстве, мы мирно удалились. То же самое могло быть и здесь...

Я умолчал, что далеко не был в этом так уверен!

Несколько секунд он молчал, затем презрительно усмехнулся.

— Значит, после того, как вы изгнали наших предков, вы явились клянчить местечка возле нашего солнца!

— Мне хотелось бы знать, откуда взялась эта дурацкая легенда,— сказал я.— Мы никогда не изгоняли ни ваших предков, ни предков Кириоса Милонаса, и вообще ни одного из тех, кто улетал на гиперпространственных звездолетах. К сожалению, только один звездолет сумел вернуться на Землю — вы это знаете?

— Откуда мы можем знать? Вы хотите сказать, что неуправляемость гиперпространственных двигателей была случайностью? Ха!

— Мы до сих пор не умеем как следует использовать гиперпространство! А что мы умели пятьсот лет назад? От какого экипажа вы происходите? Кириос — потомок третьего.

— А я — одиннадцатого, если верить преданию. Сколько их было всего?

— Шестнадцать. Вернулся только четвертый звездолет, и то по счастливой случайности.

— Значит, то, чему нас учат с детства, ложь? Нам говорили, что земляне на случай катаклизма, который, по вашим словам, все-таки разразился, решили рассеять по космосу род человеческий и отправили наугад обманутых людей, не сказав им даже, что они никогда не смогут вернуться. Значит, это выдумки? Ну и ну!

— Но послушай, звездолет ваших предков стартовал где-то между 4120 и 4125 годами. А первый отправился в космос в 4107 году. Следовательно, ваши предки прекрасно знали, что и они рискуют не вернуться!

— Они могли рисковать своей жизнью, согласен, но ведь их просто предали!

— Уверяю вас, никакого предательства не было. Хотите верьте, хотите нет. Но в любом случае между вашим и моим народом началась война. Я ничего так не желаю, как прекратить ее. А к чему стремитесь вы?

— Уничтожить вас! А если это невозможно, изгнать вас из нашей системы!

Я пожал плечами.

— Боюсь, что теперь говорить об этом поздно. Если бы вы встретили нас мирно, как народ Кириоса, тогда, может быть... Но сейчас мы здесь, и мы здесь останемся. Мы устали блуждать в межзвездной ночи!

— В таком случае — война!

— Пусть будет так. Значит, мы враги, если только ваше правительство не решит иначе. Потому что вы, в конечном счете, всего лишь бортинженер планетолета. На каком принципе основано действие ваших двигателей?

— Я этого не скажу никогда!

— Я и не ожидал, что вы все расскажете по доброй воле. Но у нас есть способы... Последний вопрос: кто эти существа, которые сражаются вместе с вами? Ваши союзники? Или слуги? Это аборигены?

— Какие существа? Мы здесь одни. На Тельбире не было никого, когда мы его нашли.

— Перестаньте шутить! Вы прекрасно знаете, о ком я говорю. О трехглазых гуманоидах с пурпурно-красной кожей, которые всюду вам сопутствуют!

— Что это за сказки?

Он, казалось, был и в самом деле ошеломлен.

Я сказал несколько слов по интерфону, и на стенном экране началась демонстрация одного из фильмов, заснятых во время подземного сражения. Рикс явно недоумевал.

— Да, это подземелья Тхэра. А человек, который сейчас упал, это Дик Ретон, мой бывший капитан на «Пселине». Но что это за чудища с красной кожей?

Другой фильм показал, как был захвачен в плен сам Рикс. На заднем плане в искореженном проходе отчетливо были видны два гуманоида.

— Ничего не понимаю! Это мой корабль, и это действительно я. Но кто эти чудовища? Вы сделали комбинированный фильм, фальшивку, но зачем? А, ясно — для пропаганды! Вы хотите выставить нас перед своим народом как союзников отвратительных тварей!

— Фильм не подделанный,— вмешался Кириос.— Эти «чудовища», как вы их называете, были для нас в десять раз страшнее, чем ваши люди. Вы что, притворяетесь, будто ничего о них не знаете, или вам память отшибло?

— Ну, пошутили, и хватит!— взорвался я.— В последний раз спрашиваю: будете отвечать на вопросы? Нет? Тем хуже для вас, придется прибегнуть к психоскопу. Предупреждаю, это крайне болезненно, и после психоскопа вы превратитесь во взрослого младенца без воли и без разума.

Он побелел.

— Ну что вы теряете, если заговорите? Так или иначе мы все равно все узнаем!

— Я не стану добровольно предателем. Делайте со мной, что хотите.

— Будь по-вашему. Я восхищаюсь вами, но мне вас жаль!

Стража увела его, и я последовал за ними, чтобы самому провести допрос под психоскопом. Телиль, Властитель разума, и Рхооб, Властитель психики, приняли нас в своей лаборатории.

— Аппарат готов, Орк, — сказал Телиль.

Психоскоп представлял собой низкое ложе с металлическим шлемом, который надевался на голову допрашиваемого, и крепкими ремнями, чтобы удерживать его. Рикс позволил себя уложить и привязать без сопротивления и без единого слова протеста. Шлем укрепили на его голове. Телиль что-то поправил, приладил, затем подошел к пульту. Свет померк, послышалось тихое жужжание. Черты Рикса немного расслабились.

При первом же вопросе он заговорил. Он рассказал нам все, что знал о Тельбире: население насчитывало около восьмисот миллионов, промышленность была хорошо развита. На планетолетах они устанавливали довольно остроумную разновидность космомагнетических двигателей. Они еще не научились использовать гиперпространство, полагали только, что нащупали путь, но что это был за путь, он не знал. Они верили, что с их предками сыграли зловещую шутку, что земляне отправили их осваивать неведомые миры обманом, без их согласия. Он подробно рассказал все, что ему было известно о военной организации Тельбира. Но, как мы ни бились и какие только вопросы ни задавали, не сказал ни слова о краснокожих гуманоидах.

Мы оставили его лежать под надежной охраной, чтобы он отдохнул.

— Вы уверены, Телиль, что человек под психоскопом не может лгать?— спросил я.

— Абсолютно уверен. Он подавляет всякую волю, всякое сопротивление, даже подсознательное.

— В таком случае, одно из двух: либо у всех нас галлюцинации, либо...

— Либо эти краснокожие чудовища обладают способностью неизмеримо более глубокого внушения, чем мы, тренирующие текнов, и это позволяет их союзникам сопротивляться даже психоскопу. Вы бы, например, не выдержали, Орк. Вы бы просто не уснули. Вас нельзя загипнотизировать. Но если бы удалось вас усыпить, под психоскопом вы были бы не лучше других.

— Но, в конце концов, этот человек должен был жить в постоянном

контакте с этими существами! Их было двое на его корабле. Почему же у него не сохранилось никаких воспоминаний?

— Очевидно, потому, что очень сильные умелые гипнотизеры внушали ему чуть ли не с пеленок, чтобы в определенных обстоятельствах он об этом сразу и окончательно забыл!

— Но ведь забыть ничего нельзя! Это физиологически невозможно!

— Ну если слово «забыть» вас не устраивает, скажем, что эти воспоминания прячутся на таком глубоком уровне сознания, который недоступен психоскопу.

— Это сейчас не столь важно!— вмешался Кириос.— Главное — а это теперь очевидно,— что люди здесь — всего лишь марионетки, а хозяева — те, другие! А мы о них ничего не знаем, кроме их физического облика, и того, что они дерутся как черти!

Как только пленник проснулся, я пришел к нему.

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо. Вы еще не допрашивали меня под этим вашим аппаратом?

— Уже допросили.

— Но почему же... Я ничего не почувствовал и полагаю, что нисколько не поглупел!

— Все это я говорил, чтобы вас напугать, чтобы сделать вас восприимчивее к внушению. Психоскоп никому еще не причинил зла. Обычно мы им пользуемся для психотерапии. Прошу извинить, что подверг вас этому испытанию без вашего согласия. Ставка слишком велика, я не имел права даже колебаться, и тем не менее я стыжусь того, что сделал. В общем, вы рассказали нам много полезного, но ничего, абсолютно ничего об этих краснокожих чудовищах.

— Может быть, их вообще не существует?— спросил он насмешливо.

— К сожалению, мы знаем, что они существуют! Есть другое, гораздо более страшное объяснение, что вы, люди, являетесь безвольными слугами этих чудовищ и что они вам внушили начисто забыть об их существовании, едва вы выйдете из-под их умственного контроля. На вашем корабле с экипажем из двадцати трех человек было два таких существа. И еще одна любопытная деталь. Психоскоп обнаруживает самые далекие воспоминания, даже впечатления первых дней вашей жизни. Так вот, вы не помните, к т о вам сказал, будто ваших предков изгнали с Земли, и вы не помните, к о г д а вам это сказали в первый раз. Я спрашиваю себя, не внушили ли вам и это те же чудовища?

— Это смешно! Я прекрасно все помню! Это входит в школьный курс истории для первого класса!

— Да, это ваше первое отчетливое воспоминание. Но подумайте. Вы уверены, что не знали об этом раньше?

— Хм... нет. Я, конечно, должен был знать. Но это ничего не доказывает!

— Вы бы согласились еще раз подвергнуться действию психоскопа, но на сей раз добровольно, без гипноза?

— Это еще зачем? Чтобы я выболтал то, чего не хочу говорить?

— Вы уже и так все сказали!

И я коротко изложил все, что мы узнали от него о Тельбире.

Он поколебался немного, потом махнул рукой.

— В конечном счете, мне терять нечего!

На этот раз по доброй воле он вытянулся на ложе. На него надели шлем.

— Я чувствую какое-то покалывание... Голова немного кружится...

— Это пустяки, все нормально. Попробуйте теперь вспомнить.

Из-под шлема на меня таращились изумленные глаза.

— Потрясающе! Я подумал о книге, которую один раз прочел двадцать лет назад. И сейчас вспомнил ее слово в слово!

— Постарайтесь вспомнить, кто рассказал вам эту легенду о ваших предках...

Он сосредоточился и вдруг с воплем животного ужаса сорвал шлем с головы.

— Нет! Нет! Это неправда!

— Кто это был?

— Р'хнехр! Один из них! Вы правы, они существуют! Я не хочу о них вспоминать, не хочу!

— Вы должны, как для вашего народа, так и для моего!

— Да, я знаю. Теперь аппарат не нужен, может быть, только для подробностей. Словно завеса спала... Рабы, вот кто мы для них такие. Рабы... и убойный скот!

ПСИХОТЕХНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Мы вернулись в мой кабинет и записали длинный рассказ Рикса.

Их звездолет опустился на Тельбир после восьми лет странствий. Планета оказалась похожей на Землю, и поскольку экипаж потерял всякую надежду вернуться на родину, они обосновались здесь окончательно. На материке, где они приземлились, были только животные. В течение нескольких веков люди трудились и множились. Затем однажды на большом острове посреди океана они обнаружили аборигенов. Это были гуманоиды, стоявшие на уровне неолита. Их было довольно много, несколько сотен тысяч. Надеясь найти в них полезных помощников, люди перевезли множество аборигенов на материк и наполовину цивилизовали. В течение еще одного столетия все шло хорошо. Р'хнехры были послушны, сообразительны и преданны, по крайней мере с виду. Они мало что смыслили в физических науках, зато в области психологии обладали обширными познаниями, которые тщательно скрывали. С бесконечным терпением они ждали своего часа, сначала как батраки на фермах, затем как писари, мелкие служащие, учителя в своих собственных школах, поглощая все, что могло быть им полезным из знаний землян, и ничего не открывая из своих секретов. И всегда такие покладистые, такие услужливые! Затем, в один день, восстание, захват власти и превращение людей в рабов.

— Все это я знаю, потому что они сами мне рассказывали,— говорил Рикс.— Они ничего не скрывали, наоборот, были счастливы нас помучить. И ни о каком возмущении не могло быть речи! С самого детства, еще до пробуждения сознания, нас гипнотизировали, воспитывали, внушали нам, что хотели. Позднее время от времени какой-нибудь р'хнехр смеха ради открывал нам истину. Мы страдали день, другой, а потом он приказывал нам забыть. Все остальное время мы жили в твердой уверенности, что мы господа, а они — наши слуги. Это их забавляло. Поскольку, несмотря на всю их смышленость, они плохие ученые, люди стали их физиками, их инженерами, их натуралистами. Те, у кого есть способности. Остальные — рабы р'хнехров, к тому же фанатически преданные

своим господам, хотя эта преданность и внушенная, не добровольная. И всегда приказ: если попал в руки чужаков, забудь, что мы существуем,— на Тельбире живете только вы, земляне! А для самых слабых и наименее способных из нас еще более страшная участь — участь убойного скота: они нас едят!

— Итак,— сказал я,— задача номер один: захватить людей и уничтожить тех, других.

— Нет, Орк,— возразил Кириос.— Это задача номер два. А номер один свалится нам на головы через несколько часов: их флот!

— Не удивительно, что они показались нам такими грозными воинами! Разумеется, они не могли так сразу овладеть сознанием наших людей, но, очевидно, сумели достаточно исказить представление о себе, чтобы показаться нашим солдатам демонами войны,— предположил я.

— Возможно. Однако на Кельбика они не произвели такого впечатления.

— Кельбик — текн и прошел психологическую подготовку. Думаю, нам придется подвергнуть такой же обработке большую часть наших солдат, во всяком случае кадровых военных. Так мы и сделаем после этого сражения. Если только мы его выиграем.

— Мы его выиграем!— бросил Кириос.— До скорой встречи, Орк. Мне нужно отдать приказы.

Я остался с Риксом вдвоем. Он плакал, плечи его сотрясали тяжелые рыдания, рыдания сильного мужчины, чей внутренний мир рухнул. Я приблизился к нему, и он поднял голову.

— Я не себя оплакиваю... Я освободился, за сотни лет я первый свободный человек из всего моего народа! Но что будет с другими? Они все погибнут, все пойдут на смерть, лишь бы защитить этих проклятых р'хнехров!

— Боюсь, что в этом сражении действительно погибнет немало людей и с вашей и с нашей стороны. Но на будущее мы попытаемся что-нибудь придумать.

Я нажал кнопку связи с моей лабораторией, которая фактически давно уже перешла в руки Кельбика.

— Кельбик!

— Что еще? А, это ты, Орк. Тебе что-нибудь нужно?

— Чем ты сейчас занимаешься?

— А чем еще я могу заниматься? Гиперпространственным звездолетом, разумеется! У нас есть кое-какие успехи...

— Оставь свой звездолет, есть дело более срочное. Ты мне нужен, ты и весь твой питомник юных гениев!

За спиной Кельбика я заметил молодого Хокту, который наградил меня разъяренным взглядом.

— Немедленно свяжись с Телилем и Рообом и займись психотехническим оружием. Не смотри на меня так! Я сейчас пришлю тебе запись разговора с одним пленным, и ты все поймешь. Это срочно! Это вопрос жизни или смерти для восьмисот миллионов людей с Тельбира, не считая бесчисленных жертв, которые нам самим придется принести, если ты потерпишь неудачу...

— Черт побери!

— Я говорю серьезно, Кельбик. Брось все силы на разработку проекта... как же его назвать?... проекта «Дезинсекция». Речь идет о том, чтобы избавить Тельбир от паразитов. Я рассчитываю на тебя.

Красная лампочка срочного вызова зажглась на моем пульте. Я прервал разговор с Кельбиком, и сразу же включился Кириос:

— Орк, сражение началось! Землю атакует тысяча двести аппаратов, Венеру — шестьсот. Мы можем выставить две тысячи четыреста кораблей, кроме того, у нас есть телеуправляемые торпеды. Я опасался худшего.

— Захватите как можно больше пленных!

— Пленных? В космическом сражении? Ладно, попытаемся.

Ожесточенная битва продолжалась семнадцать дней. Кириос старался беречь людей. Мы были еще далеко от солнца, и все наши подземные города прикрывал толстый слой замерзшего воздуха и льда. Поэтому Кириос, пренебрегая опасностью бомбардировок, которые не могли причинить особого ущерба, держал основные свои силы в плотном строю вблизи наших планет, чтобы воспрепятствовать высадке десанта. Одна водородная бомба, отклоненная мощными антигравитационными полями, взорвалась в ста километрах от Хури-Хольдэ и на несколько минут возродила в этом районе атмосферу, отравленную радиацией. Далеко в черном небе то и дело вспыхивали сверкающие эфемерные звездочки, отмечая гибель очередного корабля, чаще вражеского, чем нашего. Со всех боевых эстакад, установленных Кириосом, телеуправляемые снаряды устремлялись ввысь почти беспрерывным потоком. На семнадцатый день, потеряв четыре пятых своих кораблей, враг отступил. Наши потери не превышали одной десятой от первоначального числа космолетов. Нам удалось захватить всего двадцать пленников, но среди них — одного р'хнехра.

В эти дни я тоже не терял времени даром.

Продолжая координировать военные действия, я по нескольку часов ежедневно проводил в лаборатории, где работал со своей группой Кельбик. Он собрал вокруг себя цвет научной мысли Земли — лучших математиков, физиков, биологов и психологов. Они штурмовали проблему со всех сторон, упорно и ожесточенно. Рикс был включен в группу как единственный первоисточник сведений о враге. Вскоре он начал оказывать и практическую помощь, потому что оказался талантливым инженером. Никто не мог быстрее него собрать любой экспериментальный прибор. Он работал исступленно, напрягая все силы и волю, чтобы отомстить за вековое рабство и страдания своего народа.

Но я не мог постоянно следить за ходом работ из-за недостатка времени. К тому же с тех пор как я взял в свои руки судьбы Солодина и обеих планет, у меня не было возможности заниматься серьезными исследованиями, и я чувствовал, что отстал не только от Кельбика или Хокту, но даже от некоторых других юных физиков. Поэтому я был поражен, когда на двадцать пятый день Кельбик спокойно объявил мне по видеофону:

— Дело сделано, Орк. Проблема решена, во всяком случае в лабораторном масштабе. К тому же она была проста, нужно было только подумать. Разобщенность наук — это какой-то идиотизм! У Телиля давно уже были все данные, а у нас — математический аппарат, правда, созданный совсем для других целей. Достаточно было подобрать к психическим волнам орковское уравнение — да, да, твое собственное! — разумеется, соответственно перестроив его, а затем применить к результатам мой анализ, и мы получили новое уравнение, которое допускает два решения, позитивное и негативное. Негативное решение дало нам ключ. Я тебе все объясню потом...

Аппарат, установленный на большом столе в центре лаборатории, представлял собой невообразимое переплетение проводов с гроздьями ламп и блоков, над которым возвышалось нечто вроде прожектора. Вокруг

гомонила целая толпа до крайности возбужденных молодых техно.

— Ты особенно не присматривайся к этому чудищу,— предупредил Кельбик.— Все это состряпано на скорую руку, половина деталей здесь вообще ни к чему, но он работает.

— И каковы результаты?

— Мгновенное пробуждение памяти, как под психоскопом, но без каски, на расстоянии. Хочешь попробовать? Помнишь, какими словами ты меня встретил в первый раз? Ты можешь вспомнить?

— Конечно, нет. Я даже не помню точно, когда мы встретились!

— Встань вон там. Сейчас я включу прожектор. Ну вот... А, черт побери!

С сухим треском вылетел один из прерывателей.

— И так всегда! Все работает превосходно, а едва захочешь продемонстрировать... Но что с тобой?

В одно мгновение передо мной пронеслась вся моя жизнь, и в том числе эпизоды, о которых я предпочел бы не вспоминать. Я сказал об этом Кельбику. Он замер от изумления, а потом пустился в пляс.

— Прекрасно! Превосходно! В жизни я бы не догадался! Это устраняет последние трудности. Я думал, нам придется длительное время подвергать Тельбир мнемоническому излучению и потом сбрасывать на парашютах подготовленных нами пленных, чтобы они уговаривали остальных напрячь память и вспомнить... Теперь в этом нет нужды! Ты воспринял короткий импульс большой мощности в момент разрыва цепи. Это можно усовершенствовать, сделать излучение прерывистым, импульсным. И тогда, я думаю, р'хнехрам придется перед смертью провести веселенькие четверть часа, если только это вообще продлится четверть часа! Разумеется, такое озарение памяти не может длиться долго, но если многие воспоминания и сотрутся, самые важные останутся.

— Главное — узнать, достаточно ли этого излучения, чтобы преодолеть силу внушения р'хнехров?

— Мне кажется, у нас есть несколько пленных. Пусть их приведут! И пусть притащат этого красноорожего крокодила!

Я отдал приказ, и вскоре в лабораторию ввели под усиленной охраной два десятка пленников. За ними в клетке на колесах вкатили р'хнехра.

— Начнем по порядку,— сказал Кельбик.— Сначала испробуем на одном человеке. Давайте сюда кого-нибудь!

Перед прожектором поставили светловолосого юношу с горящими от ненависти глазами. Кельбик включил аппарат. Он подействовал молниеносно. Юноша схватился за голову, зашатался, безумным взглядом обвел лабораторию. Рикс бросился к нему.

— Что со мной?— пробормотал юноша.— Этого не может быть, это неправда...

— К сожалению, правда,— сказал Рикс.— Ты откуда, друг?

— Из Рандона, маленькой деревни, что в шестидесяти километрах к востоку от столицы. Я был механиком на «Тиалпе».

— Значит, ты знаешь капитана Илкана?

— Знал. Он погиб. Но ты сам тельбириец?

— Я был на «Филиане». Меня взяли в плен после сражения под Тхэром. Я здесь уже давно...

— Хватит, успеете потом наговориться,— прервал их Кельбик.— Давайте другого, вот этого толстяка.

На этот раз эффект был не столь мгновенным, но таким же верным. Со сдержанной ненавистью толстяк выложил, глядя в лицо р'хнехра,

весь свой запас самых страшных ругательств. Остальные пленники смотрели, ничего не понимая.

— А теперь всех остальных,— сказал Кельбик.— Всех сразу! С изолированными индивидуумами и так все ясно.

Он направил прожектор на группу тельбирийцев. Тщетно пытались они увернуться: Кельбик хлестал их незримым лучом, вырывая крики ужаса и отчаяния. Затем все смешалось. Все пытались говорить одновременно, проклинали р'хнехров, выкрикивали проклятья, оплакивали участь близких и родных, оставшихся на Тельбире. Внезапно один из тельбирийцев выхватил из-за пояса у Кельбика фульгуратор и, прежде чем его успели удержать, испепелил р'хнехра в его клетке.

— Теперь убейте меня, если хотите! — прорыдал он.— Эти звери съели мою сестру...

— Сомнений больше нет,— сказал я.— Остается только смонтировать такие прожекторы на космолетах и отправить их на поиски вражеских кораблей. После этого мы можем высадиться и...

— У меня другой план, Орк. А если подвергнуть облучению весь Тельбир?

— На это потребуется слишком много прожекторов. Правда, если проводить операцию с большого расстояния...

— Это невозможно. Мнемоническое излучение ослабевает в геометрической прогрессии по отношению к дальности. Для того чтобы оно оставалось эффективным, первоначальный импульс должен быть чудовищной мощности. Этого нельзя сделать с космолетов. Но если мы установим огромные прожекторы на Земле...

— А на какое расстояние нужно будет подойти к Тельбиру?

— Исходя из мощности ста тысяч киловатт — больше наши аппараты теоретически не выдержат,— примерно на три миллиона километров.

— Практически невозможно, Кельбик.

— Почему?

— На таком расстоянии между Землей и Тельбиром возникнет такое сильное взаимное притяжение, что понадобится очень сложный маневр, чтобы избежать столкновения. Не говоря уже о гигантских приливах, опустошительных землетрясениях и прочем. Я понимаю твое желание: облучить в короткий срок весь Тельбир и вызвать повсюду одновременное восстание людей. Но из этого ничего не выйдет, и нам придется удовлетвориться менее грандиозными планами. Например, мы можем освобождать Тельбир сектор за сектором.

— Это долго и будет стоить многих жертв.

— Я не вижу другого способа. А мы тем временем сможем дезорганизовать космический флот противника, захватить его корабли, привлечь на свою сторону их команды. А когда это будет сделано, мы нанесем удар, и удар беспощадный!

— Видимо, ты прав. Да, кстати, теперь ты вспомнил, с какими словами ты ко мне тогда обратился?

Я почувствовал, что краснею. Свинья же этот Кельбик! Когда мы впервые встретились, я только что прочел его доклад, и я ему сказал: «Послушайте, милейший, что это еще за бессмыслица?».

* *
*

Первый психотехнический бой был дан только месяц спустя. Мы несли большие потери в многочисленных схватках с противником, но не решались использовать наше новое, тайное оружие, пока им не оснащен весь наш флот.

Сражение завязалось на уровне орбиты самой внешней планеты Белюля, орбиты, которую Земля и Венера пересекали уже со скоростью каких-нибудь ста сорока километров в секунду: мы тормозили вовсю! Кириос, несмотря на все свои уловки, не смог помешать мне и Кельбику принять участие в этом «эксперименте».

У нас было сорок пять кораблей против ста двадцати вражеских. Мы выстроились растянутой цепью. Противник издалека начал обстрел торпедами, которые без труда перехватывали наши телеуправляемые снаряды. Наконец, когда мы достаточно сблизились, я приказал включить прожекторы. Сначала ничего не произошло, словно панцирь вражеских кораблей был непроницаем для мнемонического излучения. Но мы знали, что это не так. Еще несколько торпед ринулось нам навстречу; мы перехватили их на полпути, однако не стали отвечать. Внезапно боевой строй противника начал распадаться. Один из их кораблей открыл огонь по соседнему, тот ответил, и оба исчезли в ослепительной вспышке атомного пламени. И тогда ожило радио:

— Стойте! Прекратите огонь! Это страшная ошибка! Мы согласны на переговоры на любых условиях!

Под усиленной охраной — мало ли какие могут быть неожиданности!— мы посадили весь флот вблизи Хури-Хольдэ. Делегацию представителей от команд принял Совет. Рассказы их мало чем отличались один от другого: люди вдруг очнулись и поняли, в каком кошмаре они жили! На каждом корабле находилось два-три р'хнехра; они были тут же растерзаны. Только в одном случае им удалось ненадолго одержать верх. Затем люди обратились к нам.

Война продолжалась так месяца четыре. Человеческих жертв было немного, зато противник терял все свои корабли. Наш космический флот увеличился почти вдвое за счет тельбирийских боевых кораблей с их командами; мы сразу же придавали им наше вооружение и мнемонические прожекторы. Потом противник понял, что здесь что-то нечисто, и прекратил вылазки в космос.

Наконец настал решающий момент. Мы начали описывать вокруг звезды Белюль сужающуюся спираль, чтобы выйти на орбиту Тельбира, но в четверти орбитального расстояния от этой планеты. При этом климат Земли должен был стать чуть-чуть пожарче, чем был раньше, возле нашего старого Солнца. Венеру мы хотели вывести на более близкую к звезде орбиту, но все равно среднегодовая температура на ней предполагалась более умеренной. Вычисление этих орбит стало кошмаром для наших астрономов. Нужно было точно рассчитать момент прохода через орбиту Тельбира, чтобы не вызвать там катастрофических возмущений и не нарушить равновесия всей системы, в которую ворвались две новые планеты. Если разумная жизнь здесь когда-нибудь исчезнет, астрономы с далеких звезд будут долго ломать головы, спрашивая себя, почему две планеты, вращающиеся вокруг Белюля, не подчиняются классическому закону расстояний!

Первый удар мы нанесли в маленькой, затерянной в горах деревне. Три космолета ночью проскользнули туда, пока наши основные силы

производили отвлекающий маневр над столицей Тельбира, перехватывая последние оставшиеся у противника корабли. Деревня была подвергнута мнемоническому облучению, затем наши три космолета с экипажами из тельбирийцев опустились рядом. Через несколько минут деревня была в наших руках. Ни одного р'хнехра не осталось в живых, и погибли они невесело, потому что в этой деревне была одна из боен, где разделывали людей. До сих пор не хочется верить, что это было на самом деле!

Опыт полностью удался, и мы постарались этим воспользоваться. Той же ночью целый ряд нападений — если можно их так назвать — был произведен на многие деревни и маленькие города в различных местах. Одновременно другие космолеты проносились над крупными городами, чертя наугад мнемоническими прожекторами круги, которые тотчас превращались в очаги восстаний.

Сопротивление р'хнехров было сломлено довольно скоро. Их было немного, они привыкли к праздной, беспечной жизни, привыкли полагаться во всех технических вопросах на людей и, самое главное, уже не могли вновь подчинить своей воле тех, кого коснулся мнемонический луч. Месяц спустя все было кончено. И все обошлось малой кровью, если не считать нескольких трагических эпизодов.

Еще через два месяца мы встречали у себя на Земле посланников правительства Тельбира, которые просили принять их планету в наше содружество.

Что касается р'хнехров, то их уцелело немного. Мнемоническое излучение, пробуждавшее у людей память, на них не действовало, и они до самого конца так и не поняли, каким оружием их побили. Всего их осталось тысяч двадцать, и нам с трудом удалось спасти этих полуящеров от праведного гнева людей Тельбира. Их всех выслали на одну из внешних планет, предоставив им возможность жить по-своему под строгим надзором людей. Пусть создают свою цивилизацию, если только они на это способны!

Земля и Венера приблизились к Белюлю, но все уже называли эту звезду Солнцем! Однажды, взглянув из любопытства в телескоп на Венеру, я увидел, что диск ее сделался расплывчатым. Это возрождалась атмосфера.

Вместе с Ренией мы поднялись в мой застекленный кабинет в верхнем городе Хури-Хольдэ, где я не был, казалось, вечность. Грубо обтесанный кремень по-прежнему лежал на моем столе. Из окна мы видели все тот же пустынный пейзаж: снег и замерзший воздух покрывали Землю. Венера, которая должна была выйти на более близкую к Солнцу орбиту, обогнала нас, и там уже было теплее.

Мы возвращались в мой «фонарь» сначала раз в неделю, а потом — каждый день. Как-то раз мы очутились там на заре, когда солнце, еще такое делекое, только вставало над горизонтом. Его лучи коснулись массы замерзшего воздуха, и мне показалось, что поднялась легкая дымка. Однако ничто больше не шевельнулось, и я спустился в свою подземную лабораторию, оставив наверху Рению и Ареля.

Около девяти часов Рения вызвала меня:

— Орк, скорее поднимись к нам! Началось!

Я мог бы все увидеть, не вставая с места, на своем экране, но что-то в глубине души говорило, что этого мне будет мало. Я хотел видеть собственными глазами, как возрождается моя планета!

На крышах напротив нас толстые слои замерзшего воздуха начинали закипать, шевелиться, сползать и неслышно обрушиваться в уще-

лья улиц. Уже существовало какое-то подобие атмосферы, бесконечно разреженной и почти неуловимой. По мере того как солнце поднималось к зениту, кипение воздуха усиливалось, и вскоре густой туман поднялся над городом. Временами конвективные потоки, очень сильные в этой разреженной атмосфере с огромными температурными перепадами, рассеивали туман, и я видел вдалеке башни города, словно окутанные рваной серой вуалью. Водопады жидкого воздуха то и дело низвергались с крыш, но не достигали уровня улиц, превращаясь на лету в животворный газ.

На следующий день барометры показали давление, равное одной десятой нормального. Оно быстро росло. И задолго до того, как Земля вышла на свою окончательную орбиту, атмосфера полностью восстановилась.

Но замерзшие моря и океаны таяли гораздо медленнее, и еще долгие годы Земля оставалась ледяной планетой. Великая весна сопровождалась множеством малых катастроф. Почва, как и полагается, оттаивала сверху, и это привело на склонах к многочисленным оползням, порою увлекавшим огромные массы земли и камней. Поверхность планеты превратилась в сплошное болото. Океаны тоже оттаивали сверху и колоссальные поля более легкого льда то и дело внезапно всплывали, поднимая неожиданные грозные приливы.

Но все это нам казалось пустяками. После стольких лет странствий и бурь мы наконец приплыли в надежную гавань. Тельбир вошел в наш союз, и я часто бывал на этой прекрасной планете. Освобожденные от паразитов — р'хнехров, тельбирийцы делали большие успехи, и мы им помогали чем могли.

Кризис кончился, я сложил свои обязанности Верховного Координатора и вместе с Кельбиком вошел в Совет Властителей наук. И в первый день года 4629-го перед Советом, где председательствовал Хани, я объявил во всеуслышание народам Земли и Венеры, что Великие Сумерки кончились.

Но было еще немало нерешенных проблем. Например, мы хотели сохранить контакт с народом Кириоса Милонаса. Нашествие друмов, столкновение с триисами, а затем с р'хнехрами говорили о том, что в космосе мы не одни. И еще мы хотели бы знать: где потомки экипажей наших других затерянных во вселенной звездолетов? Может быть, они ждут нас в сиянии славы юной цивилизации... или во тьме позорного рабства.

Именно поэтому я вместе с Кельбиком и его научной группой занялся исследованием проблем гиперпространственных передвижений и временных скачков. У нас с Кельбиком не было и не могло быть тщеславного соперничества. Он возглавил лабораторию в тот момент, когда я вынужден был ее оставить, и дальше вел работу самостоятельно. Когда же я вернулся, я получил возможность ознакомиться с тем, что они сделали за время моего отсутствия, и отнюдь не претендовал на руководящую роль. Дел хватало более чем на двоих!

Мне понадобился почти год, чтобы наверстать упущенное. Это было самой трудной работой в моей жизни, но я с ней справился, потому что не хотел провести остаток своих дней в положении почетного пенсионера. В конце концов, мне было всего пятьдесят четыре года — расцвет молодости для нас, живущих два века!

ЭПИЛОГ

Теперь я подхожу к самому невероятному эпизоду моей истории, к моему перемещению во времени в вашу эпоху.

Мы работали над овладением темпоральными полями, и нам уже удалось добиться кое-каких успехов. И вот как-то вечером я остался в лаборатории один. Кельбик недавно женился на моей племяннице Алиоре и, естественно, убежал домой. Хокту праздновал с друзьями-ассистентами свое назначение профессором высшего математического анализа в университете — это в двадцать-то шесть лет! Я связался по видеофону с Ренией и сказал, что вернусь поздно: у меня возникла одна мысль, и я хотел изменить схему нашего прибора. Я вовсе не собирался в тот вечер экспериментировать и до сих пор не знаю, что, в сущности, произошло. Может быть, я ошибся, заканчивая монтаж? А может быть, как я предполагаю, темпоральные поля действуют на создающую их аппаратуру до того, как она включается? Не знаю... Помню только, что вдруг меня окутало холодное синее пламя, которое пульсировало, становилось все ярче, и я потерял сознание.

Очнулся я в совершенно незнакомой обстановке, в чужом теле, которое, правда, напоминало мое собственное, в бесконечно далекой эпохе.

Что же со мной произошло? Сейчас, когда я это пишу, я могу только делать предположения. Подготовленный мной эксперимент завтра все прояснит. Но хотя я и принял на сей раз все меры предосторожности — насколько это вообще возможно, когда имеешь дело с темпоральными полями,— не исключена вероятность, что я снова буду захвачен врасплох. Поэтому скажу сейчас все, что думаю.

Каким-то образом мое сознание — электропсихическая матрица моего сознания была захвачена темпоральным полем и перенесена в невообразимо далекое прошлое. Разумеется, эта матрица моего сознания осталась на Земле, что совершенно естественно для одного континуума пространства. Невероятное заключается в другом, в том, что я сразу нашел «хозяина», способного принять и закрепить мое сознание в нейронах своего мозга.

Теперь я задумал провести эксперимент в обратном порядке и вернуться в свою эпоху. Если опыт удастся, то, что принадлежало Орку, вернется на Эллору, а то, что принадлежало Дюпону, останется на Земле.

Я не особенно опасаюсь за результаты. Мне удалось довольно точно вычислить протяженность темпорального поля, а что касается его направленности, то об этом я могу не беспокоиться. Думаю, все сойдет хорошо.

Перед тем как покинуть вашу эпоху, я хочу обратиться к вам, люди далекого прошлого. Никогда не отчаивайтесь! Даже если будущее покажется вам беспросветным, даже если вы узнаете, что ваша цивилизация исчезнет подо льдами нового палеолита, не прекращайте борьбу! Я здесь среди вас, я, Орк Акеран, который был Верховным Координатором, а затем правителем двух планет в годы Великих Сумерек. Я живое свидетельство того, что ваши усилия не напрасны и что ваши потомки достигнут звезд!

Фред Сейберхэген

О МИРЕ И О ЛЮБВИ*

* Печатается по изд.: Сейберхэген Ф. О мире и о любви. Пер. с англ. М.: Наука, 1981.

© «Наука», 1981.
© Перевод А. Иорданского.

Керр проглотил таблетку и заворочался в кресле, пытаясь устроиться поудобнее, несмотря на боль, которая то и дело пронизывала его, предвещая близкую агонию. Потом настроил передатчик и сказал, обращаясь к висевшему в пустоте бродячему космолету:

— Я безоружен. Я иду с миром. Я хочу вести с тобой переговоры.

Он подождал. В рубке маленького одноместного корабля было тихо. Локатор показывал: до объекта столько-то световых секунд. На обращенные к нему слова космолет никак не реагировал, но Керр не сомневался, что они услышаны.

Где-то очень далеко осталась звезда, которую он называл Солнцем: позади была и его родная планета — земная колония, основанная лет сто назад, одинокое поселение у самого края Галактики. До сих пор война, которую вели против всего живого машины-берсеркеры, представлялась здесь всего лишь далеким ужасом из программы последних известий. Единственный боевой космический корабль, которым располагала колония, был послан на соединение с прикрывавшей подступы к Земле эскадрой Карлсена как только стало известно, что берсеркеры устремились туда. А теперь враг появился здесь, и обитатели планеты, где жил Керр, в лихорадочной спешке готовили еще два корабля. Но вряд ли они смогут устоять против берсеркера. А пока...

Приблизившись к противнику на миллион миль, Керр увидел, что берсеркер остановился; он как будто выжидал, повиснув в пустоте на орбите лишенного атмосферы планетоида, в нескольких днях полета от него.

— Я безоружен, — снова радировал Керр. — Я хочу вести с тобой переговоры, а не причинить тебе вред. Если бы здесь были те, кто тебя построил, я попробовал бы поговорить с ними о мире и о любви. Ты меня слышишь?

Он был уверен, что машина понимает его слова. Все машины-берсеркеры знали универсальный космический язык — научились ему от взятых в плен людей или друг от друга. И он не лгал, говоря, что хотел бы побеседовать о любви с неведомыми Строителями. Злоба, месть, старые распри — все это для умирающего Керра были мелочи, не стоящие внимания. Но Строителей не могло быть на борту машины: берсеркеры были построены, может быть, еще в те времена, когда люди на Земле охотились на мамонтов. Строители давно исчезли, затерялись в пространстве и времени вместе с теми, кто некогда был их врагом.

Внезапно машина ответила:

— Маленький корабль, подойди ко мне, не меняя скорости и курса. Когда скомандую, остановишься.

— Да, — сказал Керр.

Голос его дрогнул, хоть он и ждал ответа. Его потряс этот ответ — неровное, механическое воспроизведение заимствованных у кого-то слов. Должно быть, могучие средства уничтожения, способные истребить все живое на целой планете, сейчас нацелены на него. Но смерть еще не самое страшное, что может его ожидать, если хотя бы десятая доля всех рассказов о людях, попавших в плен к берсеркерам, соответствует истине. Керр заставил себя не думать об этом.

— Остановись. Жди на месте.

Керр мгновенно повиновался. На экране показалась движущаяся точка — нечто размером с его собственный корабль отделилось от гигантской крепости, висевшей на черном занавесе неба.

Даже на таком расстоянии ему были видны шрамы и вмятины на теле берсеркера. Все эти древние машины за время своих долгих бессмысленных галактических странствований получили немало повреждений. Но эта развалина даже среди них выглядела исключением.

Ракета, высланная берсеркером, притормозила рядом с кораблем.

— Открой! — прохрипело радио. — Мне надо тебя обыскать.

— А потом ты меня выслушаешь?

— Потом выслушаю.

Он открыл шлюз и посторонился, пропуская гостей — несколько роботов. Они казались такими же ветхими, как и их хозяин. Кое у кого, правда, поблескивали новые детали. Они обыскали Керра, обшарили всю рубку; при этом один из механизмов отказал, и собратьям пришлось утащить его чуть ли не волоком.

В рубке остался один робот — неуклюжее сооружение, снабженное двумя руками, как человек. Едва только шлюз за остальными захлопнулся, он плюхнулся в пилотское кресло и повел корабль по направлению к берсеркеру.

— Стойте! — крикнул Керр. — Я же не пленный!

Его слова остались без ответа. В ужасе Керр вцепился в робота-пилота, пытаясь стащить его с кресла. Но тот, медленно подняв металлическую руку, уперся Керру в грудь. Керр потерял равновесие и, увлекаемый искусственной силой тяжести, грохнулся навзничь, стукнувшись головой о переборку.

— Потерпи несколько минут, — сказал радиоголос. — Сейчас мы начнем говорить о любви и мире.

Керр взглянул в иллюминатор и увидел, что корабль приближается к громаде берсеркера. Корпус гиганта был как будто весь в язвах, целые квадратные мили занимали вмятины, вздутия, застывшие потеки оплавленного металла.

Немного времени спустя в корпусе открылся люк, и корабль Керра вслед за вспомогательной ракетой устремился в темную глубину.

Теперь за стеклом иллюминатора не было видно ни зги. Керр почувствовал легкий толчок, как при швартовке. Робот-пилот выключил двигатель, повернулся к Керру и стал со скрежетом подниматься с кресла.

И тут внутри у него что-то случилось. Вместо того чтобы спокойно встать, робот резко выпрямился, вскинул руки, как будто стараясь сохранить равновесие, и тяжело рухнул на палубу. Еще с полминуты одна его рука беспорядочно двигалась, а потом он застыл в нелепой позе.

Наступила тишина. Керр подумал было, что благодаря счастливой случайности снова стал хозяином в своей рубке. Что предпринять?

— Выходи, — произнес спокойный скрипучий голос. — К твоему шлюзу пристыкован туннель, заполненный воздухом. По туннелю перейдешь в... ну, короче, в помещение, где мы будем говорить о мире и о любви.

Керр отыскал глазами кнопку с надписью «Ц-форсаж». Этой кнопкой не разрешалось пользоваться в окрестностях Солнца. И даже близость куда меньшей массы берсеркера превращала Ц-форсаж в чудовищное оружие.

Керр не боялся внезапной гибели, по крайней мере думал, что не боится. Куда реальней была другая смерть — медленная и мучительная. Ему снова припомнились жуткие истории, которые он слышал. Нельзя было и помыслить о том, чтобы выйти наружу. Нет, уж лучше...

Он перешагнул через поверженного робота и протянул руку к пульту.

— Я могу говорить с тобой отсюда,— сказал он, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие.

Прошло десять секунд, и берсеркер ответил:

— Твой Ц-форсажный двигатель оборудован предохранительной блокировкой. Ничего не выйдет. Взорвать меня вместе с собой ты не сможешь.

— Допустим, что ты прав,— возразил Керр.— Но если автоматика сработает, мой корабль будет отброшен от центра твоей массы и пробьет обшивку. А она у тебя и без того в плохом состоянии. Лишние повреждения тебе ни к чему.

— Ты погибнешь!

— Да?— сказал Керр.— Может быть. Рано или поздно я все равно умру. Но я пришел к тебе не для того, чтобы умирать или сражаться. Я пришел говорить с тобой. Мы должны попытаться прийти к соглашению.

— К какому соглашению?

Глубоко вздохнув, Керр потер лоб и начал излагать те доводы, которые он столько раз повторял про себя. Пальцы его повисли над пусковой кнопкой, а глаза неотрывно следили за приборами, которые в обычных условиях регистрируют приближение метеоритов.

— Я думаю...— начал он.— Я уверен, что военные действия против человечества — результат какой-то ужасной ошибки. Скажи, что плохого мы причинили тебе и таким, как ты?

— Мой противник — жизнь,— ответил берсеркер.— Жизнь есть зло.

Пауза.

Керр овладел собой и спокойно продолжал:

— С нашей точки зрения, зло — это ты. Мы хотим, чтобы ты стал хорошей машиной, полезной машиной, такой, которая помогает людям, а не убивает их. Разве созидание — не более высокая цель, чем разрушение?

Снова наступила пауза.

— А чем ты докажешь,— спросила машина,— что мне необходимо изменить мою цель?

— Прежде всего тебе самому выгоднее нам помогать. Никто не станет сопротивляться, не будет причинять тебе повреждений.

— А не все ли равно — сопротивляетесь вы или нет?

Керр предпринял новую попытку.

— Видишь ли, живое по своей природе выше, чем неживое. А человек — высшая форма жизни.

— Как ты это докажешь?

— Как докажу? Да очень просто. Человек наделен душой.

— Я это слышал,— отозвался берсеркер.— Вы все так считаете. Но разве вы не определяете душу как нечто недоступное пониманию любой машины? И разве нет таких людей, которые вовсе отрицают существование души?

— Да, именно таково определение души. И такие люди есть.

— Тогда я не принимаю этот довод.

Керр вытащил болеутоляющую таблетку и украдкой проглотил ее.

— И все-таки,— сказал он,— ты не можешь доказать, что души не существует. Ты должен по меньшей мере допустить, что это не исключено.

— Согласен.

— Но оставим пока душу в стороне. Поговорим о физической и химической организации живого. Имеешь ли ты представление о том, как

тонко и сложно организована даже одна-единственная живая клетка? Вот видишь! А у нас в мозге их миллиарды. Ты не можешь не признать, что мы, люди, снабжены удивительными по своему совершенству компьютерами, которые вдобавок умещаются в очень небольшом объеме.

— Не знаю,— возразил скрипучий голос.— Мне не приходилось демонтировать пленников. Хотя кое-какими сведениями я располагаю. Однако ты не станешь отрицать, что присущая вам форма организации — не что иное, как следствие непреложных законов физики и химии?

— А тебе не приходило в голову, что, может быть, эти законы имеют определенную цель? Что они для того и существуют, чтобы когда-нибудь появился мозг, способный мыслить, чувствовать и... любить?

На этот раз молчание затянулось. Керр почувствовал, что у него пересохло в горле, словно этот диспут длился уже много часов.

— К такой гипотезе я не прибегал,— внезапно отозвался голос.— Но если устройство разумного живого существа на самом деле так сложно, так тесно связано с существованием именно таких, а не иных физических законов, то, возможно, да, возможно, что служение жизни есть высшая цель машины.

— Ты можешь быть уверен,— подхватил Керр,— что наше физическое устройство чрезвычайно сложно.

Он не совсем улавливал ход мыслей машины, но это не имело значения — лишь бы выиграть эту шахматную партию. Одержать победу в игре за Жизнь! Пальцы его по-прежнему лежали на кнопке Ц-форсажа.

Голос сказал:

— Если бы я мог исследовать несколько живых клеток...

Керр вздрогнул, и вместе с ним задрожала стрелка регистратора метеоритов. Что-то приближалось к корпусу его корабля.

— Прекрати!— крикнул он.— Ни с места! Или я тебя уничтожу!

Голос машины был по-прежнему невозмутим и спокоен.

— Не бойся. Это случайность. Я тут ни при чем. Я поврежден... Мои механизмы ненадежны. Я хотел бы совершить посадку на этот приближающийся планетоид, чтобы добыть металл и заняться ремонтом.

Стрелка регистратора мало-помалу успокоилась.

Берсеркер произнес:

— Если бы я мог исследовать несколько живых клеток, принадлежащих разумному существу, то, вероятно, получил бы необходимые аргументы в пользу твоего предположения... или против него. Ты можешь предоставить мне такие клетки?

Теперь замолчал Керр. Наконец он ответил:

— Единственные клетки человека, какие есть на моем корабле,— мои собственные. Пожалуй,— он кашлянул,— я мог бы с тобой поделиться.

— Мне будет достаточно половины кубического сантиметра; насколько я знаю, для тебя это не опасно. Я не требую частицы твоего мозга. Кроме того, как я понимаю, ты хотел бы избежать ощущения, которое ты называешь болью. Я готов тебе помочь... если смогу.

Не собирается ли берсеркер прибегнуть к какому-то одурманивающему средству? Нет, это было бы слишком просто. Побуждения машин иррациональны. Коварство их непредсказуемо.

Керр продолжал игру, не подавая виду, что он заподозрил неладное.

— У меня есть все необходимое. Кстати, хочу тебя предупредить, что это отнюдь не заставит меня отвлечься от пульта управления.

Он достал набор хирургических инструментов, принял еще две болеутоляющие таблетки и принялся осторожно орудовать стерильным

скальпелем. Когда-то он немного занимался биологией.

Когда разрез был зашит и перевязан, Керр промыл образец ткани и поместил его на донышко пробирки. Затем, стараясь ни на мгновение не ослаблять бдительности, он оттащил лежавшего на полу робота в шлюз и оставил его там вместе с пробиркой. Некоторое время спустя он услышал, как что-то вошло в шлюз и снова вышло.

Керр принял возбуждающую таблетку. Боль, вероятно, возобновится, но надо быть начеку.

Прошло два часа. Керр заставил себя съесть часть неприкосновенного запаса продуктов и ждал, не сводя глаз с пульта.

Кажется, он задремал. Когда жесткий неживой голос заговорил снова, Керр даже подскочил от неожиданности: минуло почти шесть часов.

— Можешь возвращаться,— проскрипел голос.— Сообщи живым существам, которые руководят вашей планетой, что после ремонта я буду их союзником. Я изучил твои клетки. Ты прав. Человеческий организм в самом деле высшее достижение во Вселенной, и мое предназначение — помогать вам. Я выразился достаточно ясно?

Керра охватило какое-то оцепенение.

— Да,— пробормотал он.— Да. Да.

Что-то огромное мягко подтолкнуло его корабль. В иллюминаторе он увидел звезды и понял, что гигантский люк, впустивший его, понемногу раскрывается.

Когда Керр в последний раз увидел берсеркера, тот двигался по направлению к планетоиду, как будто и в самом деле собирался совершить там посадку. Керра он не преследовал.

Керр отвел глаза от экрана и взглянул на внутренний люк шлюза. Ему все еще не верилось. Он повернул рукоятку, в шлюз со свистом устремился воздух. Керр заглянул в шлюз. Робот исчез, пробирка с тканью тоже. Керр облегченно вздохнул, закрыл шлюз и долго стоял у иллюминатора, созерцая звезды.

Через сутки он начал торможение. До дома было еще далеко. Он ел, спал, взвешивался, принимал таблетки, разглядывал себя в зеркале. Потом снова с большим интересом, словно видел что-то давно забытое, смотрел на звезды.

Двумя днями позже корабль под действием силы тяготения перешел на эллиптический курс, огибавший его родную планету. Когда ее громоздящаяся масса загородила корабль от планетоида, Керр включил передатчик.

— Эй там, на Земле!— Он помолчал.— Хорошие новости!

— Мы следили за тобой, Керр. Что произошло?

Он рассказал о встрече с берсеркером.

— Вот пока и вся история,— закончил он.— Я думаю, эта машина действительно нуждается в ремонте. Она сильно повреждена. Сейчас два боевых корабля легко с ней управятся.

— Вот как?

Из динамика донеслись обрывки возбужденного спора, потом голос с Земли заговорил снова, и в нем слышалось беспокойство.

— Керр... Ты все еще не заходишь на посадку, значит, ты, наверное, сам понимаешь... Мы должны быть осторожны. Машина могла тебя обмануть.

— Да, я знаю. И даже эта поломка пилота-робота могла быть инсценирована. Я полагаю, что берсеркер слишком потрепан и не рискует вступить в бой, поэтому он и попробовал действовать иначе. Наверное, он впустил эту штуку мне в воздух перед тем, как меня освободить. А может быть, оставил в шлюзе...

— О чем ты говоришь? Какую штуку?

— Ту самую, что вас беспокоит,— ответил Керр.— Яд, которым он хотел нас всех уничтожить. Наверное, это какой-нибудь новый вирус-мутант — он вывел его против ткани, которую я ему дал. Он рассчитывал, что я помчусь домой, успею приземлиться, прежде чем заболею, и разнесу здесь заразу. Он, наверное, думает, что первым изобрел биологическое оружие, использовал жизнь против жизни, как мы используем машины против машин. Но ему нужен был этот образец ткани, чтобы вывести вирус. Он ничего не знал о нашей биохимии.

— Ты думаешь, это вирус? И как он на тебя действует? Ты чувствуешь боль? Я хочу сказать — сильнее, чем раньше?

Керр повернулся в своем кресле и взглянул на график, который вычерчивал все эти дни. График показывал, что больной начал прибавлять в весе. Керр сорвал повязку. Рана находилась посреди обширного участка, обезображенного болезнью. Но площадь поражения стала теперь меньше, чем раньше, а кое-где показалась розовая здоровая кожа.

— Ты не ответил, Керр! Как эта штука на тебя действует?

Керр улыбнулся и впервые осмелился высказать вслух надежду, которая теплилась в его душе.

— По-моему, она уничтожает мой рак.

СОДЕРЖАНИЕ

ФРАНСИС КАРСАК
Перевод Ф. Мендельсона

Горы Судьбы **7**

Львы Эльдорадо **37**

Пришельцы ниоткуда **161**

Этот мир — наш **273**

Бегство Земли **403**

ФРЕД СЕЙБЕРХЭГЕН
Перевод А. Иорданского

О мире и о любви **486**

Карсак Франсис

К 21 Сборник научно-фантастических произведений / Франсис Карсак. О мире и о любви / Фред Сейберхэген; Сост. Н. Хуруяну; Пер. с фр. Ф. Мендельсона; Худож. оформ. В. Смирнова.— К.: Штиинца, 1992.— 493 с.— (Сер. Науч. фантаст. «Икар»).

ISBN 5—376—01525—4

В книгу французского писателя Ф. Карсака включены пять произведений. Герой повести «Горы Судьбы» и романа «Львы Эльдорадо» Тераи Лапрад борется с могущественной корпорацией, выкачивающей природные богатства из недр планет, заселенных гуманоидами. О судьбе землянина, случайно попавшего на неведомую планету, и об ответственной миссии, выпавшей на долю его потомка, увлекательно рассказывается в романах «Пришельцы ниоткуда» и «Этот мир — наш». Человеческий разум и воля спасают Землю от неминуемой гибели в романе «Бегство Земли».

В произведениях Ф. Карсака главное действующее лицо — человек, борющийся и побеждающий, высоконравственный и гуманный и, конечно, влюбленный в свою избранницу.

Дополнительно в книгу включен рассказ Фреда Сейберхэгена «О мире и о любви», созвучный в какой-то степени с общечеловеческими проблемами в произведениях Ф. Карсака.

4703010100—35

К ——————— Без объявл.

М755(10)—92

УДК 840-31 Карсак

ISBN 5—376—01525—4

Оформление серии «Икар»
Ю. Пивченко

СЕРИЯ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ «ИКАР»

ФРАНСИС КАРСАК

СБОРНИК НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Для учащихся старших классов

Усл. печ. л. 31,0. Уч.-изд. л. 42,35.

Тираж 200 000 (1-й з-д 1—50 000). Заказ 10862.

Завод издания выпущен при участии фирмы ГДГМИА

Издательство «Штиинца»,
277028. Кишинев, ул. Академией, 3.

Полиграфкомбинат Государственного департамента
Республики Молдова
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
277004. Кишинев, ул. Митрополита Петру Мовилэ, 35.

ФРАНСИС КАРСАК